

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A7

Kovalevskii, M. M.

- Закон и обычай

Bd. Nov. 1928

HARVARD LAW LIBRARY

Received June 27, 1921

γ
Максимъ Ковалевскій.

Максимъ Максимовичъ Ковалевскій

ЗАКОНЪ И ОБЫЧАЙ

х.

НА КАВКАЗЪ.

Томъ I.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.
1890.

6/27/21.

ОГЛАВЛЕНИЕ 1-го ТОМА.

Отдѣлъ I. Народные элементы въ обычномъ правѣ горцевъ.

Стр.

I. Матріархатъ	3
II. Агнатическій родъ	28

Отдѣлъ II. Культурныя вліянія и ихъ отраженіе на обычномъ правѣ горцевъ.

I. Иранскія вліянія	83
II. Греческое и римско-византійское вліяніе	123
III. Вліяніе христіанства, каноническаго и Моисеева права	147
IV. Вліяніе армянскаго и греческаго права	159
V. Вліяніе Хазарь, Гунновъ и Болгарь	183
VI. Вліяніе Арабовъ и принесеннаго имъ шаріата	218
VII. Вліяніе Татарь, Монголовъ и Кабардинцевъ	235
VIII. Русское вліяніе	266

Предисловіе къ I-му тому.

Изученіе быта Кавказскихъ горцевъ началось уже давно. Сотни лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ генуэзецъ Интеріано и Іоаннъ Лукскій, французы—Шарденъ и Тавернье, голландецъ, Стрюисъ, нѣмецкій подданный, Олеарій, познакомили насъ съ особенностями религіознаго, общественнаго и юридическаго быта черкесовъ, горцевъ Грузіи и Осетіи и горцевъ Дагестана. Литература конца XVIII и начала текущаго столѣтія особенно богата летучими замѣтками и систематическими описаніями быта горцевъ. Съ 50 годовъ, въ слѣдъ за переходомъ многихъ изъ нихъ подъ русское владычество, начинается официальная записъ ихъ юридическихъ обычаевъ или адатовъ. Бѣглые этнографическіе очерки чередуются съ многотомными трактатами, и литература о Кавказѣ начинаетъ приобрѣтать размѣры невольно парализующіе въ каждомъ новомъ изслѣдователѣ стремленіе къ полнотѣ и всесторонности. Можно было бы ожидать, что при такихъ условіяхъ не представится затрудненія найти отвѣтъ на вопросы: что такое горскій адатъ, изъ какихъ элементовъ онъ сложился; можно ли видѣть въ немъ исключительное выраженіе народныхъ юридическихъ возрѣній, или онъ отражаетъ на себѣ также тѣ различныя воздѣйствія, какимъ въ разное время подчинялась историческая жизнь Кавказа; каково въ частности его отношеніе къ древнимъ религіозно-юридическимъ системамъ, къ Иранскому, Римскому, Византійскому, Армян-

скому и Грузинскому праву; какую печать наложили на него бродячіе народы сѣвера или прибывшіе съ востока Арабы и Персы; какое наконецъ вліяніе оказало на него насильственное сближеніе покоренной силою оружія страны съ русской культурой. По всѣмъ этимъ вопросамъ текущая литература хранить упорное молчаніе, а между тѣмъ они—тѣ самыя, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ не только научное пониманіе кавказскаго права, но и самое направленіе нашей внутренней политики въ этой окраинѣ. Не получивъ по нимъ отвѣта, невозможно, съ одной стороны, опредѣлить, въ чемъ именно заключаются оригинальныя и чисто народныя нормы кавказскаго права, а съ другой—выяснить то положеніе, какое русское законодательство и суды должны занять по отношенію къ горскому адату. Такимъ образомъ, значеніе никѣмъ доселѣ не поднятыхъ, впервые поставленныхъ въ настоящемъ трудѣ, вопросовъ, одновременно и теоретическое и практическое. Отъ ихъ скорѣйшаго рѣшенія зависятъ, на нашъ взглядъ, и дальнѣйшіе успѣхи кавказовѣдѣнія и выполненіе принятой нами культурной миссіи на Кавказѣ. Безъ опредѣленія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась кавказская гражданственность, всякія попытки достигнуть правильнаго ея пониманія неизбѣжно останутся безплодными. Точно также какъ безъ выясненія туземныхъ и чужеродныхъ элементовъ кавказскаго права, русское правительство навсегда останется въ неизвѣстности на счетъ того, что оно должно сохранить, а что отвергнуть въ дѣйствующемъ адатѣ. Этнографія и исторія обязаны на этотъ разъ придти на помощь законодательству и судебной практикѣ, выясняя имъ тотъ путь, по которому они должны идти имѣя въ виду интересы общественнаго возрожденія края. Авторъ не обольщаетъ себя мыслью, что печатаемое имъ изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ послѣднее слово по возбужденнымъ имъ вопросамъ. Онъ раздѣляетъ, наоборотъ, увѣренность въ томъ, что его выводы нуждаются въ пересмотрѣ и исправленіи со стороны мѣстныхъ изслѣдователей. Задача его слишкомъ обширна, чтобы быть выполненной съ надлежащей полнотой и обстоятельностью. Онъ еще болѣе далекъ

отъ мысли ждать скорыхъ практическихъ результатовъ отъ той новой постановки вопроса объ отношеніи обычая и закона, какую читатель найдетъ въ его трудѣ. Кто имѣлъ случай дѣйствовать на общественномъ поприщѣ, тотъ разумѣется успѣлъ отказаться отъ иллюзіи о возможности непосредственнаго практическаго воздѣйствія. Окружающая насъ со всѣхъ сторонъ рутинѣ не позволяетъ сомнѣваться, что высказываемыя авторомъ пожеланія, какъ бы скромны они ни были, осуществляются не раньше, какъ на разстояніи десятковъ лѣтъ. Русскій писатель, видящій въ торжествѣ своихъ идей, единственный стимулъ для дѣятельности, несомнѣнно отложилъ бы въ сторону перо — такъ мало надеждъ вызываетъ въ немъ дѣйствительность. Есть эпохи въ исторіи, когда путеводная нить теряется изъ глазъ, когда прошедшее перестаетъ быть залогомъ для настоящаго и будущаго, когда невольно утрачивается вѣра въ прогрессъ, въ неизбѣжность поступательнаго движенія человѣчества. Одну изъ такихъ эпохъ переживаемъ мы нынѣ. Въ созданныхъ ею условіяхъ одинокій работникъ, пишущій въ тиши кабинета для неизвѣстнаго и, можетъ быть, несуществующаго читателя, по всей вѣроятности найдетъ для своей дѣятельности нѣкоторое оправданіе.

Село Воложскій Куть.

19 сентября 1889 г

ИСТОЧНИКИ
КАВКАЗСКАГО АДАТА.

**НАРОДНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
АДАТНАГО ПРАВА.**

ГЛАВА I.

Матріархатъ.

За послѣдніе годы все болѣе и болѣе стало выясняться значеніе, какое для сравнительной этнографіи и исторіи права, не говоря уже о языкованіи и исторіи религій, можетъ имѣть всестороннее изученіе быта населяющихъ Кавказъ народностей.

Интересъ, съ какимъ встрѣчены были въ Германіи «Осетинскіе Этюды» Всеволода Миллера и составленная на основаніи ихъ работа профессора Гюбшмана объ этиологіи осетинскаго языка, готовность, съ которой такія ученые изданія, какъ *Journal des Savants*, *English Archaeological Review* и *Memorials of the Asiatic Society* готовы принять всякую статью, относящуюся къ археологіи и бытописанію Кавказа, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что европейская наука начинаетъ смотрѣть на изученіе народныхъ вѣрованій, обычаевъ и преданій нашей южной окраины съ такимъ же интересомъ, съ какимъ она относится въ этнографіи и древностямъ туземныхъ племенъ Америки или столь разнообразнаго по своему составу населенія Индіи.

То обстоятельство, что въ сочиненіяхъ, перѣдко весьма далеко стоящихъ отъ прямыхъ задачъ кавказовѣдѣнія, все чаще и чаще попадаются ссылки на современные обычаи осетинъ, черкесовъ или грузинскихъ горцевъ само по себѣ указываетъ и на источникъ того интереса, какой кавказовѣдѣніе начинаетъ вызывать въ крупныхъ представителяхъ исторіи и сравнитель-

ной исторіи права, какъ: Дарестъ, Эменъ, Поль Виоле, Колеръ и другіе. Европейскихъ ученыхъ занимаетъ прежде всего мысль о томъ: въ какой мѣрѣ изученіе юридическаго быта кавказскихъ племенъ подтверждаетъ или опровергаетъ тѣ гипотезы на счетъ древнѣйшихъ стадій общежитія и развившихся на ихъ почвѣ юридическихъ институтовъ, какія этнологамъ и юристамъ Запада удалось построить на основаніи часто отрывочнаго, неполнаго, и еще чаще плохо провѣреннаго и потому сбивчиваго и противорѣчиваго матеріала. Еще съ конца прошлаго вѣка стала постепенно выясняться невозможность обойтись при изученіи древнѣйшаго права безъ того могущественнаго подспорья, какое даетъ изслѣдователю наблюденіе надъ бытомъ дикихъ и варварскихъ народовъ современности. То обстоятельство, что древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ литературы и законодательства относятся къ эпохѣ уже сложившагося государственнаго быта — причина тому, что о предшествующихъ государству общежительныхъ формахъ мы, на основаніи этихъ памятниковъ, можемъ составить себѣ лишь отрывочное и далеко не полное представленіе. Правда, въ нихъ разсыпано не мало указаній на то, каковы были тѣ порядки, съ какими пришлось бороться развивающейся государственности. Правда, въ нихъ попадаются еще обломки или пережитки потерявшихъ свой первоначальный смыслъ юридическихъ институтовъ; но и того, и другаго далеко недостаточно для возстановленія въ мельчайшихъ подробностяхъ всѣхъ сторонъ предшествующей государству соціальной организаци.

Чтобы выйти изъ той неопредѣленности, съ какой теологи и метафизики рисовали до-государственный бытъ людей, изображая намъ—одни: воспроизводящее картины рая «состояніе невинности», а другіе: мало чѣмъ отличное отъ него «естественное состояніе». Англичанинъ Гоббсъ, еще въ XVII вѣкѣ, счелъ возможнымъ обратиться къ быту дикарей, какъ къ вѣрнѣйшему указателю того, въ чемъ именно состоялъ этотъ первоначальный всѣми догосударственный строй. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сочиненіи Лафито о нравахъ и обычаяхъ краснокожихъ, историки и юристы нашли первое сколько нибудь систематическое и цѣльное описаніе первобытной культуры, сравнитель-

ная этнографія сдѣлалась постепенно одной изъ вспомогательныхъ наукъ какъ, для исторіи вообще, такъ и для исторіи права въ частности. Широкія обобщенія, къ какимъ по вопросу о начальныхъ формахъ общежитія пришли за послѣдніе тридцать лѣтъ такіе писатели: какъ: Менъ, Бахофенъ, Макленанъ, Морганъ или Спенсеръ, въ основаніи своемъ не имѣютъ другаго источника, кромѣ сопоставленія и восполненія данными сравнительной этнографіи данныхъ исторіи права.

Чѣмъ для Макленана и Моргана является въ этомъ отношеніи быть американскихъ краснокожихъ, тѣмъ для Мена или Лайеля служатъ обычай туземныхъ племенъ Индіи и, въ частности, ея арійскихъ народностей. Если Макленанъ или Бахофенъ считаютъ возможнымъ выставить гипотезу о матриархатѣ, т. е. объ общежительныхъ союзахъ, объединяющимъ началомъ которыхъ является родство по матери, какъ о древнѣйшемъ типѣ соціального устройства, то потому лишь, что въ бытѣ американскихъ дикарей они находятъ и толкованіе, и восполненіе тѣхъ отрывочныхъ указаній, какія на счетъ материнства заключаютъ въ себѣ древніе и средневѣковые писатели, а также и первые по времени законодательные памятники. Если Морганъ и за нимъ Физонъ выступаютъ съ совершенно новымъ ученіемъ о древнѣйшемъ бракѣ, какъ о союзѣ заключаемомъ, не какъ нынѣ, между отдѣльными индивидами, а между цѣлыми группами, то опять таки на томъ основаніи, что эти порядки, на которые можно найти лишь слабыя намеки въ историческихъ источникахъ, иллюстрируются какъ нельзя пяснѣе и обстоятельнѣе современнымъ бытомъ американскихъ и океанійскихъ племенъ.

Если наконецъ Менъ считаетъ возможнымъ возвести на степень общаго правила преемство родового, общиннаго и феодальнаго строя, то несомнѣнно потому, что въ обычаяхъ Джатовъ, Раджутовъ и другихъ арійскихъ племенъ Индіи онъ нашель руководящую нить въ томъ лабиринтѣ отрывочныхъ и на первый взглядъ противорѣчивыхъ указаній, какія содержатъ въ себѣ постановленія древнѣйшихъ источниковъ римскаго, индускаго, англійскаго и ирландскаго права. Я не вижу причинъ, по которымъ этнографія Кавказа, которая по многочисленности

и разнообразію обнимаемыхъ ею народностей и типовъ культуры далеко оставлять за собой бытоописанія какъ американскихъ и океаническихъ, такъ и индусскихъ племень, не могла бы быть привлечена съ успѣхомъ къ изученію древнѣйшихъ стадій общежитія. Но, можетъ быть, ея содѣйствіе является излишнимъ, такъ какъ сами эти стадіи уже установлены, и вновь привлекаемый къ изслѣдованію матеріалъ въ состояніи только подтвердить уже извѣстное. Одинъ фактъ одновременнаго существованія двухъ взаимно исключаютыхъ другъ друга теорій, изъ которыхъ одна проповѣдуетъ повсемѣстное на первыхъ порахъ распространеніе матриархата, а другая исключительность и обусловленность этого явленія временными и мѣстными причинами, говоритъ намъ уже о томъ, что недавняя по времени наука «эмбриологіи общества» далеко еще не сказала своего послѣдняго слова. Прибавимъ, что даже въ рядахъ тѣхъ, которые признаютъ матриархатъ за начальную стадію общежитія, далеко не существуетъ единогласія касательно причинъ, вызвавшихъ его къ жизни. Комунальный бракъ и безпорядочное половое сожитіе; отсутствіе постоянной связи между мужемъ и женою и вытекающая изъ этого безызвѣстность отца; взаимныя отношенія, связывающія дѣтей и ихъ дядю, по матери, или, что тоже, ея брата; обязательство не брать жены иначе, какъ изъ среды собственныхъ родственниковъ и противоположное ему требованіе — вступать въ бракъ только съ чужеродцами, другими словами «эндогамія и экзогамія», источникъ этихъ обѣихъ нормъ, порядокъ ихъ преемства, значеніе, какое они имѣютъ для судьбы матриархата; групповый и индивидуальный бракъ; родство по классамъ и родство по колѣнамъ; происхожденіе отеческой власти и причины перехода отъ материнскаго рода къ роду агнатическому—все это вопросы, только поставленные, но далеко еще не рѣшенные. Говори это, я вовсе не хочу сказать, что сравнительная исторія права въ связи съ сравнительной этнографіей доселѣ не установили ни одного сколько нибудь общаго положенія. Я имѣю въ виду только то, что ихъ обобщенія нуждаются въ провѣркѣ. А для такой провѣрки едва ли не самымъ надежнымъ матеріаломъ является тотъ, какой доставляетъ намъ наука кавказовѣдѣнія.

Большое преимущество этого матеріала, превосходство его надъ тѣмъ, какое даетъ намъ, положимъ, изученіе быта американскихъ, малайскихъ и полинезійскихъ племенъ, а также разнообразныхъ обитателей Индіи, лежитъ въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ народностями, которыя самою природою занимаемыхъ ими мѣстностей поставлены въ условія, благоприятныя болѣе или менѣе неизмѣнному сохраненію ихъ стародавнихъ нравовъ и обычаевъ. Народности эти наблюдаемы были съ древнѣйшихъ временъ и продолжаютъ быть наблюдаемы и по нынѣ. Объ одномъ и томъ же племени мы имѣемъ свидѣтельства и такихъ писателей древности, какъ Геродотъ и Страбонъ, знавшихъ о нихъ по разсказамъ греческихъ колонистовъ, и такихъ средневѣковыхъ анналистовъ, какъ Моисей Хоренскій или Моисей Когкантовацци, и такихъ также средневѣковыхъ путешественниковъ, какъ Контарини, Пауло Карпини или Интеріано, не только знавшихъ о нихъ по разсказамъ генуезскихъ колонистовъ на восточномъ побережьи Чернаго моря, но и прошедшихъ ихъ страну вдоль и поперекъ. Византійскія и арабскія хроники, армянскіе и грузинскіе историки и географы смѣняють другъ друга въ описаніи ихъ быта.

Католическіе миссіонеры XVII и слѣдующихъ столѣтій съ падре Ламберти во главѣ, французскіе, нѣмецкіе и голандскіе путешественники, въ родѣ Тавернье и Шардена, Олеарія и Стрюиса проникають во внутреннія условія ихъ быта съ такою обстоятельностью и всесторонностію, которая далеко оставляють за собою случайныя наблюденія и сдѣланныя по нимъ коротенькія замѣтки предшествующихъ вѣковъ.

Съ начала военныхъ столкновеній Россіи съ Кавказомъ и во все время продолженія борьбы туземцевъ за независимость, горцы и во главѣ всѣхъ: осетины, черкесы и лезгины, остаются на себѣ вниманіе не только случайно занесенныхъ судьбой авантюристовъ, въ родѣ Рейнегса, но и такихъ ученыхъ какъ: Потоцкій, Палласъ или Клапротъ. Дѣятельное вмѣшательство въ отчаянную, хотя и бесплодную борьбу съ наступающею на горцевъ со всѣхъ сторонъ русской державой, даетъ англичанину Беллю и поляку Лапчинскому возможность провести нѣсколько лѣтъ въ средѣ абазъ и кабардинцевъ и

ставитъ ихъ такимъ образомъ въ самыя благопріятныя условія для изученія внутреннихъ причинъ и духа тѣхъ учреждений, изъ которыхъ слагается гражданственность горцевъ.

Одновременно забота о внутреннемъ управленіи добровольно присоединившихся или завоеванныхъ силою оружія провинцій побуждаетъ русскія власти собирать точныя и полныя свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ туземныхъ племенъ. Пользуясь этими матеріалами, мѣстные этнографы одинъ за другимъ обнаруживаютъ и въ періодической прессѣ, и въ специально издаваемыхъ съ этою цѣлью сборникахъ, цѣлыя изслѣдованія объ общественныхъ и правовыхъ порядкахъ горцевъ. Эти описанія не только подтвердили во многомъ показанія предшествовавшихъ по времени путешественниковъ, но и обнаружили поразительную живучесть въ средѣ туземцевъ Кавказа обычаевъ и порядковъ на столько древнихъ, что о нихъ идетъ рѣчь еще у писателей Греціи и Рима.

Юристъ-этнографъ, строящій свои заключенія на основаніи кавказскаго матеріала, имѣетъ такимъ образомъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ разновременныхъ, взаимно контролирующихъ и восполняющихъ другъ друга данныхъ. Въмѣсто того, чтобы довольствоваться чисто субъективными догадками о вѣковой древности изучаемыхъ имъ обычаевъ и институтовъ, онъ имѣетъ возможность удостовѣриться въ этой древности справками у греческихъ и римскихъ, арабскихъ и византійскихъ, армянскихъ и грузинскихъ географовъ и анналистовъ. Мало ему этого матеріала, и онъ въ отчетахъ путешественниковъ и миссіонеровъ найдетъ и обильную пищу для своей любознательности, и средство къ достиженію исторической достовѣрности. Однимъ словомъ, преимущество, представляемое кавказскимъ матеріаломъ, сводится къ превосходству матеріала историко-этнографическаго надъ матеріаломъ чисто этнографическимъ. Это превосходство не только дѣлаетъ возможной многократную провѣрку однихъ и тѣхъ же данныхъ, но и раскрываетъ передъ нами порядокъ зарожденія и ростъ отдѣльныхъ институтовъ, а также ту преемственную связь, которая существуетъ между различными стадіями развивающейся общест-венности.

Если судить по тѣмъ результатамъ, какіе для эмбіологіи общества дало доселѣ изученіе быта наиболѣе обследованнаго изъ городскихъ племенъ — осетинъ, кавказовѣдніе не грозитъ ниспроверженіемъ уже добытыхъ соціологіей результатовъ. Оно не отрицаетъ собой ни факта широкаго распространенія родоваго быта, ни возможности открыть въ этомъ быту пережитки болѣе ранней стадіи развитія — матриархата или зародыши болѣе позднихъ формъ общежитія — общинной и феодалной. Если бы оно дѣлало это, довѣріе къ общности устанавливаемыхъ имъ выводовъ было-бы поколеблено. Возникла бы мысль объ исключительности условій, въ которыхъ зародилась и развилась кавказская гражданственность. Исключительность явленій вызвала бы необходимость искать объясненія имъ въ исключительности сопровождавшей ихъ обстановки. Этнографія кавказскихъ племенъ явилась бы не освѣщеніемъ общаго мирового процесса развитія, а доказательствомъ возможности мѣстныхъ отъ него отклоненій. Чѣмъ меньше этнографическихъ курьезовъ, не повторяющихся въ другихъ мѣстностяхъ обычаевъ и порядковъ, чѣмъ больше общаго съ другими народностями заключаетъ въ себѣ этнографія кавказскихъ племенъ, тѣмъ, разумѣется, меньше становится ея значеніе для тѣхъ, кто вѣритъ въ нескончаемо повторяющіеся перевороты въ основныхъ теоремахъ общественныхъ наукъ. Но для всякаго, кто, вмѣстѣ съ нами, видитъ поступательный ходъ обществовѣднія въ пересмотрѣ, подтвержденіи и исправленіи уже добытыхъ результатовъ, въ внесеніи большей опредѣленности и точности въ установленные уже выводы, въ болѣе полномъ согласованіи ихъ между собою и обобщеніи въ одну стройную, прочно опирающуюся на факты теорію, для того изученіе Кавказа представится одновременно и необходимымъ, и неизбѣжнымъ. Какіе же, спрашивается, выводы по отношенію къ эволюціи общества дастъ намъ этнографія кавказскихъ племенъ? Постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ возможно коротко. Въ обычаяхъ черкесовъ и ингушей осетинъ, сванетъ, хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, а также большинства горскихъ племенъ Дагестана, т. е. въ средѣ весьма пестрой по своему этнографическому составу, въ которой чисто арійскіе элементы,

выступающіе въ лицѣ осетинъ, смѣшиваются съ картвельскими, адигейскими, лезгинскими и тюркскими, можно отмѣтить цѣлый рядъ юридическихъ обычаевъ и обрядовъ, происхожденіе которыхъ не можетъ быть объяснено порядками родового агнатическаго устройства и необходимо предполагаетъ существованіе матриархата и связанныхъ съ нимъ учреждений. Перечислимъ эти факты, откладывая до поры до времени всякое обобщеніе. Беллемъ впервые было отмѣчено существованіе въ средѣ абазинскихъ племенъ, населяющихъ горныя долины по побережью Чернаго моря, своеобразной общественной организаціи, характеръ которой онъ передаетъ словомъ «братство». Въ составъ каждаго изъ братствъ или «тлеухъ» входитъ нѣсколько родовъ (ачихъ). Отношенія между мужчинами и женщинами одного и того же братства тѣ же, что между братьями и сестрами. Члены братства считаютъ себя происходящими отъ общаго корня и по тому самому кровными родственниками. Интересную для насъ черту составляетъ то обстоятельство, что бракъ между мужчинами и женщинами одного и того же братства считается не дозволеннымъ. Въ старые годы, по описанію Белля, виновные въ нарушеніи этого запрещенія бросаемы были въ море. Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія довольствовались платежомъ полной платы за кровь и возвращеніемъ новобрачной ей отцу. Брачные запреты распространяются не только на членовъ одного и того же рода, но и на членовъ всѣхъ родовъ, входящихъ въ братство. При этомъ все равно, идетъ ли дѣло о заключеніи брака между свободными или не свободными членами сообщества. Рабы и рабыни считались принадлежащими къ «тлеуху» ихъ владѣльца и на этомъ основаніи раздѣляли съ свободными установленные для нихъ экзогамическіе запреты ¹⁾.

Общность земельного владѣнія и круговая порука въ отмщеніи обидъ, направленныхъ противъ любого изъ членовъ братства, дополняютъ эту картину тѣснаго товарищескаго общенія, не рѣдко цѣлыхъ тысячъ человекъ, объединенныхъ представле-

---

¹⁾ Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837, 1838 et 1839 par James Stanislas Bell, trad. par Louis Vivien, VI, стр. 167.

нѣмъ объ общемъ происхожденіи или свившихъ свои роды воедино путемъ договора. Тѣсная солидарность, существующая между членами подобныхъ союзовъ, сказывается на каждомъ шагѣ, между прочимъ, въ слѣдующемъ: при недостаточности средствъ для покупки невѣсты изъ чужаго братства, нужный для ея приобрѣтенія калымъ составляется изъ добровольныхъ приношеній всѣхъ «братевъ». Купленная на общія средства жена и по смерти мужа продолжаетъ составлять общее достояніе его рода и братства. Еще въ XV вѣкѣ генуэзецъ Интеріано отмѣчаетъ слѣдующую любопытную подробность: у черкесовъ, говоритъ онъ, называя ихъ «зикки», никто не стыдится провести съ вдовою покойнаго брата даже ближайшую ночь, слѣдующую за его смертью ¹⁾. Вдова не въ правѣ вступитъ въ бракъ съ членомъ чужаго «тлеуха», не вознаградивъ предварительно тотъ, въ который она была куплена.

Дополняя эти данныя, Белль говоритъ, что въ его время, т. е. въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, «вдова, какъ прибрѣтенная на средства одного изъ членовъ братства, по смерти мужа отдаваема была даромъ кому либо изъ членовъ сообщества» ²⁾.

Баронъ Сталь въ своемъ этнографическомъ очеркѣ черкесскаго народа дополняетъ нѣсколькими новыми чертами эту картину экзогамическихъ «братскихъ» союзовъ.

Подтверждая показанія Белля о необыкновенной короткости отношеній между замужними женщинами и мужчинами одного и того же братства, онъ замѣчаетъ, что у одного изъ черкесскихъ племенъ, у шапсуговъ, «волокиство въ прежнее время составляло общераспространенный обычай». Имѣть любовника (ч—асъ) не считалось позорнымъ для женщинъ и мужа даже гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами.

Одинъ арабскій путешественникъ X-го вѣка, Абу—эль—Касимъ, говоритъ о гетеризмѣ замужнихъ женщинъ, какъ объ одной изъ особенностей народнаго быта «Кассаговъ», т. е.

¹⁾ Ramusio, Raccolta di Viaggi, т. II, 1539, a. Venezia.

²⁾ Bell. Journal d'une résidence en Circassie. т. I. стр. 168

черкесовъ ¹⁾. Это показаніе подтверждаетъ и другой одновременный, также арабскій писатель — Массуди ²⁾.

Въ XVII вѣкѣ Тавернье и Струисъ дополняютъ всѣ эти свидѣтельства слѣдующими въ высшей степени характерными подробностями. Если у замужней женщины заведется любовникъ, говоритъ Тавернье о Черкешенкахъ, и мужъ застанетъ жену на мѣстѣ преступленія, онъ спокойно выходитъ изъ сакли и не напоминаетъ ей никогда о случившемся ни единымъ словомъ. Чѣмъ больше женщина имѣетъ связей, тѣмъ въ большемъ она почетѣ. Когда между женщинами подымется ссора, онѣ обыкновенно попрекаютъ одна другую тѣмъ, что уродство или обиліе дѣтей мѣшаетъ имѣть любовниковъ, помимо мужа ³⁾.

«Черкешенки, пишетъ Струисъ, не отличаются недоступностью; ихъ не пугаетъ приближеніе мужчины. Они ни мало не отгоняютъ его отъ себя, и не прочь поддаться на его ласки ⁴⁾. Если женщины податливы, то о мужьяхъ надо сказать, что они очень снисходительны; спокойно смотрятъ они на ухаживаніе за ихъ женами, не обнаруживая никакой ревности. Поведеніе свое они объясняютъ тѣмъ, что женщины подобны цвѣтамъ, красота которыхъ была бы излишней, если бы не было глазъ для того, чтобы любоваться и рукъ для того, чтобы срывать зтотъ цвѣтъ».

Чтобы понять значеніе, какое для вопроса о древнѣйшей формѣ общественной организаціи имѣетъ существованіе братствъ между черкесами, мы напомнимъ въ немногихъ словахъ ту роль, какую въ теоріи матриархата играютъ во многомъ сходныя съ черкесскими братства американскихъ и австралійскихъ племенъ.

---

¹⁾ См. D'Olsson. *Des peuples du Caucase et des pays au Nord de la mer Noire et de la mer Caspienne au X. siècle, ou Voyage d'Abou-El-Cassim*, Paris, 1828, ch. V.

²⁾ *Description du Caucase et des pays qui avoisinent la mer Noire et la mer Caspienne par Massoudi. (943 a) Trad. par Klaproth. Magasin Asiatique 1835, p. 289.*

³⁾ *Les six voyages de Tavernier. Paris. 1676, chap. XI.*

⁴⁾ Elles feroient scrupule de l'empêcher de cueillir ce qu'il faut de lis et de roses pour un bouquet de juste grosseur. *Les Voyages de Jean Struys. Amsterdam, 1681, стр. 195.*

Физону и Моргану удалось проникнуть во всё тонкости этой организации и указать намъ, что въ основѣ ея лежатъ экологическія запрещенія. Такъ, напр., «у Ирокезовъ, бракъ не только запрещенъ въ предѣлахъ одного и того же рода, но не разрѣшается даже въ томъ случаѣ, когда женихъ и невѣста принадлежатъ къ различнымъ родамъ входятъ, въ то же время, въ составъ одного и того же братства. У одного изъ племенъ, принадлежащихъ къ ирокезской конфедерации, у Сенекъ, браки не могутъ быть заключаемы между членами слѣдующихъ «тотемовъ» или родовъ: медвѣдя, волка, кастора и черепахи. Входящіе въ составъ ихъ семьи вольны въ то же время вступать въ супружескіе союзы съ четырьмя «тотемами», составляющими изъ себя опять таки одно и то же братство. Эти тотемы носятъ наименованіе слѣдующихъ животныхъ: лани, бекаса, сокола и цапли.

Находя въ средѣ австралийцевъ организацию во всемъ однохарактерную съ только что описанной, Физонъ справедливо замѣчаетъ, что наипростѣйшій типъ ея есть тотъ, который представляетъ собою племя камиларон: племя это распадается всего на всего на два подраздѣленія, изъ которыхъ одно извѣстно подъ именемъ Кумить, а другое подъ именемъ Кроки. Мужчины каждаго изъ этихъ подраздѣленій могутъ сдѣлаться мужьями женщинъ противоположной группы и наоборотъ, но въ предѣлахъ одной и той же группы всѣ женщины и всѣ мужчины считаются братьями и не могутъ заключать браковъ между собою. Цѣломудріе строго соблюдается пезамужними и всякое оскорбленіе дѣвушки со стороны брата, т. е. члена одной съ нею группы, наказывается какъ кровосмѣшеніе. По отношенію же къ замужнимъ женщинамъ, которыя, какъ мы сказали, всегда являются чужеродками, цѣломудріе такъ мало соблюдается, что каждый кумить считаетъ себя мужемъ каждой женщины крока и, наоборотъ, каждый крока считаетъ себя мужемъ каждой женщины кумить. Изъ описанія Сталя мы узнаемъ, что общность женъ чужеродокъ встрѣчалась въ прежніе годы и у шапсуговъ. Она связана была съ строгимъ запрещеніемъ всякаго сожитія съ дѣвушками одного и того же братства, цѣломудріе которыхъ ревниво охраняемо было обычаемъ. И такъ, въ осно-

ванныхъ на началѣ экзогаміи и сохранившихъ еще слѣды коммунальнаго брака «тлеухахъ» черкесовъ слѣдуетъ видѣть пережитокъ тѣхъ порядковъ, которые современная этнологія относитъ къ періоду зачинающейся общественности. Въ обществѣ, въ которомъ право на пріобрѣтенныхъ изъ чужаго братства женщинъ признается равно за всѣми нареченными братьями, совершенно понятнымъ является обычай, по которому лицо, вступившее въ болѣе тѣсную связь съ женщиной, чтобы не навлечь на себя недовольства другихъ членовъ одного съ нимъ братства, избѣгаетъ всего, что могло бы служить выраженіемъ исключительности присвоенныхъ имъ правъ надъ нею, какъ-то: свиданія съ нею въ присутствіи постороннихъ лицъ, публичнаго обозванія ея женою, или явнаго заявленія, что рожденныя отъ нея дѣти имѣютъ его своимъ отцомъ. Въ высшей степени интересную черту черкесскихъ нравовъ составляетъ то обстоятельство, что по разновременнымъ свидѣльствамъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ случай ближе познакомиться съ условіями ихъ быта, мужъ не только бѣжитъ присутствія жены каждый разъ при посѣщеніи его постороннимъ человѣкомъ, но и считаетъ для себя обидой всякій вопросъ о томъ, какъ поживаетъ его супруга. Черкесь, пишетъ Дюбуа-де-Монпере, не смѣетъ показаться публично съ своей женою; онъ посѣщаетъ ее не иначе, какъ тайкомъ. Большою грубостью считается говорить ему о ней, какъ о женѣ или спрашивать подробностей о томъ, какъ она поживаетъ ¹⁾. Та же черга отмѣчена была уже Потockимъ и Беллемъ. Первый прямо утверждаетъ, что мужья только по ночамъ, и то крадучись, пробираются въ помѣщеніе отведенное для ихъ женъ ²⁾, а второй рассказываетъ, какъ, вошедши съ вѣдома мужа въ жилище его жены, онъ тѣмъ самымъ обратилъ его въ бѣгство.

Тѣ же побудительныя причины могли сдѣлаться источникомъ и другаго страннаго обычая, который у черкесовъ извѣстенъ подъ названіемъ «аталычества». Обычай этотъ состоитъ

1) Frédéric Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase, Paris 1839, стр. 115.

2) Voyage dans les ste; s d'Astrakhan et du Caucase par le Comte Jean Potockii publié par Klapproth, Paris, 1829, t. I, p. 164.

въ томъ, что новорожденный не остается въ домѣ родителей, а отдается на попеченіе въ чужое семейство. Вскармливаніе ребенка и воспитаніе его, не идущее обыкновенно далѣе обученія его верховой ѣздѣ и обращенію съ оружіемъ, падаетъ на обязанность семьи аталыка, которая нерѣдко озабочивается также присканіемъ ему невесты. Между аталыкомъ и ребенкомъ, взятымъ имъ на воспитаніе, устаиваются тѣ отношенія, какія у насъ существуютъ между сыномъ и отцемъ. Родственный характеръ этихъ отношеній признается самимъ обычаемъ, которымъ признается невозможнымъ всякій бракъ между семьею воспитателя и семьею воспитанника, распространяя, такимъ образомъ, на эти семьи тѣ же экзогамическіе запреты, какіе установлены по отношенію къ членамъ одного и того же рода и братства. Въ настоящее время обычай отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужія руки продолжаетъ держаться по преимуществу въ однихъ лишь княжескихъ и дворянскихъ семьяхъ и примѣняется почти исключительно къ мальчикамъ; но въ старыя годы обычай этотъ былъ всеобщимъ ¹⁾, и такъ строго вынуждаемъ былъ на практикѣ, что за лицомъ, желавшимъ принять на себя обязанности аталыка, признавалось даже право силою овладѣть новорожденнымъ и увезти его въ свой аулъ ²⁾. Во все время, пока воспитанникъ остается въ домѣ аталыка, отецъ и мать не должны, согласно этикету, спрашиваться о его судьбѣ и вообще обнаруживать какую-либо заботливость о немъ ³⁾. Когда воспитанникъ достигнетъ совершеннолѣтія, т. е. окажется способнымъ принимать участіе въ войнѣ, аталыкъ въ торжественной процессіи приводитъ его къ отцу. Отецъ, одаривъ воспитателя, принимаетъ сына въ

¹⁾ Bell, т. I, стр. 244.

²⁾ «In früheren Zeiten wurden selbst die Kinder kurz nach des Geburt von einem sich aufdringenden Erzieher der zuvor mit der Amme und vielleicht mit der Mutter sich verständigt hatte, geraucht. Sieben Zeugen, die bei dem Raube gegenwärtig sind müssen später die Aechtheit des Kindes mit einem Eide bekräftigen» (Reineggs Beschreibung des Kaukasus, VI Theil, S. 251).

³⁾ Un prince rougit de colere, чтаемъ мы у Клапрота, sil'on s'informe de la santé de sa femme et de ses enfans; il ne répond pas et tourne le dos avec mépris, (Voyage au Caucase, т. II, стр. 362 .

свою семью. Такому акту предшествуетъ совершение обряда. символически выражающаго нежеланіе рода допустить актъ усыновленія. Белль, который лично присутствовалъ при передачѣ аталыкомъ сына въ руки отца, рассказываетъ, что на толпу всадниковъ, сопровождавшую воспитателя и его питомца, аульская молодежь, подчиняясь требованію обычая, сдѣлала шуточное нападеніе; нѣсколько минутъ продолжалась пальба холостыми, разумѣется, зарядами; наконецъ, аталыку удалось пробить себѣ дорогу ¹⁾).

Обычай аталычества принадлежитъ къ числу стародавнѣйшихъ обычаевъ черкесовъ. Мы встрѣчаемъ упоминаніе о немъ еще въ первыхъ по времени описаніяхъ ихъ быта и, между прочимъ, въ упомянутомъ уже сочиненіи генуэзца Интеріано. Отношеніе, въ которомъ этотъ обычай стоитъ къ тѣмъ отдаленнымъ отъ насъ порядкамъ, при которыхъ родство по отцу еще неизвѣстно, и установленная самой природою связь между матерью — родильницей и происшедшимъ отъ нея ребенкомъ одна считается источникомъ семейнаго единенія, какъ нельзя лучше выступаетъ изъ сопоставленія кавказскаго аталычества съ однохарактерными ему явленіями въ бытѣ полинезійскихъ племенъ. Изъ того описанія, какое нравамъ полинезійцевъ даетъ Морганъ ²⁾), видно, что они придерживались тѣхъ же экзогамическихъ запрещеній и той же системы общенія женъ, какую мы встрѣтили среди черкесовъ. Лица, связанные между собою родствомъ по матери, считали другъ друга братьями и сестрами. Бракъ между ними обычаемъ не разрѣшался; но тотъ же обычай допускалъ братьевъ одной группы къ совмѣстному обладанію сестрами другой и наоборотъ. У одного изъ племенъ Полинезій, у племени маори, въ силу стародавняго обычая, дѣти по правилу никогда не были оставляемы при ихъ матеряхъ; съ самаго рожденія они поступали къ усыновителямъ и усыновительницамъ, на обязанность которыхъ падало ихъ вскармливаніе и воспитаніе ³⁾).

¹⁾ Bell, т. II, стр. 245 и 246—Koch, т. I, стр. 383.

²⁾ Ancient Society, стр. 414.

³⁾ См. Les origines du mariage et de la famille par A. Giraud—Feu-
bon, fils, стр. 67.

Обычай полинезійскихъ дикарей раскрываетъ предъ нами дѣйствительный источникъ аталычества. Дѣти потому поступаютъ у черкесовъ на воспитаніе къ постороннему лицу, желающему вступить по отношенію къ нимъ въ роль аталыка, что принадлежность ихъ тому или другому отцу являлась спорной, очевидно, не по иной причинѣ, какъ по той, что всѣ члены одного братства одинаково могли быть мужьями ихъ матери. Только открытое признаніе ихъ тѣмъ или другимъ мужчиной обращало ихъ въ его дѣтей. Для этого недостаточно было одного рожденія въ той или другой семьѣ, требовалось еще усыновленіе; усыновленіе, принимавшее вышеописанную форму передачи аталыкомъ взрослому сыну въ руки мужа его матери.

Братства встрѣчаются на Кавказѣ не у однихъ только черкесовъ. Мы находимъ ихъ и у чеченцевъ, которымъ они извѣстны подъ наименованіемъ «тайпы». Чеченскія тайпы, хотя и распадутся на второстепенные союзы (гаары и неки), но тѣмъ не менѣе принадлежащіе къ нимъ мужчины считаются всѣ братьями «воша». Между собою браки запрещены даже въ двѣнадцатой степени родства ¹⁾.

Подобно черкесамъ, чеченцы смотрятъ на купленную изъ чужой тайпы женщину, какъ на собственность той семьи, къ которой принадлежитъ мужъ.

Отсюда то послѣдствіе, что по смерти мужа вдова переходитъ къ брату покойнаго, который, смотря по желанію, можетъ: взять ее себѣ въ жены, предоставить ей право заключить новый союзъ или, не дѣлая ни того, ни другаго, лишить ее возможности дальнѣйшаго супружества. Потоцкій рассказываетъ, что въ его время, т. е. въ концѣ XVIII вѣка, когда ученію Корана не удалось еще реформировать нравы горцевъ, вдовы по смерти мужа становились по праву женами оставленныхъ ими сыновей; одна только мать не могла сдѣлаться женою сына и

¹⁾ См. замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей Н. Н. Харузина. Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дагестанскомъ этнографическомъ музее, вып. III, подъ редакціей В. Ф. Миллера, стр. 120; а также Лаудаева, Чеченское племя, стр. 15 (Сб. свѣд. о кавк. горцахъ, вып. VI).

поступала къ его дядѣ, т. е. къ брату умершаго. Этотъ обычай практиковался, впрочемъ, лишь у одного изъ чеченскихъ племенъ—у ингушей. На замѣчанія Потоцкаго о безнравственности подобнаго обычая, хозяинъ его, ингушъ—урусъ отвѣчалъ: отецъ мой проводилъ же ночь съ моею матерью, я не вижу, почему мнѣ нельзя провести ее съ его женой ¹⁾. И при жизни мужа чеченки рѣдко когда соблюдаютъ вѣрность.

Распутство, по отзыву путешественниковъ и русскихъ администраторовъ, составляетъ общую черту чеченскихъ нравовъ. Въ этомъ отношеніи показанія Потоцкаго, который, со словъ русскаго плѣннаго, говоритъ о разгулѣ, какимъ нерѣдко заканчиваются чеченскія вечерницы или посидѣлки ²⁾, сходятся съ свидѣтельствами одного изъ собирателей ингушскихъ адатовъ—Нагорнаго ³⁾. Ко всему сказанному прибавимъ еще, со словъ Грабовскаго ⁴⁾, слѣдующую черту ингушскихъ нравовъ, буквально воспроизводящую ту, которую мы отмѣтили въ бытѣ черкесовъ: «родители, особенно же отецъ, относятся къ дѣтямъ совершенно равнодушно, да и самъ обычай порицаетъ проявленіе родительскаго чувства. Ингушъ не только считаетъ неприличнымъ взять на руки или приласкать своего ребенка, но даже въ присутствіи другихъ назвать его по имени. Точно также считается непозволительнымъ называть свою жену по имени и вообще упоминать о ней въ разговорѣ» ⁵⁾.

Извѣстно, какую роль играетъ въ періодъ господства матриархата братъ матери. Въ американскихъ и полинезійскихъ обществахъ онъ въ полномъ смыслѣ слова заступаетъ мѣсто отца; то же можетъ быть сказано объ обществахъ малайскихъ и о туземныхъ племенахъ внутренней Африки. Въ виду этого, понятно, какое значеніе слѣдуетъ придавать обычаю ингушей, по которому братъ въ правѣ, не спрашивая предварительнаго согласія

---

¹⁾ Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, изданіе Клапрота, Парижъ, 1829, стр. 127.

²⁾ Ibid, стр. 153.

³⁾ См. Леонтовича. Адамы кавказскихъ горцевъ, т. II, стр. 173.

⁴⁾ Сб. свѣд. о кавказскихъ горцахъ, вып. 9-й. Ингуши, ихъ жизнь и обычаи, Грабовскаго, стр. 53.

⁵⁾ Грабовскій, стр. 49.

сестры, распорядиться ея рукою. Стоит только брату, говорить г. Дубровинъ, во время пирушки выпить за здоровье своей сестры съ человѣкомъ, желающимъ взять ее въ жены, и принять отъ него подарокъ, и сестра считается засватанной; если вопреки обѣщанію, данному братомъ, дѣвушка не отдана будетъ въ супружество, одарившій брата женихъ преслѣдуетъ его какъ за кровную обиду ¹⁾. Эта роль брата при свадьбѣ восполняется тою, какую ему приходится играть въ моментъ достиженія сыномъ его сестры совершеннолѣтія. Племянникъ имѣетъ право требовать отъ дяди по матери положеннаго ему обычаемъ подарка, извѣстнаго подъ названіемъ «барчъ» и состоящаго обыкновенно изъ лошади. Подарокъ этотъ, упоминаемый въ составленномъ г. Нагорнымъ сборникѣ ингушскихъ адатовъ, настолько признается обязательнымъ, что племянникъ можетъ отнять его у дяди силой, обманомъ и воровствомъ. Если принять во вниманіе, что, какъ слѣдуетъ изъ постановленія того же сборника, совершеннолѣтній сынъ у ингушей въ правѣ принудить отца къ производству въ его пользу выдѣла изъ общаго имущества, то необходимо прійдешь къ заключенію, что въ барчѣ мы имѣемъ передъ собою не иное что, какъ законное наслѣдованіе племянника въ имуществѣ, принадлежащемъ его дядѣ по матери ²⁾.

Переходя къ картвельскимъ народностямъ Кавказа, мы въ современныхъ обычаяхъ хевсуръ, пшавовъ и тушинъ въ состояніи отмѣтить не мало пережитковъ материнства. Дѣленіе народовъ на братства, представляющія собой каждое соединеніе нѣсколькихъ родовъ, запрещеніе браковъ не только въ предѣлахъ одного рода, но и въ предѣлахъ цѣлаго братства, все это можетъ быть въ такой же степени отмѣчено въ средѣ хевсуръ, какъ и въ средѣ адигейскихъ и чеченскихъ племенъ западнаго и восточнаго Кавказа. Если прибавить къ этому, что у хевсуръ, какъ у всѣхъ народностей, придерживающихся началъ матриархата, мужъ, вступивъ въ бракъ, оставляетъ свою жену въ домѣ родителей въ теченіе цѣлаго года; что, даже по

---

¹⁾ Дубровинъ. Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказъ, т. I, книга I, стр. 427.

²⁾ Леонтовичъ. Адаты, т. II, стр. 177 и 178.

прошествіи этого срока, сожителство между супругами происходит не иначе, какъ тайкомъ; что мужъ и жена при постороннихъ не смотрятъ и не говорятъ другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ до момента рожденія у нихъ ребенка, то въ общемъ получится картина довольно близкая къ той, какую представляютъ намъ обычаи черкесовъ и чеченцевъ. Строгая экзогамія и не менѣе строгое соблюденіе супругами правила о сохраненіи въ тайнѣ существующихъ между ними отношеній еще недавно составляло общую черту всего крестьянскаго населенія Грузіи. Вопросъ о томъ, какъ поживаетъ ваша семья, пишетъ Кохъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, признано было бы въ Грузіи жестокимъ оскорбленіемъ; кто рѣшился бы спросить сосѣда, что подѣлываетъ ваша молодая жена, въ правѣ бы былъ ожидать всякихъ оскорбленій!). Къ этимъ даннымъ присоединимъ еще болѣе характерную подробность. Братъ матери, который, какъ извѣстно, въ періодъ матриархата занимаетъ въ семьѣ тоже выдающееся положеніе, которое въ періодъ патриархата составляетъ удѣлъ отца, доселѣ играетъ въ хевсурскомъ обществѣ выдающуюся роль. Въ случаѣ жепоубійства, напримѣръ, платежъ за кровь убитой поступаетъ исключительно въ его пользу. При убійствѣ племянника — сына сестры, онъ въ правѣ разсчитывать на полученіе выкупа. Обыкновенно, однако, дядя по матери не мирится долгое время съ убійцею.

Г. Худадовъ отмѣчаетъ ту интересную подробность, что братъ матери обыкновенно являлся послѣднимъ изъ родственниковъ убитаго, который изъявлялъ согласіе на примиреніе съ родомъ убійцы. Въ случаѣ примиренія родственники убійцы дѣлали въ пользу материнскаго дяди такой же платежъ, какъ и въ пользу всѣхъ родственниковъ по отцу вмѣстѣ взятыхъ. Близость той связи, которая существуетъ между ребенкомъ и его дядею по матери, наглядно выступаетъ также и изъ того факта, что, при смерти отца, опекуномъ надъ дѣтьми назначается никто иной, какъ ихъ дядя по матери²⁾. Обычаи Тушетіи. выходцами изъ

1) Кохъ, томъ II, стр. 290.

2) Свѣдѣнія эти почерпнуты частью изъ личнаго допроса стариковъ, сдѣланнаго во время путешествія по Хевсуретіи, лѣтомъ 1887 г., частью

которой отчасти заселена была Хевсуретія. по отзыву Рейнегса, въ концѣ прошлаго столѣтія во всемъ были сходны съ хевсурскими ¹⁾).

Что же касается до Ишавіи и ея старинныхъ насельниковъ— Пховелей, извѣстныхъ еще римскому полковдцу Помпею, то у нихъ къ причисленнымъ выше обычаямъ присоединяется еще слѣдующій: пока держится матриархатъ родственное отношеніе брата и сестры является особенно тѣснымъ; если налицо не имѣется физическаго братства, то его стараются замѣнить братствомъ искусственнымъ, и съ этою цѣлью обращаются къ такъ называемому посестримству. Такое посестримство представляетъ намъ обычай. въ силу котораго пшавская дѣвушка выбираетъ себѣ кого нибудь изъ неженатыхъ мужчинъ въ «цацалы» или нарѣченные братья. Этотъ цацала не только сопровождаетъ повсюду свою нарѣченную сестру, но съ вѣдома родителей и спитъ съ нею на одной постели.

Весьма рѣдко впрочемъ эти отношенія искусственно породившихся между собой молодыхъ людей вырождаются въ отношенія любовника и любовницы. Того же нельзя сказать о тѣхъ отношеніяхъ, какія завязываются на ежегодномъ празднествѣ въ честь Лаши, сына царицы Тамары. На этомъ праздникѣ, говоритъ г. Саслани, отношенія половъ болѣе чѣмъ свободны. Самъ Лаша является въ представленіи пшавовъ съ какимъ-то смѣшаннымъ характеромъ: то онъ отождествляется съ св. Георгіемъ, то выступаетъ представителемъ вакхическаго культа.

Религіозный гетеризмъ, проявленіе котораго мы встрѣчаемъ на праздникѣ въ честь Лаши, легко можетъ быть пережиткомъ того отдаленнаго періода, когда, при отсутствіи постоянныхъ брачныхъ узъ, отношенія половъ принимали форму временныхъ и свободныхъ связей, заключаемыхъ, впрочемъ, каждый разъ подъ условіемъ строгаго соблюденія экзогамическихъ требованій. Эти требованія въ Ишавіи идутъ такъ далеко, что бракъ, даже съ дѣвушками чужеродками, считается недозволеннымъ въ томъ случаѣ, когда мать невѣсты окажется принадлежащей къ тому

изъ брошюры, посвященной изученію быта хевсуръ г. Худакowymъ (Замѣтки о Хевсуретіи), стр. 9, 14, 16 и 30.

¹⁾ См. Reineggs, т. I, стр. 211.

же роду, что и женихъ. Въ этомъ правилѣ выступаетъ и то преимущественное значеніе, какое пшавы придаютъ родству по матери, и то ближайшее соотношеніе, въ какомъ экзогамія стоитъ къ материнству. Чтобы воспрепятствовать кровосмѣшенію братьевъ и сестеръ, какими въ эпоху матриархата одинаково признаются всѣ лица, происходящія отъ одного и того же материнскаго ствола, обычаю не остается инаго пути, какъ запретить бракъ когнатовъ, хотя бы они и принадлежали къ разнымъ агнатическимъ родамъ.

Древнѣйшей формой экзогаміи поэтому должна быть признана экзогамія не агнатическихъ, а когнатическихъ родовъ, и эту то древнѣйшую форму и сохранилъ до нашихъ дней только что упомянутый обычай пшавовъ ¹⁾. Обязательное заключеніе брака съ чужеродками, характеръ таинственности, придаваемый отношеніямъ мужа и жены, обычай аталычества — всѣ эти черты материнскаго права, извѣстныя намъ изъ быта адигейскихъ и чеченскихъ племенъ, встрѣчаются также въ средѣ осетинъ.—этой распространеннѣйшей на Кавказѣ арійской народности.

Принадлежность въ эпоху матриархата отдѣльныхъ женъ не исключительно ихъ мужу, но и всей той группѣ родственниковъ, которые принимали участіе въ ихъ приобрѣтеніи, живеть доселѣ въ общераспространенныхъ среди осетинъ обычаяхъ снохачества и деверства или левирата.

Купивъ невѣсту для ребенка-сына, глава семьи нерѣдко вступаетъ въ связь съ нею, причемъ происшедшія отъ сожитія дѣти считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. Въ старые годы, при неспособности или нежеланіи поддерживать лично супружескія сношенія, мужу дозволялось найти замѣстителя по отношенію если не главной, то второстепенныхъ женъ (Номулусъ). Дѣти, происшедшія отъ такихъ дозволенныхъ мужескъ-связей, признавались его собственными дѣтьми. По смерти мужа, осетинская вдова и доселѣ поступаетъ въ жены къ его старшему брату, а рожденныя ею дѣти считаются дѣтьми по-

¹⁾ См. въ Юридическомъ Вѣстникѣ, декабрь 1887 года, мою статью «Пшавы», этнографическій очеркъ. См. также статью Хаханова о Пшавѣхъ въ сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, редакціи г. Миллеромъ, вып. III, стр. 93.

койника. Буде умершій не оставитъ по себѣ ни братьевъ, ни сыновей, его вдовѣ въ старые годы дозволялось взять въ домъ любовника, сынъ котораго (именуемый дзагалзатъ) получалъ всѣ права законнаго сына.

Перечисленные факты, въ одно слово указывающіе на существованіе нѣкогда между осетинами такихъ порядковъ, при которыхъ принадлежность къ семьѣ обуславливалась происхожденіемъ отъ одной матери, хотя бы и отъ разныхъ отцевъ, должны быть восполнены еще упоминаніемъ о той роли, какую брать матери призванъ играть въ осетинской свадьбѣ. На протяженіи всей страны, онъ, при замужествѣ племянницъ—дочерей сестры, получаетъ отъ жениха особый подарокъ, извѣстный подъ именемъ «мады—арвады—бахъ», т. е. «конь брата матери». Въ Дигоріи же самъ отецъ невесты изъ поступающей къ нему платы за нея (ирада) обязанъ сдѣлать вычетъ въ его пользу, обыкновенно въ размѣрѣ двухъ воловъ ¹⁾.

И такъ, экзогамія, слѣды «братскаго общенія женъ», преимущественнаго значенія, какое происхожденіе отъ одной матери играетъ при опредѣленіи родственной связи и правъ наследованія, а также привилегированное положеніе, какое въ рядахъ родственниковъ занималъ дядя по матери, — все это доселѣ встрѣчается между осетинами, — почему мы и считаемъ себя въ правѣ сдѣлать въ заключеніе тотъ выводъ, что и у нихъ материнство предшествовало развитію патріархата и агнатическаго родства.

Если принять во вниманіе всю сумму вышеприведенныхъ данныхъ: распаденіе племени на экзогамическія, братскія группы, право каждаго изъ членовъ этихъ группъ на женщинъ, пріобрѣтенныхъ изъ чужихъ родовъ и братствъ, отсутствіе того ежечаснаго и тѣснаго общенія, какое въ наши дни носятъ отношенія супруговъ между собой и родителей къ дѣтямъ, воспитаніе подростающихъ поколѣній вдалекѣ отъ той семьи, въ которой они родились, неоднократное пребываніе замужнихъ женщинъ по цѣлымъ годамъ въ семьяхъ ихъ отцовъ и посѣ-

---

¹⁾ См. подробнѣе въ «Современномъ обычѣй и древнемъ законѣ», т. I, главы о Брадѣ и Системѣ родства.

щеніе ихъ мужьями не иначе, какъ украдкой и, по возможности, безъ свидѣтелей, наконецъ, выдающуюся роль, какую въ средѣ горцевъ занимаютъ отношенія брата и сестры, дяди по матери и племянниковъ, то не вполне баснословными представляются намъ рассказы древнихъ писателей, и во главѣ ихъ Страбона, о жившихъ на Кавказѣ, къ востоку отъ черкесовъ, женщинахъ воительницахъ или амазонкахъ. Не всё, конечно, подробности этой столь распространенной въ древности легенды должны быть признаны достовѣрными. Весьма вѣроятно, что амазонки не выжигали себѣ правой стороны груди, не ограничивали періодъ половой жизни двумя весенними мѣсяцами и не сходились для этой цѣли съ своими сосѣдями Гаргарянами на отдѣлявшей ихъ другъ отъ друга горѣ. Но слѣдующія частности ихъ быта находятъ прямое подтвержденіе въ только что описанныхъ нами обычаяхъ кавказскихъ племенъ; а совмѣстное жертвоприношеніе, сопровождаемое смѣшеніемъ половъ въ тайнѣ ночи, напоминаетъ собою тѣ проявленія религіознаго гетеризма, поводъ къ которымъ даютъ совершаемыя въ честь Лаши жертвоприношенія. Жизнь амазонокъ отдѣльно отъ избранныхъ ими временныхъ любовниковъ иллюстрируется обычаемъ хевсуръ оставлять женъ въ первый годъ, слѣдующій за свадьбой, въ жилищахъ ихъ матерей.

Обособленіе происшедшихъ отъ сожитія амазонокъ съ гаргарянами мальчиковъ отъ дѣвочекъ, поступленіе первыхъ къ отцамъ, а вторыхъ къ матерямъ, въ своеобразной формѣ указываетъ на существованіе въ древности такихъ же строгихъ запретовъ, какъ тѣ, какіе въ наши дни установлены въ средѣ черкесовъ для браковъ «братьевъ и сестеръ» одного и того же экзогамическаго союза.

Въ виду сказаннаго, я не считаю невѣроятнымъ сообщаемый Рейнесомъ фактъ, что сказаніе объ амазонкахъ въ его время было еще ходячимъ въ средѣ черкесовъ, правда въ формѣ весьма отличной отъ той, какая придавалась ему писателями древности.

Независимость и свобода черкесскихъ женщинъ, ихъ ежечасная готовность раздѣлять съ мужьями опасности и труды располагали горцевъ относиться съ довѣріемъ къ легендамъ, въ которыхъ женщинамъ выдѣляется большая роль, чѣмъ та,

какая составляет ихъ удѣлъ въ наше время. Черкесы разсказывали Рейнегу слѣдующія подробности о воинствующихъ дѣвахъ, которыхъ они обозначали прозвищемъ «Эмечи»¹⁾, что въ буквальномъ переводѣ значить происшедшія отъ женщинъ—подробность, которую стоитъ отмѣтить, такъ какъ въ ней наглядно выступаетъ связь черкесскаго амазонства съ порядками матриархата.—Воюя съ черкесами, амазонки однажды рѣшились вступить съ ними въ переговоры. Предводительница амазонокъ, пробывъ нѣсколько часовъ въ палаткѣ предводителя черкесовъ, князя Тульме, вышла изъ нея съ рѣшимостью прекратить дальнѣйшую вражду. Она заявила войску, что заключаетъ миръ и выходитъ замужъ за своего недавняго противника. Своимъ подругамъ она посоветовала сдѣлать то же: замѣнить кровопролитіе узами Гименея. Ея совѣтъ былъ принятъ, и амазонки обвѣнчались, каждая съ выбравшимъ ее въ жены черкесомъ.

Вотъ въ какомъ видѣ сохранило преданіе горцевъ память объ окончательномъ разрывѣ съ порядками матриархата. Очевидно, въ этой легендѣ такъ же трудно видѣть указаніе на опредѣленный историческій фактъ, какъ и въ сказаніи афинянъ о первоначальномъ установленіи брака Кекропомъ. Оно цѣнно для насъ лишь потому, что указываетъ на существованіе еще недавно въ средѣ горцевъ Кавказа опредѣленнаго представленія о томъ, что власть мужа и отца не установлена отъ начала вѣковъ; что въ нѣкоторыхъ обществахъ неизвѣстна другая филиація крови, какъ та, источникомъ которой является мать: что временныя связи мужчинъ и женщинъ, принадлежащихъ къ неродственнымъ другъ другу, строго экзогамическимъ группамъ, предшествовали основанію частныхъ семействъ, и что переходомъ отъ старыхъ къ новымъ порядкамъ было установленіе постоянного сожитія въ формѣ брака. Не противорѣчатъ также проводимому нами взгляду о существовавшемъ нѣкогда на Кавказѣ материнства и крайне неопредѣленнымъ, правда, свѣдѣтельства древнеписателей о лошисахъ и тибаренахъ, т. е.

¹⁾ Отъ словъ: «Эмъ», что по татарски значить самка и частицы «Эчь» или «Ить», означающей родъ или происхожденіе (Шопенъ. Новая записка на древнія исторія Кавказа, стр. 19).

«жителяхъ башень» и «жителяхъ снѣговъ», которымъ Помпоній Мелла отводитъ страну къ востоку отъ Чернаго моря въ верховьяхъ Куры и Ушороха. Свидѣтельства Помпонія о томъ, что лошисы «спали вмѣстѣ безъ разбора подъ открытымъ небомъ», при всей своей неопредѣленности все же указываетъ на существованіе у нихъ коммунальнаго брака или общенія женъ между членами одной и той же группы или братства, а общераспространѣнность въ средѣ тибареновъ обычая куйды, состоящаго въ томъ, что при родахъ мужъ ложится въ постель и симулируетъ актъ рожденія, указываетъ на то, что отеческая власть только зарождалась въ ихъ средѣ. Обычай кувазы, общераспространенность котораго указана еще Макленаномъ и нашла въ послѣднее время подтвержденіе въ средѣ крестьянъ Черногоріи и Смоленской губерніи, тѣмъ интереснѣе, что говоритъ о необходимости прибѣгнуть къ символическому дѣйствію для приобрѣтенія отеческихъ правъ. Это дѣйствіе состоитъ въ симулированіи того самаго акта, на которомъ опираются права матери надъ ребенкомъ. Обращеніе къ нему само по себѣ доказываетъ и отсутствіе на первыхъ порахъ того, что называютъ отеческой властью, и установленіе ея со временемъ по по образцу той, которая искони признавалась за одной матерью въ силу физическаго рожденія.

Если мы въ заключеніе зададимся вопросомъ, какое понятіе о матриархатѣ можно составить на основаніи данныхъ кавказской этнографіи, то мы принуждены будемъ сказать, что эти данныя не оправдываютъ собою ни ученія Бахофена о существовавшемъ нѣкогда періодѣ женовластія, ни ученія Спеноса о ничемъ не сдерживаемомъ на первыхъ порахъ половомъ инстинктѣ. Вмѣсто того, чтобы принадлежать женщинамъ, власть въ материнскомъ родѣ всецѣло сосредоточивается въ рукахъ ея мужскихъ когнатовъ: дяди и брата. Они занимаютъ по отношенію къ подроставшимъ поколѣніямъ мѣсто подчасъ невѣстнаго, еще чаще отсутствующаго отца, отмщають нанесенныя племянникамъ обиды, исполняютъ по отношенію къ нимъ обязанности опекуновъ и попечителей и надбѣляютъ ихъ при совершеннолѣтій частью принадлежащаго имъ самамъ имущества. Обязанность повиновенія своимъ материнскимъ дидямъ, въ связи

съ обязанностию отмщенія за нихъ, всецѣло падаетъ взаимнѣ того на племянниковъ и внуковъ по матери, и слова Тацита о почетѣ, которымъ древне-германское общество окружало дѣда по матери, находятъ новую иллюстрацію на Кавказѣ. Съ другой стороны, трудно назвать безпорядочнымъ половымъ сожитіемъ то строгое соблюденіе началъ экзогаміи, при которомъ члены одного и того же братства лишены права взаимнаго супружества. Термины: полигамія, полиандрія и моногамія также мало приложимы къ брачнымъ порядкамъ Кавказа, при которыхъ члены одного братства, рода или нераздѣльной семьи еще недавно и отчасти доселѣ предъявляютъ права супруговъ на одну и ту же женщину, подъ условіемъ принадлежности ея къ чужому роду.

Выраженіемъ этихъ притязаній служила два, три столѣтія назадъ та свобода, съ которой черкесскія и чеченскія жены раздѣляли ложе съ членами одного съ ихъ мужемъ рода или братства, а также предписываемый обычаемъ переходъ вдовы къ старшему брату покойнаго, примѣръ котораго доселѣ представляютъ намъ осетины и чеченцы. Въ виду этихъ фактовъ, трудно говорить въ примѣненіи къ предкамъ современныхъ намъ горцевъ объ инозѣ бракѣ, какъ о томъ, какой Морганъ, а за нимъ Физонъ удачно обозначили терминомъ «брака по группамъ». Такой бракъ необходимо предполагать, на ряду съ ограниченнымъ по отношенію къ сферѣ дѣйствія общеніемъ женъ, и существованіе экзогамическихъ запретовъ. При немъ строгое соблюденіе половой нравственности незамужними дѣвушками легко мирится съ свободой половыхъ сношеній замужнихъ женщинъ, свободой, ограничиваемой однако требованіемъ: не вступать въ сожитіе съ членами другихъ родовъ, кромѣ того, въ какой женщина вступила, благодаря похищенію или куплѣ. Исключеніе допускается лишь по отношенію къ сожитію съ гостемъ, но только потому, что гость считается временнымъ членомъ той семьи и того рода, въ которомъ онъ нашелъ пріютъ; оставляя за хозяиномъ право наследовать въ находящемся при гостѣ имуществѣ и получать слѣдующій въ случаѣ его убійства выкупъ, обычай соотвѣтственно надѣляетъ гостя и всѣми преимуществами «родственника» и «брата».

ГЛАВА II.

Агнатическій родъ.

Тогда какъ матриархатъ является въ средѣ горцевъ частью выжившимъ, частью выживающимъ порядкомъ, агнатическій родъ носитъ у нихъ еще всѣ признаки вполне жизненнаго явленія. Рѣдко гдѣ можно наблюдать его разнообразнѣйшія проявленія въ такой полнотѣ и подробности, въ такой чистотѣ и разцвѣтѣ, какъ въ кавказскихъ тѣснинахъ. Связь этой общественной организаціи съ религіозными представленіями и, въ частности, съ культомъ предковъ, вліяніе, оказываемое ею на умственный складъ, на нравы, обычаи, привычки и экономическій строй — все это выступаетъ въ бытѣ горцевъ съ такой очевидностью, что историку родовыхъ порядковъ кельтовъ, германцевъ или славянъ не представляется, на нашъ взглядъ, болѣе надежнаго пути къ провѣркѣ устанавливаемыхъ имъ гипотезъ, какъ сопоставленіе ихъ съ данными кавказской этнографіи.

Я далека, конечно отъ мысли исчерпать всѣ тѣ вопросы родоваго устройства, къ выясненію которыхъ можетъ содѣйствовать изученіе общественнаго быта горцевъ. Эта задача можетъ быть выполнена съ удобствомъ лишь въ самостоятельномъ и весьма обширномъ трактатѣ. Мнѣ пришлось бы, въ такомъ случаѣ, поставить себѣ однородную, хотя и несравненно болѣе широкую задачу, чѣмъ та, къ осуществленію которой

направлена была моя монографія о современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ. Появленіе этого сочиненія избавляетъ меня отъ необходимости входить здѣсь во всѣ детали родового устройства, насколько они обрисовываются обычнымъ правомъ кавказскихъ горцевъ. Я имѣю въ виду остановиться лишь на тѣхъ сторонахъ родовыхъ порядковъ, которые доселѣ являются наименѣе выясненными и безспорными, и на которые кавказская этнографія призвана, на мой взглядъ, пролить новый свѣтъ.

Къ числу такихъ вопросовъ я отношу вопросъ о связи родового устройства и вытекающихъ изъ него учреждений съ религіей и, въ частности, съ домашнимъ культомъ.

Я полагаю, что данныя Кавказовѣднія даютъ намъ право утверждать, что родовое устройство совпадаетъ во времени съ періодомъ полнѣйшаго развитія анимизма, т. е. не только съ одухотвореніемъ всѣхъ предметовъ природы, къ какому бы царству они ни принадлежали, но и съ представленіемъ, что смерть не прекращаетъ собою жизни и что въ загробномъ существованіи души надѣлены тѣми же потребностями и страстями, что и живущія.

Этимъ обстоятельствомъ объясняется, на мой взглядъ, почему родовое устройство рассчитано на удовлетвореніе потребностей не однихъ лишь живущихъ, но и умершихъ; почему, съ другой стороны, родъ, какъ цѣлое, считаетъ возможнымъ вести открытую борьбу со всѣмъ, что предумышленно или случайно сдѣлалось источникомъ понесенной имъ утраты, все равно, будутъ ли это люди, животныя, растенія или камни.

Различіе между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, между преднамѣреннымъ и случайнымъ, не доступно пониманію того, кто въ каждомъ предметѣ внѣшней природы предполагаетъ существованіе движущей его духовной силы, кто въ такихъ неизмѣнно повторяющихся явленіяхъ, какъ болѣзни и смерть, видитъ непосредственное вмѣшательство добрыхъ и злыхъ духовъ, т. е. благопріятно расположенныхъ или враждебныхъ къ нему душъ усопшихъ. Чтобы подтвердить фактами справедливость утверждаемаго, я остановлюсь прежде всего на тѣхъ представленіяхъ, какія отдѣльныя племена Кавказа связываютъ со смертью. Эти представленія съ наглядностью выступаютъ

въ частностях ихъ погребальнаго обряда и сопровождающихъ его поминкахъ.

На протяженіи всего Кавказа и, въ частности, у черкесовъ существуетъ представленіе, что раненныхъ и больныхъ ни на минуту не слѣдуетъ оставлять въ покоѣ. Во время сна, полагаютъ черкесы, злымъ духамъ, виновникамъ болѣзней, легче причинить смерть больному. Отсюда то послѣдствіе, что больной во все время болѣзни окруженъ родственниками, которые развлекаютъ его пѣнями и пляской и производятъ въ его комнатѣ постоянный шумъ, не дающій ему ни на минуту возможности впасть въ дремоту.

Белль не разъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ мукъ, которымъ черкесы подвергаютъ своихъ больныхъ въ надеждѣ предохранить ихъ тѣмъ отъ смерти. Во время ночи, рассказываетъ онъ, пятнадцать—двадцать человекъ остаются въ комнатѣ больного, проводя время въ пѣніи и пляскѣ; по временамъ раздаются удары молота по расположенному вблизи постели плугу; все это для того, чтобы пациентъ не могъ заснуть. Во все время ночи на очагѣ поддерживается сильный огонь, освѣщающій собою всю саклю. Когда Белль сдѣлалъ попытку удалить шумѣвшихъ, самъ пациентъ обнаружилъ признаки явнаго неудовольствія, такъ какъ самъ онъ и окружавшіе его придерживались того взгляда, что во время сна злой духъ пріобрѣтаетъ власть надъ больнымъ и можетъ причинить ему всякій вредъ ¹⁾).

Въ средѣ картельскихъ племенъ и, въ частности, у хевсуръ, пшавовъ и тушинъ держится то убѣжденіе, что виновникомъ болѣзни является тотъ или другой усопшій, которому больной упустилъ сдѣлать положенное обычаемъ ~~приношеніе~~ и который, насылая ему болѣзнь, тѣмъ самымъ мститъ ему за обиду. Поэтому, первая забота заболѣвшаго послать за гадалкой и вывѣдать отъ нея имя прогнѣвавшейся на него души ²⁾).

Однохарактерные обряды практикуются доселѣ и осетинами и сванетами, а также чеченцами и ингушами. Въ XVII столѣтіи

¹⁾ Белль—*Journal d'une résidence en Circassie*, t. 2, стр. 24.

²⁾ Свидѣнія, собранныя на мѣстахъ и уже обнаруженные въ статьѣ «Пшавы» (*Юридическій Вѣстникъ*, декабрь 87 года). См. также Хаханова статью о Пшаввахъ и Худадова монографію о Хевсурсахъ.

іезуитъ Ламберти и французскій путешественникъ Шарденъ въ своихъ любопытныхъ отчетахъ о мингрельцахъ упоминають о подобныхъ же гаданіяхъ, совершаемыхъ надъ больными туземными священниками. Виновникомъ болѣзни мингрельцы обыкновенно признавали то святаго Георгія, то родовыхъ патроновъ (*Хати*, что въ буквальному переводѣ значитъ образъ). Для исцѣленія они не видѣли иного средства, кромѣ совершенія новыхъ жертвоприношеній въ честь причинившаго болѣзнь патрона ¹⁾).

Не менѣе общій характеръ носятъ на Кавказѣ тѣ обряды, какіе происходятъ на похоронахъ и поминкахъ. Въ нихъ явственно выступаетъ и вѣра въ непрекращаемость жизни со смертью, и убѣжденіе, что смерть вызывается не разрушеніемъ организма, а вліяніемъ злыхъ духовъ, патроновъ враждебныхъ покойникамъ родовъ. На смерть смотрятъ какъ на своего рода обиду; обиду, причиненную однимъ родомъ другому и налагающую на обиженного обязанность мщенія.

Подтвердимъ сказанное нѣкоторыми данными, заимствованными частью изъ описаній старинныхъ путешественниковъ, частью изъ личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ во время моихъ разъѣздовъ по Кавказу.

Что касается, во-первыхъ, до представленія горцевъ на счетъ непрекращаемости жизни смертью и продолженія ея за гробомъ, то оно какъ нельзя рѣзче выступаетъ въ слѣдующихъ причитаніяхъ, дѣлаемыхъ надъ покойникомъ шавскими плакальщиками: «Какъ могъ ты оставить свою семью, ты, надѣленный столькими добродѣтелями. Покинувъ насъ, ты тѣмъ самымъ нарушилъ всѣ твои обязанности; какъ ужасно твое поведеніе, какъ могъ ты подложить огонь подъ собственное чадло, что станеть дѣлать безъ тебя твое любимое дѣтище, какая судьба ожидаетъ всю твою семью?»

Не менѣе характерны причитанія, произносимыя надъ покойниками въ Шавіи, гдѣ, какъ и въ Мингрелии, обрѣзываніе

---

¹⁾ Relatio de la Colchide du Mengrellie par le P. Archange Lamberti, missionnaire de la propagation de la Foy. (Thévenol. Reletroi de Voyages curieux. 1696, v. I, стр. 40—43). Journal de Voyage du chevalier Chardin en Perse-par la Colchide, Londres. 1686, стр. 86.

кость, раздирание одежды и тому подобныя дѣйствія строго предписываются похороннымъ ритуаломъ.

«Возстань герой, гласять эти причитанія, довольно спать, пришли къ тебѣ твои сверстники. Не слушаетъ онъ насъ, недоволенъ нами; горе намъ: вдова уйдетъ въ домъ своихъ родителей, сироты будутъ плакать, пашни останутся безъ воздѣлыванія, враги заликують отъ радости» ¹⁾).

Не прерывая собою жизни, смерть въ то же время является въ глазахъ горца великимъ бѣдствіемъ, если не для самого покойника, который и за гробомъ можетъ вкушать всѣ радости земнаго существованія, то для его рода и семьи. Горцы не могутъ помириться съ мыслью, что смерть есть неизбѣжный законъ природы. Подобно тому, какъ болѣзни являются въ ихъ глазахъ порожденіемъ злыхъ духовъ, т. е. враждебныхъ имъ геніевъ чужихъ родовъ, такъ точно и смерть неминуемо должна быть дѣломъ ихъ рукъ. Но если такъ, то въ ней слѣдуетъ видѣть обиду, наносимую однимъ родомъ другому, обиду, требующую отмщенія.

Только имѣя въ виду сказанное, можно понять происхожденіе того страннаго обычая, въ силу котораго на могилахъ покойниковъ происходятъ ристалища или, такъ называемыя, джигитовки. Участіе въ нихъ въ правѣ принять только родственники. Начинаются они съ того, что надъ могилою раздается нѣсколько выстрѣловъ, послѣ этого начинается скачка. Во время ея, отъ четырехъ до шести ближайшихъ родственниковъ, держа за узды вновь осѣдланную лошадь, три раза обходятъ могилу, затѣмъ надрѣзываютъ себѣ уши, чтобы нѣсколько капель крови могли упасть на воздвигнутый надъ покойникомъ холмъ. Произносимое при этомъ причитаніе гласить: кровь эта ради тебя ¹⁾. Примѣрное сраженіе, какое представляютъ собою черкесскія тризны, участіе въ нихъ исключительно

¹⁾ О похоронномъ ритуалѣ Мингрельцевъ см. J. Mourier *L'état religieux de la Mingrelie* (въ *Revue de l'histoire des religions*, а. 1887. Juillet-août, стр. 90). — О похоронномъ ритуалѣ пшавовъ мою статью «Пшавы», этнографическій очеркъ, стр. 203 и 204.

²⁾ См. Koch. *Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus*, т. I, стр. 437.

родственниковъ и пролитіе ими на могилѣ родственной покойнику крови, въ монхъ глазахъ не имѣють другого смысла, кромѣ того, что символически выражаютъ готовность рода отмстить за смерть покойнаго невѣдомымъ врагамъ, виновникамъ его кончины.

То же воззрѣніе на смерть, какъ на обиду, совершенную невѣдомымъ врагомъ, обиду, отмстить которую составляетъ священную обязанность рода, является въ Дагестанѣ источникомъ еще болѣе страннаго обычая. Въ Каракайтагѣ; Табиссарани и въ селеніяхъ Годобери и Зиберкула въ томъ случаѣ, когда смерть послѣдовала отъ неизвѣстной причины, родственники покойнаго, собравшись передъ мечетью, объявляли убійцей то или другое лицо и затѣмъ мстили ему, какъ настоящему преступнику ¹⁾.

Еслибы смерть не считалась горцами порожденіемъ чужой вражеской силы, только что упомянутый обычай не имѣлъ бы смысла.

Продолжая вести за гробомъ то же существованіе, что и на землѣ, надѣленный тѣми же потребностями и страстями, покойникъ предъявляетъ къ оставленному ему роду не меньше требованій, чѣмъ живущій. Онъ нуждается: въ пищу, питье, одеждѣ и освѣщеніи. Подъ угрозой сдѣлать изъ него врага, живущіи должны доставлять умершимъ все то, въ чемъ они могутъ нуждаться. Отсюда, упоминаемый Беллемъ обычай черкесовъ одѣвать покойника въ новую и притомъ праздничную одежду, отсюда распространенный среди осетинъ обычай оставлять въ комнатѣ покойнаго на ночь зажженную лучину, въ ожиданіи его посѣщеній, отсюда же такъ часто повторяющіяся, особенно у сванетовъ и осетинъ, поминки, во время которыхъ на могилѣ покойника выставляется пища и питье, и самъ онъ приглашается принять участіе въ пиршествѣ. Въ Осетин, а также и въ Грузіи, существуетъ обычай изготавлять изъ соломы чучело умершаго, которое, во время поминокъ, сажаютъ съ собою за столъ обыкновенно на почетнѣйшемъ мѣстѣ. Кто нибудь изъ родственниковъ ѣсть за двоихъ и избытокъ пиши считается поступившимъ въ пользу усопшаго.

¹⁾ Комаровъ. Адамы и судопроизводство по нимъ, стр. 18.

Всѣ, только что описанныя приношенія въ честь покойника, направлены къ одной цѣли, къ тому, чтобы расположить его въ свою пользу, сдѣлать изъ него духа покровителя, невидимаго союзника во всѣхъ клонящихся къ благу рода начинаніяхъ, а также врага и мстителя всѣмъ супротивникамъ и обидчикамъ. Не одни осетины, но и черкесы, сванеты, пшавы и тушины вѣрятъ, что души предковъ предотвращаютъ отъ нихъ опасности и несчастія. Незримые, они участвуютъ въ войнахъ и набѣгахъ, производимыхъ ихъ родомъ, заботятся о томъ, чтобы живущіе не чувствовали ни въ чемъ недостатка и потому всячески содѣйствуютъ урожаю, похищая съ этой цѣлью сѣмена у соседей ¹⁾).

Но стоить только потомству отступить отъ строгаго исполненія тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на немъ по отношенію къ покойникамъ, и души предковъ становятся злыми и мстительными. Они насылаютъ на свое потомство болѣзни, неудачи въ дѣлахъ и всякаго рода лишенія. Потомокъ можетъ провиниться передъ предкомъ не только оставивъ его безъ нужной ему пищи или питья, но и не отомстивъ за его смерть; отсюда, воззрѣніе на кровную месть, какъ на долгъ, какъ на обязанность, не только свѣтскаго, но и религіознаго характера; отсюда, весьма обычное въ старыя годы, одинаково у черкесовъ, чеченцевъ и осетинъ, умерщвленіе кровныхъ враговъ на самой могилѣ ихъ жертвъ. Въ ближайшее къ намъ время кабардинцы, черкесы и чеченцы обыкновенно довольствовались тѣмъ, что, отсѣкши ухо у убійцы, зарывали его въ могилу убитаго. Принесеніе въ жертву оскорбленной тѣни хотя бы части тѣла обидчика признавалось достаточнымъ для ея успокоенія. Воззрѣніе на месть, какъ на нѣчто необходимое для блаженства предковъ въ загробной жизни, наглядно выступаетъ въ обычай оповѣщать покойника о постигшей убійцу карѣ. Отомстивъ за смерть убитаго родственника, осетинъ спѣшитъ на его могилу, прикладываетъ къ ней свои губы и произноситъ: будь спокоенъ, я отомстилъ за твою смерть. Вѣчнымъ позоромъ покрываетъ себя тотъ, кто оставитъ убійство родственника безъ отмщенія.

¹⁾ См. Современный обычай и древній законъ, стр. 90 перваго тома.

Въ Дагестанѣ обычай дозволяетъ не принимать участія въ кровномъ возмездіи только подѣ условіемъ формальнаго разрыва со всей родней путемъ выхода изъ рода (тохума). Мщеніе настолько обязательно для родственниковъ, что, во избѣжаніе кровопролитія, въ Дагестанѣ принято выселять на время обидчика и его ближайшихъ родственниковъ, дабы тѣмъ устранить ихъ отъ возмездія. Стоитъ имъ только попасть на глаза родственникамъ жертвы и ихъ ждетъ неизбѣжно смерть или, по меньшей мѣрѣ, раненіе.

Въ самомъ способѣ, къ которому горцы прибѣгаютъ для того, чтобы устранить себя отъ грозящаго имъ мщенія, наглядно выступаетъ та мысль, что мести требуетъ душа покойнаго и что необходимо, прежде всего, умиловитъ его формальнымъ приобщеніемъ себя къ его культу. Но культъ предковъ—культъ часто родовой; чужеродецъ не можетъ быть причаснымъ къ нему, а потому первое, что предстоитъ сдѣлать лицу, желающему устраниваться отъ кровомщенія—это поступить въ члены обиженнаго имъ рода. Средствомъ къ тому можетъ служить и совершеніе украдкой того дѣйствія (я разумью прикосновеніе губами къ обнаженной груди женщины), съ которымъ обычай горцевъ связываютъ представленіе объ усыновленіи или вступленіи съ обиженнымъ родомъ въ искусственное родство. Съ этой цѣлью кабардинцы стараются похитить ребенка у обиженнаго ими рода. Сдѣлавшись противъ воли рода воспитателемъ одного изъ его членовъ, кабардинскій убійца тѣмъ самымъ вступаетъ съ нимъ въ отношеніе искусственнаго родства, при которомъ дальнѣйшая месть является невысказанной. Въ Дагестанѣ помилованіе обыкновенно даруется убійцѣ подѣ условіемъ, что онъ вступитъ въ родъ своей жертвы и постарается замѣнить матери и родитѣ понесенную ими утрату. Осетинскій обрядъ самопожертвованія (кифаель-дисинъ), весьма близкій къ тому, какой имѣетъ мѣсто въ Дагестанѣ при прощеніи кровному врагу нанесенной имъ обиды, также наглядно выражаетъ готовность убійцы умиловитъ свою жертву добровольнымъ поступленіемъ въ ряды послѣдователей его культа. Со всѣми признаками глубокой печали, въ черной одеждѣ, съ распущенными волосами, является осетинскій убійца на могилу убитаго и заявляетъ ему о своей го-

товности передать себя въ его руки. Ожидающій его у могилы ближайшій родственникъ убитаго, отъ его имени прощаетъ ему обиду. Отнынѣ убійца становится нарѣченнымъ братомъ въ родѣ убитаго и принимаетъ участіе въ совершаемыхъ въ его честь поминкахъ ¹⁾).

Упущеніе обязанности отмщенія является только одною изъ тѣхъ обидъ, какими потомокъ въ состояніи возстановить противъ себя душу усопшаго предка. Причиной недовольства предка на своего потомка можетъ быть также произнесенная послѣднимъ ложная присяга, каждый разъ, когда она сопровождается заклинаніемъ, что при невѣрности утверждаемаго предки должны или вовсе остаться безъ пищи, или питаться тѣломъ не чистыхъ животныхъ.

Для ингуша и осетина такая присяга считается самой страшной, такъ какъ, при наступленіи для гредка ожидаемыхъ послѣдствій, онъ не приминетъ отомстить потомку напущеніемъ на него болѣзней и, въ крайнемъ случаѣ, даже смерти.

Только имѣя въ виду сказанное, можно понять причину, по которой, при господствѣ родовыхъ отношеній, какъ показываетъ примѣръ кавказскихъ горцевъ, важнѣйшимъ видомъ судебныхъ доказательствъ является присяга отвѣтника и соприсяга его родственниковъ. Какъ самъ обвиняемый, такъ и родственники его охотнѣе согласятся признать на судѣ невыгодный для нихъ фактъ, нежели ложной присягой навлечь на себя кару оставленнаго безъ пищи предка.

Необходимость постоянного питанія покойниковъ въ связи съ тѣмъ фактомъ, что поглощеніе пищи огнемъ одно можетъ быть нагляднымъ проявленіемъ воспріятія ея витающими въ воздухѣ душами причина того, что центромъ домашняго культа у кавказскихъ горцевъ, какъ и повсюду, гдѣ только существуетъ или существовалъ этотъ культъ, является домашній очагъ.

Изготавливая пищу, хозяйка дома обыкновенно бросаетъ часть ея въ огонь, произнося при этомъ, напр. въ Ишавіи, слѣдую-

---

¹⁾ Современный обычай и древній законъ, ч. II. Отдѣлъ уголовные обычаи Осетинъ.

шаго рода причитаніе: да достанутся вамъ, наши мертвые, сдѣланные нами приношенія. Пригласите вкусить отъ нихъ того, кто ждетъ отъ насъ поминокъ, но кого мы въ настоящее время вспомнить не можемъ ¹⁾).

Питаясь у очага, души предковъ своимъ постояннымъ присутствіемъ вокругъ него даютъ ему особенное освященіе; у всѣхъ горцевъ Кавказа очагъ и связанные съ нимъ предметы, какъ то: котелъ и цѣпь, къ которой онъ привѣшенъ, въ большей или меньшей степени признаются предметами священными и символически выражаютъ собою семейное единство.

Имѣя это въ виду, можно понять причину, по которой не только у осетинъ. но и у разноплеменныхъ съ ними горцевъ Грузіи, а также у черкесовъ и ингушей, обхожденіе очага невольстой составляетъ необходимую часть брачнаго ритуала. Оно служитъ съ ея стороны выраженіемъ готовности присоединиться къ культу домашнихъ божествъ той семьи, членомъ которой сдѣлала ее бракъ.

Тѣмъ же сакраментальнымъ характеромъ очага объясняется и то, что всякій чужеродецъ, пришедшій въ соприкосновеніе съ нимъ, для чего достаточнымъ считается переступить порогъ сакли, или вкусить отъ изготовляемыхъ на очагѣ яствъ, становится временнымъ членомъ семьи и въ правѣ разсчитывать на ея помощь и защиту.

Общераспространенный на Кавказѣ обычай гостепримства не имѣетъ иного источника. Чужеродецъ пользуется привилегіями гостя лишь до тѣхъ поръ, пока остается въ общеніи съ очагомъ. Стоитъ ему выйти за порогъ пріютившаго его двора, и обязанность хозяина охранять гостя отъ враговъ и мстить за его обиду, какъ за обиду родственника, сразу прекращается. Убийца собственнаго сына хозяина не подлежитъ мести до тѣхъ поръ, пока пребываетъ подъ одной съ нимъ кровлей, питаясь яствами отъ одного съ нимъ очага. Но разъ между обоими прекращено общеніе домашняго культа, хозяинъ считаетъ долгомъ мстить своему недавнему гостю за причиненную имъ обиду.

---

¹⁾ Пшавы, этнографическій очеркъ, стр. 205.

Въ связи съ очагомъ и окружающимъ его культомъ стоитъ и порядокъ установленія искусственнаго родства или побратимства. У черкесовъ, осетинъ и горцевъ Грузинъ обыкновеннымъ порядкомъ его заключенія является совмѣстное вкушеніе пищи и питья изъ одной чаши, въ которую предварительно брошены были каждымъ изъ будущихъ братьевъ серебряныя опилки или мелкія монеты. Символическое значеніе этого церемоніала лежитъ въ фактѣ вкушенія пищи и питья, изготовленнаго у одного и того же очага.

Общностью культа, сознаниемъ необходимости ежечаснаго его поддержанія въ интересахъ благоденствія усопшихъ душъ и своего собственнаго объясняется причина той враждебности, съ какой родовые союзы относятся къ семейнымъ раздѣламъ. Пока продолжается семейное общеніе, не можетъ быть опасеній на счетъ того, что предки останутся безъ пищи и раздраженные неуважительнымъ отношеніемъ къ нимъ потомства сдѣлаются для него источникомъ всякихъ бѣдствій.

Культъ предковъ, разумѣется, является только однимъ изъ условій благопріятныхъ поддержанію семейнаго комунизма. Въ обществѣ, въ которомъ внѣ рода и семьи не существуетъ охраняющій миръ власти, въ которомъ самосудъ объединенныхъ единствомъ культа и крови союзовъ является единственнымъ средствомъ защиты противъ произвола и насилія, естественнымъ представляется желаніе не отдѣляться отъ своихъ близкихъ, жить съ ними общей жизнью и общими усиліями отвращать общихъ враговъ. Примѣръ Индіи показываетъ, что, при измѣнившихся общественныхъ условіяхъ, культъ предковъ можетъ сдѣлаться даже источникомъ нѣкотораго индивидуализма, такъ какъ на смѣну ученію о необходимости поддерживать единеніе, какъ средство обезпечить непрекращаемость домашняго культа, можетъ явиться противоположное ему ученіе о пользѣ семейныхъ дѣлежей, послѣдствіемъ которыхъ является умноженіе очаговъ, посвященныхъ культу однихъ и тѣхъ же усопшихъ¹⁾.

Общностью домашняго культа объясняется также и то обсто-

---

¹⁾ См. мое Общяное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія, часть I, 1879 годъ, глава 2.

ягельство, что членомъ семьи считается всякій, кто принимаетъ участіе въ этомъ культѣ, поэтому—не только кровные родственники, но и все искусственное родство, все равно будетъ ли источникомъ его усыновленіе, побра́тство или молочное родство. Различіе свободнаго, полусвободнаго и рабскаго состоянія также не принимается въ расчетъ въ томъ смыслѣ, что остающіеся при семьѣ вольноотпущенники и принимающіе участіе въ домашнемъ культѣ рабы одинаково признаются членами семьи.

Отвѣченное Беллемъ, Кохомъ и Лапинскимъ гуманное отношеніе черкесовъ къ ихъ рабамъ не имѣетъ другаго источника. Если Рейнексъ и упоминаетъ о существовавшемъ нѣкогда у кабардинцевъ обычаѣ приносить на могилахъ покойниковъ въ жертвоприношеніе рабовъ, то тотъ же писатель снѣшить прибавить, что такими рабами были военнопленные или купленные на сторонѣ люди, отнюдь не тѣ, какими семья владыка изъ поколѣнія въ поколѣніе ¹⁾).

Домашніе рабы всегда пользовались у черкесовъ и кабардинцевъ, а тѣмъ болѣе у осетинъ значительными преимуществами надъ военнопленными или покупными, такъ называемыми: усраями и наутами. Тотъ классъ людей, которыхъ русскіе собиратели народныхъ обычаевъ и адатовъ обозначаютъ терминомъ «обрядовыхъ холоповъ и холоповъ» имѣли право брака и не могли быть отчуждаемы въ чужія руки безъ собственнаго ихъ согласія ²⁾). Единеніе между людьми одного двора, какъ связанными единствомъ очага и домашняго культа, возможно лишь подъ условіемъ ежечаснаго поддержанія между ними внутренняго мира и спокойствія; но этотъ миръ не былъ бы возможенъ, если бы къ преступленіямъ, совершеннымъ въ родственной средѣ, приложено было то же начало кровнаго возмездія,

1) Feinegg, томъ I, стр. 259.

2) Въ архивѣ Нальчикскаго округа мнѣ не разъ попадались дѣла, въ которыхъ со словъ горскихъ судей было записано, что «по существующему обычаю въ Кабардѣ обрядовые холопы безъ ихъ согласія не продаются въ чужія руки». (См. «Черный настольный журналъ Кабардинскаго окружнаго народнаго суда за 1863 г., августа 22). Другое дѣло у Науты, которымъ обычай не дозволяетъ другихъ связей съ женщинами, кромѣ временныхъ, и которыхъ во всякое время дозволяется отдѣльно отъ семьи продавать.

примѣненіе котораго вызываютъ обиды, нанесенныя членомъ одного рода члену другаго. Отсюда то послѣдствіе, что не только дѣтубійство, но и отце и братубійство, какъ общее правило, остаются безъ отмщенія. Обыкновеннымъ послѣдствіемъ ихъ является удаленіе изъ семьи нарушившаго его внутренній миръ члена. Кавказское абречество не имѣетъ другаго источника; абрекъ это то же, что славяно-русскій изгой или древнегерманскій «wargus». Не имѣя семьи, отлученный отъ общенія съ своими близкими, онъ обреченъ на вѣчное скитальчество. Тысяча опасностей представляется ему на пути: грабежъ и убійство, которыхъ онъ можетъ сдѣлаться жертвой, остаются безъ отмщенія, такъ какъ у абрека нѣтъ родственниковъ мстителей. Не обращаясь къ такому крайнему средству, какъ изгнаніе, осетины и сванеты довольствуются нерѣдко прекращеніемъ всякаго общенія съ отце-и братубійцею. Последняя изъ названныхъ народностей старается даже отличить виновнаго внѣшнимъ знакомъ, который бы позволялъ признать его каждому. Такимъ знакомъ является ожерелье изъ камней, напоминающее собою вѣтхозавѣтное предписаніе о побіеніи отцеубійць камнями; предписаніе, воспринятое также магометанскимъ правомъ и строго примѣняемое доселѣ сѣверными сосѣдями сванеть—балкарцами.

Не одни живущіе подъ одною кровлею родственники выступаютъ передъ нами съ характеромъ среды, не допускающей и мысли о кровномъ возмездіи; такой же средой является и самъ родъ, а также тотъ братскій союзъ, начало которому кладетъ добровольное соединеніе нѣсколькихъ родовъ. Мы видѣли выше, что кровомщеніе является исполненіемъ религиознаго долга, что оно составляетъ одну изъ тѣхъ обязанностей, какія живущія поколѣнія несутъ по отношенію къ умершимъ. Кавказскій горець мститъ убійць потому, что этого требуетъ тѣнь убитаго; но такое требованіе не можетъ быть предъявлено въ томъ случаѣ, когда убійца и убитый принадлежать къ одному и тому же роду. Допустить противное значило бы признать что души предковъ требуютъ отъ живущихъ совершенія дѣйствій, враждебныхъ интересамъ рода, и что живущій считаетъ себя обязаннымъ повиноваться такому требованію.

Вѣдь месть родственнику въ конечномъ результатѣ ведетъ къ дальнѣйшему ослабленію рода, который сверхъ понесенной утраты въ лицѣ убитаго, напримѣръ, сочлена, терпитъ новую въ лицѣ самого убійцы. Понятно поэтому, если преступленія, совершаемыя родственниками по отношенію другъ друга, остаются безъ возмездія. Это не значитъ, однако, чтобы родъ тѣмъ самымъ отказывался отъ мысли положить имъ предѣлъ: неоднократное повтореніе ихъ сдѣлало бы невозможнымъ поддержаніе того внутренняго мира, на которомъ держится самое существованіе родовыхъ сообществъ. Устраненіе изъ своей среды преступнаго сочлена, нагляднымъ выраженіемъ чего, смотря по мѣстности, является: то формальный обрядъ отреченія отъ него, то разрушеніе его жилища, или, если у него нѣтъ отдѣльной усадьбы, одна конфискація принадлежащей ему собственности, является такимъ образомъ требованіемъ необходимости. Имѣя въ виду сказанное, намъ не трудно понять причину, по которой обычное право кавказскихъ горцевъ устанавливаетъ строгую черту различія между воровствомъ, совершеннымъ у члена одного съ похитителемъ рода, и воровствомъ у чужеродца. Последнее дѣйствіе не только не кажется имъ позорнымъ, но, по словамъ барона Стала, считается у кабардинцевъ и черкесовъ своего рода доблестью ¹⁾. Молодая дѣвушка не охотно отдастъ свою руку человѣку, въ прошломъ котораго нельзя указать двухъ, трехъ случаевъ смѣлыхъ набѣговъ, окончившихся уводомъ скота и лошадей. Потоцкій сообщаетъ намъ даже интересныя подробности о цѣлыхъ воровскихъ шайкахъ, устраиваемыхъ черкесскими князьями. Члены этихъ шайкъ являются на общіе сходы не иначе, какъ съ закрытыми лицами, и употребляютъ въ своихъ рѣчахъ непонятный для другихъ жаргонъ ²⁾. Адаты кавказскихъ горцевъ такъ далеки отъ мысли считать воровство у чужеродца уголовнымъ преступленіемъ, что большинство ихъ, въ случаѣ обнаруженія вора, довольствуются требованіемъ, чтобы похищенное или его стоимость возвращены были хозяину. Другое

---

¹⁾ Баронъ Сталь, этнографич. очеркъ Кабардин. народа. (Леонтовича, Адаты, т. I, стр. 170).

²⁾ Voyage de Jean Potocki, стр. 168.

дѣло, если жертвою воровства является кто либо изъ членовъ одного съ похитителемъ рода: для такихъ воровъ обычной карой служить конфискація. Стоимость украденнаго съ этою цѣлью взыскивается въ семь и болѣе разъ, при чемъ самое число этихъ разовъ возрастаетъ обратно пропорціонально цѣнности похищеннаго; все это съ цѣлью приблизить размѣръ пени къ конфискаціи всего имущества ¹⁾). Особенно наглядно это желаніе уподобить пеню конфискаціи выступаетъ въ обычаяхъ жившихъ въ концѣ XVIII в. еще родовыми поселками кистинъ. По словамъ Рейнекса, укравшій что либо въ домѣ своего сосѣда обязанъ былъ заплатить ему семьдесятъ разъ стоимость похищеннаго ¹⁾). За исключеніемъ этого различія, обычное право горцевъ допускаетъ только то, источникомъ котораго является мѣсто совершенія кражи: воровство въ саклѣ признается наиболѣе тяжкимъ и чѣмъ ближе находился похититель къ домашнему очагу, тѣмъ выше размѣръ постигающаго его взысканія. Причина та, что въ воровствѣ изъ сакли, предполагающей недозволенный входъ въ чужое жилище, видятъ оскверненіе домашняго очага. Весь добавочный платежъ къ цѣнности украденнаго служитъ вознагражденіемъ за это оскорбленіе ²⁾).

Мы сказали выше, что культъ предковъ по природѣ своей не допускаетъ участія въ немъ никого, кромѣ родственниковъ, природныхъ или фиктивныхъ, другими словами, лицъ, формально заявившихъ о своей готовности поддерживать этотъ культъ. Но этимъ условіямъ, очевидно, ни мало не отвѣчаетъ ни ребенокъ, рожденный въ внѣбрачной связи, ни тотъ, появленіе котораго на свѣтъ связано съ прелюбодѣяніемъ. Дитя неизвѣстнаго и во

---

¹⁾ У Кабардинцевъ при кражѣ у сосѣда лошади требуется возвращеніе 3-хъ лошадей, а при кражѣ барана, смотря потому, у кого оня украденъ, 10 и 20. (Адаты, т. I, стр. 253—256).—О воровствѣ у осетинъ см. Современный обычай и древній законъ, т. II, отдѣлы: уголовное право.—О воровствѣ у черкесовъ, см. Леонтовича, Адаты, т. II, стр. 136 и 137 и 262.—О воровствѣ у ингушей, см. Грабовскаго, ингуши (ихъ жизнь и обычаи), IX т. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 94.

²⁾ Reinegge. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, a 1796, v. I, стр. 40.

³⁾ См. Адаты кавк. горц., т. II, стр. 137.—Грабовскаго. Ингуши, (ихъ жизнь и обычаи), IX т. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 95.

всякомъ случаѣ чужероднаго родителя, онъ не можетъ сдѣлаться продолжателемъ культа родовыхъ божествъ и всѣ его приношенія необходимо должны сдѣлаться достояніемъ иныхъ покойниковъ, нежели тѣхъ, которымъ они предназначались. Неудивительно послѣ этого, если обычай кавказскихъ горцевъ въ одно слово требуютъ умерщвленія незаконнорожденныхъ дѣтей ¹⁾ и убійства обоихъ виновниковъ прелюбодѣнія. Уклониться отъ личнаго возмездія въ данномъ случаѣ считается позоромъ, и родственники могутъ принудить мужа, помиловавшего свою жену, къ разрыву съ ней дальнѣйшаго супружескаго общенія ²⁾.

Интересъ рода выше интереса отдѣльныхъ его членовъ и благосостояніе покойниковъ въ загробной жизни, думаютъ они, стоитъ того, чтобы ему принесены были въ жертву и сердечная привязанность, и чувство жалости.

Культъ предковъ, по возрѣніямъ горцевъ, возможенъ лишь до тѣхъ поръ, пока на землѣ продолжается ихъ родъ. Съ прекращеніемъ послѣдняго, предки остаются безъ пищи и питья, и становятся злыми гениями той мѣстности, которой они нѣкогда были патронами. Отсюда источникъ доселѣ держащагося у армянъ предствленія, что оставленная по причинѣ полнаго вымиранія рода усадьба есть обиталище нечистыхъ духовъ ³⁾.

Этимъ возрѣніемъ, не менѣе распространеннымъ и среди горцевъ, объясняется, между прочимъ, тотъ фактъ, что изъ правила о нераздѣльномъ владѣніи не только отдѣльными родами, но и цѣлымъ племенемъ, занятой ими земельной площади съ самого начала сдѣлано было исключеніе для усадебной земли. По названной причинѣ земля эта искони составляетъ у горцевъ предметъ подворнаго владѣнія. Никто не согласился бы получить въ

¹⁾ Убіеніе незаконнорожденныхъ младенцевъ практикуется одинаково и черкесами, и осетинами, и сванетами.

²⁾ Подробности на этотъ счетъ можно найти какъ въ заключительной главѣ настоящаго сочиненія (Дагестанъ), такъ и въ Современномъ обычай и Древнемъ законѣ (отдѣлъ уголовное право Осетинъ). См. также выписку о правахъ и обычаяхъ чеченцевъ Владикавказскаго округа, 1849 г., стр. 117—120. (Адаты, т. II).—Сб. адатовъ жителей Кумыкскаго округа, 1865 г. (Адаты, т. II, стр. 118).

³⁾ Егіазаровъ. Исследование по исторіи учреждений въ Закавказьѣ. Т. I, стр. 146.

силу передѣла оставленную семьей усадьбу, изъ опасенія тѣхъ бѣдствій, какія могутъ наслать на него самого и на его родственниковъ обитающіе въ ней «домовые».

Если прибавить къ сказанному, что у большинства горскихъ племенъ существуетъ обычай хоронить покойниковъ на принадлежащей двору землѣ, что хевсуры и тушины, осетины и сванеты имѣютъ свои фамилыныя усыпальницы, что желаніе имѣть вблизи себя могилы предковъ нерѣдко выступаетъ у картвельскихъ и иранскихъ народностей Кавказа съ такою силою, что, переселяясь на новыя мѣста жительства, они переносятъ съ собою и гробницы отцовъ, то нельзя будетъ не признать, что въ числѣ причинъ, содѣйствующихъ выдѣленію дворовой собственности изъ племенной и родовой, далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ и культъ предковъ. Неотчуждаемость дворовой или нераздѣльно-семейной собственности, вытекающая въ большинствѣ случаевъ изъ практической невозможности достигнуть на этотъ счетъ полного единогласія всѣхъ участниковъ, въ нѣкоторыхъ аулахъ Дагестана принимаетъ характеръ формальнаго запрещенія. Родъ не терпитъ поселенія въ своей средѣ семей, религіозные и свѣтскіе интересы которыхъ отличны отъ его собственныхъ.

Но если культъ предковъ является, такимъ образомъ, однимъ изъ условій, содѣйствующихъ удержанію земель въ рукахъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, то онъ же случайно можетъ сдѣлаться источникомъ ихъ отчужденія. Ставя религіозные интересы выше всѣхъ другихъ, обычай горцевъ смотреть на совершеніе поминокъ по усопшимъ, какъ на неотложную обязанность потомства; но эти поминки принимаютъ такіе размѣры и повторяются такъ часто, что становятся для отдѣльныхъ дворовъ источникомъ ихъ раззоренія: осетины, сванеты, пшавы затрачиваютъ на ихъ совершеніе сотни и тысячи рублей, такъ какъ на устраиваемыя поэтому поводу угощенія сходятся не только родственники и односельчане, но нерѣдко весь народъ; такъ, напр., у сванетовъ, чѣмъ больше число лицъ, участвующихъ въ номинальномъ пирѣ, тѣмъ больше чести приходится на долю устроившаго его двора. Неудивительно послѣ этого, если для устройства поминокъ дворъ рѣшается иногда пожертвовать частью принадлежа-

шей ему земли; но прежде чѣмъ произвести отчужденіе ея въ чужія руки, обычаи рекомендуютъ предложить ея родственнымъ родамъ. При покупкѣ ея ими, земля не выходитъ изъ рода и культъ родовыхъ божествъ не терпитъ такимъ образомъ неизбежнаго въ противномъ случаѣ сокращенія. Право родовой преэмпции, т. е. предпочтительная покупка родственниками, такимъ образомъ, стоитъ въ несравненно болѣе тѣсной связи съ родовымъ культомъ чѣмъ та, какую обыкновенно допускаютъ. При отказѣ родственниковъ, дворовая земля можетъ перейти въ силу продажи и къ чужеродцамъ, но и въ этомъ случаѣ культъ предковъ даетъ себя знать въ обычаяхъ, доселѣ не вышедшемъ изъ употребленія во многихъ мѣстностяхъ Осетин и Грузин. Первымъ дѣломъ покупателя—совершить на приобретенной имъ землѣ поминку въ честь предковъ продавца. Онъ дѣлаетъ это въ надеждѣ расположить ихъ въ свою пользу и изъ опасенія, что въ противномъ случаѣ они, видя въ немъ чужеродца и ближайшаго виновника того, что совершившійся въ ихъ честь культъ отнынѣ будетъ прекращенъ, не преминутъ вымѣстить на немъ свою злобу и сдѣлаются для него и для его семьи источникомъ всякаго рода бѣдствій.

Культъ общихъ предковъ является для рода тѣмъ связующимъ началомъ, какое большинство изслѣдователей родовыхъ отношеній тщетно искали въ фактѣ происхожденія отъ одного общаго родоначальника. Если принять во вниманіе, что большинство родовъ развилось изъ упомянутыхъ у насъ выше экзогамическихъ группъ, которымъ было извѣстно одно только родство по матери; если имѣть въ виду, что путемъ добровольнаго присоединенія къ сильному своей численностью роду другихъ болѣе слабыхъ родовъ, точно такъ же какъ путемъ неоднократно повторяющихся случаевъ усыновленія членовъ чужихъ родовъ, чистота крови въ предѣлахъ рода становится фактически невозможной, то не мудро будетъ придти къ заключенію, что нѣтъ основанія говорить о кавказскомъ родѣ, какъ о продуктѣ естественнаго размноженія семьи.

Теорія рода, какъ результата постепеннаго развѣтвленія первичной семейной ячейки, состоящей изъ мужа и жены, теорія, на несостоятельность которой указано было мною въ моемъ

«Первобытномъ правѣ», отнюдь не можетъ быть защищена на основаніи кавказскаго матеріала. Правда, и на Кавказѣ, въ особенности среди дворянскихъ семей, не разъ попадаются геологическія древа. Примѣръ такого древа представляетъ въ частности то древо кабардинскихъ княжескихъ семей, какое Потоцкій приложилъ къ тексту своего интереснаго путешествія по горамъ Кавказскимъ; но эти генеалогіи рѣдко когда идутъ далѣе восьми—десяти поколѣній назадъ. Наиболѣе несомнѣныя изъ нихъ: генеалогія шамхаловъ Тарковскихъ—съ большей или меньшей достовѣрностью восходитъ лишь до XVI столѣтія; то же можетъ быть сказано о генеалогіи Кайтагскихъ уцмиевъ, Кажмухскихъ и Мехтулинскихъ хановъ и султановъ елисупскихъ¹⁾. Что же касается до той генеалогіи, на которой настаиваютъ кабардинскія княжескія фамиліи, то, если считать даже безспорными выставляемые ими притязанія, все же приходится отказаться отъ мысли о ея глубокой древности: между временемъ болѣе или менѣе мифическаго родоначальника кабардинскихъ князей Инала и временемъ Петра Великаго насчитываютъ всего на всего шесть поколѣній²⁾.

О баснословности и недавнемъ происхожденіи осетинскихъ генеалогій я не стану распространяться послѣ того, что сказано мною на этотъ счетъ въ Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ. Генеалогіи горскихъ таубіевъ и дигорскихъ Бадилятъ начинаются всего на всего съ 16-го вѣка.

Къ числу древнѣйшихъ фамилій на Кавказѣ, если вѣрить легендамъ, надо отнести и тѣ, которыя дали свое имя нѣкоторымъ ауламъ Веденскаго наибства; такъ, напр., заселяющая аулъ Эрсно считаетъ уже восемнадцать поколѣній; та же, которая занимаетъ аулъ Элистанжи, одиннадцать. Въ Даргинскомъ наибствѣ также можно указать на аулы, какъ Белгатой, основаніе

1) Одни только аварскіе ханы, не имѣющіе особой генеалогіи, въ то же время должны быть признаны весьма древними.

2) Родословное древо Шамхаловъ Тарковскаго отпечатано въ первомъ томѣ Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ; родословная Кабардинскихъ князей помѣщена у Палласа на 428 стр. его *Voyages*. Дюбуа де Монпере въ грузинскихъ лѣтописяхъ находитъ указаніе на то, что родоначальникъ кабардинскихъ князей Иналъ жилъ въ началѣ XVI вѣка.

котораго занимающимъ его родомъ отнесено за 16 поколѣній до нашего времени. Если признать даже историческое значеніе за этими легендами, чего, разумѣется, они ни мало не заслуживаютъ, то все же получится относительная только древность въ тысячу лѣтъ, не болѣе.

Сванетскія сказанія о Дадешкеліанахъ относятъ возникновеніе ихъ рода къ сравнительно недавней эпохи отдѣленія Мингреліи отъ Грузіи.

Передаваемая г-номъ Худатовымъ легенды о происхожденіи хевсурскихъ родовъ не возводятъ ихъ происхожденіе далѣе, какъ къ XVII-му столѣтію (время жестокаго Эристава Зурава). Ингуши и чеченцы, не имѣя князей, обходятся по этой причинѣ безъ генеалогій.

Такимъ образомъ, мы въ правѣ сказать, что кавказскія генеалогіи ничего не говорятъ намъ о первоначальномъ происхожденіи родовъ и, слѣдовательно, совершенно могутъ быть оставлены въ сторонѣ при рѣшеніи этого вопроса.

Гораздо большее значеніе для его рѣшенія имѣютъ ходячія въ средѣ горцевъ сказанія о «великанахъ» или «нартахъ». Сказанія эти рисуютъ намъ рядъ выдающихся личностей, къ которымъ со всѣхъ сторонъ стекаются и родственники и чужеродцы, съ тѣмъ, чтобы подъ ихъ предводительствомъ совершать удачныя набѣги на сосѣдей. Любопытную черту этихъ сказаній составляетъ то обстоятельство, что въ нихъ обыкновенно упоминается не объ отцахъ, а о матеряхъ и сестрахъ воспѣваемыхъ героевъ, такъ, напр., въ чеченскихъ сказаніяхъ, когда заходитъ рѣчь о шестидесяти Орхустейцахъ ¹⁾, прямо говорится о томъ, что они произошли отъ шестидесяти различныхъ матерей. О любимѣйшихъ герояхъ осетинскихъ и кабардинскихъ сказаній, о Сосрыко, Хамыщѣ и Урызмагѣ, ни разу не упоминается, какъ о дѣлѣ такого то лица. Имя же ихъ общей матери—Сатаны приводится на каждомъ шагѣ. О значеніи, какое нартекія сказанія придаютъ отношеніямъ брата и сестры, можно судить по тому, что въ своихъ препирательствахъ тѣ же Хамыщъ, Сосрыко и Урызмагъ не разъ прибѣгаютъ къ посредничеству сестры ²⁾.

¹⁾ Изъ чеченскихъ сказаній, V вып. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 38.

²⁾ Осетинскія народн. сказ., *ibid*, стр. 15.

Подъ предводительствомъ Насранжаке сражалось не мало богатырей: Эй, Имышь, Сосышь, Жинду-жаке, Аракшау, Озершегъ. Ашовъ, сынъ Ашамазъ, Хымышевъ, сынъ Батыразъ, Сибильши. Альбековъ, сынъ Потеранъ. Сказаніе ни разу не говоритъ намъ о томъ, чтобы названные лица состояли между собою въ родствѣ, наоборотъ, мы часто встрѣчаемъ упоминанія о томъ, что въ богатырскихъ набѣздахъ равно участвуютъ родственники и не родственники. Насранжаке привозятъ откормленныхъ барановъ и доносятъ о томъ, что плохо охраняется и на что съ удобствомъ можетъ быть сдѣланъ набѣгъ. Насранжаке собираетъ нартовъ изъ сосѣднихъ и дальнихъ ауловъ, не исключая и тѣхъ, которые расположены на Кубани, и во главѣ отряда отправляется въ такіе далекіе разбѣды, какъ, напримѣръ, въ пространныи степи по Идылю, т. е. Волгѣ ¹⁾).

Очень характерно также отношеніе названныхъ героевъ къ встрѣчающимся имъ во время ихъ разбѣдовъ (бамъ) женщинамъ. Временное сожитіе съ ними представляется дѣломъ обычнымъ: предложеніе чужой женѣ войти въ любовную связь съ гостемъ повторяются неоднократно. Но женъ своихъ нарты, за исключеніемъ одного впрочемъ Урызмага, постоянно берутъ изъ чужихъ обществъ, при чемъ отказъ въ невѣстѣ признается обидой для «всего нартскаго аула», жители котораго, какъ бы заявляя свой права на будущую жену ихъ собрата, жалуются, что «дѣвица за нихъ замужъ не хочетъ» ²⁾).

Вотъ въ этой то обстановкѣ, представляющей всѣ черты переходной эпохи отъ материнства къ патриархату, и развивается дѣятельность этихъ первыхъ «собрателей если не земли, то людей». Со всѣхъ сторонъ стекаются къ нимъ безъ разбора

---

¹⁾ Изъ кабардинскихъ сказаній о Нартахъ въ 5-мъ вып. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 53, 64 и 65.

²⁾ Сынъ Сааа не считаетъ обидой передать женъ Урызмага предложеніе быть его любовницей (*ibid.*, стр. 50 и 51), а жена другаго витязя Уастверджи открыто заявляетъ тому же Урызмагу, что она сойдется съ нимъ, если только мужъ не прійдетъ къ ней ночью (стр. 59). Еще болѣе характерно то, что самъ Урызмагъ считаетъ возможнымъ снова сойтись съ своей вѣроломной женой, узнавши о характерѣ сдѣланнаго ей любовникомъ подарка.

родственники и чужеродцы, не только съ цѣлью совершать подъ ихъ начальствомъ случайные набѣги на сосѣдей, но и для того, чтобы образовать изъ себя постоянные союзы взаимной обороны, союзы, охотно переходящіе отъ самозащиты къ нападенію. Осетинскія сказанія, записанныя Миллеромъ, не разъ упоминаютъ о нартскихъ дружинахъ и рѣшеніяхъ, принимаемыхъ ими соборно на народныхъ сходкахъ или нихасахъ. Ихъ набѣды (балсы) нерѣдко происходятъ подъ предводительствомъ какого нибудь выдающагося вождя, на котораго указываетъ не только возрастъ, но и сложившаяся о немъ молва. Въ кабардинскихъ сказаніяхъ начальникомъ нартскихъ дружинъ обыкновенно является настранжохе—«золото-бородый». Въ Осетинскихъ-то Софонъ, то Рызмагъ или его сынъ Ботрагъ.

Общее представленіе, какое выносишь о дѣятельности этихъ народныхъ героевъ въ дѣлѣ объединенія разрозненныхъ элементовъ общества, довольно близко къ тому, какое получаешь при изученіи порядка возникновенія родовъ Роджипутовъ или клановъ Шотландіи. Вокругъ смѣлаго витязя собирается пестрая по своему составу меньшая дружина. Съ нею онъ производитъ свои набѣги; уводитъ у сосѣдей стада, овецъ и табуны лошадей, похищаетъ издалека и вблизи дѣвушекъ чужихъ материнскихъ родовъ; съ нею же онъ пируетъ въ тѣ рѣдкіе промежутки времени, которые собранная имъ дружина проводитъ въ мирѣ и спокойствіи. Ожиданіе ежечаснаго возмездія не позволяетъ ему распустить своихъ товарищей, почему его дружина и переходитъ постепенно въ постоянное сообщество, всегда готовое сняться съ мѣста и идти войной на общаго врага. Чѣмъ больше растетъ слава о его подвигахъ и доблести, тѣмъ большее число лицъ спѣшитъ стать подъ его начальство. Собравшаяся вокругъ него толпа не представляетъ собою ничего однороднаго; ее связываетъ воедино только общность опасностей и враговъ, общее довѣріе и нерѣдко привязанность къ руководителю или вождю. Но наступаетъ время, когда этотъ вождь сходитъ со сцены, потому ли, что падеть съ честью на полѣ брани, или становится жертвой со всѣхъ сторонъ стерегущихъ его злыхъ геніевъ, которымъ рано или поздно удается положить предѣлъ его земному существованію. Память о его

подвигахъ вскорѣ дѣлаетъ изъ него предметъ общаго почитанія. Онъ становится центромъ особаго культа, въ которомъ главную роль играютъ устраиваемыя въ его честь поминки, сопровождаемыя неоднократнымъ ходатайствомъ о его невидимомъ заступничествѣ въ переживаемыхъ его прежними сподвижниками затрудненіяхъ. Значеніе, какое въ ихъ глазахъ имѣлъ умершій— причина тому, что должность вождя обыкновенно переходитъ къ тому, на кого палъ выборъ покойника, а имъ всего чаще является его ближайшій родственникъ. Такъ какъ вражда, созданная ирежными войнами и набѣгами не прекращается вмѣстѣ съ ними, такъ какъ она всего чаще переходитъ по наследству отъ предковъ къ потомкамъ, то въ интересахъ совмѣстной обороны бывшіе сподвижники умершаго героя сохраняютъ между собою прежнее единеніе и продолжаютъ совместно свою борьбу за существованіе. Во второмъ или третьемъ поколѣніи еще держится память о ближайшихъ причинахъ, поведшихъ къ образованию группы, но въ дальнѣйшихъ уже начинается слагаться легенда о соединяющемъ ея членовъ кровномъ родствѣ. Проходитъ еще нѣсколько времени и возникаютъ цѣлыя сказанія, не менѣе баснословныя, какъ и тѣ, согласно которымъ сванеты, осетины и каршвелцы считаются потомками трехъ братьевъ Суона, Оса и Картыла ¹⁾. Полу-миѳическій Хожницъ объявляется вышедшимъ изъ Грузіи и родоначальникомъ стыр-дигорскихъ родовъ, какъ Бадило выходцемъ изъ Маджаръ и основателемъ рода дигорскихъ бадилать, а полу витязь и полу-святой Хетагъ первымъ изъ рода хетагуровыхъ!—Этимъ путемъ незамѣтно совершается процессъ обращенія материнскихъ экзогамическихъ группъ въ столь же экзогамическіе агнатическіе роды. Унаслѣдованное отъ временъ материнства запрещеніе браковъ между «братствами» удержано агнатическими родами, потому что въ противномъ случаѣ внутренній миръ родовыхъ сообществъ сдѣлался бы невозможнымъ, въ виду взаимнаго похищенія другъ у друга дѣвушекъ-невѣстъ.

Въ эпоху полного сложенія агнатическихъ союзовъ, культъ

---

¹⁾ Миллеръ. Осет. этюды, часть I. Преданіе о поселеніи Дигорцевъ въ Камуязъ, стр. 138).

предковъ, миѣческое представленіе объ общемъ родоначальникѣ и требованіе соблюдать въ бракахъ начало экзогаміи являются для родовъ такимъ же прочнымъ общественнымъ цементомъ, какъ и нераздѣльность земельного владѣнія родовъ, участіе въ общихъ сходахъ съ равнымъ для всѣхъ правомъ голоса и подчиненіе общему предводительству обыкновенно старшаго члена той династіи, къ которой народное представленіе относить основателя самого сообщества или славнѣйшаго изъ его умершихъ членовъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ процесѣ возникновенія кавказскихъ родовыхъ группъ культъ предковъ призванъ былъ играть далеко не послѣднюю роль. Въ немъ, а не въ совершенно произвольномъ представленіи о единствѣ происхожденія и крови слѣдуетъ видѣть то скрѣпляющее начало, благодаря которому случайно сошедшаяся группа лицъ перешла въ постоянный союзъ круговой поруки, извѣстный намъ подъ названіемъ родового союза ¹⁾).

Мы далеко не исчерпали всѣхъ тѣхъ сторонъ родового быта, на которыя культъ предковъ и связанный съ нимъ культъ домашняго очага сѣумѣли наложить свою печать; но и сказаннаго нами достаточно для того, чтобы придти къ убѣжденію, что безъ предварительнаго знакомства съ характеромъ того почитанія, какимъ общества, живущія условіями родового быта, окружаютъ своихъ мертвыхъ, невозможно ясное пониманіе духа родовыхъ порядковъ. Говоря это, я тѣмъ самымъ утверждаю, что во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ нѣмецкаго, славянскаго или кельтическаго права, памятникахъ, возникшихъ уже въ христіанскую эру, трудно найти ключъ къ пониманію того нерѣдко сложнаго умственнаго процесса, который привелъ къ установленію порядковъ, стоящихъ въ полномъ противорѣчій съ современными намъ понятіями о правдѣ и справедливости. Кто ограничится изученіемъ родового строя на основаніи только что названныхъ источниковъ, необходимо прійдетъ къ мысли не искать за изучаемыми имъ нормами вызвавшихъ ихъ къ жизни принциповъ, такъ какъ онъ убѣдится, что принципы

---

1) Сравня первобытное право. Часть I. Годъ, стр. 85.

эти лежать въ заслоненныхъ предъ нимъ христіанствомъ языческихъ вѣрованіяхъ. Только обращаясь къ аналогіямъ, только восполняя недостающія ему свѣдѣнія о религіозномъ міросозерцаніи родовыхъ сообществъ данными этнографіи, въ состояніи онъ достигнуть той всесторонности и отчетливости въ пониманіи родовыхъ порядковъ, безъ которыхъ все его построенія не могутъ имѣть иного значенія, кромѣ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ.

Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, изученіе родовыхъ порядковъ кавказскихъ горцевъ и призвано оказать неоцѣнимую услугу начинающейся только наукѣ общественной эмбриологіи, такъ какъ даетъ ей возможность проникнуть въ мельчайшія подробности того міросозерцанія, изъ котораго вытекло и въ которомъ нашло свое оправданіе родовое устройство.

Къ числу наиболѣе спорныхъ вопросовъ родоваго устройства надо отнести, наряду съ только что рассмотрѣннымъ, и вопросъ о характерѣ, какой въ эпоху его господства носить отношеніе человѣка въ землѣ. Бокъ-о-бокъ съ писателями, утверждающими, что родовое устройство есть особенность кочевыхъ племенъ и что ему чуждо поэтому всякое понятіе о правѣ частной или общинной собственности на землю, попадаются и такіе, которые думаютъ, что родовой бытъ можетъ быть продолженъ и въ эпоху перехода постоянной осѣдности; отдѣльныя семьи обособившись отъ общаго ствола расчищаютъ каждая большій или меньшій участокъ земли изъ подъ лѣса, кустарника и болота и, въ силу приложенія своего индивидуальнаго труда къ его обработкѣ, приобретаютъ на него права частной собственности. Въ новѣйшее время профессоръ краковскаго университета Даргунъ сдѣлалъ попытку оживленія этой довольно уже устарѣвшей теоріи и постарался обосновать ее данными сравнительной этнографіи ¹⁾. Въ Россіи того же воззрѣнія придерживаются профессора: Чичеринъ и Сергѣевичъ ²⁾.

1) Статья Даргуна помѣщена въ *Zeitschrift für die Vergleichende Rechts Wissenschaft*, издаваемую Колеромъ.

2) Опыты по исторіи русскаго права Чичерина и его полемика со мною въ критическомъ обзорѣ за 1878 г. Сергѣевичъ, статья въ журнале *Мин. Нар. П. осящ.*, перепечатанная въ «Лекціяхъ и Исслѣдованіяхъ».

Кавказская этнографія не оправдываетъ ни одного изъ только что упомянутыхъ ученій. Она указываетъ намъ и на возможность сохраненія родовыхъ порядковъ при переходѣ отъ кочеваго быта къ осѣдлому, и на произвольность утвержденія, что установленіе постоянныхъ отношеній къ землѣ необходимо ведетъ къ возникновенію частной собственности. Она [учитъ, что при родовомъ устройствѣ одинаково возможны и такіе порядки, при которыхъ нѣтъ другой земельной собственности, кромѣ племенной, и такіе, при которыхъ земля составляетъ достояніе отдѣльныхъ родовъ или ихъ соединеній, братствъ. Сосредоточеніе ея въ рукахъ родовыхъ группъ ни мало не препятствуетъ выдѣленію извѣстныхъ участковъ земли усадебной и пахотной въ обособленное владѣніе не частныхъ семей, а дворовыхъ общинъ, пользующихся ею на началахъ семейнаго коммунизма.

Доказывая все это, кавказская этнографія не становится въ разрѣзъ съ данными сравнительной этнографіи. Еслибы не смѣшеніе понятій, если бы не произвольная замѣна термина семейная или дворовая община словомъ семья, то на основаніи собраннаго г. Даргуномъ матеріала не возможно было бы сдѣлать иного вывода, кромѣ того, что въ родовую эпоху общегитія земля не есть собственность частнаго лица, все равно женатаго или холостого, а объектъ обладанія цѣлыхъ группъ; группы эти состоятъ изъ лицъ, имѣющихъ общій очагъ, объединенныхъ культомъ предковъ и представленіемъ о единствѣ ихъ происхожденія, другими словами такихъ же дворовыхъ общинъ, какъ тѣ съ существованіемъ которыхъ знакомятъ насъ данныя Кавказа. Тѣ же данныя какъ нельзя лучше доказываютъ вѣрность положенія Мауреровской теоріи, что характеръ собственности зависитъ отъ топографіи занятой племенемъ мѣстности, что на плоскости племенная и обще-родовая собственность находятъ болѣе благопріятныя условія для своего существованія, чѣмъ въ горныхъ тѣснинахъ, и что тамъ, гдѣ нѣтъ простора, дворовая, если не частная, собственность являются общими правилами. Это положеніе, вѣрность котораго уже доказана по отношенію къ Германіи и Швейцаріи, вполне применима и къ Кавказу. Простого сопоставленія порядковъ зем-

левладѣнія плоскостныхъ кабардинцевъ или осетинъ съ тѣми, которыхъ придерживаются сванеты и хевсуры, не говоря уже о горскихъ народностяхъ Дагестана, достаточно будетъ, какъ мы увидимъ, для того, чтобы убѣдиться въ той тѣсной связи, какая существуетъ между топографіей и землевладѣніемъ.

Всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства о народахъ сѣвернаго Кавказа въ періодъ времени, предшествующій нашествію тюркскихъ племенъ, сходятся въ изображеніи ихъ намъ народами полуосѣдлыми, полукочевыми. Писатели XIII-го вѣка, Рубруквись и Контарини, сходными чертами рисуютъ намъ быть племень, живущихъ къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта и къ югу и востоку отъ Дона или Танаиса. Народности эти, которыхъ они называютъ алаками и команамъ и изъ которыхъ первые, какъ указано Всеволодомъ Миллеромъ, являются предками современныхъ осетинъ, постепенно оттѣснены были на югъ тюркскими пришельцами. Большинство ихъ попало въ горы и подъ влияніемъ природныхъ условій устроило здѣсь свой бытъ на началахъ, нѣсколько отличныхъ отъ тѣхъ, на какихъ онъ былъ построенъ въ предшествующія столѣтія. Замкнутость занятыхъ ими долинъ, трудность сообщенія между ними, благодаря непроеходимости горныхъ ущелій въ зимніе мѣсяцы, заставили недавнихъ кочевниковъ заняться земледѣіемъ, сдѣлаться народомъ осѣдлымъ и построить свои земельныя отношенія на началахъ дворовой общины. Но память о бродячемъ характерѣ ихъ первоначальной жизни сохранило народное преданіе. Въ Чегемѣ и на Баксанѣ мнѣ и товарищу моихъ путешествій г. Миллеру пришлось записать сказанія, въ которыхъ бытъ пришлыхъ тюркскихъ племенъ рѣзко протувуполагается осѣдлымъ привычкамъ туземнаго населенія ¹⁾. Когда на смѣну тюркскихъ племенъ на плоскогорья сѣвернаго Кавказа явились кабардинцы, физическія условія мѣстности сдѣлали возможнымъ продолженіе ихъ прежнихъ кочевій. Не далѣе какъ въ концѣ XVIII вѣка Потоцкій и Палласъ отмѣчаютъ у кабардинцевъ характерную особенность народовъ, недавно вышедшихъ изъ условій кочевого быта: склон-

---

¹⁾ См. въ Вѣстникѣ Европы за 1884 годъ статью, озаглавленную «Горское Общество Кабарды».

ность переносить свои аулы на разстояніи немногихъ лѣтъ съ одного мѣста на другое. Черкесы вообще и кабардинцы въ частности, говорить первый изъ названныхъ писателей—живутъ въ селахъ, которыя они покидаютъ на разстояніи немногихъ лѣтъ, потому ли, что ихъ гонить оттуда нечистота, или же потому что не считаютъ себя болѣе достаточно защищенными противъ враговъ.

Каждый разъ, когда слѣдуетъ такое переселеніе, жители увозятъ съ собою вмѣстѣ съ домашнею мебелью и лучшія бревна, все остальное предается сожженію ¹⁾). Кабардинскій поселокъ, говорить въ свою очередь Потоцкій—не остается на занятой имъ мѣстности болѣе четырехъ или пяти лѣтъ. За это время князья, стоящіе во главѣ поселковъ, обыкновенно успѣваютъ перессориться съ своими сосѣдями, что вызываетъ въ нихъ естественное желаніе выселиться и избѣжать тѣмъ самымъ дальнѣйшей вражды. Вновь заведенныя ими связи и отношенія нерѣдко также влекутъ ихъ къ перемѣнѣ мѣста жительства. Такъ какъ земля принадлежитъ въ нераздѣленную собственность всей націи, то къ такому переселенію не представляется препятствій. Объ этомъ кочевомъ образѣ жизни—прибавляетъ отъ себя Потоцкій—историки не могли составить себѣ точнаго представленія за недостаткомъ живыхъ примѣровъ; но уже древнимъ народамъ было извѣстно различіе между племенами, устраиавшими свои жилища на повозкахъ, и тѣми, которыя жили въ палаткахъ ²⁾). Характерный примѣръ первыхъ представляютъ намъ побывавшіе, какъ мы увидимъ ниже, и на Кавказѣ татары времени Чингисхана и Батыя. Дома, въ которыхъ они живутъ, говорить Рубруквись, нутешественникъ XIII-го вѣка—построены на колесахъ, соединенныхъ между собою перекладинами, размѣръ которыхъ нерѣдко двадцать, тридцать футовъ. Эти подвижныя жилища передвигаются съ мѣста на мѣсто съ помощью впряженныхъ въ нихъ двѣнадцати и болѣе паръ быковъ ³⁾). Этотъ видъ

1) Voyages dans les Gouvernements méridionaux de l'empire de Russie en 1793—4, т. I, стр. 431.

2) Potocki. Voyages, стр. 176.

3) Le Voyage de Guillaume de Rubruquis, ch. II, у Bergeron, т. I, Voyages en Asie.

жилищъ извѣстенъ былъ и на Кавказѣ, и не далѣе, какъ въ серединѣ XVII-го вѣка. Тавернье говоритъ намъ о нагайцахъ, какъ о народѣ проводящемъ свою жизнь на повозкахъ съ воздвигнутыми надъ ними шатрами изъ войлока. Палатки служатъ жилищемъ для стариковъ, дѣтей и состоящей при нихъ прислуги ¹⁾. У того же писателя мы находимъ подробности о порядкѣ поселенія и бытѣ черкесовъ. Изъ его описаній видно, что черкесы уже имѣли въ это время постоянныя поселенія, которыя обыкновенно принимали форму круга съ свободной площадью внутри, помѣщеніемъ для скота и колодеземъ. По его словамъ черкесы мало занимаются земледѣіемъ, не сѣютъ ни ржи, ни овса, а только ячмень для лошадей и просо для собственнаго употребленія. Подробность, которая заслуживаетъ быть отмѣченной, это та, что по словамъ Тавернье черкесы не обрабатываютъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ одного и того же поля, а переносятъ ежегодно свои плантаціи съ мѣста на мѣсто ²⁾. Эта подробность, напоминающая собою знаменитое свидѣтельство Тацита о древнихъ германцахъ: *«arva per annos mutant et superest ager»*, указываетъ намъ не только на слабую густоту населенія, но на сравнительно недавній переходъ отъ кочевого быта къ осѣдлому. И такъ во второй половинѣ XVII вѣка адигейскія племена, сохраняя слѣды нѣкогда свойственнаго имъ кочевого быта, въ то же время являются народомъ осѣдымъ.

Къ еще болѣе отдаленной эпохѣ слѣдуетъ отодвинуть кочевыя привычки осетинъ и ихъ предковъ алланъ, занимавшихъ сѣверное

---

¹⁾ *Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, livre III. ch. XIII, (т. I, стр. 313).*

²⁾ *Ibid, стр. 301.* Приблизительно то же говоритъ о земледѣіи черкесовъ и Клапроth: *«On cultive la même picce de terre pendant deux ou trois ans desuite; et lorsque le terrain est puisé ou détérioré, on en laboure un autre lorsqu'ils'ont, de cette manières fait le tour de leur village à la distances de quelques verstes, ils emportent tous leurs effets et vont s'établir sur un terrain à défricher. (Voyage au mont Caucasse, т. I, стр. 374).* Баронъ Сталь повторяетъ Клапрота, когда говоритъ: переселенія ауловъ съ мѣста на мѣсто весьма часты: истощивъ кругомъ себя землю, аулъ переходитъ на друге мѣсто. (Леонтовичъ. Адагы, т. I, стр. 176).

плоскоторье Кавказа за долго до прихода тюркскихъ народностей и кабардинцевъ. Чтобы встрѣтиться съ указаніемъ на счетъ бродячаго состоянія осетинъ-алланъ надо подняться до четвертаго вѣка по Р. Х., времени, къ которому относится свидѣтельство Амміана Марцелина. «У нихъ, говоритъ этотъ писатель, нѣтъ постоянныхъ жилищъ; они не занимаютъ земледѣіемъ, питаются мясомъ и больше молокомъ, живутъ въ своихъ повозкахъ, которыя покрываютъ кусками древесной коры и таскаютъ за собою по неизмѣримымъ степямъ. Когда они доходятъ до мѣстъ, поросшихъ травой, то располагаютъ свои повозки въ кругъ и питаются какъ звѣри. Какъ только кормъ весь въ извѣстномъ мѣстѣ уничтожится, они отправляютъ дальше на повозкахъ свое такъ сказать государство. На этихъ повозкахъ мужчины сходятся съ женщинами; тамъ рождаются и воспитываются дѣти; это ихъ постоянныя жилища и гдѣ бы они ни кочевали, всегда они повозку считаютъ своей родиной. Они гонятъ передъ собою стада крупнаго и мелкаго скота и такимъ образомъ пасутъ его; но преимущественно они заботятся о лошадяхъ»¹⁾. Что касается до картвельскихъ племенъ, то ихъ кочевой бытъ долженъ быть отнесенъ еще къ болѣе глубокой древности, такъ какъ уже Страбону извѣстно раздѣленіе ихъ на четыре класса, изъ которыхъ одинъ былъ составленъ изъ землевладѣльцевъ²⁾. Подвигаясь далѣе на востокъ, мы у ингушей еще въ началѣ текущаго столѣтія, какъ видно изъ сообщеній Клапрота, встрѣчаемъ тотъ же обычай частаго оставленія ауловъ и переселенія съ мѣста на мѣсто, о которомъ намъ пришлось говорить въ примѣненіи къ черкесамъ и осетинамъ³⁾. У чеченцевъ эти переселенія сравнительно недавняго происхожденія. По народнымъ преданіямъ чеченцы искони жили въ горахъ, а занимаемая ими нынѣ плоскость къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта была покрыта стадами и табунами бродячихъ ногайцевъ, калмыковъ и татаръ. Въ горахъ бытъ чеченцевъ далеко не носилъ характера кочевого. Каждый дворъ воздѣлывалъ съ большимъ

1) Миллеръ. Осетинскіе этюды, т. IV, стр. 50 и 51.

2) Сравн. Du Bois de Montpérenx, т. II, стр. 49.

3) Клапротъ. Voyage au mont Caucase, т. I, стр. 397.

трудомъ небольшіе клочки способной къ обработкѣ почвы, очищая ихъ предварительно отъ камней. Съ середины XVIII вѣка часть чеченцевъ стала эмигрировать на плоскость. Безпрерывныя столкновения съ русскими, занимавшими ее въ это время, привило имъ вскорѣ привычку къ частымъ переселеніямъ. При Шамилѣ, сообщаетъ г-нъ Лаудаевъ, нерѣдко бывали случаи, въ которыхъ одно и тоже семейство двадцать разъ подрядъ измѣняло свое мѣстожительство, оставляя единственными слѣдами своего пребыванія легкія и далеко не прочныя постройки ¹⁾.

Съ переходомъ еще далѣе на Востокъ и Юго-Востокъ, мы вступаемъ въ область, въ которой частыя переселенія съ мѣста на мѣсто не извѣстны уже давно. Путешественники XVII столѣтія, Олеарій и Тавернье, въ одно слово говорятъ намъ о постоянныхъ поселеніяхъ въ Казикумухскихъ, Аварскихъ, Тарковскихъ и Уцмійскихъ владѣніяхъ. Преимущественное занятіе ихъ жителей составляетъ скотоводство; но оно не устраняетъ собою и земледѣлія въ размѣрахъ достаточныхъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго рынка. Обширныя села смѣняются мало отличными отъ сельскихъ городскими поселеніями, обыкновенно укрѣпленными, и этотъ фактъ самъ по себѣ указываетъ на невозможность частой смѣны жилищъ ¹⁾.

Итакъ, мы вправѣ будемъ сказать, что кочевой бытъ Кавказскихъ горцевъ долженъ быть отнесенъ къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому; а такъ какъ родовое устройство и связанные съ нимъ порядки нераздѣльнаго земельного владѣнія продолжаютъ держаться и до сихъ поръ, то необходимо будетъ признать, что переходъ къ осѣдлости не сопровождался у нихъ полнымъ унадукомъ родовой организациі и аграрнаго коммунизма.

Въ чемъ же спрашивается, сказывается въ наши дни этотъ аграрный коммунизмъ? У адигейскихъ племенъ въ томъ, что земля считается собственностью или всего племени, или братства съ

¹⁾ Лаудаевъ. Чеченское племя (6-й т., Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 50).

²⁾ Олеарій. Путешествіе въ Москву и Персію, кн. 6, гл. 12 изслѣд. *Les six voyages de Tavernier, livre troisième, chapitre XII.*

входящими въ составъ его родами. По показанію Белля, во всемъ согласному съ заявленіями дѣлаемыми барономъ Сталемъ, ни одинъ черкесъ не вправѣ указать на тотъ или другой участокъ какъ на свою собственность; но это не мѣшаетъ ему въ то же время ревниво охранять занятую племенемъ или братствомъ территорію отъ попытокъ сосѣдей перенести на нее свои поселенія или утилизировать отдѣльные участки, какъ пастбища для своихъ стадъ. Каждый черкесскій дворъ вправѣ занять столько земли, сколько ему нужно для посѣва проса или ячменя и выпаса своихъ стадъ; но распорядиться этимъ участкомъ въ формѣ продажи или даренія онъ не можетъ. Сказанное относится по преимуществу къ тѣмъ черкесскимъ племенамъ, которыя живутъ по побережью Чернаго моря; отнюдь не къ кабардинцамъ, племенная собственность которыхъ, доселѣ уцѣлѣвшая по отношенію къ нѣкоторымъ лѣсамъ и пастбищамъ, не устраняетъ дѣленія остальной территоріи на нѣсколько округовъ по числу княжескихъ родовъ или «пшэ». Мы укажемъ впослѣдствіи на какихъ началахъ устроено землевладѣніе въ предѣлахъ этихъ округовъ. Въ настоящее время для насъ достаточно знать, что не вся занятая кабардинцами площадь составляетъ нераздѣльное владѣніе всей націи. Слѣды аграрнаго коммунизма доселѣ живутъ въ рядѣ обычаевъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ слѣдующіе, какъ наиболѣе характерные: право каждаго свободнаго кабардинца, безъ различія сословій, предъявлять къ сосѣдямъ не то ходатайство, не то требованіе о безвозмездной уступкѣ ему той или другой понравившейся ему лошади или скотины. Право это, по словамъ Потоцкаго, въ старые годы примѣняемо было всеми адигейскими народностями и къ носимому ими платью. Стоило только похвалить при встрѣчѣ ту или другую часть чужой одежды, и лицо, польщенное такой похвалой, считало долгомъ обмѣняться костюмомъ съ хвалителемъ. ¹⁾

Не далѣе какъ шесть, семь лѣтъ назадъ мнѣ пришлось слышать отъ лица, завѣдывавшаго хозяйствомъ князя Атажухина, одною изъ кабардинскихъ пшэ, жалобу на невозможность раз-

---

1) Свѣдѣнія эти собраны мною на мѣстѣ во время пребыванія моего въ Атажухиномъ аулѣ отъ управителя кн. Атажухина, г. Кудашева.

вести хорошую породу скота въ виду существованія только что упомянутого обычая. Едва по Кабардѣ разносился слухъ о томъ, что у князя завелись стада хорошей породы, то со всѣхъ сторонъ начинали стекаться къ нему гости, которые въ превеличенныхъ выраженіяхъ начинали прославлять качества той или другой пары быковъ или коровъ, приглашая его тѣмъ самымъ надѣлать ихъ ею.

Не менѣе характеренъ другой обычай адигейскихъ племенъ—обычай добровольнаго обложенія себя каждымъ въ пользу потерпѣвшаго сосѣда. При пожарахъ и наводненіяхъ чересы охотно спѣшать на помощь другъ другу. Разрушенное пламенемъ или водою зданіе въ нѣсколько дней воздвигается вновь совокупнымъ трудомъ сосѣдей. Считается также долгомъ помогать немущему при покупкѣ имъ жены или при уплатѣ падающаго на него выкупа за преступленіе.

У осетинъ, какъ подробнѣе указано мною въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, племенная собственность не оставила никакихъ слѣдовъ. Господствующимъ типомъ землевладѣнія является въ Осетіи дворовая или, что тоже, общинно-семейная собственность.

Пахоти и луга находятся обыкновенно въ нераздѣльномъ владѣніи живущихъ подъ одною кровлею семей; пастбища и лѣса наоборотъ принадлежать всѣмъ дворамъ, входящимъ въ составъ одного и того же аула, подчасъ даже нѣсколькихъ ауловъ. Аулы эти въ прежнее время обыкновенно занимаемы были развѣтвленіями одного какого нибудь рода; въ настоящее же время они служатъ мѣстомъ жительства нѣсколькихъ родовъ. Никакія частныя займки на протяженіи принадлежащей аулу пустоши не считаются дозволенными иначе, какъ съ предварительнаго согласія всего аула. Судебная практика осетинъ представляетъ случаи, въ которыхъ воздвигнутыя въ противность этому правилу постройки подвергаемы были разрушенію со стороны аульныхъ жителей, исполнявшихъ постановленіе общаго схода.

Что касается до кавказскихъ народностей, то занесенная судьбою въ узкія горныя долины, не представляющія простора для развитія обширныхъ территоріальныхъ общинъ, онѣ рано вы-

---

¹⁾ Современ. обыч. и древн. зак., т. I, гл. Имущ. отв. осетинъ.

работали у себя типъ если не частной, то дворовой собственности. О ней упоминается уже въ путешествіи Шардена.

Вся Мингрелія, сообщаетъ этотъ путешественникъ, не знаетъ ни сель, ни городовъ, если не говорить о двухъ деревняхъ, расположенныхъ на берегу моря. Усадьбы жителей разбросаны на протяженіи всей страны; трудно сдѣлать тысячу шаговъ, не встрѣтивъ трехъ или четырехъ близко-лежащихъ другъ отъ друга дворовъ. Въ этихъ дворахъ мингрельцы живутъ только въ мирное время; при набѣгахъ же сосѣдей они ищутъ убѣжища въ особыхъ крѣпостцахъ или городищахъ, доступъ къ которымъ заслоненъ плетнями и наваленнымъ по дорогѣ лѣсомъ. ¹⁾

Система дворовыхъ поселеній, нерѣдко принимающихъ форму хуторовъ и пересѣкаемыхъ лишь рѣдкими селеніями, доселѣ встрѣчается у сванетъ, хевсуръ, пшавовъ и тушинъ.

Рѣдкость годной къ обработкѣ земли и необходимость большей относительно затраты капитала и труда на ея воздѣлываніе — причины тому, что способная къ утилизаціи площадь находится у нихъ всецѣло въ подворномъ владѣніи и нераздѣльную собственность одного или нѣсколькихъ родовъ составляютъ только пастбища и лѣса.

Семейная община или дворъ является также обычнымъ собственникомъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ участковъ — одинаково среди ингушей, чеченцевъ и разнообразнѣйшихъ народностей, населяющихъ собою Дагестанъ. Способная къ обработкѣ площадь, съ трудомъ освобожденная отъ покрывающихъ ее камней, часто окружается у чеченцевъ каменными оградами. ²⁾ Покидая по причинѣ безземелія свои расположенныя въ горахъ усадьбы, отдѣлившаяся отъ рода вѣтвь не оставляетъ ихъ въ неограниченную собственность прочихъ членовъ «тайпы», т. е. рода, но позволяетъ пользованіе подъ условіемъ платежа ей особаго взноса, именуемаго «беръ». ³⁾

Только неспособная къ земледѣльческой утилизаціи площадь,

---

¹⁾ Chardin. Journal du Voyage. Londres. 1686, p. 77.

²⁾ Клапротъ, т. I, стр. 404.

³⁾ См. Лаудаевъ, VI вып. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 15.

да дикорастущій лѣсъ остаются у чеченцевъ, какъ общее правило, въ нераздѣльномъ владѣніи. ¹⁾

У горцевъ Дагестана, какъ и у лезгинъ закатаьскаго округа, совмѣстное владѣніе пастбищами и лѣсами встрѣчается бокъ-о-бокъ съ подворной собственностью въ примѣненіи къ пахоти и лугамъ. Никто не вправѣ дѣлать займки въ общинной пустошѣ и лѣсѣ, не получивъ на то предварительнаго согласія всей общины. Весьма характерны въ этомъ отношеніи слѣдующіе приговоры закатаьскаго народнаго суда, записанные мною въ бытность мою въ округѣ. Житель селенія Бѣлоканы махмедъ али курбанъ оглы жалуется на захватъ сосѣдомъ его «ахо» или земли, полученной отъ расчистки лѣса. По справкамъ оказывается, что спорный участокъ подвергся корчеванію безъ разрѣшенія «бекилей» общества (т. е. сельскихъ начальниковъ въ немъ). Постановлено: отобрать землю у истца и передать ее обществу. ²⁾ Другой случай: жалоба подается на самихъ бекилей, которые обвиняются въ присоединеніи къ общественной землѣ звилки (ахо), сдѣланной истцемъ. Такъ какъ судебное слѣдствіе выяснило, что жалобникъ произвольно открылъ свое ахо, то постановлено удержать его расчистку за обществомъ. ³⁾

Все сказанное нами доселѣ оправдываетъ, кажется, тотъ общій выводъ, что родовые порядки не предполагаютъ необходимо господства одной какой либо формы землевладѣнія, что нельзя поэтому говорить о родовыхъ порядкахъ, какъ исключяющихъ по существу всякій другой видъ собственности кромѣ той, участниками которой являются члены одного и того же рода. Характеръ мѣстности, служащей для поселенія родовыхъ группъ, во многомъ обусловливаетъ ихъ отношеніе къ землѣ. Тамъ, гдѣ, какъ на кабардинской плоскости, природа не установила особыхъ границъ для территоріальнаго распространенія отдѣльныхъ родовъ, тамъ возможно удержаніе, какъ племенной

---

¹⁾ См. Экономическій и домашній бытъ жителей горскаго участка Ингушевскаго округа, Грабовскаго, III-й вып. Сб. свид. о кавк. горц., стр. 13.

²⁾ Дѣло разбиравшееся въ Закатаьскомъ народн. судѣ 2 марта 1878 г.

³⁾ Дѣло отъ 12 марта 1878 г.

или народной, такъ и «братской» собственности. Наоборотъ тамъ, гдѣ роды по причинѣ тѣсноты долинъ принуждены занять своими вѣтвями нерѣдко замкнутыя другъ отъ друга мѣстности, тамъ распространеннымъ типомъ собственности является не родовая, а дворовая; но чего мы нигдѣ не встрѣчаемъ—такъ это подавляющаго господства частной собственности, сосредоточенной въ рукахъ отдѣльныхъ паръ или индивидуальныхъ семей. Другой выводъ, на который наводитъ изученіе фактовъ кавказскаго землевладѣнія — это отсутствіе между общинно-родовымъ и общинно-сельскимъ землевладѣніемъ той строгой грани отличія, какая проводится обыкновенно изслѣдователями германскихъ, кельтическихъ или славянскихъ древностей. Очевидно, что если видѣть въ родѣ группу лицъ, имѣющихъ общаго родоначальника и отличающихся единствомъ происхожденія, а въ сельской общинѣ — связанныхъ отношеніями сосѣдства и совладѣнія членовъ разныхъ родовъ, то различіе между обоими сведется къ тому, какое существуетъ между кровнымъ и территориальнымъ союзомъ, между развѣтвившейся семьей и землевладѣльческой артелью. Но если, придерживаясь данныхъ кавказской этнографіи, видѣть въ родахъ экзогамическіе союзы съ общимъ ихъ членамъ родовымъ культомъ и коллективнымъ владѣніемъ занятой ими площади, а въ сельскихъ общинахъ эндогамическіе союзы, члены которыхъ связаны однимъ фактомъ совладѣнія, то различіе между обоими и самый процессъ ихъ обособленія другъ отъ друга прійдется искать далеко не въ томъ, въ чемъ ихъ искали доселѣ.

Поселеніе въ одной мѣстности членовъ разныхъ родовъ, въ которомъ видѣли источникъ происхожденія сельской общины, можетъ и не имѣть такого послѣдствія. Усыновленный черкескимъ родомъ чужеродецъ, устраивая свою жизнь въ родовомъ поселкѣ, не измѣняетъ еще тѣмъ характера этого поселка; точно также какъ присоединившійся къ сильному роду или «тохуму» слабый родъ не становится въ Дагестанѣ причиною, по которой родъ переходитъ въ сельскую общину, такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ между соединяющимися въ одно цѣлое индивидами и группами устанавливается и общность культа, и общность брачныхъ запретовъ. Ни того, ни другого не бываетъ

тогда, когда принадлежащая къ разнымъ родамъ семьи, не становясь членами общаго братства, въ то же время селятся бокъ-о-бокъ и оставляютъ въ общемъ владѣніи часть занятой ими мѣстности.

Возникшее такимъ порядкомъ селеніе тѣмъ отличается отъ родоваго поселка, что населяющія его семьи придерживаются каждая своего домашняго культа и, въ то же время, свободно вступаютъ другъ съ другомъ въ брачное общеніе. Мы не ошибемся поэтому, если скажемъ въ заключеніе, что различіе между родомъ и сельской общиной сводится во 1-хъ къ тому, что первый является не только экономическимъ, но и религіознымъ союзомъ, и во 2-хъ къ тому, что родъ обязательно придерживается началъ экзогаміи, которая для сельской общины необязательна.

Данныя кавказскаго землевладѣнія поучительны еще въ томъ отношеніи, что показываютъ, что система періодическаго передѣла полей, которую большинство изслѣдователей еще недавно соединило съ древнѣйшими порядками собственности, на самомъ дѣлѣ нисколько не отвѣчаетъ этому представленію. Мы встрѣчаемъ у черкесовъ и кабардинцевъ существованіе племенной, братской и родовой собственности на землю и рядомъ съ этимъ господство переложной системы хозяйства — этой первобытнѣйшей формы земледѣлія; и въ то же время передѣлы, возобновляемые въ разъ навсегда опредѣленные сроки, совершенно неизвѣстны этимъ народностямъ. У чеченцевъ и ингушей господство нераздѣльно-семейнаго или подворнаго владѣнія землею также исключаетъ собою всякую мысль о передѣлахъ. Съ этими передѣлами мы встрѣчаемся только въ плоскостной части Грузіи, сельско хозяйственныя условія которой очевидно отнюдь не могутъ быть названы болѣе архаичными, чѣмъ черкесскія или осетинскія.

Такимъ образомъ и по этому вопросу данныя кавказовѣдѣнія являются новымъ подтвержденіемъ тѣхъ выводовъ, которые установлены сравнительной этнографіей, доказывающей, какъ мы видѣли выше, что на низшихъ ступеняхъ общественности мѣсто сельской общины съ періодически-передѣляемыми полями занимаетъ община семейная, чуждая передѣловъ и придерживающаяся началъ полнаго имущественнаго коммунизма не только въ сферѣ производства, но и въ сферѣ потребленія.

Едва ли не самым спорным вопросом в теории родового быта является вопрос о томъ, какой характеръ носила современная ему организация суда и управления.

У первых по времени историковъ германскаго права, у Эйхгорна, Филипса и Рогге, какъ и у представителей теорій родового быта въ древнѣйшей исторіи русскихъ и западныхъ славянъ, обыкновенно говорится о родовыхъ старѣйшинахъ и народныхъ собраніяхъ, какъ о первыхъ органахъ правительственной и судебной власти. Только въ новѣйшее время параллельное изученіе древне-кельтическаго и германскаго права навело нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль о томъ, что выбираемый сторонами посредническій судъ, пожалуй, долженъ быть признанъ болѣе старинной формой отправленія правосудія. Суды ирландскихъ брегоновъ и франкскихъ рахимбурговъ подведены были подъ понятіе посредническаго суда; но ни у кого, быть можетъ, этотъ взглядъ на древнѣйшій характеръ суда не проведенъ съ такой обстоятельностью и полнотою, какъ въ недавно-отпечатанной монографіи Деклярёля, озаглавленной «судъ у первобытныхъ народовъ»¹⁾.

Въ своихъ заключеніяхъ авторъ руководствуется, какъ онъ самъ говоритъ, между прочимъ тѣмъ матеріаломъ, какой для рѣшенія этого вопроса даютъ ему обнародованныя мною свѣдѣнія объ осетинскомъ процессѣ. Я полагаю, что авторъ не ошибается, высказывая ту мысль, что данныя кавказской этнографіи призваны пролить яркій свѣтъ на характеръ суда въ эпоху господства родовыхъ порядковъ. Вотъ въ частности тѣ выводы, какіе могутъ быть сдѣланы на основаніи ихъ по занимающему насъ вопросу.

Обычному праву родовыхъ общинъ извѣстно одновременное существованіе двухъ видовъ подсудности: первая обнимаетъ собой преступленія, проступки и правонарушенія, совершенныя въ родственной средѣ; эти въ свою очередь распадаются на такіе, при которыхъ обидчикъ и обиженный являются членами одного и того двора, и на такіе, при которыхъ

---

¹⁾ *Revue historique de droit français et étranger* за 1889 г., первые три выпуска.

обидчикъ и обиженный состоятъ членами разныхъ дворовъ. Первые разбираются тѣмъ самымъ лицомъ, въ рукахъ котораго находится завѣдываніе религіозными и имущественными интересами двора. Лицо это занимаетъ у черкесовъ, чеченцевъ, осетинъ и грузинскихъ горцевъ то самое положеніе, какое въ югославянскихъ задругахъ принадлежитъ «домачину», а въ великорусскихъ большихъ семьяхъ «набольшему». Старшинство по лѣтамъ обыкновенно указываетъ осетинскому «каау» и черкесскому «оггъ», или что тоже двору или семейной общинѣ, кого поставить во главѣ себя. Только при неспособности старшаго по возрасту слѣдуетъ выборъ старѣйшины со стороны всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ двора. Власть старѣйшины далеко не является деспотической: онъ не болѣе, какъ первый между равными; постановляемые имъ приговоры не являются его единоличными рѣшеніями, а обыкновенно предлагаются на обсужденіе всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ управляемой имъ семейной общины.

Изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ удержалось начало семейнаго коммунизма, гдѣ, какъ напримѣръ у осетинъ и ингушей, встрѣчаются дворы, обнимающіе собою цѣлыя десятки семей, власть мужа надъ женой и отца надъ дѣтьми далеко не является столь произвольной, какъ въ тѣхъ малыхъ семьяхъ, въ которыхъ она не встрѣчаетъ ограниченій со стороны семейнаго старѣйшины и семейнаго совѣта. Неудивительно поэтому, если у ингушей и вообще у чеченцевъ, у которыхъ еще Рейнегсъ отмѣтилъ существованіе дворовъ съ сорока и пятидесятью членами въ каждомъ, дѣти пользуются гораздо большей независимостью, нежели въ Чечнѣ напримѣръ, гдѣ болѣе распространена малая семья и гдѣ до послѣдняго времени отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими домочадцами ¹⁾. О характерѣ тѣхъ дѣлъ, какія подлежатъ разбирательству двороваго старѣйшины и окружающаго его совѣта родственниковъ, можно судить по нѣкоторымъ примѣрамъ; дворовый старѣйшина принуждаетъ мужа прогнать виновную въ невѣрности жену и

---

¹⁾ См. Берге. Чечня и чеченцы. Тифлисъ. 1859 г., стр. 92 и 93.

произносить надъ лицомъ, виновнымъ въ отце- и братоубійствѣ, приговоръ отверженія.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ физическія условія не являлись препятствіемъ къ поселенію бокъ-о-бокъ отдѣльныхъ развѣтвленій одного и того же рода, на ряду съ старѣйшинами отдѣльныхъ дворовъ мы встрѣчаемъ и родовыхъ старшинъ. Нельзя связывать съ этимъ понятіемъ представленія о какой-то избирательной или наслѣдственной должности съ разнавсегда установленными обязанностями и правами. Старѣйшинами въ родѣ считались всѣ тѣ, которые своимъ возрастомъ, своею воинскою доблестью и смѣлыми набѣгами, своею мудростью и справедливостью успѣвали снискать себѣ довѣріе своихъ собратій.

Испрашиваніе ихъ совѣтовъ, добровольное подчиненіе ихъ третьейскому разбирательству—вотъ каковы проявленія признаваемого за ними чисто-нравственного, а не юридическаго авторитета. Еще въ большей степени, чѣмъ старѣйшины отдѣльныхъ дворовъ, родовые старшины могли смотрѣть на себя, какъ на первыхъ между равными. Ихъ первенствующее значеніе сказывалось съ особою силою на тѣхъ родовыхъ сходахъ, на которыхъ между прочимъ разбирались и судились случаи столкновений между отдѣльными дворами—случаи, поводъ къ которымъ могли дать и раздѣлъ совмѣстно награбленной добычи, и пользование принадлежащей всѣмъ дворамъ совмѣстно родовой землею. Право исключенія изъ рода порочныхъ членовъ, присутствіе которыхъ являлось постоянной угрозой мирному сожитію его съ другими родами ¹⁾, обсужденіе общихъ мѣръ къ отмищенію нанесенныхъ роду обидъ, а также къ уплатѣ причитающагося

---

¹⁾ Дагестанскіе тохумы или роды осуществляли это правѣ на своихъ сходахъ; объ этомъ прямо говорятъ постановленія кайтопскаго Уцмія Рустемъ хава, современника Олеарія (см. путешествія Олеарія въ Московію и Персію въ 1633 и 39 годахъ, переводъ Барсова, стр. 976). Въ этомъ первомъ по времени письменномъ памятникѣ кавказскаго обычнаго права значится, что родственники могутъ убить своего порочнаго собрата, а тѣмъ болѣе исключить его изъ своей среды; тохумъ, воспользовавшійся этой возможностью, отвѣчаетъ за все, что будетъ сдѣлано предосудительнаго его безпокойнымъ сочленомъ. (См. I томъ Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 87).

съ него выкупа за убійства, раненія и другія преступленія, совершенныя лицами изъ его среды, рѣшеніе такихъ существенныхъ для рода вопросовъ, какъ вопросъ о вступленіи его въ братство съ другими родами, или о заключеніи имъ съ ними временныхъ наступательныхъ и оборонительныхъ союзовъ — таковы тѣ дѣла, которыя входятъ въ компетенцію родовыхъ собраній. Собранія эти носили у осетинъ названіе «нихасовъ». Адигейскимъ народностямъ они извѣстны подъ наименованіемъ «знуца».

Баронъ Сталь въ слѣдующихъ словахъ описываетъ намъ родовое устройство у абазеховъ, шапсуговъ, убыховъ и другихъ черкесскихъ народностей, расположенныхъ къ сѣверу отъ главнаго хребта неподалеку отъ Чернаго моря. «Каждая родовая община («псухо») управляется своею мирскою сходкою; на этой сходкѣ большимъ вліяніемъ пользуются почетные старшины, «тамата»; простой народъ обыкновенно только присутствуетъ на ней, но рѣшающаго голоса не имѣетъ»¹⁾.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ отдѣльные роды входятъ въ составъ болѣе обширныхъ соединеній—братствъ, права родовыхъ собраній переносятся на собраніе всего братства или «тлеуша». Братство подобно роду имѣетъ своихъ старѣйшинъ или такъ-называемыхъ «тамата», юрисдикція которыхъ въ спорахъ, возникающихъ между отдѣльными братствами, носитъ скорѣе факультативный, нежели обязательный характеръ. Каждый разъ, когда старшинамъ, «тамата», не удастся примирить враждующихъ, они обращаются къ назначенію специальныхъ посредниковъ.

При самостоятельности отдѣльных родовъ и братствъ,—самостоятельности, которая до начала сороковыхъ годовъ съ особенною наглядностью выступала въ средѣ приморскихъ черкесовъ и была удержана чеченцами до времени ихъ добровольнаго подчиненія Шамилю,—споры, поводъ къ которымъ даютъ обиды нанесенныя членомъ одного рода члену другаго, не могли имѣть другихъ послѣдствій кромѣ самосуда родовъ. Этотъ самосудъ принималъ двоякую форму, смотря по характеру самой обиды.

---

¹⁾ См. Адамы кавказскихъ горцевъ, т. I, стр. 192.

Обиды имущественныя, къ числу которыхъ горцы относятъ не только случаи неисполненія принятыхъ обязательствъ, но и случаи насильственного или тайпаго присвоенія себѣ чужой собственности (воровства), давали поводъ къ имущественному самоуправству. Самъ обиженный или любой изъ членовъ его рода имѣлъ право обратиться къ насильственному захвату имущества обидчика или любого изъ членовъ его рода. Предметами этого захвата являлись обыкновенно стада овецъ и табуны лошадей. Такая допускаемая обычаемъ самопомощь извѣстна на западномъ Кавказѣ подъ наименованіемъ «баранты», а на восточномъ «ишкиля». Постановленіе кайтагскаго уцмія Рустема упоминаетъ о ней, какъ объ общераспространенномъ явленіи.

Вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ намъ порядокъ производства этого легализированнаго обычаемъ захвата г. Берже въ своей извѣстной монографіи о «Чечнѣ и чеченцахъ». «Адать предоставляетъ обиженному право во всякое время украсть у обидчика лошадь или какую либо цѣнную вещь. Онъ предоставляетъ похищенные имъ предметы старикамъ, которые, оцѣнивъ ихъ, выдѣляютъ ему ту долю, на которую онъ имѣетъ право, остальное же возвращаютъ хозяину» ¹⁾).

Въ томъ видѣ, въ какомъ обычай «баранты» выступаетъ въ бытѣ чеченцевъ, родовая отвѣтственность уже отодвинута на задній планъ, и мѣсто ея занимаетъ отвѣтственность одного обидчика. Но въ «постановленіяхъ кайтагскаго уцмія Рустема» вполне удержанъ еще за «ишкилемъ» и за «барантою» первоначальный характеръ самоуправства, грозящаго имущественному составу всего рода. «Брать баранту слѣдуетъ съ тѣхъ, кто не отдѣлился отъ тохума (т. е. рода) отвѣтчика» ²⁾),—значится въ этихъ постановленіяхъ; другими словами—съ любого изъ членовъ одного съ отвѣтчикомъ рода, такъ какъ отдѣленіе отъ тохума, т. е. формальный выходъ изъ него, одинъ освобождаетъ отъ отвѣтственности.

Обычай прибѣгать къ насильственному захвату чужаго иму-

¹⁾ Берже, стр. 104.

²⁾ Адаты и судопроизводство по нимъ. Комарова, стр. 86 (I вып. Сб. свид. о кавк. горц.).

шества съ цѣлью возмѣшенія вреда, причиненнаго воровствомъ или невозвращеніемъ долга, извѣстенъ также всѣмъ картвельскимъ народностямъ Кавказа. Тавернье ¹⁾ говоритъ о немъ, какъ о явленіи широко распространенномъ въ Грузіи; а Вахтангъ принимаетъ тщетныя мѣры къ его запрещенію. Въ Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи первое, что дѣлаетъ хозяинъ украденной скотины, это захватить у подозрѣваемаго имъ вора все, что попадется ему подъ руку. Обвиняемый обязанъ очистить себя присягой отъ подозрѣнія. Сдѣлавъ онъ это—захваченное у него имущество снова поступаетъ въ его пользу. Въ противномъ случаѣ предоставляется выдѣлить изъ захваченнаго имущества столько, сколько нужно для покрытія причиненныхъ хозяину убытковъ и положенной пени (обыкновенно равной шесть разъ взятой стоимости украденнаго); излишекъ возвращается вору ²⁾).

Всякому, кто знакомъ съ содержаніемъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, самоуправный захватъ, практикуемый горцами съ цѣлью удовлетворенія гражданской претензіи порожденной имущественнымъ преступленіемъ или простымъ неплатежемъ долга, представится чѣмъ-то вполне знакомымъ. Это тотъ-же способъ возстановленія нарушеннаго права, какимъ занимается «Книга древняго закона Ирландцевъ» (Сенхусъ Моръ), и который подъ именемъ «Гробованія» унаслѣдованъ былъ Малороссами отъ Поляковъ ³⁾).

Насколько имущественныя обиды даютъ поводъ къ проявленію легализованнаго обычая самоуправнаго захвата, на столько личныя вызываютъ кровомщеніе. Выраженіе личная обида невѣрно передаетъ то представленіе, какое горцы связываютъ съ такими видами преступныхъ дѣйствій, какъ убійство, увѣчье, раненіе и оскорбленіе семейной нравственности и чести. Такія обиды могутъ быть названы личными лишь въ смыслѣ противоположенія ихъ имущественнымъ, такъ какъ въ глазахъ горца обиженнымъ является каждый разъ не частное лицо, но весь

¹⁾ Les six voyages de M. Tavernier.

²⁾ Свѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ.

³⁾ О «гробованіи», см. культурно-историческіе этюды г. Сумцова въ Киевской Старинѣ за 1889 годъ.

его родъ, и кровомщеніе составляетъ обязанность не однихъ ближайшихъ родственниковъ - наслѣдниковъ, но всѣхъ и каждаго, кто входитъ въ составъ одной съ ними родовой группы. Таковы по крайней мѣрѣ:—исходная точка зрѣнія на кровную мечь, причины, вызывающія ее къ жизни, и налагаемая ею обязательства. Горцы со временемъ отступили отъ такого взгляда на нее главнымъ образомъ подъ вліяніемъ писаннаго закона магометанъ—Шаріата, отчасти также по причинѣ всѣми сознаваемой необходимости положить предѣлъ неограниченности кровомщенія, грозившей въ конечномъ исходѣ полнѣйшимъ истребленіемъ враждующихъ родовъ. На первыхъ порахъ всякая личная обида, хотя бы вызванная необходимостью самозащиты, неосторожностью или случаемъ, равно имѣла своимъ послѣдствіемъ кровную мечь. Уклониться отъ мщенія, допустить обидчика къ выкупу грозящаго ему возмездія—признаваемо было позоромъ. Со временемъ установилось воззрѣніе, что убійства и раненія, сдѣланныя въ необходимой оборонѣ, убійство вора или грабителя въ моментъ совершенія имъ преступнаго дѣйствія, какъ и убійство застигнутаго на мѣстѣ прелюбодѣя—не дають повода къ возмездію; что въ примѣненіи кровомщенія къ требующимъ мести обидамъ должна быть установлена извѣстная градація; что размѣръ возмездія измѣряется величиною обиды; и что неосторожныя и случайныя дѣйствія, какъ бы значителенъ ни былъ причиненный ими вредъ, подлежатъ возмездію въ меньшей степени, чѣмъ обиды предумышленные. Первоначально прощеніе обидъ, какъ не согласное съ тѣми религіозными обязательствами какими живущія поколѣнія связаны съ усопшими, не было предоставлено доброй волѣ самыхъ мстителей; позднѣе выработалось воззрѣніе, что душа того, чья обида даетъ поводъ къ мщенію, готова удовольствоваться простымъ признаніемъ обидчикомъ его вины и готовностью его искупить ее добровольнымъ посвященіемъ себя обиженной имъ тѣни. Осетинскій обычай уже знаетъ прощеніе убійцы добровольно приходящаго на могилу убитаго человѣка и формально заявляющаго о томъ, что онъ отнынѣ всецѣло посвящаетъ себя ему.

Въ Дагестанѣ весьма употребителенъ слѣдующій способъ достигнуть примиренія съ родомъ обиженнаго: облеченный въ бѣ-

лый саванъ, съ распущенными волосами и висящимъ при поясъ топоромъ, обидчикъ въ сопровожденіи своихъ близкихъ является въ домъ ближайшаго родственника своей жертвы. Лицо, къ которому онъ явился, совершаетъ надъ нимъ обрядъ, по своему характеру напоминающій постриженіе и прощаетъ ему за тѣмъ его обиду. Прощеніе обидъ не всегда безвозмездно. Обычай считаетъ, правда, постыднымъ принимать выкупъ съ прелюбодѣя, но онъ допускаетъ «выкупъ крови», т. е. требованіе платы за убійства, увѣчья и раненія, прилагая къ этимъ выкупамъ то же правило о соразмѣрности ихъ съ виною, какое ранѣе этого выставлено было по отношенію къ самой мести. Слѣдуя этому требованію, обычай родовыхъ сообществъ Кавказа опредѣляетъ за неосторожныя и случайныя убійства—платежи въ два раза меньшіе противъ тѣхъ, какіе полагаются за предумышленныя, и придерживается той же пропорціи въ случаяхъ непредумышленныхъ увѣчій. Уже изъ сказаннаго видно, что величина слѣдующаго съ виновнаго платежа не является чѣмъ-то неизмѣннымъ. Чтобы опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ размѣръ причитающагося съ обидчика выкупа необходимымъ представляется посредничество безпристрастнаго лица, выборъ котораго происходитъ съ обоюднаго согласія какъ стороны обидѣвшей, такъ и обиженной. Такъ какъ подобное согласіе не легко достижимо, то весьма распространенной является слѣдующая практика: каждая сторона назначаетъ своего посредника, одного или нѣсколькихъ, но всегда въ равномъ числѣ. При невозможности единогласнаго рѣшенія выбранныя сторонами посредники передаютъ свои права третьему лицу, которое затѣмъ и постановляетъ свой приговоръ. Рѣшеніе посредниковъ по самой природѣ своей не имѣетъ ничего обязательнаго. Если осужденная сторона не согласится его исполнить, то приостановленное на время кровомщеніе оживаетъ снова.

Обычному праву горцевъ свойственно тѣмъ не менѣе стремленіе придать обязательную силу постановляемымъ приговорамъ. Съ этой цѣлью осетины требуютъ или предварительнаго назначенія сторонами поручителей въ томъ, что приговоръ будетъ ими исполненъ, или частичнаго выполненія самого приговора до момента провозглашенія его посредниками. Благодаря

такому частичному выполнению, приговоръ принимаетъ для сторонъ характеръ добровольно-заключеннаго или реального обязательства. Нѣкоторыя народности Кавказа идутъ еще дагѣе въ своемъ стремленіи обратить посредническій приговоръ изъ факультативнаго въ обязательный. По словамъ г. Грабовскаго, въ Кабардѣ въ прежнее время существовалъ обычай, по которому убійца почему либо несоглашавшійся заплатить определенную посредниками плату преслѣдовался цѣлымъ обществомъ и отдавался въ полное распоряженіе семьѣ потерпѣвшаго ¹⁾).

Тѣ же причины, которыя вызывали необходимость посредничества въ случаяхъ личныхъ обидъ, обнаруживали свое дѣйствіе и при обидахъ имущественныхъ. Ничемъ неограниченный произволь при совершеніи имущественнаго захвата неизбѣжно имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ междуродовую рознь и вражду.

Каждый разъ, когда размѣръ захваченнаго имущества превышалъ сумму долга, должникъ, считая себя обиженнымъ, вправѣ былъ бы примѣнить къ своему кредитору тотъ же порядокъ самоуправнаго захвата, какой былъ приложенъ къ нему самому. Чтобы избѣжать непрекращающейся цѣпи самоуправствъ естественно было предоставить выборному сторонами посреднику рѣшеніе вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ сдѣланный захватъ покрываетъ имущественную претензію захватчика, и не слѣдуетъ ли вернуть должнику часть конфискованной у него собственности. Мы видѣли образецъ подобныхъ порядковъ въ бытѣ ингушей и хевсуръ; самоуправство еще предшествуетъ у нихъ постановкѣ посредническаго приговора. Но, очевидно, нѣтъ причинъ, по которымъ съ обоюднаго согласія сторонъ оно не могло бы быть отложено до времени, слѣдующаго за приговоромъ. Однажды будетъ установленъ подобный ходъ дѣла—посредничество сдѣлается нормальнымъ порядкомъ разбирательства имущественныхъ обидъ, а самоуправство изъ обыкновеннаго—чрезвычайнымъ способомъ удовлетворенія имущественныхъ претензій, чрезвычайнымъ въ томъ смыслѣ, что обращеніе къ нему дозволено будетъ лишь при нежеланіи осужденной стороны

---

¹⁾ Очеркъ суда и уголовныхъ преступленій въ Кабардинскомъ округѣ, стр. 31, IV-го выш. Сб. свѣд. о кавк. горц.

подчиниться рѣшенію судей-посредниковъ. Мы имѣли до сихъ поръ въ виду лишь тотъ видъ посредническаго суда, при которомъ каждая новая тяжба вызываетъ назначеніе новыхъ разбирателей. Но нѣтъ причинъ, по которымъ обычай противился бы однообразному обращенію тяжущихся сторонъ къ разбирательству тѣхъ родовыхъ старшинъ, о которыхъ мы имѣли случай говорить выше. Обращеніе къ нимъ можетъ быть или непосредственнымъ, или ему можетъ предшествовать судъ выборныхъ сторонами посредниковъ, — судъ, рѣшеніемъ котораго они остались недовольны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково возникаютъ условія, благоприятныя образованію постоянной судебной власти. Наступленіемъ этихъ условій объясняется между прочимъ происхожденіе власти Кайтагскихъ уцмиевъ, первоначально избравшихся народомъ судей, которые съ XVII вѣка, не безъ содѣйствія персидскихъ шаховъ снабжавших ихъ своими фирманами, пріобрѣтаютъ характеръ верховныхъ судей, передающихъ свою власть изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Кавказская этнографія нисколько не подтверждаетъ ходячаго ученія о томъ, что на раннихъ ступеняхъ общежитія судебная власть составляетъ атрибутъ всего собравшагося на сходку народа.

Все, что извѣстно намъ изъ горскихъ адатовъ объ участіи народа въ судѣ, говоритъ о его чисто-пассивной роли. Посредничество не требуетъ необходимо публичности и гласности. Присутствія на судѣ тяжущихся, какъ могущаго повлечь за собою кровавыя схватки между враждующими родами, народный обычай всячески старается избѣжать. Съ этою цѣлью осетины издревле отводятъ для засѣданій своихъ посредниковъ узкую площадку, расположенную въ Дагомѣ между двумя уходящими вглубь ущельями, въ которыхъ и скрываются ищущіе примиренія роды. Такой порядокъ представляетъ двойное удобство: тяжущіеся не попадаютъ на глаза другъ другу, чѣмъ избѣгается возможность предписуемаго обычаемъ кровопролитія; въ то же время близость сторонъ къ суду облегчаетъ посредникамъ веденіе переговоровъ о соглашеніи.

Не будучи народнымъ, судъ горцевъ своимъ посредническимъ

характеромъ служить прототипомъ для организаціи политической власти между ищущими единенія родами. Въ минуты одинаково-сознаваемой всѣми опасности и необходимости отвратить ее общими усиліями, отдѣльные роды нерѣдко искали объединенія своей дѣятельности путемъ установленія постоянныхъ союзовъ. Кому же въ этомъ случаѣ ввѣряли они заботу о руководительствѣ общими дѣлами? Никому иному, какъ выбраннымъ каждымъ родомъ посредникамъ, которые, сходясь на общіе совѣты, постановляли обязательные для всѣхъ родовъ рѣшенія. Если простой народъ и присутствовалъ на этихъ собраніяхъ, то не потому, что принималъ самъ дѣятельное участіе въ обсужденіи дѣлъ, а потому, что призывался принести присягу въ строгомъ исполненіи того, что рѣшено будетъ его старшинами. У тѣхъ изъ адигейскихъ племенъ, у которыхъ княжеская власть является слабо-выработанной, по словамъ барона Стая, придерживаются на этотъ счетъ слѣдующихъ порядковъ: «когда избранные уполномоченные старшины обсудятъ и рѣшатъ предложенный вопросъ, старшій между ними по лѣтамъ и почету сообщаетъ собранному у подножія кургана народу, чѣмъ рѣшено дѣло. Если народъ согласенъ съ рѣшеніемъ старшинъ, то подають коранъ и народъ пообщинно присягаетъ исполнить свято это рѣшеніе. Послѣ присяги эфендій составляетъ «дефтеръ», т. е. текстъ послѣдовавшаго соглашения; присутствующіе прикладываютъ къ нему печати («мухоръ») или пальцы, смоченные въ чернила, и съ этого времени дефтеръ получаетъ обязательную силу»¹⁾.

Что касается до тѣхъ адигейскихъ племенъ, у которыхъ княжеская власть является вполне-выработанной, и въ частности до кабардинцевъ, то у нихъ, по вѣрному замѣчанію г. Леонтовича, народныя собранія состояли исключительно изъ князей и узденей; остальные же члены родовъ только присутствовали на сходахъ родовой знати, но не надѣлены были правомъ голоса. Вѣчевыя права присвоены были свободнымъ простолюдинамъ лишь съ прошлаго вѣка. Крестьяне же до временъ рус-

---

¹⁾ Леонтовичъ. Адагы, стр. 196, тома I-го.

скаго владычессва и освобожденія ихъ изъ неволи не принимали дѣятельнаго участія въ народныхъ собраніяхъ ¹⁾.

То обстоятельство, что одна изъ статей составленнаго Рустемъ-ханомъ въ началѣ XVII вѣка сборника дагестанскихъ адатовъ выставляетъ требованіе: «всѣ должны говорить единогласно, кто же будетъ противорѣчить обществу, домъ того разрушать, а самого изгонять» ²⁾;—не позволяетъ сомнѣваться, что и въ Дагестанѣ дѣятельное участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ отнюдь не было предоставлено народу. Въ старинныхъ отчетахъ о бытѣ черкесовъ совершенно отсутствуютъ упоминанія объ организациі народныхъ собраній. У Стрюйса, на котораго есть ссылка въ сочиненіи г. Леонтовича, на самомъ дѣлѣ говорится не о племенныхъ собраніяхъ черкесовъ съ опредѣленными политическими функціями, а о религіозныхъ собраніяхъ, цѣлью которыхъ бываетъ совмѣстное жертвоприношеніе ³⁾. Въ новѣйшихъ же описаніяхъ народныхъ сходовъ, къ числу которыхъ я отнесу тѣ, которые даетъ намъ Кохъ и Дубровинъ, народныя собранія изображены красками довольно близкими къ тѣмъ, какими средневѣковые памятники рисуютъ «мартовскія и майскія поля» франкской монархіи. Всякое предложеніе, говоритъ послѣдній изъ названныхъ мною писателей, выходило отъ владѣльцевъ, князей и старшинъ. Условясь между собою относительно рѣшенія, они предлагали его на сужденіе узденей, а уздени въ свою очередь простонародью, которое могло только принять или отвергнуть уже готовое рѣшеніе ⁴⁾. Князья, прибавляетъ Дубровинъ, занимали такимъ образомъ на собраніи первое мѣсто и обыкновенно имѣли рѣшающее вліяніе на его постановленія; но для этого необходимо было, чтобы князь пользовался репутаціею рыцаря и имѣлъ даръ слова. Такой князь прибрѣталъ въ средѣ своихъ согражданъ названіе Лтегубзыгъ, чтò въ переводѣ значитъ «языкъ народа» ⁵⁾. Поста-

1) Леонтовичъ, т. I, стр. 380.

2) Комаровъ. Адаты и судопроизводство по нимъ, стр. 87.

3) См. Стрюйс, стр. 169.

4) См. Дубровинъ, стр. 236 и 237.

5) См. Кохъ, стр. 359.

новленія, дѣлаемыя собраніемъ, могли касаться самыхъ разнообразныхъ вопросовъ; между ними вопросы войны и мира стояли всегда на первомъ планѣ; споры между общинами изъ-за границъ ихъ владѣній также входили въ компетенцію собранія. Когда категория преступныхъ дѣйствій была расширена включеніемъ въ нее на-ряду съ обидами, причиняемыми однимъ родомъ другому, и такихъ, жертвою которыхъ являлся весь народъ, и въ частности измѣнъ,—постановка по нимъ приговоровъ, обыкновенно примѣняемыхъ немедленно, была возложена на собраніе—точь въ точь какъ это имѣло мѣсто въ древней Германіи, въ которой народные сходы, по словамъ Тацита, подвергали смерти черезъ повѣшаніе всѣхъ измѣнниковъ и перебѣжчиковъ ¹⁾).

Когу только-что описанныя собранія извѣстны подъ наименованіемъ «тафесъ»; другія ихъ названія на-ряду съ упомянутыми уже нами—«зауча», «пбаръ и джемъ». Въ Осетіи тѣ же собранія подъ именемъ «нихасъ», въ виду отсутствія замкнутыхъ сословныхъ группъ, носятъ болѣе простонародный характеръ. То же слѣдуетъ сказать и о тѣхъ, какія по временамъ имѣли мѣсто въ средѣ вполнѣ демократическихъ обществъ тушинъ, хевсуровъ или пшавовъ. Что касается до чеченцевъ, то за исключеніемъ короткаго промежутка времени, въ который они добровольно подчинялись призваннымъ ими самими князьямъ Турловымъ, отсутствіе въ ихъ средѣ народнаго единства воспрепятствовало появленію и общихъ народныхъ совѣтовъ; каждый аулъ управлялся самостоятельно своимъ сходомъ, на который собирался весь народъ, и на которомъ право дѣлать предложеніе принадлежало всякому, кто высказывалъ желаніе говорить. Самые сходы собираемы были слѣдующимъ образомъ: желавшій сдѣлать какое нибудь предложеніе всходилъ на крышу мечети или собственной сакли и начиналъ громогласно созывать съ нея всѣхъ жителей аула. Сбѣжавшаяся толпа выслушивала его предложеніе и вступала затѣмъ по поводу его въ довольно продолжительныя препирательства ²⁾).

---

1) *Traditores et transfugas arboribus suspendunt.*

2) Берге. Чечня и чеченцы, стр. 92.

Мы покончили съ вопросомъ о народныхъ основахъ общественнаго быта горцевъ и намъ предстоитъ въ настоящее время обратиться къ изученію тѣхъ многообразныхъ причинъ, которыя въ разное время такъ или иначе измѣнили эти основы, внося въ нихъ чужеземныя вліянія: религіозныя, общественныя и юридическія. Какою замкнутостью и консерватизмомъ ни отличается бытъ отрѣзанныхъ отъ міра горцевъ, но послѣдовательная проповѣдь зороастризма или вѣрнѣе маздеизма, христіанства и магометанства оставила замѣтные слѣды не только на ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, но и на ихъ нравственныхъ представленіяхъ, повседневномъ складѣ жизни, обычаяхъ и обрядахъ, изъ которыхъ нѣкоторые носятъ и чисто-юридическій характеръ.

Какъ ни ничтожна была съ другой стороны зависимость горцевъ отъ плоскостныхъ племенъ Кавказа, тѣмъ не менѣе смѣнявшія другъ друга во власти надъ Черноморскимъ побережьемъ греко-римскія и итальянскія колоніи, какъ и располагавшія судьбами Закавказья и сѣверо-кавказской плоскости персидскіе, грузинскіе, болгарскіе, хозарскіе, татарскіе, монгольскіе и кабардинскіе правители—во многомъ измѣнили строй общественной и юридической организаціи горцевъ, обогащая въ то же время ихъ народныя вѣрованія и нравы чужеземными по своему источнику культурами и обыкновениями. Сословная организація горцевъ въ частности всецѣло должна быть отнесена на счетъ одновременнаго воздѣйствія на ихъ бытъ грузинскаго феодализма и возникшаго на сѣверной плоскости, благодаря завоеванію ея пришлымъ племенемъ, не менѣе феодальной по своему характеру организаціи кабардинцевъ. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы не даютъ намъ возможности изучить съ одинаковой подробностью тѣ многообразныя вліянія, которымъ въ различное время подчинялась жизнь горцевъ. Мы укажемъ только въ общихъ чертахъ на тѣ слѣды, какіе оставила въ ихъ народномъ быту греко-римская и византійская культура, а также раннее, правда, но совершенно поверхностное воспріятіе ими христіанства.

Съ несравненно большей подробностью остановимся мы на плохо-изученномъ доселѣ вопросѣ о томъ значеніи, какое имѣло

среди горцевъ религіозное, нравственное и юридическое учене маздеизма, систематическимъ выраженіемъ котораго является приписываемая Зороастру Авеста. Мы изучили также съ нѣкоторой полнотою тѣ отношенія, въ какихъ народныя обычаи и сословная организація горцевъ стоятъ въ древнѣйшему на Кавказѣ писанному праву Арменіи и Грузіи и усвоеннымъ имъ началамъ римскаго, византійскаго и еврейскаго законодательства.

Другой вопросъ, не потерявшій своего практическаго значенія, есть вопросъ о вліяніи, какое писанное законодательство магометанъ, иначе говоря шаріатъ, оказало и доселѣ оказываетъ на видоизмѣненіе и даже совершенную отбѣну народнаго обычая. Такъ какъ вліяніе шаріата съ особенною силою сказывается въ восточной части Кавказа, которая слѣдуетъ не ганефитскимъ, какъ западная, а шафаитскимъ истолкователямъ корана, то мы остановимся на сопоставленіи народныхъ обычаевъ Дагестана съ нормами общераспространеннаго въ восточной половинѣ Кавказа свода Навави, такъ-называемаго миюгаджа. Постоянная забота раскрыть отношеніе, существующее между писаннымъ закономъ и передаваемымъ устной традиціей обычаемъ, оправдываетъ названіе этой книги, но не исчерпываетъ ея содержанія. Обычное право можетъ отражать на себѣ вліяніе не только чуждаго ей закона, но и чуждаго обычая. На примѣрѣ «балкарцевъ» мы покажемъ возможность почти всецѣлой передачи пришельцамъ-завоевателямъ обычнаго права покоренной ими народности. Сословная организація тѣхъ же балкарцевъ, а также сѣверныхъ осетинъ, даетъ намъ возможность прослѣдить обратное воздѣйствіе народныхъ обычаевъ пришельцевъ на туземное право.

Общее заключеніе, которое читатель вынесетъ, какъ мы надѣемся, изъ чтенія настоящаго труда, по своему значенію выходитъ за предѣлы тѣхъ скромныхъ задачъ, какія ставитъ себѣ кавказовѣденіе. Оно будетъ состоять въ признаніи, что дѣйствующій обычай не является исключительнымъ отраженіемъ современнаго ему юридическаго сознанія народа, а представляетъ собою рядъ историческихъ наслоеній, изъ которыхъ однѣ вызваны естественнымъ ростомъ народной жизни, а другія обу-

словливаются тѣмъ вліяніемъ, какое въ разныя эпохи писанный законъ оказывалъ на народный обычай. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы быть всегда и неизмѣнно, какъ думала школа Пухты, первоисточникомъ закона, народный обычай нерѣдко самъ въ числѣ своихъ первоисточниковъ можетъ указать и на законъ.

ОТДѢЛЪ II.

КУЛЬТУРНЫЯ ВЛІЯНІЯ И ИХЪ ОТРАЖЕНІЕ
НА ОБЫЧНОМЪ ПРАВѢ ГОРЦЕВЪ.

ГЛАВА I.

Иранскія вліянія.

По показаніямъ арабскихъ летописцевъ Кавказъ, до прибытія въ него полчищъ предводимыхъ Абу-Муслимомъ, занятъ былъ «изидами». Подъ тѣмъ же именемъ извѣстны доселѣ въ средѣ бродячихъ у подножья Арарата курдовъ нѣкоторые племена и роды, у которыхъ современные изслѣдователи, и въ числѣ ихъ г. Егіазаровъ, нашли явственные слѣды зороастризма ¹⁾. Армянская мѣтологія въ томъ изложеніи, какое даетъ ей г. Эмиль ²⁾, въ свою очередь подтверждаетъ фактъ широкаго распространенія нѣкогда на Кавказѣ общаго съ древнимъ Ираномъ культа. Религія армянъ, говоритъ этотъ ученый, имѣла въ своемъ основаніи дуализмъ. Съ такимъ по крайней мѣрѣ характеромъ представляется она въ тѣхъ отрывочныхъ извѣстіяхъ, которые уцѣлѣли до насъ. Въ нихъ имя верховнаго божества Арамазда встрѣчается на каждомъ шагѣ. Храмъ его находился въ брѣвности Ани—мѣстѣ погребенія армянскихъ царей Аршакидовъ. Какъ верховное божество, Арамаздъ у армянъ назывался отцомъ всѣхъ боговъ. Постоянными его эпитетами были: великій, мужественный, творецъ неба и земли, производитель обилія и плодородія. Древнимъ армянамъ извѣстно было также почитаніе Митры, который слылъ у нихъ подѣ

¹⁾ См. 2 й выш. XIII-й книжки Зап. кавк. отд. русск. географ. общ.

²⁾ См. Приложение XIV-е къ всеобщей исторіи Степаноса Таронскаго. Москва, 64 годъ.

названіемъ Михра. Михръ былъ богомъ невидимаго огня, что доказыается происшедшимъ отъ этого имени словомъ «хуръ», которое до сихъ поръ служить у армянъ для выраженія понятія невидимаго, невещественнаго огня; видимыми же проявленіями Михра армяне одинаково признавали солнце и луну. Хотя противникъ Арамазда, Ангра Майнью, Ариманъ греческихъ писателей, ни разу не упоминается армянскими источниками, но его ближайшіе помощники, деви, и воплощеніе ихъ въ драконовъ хорошо извѣстны народной мифологіи.

Моисей Хоренскій упоминаетъ о томъ, что въ началѣ IV вѣка армяне поклонялись двумъ почернѣвшимъ драконамъ, въ которыхъ по ихъ мнѣнію вселились злые духи. Что эти драконы были своего рода воплощеніемъ Ангра Манью—слѣдуетъ изъ того, что въ сказаніяхъ, придерживающихся началъ маздеизма парсовъ, значится, что послѣ неудачнаго нападенія, совершеннаго на царство Ормузда, глава злыхъ духовъ, ища спасенія въ бѣгствѣ, въ формѣ дракона бросился съ неба на землю. Такимъ образомъ есть основаніе полагать, что въ поклоненіи древнихъ армянъ драконамъ слѣдуетъ видѣть своеобразное проявленіе того культа, которымъ древніе персы, наравнѣ съ Ормуздомъ, окружали и Аримана. По словамъ Моисея Хоренскаго армяне приносили драконамъ человѣческія жертвы: цѣломудренныхъ дѣвъ и невинныхъ юношей. Скала, на которой производимы были эти жертвоприношенія, окружена была глубокими ущельями, наполненными змѣями и скорпіонами, т. е. тѣми животными, которыхъ религія Авесты считаетъ и твореніемъ, и символомъ Аримана.

На загробную жизнь древніе армяне смотрѣли такъ же, какъ и персы. Подземное царство извѣстно было имъ подъ названіемъ Джохкъ. Терминъ этотъ напоминаетъ персійское «дузахъ», мѣсто пребыванія Аримана. Царство это отдѣлено отъ жилища блаженныхъ, упоминаемымъ Авестою, мостомъ «чинвадъ» и управляется особымъ правителемъ, не названнымъ по имени, но въ которомъ немудрено узнать владѣтеля ада—Аримана ¹⁾.

Обращаясь къ грузинскимъ источникамъ, мы и въ нихъ на-

¹⁾ Ibid, стр. 260, 261, 272, 278 и 279.

ходимъ неоднократно указанія на то, что религія Ормузда нѣкогда была распространена на всемъ Кавказѣ. Повторяя свидѣтельство Моисея Хоренскаго о святой Нуэ или Нишѣ, просвѣтительницѣ Грузіи, разрушившей истуканъ громомета Арамазда въ Мцхетѣ ¹⁾, грузинская хроника царя Вахтанга упоминаетъ и о сооруженіи въ Мцхетѣ особаго идола Армаза (очевидно Ормузда) и о принесеніи ему въ жертву невольниковъ,—и все это не далѣе какъ за 237 лѣтъ до Рождества Христова.

О царѣ Парнаджомъ или вѣриѣ Фарнаджомъ, правившемъ въ Грузіи въ періодъ временіи отъ 112 до 93 года до Рождества Христова, тотъ же лѣтоисецъ сообщаетъ слѣдующія подробности: онъ поставилъ особаго идола Зюдену, чтó въ переводѣ значить сатана. Затѣмъ, сдѣлавшись приверженцемъ огнепоклонства, господствовавшаго въ то время въ Персіи, онъ написалъ изъ этой страны огнепоклонниковъ и маговъ, которыхъ и поселилъ въ Мцхетѣ на мѣстѣ, называемомъ Могута ²⁾. О самомъ Моріанѣ, обращенномъ въ христіанство святою Ниной въ 331 году отъ Вознесенія Спасителя, въ той же хроникѣ говорится, что онъ поклонялся семи идоламъ и огню ³⁾.

Если въ грузинскихъ хроникахъ и не видѣть ничего, кромѣ безпорядочной и сравнительно поздней записи народныхъ преданій, то все же придется сказать, что приведенныхъ изъ нихъ отрывковъ достаточно для обоснованія того взгляда, что въ глазахъ самихъ грузинъ эпохъ ихъ обращенія въ христіанство предшествовалъ довольно продолжительный періодъ, въ теченіи котораго они являлись послѣдователями маизензма.

Переходя къ восточной половинѣ Кавказа, извѣстной въ древности подъ наименованіемъ Агавоніи и Албаніи, т. е. къ провинціямъ, расположеннымъ: первая по нижнему теченію Куры, а вторая въ предѣлахъ современнаго Дагестана, мы въ агованской исторіи Моисея Кагконтваци, писателя VII вѣка, находимъ показанія о томъ, что, несмотря на раннюю проповѣдь христіанства, эти провинціи, подъ вліяніемъ персидскихъ пра-

¹⁾ См. Иванъ Шопенъ. Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и его обитателей. Петербургъ, 66 года, стр. 78.

²⁾ Шопенъ, стр. 237 и 241.

³⁾ Ibid, стр. 265.

вителей, долгое время придерживались «огнепоклонства маговъ». Этотъ культъ связанъ былъ, какъ видно изъ показаній того же лѣтописца, съ бѣсопочитаніемъ. Кагконтотави разсказываетъ по этому поводу, что послѣдователи секты бѣсопочитателей приписывали злымъ духамъ силу чародѣйства и признавали за бѣсами способность «ослѣплять и испещрять тѣло» тѣхъ, которые не соглашались имъ служить. Не далѣе какъ во времена Феодосія Великаго персидскіе владыки еще заботились о поддержаніи въ Агавоніи «огнепоклонства и ученія маговъ»¹⁾.

О распространеніи древней религіи иранцевъ къ сѣверу отъ кавказскихъ горъ мы не находимъ прямыхъ свидѣтельствъ ни въ армянскихъ, ни въ грузинскихъ лѣтописяхъ; но тщательно изученныя г. Миллеромъ данныя осетинскаго языка и осетинской мифологіи наводятъ на мысль о томъ, что и въ средѣ этого иранскаго племени поклоненіе добрымъ и злымъ геніямъ, а также семейному очагу и освященнымъ имъ предметамъ, было распространено не менѣе, чѣмъ въ средѣ послѣдователей Авесты.

Въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ» я счелъ нужнымъ остановиться въ подробности на тѣхъ аналогіяхъ, какія осетинское почитаніе духовъ-покровителей семьи представляетъ съ культомъ авестинскихъ фравашей. Я повторю здѣсь то, что было сказано мною въ главѣ о религіозныхъ вѣроваціяхъ и общественномъ устройствѣ осетинъ. «Вторая часть Авесты представляетъ на мой взглядъ лучшей комментарий къ тому почитанію, какимъ осетины окружаютъ своихъ мертвыхъ. Священная книга иранцевъ изображаетъ передъ нами души покойниковъ постоянно озабоченными одной мыслью: «кто будетъ почитать и прославлять насъ, кто принесетъ намъ жертвы, кто приготовить для насъ достаточно пищи, чтобы мы никогда не могли нуждаться въ ней?» Питаніе мертвыхъ въ формѣ совершаемыхъ въ ихъ честь поминокъ составляетъ главное содержаніе осетинскаго культа предковъ. Осетинъ считаетъ своимъ долгомъ питать покойниковъ въ надеждѣ получить отъ нихъ въ замѣнъ дѣятельную помощь и поддержку во всехъ обстоятельствахъ своей жизни.

1) Шопенъ, стр. 428, 429 и 437.

Тотъ же мотивъ для жертвоприношеній въ пользу фравашей выставляетъ и Авеста. Вотъ въ какихъ словахъ фраваша благословляютъ заботливаго потомка: «да будутъ всегда въ его жилищѣ стада животныхъ и людей!; да обладаетъ онъ кроткой лошадыю и крѣпкой колесницей!; да будетъ въ его семьѣ чело-вѣкъ, знающій почитать Бога и управлять въ собраніи народа, опытный въ жертвоприношеніяхъ» и т. д. Довольные потомствомъ, неоставляющимъ ихъ безъ пищи, фраваша спѣшаютъ ему на помощь: въ сраженіи они борются за одно съ нимъ, защищая каждый свое прежнее жилище; они же ближайшіе виновники урожаявъ, посылающіе обиліе водъ каждый своему роду, мѣстечку, городу или странѣ съ пожеланіемъ имъ расти и богатѣть. Осетины и послѣдователи Зороастрова ученія одинаково придерживаются того воззрѣнія, что покойники способны надѣлать потомство не только счастьемъ и процвѣтаніемъ, но и всякаго рода бѣдствіями: они мстительны по природѣ и охотно караютъ того, кто оставляетъ ихъ безъ пищи, питья и свѣта. Здоровье и болѣзни, думаетъ Авеста, лежатъ въ ихъ власти; ихъ злоба страшна тѣмъ, кто оскорбляетъ ихъ. Въ эпитетахъ, которыми Авеста сопровождаетъ терминъ фраваша, выступаютъ тѣ свойства, какими иранцы надѣляли души умершихъ предковъ. Фраваша щедры, мужественны, милосердны, могущественны, сильны и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижны, какъ птицы, и легки, какъ воздухъ. Все это тѣ самыя свойства, какими въ глазахъ осетинъ обладаютъ души усопшихъ предковъ, нерѣдко уподобляемыя ими падучимъ звѣздамъ ¹⁾). Народная мифологія осетинъ представляетъ еще ту сходную черту съ религіей Авесты, что дѣлаетъ предметомъ особаго культа домашній очагъ и все, что имѣетъ къ нему ближайшее касательство, въ частности цѣпь (рахисъ), на которой виситъ котелъ для варки пищи. Эта цѣпь считается у осетинъ стоящей подъ покровительствомъ особаго божества Сафо, отъ котораго зависятъ богатство и изобиліе.

¹⁾ Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 99. Тѣ же положенія развиты мною въ сообщеніи, сдѣланномъ въ Стокгольмѣ и отпечатанномъ затѣмъ въ журналѣ шведскаго антропологическаго общества, подъ заглавіемъ «Om dyrkan af förfädren hos de Kaukasiska folken».

Не бесполезенъ также осетинамъ и возмущившійся нѣкогда добрый духъ Ариманъ. Они называютъ его Амиранъ. Въ ихъ сказаніяхъ онъ изображенъ какъ притѣснитель, не дававшій людямъ покоя и спорившій какъ съ божьими дзуарами (святыми) такъ и съ самимъ Богомъ. Богъ поймалъ его однажды хитростью и велѣлъ запретить въ пещеру. Тотъ же Амиранъ ставится въ какую-то весьма темную связь съ цѣпью домашняго очага, которая по видимому нужна ему для того, чтобы избавиться отъ заточенія. Ужъ не потому ли Ариманъ можетъ, какъ видно изъ персійскихъ сказаній, принять форму дракона и въ этомъ видѣ бѣгать отъ преслѣдованій? Не отождествляегъ ли въ данномъ случаѣ народная фантазія дракона съ цѣпью? Не даромъ же въ осетинскихъ сказаніяхъ о цѣпи затѣмъ говорится, какъ о спускающейся съ самого неба ¹⁾. Въ осетинской легендѣ объ Амиранѣ легко прослѣдить процессъ авестійскаго Аримана въ греко-римскомъ Прометей. Въ записанномъ Вахтангомъ сказаніи, Прометей, закованный въ желѣзные цѣпи и привязанный къ высокой горѣ Бевраса, считается владыкою змѣй, но этотъ титулъ въ Авестѣ принадлежитъ ни кому другому какъ Анграманью Ариману Геродота ²⁾. Похититель божественнаго свѣта извѣстенъ иранской мифологіи, которая подобно греческой приковываетъ его за этотъ проступокъ къ горѣ Домавентъ (Эльборусъ) ³⁾. Сказанія о Прометей доселѣ живы и въ средѣ горцевъ, которые также считаютъ его прикованнымъ къ Эльборусу ⁴⁾.

Итакъ, на протяженіи всего Кавказа, религіозныя вѣрованія иранцевъ являлись одно время господствующими. Въ теченіе столѣтій, большинство населяющихъ перешеекъ племенъ оставались огнепоклонниками и дуалистами, имѣли по образцу иранцевъ своихъ маговъ или жрецовъ и свой строго выработанный домашній культъ, напоминающій тотъ, изъ котораго постепенно развилось авестинское вѣрованіе въ Фравашей. Такое продол-

¹⁾ См. Миллеръ. Осетинскіе вѣдовы, ч. I, преданіе объ Амиранѣ, стр. 69.

²⁾ Шопенъ, стр. 226.

³⁾ James Darmesteter u. Introduction to the Vendidad, LXV.

⁴⁾ Сказаніе о Прометей на Кавказѣ, В. Миллера.

жительное господство Маздеизма не могло пройти безслѣдно для умственного, нравственного, общественнаго и юридическаго склада горцевъ. Раскрытіе этого вліянія является первымъ шагомъ къ уразумѣнію многихъ и совершенно непонятныхъ на первый взглядъ Кавказскихъ обычаевъ и обрядовъ.

Грузинскія хроники, говоря о прошломъ картвельскихъ племенъ, упоминають «о водворившемся у нихъ гнусномъ обыкновениі: въ бракахъ не обращать вниманія ни на какую степень родства, питаться всѣмъ, что только имѣло жизнь, покойниковъ не хоронить, а пожирать ихъ тѣла»¹⁾.

Интересно опредѣлить, въ какой мѣрѣ эти записанныя Вахтангомъ народныя преданія находятъ подтвержденіе себѣ въ данныхъ Кавказской археологій и этнографіи. Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что въ Дагестанѣ у пограничнаго съ Грузіей и на половину грузинскаго племени Дидойцевъ, вмѣстѣ съ поклоненіемъ идоламъ и не чистой силѣ, во времена Клапрота встрѣчалась та интересная черта, что они смѣшивались между собою безъ всякаго разбора родства²⁾, другими словами, ихъ бракъ вмѣсто того, чтобы быть экзогамическимъ, какъ у большинства горскихъ народностей Кавказа, являлся эндогамическимъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова; но та же эндогамія съ тѣми ограниченіями, какія по отношенію къ ней выставляютъ брачныя запреты Шаріата, доселѣ господствуетъ на протяженіи всего Дагестана. Въ доставленныхъ мнѣ официальныхъ данныхъ объ организаціи дагестанскихъ тохумовъ или родовъ прямо значително, что браки не должны быть заключаемы съ женщинами чужеродками, что принадлежность невѣсты къ роду жениха надо поставить выше знатности и богатства, и что самымъ рекомендуемымъ обычаемъ, другими словами, самымъ почетнымъ бракомъ является тотъ, который заключаютъ между собою двоюродные братья и сестры. Источникъ всѣхъ этихъ предписаній скрывается ни въ чемъ иномъ, какъ въ продолжительномъ господствѣ на Кавказѣ связанныхъ съ древней религіей иранцевъ нравственныхъ и юридическихъ представленій.

¹⁾ Хроника царя Вахтанга, Шопень, стр. 229.

²⁾ Klapproth. Voyage autour du Caucase. v. I, Шопень, стр. 345.

«Hvaētvdatha» или святость брака, заключаемаго между родственниками и доходящаго до кровомѣшенія, прямо признается Авестою. До Сассанидовъ подобные браки были обязательны для однихъ маговъ, но съ этого времени они сдѣлались въ Персіи общимъ правиломъ ¹⁾ и брачное сожитіе было допускаемо какъ между восходящими и нисходящими, такъ и между братьями и сестрами ²⁾. Косвеннымъ подтвержденіемъ не ограниченнаго господства эндогаміи въ періодъ времени, предшествовавшій введенію Корана, служитъ самый фактъ наименованія аравитинами пересѣкающаго Кавказъ хребта «Горами Непотребныхъ» (Джебаль аль Кахизъ) ³⁾. Для послѣдователей Корана сожитіе братьевъ и сестеръ, матерей и сыновей очевидно не могло представиться въ иномъ свѣтѣ.

И такъ, одно изъ обвиненій, возводимыхъ на язычниковъ Кавказа хроникою Вахтанга, находитъ полное подтвержденіе, какъ въ господствующей доселѣ эндогаміи въ Дагестанѣ, такъ и въ полномъ равнодушіи, съ которымъ грузинское по своему происхожденію племя додойцевъ относится къ кровосмѣнительнымъ бракамъ. И тотъ, и другой фактъ не являются случайными, а служатъ проявленіемъ иѣкогда распространеннаго среди горцевъ маздензма.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ оправдывается данными кавказской археологіи и этнографіи другое обвиненіе, возводимое на старинныхъ обитателей Кавказа хроникою царя Вахтанга: «покойниковъ не хоронили и пожирали ихъ тѣла».

Во время путешествія по Хевсуретіи и Тушетіи, мое вниманіе на разъ возбуждали попадающіяся по дорогѣ старинныя усыпальницы. Эти усыпальницы, расположены вдалекѣ отъ всякаго жилья, лѣса и воды на обнаженныхъ горныхъ возвышенностяхъ. Достаточно описать одну изъ нихъ, чтобы составить себѣ понятіе объ остальныхъ.

По дорогѣ изъ Хевсурскаго аула Шатиль въ Ардоты. ближай-

---

¹⁾ James Darmesteter u. Introduction to the Vendidad. стр. XLIV.

²⁾ См. Rodolphe Dareste. L'ancien droit des Perses въ Etudes d'histoire du droit. Paris, 1889. стр. 108.

³⁾ Шопенъ, стр. 20 и 21.

шему къ Апунекому перевалу Хевсурскому селенію, на голой возвышенности подымается шесть каплицъ, представляющихъ каждая одну и ту же форму удлиненнаго параллелограмма. Каплицы эти сложены изъ простыхъ камней, цементированныхъ глиной и прикрыты сверху грифельными досками: каждая каплица имѣть только два четырехъ-угольныхъ отверстія: одно съ восточной, другое съ южной стороны; въ каждое съ удобствомъ можетъ быть пронесено тѣло взрослого человѣка. Проникнувъ во внутренность одной изъ этихъ каплицъ, я очутился въ коридорѣ, по обѣ стороны котораго устроены были не прикасающіяся къ землѣ каменные палаты: на этихъ палатахъ расположены труны или точнѣе скелеты мертвецовъ, изъ которыхъ одни лежатъ вытянуты во весь ростъ, другіе прислонены спиною къ стѣнѣ. Такъ какъ сдѣланныя въ каплицѣ отверстія даютъ свободный проходъ и птицамъ и звѣрямъ, то отпаденіе мышцъ отъ костяка могло быть результатомъ не одного только процесса гніенія. По срединѣ коридора въ землѣ сдѣлано углубленіе, на подобіе канавы. Оно наполнено костями распавшихся отъ времени скелетовъ.

Въ другихъ видѣнныхъ мною въ Хевсуретіи усыпальницахъ и въ частности—въ той, которая расположена на большой и голой возвышенности не подалеку отъ недавно возникшаго аула Муцо, можно было отмѣтить слѣдующую не безынтересную подробность: яма, расположенная внутри каплицы, глубиною въ полтора аршина, была вся выложена кладкой на сухо, такъ что труны, даже по распаденіи скелета, не приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ землею.

Въ Анатори и Муцо каплицы одинаково представляли собою удлиненные параллелограммы съ однимъ четырехугольнымъ отверстіемъ, начинавшимся съ самого уровня почвы. Приближаясь къ Ардотамъ, мнѣ привелось увидать усыпальницы нѣсколько иного порядка, а именно правильной четырехугольной формы съ двумя большими и четырьмя меньшими отверстіями: большія начинались на высотѣ почвы, остальные сдѣланы были въ стѣнахъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ первыхъ: величина ихъ разсчитана на то, чтобы дать свободный проходъ и воздуху и дождевой водѣ. Слѣдующія подробности похороннаго обряда хевсуръ дополняютъ собою ту картину ихъ

погребальныхъ обычаевъ, какую даютъ намъ только что описанныя усыпальницы.

Г. Худадовъ, который на правахъ окружнаго слѣдователя имѣлъ возможность познакомиться въ подробности съ особенностями хевсурскаго быта, сообщаетъ на этотъ счетъ тоже, что записано было мною со словъ мѣстныхъ жителей. Едва наступитъ агонія, къ умирающему сходятся родственники и чужіе. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, такъ называемые «нареви», выносятъ умирающаго на дворъ на заравѣ приготовленное мѣсто. Изъ домашнихъ и родныхъ никто ни прикасается къ умирающему; съ нимъ возятся только нареви. Они также одѣваютъ покойника и относятъ его тѣло въ усыпальницу. Остальная публика, собравшаяся на похороны, не подаетъ наревамъ руки, не ѣсть и не пьетъ съ ними за однимъ столомъ; мало этого, она не прикасается ни къ какому блюду, которое попало предварительно въ руки наревовъ. Это объясняется представленіемъ хевсуръ, что покойникъ «не чистъ», и что всякій прикасающійся къ нему становится «запятаннымъ». Покойника заворачиваютъ въ бѣлый, а потомъ въ красный саванъ и держатъ на открытомъ воздухѣ 5—7 дней, при чемъ наревы должны сторожить его и днемъ и ночью. Когда наступитъ время похоронъ, они берутъ трупъ и несутъ его на могилу; никто изъ родственниковъ не провожаетъ покойника, ¹⁾

Прикительскіе горцы, т. е. живущіе по сѣверному склону Кавказскаго хребта хевсуры и ихъ сосѣди кистины, имѣли обыкновеніе хоронить своихъ мертвецовъ въ склепахъ или капицахъ подобныхъ тѣмъ, какія описаны мною выше. Въ послѣднее время они обходятъ запрещеніе класть тѣла покойниковъ въ землю тѣмъ, что выкладываютъ могилу громадными шиферными плитами.

Чтобы понять источникъ, изъ котораго вытекли погребальные обычаи хевсуръ, необходимо прибѣгнуть къ священной книгѣ иранцевъ къ Авестѣ. Въ той части ея, которая извѣстна подъ названіемъ Вендидадъ, о чистотѣ говорится какъ о величайшемъ благѣ послѣ жизни ²⁾. Понятія: чистота и нечистота,

¹⁾ Замѣтки о Хевсуретин Худалова.

²⁾ См. Fardard V, § 21 (Sac. Books of the East. Vendidad, стр. 55).

замѣчаетъ Дармстетеръ, имѣють въ глазахъ Авесты совершенно другое значеніе, нежели какое мы связываемъ съ ними нынѣ; они выражаютъ собою все состояніе человѣческаго духа и его тѣла. Нечистота означаетъ для нея то, что тѣломъ чловѣка овладѣлъ бѣсъ; цѣлью очищенія является изгнаніе бѣса. Обычный путь, которымъ нечистота овладѣваетъ чловѣкомъ, есть смерть, такъ какъ она знаменуетъ собою торжество дьявола или нечистой силы: едва чловѣкъ скончался и душа покинула тѣло, «трупный бѣсъ» (Drug Nasu) подымается изъ ада и вселяется въ тѣло покойнаго; кто приблизится къ этому тѣлу, становится «нечистымъ» и можетъ сдѣлать такимъ же всякаго, кто прикоснется къ нему впоследствии. Признавая характеръ святости за элементами природы, древніе иранцы старались избѣгать всякаго приближенія труна къ огню, землѣ или водѣ. Отсюда запрещеніе сжигать мертвыхъ или зарывать ихъ тѣло въ землю; отсюда же требованіе, чтобы усыпальницы воздвигаемы были не иначе, какъ на извѣстномъ разстояніи отъ воды и огня, т. е. отъ рѣкъ, колодцевъ и семейныхъ очаговъ, а также на извѣстной высотѣ отъ земли; отсюда, наконецъ, происхожденіе тѣхъ расположенныхъ на горахъ, вдалекѣ отъ всякаго жилья, усыпальницъ (dakhme), о которыхъ такъ подробно говоритъ Вендидадъ и слѣдующій предписываемый ею порядокъ обращенія съ покойниками: въ каждомъ поселкѣ должны быть устроены небольшіе домики для мертвыхъ, въ которыхъ мертвецы выставляются по меньшей мѣрѣ на двѣ ближайшія ночи, слѣдующія за смертью, затѣмъ тѣло покойника переносится на горную возвышенность, о которой извѣстно, что на ней постоянно пребываютъ пожирающія труны собаки и клюющія ихъ хищныя птицы. Трупъ покойнаго несутъ при этомъ не родственники и знакомые, а два постороннихъ чловѣка, «которые снявъ съ себя одежды, изъ опасенія осквернить ихъ прикосновеніемъ къ мертвецу, доставляютъ его въ домикъ, сооруженный изъ камней и глины и предназначенный служить для него усыпальницею, или dakhme. Чтобы очистить себя отъ оскверненія, «носильщики труповъ» (nasu—Kasha) совершаютъ омовеніе, причемъ мѣсто воды занимаетъ коровья и овечья урина, и только въ крайнемъ случаѣ урина ближайшаго родственника или родствен-

ницы покойнаго ¹⁾). Тѣла мертвецовъ доставленныя въ dakhme прописывается прикрѣплять изъ опасенія, чтобы питающіяся ими животныя не растаскали костей и не осквернили ими рѣкъ и деревьевъ ²⁾). Въ теченіе года тѣло продолжаетъ лежать въ dakhme. Перепадающіе по временамъ дожди, даръ Агура Мазды, уносятъ подлежащія тлѣнію остатки мертвецовъ и по истеченіи годичнаго срока, со времени смерти, освободившіяся отъ подлежащихъ порчѣ частей остовъ мертвеца становится тѣмъ самымъ свободнымъ отъ владѣвшаго имъ дотогѣ бѣса ³⁾).

Что предписываемый Авестой погребальный ритуалъ не оставался мертвой буквой, доказательство этому мы находимъ въ отчетахъ христіанскихъ миссіонеровъ въ Персіи и въ частности въ томъ описаніи, каковой въ XVII вѣкѣ составленъ былъ іезуитомъ Шинонъ и послужилъ матеріаломъ для всѣхъ сообщеній, дѣлаемыхъ о Гебрахъ или огнепоклонникахъ Персіи путешественниками Шарденомъ и Тавернье.

Самое сильное обвиненіе возводимое на гебровъ, пишетъ Шинонъ, состоитъ въ томъ, что они не погребаютъ своихъ мертвецовъ; покойникъ считается у нихъ существомъ нечистымъ, они солекаютъ съ него одежду и одѣваютъ его въ самое изношенное платье, какое только могутъ найти; лицо оставляютъ не прикрытымъ; трупъ уносятъ въ особо отведенное для него мѣсто и, прислонивши его къ стѣнѣ, придаютъ ему такимъ образомъ сидячее положеніе.

Самимъ даже жрецамъ не дозволено сопровождать тѣло, но это не мѣшаетъ имъ приносить молитвы о душѣ усоншаго. Миѣ говорили, что гебры придаютъ большое значеніе тому, выключотъ ли вороны сперва правый или лѣвый глазъ мертвеца: первое считается признакомъ того, что душа покойника отпавидася въ рай, второе, что ея удѣлъ быть въ аду. Когда я сталъ разспрашивать знакомаго миѣ гебра о томъ, насколько справедливъ этотъ слухъ, онъ отвѣтилъ миѣ отрицательно, но

---

1) Fargad, VIII, II, § 11, 12 и 13.

2) Vendidad, Fargad VIII, SS. 10; IV, SS. 16; V, SS. 45—47.

3) Fargad, VII, I, II.

въ то же время сообщил мнѣ нѣчто, еще болѣе пелѣное, а именно то, что приставленный къ трупамъ сторожъ внимательно слѣдитъ затѣмъ, какъ скоро происходитъ процессъ гніенія и кости освобождаются отъ покрывающихъ ихъ мускуловъ. Въ быстромъ разрушеніи трупа гебры видятъ доказательство тому, что душа покойника устремилась въ рай. Тѣ, которые носятъ трупы покойниковъ, каждый разъ снимаютъ съ себя все что было у нихъ на тѣлѣ, затѣмъ, все это моется въ особо отведенномъ для того мѣстѣ, отнюдь не въ собственныхъ ихъ жилищахъ. Самы носильщики обливаютъ себя коровьей уриною въ надеждѣ тѣмъ самымъ достигнуть очищенія; все, къ чему трупъ имѣлъ хотя-бы мимолетное прикосновеніе, считается нечистымъ, поэтому, когда трупъ вынести изъ дома, тщательно сгребаютъ землю на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ покоился и выбрасываютъ ее какъ «вещество нечистое» далеко за городъ ¹⁾.

Сопоставляя погребальный ритуалъ хевсуръ и описанный нами типъ ихъ усыпальницъ съ религіозными предписаніями Авесты на счетъ порядка похорошъ и той живой иллюстраціей, какую даютъ намъ обычаи гебровъ, мы необходимо приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) отмѣченный еще грузинскими лѣтописцами фактъ: «картвельцы не хоронятъ мертвыхъ, а пожираютъ ихъ тѣла» вполнѣ подтверждается тѣми переживаніями, какія этотъ обычай оставилъ въ бытѣ хевсуръ. Самое пожраніе тѣлъ легко можетъ означать собой не болѣе, какъ то, что картвельскія народности, подобно всѣмъ вообще послѣдователямъ Авесты и въ частности гебрамъ, выставляли своихъ мертвыхъ на пожраніе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Такимъ образомъ не является необходимости объяснять, какъ это дѣлаетъ Шопень ²⁾, происхожденіе только что приведеннаго свидѣтельства тѣмъ фактомъ, что древніе картвельцы были канибадами ³⁾.

1) Relations Nouvelles du Levant. Lyon, 1671, стр. 466.

2) Шопень, стр. 328.

3) Авеста принимаетъ строгія мѣры противъ людоедства, грозя виновному въ немъ истребленіемъ всей его семьи и обращеніемъ его навсегда въ существо нечистое, которымъ «до оконечности его ногтей»

2) Источникъ похороннаго ритуала хевсуръ тотъ-же, что и у гебровъ. Я разумю тѣ религіозныя предписанія о соблюденіи физической чистоты и необходимости избѣгать всякаго соприкосновенія съ трупами, о которыхъ говоритъ Авеста. Отказываясь отъ погребенія своихъ мертвыхъ и выставляя ихъ тѣла на пожираніе собакъ и хищныхъ птицъ, хевсуры еще недавно поступали точно также, какъ, по словамъ Геродота и Страбона, не говоря уже о византійскомъ писателѣ Агатангъ, поступали древніе персы, не хоронившіе своихъ мертвыхъ раньше, какъ послѣ выставленія ихъ на пищу собакамъ. Къ нимъ вполне примѣнимы слова Цицерона: «*Majorum mos est non humare corpore suorum, nisi a feris sint ante laniata*»¹⁾, но сами они потеряли память объ источникѣ того страннаго обычая, который запрещаетъ имъ погребать покойниковъ въ землѣ.

Они объясняютъ его происхожденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Хевсуретин, расположенной на горныхъ покатосяхъ, такъ мало удобной къ обработкѣ земли, что приходится дорожить каждымъ ея клочкомъ: вотъ почему, говорятъ они, мы не считаемъ нужнымъ отводить ея подъ кладбище и на разстояніи немногихъ лѣтъ, обыкновенно семи, собираемъ распавшіяся кости нашихъ покойниковъ и бросаемъ ихъ въ общую яму; такимъ образомъ освобождается мѣсто для новыхъ мертвецовъ и земля не пропадаетъ даромъ. Хевсуры, повидимому, далеки отъ мысли, что однохарактерная практика, названная ничѣмъ инымъ какъ религіозными предписаніями Авесты, не далѣе какъ въ XVII вѣкѣ, продолжала еще держаться у гебровъ въ окрестностяхъ Испгани. Когда для новыхъ покойниковъ не окажется болѣе мѣста въ капищѣ, говоритъ Шарденъ, гебры бросаютъ въ устроенную среди капищца яму, однохарактерную съ той какою я видѣлъ въ Анатори, наиболѣе подвергнувшіяся тлѣнію тѣла и на мѣсто ихъ кладутъ новыя²⁾.

владѣеть «струнный бвсъ» (Dru: Nava), обитавшій въ сѣднемомъ имъ трунѣ (Vendidad. Fargud, VII—IV. § 24).

1) См. Novelacque. L'Avesta, стр. 486.

2) Chardin. t. III, стр. 131.

Не одни только хевсуры воздерживаются от погребенія своихъ мертвецовъ; того-же обычая придерживаются на Кавказѣ и сосѣднія съ ними племена. Я упомянулъ уже о кистивахъ, какъ о народѣ, слѣдовавшемъ еще недавно тому-же порядку выставленія мертвыхъ въ особо устроенныхъ для нихъ каплицахъ. Въ настоящее время я приведу отрывокъ изъ очерка экономическаго быта ингушей, авторъ котораго г. Грабовскій, весьма далекій отъ мысли искать въ обычаяхъ горцевъ слѣды воздѣйствія древнихъ религіозныхъ законодательствъ востока, довольствуется тѣми объясненіями, какія даютъ имъ сами горцы. «Недостатокъ земли, говоритъ г. Грабовскій, такъ ощутителенъ, что у ингушей не имѣется даже обыкновенныхъ кладбищъ; трупы умершихъ кладутся ими въ нарочно устроенные склепы. Подобный обычай погребенія, какъ говорятъ сами жители, сложился единственно вслѣдствіе недостатка земли. Это показаніе подтверждается самымъ нагляднымъ образомъ: склепы обыкновенно находятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствительно сдѣлать что-нибудь другое было нельзя»¹⁾.

Похоронные обряды далеко не представляютъ у хевсуръ и сосѣднихъ съ ними горцевъ единственнаго пережитка тѣхъ религіозныхъ воззрѣній, выразителемъ которыхъ является Авеста. Ея ученіе о чистомъ и нечистомъ, связь, въ которую она приводитъ оскверненіе путемъ прикосновенія съ нечистыми предметами и одержимость этихъ предметовъ злыми духами, признаніе ею нечистыми не только всего, что не имѣетъ еще или лишилось жизни, поэтому одинаково ребенка въ утробѣ матери и мертваго тѣла, но и всѣхъ отдѣленій живаго организма, какъ-то: женскихъ очищеній, обрѣзанныхъ волосъ и ногтей, и т. п.—все это съ наглядностью сказывается въ тѣхъ мелочныхъ предписаніяхъ, какими хевсуры обставляютъ такіе повседневные факты, какъ обрѣзываніе волосъ и ногтей, наступленіе у женщинъ періода очищенія или беременности. Предписаніе Авесты держать женщинъ въ эпоху менструацій въ

---

¹⁾ Экономическій и домашній бытъ жителей Горскаго участка, Ингушскаго округа. Грабовскаго, стр. 13, третій выпускъ Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ.

специально отведенномъ для нихъ помѣщеніи, съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ оскверненіе ими домашняго очага «даже взглядомъ»¹⁾, объясняетъ намъ источникъ того обычая, въ силу котораго въ хевсурскихъ дворахъ поодаль отъ усадьбы встрѣчается плетенка изъ хворосту, обмазанная навозомъ и называемая «босель»; въ этой плетенкѣ женщина обязательно проводитъ ежемѣсячно періодъ очищенія, вкушая пищу отдѣльно отъ прочей семьи. Въ той-же Авестѣ надо искать ключъ къ объясненію и другаго обычая, по которому хевсурскія женщины проводятъ время родовъ въ особой избушкѣ, построенной вдали отъ селенія и называемой «кохи». Слѣдуя предписаніямъ Авесты, родильница во все время своего принужденнаго заточенія получаетъ пищу черезъ продѣланное въ избушкѣ отверстіе; когда ребенокъ родится на свѣтъ, онъ согласно воззрѣніямъ той-же Авесты признается нечистымъ, такъ какъ состоялъ въ прикосновеніи съ выдѣляемымъ живымъ организмомъ мертвыми тѣлами. На этомъ основаніи родильница и ребенокъ не сразу переходятъ въ общую саклю, а проводятъ еще три дня въ упомянутомъ выше «босель»; домикъ, въ которомъ произошли самые роды, какъ оскверненный ими, подлежитъ сожженію. Мать и новорожденный выходятъ изъ боселя не раньше, какъ по совершеніи надъ ними обряда омовенія. Этотъ обрядъ, примѣненный къ ребенку, принимается не рѣдко у хевсуръ за обрядъ крещенія.

Послѣ сказаннаго не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что источникъ предполагаемаго у хевсуръ обряда крещенія совершенно иной; что-же касается до омовенія самой роженицы, то оно, въ полномъ соотвѣтствіи съ предписаніями Авесты, производится не простой водой, а коровьей уриной²⁾.

Не одни хевсуры придерживаются этихъ странныхъ обыкновений, стѣснительность которыхъ, какъ я имѣлъ случай убъ-

¹⁾ Vendidad. Fargad, XVI—I, § 2.

²⁾ Свѣдѣнія эти собраны мною на мѣстахъ; нѣкоторыя изъ нихъ отмѣчены были много лѣтъ назадъ Эрнстовымъ. См. сочиненіе послѣдняго, «Хевсурія и хевсуры», въ переводѣ Вейденбаума. (Записки кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, книга XI. Тифльсь, 1881 г., стр. 73).

даться, они въ настоящее время вполне сознають. Сто лѣтъ назадъ Рейнегсъ вносилъ въ свои путевыя замѣтки слѣдующую подробность о тушинахъ, грузинскомъ племени, живущемъ по ту сторону отъ Ацунскаго перевала: собирающаяся женщина должна удалиться у нихъ изъ селенія. Въ глухойникѣмъ непосѣщаемой мѣстности она производитъ на свѣтъ ребенка и остается съ нимъ въ теченіе слѣдующихъ сорока дней. Никто не заботится о ней, никто не доставляетъ ей пищи, за исключеніемъ какой нибудь старухи, потерявшей уже всякую надежду сдѣлаться матерью ¹⁾).

По словамъ г. Хоранова, пшавы — южныя сосѣди хевсуръ, также смотрятъ на женщину какъ на существо нечистое, по крайней мѣрѣ во время менструаціи и родовъ. Женщина проводитъ эти періоды своей жизни въ особо-устроенной для этого хижинѣ, куда никто не смѣетъ проникнуть; пищу ей подаютъ черезъ отверстіе, опасаясь оскверниться прикосновеніемъ къ ней ²⁾).

Къ числу оригинальнѣйшихъ постановленій Авесты надо отнести тѣ статьи Вендидадъ, въ которыхъ говорится объ оскверненіи себя прикосновеніемъ къ обрѣзаннымъ волосамъ и ногтямъ, каждый разъ когда такое соприкосновеніе не сопровождается совершеніемъ предписуемыхъ религіей обрядовъ. Падающіе съ головы волосы, обрѣзываемые ногти и сбываемая борода, какъ мертвыя отдѣленія живаго организма, считаются состоящими во власти злыхъ духовъ; ихъ предписывается поэтому держать вдаль отъ огня и воды и зарывать въ землю, сопровождая это дѣйствіе произнесеніемъ изгоняющихъ бѣса заклинаній ³⁾).

Любопытенъ тотъ фактъ, что хевсуры и пшавы не бросаютъ остриженныхъ ими волосъ и ногтей и обыкновенно прячутъ ихъ въ землю изъ опасенія, чтобы ими не овладѣли черти ⁴⁾).

Проникающее Авесту представленіе, что міръ наполненъ не

¹⁾ Reinéggs, т. I, стр. 183.

²⁾ См. Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ, вып. III, стр. 92.

³⁾ Vendidad, Fargad, XVII—I, II.

⁴⁾ Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, т. III, стр. 89.

видимыми для глаза злыми духами, съ которыми человекъ долженъ вести постоянную вражду, наглядно выступаетъ въ повседневной жизни картвельскихъ племенъ и другихъ горцевъ Кавказа. Рейнегсъ передаетъ намъ слѣдующія интересныя подробности о суевѣрїяхъ грузинъ. Они думаютъ, говорить онъ, что злые духи особенно охотно нападаютъ послѣ родовъ какъ на саму роженицу, такъ и на ребенка; чтобы предохранить обоихъ отъ ихъ дурнаго вліянія грузины кладутъ подъ подушку роженицы кинжалъ или мечъ ея мужа. Надъ одѣяломъ прикрѣпляютъ краснаго цвѣта сѣтку, на узлахъ которой повѣшены свинцовыя шарики одинаковой величины; дѣлается это съ тою цѣлю, чтобы сѣть, сохраняя всегда неизмѣнное положеніе и прикрывая роженицу со всѣхъ сторонъ, не дала возможности злымъ духамъ проникнуть подъ ея одѣяло. Сорокъ дней проводитъ роженица въ этомъ положеніи, не смѣя выйти изъ постели или показаться на чистый воздухъ. Величайшимъ опасностямъ, по возрѣнію грузинъ, подвергнется она въ томъ случаѣ, если позволить себѣ обрѣзать ногти или волосы—очевидно по той же причинѣ немедленнаго овладѣнія ими нечистой силой ¹⁾.

Не менѣе живо сознание необходимости ежечасной борьбы съ злыми духами и въ восточной половинѣ Кавказа. Еще Олеарій отмѣтилъ существованіе въ Тарку, обыкновенномъ мѣстопребываніи Шамхаловъ, слѣдующаго свадебнаго ритуала: каждый гость приносить съ собой стрѣлу и пускаетъ ее въ верхъ стѣны или потолокъ брачнаго покоя. Стрѣлы эти остаются въ стѣнѣ, пока сами не выпадутъ или не сгніютъ тамъ ²⁾.

У осетинъ тотъ же обычай принимаетъ нѣсколько иную форму: вводя невѣсту въ домъ, шаферъ нѣсколько разъ машетъ по воздуху кинжаломъ, какъ бы направляя его противъ невидимыхъ злыхъ духовъ. Ближайшее сообщеніе съ огнемъ, этимъ чистымъ по возрѣнію Авесты элементомъ, доселѣ признается мингрельцами однимъ изъ средствъ освобожденія себя отъ

¹⁾ Reinegs, т. II, стр. 000.

²⁾ Путешествіе Адама Олеарія въ Москву и Персію въ 1633—9 гг., переводъ Барсова, стр. 993.

нечистый силы. Этимъ объясняется причина, по которой въ Мингрелии наканунѣ Вознесенія устраиваютъ въ окрестностяхъ перхвей большіе огни, черезъ которые перепрыгиваютъ одинаково взрослые и дѣти. Поступая такимъ образомъ, говорить г. Мурье, думаютъ спугнуть дьяволовъ, изъ которыхъ самый могущественный будто обитаетъ на Табакеѣ—горной возвышенности, расположенной въ окрѣстностяхъ Мартвили. Въ Грузіи тѣ же обряды совершаются во вторникъ страстной недѣли великаго поста. Преданіе гласитъ, что просвѣтительница Грузіи святая Нина, видя, что обращенные ею грузины продолжаютъ по прежнему зажигать большіе огни, воспользовалась этимъ для того, чтобы чудомъ укрѣпить ихъ въ новой вѣрѣ: она сама развела большой костеръ и перепрыгнула черезъ него невредимой. Съ этого времени, гласитъ преданіе, языческій по своему происхожденію обрядъ сдѣлался христіанскимъ. Онъ пзвѣстенъ въ Грузіи подъ названіемъ Чаріа - Кокноба и строго соблюдается въ ней и въ наши дни ¹⁾).

Этотъ обрядъ тѣмъ болѣе интересенъ для насъ, что мы встрѣчаемъ его, на ряду съ многими другими переживаніями иранской культуры, и въ нашей собственной средѣ. Хорошо извѣстенъ обычай, по которому наканунѣ Ивана Купала разводятся на поляхъ большіе огни, черезъ которые о босу ногу перепрыгиваютъ въ Малороссіи парубки и дивчины. Что обращеніе къ огню имѣетъ своею задачей изгнаніе нечистой силы, которой по воззрѣніямъ Авесты особенно подвержены женщины и дѣвушки, видно изъ того страннаго свадебнаго обряда, который продолжалъ держаться въ Слободской Украинѣ въ прошломъ столѣтіи. При въздѣ въ жениховъ домъ, пишетъ Григорій Калиновскій въ 1776 году, посреди воротъ зажигается кулъ соломы, черезъ который переѣзжаютъ ѣдущіе съ невѣстой въ телѣгѣ и всѣ слѣдующіе за ними ²⁾).

Борьба съ нечистою силой, которая ставится Авестою въ обязан-

¹⁾ См. L'état religieux de la Mingrélie par J. Mourier (Revue de l'histoire des religions, 1887, juillet-août).

²⁾ См. Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ, сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ въ 1776 году, в Харьковскій Сборникъ, издаваемый В. Касперовымъ, вып. III, стр. 170).

ность человѣку, должна принимать между прочимъ форму истребленія нечистыхъ животныхъ. Весь животный мѣръ, слѣдуя общему закону вселенной, учить Авеста, распадается на двѣ части: на твари, созданныя Ариманомъ и состоящія въ услуженіи этого представителя злаго начала, и на тѣ, творцомъ которыхъ былъ Агура Мазда (верховный богъ Ормузда), представитель добраго начала ¹⁾. Борьба добра съ зломъ, составляющая задачу человѣческой жизни, происходитъ не безъ содѣйствія добрыхъ животныхъ и въ частности собаки, быка и коровы; послѣднія доставляютъ человѣку урину, омовеніе которой освобождаетъ его отъ нечистой силы; собака же считается самымъ опаснымъ врагомъ того трупнаго бѣса, который овладѣваетъ тѣломъ усопшаго немедленно послѣ кончины и покидаетъ ²⁾ это тѣло не раньше какъ послѣ того, какъ собаки пожрутъ на немъ все подлежащее тлѣнію. Нѣтъ поэтому въ глазахъ послѣдователя Авесты искупленія для того, кто убьетъ собаку: онъ лишается всѣхъ благъ будущей жизни, а за увѣчье собаки подвергается на землѣ самому страшному наказанію ³⁾—разрѣзанію тѣла на части. Наоборотъ истребленіе нечистыхъ животныхъ считается Авестой прямой обязанностью вѣрующихъ; такими животными считаются: черепахи, змѣи, ящерицы, жабы, лягушки и вообще земноводные. Гебры относятъ къ нимъ также муравьевъ, крысъ и мышей, въ особенности же кота; отвращеніе, какое внушаетъ имъ это животное, говоритъ Шинонъ, причина тому, что они никогда не держутъ его при домѣ. Предпочитается переносить терпѣливо тѣ неудобства, какія имъ причиняютъ крысы и мыши ⁴⁾.

Все это надо имѣть въ виду при объясненіи слѣдующихъ странныхъ обычаевъ осетинъ, чеченцевъ, пшавовъ и хевсуръ. Потоцкій сообщаетъ въ своемъ дневникѣ, что у ингушей обычнымъ способомъ взысканія долга бываетъ обращеніе къ пріятелю или кунаку съ заявленіемъ: такой-то изъ твоего рода долженъ мнѣ столько-то; позаботься о томъ, чтобы платежъ былъ

¹⁾ Darmesteter. Introduction to Vendidad, стр. I.XXIII.

²⁾ Vendidad Fargad, XIII.

³⁾ См. Миллеръ. Значеніе собаки въ миеологическихъ вѣровніяхъ, стр. 7—8.

⁴⁾ См. Chinon, стр. 462.

мнѣ сдѣланъ, такъ какъ я привелъ съ собою собаку и убью ее надъ мертвыми твоего рода. Эта угроза приводитъ ингуша въ трепеть, и онъ немедленно соглашается исполнить поставленное ему требованіе ¹⁾).

Въ этомъ разсказѣ идетъ рѣчь объ обычномъ у горцевъ способѣ удовлетворенія гражданской претензіи, который, какъ мы видѣли, состоялъ въ томъ, что истецъ самоуправно при- нуждалъ къ уплатѣ долга любого изъ членовъ одного съ отвѣт- чикомъ рода; но особенность приводимаго случая состоитъ въ томъ, что самоуправство принимаетъ на этотъ разъ не форму имущественнаго захвата, а форму нравственнаго принужденія, и что это нравственное принужденіе сказывается въ обѣщаніи убить собаку на могилѣ предковъ того лица, противъ котораго истецъ направилъ свою претензію.

Какое, спрашивается, основаніе имѣеть ингушъ къ тому, чтобы противиться такому убійству? Примемъ во вниманіе прежде всего то, что собака, хотя и принадлежитъ къ числу животныхъ, посвященныхъ Ормузду, а слѣдовательно чистыхъ, но трупъ ея въ той же мѣрѣ, какъ и трупъ человѣка, считается обиталищемъ нечистаго духа (*Drug pasu*). Всякое соприкосно- веніе съ нимъ необходимо влечетъ за собою оскверненіе.

Смѣшивая древне-иранскую точку зрѣнія съ тою, какой по отношенію къ собакамъ придерживается коранъ, ингушъ въ наше время часто прибѣгаетъ къ слѣдующему заклинанію. Если, го- ворить онъ, сопровождаая свои слова ударами пашкою по со- бакѣ, такой-то виновенъ въ томъ, въ чемъ я его подозреваю, то пусть эта собака будетъ кормомъ его покойниковъ ²⁾).

Во времена Потоцкаго отвѣтчикъ, отрицавшій существованіе долга, въ доказательство истины утверждаемаго принуждался ингушами къ совершенію слѣдующаго обряда: передъ однимъ изъ священныхъ утесовъ или такъ называемыхъ «уерда», игравшихъ въ народной мифологіи ингушей роль божествъ, ста- вили смѣсь собачьяго кала и костей; послѣ этого должникъ въ

¹⁾ *Voyages dans les steps d'Astrakhan et du Caucase*, 28 octobre 1797, (стр. 126).

²⁾ Сборникъ свѣд. о Терской области, издаанный г. Благовѣщенскимъ, т. I, стр. 281.

присутствіи кредитора произносила буквально слѣдующее заклинаніе: «если я говорю неправду, то да понесутъ мои предки на своихъ плечахъ покойниковъ истца, по лежащему предъ нами пути, послѣ орошенія его предварительно дождевой водой и при яркомъ солнечномъ свѣтѣ». Какое, спрашивается, основаніе могутъ имѣть предки уклоняться отъ слѣдованія тому пути, о которомъ говорится въ заклинаніи?—только то, что путь этотъ оскверненъ присутствіемъ на немъ отбросковъ живыхъ организмовъ. А такимъ онъ можетъ представиться только воображенію ревностнаго послѣдователя Авесты, вѣрующаго, что оскверненіе неизбежно падаетъ на того, кто пройдетъ по тропѣ, на которой предварительно пронесенъ былъ трупъ—все равно человѣка или собаки, или только отброски живыхъ организмовъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ заклинаніи. Отмѣтимъ еще упоминаніе о дождевой водѣ, смѣшивающей съ землею только-что упомянутыя нечистоты и оскверняющей ее ими, а также ярко свѣтящее солнце, неоставляющее вѣрующимъ сомнѣнія въ характерѣ производимаго ими дѣйствія. Заклинаніе, текстъ котораго приведенъ мною выше, очевидно имѣетъ силу только въ глазахъ послѣдователя Авесты, и значеніе, придаваемое ему ингушами, служить немалымъ доказательствомъ распространенности между ними нѣкогда тѣхъ самыхъ религіозныхъ воззрѣній, которыхъ придерживались древніе персы, и которые доселѣ исповѣдаются гебрами.

Не менѣе характеренъ порядокъ принесенія очистительной присяги у хевсуръ—порядокъ, котораго также придерживаются и пшавы. Съ большей наглядностью, какъ мы сейчасъ увидимъ, сказывается въ немъ вѣра иранцевъ въ неизбежность оскверненія не только для живыхъ, но и для покойниковъ, каждый разъ, когда они приходятъ въ соприкосновеніе съ такимъ нечистымъ животнымъ, какъ кошка. Въ 1881 году, разсказываетъ г. Худадовъ, я въ качествѣ врача пріѣхалъ въ центръ Пириксетельской Хевсуретіи, въ аулъ Гули; здѣсь мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ изумительнаго зрѣлища: на пригоркѣ возлѣ мельницы стоялъ обвиняемый въ воровствѣ хевсуръ Джакола; блѣдный, дрожащій отъ волненія, съ живымъ котенкомъ въ лѣвой и съ палкой въ правой рукѣ; онъ громкимъ, но не твердымъ голо-

сомъ, произносилъ проклятіе тѣмъ, кто знаетъ, что онъ невиненъ и не свидѣтельствуютъ объ этомъ; «пусть эта кошка», выкрикивалъ онъ прикасаясь палкой къ головѣ котенка, «сопровождаетъ покойника того, кто укралъ котель; пусть она также оскверняетъ своимъ присутствіемъ и мауканіемъ поминки того, кто знаетъ вора и не называетъ его; пусть на томъ свѣтѣ сядетъ она ему на плечо, на голову». Произнесши заклинаніе, онъ швырнулъ котенка и твердой ногой направился къ толпѣ. Эффектъ былъ поразительный: «нѣтъ не онъ воръ» — раздалось со всѣхъ сторонъ ¹⁾).

До 1859 года оба вида присяги—присяга надъ трупомъ собаки и присяга надъ трупомъ кошки—были извѣстны и осетинамъ. Въ этомъ году народъ принялъ рѣшеніе не обращаться впредь къ этимъ противорѣчащимъ христіанству «остаткамъ древняго язычества» ²⁾).

Одно религіозное суевѣріе пшавовъ вызвано тѣми же мотивами, что и только-что упомянутая очистительная присяга хевсуръ. Пшавы полагаютъ, что тотъ, кто, убивъ кошку, будетъ хранить ея ноги въ своей шапкѣ, тѣмъ самымъ заслужитъ себѣ прощеніе всѣхъ грѣховъ. Какъ присяга хевсуръ, такъ и суевѣріе пшавовъ имѣютъ своимъ основаніемъ высказываемое Авестой положеніе, что прикосновеніе къ нечистому животному, а такимъ, какъ мы видѣли, считается кошка—оскверняетъ человѣка, такъ какъ этимъ животнымъ владѣетъ бѣсъ. Кто убиваетъ бѣса и одержимую имъ нечистую тварь—совершаетъ тѣмъ самымъ подвигъ благочестія. Если поэтому постоянное сопровожденіе предковъ котенкомъ, о которомъ говорится въ хевсурскомъ заклинаніи, неизбѣжно должно повести за собою ихъ непрекращающіяся мученія въ аду, то ношеніе въ шапкѣ ножекъ кошки, какъ наглядное доказательство тому, что долгъ истиннаго ревниителя вѣры, состоящій въ убіеніи нечистыхъ животныхъ, исполненъ, очевидно не можетъ имѣть для носящаго ничего иного, кромѣ добрыхъ послѣдствій.

Открытіе аналогіи между древнимъ персидскимъ правомъ и

---

¹⁾ Худадовъ. Забѣтки о Хевсуретіи, стр. 20.

²⁾ Адагы кавк. горц., т. II; см. о вредныхъ обычаяхъ осетянъ.

современными обычаями осетинъ, чеченцевъ и грузинскихъ горцевъ представляетъ несомнѣнно больше трудностей, чѣмъ тѣ, какія стоятъ на пути при опредѣленіи вліянія, оказаннаго на Кавказъ всей вообще иранской культурой. Трудности эти двоякаго рода: во-первыхъ всякое древнее право вообще и въ особенности право арійскихъ народностей запечатлѣно извѣстнымъ характеромъ, который неизмѣнно повторяется законодательствами и обычаями народовъ, стоящихъ на одинаковой ступени развитія или принадлежащихъ къ общему племенному стволу. При этихъ условіяхъ трудно сказать съ опредѣленностью, что то или другое учрежденіе воспроизводитъ собою особенности правовыхъ возрѣній того, а не иного народа; что оно непременно иранское по источнику, а не общеарійское и даже общечеловѣческое въ томъ смыслѣ, что равно свойственно всѣмъ народамъ, переживающимъ родовую фазу общезжитія. Обратный выводъ былъ бы справедливъ лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было доказать, что аналогія не ограничивается однѣми общими и основными чертами изучаемаго учрежденія, но можетъ быть отмѣчена и въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ.

Вторая причина, еще болѣе затрудняющая изслѣдователя, это скудость и отрывочность свидѣтельствъ о древнѣйшемъ правѣ иранцевъ. Она объясняется тѣмъ фактомъ, что вмѣсто 21 тома, которые, согласно одному сохранившемуся въ Индостанѣ преданію, заключало въ себѣ изложеніе религіозно-нравственныхъ и юридическихъ возрѣній древнихъ персовъ, до насъ въ полномъ видѣ дошла одна только Авеста. Девятый и девятнадцатый томы, которые согласно тому же преданію заключали въ себѣ нормы процессуальнаго, гражданскаго и уголовнаго права персовъ, погибли для насъ безвозвратно. Чтобы возстановить хотя нѣкоторыя черты древне-иранскаго права, Шпигель, Гайгеръ и другіе изслѣдователи утилизируютъ частью отрывочныя свидѣтельства греческихъ писателей, частью уцѣлѣвшія до насъ также далеко не въ полномъ видѣ священныя книги персовъ, религіозныя вѣрованія которыхъ имѣютъ своимъ источникомъ Авесту. Въ недавнее время наконецъ французскій ученый Родольфъ Дарестъ сдѣлалъ попытку восполнить этотъ довольно скудный матеріалъ

тѣми данными, какія о древнемъ правѣ персовъ содержитъ въ себѣ еврейскій Талмудъ.

Пользуясь установленными новѣйшей литературой данными по отношенію къ особенностямъ древне-персидскаго права, мы попытаемся отмѣтить въ юридическихъ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ наиболѣе согласныя съ ними черты.

Мы не будемъ останавливаться на отмѣченныхъ уже нами порядкахъ эндогамическаго брака, одинаковаго въ древней Персіи и въ современномъ Дагестанѣ, ни на необходимости искать въ Авестѣ объясненія нѣкоторымъ формамъ осетинской, ингушевской или хевсурской присяги. Но мы считаемъ нужнымъ указать какъ въ семейномъ, такъ и въ процессуальномъ правѣ горцевъ такія подробности, которыя цѣликомъ воспроизводятся священными книгами иранцевъ и парсовъ.

Парсы Индіи, говоритъ Дарестъ, различаютъ пять видовъ брака: 1) шогъ занъ или бракъ съ молодой дѣвушкой, становящейся законной супругой; 2) юганъ занъ, при которомъ выговаривается, что происшедшій отъ брака ребенокъ будетъ считаться сыномъ отца или старшаго брата мужа, смотря по тому, какой изъ двухъ умеръ безъ наслѣдниковъ мужскаго пола; 3) сатаръ занъ, когда то же условіе выговаривается въ пользу третьяго лица, не принадлежащаго къ числу родственниковъ и принимающаго на себя обязательство совершить денежный платежъ въ пользу мужа; 4) сакиръ занъ или бракъ на вдовѣ; 5) ходасъ рай занъ или бракъ на дѣвушкѣ, вступающей въ супружество противъ воли ея родителей; такой бракъ, значитъ въ текстахъ, долженъ быть признанъ худшимъ изъ всѣхъ ¹⁾.

Что въ только что приведенной классификаціи слѣдуетъ видѣть черты древне-иранскаго права доказываетъ существованіе однохарактерныхъ съ упоминаемой ею формъ брака Персіи XVII вѣка, эпохи, къ которой относится путешествіе Шардена въ эту страну. Вотъ что говоритъ намъ французскій путешественникъ объ одномъ изъ трехъ видовъ супружескаго сожитія до-

---

¹⁾ Spiegel. *Avesta*, t. III, стр. 678.—Bundeheesch (West, *Pahlav. texts*, t. I, стр. 142). Galtger, *Ost-irani R.*, стр. 245.

пускаемыхъ обычаями персовъ: на ряду съ законнымъ супружествомъ, говоритъ онъ, повторяя въ этомъ отношеніи свидѣтельство іезуита Шинона, персы заключаютъ еще временные браки съ взятыми ими на время женщинами; эти браки извѣстны подѣ наименованіемъ *Möta* (Шинонъ пишетъ *Moutta*, Шарденъ *Moutaa*) ¹⁾. Число такихъ временныхъ женъ неопредѣленно. Взавшій ихъ къ себѣ мужчина долженъ, по окончаніи срока, дать имъ выговоренное напередъ вознагражденіе. Платежъ долженъ быть произведенъ полностью даже въ томъ случаѣ, когда одна изъ такихъ женъ будетъ отпущена раньше срока. Временные браки заключаются обыкновенно съ женщинами, общественное положеніе которыхъ ниже того, какое принадлежитъ ихъ жениху. Если, говоритъ Шарденъ, кто нибудь пожелаетъ приобрести такую женщину навсегда, онъ достигаетъ этого, нанявши ее срокомъ на девяносто лѣтъ. И не обращаясь къ этому средству, персы, по словамъ Шардена, имѣютъ возможность продолжить существованіе подобныхъ союзовъ, возобновляя ихъ по истеченіи срока. Шинонъ, а за нимъ Шарденъ, настаиваютъ на необходимости отличать эти временные браки отъ того, дозволеннаго обычаемъ сожитія, въ какое персы вступаютъ съ своими рабынями. Такія связи извѣстны у нихъ подѣ особымъ наименованіемъ *Canise*; онѣ не сопровождаются никакими платежами и могутъ быть заключаемы и расторгаемы неопредѣленное число разъ и во всякое время. Хотя временныя жены и не поставлены у персовъ на одну доску съ конкубинами, онѣ могутъ тѣмъ не менѣе быть ссужаемы во временное пользованіе постороннимъ лицамъ. Магометанское законодательство не устанавливаетъ на этотъ счетъ другихъ ограниченій, кромѣ слѣдующихъ. Въ теченіе сорока дней по окончаніи срока сожитія съ прежнимъ супругомъ временная жена должна воздерживаться отъ сожитія съ новымъ супругомъ. Это сорокодневіе признается нужнымъ для «очищенія».

Только что упомянутые временные браки персовъ представляютъ аналогію съ тѣми, которые священныя книги парсовъ обозначаютъ терминомъ «сатаръ занъ», т. е. браковъ, основу

¹⁾ Relation du Ledaut, стр. 105. Chardin, t. I, стр. 268.

которыхъ составляетъ временная ссуда жены постороннему лицу подъ условіемъ вознагражденія.

Шакиръ занъ или бракъ на вдовѣ вполнѣ отвѣчаетъ общему персамъ съ индусами и греками, не говоря уже о евреяхъ, левирату или деверству.

Если сопоставить съ только что упомянутыми формами брака тѣ, съ какими знакомить насъ обычное право осетинъ, то намъ необходимо будетъ признать между ними рѣшительное сходство: на ряду съ законной женой осетинамъ извѣстны жены по имени или «нумулусъ», которыхъ они приобретаютъ во временное пользование, платя имъ меньшую плату, чѣмъ та, которая полагается при вступленіи въ законный бракъ. Свою именную жену осетинъ можетъ ссудить кому угодно, причѣмъ дѣти, рожденныя ею отъ сожитія съ постороннимъ человѣкомъ, считаются дѣтьми ея мужа. Юридическое положеніе нумулусъ выше положенія, занимаемаго конкубинами; ее нельзя продать подобно тому, какъ продаютъ любовницу-рабыню, мужъ можетъ только отпустить ее раньше положеннаго срока, послѣ чего она приобретаетъ право свободно располагать собою; но пока она остается подъ однимъ кровомъ съ своимъ временнымъ мужемъ, она имѣетъ право требовать отъ него всего нужнаго для своего содержанія. Дѣти, рождаемыя ею отъ ея владѣльца или отъ того лица, которому мужъ уступитъ ее въ сожительство, не считаются незаконными дѣтьми на подобіе тѣхъ, какія прижиты отъ наложницъ-рабынь, и при прекращеніи линіи законныхъ наследниковъ мужескаго пола вступаютъ во всѣ права дѣтей рожденныхъ отъ равныхъ браковъ ¹⁾). Если прибавить къ сказанному, что осетинамъ извѣстенъ левиратъ въ формѣ обязательнаго сожитія вдовы съ ближайшимъ родственникомъ мужа и что, подобно персамъ, они допускаютъ сожитіе вдовы даже съ постороннимъ человѣкомъ, съ цѣлью рожденія ею ребенка, который считался бы сыномъ ея бездѣтнаго супруга, то сходство осетинскихъ брачныхъ порядковъ съ парсійскими покажется намъ доходящимъ до полнаго тождества. Правда, ссуда женъ съ цѣлью возстановленія племени умершаго ²⁾ извѣстна также и древнимъ сводамъ Ин-

¹⁾ См. Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 233 и 234.

²⁾ Манон, кн. IX, р. 164—7.

діи, но въ этомъ можно видѣть только подтвержденіе давно установленному положенію о болѣе тѣсной связи между индуской и иранской вѣтвью арійцевъ, нагляднымъ проявленіемъ чего является и большее сходство ихъ юридическихъ обычаевъ. Оно ни мало не подрываетъ силы того общаго положенія, что брачныя порядки осетинъ являются выраженіемъ тѣхъ же нравственныхъ и юридическихъ воззрѣній, которыя нѣкогда были господствующими на протяженіи всего Ирана и въ частности въ древней Персіи.

Въ сферѣ процессуальнаго права общность кавказскихъ юридическихъ порядковъ съ тѣми, родиной которыхъ былъ древній Иранъ сказывается въ существованіи одинаково въ древней Персіи и въ древней Грузіи однихъ и тѣхъ же видовъ судебныхъ испытаній или ордалій. При общераспространенности въ древнемъ правѣ этого вида судебныхъ доказательствъ невозможно было бы утверждать, что его присутствіе въ древней Грузіи не имѣетъ другаго источника, кромѣ вліянія оказаннаго на нее религіознымъ законодательствомъ Ирана. Но если принять во вниманіе, что распространенныя на Кавказѣ виды ордалій тѣ самыя, которые упоминаются Авестой, и что порядокъ производства испытанія представляетъ поразительное сходство съ тѣмъ, о которомъ говорятъ иранскіе источники, то трудно будетъ отрѣшиться отъ того впечатлѣнія, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть нѣчто не самобытно разившееся, а привнесенное извнѣ, и притомъ ни отъ куда болѣе, какъ изъ Ирана, культура котораго такъ могущественно вліяла на культуру Кавказа. То обстоятельство, что какъ замѣчаетъ Г. Бакрадзе, объ ордаліяхъ нѣтъ упоминаній ни въ древне-грузинской и армянской письменности, ни въ доселѣ обнаруженныхъ грузинскихъ актахъ, и что о нихъ говорится исключительно въ «уложеніи царя Вахтанга», до нѣкоторой степени подкрѣпляетъ нашъ взглядъ на самый источникъ ихъ происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы самостоятельно разившееся учрежденіе оставило такъ мало слѣдовъ своего существованія, — и легче помирить этотъ фактъ съ предположеніемъ о заимствованіи и перенесеніи извнѣ. Источникомъ, изъ котораго сдѣлано было это заимствованіе, была не Русская правда и Новгородская Судная грамота, какъ ошибочно

думаетъ г. Бакрадзе ¹⁾, а древнее законодательство иранцевъ. Судебныя испытанія иранцевъ, какъ показывается и Гейгеръ ²⁾, а за нимъ Дарестъ ³⁾, были троякаго рода: испытанія съ помощью кипятка съ опущеннымъ въ него золотымъ кольцомъ, которое испытываемый долженъ былъ вынуть; испытаніе съ помощью погруженія въ текущую воду, подъ поверхностью которой надо было пробыть положенное судьями время; и испытаніе съ помощью огня, по всей вѣроятности принимавшее форму зажженного костра. Не обо всѣхъ этихъ видахъ испытаній идетъ рѣчь въ уложеніи царя Вахтанга. Статья 6, 8 и 9 знаютъ только объ испытаніи раскаленнымъ желѣзомъ и кипяткомъ, и тѣ же виды ордалій упоминаются въ тѣхъ протоколахъ судебныхъ рѣшеній гурійскихъ мдиванъ—беговъ, которые г. Бакрадзе удалось открыть во время его путешествія по Гуріи и Адчара ⁴⁾. Но въ Осетіи, адаты которой ни словомъ не упоминаютъ объ Ордаліяхъ, еще сохранились поговорки, невольно наводящія на мысль объ общераспространенности нѣкогда въ народномъ быту того вида судебныхъ испытаній, который состоялъ въ погруженіи подвергавшагося ему лица въ холодную воду. «Праведнаго даже вода не несетъ», говоритъ одна изъ этихъ пословицъ, выражая этимъ ту мысль, что говорящій истину останется подъ водою положенное судьями время, а не всплыветъ на ея поверхность. Въ основаніи такого убѣжденія, послужившаго источникомъ для упоминаемой Авестой водной ордаліи, лежитъ религіозное вѣрованіе иранцевъ, что вода, эта «чистая» стихія, согласна принять въ свое лоно только невиннаго; виновнаго же она выбрасываетъ на свою поверхность. Въ той же Осетіи, по словамъ Г. Шанаева, доселѣ сохранился одинъ обрядъ, происхожденіе котораго невольно наводитъ на мысль о существованіи нѣкогда въ ней того же испытанія «кострищемъ», на которое можно найти, по словамъ Гейгера, намеки въ древне-иранскихъ источникахъ. «При кражахъ

1) Сборникъ законовъ грузинскаго царя Вахтанга VI. Тифлисъ. 1887 г. стр. 6, примѣчаніе.

2) Ost-iranische Kultur, стр. 461.

3) Etudes d'histoire du droit, стр. 105.

4) См. Археологическое путешествіе по Гуріи и Адчаръ, Петербургъ, 1878 г., стр. 341 и 351.

движимаго имущества, по преимуществу же мелкихъ женскихъ вещей, говорить онъ, подозрѣваемому назначалась потерпѣвшимъ лицомъ присяга:—перепрыгнуть черезъ зажженную волчью жилу».

Зажигали высушенную волчью жилу, опускали ее въ небольшую яму и слегка прикрывали землею, чтобы дать ей возможность дымиться. Подозрѣваемаго приглашали затѣмъ перепрыгнуть черезъ нее.—Если подозрѣваемый дѣйствительно былъ виновенъ и тѣмъ не менѣе рѣшался сдѣлать этотъ прыжокъ, то послѣдствіемъ его поступка, согласно вѣрованію осетинъ, неизбежно должно было сдѣлаться искривленіе: онъ на всю жизнь становился калѣкой. Очевидно, что въ томъ видѣ, въ какомъ только что описанное испытаніе примѣняется въ настоящее время, оно не можетъ ни въ какомъ случаѣ произвести того послѣдствія, на которое рассчитано, то есть калѣчества, происходящаго отъ обжога. А это даетъ поводъ думать, что въ былое время испытаніе это практиковалось въ нѣсколько иной формѣ: земли не присыпали и искривленіе могло произойти самымъ естественнымъ образомъ, каждый разъ, когда вмѣшательство божества не спасало испытуемаго отъ природнаго дѣйствія огня. Такимъ образомъ, въ осетинской формѣ огневой ордалии слѣдуетъ видѣть не иное что, какъ извращеніе первоначальнаго ея характера, предполагавшаго у осетинъ такое же прохожденіе черезъ «кострище», какъ и у древнихъ иранцевъ. Если прибавить къ сказанному, что въ доказательство правоты утверждаемаго осетины до сихъ поръ употребляютъ выраженіе: «пройду черезъ огонь» и что употребляемый ими терминъ для обозначенія присяги:—артхарынъ въ буквальному переводѣ значитъ: пожирать огонь, то предположеніе о существованіи у нихъ нѣкогда иранскаго испытанія костромъ пріобрѣтаетъ еще большее вѣроятіе. Въ народной фантазіи челоуѣкъ, проходящій невредимо черезъ огонь, рисуется пожирающимъ эту стихію. ¹⁾

Что касается до грузинскаго порядка испытанія путемъ киятка, то онъ представляетъ большое сходство съ тѣмъ, о которомъ говоритъ Авеста. Статья 8 уложенія Вахтанга заклю-

¹⁾ Сравни мой Современный обычай и древній законъ, т. II, стр. 255.

часть въ себѣ на этотъ счетъ слѣдующее: передъ испытаніемъ невинности черезъ каленое желѣзо и кипятокъ, кои обыкновенно назначаются по одинаковымъ дѣламъ, обвиняемому дается время на молитву. Въ это время на лобномъ мѣстѣ кипятятъ въ котлѣ воду; на котель кладутъ палочку, а къ ней привѣшиваютъ нитку, на которой и опускаютъ въ воду желѣзный, мѣдный или серебряный крестикъ безъ мощей и безъ всякаго на немъ изображенія. Когда вода закипитъ, то котель снимается съ огня и обвиняемый опускаетъ руку въ кипятокъ во имя божіе и вынимаетъ ею крестикъ. Тотчасъ по совершеніи этого обряда обвиняемому надѣваютъ на руку мѣшочекъ, завязываютъ его и прилагаютъ къ узлу печать. Рука остается въ этомъ положеніи до третьяго дня, послѣ чего снимаютъ мѣшочекъ. Если рука окажется не обожженной, то обвиняемый правъ; если-же она обожжена, то неправъ и долженъ быть наказанъ, по мѣрѣ преступленія.

Въ описанномъ ритуалѣ можно отмѣтить всѣ черты предписываемаго Авестой испытанія кипящей водой; единственной чертой отличія является замѣна золотого кольца крестикомъ. Источникъ этой перемены лежитъ очевидно въ видоизмѣненіи стариннаго обряда позднѣйшей по времени проповѣдью христіанскаго ученія. «Раскаленное желѣзо и кипятокъ одно и то же», таковъ буквальный переводъ Грузинскаго текста Вахтангова уложенія. Этимъ объясняется, почему въ Грузіи отъ выбора судьи зависѣло назначить подсудимому то или другое испытаніе. Самый порядокъ производства испытанія съ помощью желѣза передается уложеніемъ Вахтанга въ слѣдующихъ словахъ: желѣзо раскаляется до красна; затѣмъ, положивши обвиняемому на руку листъ бумаги, кладутъ на него орудіе испытанія; обвиняемый дѣлаетъ съ нимъ три шага и бросаетъ его на землю; если желѣзо не обожгло ему руки, онъ считается правымъ и наоборотъ. Передавая, со словъ грузинскаго свода, подробности только что описаннаго ритуала, итальянецъ Гамба въ своемъ путешествіи въ Южную Россію замѣчаетъ: такъ какъ обычай позволялъ покрывать руку испытываемаго болѣе или менѣе толстой бумагой, то въ рукахъ судей всегда была возможность повліять на самый исходъ испытанія; стоило только положить на руку

болѣе толстую бумагу и испытующий избѣгалъ обжога ¹⁾). Въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ» я указалъ на тѣ приемы, къ какимъ въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ прибѣгали и доселѣ прибѣгаютъ съ цѣлью направить испытаніе къ напередъ намѣченному результату; къ числу этихъ приемовъ необходимо отнести и тотъ, къ которому прибѣгали грузинскіе судьи.

Только возможностью такого обхода закона и объясняется фактъ удержанія въ Грузіи почти до нашихъ дней этого вида судебныхъ доказательствъ, нелѣпость котораго невольно бросается въ глаза всякому.

Считать ордали нововведеніемъ Вахтангова кодекса, какъ это, повидимому, склоненъ думать г. Бакрадзе, я не вижу основанія, хотя бы по той причинѣ, что въ описаніи Колхиды или Мингрелии, составленномъ миссіонеромъ Ламберти ²⁾ до появленія Вахтангова кодекса, уже идетъ рѣчь о погруженіи руки въ котель съ кипяткомъ и о вынутіи изъ него обвиняемымъ опущеннаго въ него предварительно крестика.

Въ отчетѣ Ламберти вниманія заслуживаетъ слѣдующая черта: вода въ котлѣ должна быть согрѣта съ помощью топлива изъ особо предназначеннаго для этого лѣса, который онъ называетъ «*bois de serment*» ³⁾.

Эта подробность интересна потому, что, какъ видно изъ данныхъ сообщаемыхъ Гейгеромъ, не всякій лѣсъ считался въ древней Персіи одинаково годнымъ для поддержанія огня на очагѣ, а только тотъ, который специально предназначаеиъ былъ для этой цѣли; такимъ образомъ сходство древне-иранскихъ и грузинскихъ обрядовъ восполняется еще новою чертою.

Труднѣе доказать непосредственную филиацію правовыхъ идей между послѣдователями Авесты и современными горцами Кавказа въ сферѣ уголовного права.

---

¹⁾ *Voyage dans la Russie meridionale depuis 1820 jusqu'en 1824, par le chevalier Namba, Consul du roi à Tiphlis. Paris. 18—26, т. I, стр. 313.*

²⁾ Кодексъ Вахтанга VI появился не позже 1707 года, годъ смерти этого короля. Отчетъ Ламберти о состояніи Мингрелии обнародованъ Тевеномъ въ 1696 г., но написанъ десятинами лѣтъ раньше.

³⁾ Thévenot, т. I, стр. 37.

Все что мы можем сказать на этот счет, это то, что немногія постановленія, какія иранскіе источники содержатъ въ себѣ по вопросу о кровной мести и выкупахъ или композиціяхъ, ни мало не противорѣчатъ ни общераспространенности кровомщенія на Кавказѣ, ни возможности откупиться отъ мести, уплативъ цѣну крови (цоръ, какъ называютъ еѣ одинаково сванеты, шшавы, и хевсурь). Фраза, влагаемая персійскимъ анализомъ Табари въ уста одного изъ послѣднихъ представителей династїи Сассанидовъ, «кто не убьетъ убійцу своего отца, долженъ считаться незаконорожденнымъ», могла бы какъ нельзя лучше передать общераспространенное на Кавказѣ убѣжденіе, что отищеніе составляетъ священную обязанность дѣтей. Солидарность родственниковъ въ платежѣ и соотвѣтственно въ полученіи выкуповъ за «кровь», о которой, въ примѣненіи въ древнихъ персамъ, говорятъ намъ Геродотъ, Амміанъ и Марцелинъ, доселѣ составляетъ общее явленіе на Кавказѣ и въ частности среди осетинъ и картвельскихъ горцевъ. То же можетъ быть сказано и о другой, не менѣе характерной чертѣ, одинаково присущей и древнеперсидскому праву, и современнымъ обычаямъ кавказскихъ горцевъ; я разумѣю отсутствіе кровомщенія въ родственной средѣ и простирающую отсюда безответственность убійствъ, совершенныхъ мужемъ надъ женою, братомъ надъ братомъ и отцомъ надъ сыномъ ¹⁾.

Если я не настаиваю на этихъ аналогіяхъ, какъ на доказательствѣ тѣснаго соотношенія между древнимъ правомъ иранцевъ и современными обычаями осетинъ, шшавовъ и хевсуръ, то потому только, что указанные черты составляютъ, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, общую характеристику всякаго права, развившагося на почвѣ родового быта.

Больше основанийъ доказывать вліяніе древнеиранскихъ правовыхъ идей на тѣ обычаи, которые доселѣ продолжаютъ держаться въ Шшавїи и Хевсуретїи по вопросу о средствахъ добиться исполненія обязательства. Талмудъ отмѣчаетъ ту особенность древнеперсидскаго права, что кредиторъ имѣетъ обыкновеніе обращаться съ требованіемъ объ удовлетвореніи долга не

---

¹⁾ Rodolphe Darèste, стр. 114 и 115.

къ самому должнику, а къ постороннему лицу, принявшему на себя обязанность поручителя. Это лицо, какъ общее правило, гарантировало себя отъ денежной неисправности должника требованіемъ отъ него особаго залога. Описываемые Талмудомъ порядки не мудрено узнать въ тѣхъ, какіе доселѣ продолжаютъ держаться среди Хевсуръ. Въ случаѣ неисправности, кредиторъ требуетъ у нихъ уплаты не отъ должника, а отъ посторонняго лица, которое носитъ названіе «Музевали», что въ буквальный переводѣ значить «на мнѣ лежитъ долгъ». «Музевали» обязанъ удовлетворить кредитора и приобретаетъ тѣмъ самымъ право требовать отъ должника уплаты ему не простой, а двойной суммы его долга. Не видѣть ли въ этомъ добавочномъ платежѣ, производимомъ должникомъ въ пользу Музевали, тотъ равный суммѣ долга залогъ, какимъ въ древней Персіи поручители обеспечивали себя по отношенію къ должникамъ ¹⁾. Обычай музевальства одинаково распространенъ въ Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи и составляетъ такимъ образомъ общую черту въ бытѣ грузинскихъ горцевъ. Отрывочность уцѣлѣвшихъ до насъ данныхъ о договорномъ правѣ древнихъ иранцевъ мѣшаетъ намъ продолжить наши аналогіи и мы ограничимся по этому заявленіемъ, что рукобитіе, безъ котораго не совершается сколько нибудь серьезныхъ сдѣлокъ въ современной Осетіи, есть тотъ самый символическій актъ, которымъ Вендидасъ предписываетъ закрѣплять договоры и соглашения ²⁾.

Ни въ одной сферѣ, однако, вліяніе, оказанное иранской культурой на юридическіе порядки кавказскихъ горцевъ, не можетъ быть прослѣжено съ такой наглядностью, какъ въ сферѣ ихъ сословнаго устройства. Говоря это, я имѣю въ виду тотъ фактъ, что въ бытѣ хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, равно какъ и въ бытѣ сванетовъ, можетъ быть отмѣчено существованіе пополняемаго не путемъ наслѣдственнаго преемства, а путемъ вербовки, особаго класса народныхъ жрецовъ, извѣстнаго въ Пшавіи

¹⁾ Rodolphe Darèste, стр. 113. — Худадовъ. Замятки о Хевсуретіи, стр. 20 и 21.

²⁾ Vendidad, Fargad, IV, II a. When they strike hand in hand and make then agreement by word (Darmesteter The Avesta, part I, p. 35, Note I). Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 174.

подъ названіемъ хевисберовъ, въ Хевсуретіи—подъ наименованіемъ деканозовъ и дастуровъ, а въ Сванетіи—подъ прозвищемъ папи. Изъ этихъ именъ одно заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ оно буквально то же, что и названіе жрецовъ въ Авестѣ; я разумѣю терминъ «дастуръ».

Этотъ терминъ, говоритъ Говелакъ, обозначаетъ собою верхнихъ представителей класса жрецовъ въ Авестѣ, обязанность которыхъ не только знать на память текстъ священныхъ книгъ, но и толковать ихъ при случаѣ ¹⁾). Хевсурскій дастуръ, наоборотъ, далеко не первое лицо въ церковной іерархіи; это не болѣе какъ непосредственный служитель святыни, обязанный неотлучно находиться при капищѣ; одна изъ его обязанностей состоятъ въ приготовленіи выпиваемаго на празднествахъ въ честь святого пива или бузы, которое онъ сливаетъ въ хранящіяся при капищѣ желѣзные чаны. Во время варки пива онъ обязанъ придерживаться извѣстнаго ритуала: ходить разутымъ безъ шапки и пояса, во всемъ соблюдать чистоту и воздерживаться отъ всякаго разговора съ кѣмъ-бы то ни было ¹⁾). Высшими членами церковной іерархіи являются тѣ лица, которыхъ у пшавовъ носятъ названіе хевисберовъ, т. е. монаховъ ущелья. Вотъ какими чертами характеризуетъ намъ порядокъ назначенія этихъ хевисбери, иначе деканозовъ, князь Эристовъ въ своемъ описаніи тушино-пшаво-хевсурскаго округа. Желающій носить это званіе притворяется больнымъ и затѣмъ объявляетъ, что видѣлъ во снѣ святого, который обѣщалъ ему выздоровленіе подъ условіемъ, что онъ посвятитъ себя его служенію; нерѣдко также волю божества объявляютъ будущему деканозу мужчины и женщины гадалки, извѣстныя подъ названіемъ «гадаги». Ищущій званія деканоза или хевисбера отправляется въ капище, въ сообществѣ имѣющихся уже деканозовъ, закалываетъ передъ капищемъ корову, это посвященное Ормузду животное, угощаетъ мясомъ ея своихъ товарищей и даетъ клятву строго соблюдать обряды религіи и употреблять въ пищу только мясо рогатаго скота. Въ отличіе отъ пшавовъ и хевсуръ, ту-

¹⁾ Novelacque (Abel). L'Avesta. стр. 442.

²⁾ Худяковъ, стр. 35.

шины знаютъ наследственность жреческихъ функцій. На деканозѣ лежитъ обязанность соблюдать чистоту и цѣломудріе, не прикасаться къ трупамъ умершихъ или къ тѣлу новорожденнаго въ продолженіе извѣстнаго времени, слѣдующаго послѣ рожденія, не ступать на слѣдъ менструирующихъ женщинъ, не употреблять въ пищу ни свинины, ни куръ, ни яицъ и довольствоваться мясомъ посвященнаго Ормузду рогатаго скота. Когда къ деканозу цародъ обратится за разузнаніемъ воли божества или того, или другого святого, онъ начинаетъ съ того, что совершаетъ въ его честь жертвоприношеніе, послѣ чего начинаетъ бѣсноваться, вертится на мѣстѣ, бьетъ себя камнемъ въ грудь и въ изнеможеніи падаетъ на землю; пролежавъ на ней нѣкоторое время въ притворномъ безчувствіи, онъ вскакиваетъ на ноги и съ пѣной на губахъ вѣщаетъ волю святого.

У пшавовъ компетенція хевисберн, по словамъ Г. Хаханова, была нѣкогда весьма обширной; онъ соединялъ права и обязанности языческаго жреца, библейскаго судьи и христіанскаго священника; въ его рукахъ сосредоточивалась духовная и свѣтская власть; въ военное время онъ предводительствовалъ ополченіемъ, въ мирное—призывается былъ какъ посредникъ къ судебному разбирательству. Его религіозныя обязанности и доселѣ весьма разнообразны: онъ закалываетъ принесенныхъ въ жертву животныхъ, произноситъ заклинанія надъ больными и благословляетъ брачущихся; онъ же назначаетъ служителей церкви или дастуровъ ¹⁾.

Сопоставляя эти данныя съ тѣми, которыя древніе писатели передаютъ намъ о магахъ, мы безъ труда можемъ отмѣтить поразительное сходство тѣхъ и другихъ. Подобно магамъ, хевисберн,

---

¹⁾ Литература о народныхъ жрецахъ Хевсуретін, Пшавін и Тушетін довольно обширна. Укажу на записки о тушино-пшаво-хевсуретинскомъ округѣ, кн. Р. Эрнстова. 1854 г. Записки о Тушетін, Цескарова. Кавказъ. 1849 г., № 8. Путешествіе въ Хевсуретію Ваграде. Записки о ней Худадова и статью о пшавлахъ, составленную г. Хахановымъ на основаніи статей изъ грузинской газеты «Дровба». (Сб. матеріаловъ по этнографіи, изданный Дашковскимъ музеемъ, вып. III, стр. 86 и 87). Г-нъ Дубровинъ и д-ръ Раде, и кн. Мачабелли не прибавляютъ ничего новаго къ собраннымъ ранѣе ихъ даннымъ.

деканозы или дастуры обходятся безъ храмовъ и идоловъ ¹⁾, собственноручно закалываютъ приводимыхъ вѣрующими жертвенныхъ животныхъ, истолковываютъ народу волю божества, соблюдаютъ всѣ предписанія Авесты на счетъ физической чистоты, употребляютъ въ пищу только мясо жертвенныхъ животныхъ, посвященныхъ Ормузду коровъ и воловъ ²⁾. Они еще такъ близки къ своему языческому первообразу, что въ совершаемыхъ ими христіанскихъ таинствахъ и въ томъ числѣ въ крещеніи и причащеніи не всегда легко отличить христіанскія черты отъ языческихъ. Совершаемый въ Пшавіи хевисбери обрядъ крещенія скорѣе напоминаетъ собою предписанное Авестою омовеніе новорожденнаго съ цѣлью изъавить его отъ приобрѣтенной имъ въ утробѣ матери нечистоты; а раздача дастуromъ собравшейся на празднество толпѣ пива для причащенія больныхъ представляетъ лишь отдаленное подобіе съ христіанскимъ причащеніемъ.

Въ народныхъ преданіяхъ пшавовъ хевисбери и ихъ родоначальникъ Копала изображаются намъ ведущимъ ожесточенную борьбу съ девами или злыми духами, верѣдко принимающими приписываемую имъ древней иранской мифологіей форму драконовъ. Въ этихъ сказаніяхъ сходство между народными жрецами грузинскихъ горцевъ и магами Мидіи и Персіи такъ велико, что всякое дальнѣйшее настаиваніе на немъ является излишнимъ ³⁾.

Намъ остается еще задаться вопросомъ, къ какому времени слѣдуетъ отнести происхожденіе тѣхъ культурныхъ вліяній, изученіе которыхъ составило задачу настоящей главы. Я полагаю, что иранская культура наложила свою печать на кавказскую въ двѣ далеко отстоящія другъ отъ друга эпохи и что ея вліяніе на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта сказалось гораздо ранѣе, нежели на южномъ. Если принять во вниманіе, что описанныя нами усыпальницы, весьма похожія на упоминаемыя Авестой «dakhme», расположены въ Перивительской Хевсуре-

¹⁾ См. на этотъ счетъ свидѣтельства Геродота о древнихъ персахъ, вв. VI—9. V—102, VIII—109, VII—8.

²⁾ См. Abel Novelacque. *L'Avesta*, стр. 444—449.

³⁾ См. Этнографическое обозрѣніе, вып. I, стр. 138.

тіи, т. е. въ той, которая тянется по южному склону главнаго хребта; если имѣть въ виду, что своеобразная организація народнаго жречества, близкая по характеру къ древне-персидскому или мидійскому магизму, составляетъ особенность однихъ картвельскихъ горцевъ и не повторяется въ осетинъ;—что терминъ дастуръ, въ которомъ обозначаются служители капищъ ухевсуръ,—тотъ самый, какой употребляется Авестой;—что предписанія о соблюденіи физической чистоты, однохарактерныя съ тѣми, о какихъ идетъ рѣчь въ Вендидадъ, не извѣстны осетинамъ;—что въ отличіе отъ осетинъ—хевсуры надѣляютъ и солнце и горы тѣми же геніями или фравашами, какими надѣляетъ ихъ и Авеста ¹⁾,—то не трудно будетъ прійти къ тому заключенію, что, въ отличіе отъ сѣвернаго Кавказа, южный получилъ открываемые въ немъ слѣды иранской культуры изъ того источника и изъ той эпохи, въ которой религіозное, нравственное и юридическое ученіе Авесты являлось вполне сложившимся.

На эту мысль наводятъ насъ также свидѣтельства грузинскихъ хроникъ, не разъ упоминающихъ, какъ мы видѣли выше, о призваніи изъ Персіи «маговъ и огнепоклонниковъ» въ эпоху правленія въ ней династіи Сассанидовъ—этихъ извѣстныхъ ревнителей Авестинскаго вѣроученія.

Съ другой стороны, сопоставляя осетинскій культъ предковъ съ тѣми, которымъ иранцы окружаютъ своихъ фравашей, нельзя не отмѣтить его большой близости къ обще-арійскому образцу, выраженіемъ котораго можетъ считаться культъ ведійскихъ пифиссъ. Гарлезъ справедливо отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ Авестѣ фраваша не являются исключительно душами усопшихъ, но геніями, которыми одинаково надѣлены и умершіе, и живущіе, и имѣющія явиться народныя поколѣнія. Своихъ фравашей имѣютъ и божественныя существа, обитающія на небѣ; ихъ имѣютъ и отдѣльные предметы природы. Такое воззрѣніе, удаляющееся отъ

---

¹⁾ Въ молитвѣ, дѣлаемой хуцесомъ или помощникомъ деканоса передъ жертвоприношеніемъ, на ряду съ Всемогущимъ Богомъ, матерью земли и солнцемъ, упоминается также ангелъ или геній солнца. О геніяхъ горъ и ихъ почитаніи хевсурами говорятъ и Эрштовъ и Мачабелли. Надѣленіемъ фравашами предметовъ природы только и объясняется упоминаемое Ридде многобожіе хевсуръ. (стр. 89).

общаго всѣмъ арійскимъ народностямъ почитанія усопшихъ душъ, составляетъ позднѣйшую особенность религіознаго ученія Авесты. Каковъ бы ни былъ источникъ этого позднѣйшаго спиритуализма ¹⁾, но отсутствіе его въ осетинской мѣологіи приближаетъ ее къ той, изъ которой развилась со временемъ мѣологія Авесты. Отсутствіе строгаго дуализма, того сосредоточенія добраго и злаго начала въ лицѣ двухъ непрестанно борющихся между собою божествъ, Агарамазды и Анграманью, которое характеризуетъ собою религіозныя ученія Авесты, подкрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что переселеніе на Кавказъ того иранскаго племени, потомками котораго являются современные осетины, началось ранѣе той эпохи, въ которую были составлены религіозныя книги иранцевъ. ²⁾ Профессоръ Миллеръ приходитъ къ тѣмъ же заключеніямъ на основаніи данныхъ осетинскаго языка. Онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что культурныя слова, относящіяся къ скотоводству, въ осетинскомъ языкѣ всѣ чисто иранскаго происхожденія, и что, наоборотъ, названія земледѣльческихъ орудій и нѣкоторыхъ злаковъ, не говоря уже объ овощныхъ растеніяхъ и фруктовыхъ деревьяхъ,—или неизвѣстнаго происхожденія, или носятъ явные признаки заимствованія; г. Миллеръ приходитъ на основаніи этого къ заключенію, что, до поселенія на Кавказѣ, осетины были по преимуществу народомъ кочевымъ. Съ другой стороны, тотъ фактъ, что осетинскія названія серебра, мѣди и свинца урало-алтайскаго происхожденія, приводитъ автора осетинскихъ этюдовъ къ тому убѣжденію, что «осетины должны были двигаться не съ юга, откуда они не могли бы принести съ собою урало-алтайскихъ названій для трехъ металловъ, а съ сѣвера, близъ

---

¹⁾ Гарлезъ полагаетъ, что онъ проникъ въ иранскую мѣологію изъ Мидіи и выработанъ былъ впервые въ средѣ маговъ. (См. *Avesta, trad. par Harlet. Introduction, стр. OXXV*).

²⁾ Этому заключенію нѣмало не противорѣчатъ факты присутствія въ средѣ осетинскихъ богатырей или нартовъ и такъ называемаго Амیرана (т. е. Аримана), тагъ какъ сказаніе о немъ, по словамъ Мурье, доселѣ распространено въ Мингреліи, откуда ему легко было проникнуть и въ Осетию. (Сравни *l'état religieux de la Mingrélie* въ *R. de l'histoire des religions* за 1887 годъ).

обильныхъ металлами отроговъ Урала, т. е. пройти въ Европу тѣмъ путемъ, — между Уральскимъ хребтомъ и Каспіемъ, — по которому шли угро-финскія и урало-алтайскія племена, частью даже въ историческія времена» ¹⁾.

«Архаичность осетинскаго языка, который въ своей фонетикѣ и формахъ представляетъ между всѣми иранскими языками черты наибольшей старины» ²⁾, также приводитъ г. Миллера къ убѣжденію, что переселеніе осетинъ въ Европу началось за долго до появленія древнѣйшихъ памятниковъ языка Авесты. Колыбелью осетинъ онъ считаетъ не Персію и Мидію, а лежація къ сѣверу отъ нихъ степи, представлявшія больше удобства для кочевья. Изъ этихъ то степей, которыя онъ признаетъ прародиною иранцевъ, осетины и двинулись въ юго-восточную Россію и сѣверный Кавказъ, вмѣстѣ съ тою массою одноплеменныхъ съ ними народностей, которыхъ древніе въ разное время разумѣли подъ наименованіемъ сарматовъ и аланъ.

И такъ происхожденіе слѣдовъ иранской культуры на Кавказѣ объясняется двояко: во первыхъ, имиграціей въ лицѣ осетинъ, доселѣ называющихъ себя иранами, иранской по происхожденію народностью, имиграціей, время которой должно быть отнесено болѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ до Рождества Христова и ранѣ составленія Авесты; а во вторыхъ, — распространеніемъ Авестинской культуры силой оружія персидскими монархами, по преимуществу — Сассанидами, въ нерѣдко зависимой отъ нихъ Грузіи.

¹⁾ Осетинскіе вѣтвды, часть III, стр. 11—15.

²⁾ Ibid, стр. 72.

ГЛАВА II.

Греческое и римско-византийское влияние.

Извѣстна роль, какую Колхида, т. е. современная намъ Грузія, разумѣя подъ нею и Мингрелію, играетъ въ героическомъ эпосѣ древнихъ эллиновъ. Сказаніе о походѣ аргонавтовъ и о принесенномъ ими изъ Колхиды золотомъ рунѣ, какъ нельзя лучше доказываетъ и раннія сношенія древнихъ грековъ съ Кавказомъ и то представленіе, какое они имѣли о его богатствахъ. Мифъ о Прометѣѣ, — этотъ греческій пересказъ на половину иранской, на половину кавказской легенды—также говоритъ о той роли, какую восточное побережье Чернаго моря играло въ судьбахъ древне-греческаго мореходства и торговли. Натуральныя богатства страны рано вызвали колонизацію береговой полосы Кавказа греческими колонистами. Цицаксъ, писатель VI-го вѣка до Р. Х., перечисляетъ слѣдующія греческія поселенія къ востоку отъ керченскаго пролива: Фанагорію, Кеи, Пату (Бату Страбона) ¹⁾.

При современномъ состояніи кавказовѣдѣнія не возможно сказать опредѣленно, какое влияние греческія колоніи оказали на бытъ сосѣднихъ съ ними горцевъ. Есть основаніе полагать, что отношенія колонистовъ и туземцевъ были весьма отдаленными. Греческіе писатели, самою отрывочностью и неполнотою

---

¹⁾ Vivien de St. Martin. Mémoire historique sur la géographie ancienne du Caucase, стр. 22.

своихъ данныхъ о Табаренахъ и Мошисахъ, Амазонкахъ и Горгаренахъ, Керкетахъ, Генюкахъ ¹⁾, Кораксахъ, Коликахъ, Меланхленахъ, укрѣпляютъ насъ въ этомъ мнѣніи. Читая Цициакса, Геродота и ли Страбона, выносишь впечатлѣніе о совершенно поверхностномъ знакомствѣ Грековъ съ бытовыми условіями горцевъ. Упоминаніе о людоедствѣ, о макроцефализмѣ Абхазцевъ, о коммунальномъ ²⁾ бракѣ Мошисовъ, о кувадѣ Тибареновъ, о владычествѣ женщинъ у нѣкоторыхъ племенъ Сармановъ и объ обычаяхъ Амазонокъ вырѣзывать себѣ правую грудь и вступать лишь во временное сожитіе съ сосѣдними имъ Горгаренами, къ чему въ сущности сводятся всѣ завѣщанныя намъ греками данныя о кавказской этнографіи, еще не доказываютъ существованія непосредственныхъ сношеній между колонистами и дикими и полудикими народностями главнаго хребта. Самая неопределенность тѣхъ свѣдѣній, какія греческіе географы и историки сообщаютъ намъ о бытѣ горцевъ, даетъ основаніе думать, что источникомъ служили не личныя наблюденія колонистовъ, жившихъ на черноморскомъ побережьи, а дошедшіе до нихъ слухи. На основаніи греческихъ свидѣтельствъ трудно еще сказать, что бы Лезги были антропофагами, такъ какъ доказательствомъ ихъ каннибализма греки могли признать господствовавшій у нихъ доселѣ обычай рѣзать руки своихъ враговъ и вывѣшивать ихъ какъ трофеи. Трудно также видѣть опредѣленный историческій фактъ въ разсказѣ объ устраиваемыхъ Горгаренами и Амазонками сходкахъ на раздѣляющей ихъ горѣ съ цѣлью устройства временныхъ связей. Культурное вліяніе запада на Кавказъ едва ли усилилось со времени присоединенія Греціи къ римскимъ владѣніямъ. Изъ римскихъ полководцевъ

---

¹⁾ Иначе называемыхъ ими леки и лезги и отвѣчающихъ современнымъ лезгинамъ. См. *Mémoire historique sur la géographie ancienne du Caucase depuis l'époque des Argonautes jusqu'aux guerres de Mithridate* par. Vivien de S. Martin. Paris. 1847, стр. 22, 28 и 30.

Aristote. *Politique*, livre VIII, ch. 3. trad. de Barth. S. Hilaire, 1837, t. II, p. 137.

²⁾ Упоминаніе о немъ принадлежитъ Гиппократу. (St. Martin, 72). Сдѣланныя В. Миллеромъ раскопки кургановъ въ Озороковѣ доставили не мало такихъ искусственно удлиненныхъ череповъ.

народныя сказанія горцевъ, записанныя армяно-грузинскими хрониками, сохранили память объ одномъ только Помпей. Онъ проныгъ въ дешины, лежащія на южномъ склонѣ кавказскаго хребта, воевалъ съ пшавами и сванетами и, по возвращеніи на родину, приказалъ вырѣзать на специально предназначенныхъ для того доскахъ имена яко-бы завоеванныхъ имъ кавказскихъ народностей. Между ними, на ряду съ плоскосными Армянами, Иберами и Кольхами мы находимъ и Ахейцевъ (теперешнихъ Абхазцевъ), Изиковъ (Зиковъ или Черкесовъ), Сдановъ (сванетовъ) и Генюковъ (Лезгинъ) ¹⁾.

Заявленное официально покореніе Кавказа не перешло однако въ дѣйствительность, и все, что римляне сдѣлали для упроченія своего могущества на перешейкѣ, сводится къ поддержанію основанныхъ ранѣе ими греческихъ колоній. Эти колоніи и сдѣлались постепенно источникомъ религіозной культуры горцевъ. Въ упоминаемому Прокопьемъ мѣстному культу священныхъ рощь, слѣды котораго обнаружены были еще недавно между черкесами, присоединилось почитаніе разнообразныхъ божествъ, включенныхъ въ первые вѣка Имперіи въ составъ римскаго Пантеона. Отличающій его синкретизмъ,—результатъ послѣдовательнаго воспріятія имъ александрійскихъ, фригійскихъ, сиропфиникійскихъ и персидскихъ божествъ, находитъ отраженіе себѣ въ средѣ горцевъ въ эклектизмѣ народныхъ миеологическихъ вѣрованій абхазцевъ, черкесовъ и осетинъ. Въ абхазской покровительницѣ посьвовъ богинѣ «Джаджи» черты греко-римской Цереры сливаются съ чертами фригійской египетской Изиды, «великой матери» «Сибеллы», въ честь которой, въ началѣ весны совершаемы были особыя празднества ²⁾. Подобныя празднества доселѣ въ ходу у абхазцевъ; къ нимъ приглашаются всѣ тѣ, кто принималъ участіе въ посьвѣ. Осенью послѣ уборки кукурузы слѣдуетъ новое торжество, на которое опять таки являются исключительно лица, занятые до тогѣ уборкой. На этихъ весеннихъ и осеннихъ пиршествахъ не подается другихъ яствъ, кромѣ хлѣба и плодовъ; когда кушанья поставлены на

¹⁾ St. Martin, стр. 95.

²⁾ Сравни Jean Révilli. La religion à Rome sous les Sévères. стр. 63.

столь, старшій въ семействѣ обращается къ Джаджѣ съ молитвой о ниспосланіи обильнаго урожая или высказываетъ ей признательность за хорошую жатву ¹⁾).

Въ большей чистотѣ и съ меньшей примѣсью постороннихъ элементовъ сохранились черты греко-римскаго божества въ лицѣ абхазскаго «Шесту», покровителя кузнечнаго и слесарнаго дѣла. Подобно греко-римскому Вулгану, Шесту считается изобрѣтателемъ оружія и всего вообще кузнечнаго промысла. Присяга его именемъ приносится въ самой кузнѣ; взявъ молотъ въ руки, присягающій произноситъ: «если я виновенъ въ томъ въ чемъ меня обвиняютъ, пусть Шесту разобьетъ мою голову на наковальнѣ». Такъ какъ Шесту считается изобрѣтателемъ оружія, то его именемъ приносится присяга и нѣсколько иного порядка. Присягающій проходитъ между двумя рядами заряженныхъ ружей и говоритъ: «если я сказалъ ложь, пусть Шесту пронзитъ мою голову пулями изъ этихъ ружей». На ряду съ Шесту абхазскій богъ Афа, повелитель надъ громами, по волѣ котораго нисходитъ дождь на землю, а тѣмъ болѣе абхазскій патронъ воровъ и грабителей Эйригъ воспроизводятъ собою каждый въ своемъ родѣ типическія черты греко-римскихъ божествъ: первый громовержца Юпитера, второй напоминаетъ намъ покровителя всякихъ рискованныхъ предпріятій Гермеса или Меркурія ²⁾). Въ осетинской народной мѣологии мы снова встрѣчаемся съ нѣкоторыми изъ поименованныхъ божествъ греко-римскаго Пантеона; такъ осетинскій Курдалагонъ не иное что, какъ Вулганъ или божественный кузнецъ, такъ крѣпко закалившій одного изъ «нартовъ или богатырей (Батраза) въ своемъ горнѣ», что сдѣлалъ его стальнымъ на вѣки. Тотъ же Курдалагонъ сковываетъ другому богатырю мѣдный черепъ, когда ему проломили голову. Осетинамъ извѣстенъ также своего рода Нептунъ—это Донбетаръ, властитель надъ водами. Онъ живетъ въ водѣ, владѣетъ рыбою и имѣетъ много дочерей, напоминающихъ нашихъ русалокъ ³⁾). Что касается до повелителя громами, то его образъ смѣши-

¹⁾ Религиозныя вѣрованія абхазцевъ, стр. 10, въ пятомъ выпускѣ Сб. свѣд. о кавк. горц

²⁾ Ibid, стр. 15—17.

³⁾ Миллеръ. Осетинскіе этюды, часть II, стр. 247—249.

вается уже у осетинъ и у занявшихъ ихъ старинныя мѣста жительства балкарцевъ съ личностью пророка Ильи ¹⁾).

Въ народной мѣологіи черкесовъ черты громовержца Юпитера и кузнеца Вулкана оживаютъ въ лицѣ божествъ Чибле и Тлепсъ. Въ честь перваго устраивается ежегодно нѣсколько празднествъ и совершаются жертвоприношенія козлять, сопровождаемыя молитвою о предохраненіи отъ его гнѣва, выраженіемъ котораго служатъ поражающіе смертью удары молніи. Что касается до Тлепса, то онъ считается спеціальнымъ покровителемъ кузнецовъ, творцомъ всего, что связано съ кузнечнымъ дѣломъ, а потому въ частности и плуга, чтовъ свою очередь дѣлаетъ изъ него также покровителя земледѣльцевъ и земледѣлія ²⁾).

Намъ неизвѣстенъ тотъ путь, какимъ мѣологическія вѣрованія классическихъ народовъ проникли въ среду туземныхъ племенъ Кавказа. Легко можетъ статься, что имъ была армянская мѣологія, отличающаяся тѣмъ же синкритизмомъ, что и римскій политеизмъ второго и третьяго вѣка. Въ пользу такого предположенія говоритъ фактъ существованія культа священныхъ рощъ одинаково въ армянской мѣологіи и въ народныхъ вѣрованіяхъ абхазцевъ, мингрельцевъ, пшавовъ и черкесовъ, а также то обстоятельство, что древнимъ армянамъ извѣстно было наравнѣ съ упомянутыми горцами и классическими народами древности, почитаніе «великой матери» (Анахитъ) и божества, напоминающаго собою Гермеса или Меркурія (Тиръ). Согласно ³⁾, Моисею хоренскому древнимъ армянамъ было извѣстно также божество водъ. «Источникъ—братъ» окруженъ былъ у нихъ тѣмъ же почитаніемъ, что и огонь—сестра ⁴⁾).

¹⁾ См. статью, озаглавленную «Въ Горскихъ Обществахъ Кабарды» въ путешествіи В. Миллера и М. Ковалевскаго. Вѣстникъ Европы. Апрель 84 года.

²⁾ См. Koch. Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus, т. I, стр. 450.

³⁾ См. Эмманъ. Очеркъ религіи и вѣрованій языческихъ армянъ въ приложеніи къ всеобщей исторіи Ассиріи. Москва. 64 годъ, стр. 293, Религиозное вѣрованіе абхазцевъ, въ V томѣ Сб. свѣд. о кавк. горц. Mourier, l'état religieux de la Mingrélie. Koch. Reise nach dem Kaukasischen Isthmus, т. I, стр. 451.

⁴⁾ Эмманъ. стр. 270 и 274.

Прямое вліяніе западной культуры на юридическій строй Кавказа не начинается однако ранѣе эпохи полного разцвѣта Византійской имперіи во времена Юстиниана. Къ царствованію этого императора относитъ Прокопій первоначальное обращеніе въ христіанство береговыхъ черкесовъ—абазинцевъ, постройку въ ихъ странѣ храма Божьей Матери, посылку греческихъ духовниковъ и монаховъ и воспрещеніе торга невольниками ¹⁾).

Къ этому времени по всей вѣроятности слѣдуетъ отнести и начало воздѣйствія римско-византійскаго права на горскій адатъ.

Проводникомъ этого воздѣйствія явилась древняя Армения, которая при Арсацидахъ и Багратидахъ стояла, какъ извѣстно, въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Византіей.

Это обстоятельство открыло свободный доступъ въ страну началамъ римско—византійскаго права и вызвало въ XII вѣкѣ даже попытку слить ихъ воедино какъ съ ветхозаветными предписаніями и правилами вселенскихъ соборовъ, такъ и съ нѣкоторыми постановленіями народнаго обычая. Результатомъ этой попытки явился составленный на армянскомъ языкѣ Судебникъ Мехитара Гоша.

Этотъ судебникъ представляетъ собою чистую компиляцію, въ составъ которой вошли по преимуществу статьи изъ сборника, составленнаго въ концѣ IX вѣка по повелѣнію Льва Мудраго и заключающаго въ себѣ отрывки изъ институцій Феодосіева кодекса, Пандектовъ, Базиликъ и постановленій Соборовъ ²⁾). Грузинскій Законникъ Вахтанга VI включилъ въ свой составъ этотъ древнѣйшій памятникъ писаннаго права на Кавказѣ. Судебникъ Гоша составляетъ особый отдѣлъ грузинскаго свода, озаглавленный «Армянскіе Законы». Знакомясь съ содержаніемъ этихъ законовъ, открываешь источникъ нѣкоторыхъ юридичес-

---

1) De Aedificiis, l. III, стр. 7, Цитата Dubois de Mompéroux, т. I, стр. 229.

2) Сборникъ Льва VI-го Мудраго извѣстенъ пока лишь въ грузинской передачѣ его сборникомъ законовъ Вахтанга VI. Онъ составляетъ особый отдѣлъ этого сборника, озаглавленный «Греческіе Законы». Онъ не знаетъ раздѣленія на титлы и заключаетъ въ себѣ счетовъ 418 параграфовъ. Подробности о немъ можно найти въ примѣчаніи къ 159 стр. сдѣланнаго г. Вахрадзе изданія грузинскаго законника.

кихъ нормъ, общихъ всѣмъ горцамъ западнаго Кавказа и поражающихъ своимъ сходствомъ съ известными положеніями римско-византійскаго права. Для примѣра я укажу на отношеніе обоихъ законодательствъ къ воровству и всякому вообще присвоенію чужой собственности. Въ судебникѣ Мехитара Гоша оба дѣйствія поставлены на одну доску; такъ, срывающій колосья на чужой нивѣ подвергается равной отвѣтственности съ воромъ (статья 270), продавецъ получившій отъ покупателя задатокъ и отказывающій ему затѣмъ въ совершеніи купчей обязанъ возвратить двойную сумму задатка (статья 27), и то же правило применяется къ расточителямъ чужой собственности и сожигателямъ хлѣба въ скирдахъ (статьи 327 и 328). Обыкновеннымъ наказаніемъ за воровство судебникъ Мехитара Гоша за одно съ правомъ византійскимъ признаетъ возвращеніе двойной цѣнности похищеннаго. Пойманный воръ повиненъ заплатить хозяину вдвое противъ покраденнаго (статья 223). Но при воровствѣ скота «duplum» смѣняется «quaduplum», т. е. уплатой четверной стоимости похищеннаго. Къ нѣкоторымъ видамъ воровства Мехитаръ Гошъ, слѣдуя опять таки постановленіямъ римско-византійскаго права, относится съ особенною суровостью. Ночной воръ (*fug postignus*) подлежитъ смерти (статья 117), и та же участь ожидаетъ того, кто, ворвавшись въ чужой домъ силой, обокрадетъ его (статья 121).

Если мы сопоставимъ только что приведенныя статьи съ тѣми, какія по вопросу о воровствѣ содержитъ въ себѣ упомянутый уже мною сборникъ императора Льва VI Мудраго, то намъ не мудрено будетъ прийти къ заключенію, что Мехитаръ Гошъ цѣликомъ заимствовалъ ихъ изъ этого византійскаго источника. Въ отличіе отъ Юстиніанова права, относившагося къ воровству почти исключительно какъ къ частному преступленію, право византійское признаетъ за нѣкоторыми видами его характеръ публичности и подвергаетъ ихъ соотвѣтственно уголовнымъ карамъ, неустрашающимъ, впрочемъ, возмѣщенія хозяину украденной вещи двойной, четверной и т. д. стоимости ея ¹⁾).

---

1) Karl Eduard Zacharia von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-römischen Rechts. Berlin. 1877, стр. 317.

Воромъ, постановляеть этотъ сборникъ, называется тотъ, кто безъ оружія тайно крадетъ ¹⁾ (статья 325). За первое воровство виновный подлежитъ двойному взысканію покраденнаго въ пользу хозяина (статья 320). Duplum платитъ и тотъ, кто, взявъ вещь на храненіе, станеть заираться въ ея принятіи (статья 308). опекунь, присвоившій себѣ что либо изъ имѣнія малолѣтняго (ст. 253). должникъ, несправедливо отрицавшій существованіе за нимъ долга (ст. 249); но если кто угонитъ скотину или присвоитъ себѣ вещи, вынесенныя изъ чужого дома во время пожара, или насильно отниметь у кого его имущество, тотъ платитъ уже не duplum, а quadruplum (ст. 44, 43 и 19). За многократное воровство сборникъ Льва VI назначаетъ отсѣченіе руки (ст. 320); то же наказаніе постигаетъ того, кто во время похода присвоитъ себѣ чужую скотину (ст. 318). Если воровство сдѣлано ночью, оно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ лишеніе виновнаго зрѣнія (ст. 281—259). Кто съ оружіемъ въ рукахъ воруетъ и нападаетъ на людей, постановляеть тотъ же сборникъ, тотъ считается разбойникомъ и подлежитъ сажанію на колы; за убійство разбойника, какъ и за убійство ночного вора, не полагается никакой отвѣтственности (ст. 325, 323, 315) ²⁾.

Если мы зададимся въ настоящее время вопросомъ, въ какой мѣрѣ основной принципъ римскаго, а за нимъ и византійскаго права о возвращеніи воромъ двойной, а въ извѣстномъ случаѣ и четверной стоимости похищеннаго, воспринять народнымъ правомъ кавказскихъ горцевъ, то мы увидимъ, что въ отнѣну стариннаго обычая родовыхъ обществъ, по которому воровство сдѣланное у чужеродцевъ не считается преступленіемъ и не имѣетъ по этому инаго послѣдствія, кромѣ простого возвращенія похищеннаго уличеннымъ въ кражѣ лицомъ, картвельскіе горцы и въ числѣ ихъ сванеты и юрскіе грузины требуютъ съ виновнаго, какъ общее правило, двойной цѣнности похищеннаго. Той же пропорціи придерживаются въ обыкновенныхъ случаяхъ кражи и осетины. Если подчасъ и дѣлается ими добавочное взысканіе, равное стоимости украденнаго, то лишь

¹⁾ Сборникъ Льва VI вошелъ въ составъ грузинскаго законника подъ названіемъ «Греческіе Законы».

²⁾ Сравни постановленія Прохирона, титулъ 39, статьи 53—54.

съ цѣлью вознаградить имъ того, кто, принявъ на себя добровольно роль сыщика или доносчика (осетины называютъ его кам-дзогъ), успѣлъ обнаружить дѣйствительнаго виновника злодѣянія.

Подобно римско-византійскому праву, обычай картвельскихъ горцевъ и осетинъ подводятъ подъ понятіе воровства всякое присвоеніе себѣ чужой собственности и соотвѣтственно предъявляютъ требованіе о *duplum* и къ неисправному должнику, и къ лицу, взявшему вещь на храненіе и погубившему ее по собственной винѣ.

Что касается до отвѣтственности лицъ, которыя, застигнувъ вора на самомъ мѣстѣ преступленія, посягнули на его жизнь, то осетины еще придерживаются той исконной точки зрѣнія, по которой всякое убійство, безъ различія мотивовъ, даетъ поводъ къ кровомщенію. тогда какъ сванеты, пшавы, хевсурь и тушины уже оставляютъ безнаказаннымъ убійство вора, найденнаго съ поличнымъ.

Требованіе съ вора двойной цѣнности украденнаго установлено въ Грузіи съ давнихъ временъ. За долго до включенія въ законы Вахтанга правила, что за украденное у крестьянина возвращается вдвое, а у лицъ прочихъ состояній вчетверо (ст. 154 и 149) и въ семеро, законы Бека (извѣстныя подъ названіемъ законовъ Агбуги) выразили старинное правило римскаго права о платежѣ воровъ *«duplum»* въ слѣдующей категорической формѣ: «кто украдетъ лошадь или что другое и оно окажется у него на лицо, тотъ долженъ возратить покраденное вдвое» (ст. 63). То же взысканіе полагается и съ того, кто, взявъ вещь на храненіе, откажется возратить ее хозяину (ст. 89). Грузинское право понимаетъ воровство въ томъ же широкомъ смыслѣ, въ какомъ понимало его и древнее римское, разумѣвшее подъ *«furtum»* всякіе виды присвоенія чужой собственности. Черезъ посредство грузинскаго права римское по природѣ своей постановленіе о *duplum*, ранѣе всего усвоенное на Кавказѣ армянскимъ правомъ, проникло такъ далеко, что его можно найти даже по ту сторону кавказскаго хребта въ Чечнѣ¹⁾. Только при воровствѣ на сторонѣ у чужихъ остается

¹⁾ См. Адамы кавк. горц. Леонтовича, т. II, стат. 94.

въ силѣ старинное правило родовыхъ сообществъ, по которому воръ не несетъ другого обязательства, кромѣ возвращенія присвоеннаго ¹⁾). Обычаи чеченцевъ предъявляютъ требованіе о *duplum* только тогда, когда кража сдѣлана изъ дому ²⁾, но ингуши распространяютъ дѣйствіе этого правила на всѣ случаи воровства ³⁾. Подобно осетинамъ и чеченцамъ балкарцы не знаютъ по отношенію къ ворами иного возмездія, кромѣ взысканія съ нихъ двойной, тройной и четверной цѣнности похищеннаго. Всѣ виды присвоенія чужой собственности одинаково признаются ими за воровство, и самый поджогъ не сопровождается у нихъ другимъ послѣдствіемъ кромѣ взысканія въ пять разъ превышающаго стоимость сожженнаго. Даже въ средѣ черкесъ и кабардинцевъ правило о платежѣ ворами нѣсколько разъ повторенной цѣнности украденнаго соблюдается каждый разъ, когда обидчикомъ является крестьянинъ, а обиженнымъ лицо высшаго общественнаго состоянія ⁴⁾.

На только что приведенномъ примѣрѣ видно, какимъ образомъ обычаи кавказскихъ горцевъ черезъ посредство грузинскаго и армянскаго права могли усвоить себѣ нѣкоторыя воззрѣнія римско-византійскаго законодательства. Я не думаю, чтобы при современной разработкѣ грузинскаго и армянскаго права была возможность опредѣлить съ точностью, какъ далеко идутъ заимствованія сдѣланныя кавказскими народными правами изъ римско-византійскихъ источниковъ, но я попытаюсь показать еще на нѣкоторыхъ случайно выбранныхъ мною примѣрахъ порядокъ воспріятія адатами кавказскихъ горцевъ отдѣльныхъ нормъ римско-византійскаго права. Путь, которымъ эти нормы проникли въ юридическое сознаніе туземныхъ племенъ, преимущественно южнаго склона главнаго хребта, очевидно не могъ быть иной, какъ черезъ посредство армянскаго и грузинскаго права. По этому въ каждомъ данномъ случаѣ мнѣ необходимо будетъ указать, во первыхъ, на усвоеніе того или другаго на-

¹⁾ Адаты кавк. горц., т. II, стр. 17.

²⁾ См. описаніе гражданскаго быта чеченцевъ 1843 года. Леонтовича, т. II, ст. 94.

³⁾ Леонтовичъ, т. II, ст. 179.

⁴⁾ См. Адаты кавк. горц., т. I, ст. 253 и 256.

чала Судебникомъ Мехитара Гоша и грузинскимъ Законникомъ; а во вторыхъ, на присутствіе его въ адатномъ правѣ горцевъ.

Въ сборникъ Льва VI Мудраго, приложенномъ, какъ мы сказали выше, къ законнику Вахтанга, между прочимъ, значится, что при сговорѣ вносится предбрачный залогъ, который въ случаѣ невыполненія брачнаго обязательства въ двойномъ размѣрѣ уплачивается тою стороною, которая неустояла въ соглашеніи (ст. 392). Это правило не соблюдается въ томъ случаѣ, если невѣста окажется беременной отъ другаго (ст. 396); женихъ не обязанъ тогда взять ее въ жены и получаетъ обратно внесенный имъ предбрачный залогъ. Если кто поцѣлуетъ свою невѣсту, значится въ ст. 394, и послѣ того до бракосочетанія умретъ, то половина предбрачнаго залога остается за невѣстой. Приведенныя статьи какъ нельзя лучше иллюстрируютъ тотъ фактъ, что въ глазахъ византійскаго законодателя сговоръ является юридической сдѣлкой. Въ судебникъ Мехитара Гоша постановленія греческихъ законовъ переданы въ слѣдующемъ видѣ: кто, желая вступить въ супружество, доставитъ черезъ невѣстку свою или другую родственницу свадебный залогъ невѣстѣ своей для сговора, а потомъ, раздумавъ, захочетъ обратно взять оный, — перстень ли это, золото или деньги, — лишается какъ права на невѣсту, такъ и залога, который остается въ пользу дѣвицы, въ чемъ бы оный ни состоялъ (ст. 58). Если женщина помолвлена (обручена), и это обстоятельство будетъ утверждено священникомъ и тремя свидѣтелями, не имѣетъ права (женихъ) оставить ее и взять другую жену, развѣ только по случаю прелюбодѣнія ея или оскверненія тѣла, ибо за женщину священникъ и свидѣтели поручились; по случаю прелюбодѣнія воленъ оставить, такъ какъ не въ его домѣ случился грѣхъ; равнымъ образомъ по случаю оскверненія тѣла, когда женщина имѣетъ неизлѣчимыя раны (язвы), воленъ онъ лѣчить ее, но по другимъ причинамъ не можетъ оставлять обрученную (ст. 87) ¹⁾.

Если къ дѣвицѣ посланъ будетъ свадебный залогъ, состоящій въ золотѣ, серебрѣ или въ чемъ нибудь другомъ, а же-

---

¹⁾ Юридическое Обзорѣіе, № 255.

нихъ по волю Божіей умереть до бракосочетанія и домъ его станеть требовать возвращенія залога, то буде женихъ и невѣста видѣлись другъ съ другомъ, забавлялись вмѣстѣ и цѣловались, тогда одну половину онаго оставить невѣстѣ у себя, а другую возвратить; но буде обрученные не видѣлись другъ съ другомъ, а сосватаны были заочно, то въ цѣлости возвратить залогъ; когда же умереть невѣста, то женихъ можетъ обратно взять залогъ свой, исключая вещей подверженныхъ тлѣнію и потребленію (ст. 57).

Отъ византійскаго и армянскаго права перейдемъ въ настоящее время къ грузинскому.

Предбрачный залогъ извѣстенъ грузинскому праву, которое, по словамъ г. Бакрадзе, ¹⁾ придерживалось по отношенію къ нему тѣхъ самыхъ правилъ, какія заключаетъ въ себѣ судебникъ Мехитара Гоша. Статья 77 законовъ Вахтанга постановляетъ: если невѣсту, сосватанную при свидѣтеляхъ или получившую отъ жениха свадебный залогъ, выдастъ отецъ за другого или похититъ кто нибудь, то жениху слѣдуетъ получить отъ виновнаго третью часть полного удовлетворенія за кровь. Предбрачный залогъ, гласитъ ст. 223, возвращается въ домъ жениха одинаково, какъ въ случаѣ смерти невѣсты, такъ и въ случаѣ собственной его кончины.

Такимъ образомъ, по примѣру римско-византійскаго права и противно современному законодательству, армянское и грузинское равно признаютъ за сватоствомъ характеръ договора, строго вынуждаемаго обычаемъ и совершаемаго путемъ передачи со стороны жениха семьѣ невѣсты особаго задатка.

Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ народныя обычаи кавказскихъ горцевъ отразили на себѣ это возрѣніе на юридическій характеръ сговора? У сванетовъ сватоство, заключаемое еще въ младенческомъ возрастѣ брачующихся, скрѣпляется уплатой задатка, называемаго «нагданури». Задатокъ этотъ состоитъ, обыкновенно, изъ одного или двухъ барановъ, рѣдко когда—изъ рогатой скотины. Невыполненіе одной изъ сторонъ принятого при сговорѣ обязательства считается оскорбленіемъ для всей

---

¹⁾ Русскій переводъ закона Вахтанга VI, стр. 67, примѣчаніе 1.

семьи и даетъ обиженной сторонѣ право на кровную месть. Кровопротія избѣгаютъ только при вмѣшательствѣ посредниковъ, которые каждый разъ опредѣляютъ размѣръ вознагражденія слѣдующаго обиженной сторонѣ ¹⁾.

О хевсурахъ г. Худадовъ сообщаетъ слѣдующее: браку предшествуетъ сватовство, заключаемое еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Отецъ, желая породниться съ извѣстной семьей, посылаетъ главѣ ея свата. Вошедши въ домъ родителей невѣсты, свать дѣлаетъ отъ имени пославшаго его слѣдующее предложеніе: «если ты считаешь мой домъ достойнымъ твоего, то не откажи сыну моему въ рукѣ твоей дочери». Когда отецъ дѣвушки дастъ свое согласіе, свать передаетъ ему обручальный знакъ «нишану», обыкновенно перстокъ или пряжку ²⁾. У пшавовъ, при передачѣ сватомъ задатка, какъ общее правило, слѣдуетъ рукобитіе и обмѣнъ поцѣлуевъ. При неисполненіи отцомъ невѣсты принятаго на себя обязательства, женихъ въ правѣ требовать отъ него платежа 16 коровъ за безчестіе ³⁾.

У осетинъ, какъ видно изъ официальной записки о существующихъ въ ихъ средѣ вредныхъ обычаяхъ (1859 годъ), засватанная въ дѣтствѣ невѣста не смѣетъ выйти замужъ за посторонняго человѣка, не получивъ на то предварительно согласія той семьи, въ которую она засватана. Не сдѣлай она этого, — между обѣими семьями возникло бы кровомщеніе ⁴⁾.

Тотъ же обычай существуетъ и въ Чечнѣ. И здѣсь женитьбѣ предшествуетъ стговоръ или сватовство, при совершеніи котораго женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ, состоящій обыкновенно изъ шелковаго платья и 10 рублей. Послѣ сватовства женихъ получаетъ право видѣться втайнѣ съ невѣстою, но онъ не долженъ имѣть свиданія съ ней при постороннихъ. Отъ жениха зависитъ освободить невѣсту по ея личной просьбѣ отъ даннаго ею слова (Чеченцы называютъ это отпущеніемъ невѣсты);

¹⁾ Свѣдѣнія собранныя во время путешествія по Сванетіи, см. Вѣстникъ Европы на 86.

²⁾ Худадовъ. Замѣтки о Хевсурегіи, стр. 22.

³⁾ См. Пшавы. Этнографическій очеркъ, напечатанный мною въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 88 г., стат. 214. Февраль.

⁴⁾ Адагы кавк. горц., т. II, стат. 51.

но по собственной волѣ сговоренная дѣвушка не въ правѣ выйти замужъ за другого. По цѣлымъ годамъ ждетъ она уплаты за нее «калыма» ея женихомъ или освобожденія отъ принятаго ею обязательства. Нерѣдко бываетъ, что, разсердившись за что нибудь на дѣвушку, женихъ долго не соглашается «отпустить ее», а самъ между тѣмъ женится на другой ¹⁾. Что касается до судьбы сдѣланнаго при сватовствѣ подарка, то женихъ не въ правѣ требовать возвращенія его обратно въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что онъ хоть разъ дотронулся до невѣсты. Ичкеринцы требуютъ въ этомъ случаѣ уплаты женихомъ особаго вознагражденія за безчестіе; а салатавцы—въ замѣнъ такого платежа—предоставленіе невѣстѣ половины выговореннаго при сговорѣ «кебина», своего рода douaire ²⁾.

Итакъ, въ договорномъ характерѣ сватовства, а также въ отношенія къ нему какъ къ юридической сдѣлкѣ, заключаемой реальнымъ путемъ, путемъ уплаты задатка и дающей въ случаѣ ея нарушенія право на вознагражденіе,—римско-византійское, армянское и грузинское право оказываются солидарными съ обычаями большинства горскихъ племенъ западнаго Кавказа. Такой фактъ трудно объяснить иначе, какъ допустивъ послѣдовательную передачу армянскими и грузинскими законами народному праву горцевъ этого исконнаго римскаго начала.

Остановимся еще навопросѣ о вліяніи, какое не столько римское, сколько византійское право оказало на юридическое положеніе женщины; но для этого необходимо выяснитъ предварительно, какое мѣсто удѣляетъ женщинѣ въ семьѣ само византійское право, какія личныя и имущественныя права предоставляетъ оно ей какъ женѣ и любовницѣ, какія дары приняты имъ къ обезпеченію правъ на случай развода, и насколько женщина надѣлена для ихъ защиты исковой охраной и свободой свидѣтельствванія на судѣ. Отвѣтимъ прежде всего на этотъ послѣдній вопросъ.

Сборникъ Льва VI категорически высказывается противъ допущенія женщинъ къ какой бы то ни было дѣятельности кромѣ домашняго хозяйства (ст. 84); женщинѣ не слѣдуетъ входить

¹⁾ Адаты кавк. горц., т. II, стр. 97.

²⁾ Ibid, стр. 144 и 145.

въ судъ ни по какимъ дѣламъ, за исключеніемъ случаевъ убійства ея отца, дѣтей, родственника или господина (ст. 85). Если женщина являясь къ суду обвинять кого-либо въ насильственномъ сожитіи съ нею, то ей не слѣдуетъ вѣрить (ст. 86), не слѣдуетъ принимать ея свидѣтельство на судъ (статья 148), или допускать ее къ поручительству (статья 205). Сокращая такимъ образомъ юридическую правоспособность женщинъ, законъ принимаетъ подъ свою защиту ея честь и имущество; за похищеніе женщины съ оружіемъ въ рукахъ грозитъ: главному виновнику—отсѣченіе головы, а пособнику сверхъ тѣлеснаго наказанія и отрѣзаніе носа; если похищеніе сдѣлано будетъ лицомъ невооруженнымъ—смертная казнь замѣняется отсѣченіемъ руки (ст. 49). Въ случаѣ растлѣнія законъ принуждаетъ обидчика вступить въ бракъ съ своей жертвой, какъ бы низко ни было ея общественное положеніе; при отказѣ съ его стороны въ пользу обиженной отбиралась треть всего имущества; сверхъ того виновнаго наказывали отрѣзаніемъ носа. Вступивъ въ бракъ и сдѣлавшись матерью, женщина не пріобрѣтаетъ тѣхъ правъ родительской власти, какія признаются за ея мужемъ. Наказывать дѣтей есть право одного только отца (ст. 87). Господство моногамическаго начала въ бракѣ не лишаетъ мужа возможности держать «конкубинъ», юридическое положеніе которыхъ, какъ и ихъ потомства, принимается подъ защиту закона. Бездѣтной наложницѣ выдѣляется двѣнадцатая часть изъ всего имущества; такую же часть получаетъ по достиженіи совершеннолѣтія и прижитой въ конкубинатѣ ребенокъ. Лицо умирающее безъ законныхъ наслѣдниковъ можетъ оставить побочному сыну все свое достояніе (ст. 286). Подобно римскому праву, византійское озабочено сохраненіемъ за женою принесеннаго ею мужу имущества; отсюда слѣдующее постановленіе: приданнымъ жены мужъ не въ правѣ распоряжаться. Въ случаѣ бездѣтной смерти мужа родители жены могутъ потребовать отъ его родственниковъ все что дано было ими въ приданое. Пока мужъ въ живыхъ отчужденіе приданого не дозволяется ни одному изъ супруговъ; но полученное женою сверхъ приданого отъ ея родственниковъ можетъ быть затрачено ею на торговые обороты для приращенія (ст. 215—216).

По смерти мужа жена имѣть право на четвертую часть оставленнаго имъ наслѣдства (ст. 288). Въ отношеніи къ разводу византійское законодательство не устанавливаетъ между супругами равноправія: распутная жизнь жены признается имъ основаніемъ къ разводу, но отнюдь не распутная жизнь мужа. Законами Льва и Константина отъ 780 года о распутствѣ жены говорится какъ о единственномъ поводѣ къ разводу; но сорока годами ранѣе разводъ признавался дозволеннымъ и при импотенціи мужа, дурномъ обращеніи его съ женою, представляющимъ угрозу для ея жизни, и оставленіи ея безъ средствъ къ существованію ¹⁾. Сборникомъ Императора Льва приводится еще одинъ поводъ къ разводу, неизвѣстный позднѣйшему праву Византіи и служащій основаніемъ къ расторженію брака только для мужа. По постановленію Льва Мудраго и Константина (стат. 401) если жена одержима неизлѣчимой болѣзнью, а мужъ здоровъ, супружество ихъ расторгается, съ тѣмъ однако, что, пока жена остается въ живыхъ, мужъ обязанъ кормить и одѣвать ее.

Въ Судебникѣ Мехитара Гоша юридическое положеніе женщины существенно не отличается отъ того, какое она занимаетъ въ византійскомъ законодательствѣ: женщина не можетъ быть ни поручителемъ, ни принимать на себя дѣлъ приличныхъ мужчинамъ, постановляетъ ст. 78 судебника; мужъ во всемъ долженъ имѣть предъ женою «преимущество и перевѣсъ власти». Стѣсненная въ своей личной свободѣ, жена въ сферѣ имущественной пользуется защитой закона; она въ правѣ приумножать свое приданое, распоряжаясь имъ свободно, не иначе однако какъ съ вѣдома мужа. При отпущеніи ея мужемъ она получаетъ обратно все свое приданое и половину тѣхъ приращеній, какія сдѣланы были къ нему во время супружескаго сожитія (ст. 46 и 81). Мужъ не въ правѣ безъ законной причины выгнать жену изъ своего дома и отнять у нея приданое; но въ случаѣ прелюбодѣянія, ночлега безъ позволенія мужа въ чужомъ домѣ, гдѣ нѣтъ родныхъ, или отлучки въ непристойныя мѣста для увеселенія—можетъ выгнать жену и лишить ее приданнаго (ст. 87).

¹⁾ Zacharia—Gesch des Griechisch-römischen Rechts, стр. 57 и 58.

Прочими основаніями къ разводу служатъ преступленія и проступки, имѣвшіе мѣсто между супругами, психическая и физическая болѣзнь и семилѣтнее безвѣстное отсутствіе ¹⁾.

Арцруни указываетъ, что кодексу Мехитара Гоша, какъ и обычному праву армянъ, извѣстно существованіе на ряду съ законнымъ бракомъ и простое сожителство, опиравшееся на договоръ и расторгаемое путемъ выдачи сожительницѣ разводнаго письма ²⁾. Сборникъ Мехитара Гоша ни словомъ не упоминаетъ о юридическомъ положеніи дѣтей, происшедшихъ отъ конкубината, быть можетъ потому, что это положеніе не отличалось существенно отъ того, какое составляло удѣлъ законныхъ дѣтей, такъ какъ, согласно г. Арцруни, обычному праву армянскихъ провинцій такіа различія неизвѣстны ³⁾: Судебникъ Гоша подобно византійскому праву охраняетъ незамужнихъ женщинъ отъ насилія и требуетъ отъ соблазнителя женитьбы на обманутой имъ дѣвушкѣ, грозя ему въ противномъ случаѣ смертью (ст. 62). Если мѣсто дѣвушки занимаетъ замужняя женщина, похититель подлежитъ кастраціи (178 и 179).

Если въ настоящее время отъ законодательства греческаго и армянскаго мы перейдемъ къ грузинскому, то въ отношеніи его къ общественному и семейному положенію женщинъ намъ не трудно будетъ отмѣтить рѣшительную аналогію съ только-

---

¹⁾ См. статью «Арцруни», озаглавленную кодексъ Мехитара Гоша. (Юридическое Обзорніе, № 260, стр. 308).

²⁾ Статья 272 армянскихъ законовъ, помѣщенныхъ въ законникъ царя Вахтанга, невѣрно передаетъ смыслъ постановленія о гражданскомъ сожитіи. Отвѣчающая ей статья 43 судебника Гоша постановляетъ буквально слѣдующее: если кто возьметъ жену и будетъ имѣть съ нею сожителство, и случится, что не найдетъ въ ней симпатіи къ себѣ, потому что она не добропорядочная особа, то да напишетъ онъ для нея бумагу развода и отпустить ее изъ своего дома. Затѣмъ, если она пойдетъ къ другому и этотъ послѣдній тоже будетъ ее ненавидѣть, то и ему слѣдуетъ дать ей въ руки разводную бумагу и отпустить изъ своего дома. Послѣ этого, если умретъ послѣдній мужъ, то первый, который отпустилъ ее, не можетъ вернуть ее къ себѣ въ жены, такъ какъ она уже осквернена, ибо нечиста она предъ Господомъ Богомъ твоимъ, и не оскверняйте землю, которую Господь Богъ далъ вамъ на наслажденіе.

³⁾ Юридическое Обзорніе, № 255, стр. 175.

что представленными порядками. Во-первыхъ, что касается до свидѣтельства женщинъ на судѣ, то ст. 216 законовъ Вахтанга постановляетъ: женщина, приносящая какую либо жалобу на мужчину, можетъ входить въ судъ и должна быть выслушана; но по ея требованію не слѣдуетъ ни возлагать на отвѣтника присягу, ни отбирать отъ него что либо; если бы женщина сослалась на свидѣтельство мужчины, то и такого свидѣтеля не допускать къ присягѣ. Что означаетъ это предписаніе, какъ не то, что женщина не можетъ выступать ни въ роли обвинителя, ни въ роли свидѣтеля? Подобно греческому и армянскому праву грузинскіе законы охраняютъ незамужнихъ отъ насилія, грозя виновнымъ отрѣзаніемъ носа.

За замужней они не признаютъ права оставить мужа даже по причинѣ прелюбодѣнія; если вопреки этому запрещенію женщина покинетъ своего супруга, то она согласно законамъ Агбуги повинна сдѣлать ему удовлетвореніе за кровь по достоинству его рода (ст. 33). Мужъ наоборотъ воленъ оставить свою ни въ чемъ неповинную жену; но подъ условіемъ уплатить ей цѣну крови (ст. 30). Раздѣльность имущества между супругами находитъ гарантію себѣ въ требованіи, чтобы мужъ, разводящійся съ женою по причинѣ ея прелюбодѣнія, выдалъ ей полностью ея приданое (ст. 63 и 67 законовъ Вахтанга). То же обязательство существуетъ при разводѣ вызванномъ болѣе трехъ лѣтъ продолжающимся помѣшательствомъ жены или ея падучей болѣзью (ст. 225). Грузинскому законодательству извѣстно также существованіе на-ряду съ бракомъ и конкубината. Отправляясь отъ положенія римскихъ юристовъ: *«infans sequitur ventrem»*, оно признаетъ право на дѣтей, рожденных въ вѣбращномъ сожитіи, за матерью и тѣмъ лицомъ, которое имѣетъ надъ нею власть (законы Агбуги, ст. 32). Незаконнорожденному сыну, какъ видно изъ 110 статьи законовъ Вахтанга, выдѣляется часть какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества въ размѣрѣ, достаточномъ для крестьянскаго обихода; самъ же онъ отдается своимъ законнымъ братьямъ въ крестьянство (статья 110).

Намъ предстоитъ теперь отвѣтить на вопросъ: въ какой мѣрѣ черезъ посредство армянскаго и грузинскаго права римско-

византийскому законодательству удалось наложить печать на юридическое положеніе горскихъ женщинъ?

Въ Сванетіи и Хевсуретіи женщина, какъ общее правило, считается существомъ несравненно ниже стоящимъ, нежели мужчина. Обычай запрещаетъ ей всякое приближеніе къ капищу или храму, который въ глазахъ народа неизбежно бы подвергся оскверненію отъ одного прикосновенія этихъ нечистыхъ существъ. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ свидѣтельство женщинъ не принимается на судъ ¹⁾.

Въ Осетіи и Чечнѣ женщины также не допускаются къ свидѣтельству. Показаніе женщины можетъ служить въ Чечнѣ основаніемъ для обвиненія только тогда, когда она сознается въ потерѣ невинности и укажетъ на виновника ²⁾.

Впрочемъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ дѣлахъ о прелюбодѣяннѣ, судъ считаетъ нужнымъ требовать подтвержденія женскаго свидѣтельства присягой ближайшаго родственника обвиненной ³⁾.

Недопущеніе женщинъ къ свидѣтельству составляетъ настолькоъ общую черту въ бытѣ кавказскихъ горцевъ, что мы находимъ ее и въ нѣкоторыхъ обществахъ Дагестана. Адаты Бюринскаго округа, напримѣръ, формально заявляютъ, что лица женскаго пола не могутъ быть свидѣтелями ⁴⁾, и это запрещеніе нельзя объяснить всецѣло вліяніемъ писаннаго права магометанъ, такъ какъ Шаріатъ запрещаетъ принимать свидѣтельство женщинъ только въ тѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, въ которыхъ мѣрой наказанія является уравнивленное съ виною членовредительство (Kesos) ⁵⁾.

Подчиняя женщину родительской власти, обычное право кавказскихъ горцевъ понимаетъ подъ нею почти исключительно власть отца или, въ случаѣ его смерти, ближайшаго его род-

1) См. монографію г. Бакрадзе о Сванетіи, стр. 46.

2) Адаты кавк. горц., т. II. Описаніе обычаевъ Ингушовскаго округа, статья 172.

3) Ibid, статья 141.

4) См. Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, въ V томѣ Сб. свѣд. о кавк. горц., статья I.

5) Tognau. Le droit musulman, стр. 274.

ственника мужчины; имъ однимъ предоставлено право распоряжаться рукою дѣвушки, а также получать плату за причиненное ей безчестіе.

Виновной въ незаконномъ сожитіи отецъ, согласно обычаямъ хевсуръ и тушинъ, имѣлъ право рѣзать носъ.

Адатное право горцевъ строго охраняетъ цѣломудріе незамужнихъ женщинъ. Одного прикосновенія къ рукѣ или косѣ дѣвушки, отнятія у ней платка и даже простаго поцѣлуя подчасъ бываетъ достаточно для того, чтобы побудить юношу къ вступленію въ бракъ или къ производству полного платежа за кровь «обезчещенной имъ дѣвушки». Таковъ по крайней мѣрѣ обычай восточной половины Кавказа—Дагестана и Чечни. Картвельскіе горцы и осетины обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи меньшую суровость; но и они не иначе соглашаются простить похитителя дѣвушки, какъ подъ условіемъ женитьбы и платежа калыма за похищенную.

Повсюду на Кавказѣ замужняя женщина въ большей или меньшей степени стоитъ во власти мужа. Эта власть не даетъ однако мужу права располагать ея жизнью, по крайней мѣрѣ въ западномъ Кавказѣ, въ которомъ обычай надѣляетъ родственниковъ жены правомъ мстить за ея смерть даже въ томъ случаѣ, если мужъ застигнетъ ее въ прелюбодѣйной связи и убьетъ на мѣстѣ. Оскорбленный супругъ не только въ правѣ, но и обязанъ прогнать невѣрную жену и прекратить съ ней всякое супружеское сожитіе; онъ можетъ прибѣгнуть къ публичному опозориванью ея, можетъ отрѣзать ей носъ (у чеченцевъ), посадить ее полунагой на обла (у осетинъ) и въ такомъ видѣ вывести изъ селенія, подвергая оскорбленіямъ со стороны сосѣдей. Но убійство нарушившей вѣрность супруги не обходится безъ мести со стороны ея родственниковъ и имѣетъ своимъ послѣдствіемъ уплату мужемъ цѣны ея крови ¹⁾.

1) Другое дѣло въ Дагестанѣ: и на кумыкской плоскости, и въ средѣ горцевъ убійство жены, застигнутой *in flagrante*, считается дозволеннымъ. Такимъ образомъ обозначается та географическая граница, дагѣ которой, какъ общее правило, не сказывается вліяніе римско-византійскихъ нормъ права, если только не имѣть въ виду той, совсѣмъ еще не выясненной роли, какая выпала имъ въ удѣлъ въ исторіи образованія «Шаріата», или писаннаго права масульманъ.

Запрещая мужу убивать свою жену, обычай горцевъ западнаго Кавказа въ то же время дѣлаетъ мужа неограниченнымъ владыкою надъ личностью жены, отнюдь однако не надъ ея имуществомъ. Жена у чеченцевъ,—читаемъ мы въ описаніи ихъ гражданскаго быта составленномъ въ 1843 году,—во всемъ подчинена мужу, какъ своему законному господину; она должна работать на него, сносить безропотно налагаемыя на нея наказанія и во всемъ своемъ поведеніи обнаруживать раболѣпное почтеніе холопки къ вольному ¹⁾.

Эта характеристика въ большей или меньшей мѣрѣ примѣнима и къ осетинамъ, и къ хевсурамъ, и къ сванетамъ, и къ пшавамъ, и къ тушинамъ. Но замѣчательно, что личная зависимость мужа отъ жены уживается у всѣхъ названныхъ мною горцевъ съ ея имущественной независимостью. У сванетовъ напримѣръ жена удерживаетъ вполне право собственности на приданое; безъ ея согласія ни одна часть этого приданого не можетъ быть отчуждена мужемъ, который только считается управителемъ женинаго имущества ²⁾. У чеченцевъ «калымъ» и жениховый подарокъ составляютъ неприкосновенную собственность замужнихъ женщинъ. Безъ ихъ согласія мужа не могутъ распоряжаться этимъ имуществомъ. Станетъ кто принуждать свою жену къ отчужденію его по частямъ или сполна—жена ищетъ защиты у собственныхъ родственниковъ ³⁾. Обычаямъ пшавовъ и хевсуръ также извѣстно существованіе обособленнаго женинаго имущества, такъ-называемаго «сатавно»; мужъ распоряжается имъ только съ согласія жены, которая уноситъ его съ собою при разводѣ. У осетинъ треть платимаго мужемъ «влада» или выкупа за невѣсту поступаетъ въ пользу жены и становится ея неотъемлемымъ достояніемъ; въ случаѣ же развода выдается ей сполна ея мужемъ ⁴⁾.

Въ этой самостоятельности женинаго имущества, связанной съ полнымъ подчиненіемъ ея личности волѣ супруга, трудно не

¹⁾ Адаты кавк. горц., т. II, статья 113.

²⁾ См. Путешествіе по Сванетіи. Иванюкова и Ковалевскаго въ Вѣстникъ Европы за 1886 годъ.

³⁾ Адаты кавк. горц., т. II, стр. 98.

⁴⁾ Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 256.

видѣть отраженія римско-византійскихъ понятій. Но вліяніе, оказанное ими на нѣкоторыя стороны семейнаго быта горцевъ, сказывается еще съ большей наглядностью въ вопросѣ о «конкубинатѣ». Конкубинатъ составляетъ общее явленіе въ бытѣ горцевъ.

Мы встрѣчаемъ его и у картвелскихъ народностей, у которыхъ бездѣтный супругъ беретъ въ домъ любовницу нерѣдко съ согласія своей жены, при чемъ прижитыя въ такомъ свободномъ союзѣ дѣти наследуютъ въ его имущество на правахъ законныхъ ¹⁾, и у осетинъ, у которыхъ конкубины, носящія названіе именныхъ женъ, «помулусъ», не смѣшиваются съ простыми любовницами и имѣютъ опредѣленное юридическое положеніе, устанавливаемое путемъ договора съ ихъ родителями. Въ этомъ договорѣ опредѣляется размѣръ платимаго за нихъ «калыма» или «ирада», часть котораго поступаетъ въ пользу ихъ самихъ. «Номулусъ» имѣетъ право на содержаніе. Рожденные отъ сожитія съ нею дѣти составляютъ особый классъ лицъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «кавдасардовъ». При существованіи законныхъ наследниковъ «кавдасарды» не имѣютъ доли въ оставленномъ ихъ отцомъ имуществѣ, но они навсегда остаются при дворѣ ихъ усопшаго родителя и покидаютъ его не иначе, какъ для того, чтобы слѣдовать за тѣмъ или другимъ законнымъ наследникомъ по собственному ихъ выбору. При неимѣніи законныхъ наследниковъ «кавдасарды» заступаютъ ихъ мѣсто и дѣлятъ между собою все оставленное покойникомъ имущество ²⁾.

Въ обычаяхъ, регулирующихъ разводъ, также находятъ себѣ выраженіе римско-византійскія идеи, прошедшія предварительно рядъ измѣненій подъ вліяніемъ армянскихъ и грузинскихъ порядковъ. Разводъ у горцевъ представляетъ ту сходную съ византійскимъ правомъ черту, что существуетъ почти всецѣло въ интересахъ мужа. У хевсуръ жена, оставившая мужа, въ старые годы и на разстояніи десяти, пятнадцати

1) Пшавы. Этнографическій очеркъ. Юридическій Вѣстникъ за 88 г., № 2, стр. 216. Тоже и у хевсуръ. Худадовъ, стр. 26.

2) Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 41 и 295.

лѣтъ со времени бѣгства могла безнаказанно быть обезображена при встрѣчѣ съ своимъ супругомъ, который, слѣдую обычаю, рѣзалъ ей носъ и уши. У осетинъ адаты признають за однимъ мужемъ неограниченную свободу на разводъ. Поводомъ къ отпущенію жены можетъ быть не только супружеская невѣрность, но и бесплодіе, и тѣ или другіе физическіе недостатки (болѣзнь). Оставить мужа жена въ прежнее время была не въ правѣ. Отпущенная мужемъ супруга обыкновенно возвращается въ свою семью и далеко не всегда вступаетъ въ новый бракъ въ виду дурной репутаціи, какой пользуются въ народѣ разводы (уагдусъ). У однихъ только сванетовъ и чеченцевъ разводъ былъ дозволенъ обоимъ супругамъ. Но будетъ ли разводъ исключительной привилегіей мужа, или общимъ для обоихъ супруговъ средствомъ прекратить супружеское общеніе—онъ допускается горскими обычаями не иначе, какъ подъ условіемъ имущественныхъ утратъ для виновной стороны. Такъ у осетинъ, если основаніемъ къ разводу была невѣрность жены, мужъ въ правѣ былъ требовать возвращеніе ему всего или части уплоченнаго имъ выкупа за невѣсту. Если же вина была не на сторонѣ жены, «ирадъ» оставляемъ былъ всецѣло въ рукахъ ея родни ¹⁾. Если разводъ имѣлъ мѣсто по волѣ мужа, женѣ возвращалось ея приданое, а родственникамъ ея производился особый платежъ «за безчестіе». При оставленіи же мужа женою такой же точно взносъ производимъ былъ въ пользу обезчещеннаго супруга, которому возвращался также уплаченный имъ за невѣсту выкупъ «начулашъ». Приданое въ обоихъ случаяхъ оставалось въ рукахъ жены. У хевсуръ, если мужъ отпускалъ жену спустя нѣсколько лѣтъ послѣ брака, онъ надѣлялъ ее столькими коровами, сколько лѣтъ она провела подъ однимъ съ нимъ кровомъ. Въ счетъ не шли только первые два года супружества, по всей вѣроятности потому, что болѣшую часть этого времени молодая, слѣдую обычаю, проводитъ въ домѣ своихъ родителей ²⁾.

Изъ всего сказаннаго немудрено сдѣлать слѣдующій выводъ.

¹⁾ Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 256, прим. 0.

²⁾ Худадовъ, ст. 24.

Сравненіе обычнаго права горцевъ Западнаго Кавказа съ нормами римско-византійскаго права, насколько тѣ и другія опредѣляютъ собою юридическое положеніе женщины, невольно вызываютъ въ умѣ представленіе о заимствованіи и воспріятіи горцами нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ юридическихъ воззрѣній, начало которымъ было положено еще римскими юристами. Эти нормы принадлежатъ по преимуществу къ той сферѣ юридическихъ отношеній, которая всего ближе стоитъ къ христіанству и проводимому имъ нравственному ученію. Этимъ въ значительной степени объясняется и самый фактъ проникновенія ихъ въ среду горцевъ.

ГЛАВА IV.

Вліяніе христіанства, каноническаго и моисеева права.

Въ настоящее время не вызываетъ болѣе сомнѣній тотъ фактъ, что христіанство было нѣкогда распространено на протяженіи всего Кавказа. Даже въ восточной его половинѣ, не смотря на появленіе въ ней арабовъ, уже въ первомъ столѣтіи послѣ Геджры можно открыть слѣды христіанскихъ храмовъ и церковной утвари ¹⁾).

Мнѣ самому пришлось во время моей поѣздки по Дагестану найти цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ существованіе нѣкогда въ этой странѣ христіанскихъ храмовъ; такъ, напримѣръ, записанное однимъ изъ сподвижниковъ Шамиля преданіе о существованіи церкви въ Гидатаѣ (см. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, т. XII: Воспоминанія о Шамилѣ) находитъ подтвержденіе себѣ въ любопытномъ церковномъ сосудѣ, прибрѣтённомъ мною въ этомъ аулѣ. Сосудъ этотъ представляетъ собою стекляную фляжку темно-синяго цвѣта, на одной сторонѣ которой изображенъ св. Матѳей, а на другой читается надпись: «Sanct. Mathias» съ обозначеніемъ года 1616. О существованіи подобнаго же храма въ окрестностяхъ Гуниба свидѣтельствуетъ не менѣе любопытный предметъ — обыкновенный мѣдный подсвѣчникъ съ широкимъ

¹⁾ См. сообщеніе, сдѣланное мною археологическому обществу въ Москвѣ и напечатанное въ последнемъ томѣ его протоколовъ.

основаніемъ, на которомъ имѣется армянская надпись, въ переводѣ гласящая: «пожертвовалъ въ память покойной Маріи, жены Цефаноса, внука Вамтха, Игунъ Согратъ Мухайскій, свѣтому Камомиру. 1245 года». Наконецъ въ казикумукской мечети, которая основана по преданію Абу-Муслимомъ, мѣтъ показывали посохъ, состоящій изъ 4 кусковъ чернаго дерева, связанныхъ тремя костяными кольцами съ костянымъ же набалдашникомъ — той самой формы, какую мы встрѣчаемъ на армянскихъ епископскихъ посохахъ: извивающаяся двуглавая змѣя, пасти которой направлены въ противоположныя стороны. Посохъ этотъ употребляется кадіемъ въ торжественныхъ случаяхъ. Магометанское преданіе считаетъ его принадлежащимъ главѣ того духовенства, которое дѣйствовало въ Кази-Кумухъ до водворенія въ немъ мусульманства.

На южный склонъ кавказскаго хребта проникло христіанство изъ Арменіи и Грузіи, обращеніе которыхъ относится къ самому началу IV-го вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Изъ горскихъ народностей Западнаго Кавказа едва ли не первыми приняли христіанство сванеты. Уцѣлѣвшіе въ этой странѣ храмы и часовни напоминаютъ своей архитектурой скорѣе византийское, нежели грузинское зодчество, а слѣдовательно должны быть отнесены къ той эпохѣ, когда грузины не успѣли еще создать собственный архитектурный типъ. Хевсуры, пшавы, тушины и южные осетины или туалтыцы относятъ эпоху ихъ обращенія въ христіанство ко временамъ грузинской царицы Тамары. Что касается до абхазцевъ и черкесовъ, то къ нимъ христіанство занесено было по всей вѣроятности изъ Византии черезъ посредство расположенныхъ на восточномъ берегу Чернаго моря греческихъ поселеній. Прокопій приписываетъ Юстиніану окончательное упроченіе евангельскаго ученія на Западномъ Кавказѣ; а баронъ Усларъ говоритъ, что воспоминанія объ этомъ императорѣ доселѣ сохранилось въ пѣсняхъ адигейской народности ¹⁾.

Остатки христіанскихъ церквей доселѣ можно встрѣтить на

¹⁾ См. «Начало христіанства въ Закавказьи и на Кавказѣ», барона Услара, стр. 25, второй выпускъ Сб. свѣд. о кавк. горахъ.

Тебердѣ и верховьяхъ Кубани, въ Куртатинскомъ ущельѣ и на Какадурскомъ перевалѣ ¹⁾.

Каменные кресты съ греческими инициалами имени Иисуса Христа попадались мнѣ въ ближайшихъ къ Эльборусу балкарскихъ селеніяхъ. О распространеніи между черкесами еще въ наши дни культа крестовъ, которые они вѣшаютъ на деревья, сообщая тѣмъ священный характеръ той рошѣ, въ которой они расположены, говорятъ одинаково и Лонгвудъ ²⁾, и баронъ Гакстгаузенъ ³⁾. Не далѣе какъ въ XV вѣкѣ генуезецъ Интериано считалъ возможнымъ говорить о черкесахъ какъ о народѣ, который выдаетъ себя за христіанъ и имѣетъ греческихъ священниковъ. Въ 1637 году въ эпоху посѣщенія ихъ страны доминиканцемъ Іоанномъ Лукскимъ многіе черкесы придерживались еще греческаго вѣроисповѣданія, но большинство уже приняло магометанство. Одни абазы оставались по-прежнему христіанами, и въ занятыхъ ими мѣстностяхъ можно было встрѣтить много христіанскихъ крестовъ, водруженныхъ въ землю.

Тетбу де Мариньи, посѣтившій черкесское побережье Чернаго моря въ 1818 году, еще нашелъ въ его жителяхъ одичавшихъ христіанъ; а Белль, проведеншій двадцать лѣтъ спустя цѣлыхъ два года въ ихъ средѣ, пишетъ, что на всемъ побережьѣ отъ Анапы до Гагръ можно встрѣтить столько же приверженцевъ старой вѣры, сколько и новой.

Въ средѣ абхазцевъ, также перешедшихъ уже въ мусульманство, Рейнегсъ въ 1782—84 годахъ еще находилъ многіе слѣды христіанства. Въ началѣ мая народъ, слѣдуя древнему обыкновенію, собирався въ его время въ священной рошѣ, посреди которой, какъ говорили Гейнегсу, расположенъ былъ большой желѣзный крестъ ⁴⁾.

До настоящаго времени, читаемъ мы въ статьѣ о религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазцевъ, сохранился обычай рѣзать въ праздникъ Святой Пасхи ягненка и обмѣниваться крашеными яйцами. Хотя празднику этому не вездѣ предшествуетъ постъ,

¹⁾ Кавказъ. Путевыя замѣтки граф. Уваровой. Москва, 1887 г., ст. 26.

²⁾ Year among the Circassians.

³⁾ Закавказскій Край.

⁴⁾ Статья Услара, стр. 22 и 23.

но тѣмъ не менѣе употребленіе приготовляемыхъ къ этому дню кушаній имѣетъ видъ розговинъ, и самая трапеза сохранила прежній патриархальный характеръ. Въ дни, совпадающіе съ празднованіемъ Св. Троицы, устраиваются обѣды и гулянья въ рощахъ, оканчивающіяся пляской. Въ праздникъ Рождества Христова, точно также какъ и на Насху, по совершеніи ночью моленія отправляются съ поздравленіями другъ къ другу, при чемъ бывшіе подвластные приносятъ своимъ владѣльцамъ подарки и угощаются за то обѣдомъ. При всѣхъ моленіяхъ и религиозныхъ обрядахъ употребляются абхазцами восковыя свѣчи и куреніе ладнономъ. Христіанство оставило также въ народѣ какое-то бессознательное уваженіе къ храмамъ. Церковь считается мѣстомъ неприкосновеннымъ, и всякій, прибѣгающій подъ защиту ея, спасается отъ преслѣдованія, какое бы ни сдѣлалъ преступленіе. Даже развалины храмовъ, о которыхъ въ памяти народной сохранились какія-нибудь преданія, считаются святыцею, и магометане приносятъ въ нихъ присягу въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ. Присяга въ развалинахъ храма на горѣ Дудрюпшъ считается самою священною, и не найдется абхаза, который бы рѣшился принять тамъ ложную присягу ¹⁾. Слѣды недавняго еще господства христіанства сохранились и въ Кабардѣ. Въ своихъ историческихъ пѣсняхъ кабардинцы, вспоминая о помощи оказанной ими Петру Великому при осадѣ Азова, упоминаютъ и о тѣхъ крестахъ, какіе были воздвигнуты ими въ память объ убитыхъ. Въ горскихъ обществахъ Кабарды, занятыхъ балкарцами, слѣды христіанства попадаютъ на каждомъ шагѣ. Въ татарскихъ названіяхъ мѣсяцевъ, пишетъ проф. Миллеръ въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Хуламъ и Чегемъ, слышатся, какъ и у осетинъ, искаженные имена христіанскихъ святыхъ: Николай (май), Тотуръ (Федоръ), Эліа-ай (мѣсяць Ильи), Башилай (мѣсяць Василія) и т. п. Подобно осетинамъ балкарцы доселѣ чтутъ подъ именемъ Ашкяргя грузинскаго патрона Георгія храбраго, извѣстнаго осетинамъ подъ названіемъ Уаскерги. Вблизи Чегема по-

¹⁾ Смотри: Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ выпускъ V, статью, озаглавленную «Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ», стр. 7.

казываютъ камень Байремъ, къ которому женщины обращаются съ молитвой о ниспосланіи дѣтей, принося въ жертву пироги. Такіе же камни имѣются и въ другихъ татарскихъ аулахъ. Ихъ имя и значеніе объясняются фактомъ существованія у осетинъ однохарактерныхъ святилищъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мады-Майрамъ (матери Маріи) ¹⁾. Объ этихъ святилищахъ графиня Уварова сообщила намъ слѣдующія небезынтересныя подробности. Въ окрестностяхъ аула Цей въ гущѣ деревь замѣчаются маленькія деревянныя постройки, рубленныя какъ наши избы, съ деревянною, тесовою крышею, на которой для большаго устоя положены камни. Слеги, поддерживающія крышу, заканчиваются коньками или птичьими головками, рѣзанными изъ дерева и украшенными продольными насѣчками. Постройки эти или храмики называются Майремъ. Майремъ окруженъ дворикомъ; ограда грубо сложена изъ деревьевъ; въ храминѣ—дверь, черезъ которую осетины накидываютъ свои приношенія: вату, остатки матерій, одежды, бутылки, банки, кружки и очень много стальныхъ стрѣлъ. Около Майрема въ оградѣ лежатъ колотушки, напоминающія наши сторожевыя; онѣ — деревянныя, состоятъ изъ трехъ дощечекъ, изъ которыхъ верхняя украшена рѣзнымъ крестомъ; съ этими колотушками ходятъ за нѣсколько дней до Троицы по ауламъ, напоминая правовѣрнымъ о приближеніи праздника и необходимости готовить быковъ и барановъ на убой въ честь Майрема. На вопросъ, чтѣ значить Майремъ, проводникъ нашъ, прибавляетъ графиня, осетинъ изъ Цей и христіанинъ, отвѣчалъ, что храмъ этотъ посвященъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, память которой справляютъ женщины, собираясь у его входа въ Троицынъ день ²⁾.

Христіанство небезызвѣстно было также и ингушамъ. Въ Галгаевскихъ горахъ—мѣстѣ ихъ старинныхъ поселеній—сохранились доселѣ слѣды церквей и часовень, расположенныхъ по теченію рѣки Ассы, а также высѣченные изъ камня кресты ³⁾.

1) См. Въ горскихъ обществахъ Кабарды изъ путешествія В. Миллера и М. Ковалевского. Вѣстн. Евр., апрѣль 1884, стр. 551.

2) Кавказъ. Путевыя замѣтки графини Уваровой, стр. 59.

3) Смотри: Ингуши, ихъ жизнь и обычаи, Грабовскаго, IX томъ. Сб. св. о кавказскихъ горахъ, стр. 21.

Понятіе о Богѣ въ трехъ упостасяхъ доселѣ удержалось въ средѣ ингушей. Они нерѣдко кланутся «тремя великими лицами», въ характерѣ которыхъ они однако не даютъ себѣ яснаго отчета. Въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ ауловъ попадаются еще часовни, напоминающіе собою осетинскіе «дзуары» и пшавскія «капища». Названіе имъ «Эльгуць». Внутри часовни, входъ которой обращенъ на востокъ, можно видѣть рога быковъ, барановъ, оленей и туровъ, принесенныхъ въ жертву Святому. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ мѣсто такихъ часовенъ занимаютъ небольшіе каменные столбы съ нишею, въ которую ставятъ восковыя свѣчи. Каждый аулъ имѣетъ своего патрона «Ццу», въ честь котораго ежегодно устраивается праздникъ ¹⁾. У чеченцевъ также можно найти нѣкоторыя указанія на раннее христіанство. Въ рукахъ г. Лаудаева нѣкоторое время находилась арабская рукопись съ хронологическимъ перечнемъ важнѣйшихъ событій на Кавказѣ. Въ ней значилось между прочимъ, что до принятія мусульманства чеченцы находились въ «крестопоклонствѣ». Сами ингуши называютъ своихъ предковъ «керестанами» и доселѣ сохранили у себя христіанскій порядокъ счисленія дней недѣли ²⁾.

Въ пограничномъ съ Дагестаномъ наибствѣ г. Попову приходилось встрѣчать могильные памятники съ изображеніемъ на нихъ креста ³⁾.

И такъ на протяженіи всего кавказскаго хребта отъ Чернаго моря до Каспійскаго христіанство нѣкогда пользовалось правами официально—признаннаго культа. Это не означаетъ, разумѣется, того, чтобы горскія племена были на самомъ дѣлѣ христіанами. Въ ихъ средѣ продолжали держаться старинныя вѣрованія, получившія одну лишь христіанскую окраску. Культъ «великой матери» напримѣръ, этой проникшей въ Римскую имперію фригійской богини плодородія, смѣшался у нихъ съ

¹⁾ Ингушевскіе праздники, Чаха Ахріева, стр. 2 и 3, выпускъ V Сб. св. о кавказскихъ горцахъ.

²⁾ Чеченское племя, Умалата Лаудаева, VI выпускъ. Сб. св. о кавказскихъ горцахъ, стр. 29 и 58.

³⁾ Ичкерія, историко-топографическій очеркъ И. М. Попова, выпускъ IV. Сб. св. о кавказскихъ горцахъ, стр. 11.

культу́мъ Божіеи Матери и сдѣлаеи источникомъ тѣхъ многочисленныхъ «Мади - Майремъ и байремъ», т. е. освященныхъ религіей камней и капищъ, къ которымъ въ эпоху весенняго равноденствія осетинскія и татарскія женщины приходятъ съ молитвой о дарованіи потомства. Языческіе по происхожденію богатыри, въ родѣ осетинскаго Рекома и Батрага или пшавскихъ Копала, Пиркуша, Пирцецхла и Сулкурдгела, перешли въ категорию христіанскихъ сподвижниковъ; и наоборотъ христіанскіе святыи и во главѣ ихъ святой Георгій подъ именемъ осетинскаго Уаскерги, кабардинскаго Уастырджи и балкарскаго Ашкирги наполнили собою ряды полумифическихъ и полуисторическихъ народныхъ героевъ. Самые догматы христіанства настолько остались чуждыми даже картвельскимъ горцамъ, что о самомъ Христѣ хевсуры не имѣютъ почти никакого представленія, хотя и покрываютъ свои платья и предметы домашняго обихода изображеніями креста.

Но какъ ни поверхностно было усвоеніе христіанства народными массами, все же ему удалось повліять существенно на юридическій бытъ горцевъ, прививая имъ дотолѣ чуждую многимъ мысль о необходимости регулировать ихъ брачную жизнь сообразно требованіямъ церковныхъ канонѡвъ. Только вліаніемъ христіанства объясняю я переходъ хевсуръ, тушинъ и пшавѡвъ, — этихъ, какъ я пытался доказать выше, послѣдователей религіозно-нравственнаго ученія Авесты, — отъ предписываемыхъ ею браковъ съ родственниками къ экзогамическимъ союзамъ. Ни одно преступленіе не кажется въ настоящее время хевсурамъ болѣе тяжкимъ, какъ бракъ не только на близкихъ, но и на отдаленныхъ родственникахъ.

Въ Сванетіи кровосмѣшеніе также считается однимъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ передъ Богомъ и передъ людьми, и нарушеніе брачныхъ запретовъ нѣкоторыми дворянскими или азнаурскими семьями селенія Мѣсты приводимо было мнѣ какъ причина совершеннаго истребленія ихъ родовъ. Путь, который каноническія предписанія, направленныя противъ брака съ родственниками, проникли въ юридическое сознаніе кавказскихъ горцевъ — тотъ самый, какому слѣдовали нормы римско-византійскаго права. Въ армянскомъ судебникѣ Мехитара Гоша

буквально значится: «всѣхъ грѣховъ тяжеле кровосмѣшеніе. Начальны послѣдствія его; отъ него происходитъ недостатокъ на землѣ во всемъ, даже въ животныхъ, птицахъ и рыбахъ, ибо Богъ посылаетъ гнѣвъ свой въ возмездіе за такое преступленіе ¹⁾». Грузинскіе церковныя «гуджары» (грамоты) съ середины XVI вѣка содержатъ въ себѣ слѣдующаго рода постановленія о кровосмѣсителяхъ: за преступную связь съ лицами, находящимися въ естественномъ и духовномъ родствѣ, виновные должны быть побиты камнями; въ случаѣ же раскаянія штрафуются 4 коровами ²⁾. Общій источникъ всѣхъ этихъ предписаній есть, какъ извѣстно, Второзаконіе, книга 27, стихъ 22; оно произноситъ проклятіе надъ всякимъ, кто вступаетъ въ сожитіе съ близкой родственницей. Византійское и каноническое право усвоили себѣ это раздѣляемое христіанами древнееврейское воззрѣніе и передали его армянскому и грузинскому юридическому сознанию, изъ котораго въ свою очередь оно проникло вслѣдъ за христіанствомъ и въ уединенныя долины Кавказа. Исламъ, также проникнутый на этотъ счетъ ветхозавѣтною суровостью противъ «скверноты езидовъ», сошелся съ христіанствомъ въ преслѣдованіи кровосмѣсительныхъ союзовъ, и на всемъ Кавказѣ установилось понятіе объ ихъ грѣховности и необходимости примѣнять къ виновнымъ въ нихъ ветхозавѣтное по источнику наказаніе—побіеніе камнями.

На приведенномъ примѣрѣ уже можно убѣдиться въ томъ вліяніи, какое «Моисеево Законодательство» оказало на нравы и обычаи кавказскихъ горцевъ.

Нѣкоторые изслѣдователи Кавказа и въ числѣ ихъ г. Пфафъ и баронъ Усларъ, пораженные тѣмъ обстоятельствомъ, что въ юридическихъ обычаяхъ горцевъ немало чертъ, напоминающихъ ветхозавѣтные порядки, на этомъ основаніи рѣшились утверждать: одни (Пфафъ), что по своему этнографическому составу нѣкоторые горцы и въ частности осетины представляютъ смѣсь арійской и семитической (еврейской) крови, другіе (баронъ Усларъ), что еврейскіе порядки привиты были горцамъ

¹⁾ Законы Вахтанга, VI отдѣлъ, Армянскіе законы, стр. 362.

²⁾ Сборникъ законовъ Вахтанга, VI, изданіе Бакрадзе, стр. 141.

хазарами, долгое время господствовавшими на сѣверномъ Кавказѣ и исповѣдовавшими, какъ извѣстно, іудейство. Никому не приходило въ голову задаться вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ армянское и грузинское законодательства содѣйствовали привитію горцамъ и въ частности осетинамъ нѣкоторыхъ юридическихъ нормъ, источникомъ которыхъ является Второзаконіе; а между тѣмъ на этой мысли стоитъ остановиться, особенно въ виду того обстоятельства, что еврейскія поселенія на Кавказѣ, насажденіе которыхъ Усларъ приписывалъ хазарамъ, на самомъ дѣлѣ, въ виду сходства ихъ языка съ средневѣковымъ персидскимъ, оказываются выходцами не съ сѣвера, а съ востока и юга. Что Моисеево законодательство принято было во вниманіе при составленіи Судебника Мехитара Гоша, въ этомъ убѣждаетъ насъ даже бѣглое знакомство съ этимъ памятникомъ армянской юриспруденціи. Самое введеніе къ Судебнику указываетъ на неоднократное обращеніе его компилятора къ книгамъ ветхаго завѣта. Если желательно вамъ знать, стоитъ въ немъ, изъ какихъ твореній или изъ какого рода сочиненій собрано нами это уложеніе, то мы пояснимъ: изъ ветхаго завѣта, даннаго въ началѣ отъ Бога Моисею, изъ новаго завѣта, Святаго Евангелія и изъ прочихъ священныхъ писаній, древнихъ и новыхъ. Взглядъ составителя Судебника на еврейскіе законы какъ нельзя лучше выступаетъ изъ слѣдующаго мѣста вступленія: «Всѣ націи, пожелавшія управляться по закону, заимствовали его отъ Моисея... и появившіяся между ними въ разное время философы соображались съ израильтянами, управляемыми закономъ Божиимъ, ибо ни у кого не было писема до Моисея, который былъ прежде всѣхъ ихъ и принялъ заповѣди Божіи до мудрецовъ и философовъ эллинскихъ и аѳинскихъ, римскихъ и египетскихъ ¹⁾»).

При такомъ заявленіи со стороны самого составителя сборника неудивительно встрѣтить въ ряду его постановленій и слѣдующую статью, цѣликомъ заимствованную изъ закона Моисея: если рогатая скотина забодаетъ до смерти мужчину или женщину, то надо побить такую скотину камнями не

¹⁾ Сборникъ законовъ Вахтанга, VI, стр. 232 и 233.

употребляя мяса ея въ пищу ²⁾. По закону Моисееву, объясняетъ Гошъ въ другой статьѣ своего судебника ¹⁾, если отъ скотины приключится кому вредъ или смерть, то ее слѣдуетъ почитать нечистой и не употреблять въ пищу даже молока отъ нея, но надлежитъ побить ее каменьями и отдать на съѣденіе псамъ. Дерево же, отъ котораго причинится человѣку смерть, срубить съ корнемъ и плода его не употреблять въ пищу.

Только что приведенныя постановленія должны быть отнесены въ одну категорію съ тѣми нормами древне-греческаго и древне-римскаго права, которыми устанавливается совершенно противный нашему юридическому сознанію судъ надъ животными и растеніями, причинившими человѣку какой-либо матеріальный вредъ. Существованіе такого суда, какъ я старался установить въ моемъ «современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ» есть явленіе весьма распространенное въ средѣ народовъ, стоящихъ на родовой стадіи общежитія, такъ какъ у нихъ злая воля преступника не принимается въ расчетъ, и преслѣдованію подлежитъ одинъ лишь матеріальный вредъ, причиненный членомъ одного рода члену другого. Неудивительно поэтому если и у кавказскихъ горцевъ помимо всякаго заимствования могло возникнуть представленіе о необходимости кровнаго или имущественнаго возмездія и въ тѣхъ случаяхъ, когда источникомъ причиненнаго вреда является неодушевленный предметъ. Но что заставляетъ меня сомнѣваться въ томъ, чтобы обычай, регулирующий у осетинъ порядокъ отвѣтственности въ случаяхъ подобнаго рода, сложился независимо отъ нормъ древне-еврейскаго права и того толкованія, какое дано было имъ армянскою юриспруденціею, это то, что между постановленіями Гошевскаго судебника и нормами осетинскаго адата существуетъ въ данномъ вопросѣ полное совпаденіе. Кладя въ основаніе своихъ постановленій Моисеевъ законъ, Гошъ существенно измѣняетъ вытекающія изъ него послѣдствія, когда говоритъ: если человѣкъ, упавшій съ дерева умереть или удавится

1) Статья 215 армянскихъ законовъ или 31 второй части Судебника Гоша.

2) Статья 369 армянскихъ законовъ — 111 первой части судебника Гоша.

на оноѣ, то дерево, яко бездушное и безсловесное, и тотъ кому оно принадлежитъ невинно. Но если хозяинъ скотины, будучи предостереженъ, что скотина его бодлива, не позаботится сбыть ее съ рукъ, то и онъ вмѣстѣ съ нею заслуживаетъ смерти (статья 215, 359 и 361 армянскихъ законовъ). Тою же смертью грозитъ хозяину бодливой скотины и осетинскій адатъ, такъ какъ допускаетъ въ этомъ случаѣ осуществленіе кровомщенія родомъ убитаго. Хозяинъ скотины только тогда можетъ избавиться отъ угрожающей его жизни опасности, когда согласится заплатить полную плату за кровь убитаго ¹⁾).

Еще нагляднѣе выступаетъ вліяніе еврейскаго законодательства на адатное право нѣкоторыхъ горцевъ Кавказа въ общемъ обонмъ требованіи съ вора шести стоимостей незаконно присвоенной имъ вещи. Источникомъ этого предписанія является «Моисеевъ законъ» опредѣленія котораго на этотъ счетъ Гошъ передаетъ въ слѣдующемъ видѣ. «Богъ бѣсѣдуя съ Моисеемъ сказалъ ему: если кто преступитъ заповѣдь мою и обманеть другого, какъ напримѣръ утаитъ порученную ему или найденную имъ вещь и поклянется въ неимѣніи оной, а впоследствии откроется, что онъ ложно поклялся, тотъ повиненъ заплатить за ту вещь шестеро (ст. 236)». Изъ армянскаго законодательства постановленіе о платежѣ воровъ шестерной стоимости похищеннаго перешло въ грузинскіе законы Вахтанна, который даже увеличилъ размѣръ взысканія, имѣя въ виду существующій въ Грузіи обычай розыскивать краденное чрезъ частныхъ сыщиковъ и доносчиковъ, къ которымъ и поступаетъ въ седьмой разъ взысканная стоимость украденнаго 154 статья законовъ Вахтанга, гласящая, что воры должны вернуть хозяину цѣнность украденнаго семь разъ, является прямой отгѣной древнѣйшаго закона Агбуги, по которому съ воровъ требовался только предписываемый римско-византійскимъ правомъ *duplum* (ст. 63 и 89). Законы Вахтанга приказываютъ брать съ вора семь разъ стоимость украденнаго лишь въ томъ случаѣ, если является лицо низшаго общественнаго состоянія, а обвороваи-

---

¹⁾ Смори Цааѣ, Народное право Осетинъ, Сб. св. о Кавказѣ, томъ II, стр. 271.

нымъ—высшаго. Но народное право нѣкоторыхъ горцевъ не знаетъ этихъ различій и облагаетъ платежемъ всемеро всякаго, кто похититъ что-либо у единоплеменника. Такъ поступаетъ въ частности обычное право тушинъ, хевсуръ и осетинъ тагаурскаго и куртатинскаго общества ¹⁾. Прочіе горцы ограничиваютъ свое требованіе съ вора установленнымъ еще римскимъ правомъ *duplum*; есть и такіе, которые не идутъ далѣе требованія вернуть украденное или его стоимость. Къ числу положеній, заимствованныхъ большинствомъ культурныхъ народовъ изъ законодательства Моисея, принадлежитъ, какъ извѣстно, и правило о необходимости по меньшей мѣрѣ двухъ свидѣтелей для установленія судебной достовѣрности. Небезинтересно поэтому то обстоятельство, что правило это пользуется всеобщимъ признаніемъ и между горцами Кавказа. Адаты черноморскихъ черкесъ за-одно съ кабардинскими требуютъ присутствія по меньшей мѣрѣ двухъ свидѣтелей при составленіи завѣщаній и обвиненіи одинаково мужчинъ ²⁾ и женщинъ въ незаконномъ сожитіи ³⁾. То же требованіе выставляютъ и осетинскіе адаты при удостовѣреніи факта подчиненія сторонъ имѣющему состояться третейскому приговору, а также данаго доказанію обѣщанія вознаграждать его услугу по розысканію вора ⁴⁾.

Отпущеніе на волю рабовъ, согласно чеченскому адату, можетъ состояться только подъ условіемъ скрѣпленія отпускной подписью двухъ свидѣтелей ⁵⁾. Для обвиненія, читаемъ мы въ описаніи гражданскаго быта чеченцевъ, составленномъ въ 1843 году, необходимо, чтобы истецъ представилъ съ своей стороны двухъ свидѣтелей ⁶⁾. Существованіе долга также доказывается у чеченцевъ письменнымъ документомъ за подписью двухъ свидѣтелей ⁷⁾. Дѣйствительность завѣщанія наконецъ зависитъ отъ выполненія этого условія ⁸⁾.

¹⁾ См. О правахъ и обычаяхъ горцевъ владикавказскаго округа. 1849 г., стр. 8, 16, 24 и 32 (Адата кавк. горцевъ, т. II, ст. 41—44).

²⁾ Адаты кавказскихъ горцевъ, т. I. Адата черном. черк. ст. 76.

³⁾ Ibid. Адаты Кабардинцевъ, ст. 113.

⁴⁾ Адаты кавк. горц., т. II. Осет. II, 68, 76, VII, 77.

⁵⁾ Ibid, чеченц., т. I, ст. 7.

⁶⁾ Ibid, стр. 29. ⁷⁾ Ibid, стр. 71. ⁸⁾ Ibid, стр. 75.

Можно почти съ увѣренностью сказать, что къ мусульманскимъ народностямъ горнаго Кавказа положеніе о минимальномъ числѣ свидѣтелей перешло изъ писаннаго закона Магомета или шаріата, который въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, слѣдуетъ правиламъ Моисеева закона.

Но какъ объяснить существованіе однохарактерныхъ нормъ въ народномъ правѣ осетинъ-христіанъ и картвельскихъ горцевъ, также являющихся послѣдователями христіанскаго ученія ¹⁾. Я полагаю, что оно проникло къ нимъ чрезъ посредство армянскихъ и грузинскихъ сводовъ. Въ Судебникѣ Мехитера Гоша стоитъ между прочимъ слѣдующая статья: «свидѣтельства **одного** человека недостаточно для удостовѣренія въ истинѣ; но для сего потребны два или три вѣрныхъ свидѣтеля (ст. 253 армянскихъ законовъ). Свидѣтелямъ, которые бы боялись Бога и имѣли попеченіе о душахъ своихъ, были бы умны, извѣстны справедливостью и достойны вѣры, судья можетъ повѣрить двумъ и безъ присяги,—постановляютъ въ свою очередь законы Вахтанга (ст. 13).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности и не утомляя болѣе вниманія читателя выписками и цитатами, я считаю себя въ правѣ сдѣлать тотъ выводъ, что армянскіе законы были тѣмъ источникомъ, изъ котораго горцы почерпнули свои свѣдѣнія о Моисеевомъ законодательствѣ.

---

¹⁾ У Пшавовъ минимальное число свидѣтелей два—(Пшавы, Этн. очеркъ. Юр. Вѣст., 1888 г., № 2.

ГЛАВА IV.

Вліяніе армянскаго и грузинскаго права.

Близкое сосѣдство и черѣдкое подчиненіе горцевъ западнаго и восточнаго Кавказа армянскимъ и грузинскимъ правителямъ невольно вызываютъ въ умѣ вопросъ о томъ, не оказало ли нѣкотораго вліянія на горскій адатъ и народное право помянутыхъ горцевъ—право ихъ южныхъ сосѣдей. Трудность, какую представляетъ рѣшеніе этого вопроса въ примѣненіи къ Арменіи, лежитъ въ томъ, что народныя элементы армянскаго права доселѣ никѣмъ не выяснены, и что главнымъ источникомъ для сужденія о томъ, каковы были обычаи армянъ въ средніе вѣка, является частная компиляція, бѣольшая половина которой цѣликомъ заимствована, какъ мы видѣли, изъ римско-византійскаго права, Моисеева закона и постановленій церковныхъ соборовъ¹⁾. Это не мѣшаетъ однако тому, что нѣкоторыя статьи судебника Гоша являются ничѣмъ инымъ, какъ записью народнаго права армянъ. Между этими статьями попадаются и такія, которыя содержатъ въ себѣ нормы, общія какъ грузинскому праву, такъ и обычаямъ кавказскихъ горцевъ. Укажу для примѣра на слѣдующія.

Въ статьѣ 251 армянскихъ законовъ упоминается о случаѣ, когда по смерти кого-либо не останется другихъ родственниковъ

---

¹⁾ Г-нъ Губе слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ составъ судебника Гошо: 125 статей его заимствованы изъ церковнаго права, 67 изъ Моисеева закона, 152 изъ римско-византійскаго права (*Zeitschrift der Savignystiftung, Rom. Abth. III, стр. 18*).

кроме брата и дочери, имѣющей мужа и дѣтей, и дочь переселится съ мужемъ и дѣтьми въ отцовское имѣніе. Относительно такой дочери приводимая статья постановляетъ: отцовское имѣніе принадлежить ей и дядя по отцу не въ правѣ ей въ томъ препятствовать.

Совершенно въ томъ же смыслѣ высказываются и грузинскіе законы Вахтанга: «если единственная дочь выйдетъ по смерти отца своего замужъ, то домъ и все движимое и недвижимое его имѣніе принадлежать ей (ст. 145)».

Обращаясь къ адатамъ кавказскихъ горцевъ намъ нетрудно будетъ отмѣтить существованіе у нихъ обычая селить зятя въ домъ невѣстки и при отсутствіи другихъ наслѣдниковъ переносить все имущество въ его руки. О предложеніи зятю жить въ домъ свекра и замѣнить ему сына и наслѣдника не разъ упоминается между прочимъ въ народныхъ сказаніяхъ кабардинцевъ ¹⁾ и осетинъ ²⁾. Обычай этотъ еще болѣе распространенъ между горами Грузіи.

Во всѣхъ деревняхъ Тіонетскаго уѣзда, населенныхъ картвельскою народностью, говоритъ г. Мачабели, доселѣ встрѣчается усыновленіе зятя. Когда крестьянинъ не имѣетъ наслѣдника мужскаго пола, онъ при жизни старается выдать дочь замужъ съ условіемъ, чтобы зять поступилъ въ его домъ и замѣнилъ ему сына-наслѣдника. Такой принятый въ семью зять называется «зедеидзе». Онъ и его дѣти носятъ фамилію того дома, къ которому принадлежить вышедшая замужъ дѣвушка ³⁾.

Не меньшее совпаденіе представляютъ армянскія, грузинскія и горскія (въ частности осетинскія) постановленія о молочномъ родствѣ и о связанныхъ съ нимъ брачныхъ запретахъ. Въ старые годы осетины и по ихъ примѣру татары-горцы соблюдали эти запреты даже въ отдаленныхъ степеняхъ—обстоятельство

¹⁾ Сб. св. о кавк. горц. вып. VI, кабардинская старина, стр. 100.

²⁾ Осетинскія народ. сказ. Шанаева: «Какъ родился Батразъ», V т. Сб. св. о кавк. горц.

³⁾ Смотри экономическій бытъ крестьянъ Тіонетскаго уѣзда Тіонетской губерніи, изслѣдованія М. В. Мачабели (матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ закавказскаго края, томъ V, стр. 396 и 397).

наглядно выступающее въ ихъ поговоркѣ: «молоко идетъ такъ же далеко, какъ и кровь». Въ настоящее время бракъ не дозволяется только между молочными братьями и сестрами ¹⁾. О такомъ же родствѣ, какъ о препятствіи вступать въ бракъ, говоритъ и статья 343 армянскихъ законовъ: «буде женихъ и неvěста—гласить эта статья—воспитаны будутъ одною кормилицею, то хотя бы между ними и не было родства, они не могутъ сочетаться бракомъ, ибо кормилица то же для нихъ значить что мать».

Въ сферѣ вещнаго права поразительную аналогію представляютъ собою горскій обычай прибрѣтать собственность на землю путемъ заимки или первоначальнаго обращенія ея подъ обработку и слѣдующая статья армянскаго судебника: «буде крестьянинъ построить домъ въ горахъ и удобрить тамъ землю, то все, что будетъ имъ присвоено, поступаетъ въ его собственность потомственно» (ст. 98 судебника Гоша). На протяженіи всей Грузіи земля, прибрѣтенная путемъ обработки, извѣстна подъ наименованіемъ «ахо». Въ Хевсуретіи, Пшавіи, Тушетіи одинаково указываютъ на трудъ, какъ на одинъ изъ титуловъ прибрѣтенія собственности, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ нѣкъмъ еще неприсвоенной земельной площади. Но всего этого недостаточно для утвержденія, что источникомъ горскаго обычая въ данномъ случаѣ является постановленіе армянскаго законодателя. Подъ именемъ *bifang*, *assartum*, *purprestura*, *purprise*, *assart lands* и т. п. заимка равно извѣстна средневѣковому нѣмецкому, французскому и англійскому праву. Старозаимочное владѣніе въ Украинѣ иллюстрируетъ намъ фактъ существованія ея въ славянской средѣ; о распространеніи ея на мусульманскомъ востокѣ можно составить себѣ представление по тѣмъ нормамъ, какія на счетъ прибрѣтенія собственности трудомъ рукъ содержитъ законодательство одинаково сунитовъ и шиитовъ. Въ виду повсемѣстности отмѣченнаго нами явленія невозможно говорить о заимствованіи его изъ той или иной среды и приходится допустить фактъ самопроизвольнаго его развитія одинаково въ Арменіи и на Кавказѣ. Въ приведен-

¹⁾ Современный обычай и древній законъ, т. 1, стр. 313 и 314.

ныхъ доселѣ аналогіяхъ нельзя такимъ образомъ видѣть еще доказательствъ заимствованія тѣхъ или другихъ нормъ горскаго обычая изъ армянскаго законодательства, такъ какъ ничто не мѣшаетъ предположить, что общность бытовыхъ условій вызвала наступленіе одинаковыхъ юридическихъ порядковъ и въ Арменіи, и въ Грузіи, и въ Осетіи. Еще менѣ оснований говорить о заимствованіи даетъ фактъ существованія нѣкогда у армянъ обычая кровной мести, отъ которой въ эпоху редактированія Гошевскаго судебника сохранилось одно право уголовныхъ выкуповъ или композицій ¹⁾. Кровная мечь, какъ не разъ уже было сказано, составляетъ общую характеристику тѣхъ обществъ, основу которыхъ составляетъ родовое устройство. Недопущеніе на первыхъ порахъ армянскихъ женщинъ къ наслѣдованію, о которомъ идетъ рѣчь въ отмѣняющемъ такой порядокъ законѣ Юстиніана ²⁾, также свидѣтельствуетъ только объ общности бытовыхъ условій древнихъ армянъ съ тѣми, которыми доселѣ живутъ горцы Кавказа. Упоминаемая же 107 статьею судебника ³⁾ семейная община, при которой продажи и покупки «могутъ происходить не иначе, какъ съ вѣдома и согласія всѣхъ сыновей и дочерей», вполне подтверждаетъ эту догадку и даетъ ключъ къ пониманію причинъ, по которымъ имущественное и договорное право армянъ во многомъ приближаются къ типу того, какое представляютъ намъ горцы Кавказа.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однако, чтобы совпаденіе горскихъ и армянскихъ порядковъ никогда не могло служить указателемъ того вліянія, какое болѣе развитой бытъ Арменіи оказалъ на сосѣднія съ нимъ народности. Раннее и широкое распространеніе въ Арменіи торговаго оборота необходимо должно

---

¹⁾ Хотя прежде, постановляетъ статья 213 законовъ армянскихъ, и полагалось око за око, зубъ за зубъ, рука за руку, нога за ногу, рана за рану, ударъ за ударъ,—но сей законъ по милосердію Божію отмѣненъ евангельскимъ ученіемъ, и за кровь человека принимается денежное удовлетвореніе, смотря по важности дѣла и по различію членовъ тѣла.

²⁾ Edictum III, 535 и Novella XXI, 536. Оба приведены Дарестомъ Etudes d'histoire du droit, глава о грузинскомъ правѣ.

³⁾ Статья 367 судебника Гоша.

было содѣйствовать выработкѣ такихъ сторонъ ея права, которыя одновременно не могли развиваться въ средѣ живущихъ вдали отъ торговыхъ путей горцевъ Кавказа.

Договорное право въ частности получило въ Арменіи такую разработку, что прочимъ народностямъ Кавказа осталось только заимствовать ея нормы, съ тѣмъ, чтобы примѣнить ихъ къ собственному быту съ тѣми измѣненіями, конечно, какія потребовали не сходныя бытовые условія. Къ числу такихъ заимствованныхъ нормъ надо отнести тѣ, какія регулируютъ собою порядокъ установленія залога и права кредитора на данное ему въ обезпеченіе имущество.

Въ ряду другихъ нормъ залоговаго права армянскому судейнику извѣстно и то, при которомъ кредиторъ взаимѣнъ слѣдующихъ ему процентовъ пріобрѣтаетъ право пользоваться заложенымъ ему должникомъ имуществомъ. Къ этому виду залоговъ относятся слѣдующія постановленія 233 и 133 ст. армянскихъ законовъ. «Если кто возьметъ въ залогъ домъ или землю съ водою, или что другое, и залогъ останется у него на долгое время, такъ что онъ воспользуется доходами съ залога свыше слѣдующихъ процентовъ, то излишекъ зачестъ въ плату капитала». «Кто, занявъ деньги, отдастъ заимодавцу въ залогъ землю подъ условіемъ пахать оную и пользоваться въ замѣнъ процентовъ, тотъ послѣ имѣетъ заплатить одинъ только капиталъ; если же заложить лошадь, осла, корову или овецъ съ условіемъ употреблять изъ нихъ рабочихъ въ работу, а отъ дойныхъ получать молоко, то снмъ и пользоваться ему взаимѣнъ процентовъ; приплодъ же отъ скота принадлежитъ первому, если оный также не предоставленъ заимодавцу съ обязанностью удовлетворить пастуха за пастьбу; буде же дана въ залогъ служанка, то службу ея считать за проценты, а если въ залогъ отданъ сынъ, то по уплатѣ капитала съ процентами возвратитъ его отцу». Въ древнѣйшихъ законахъ Грузіи Георгіи ни словомъ не упоминается о залогѣ съ передачей права пользования имъ кредитору. Рѣчь о немъ заходитъ впервые въ законахъ Агбуги въ серединѣ XV столѣтія. Не устанавливая прямо армянской формы залога, законодатель въ то же время отдаетъ ей рѣшительное предпочтеніе. Гораздо лучше, говорить

онъ, чтобы въ облегченіе должника кредиторъ довольствовался одними доходами заложенного ему имѣнія (ст. 84). Это факультивативное предписаніе повидимому вошло въ нравы. Въ сборникѣ обычаевъ, введенныхъ въ Грузію закономъ, мы читаемъ: «Когда кто какое-либо недвижимое свое имѣніе отдавалъ за нѣкоторую сумму подъ закладъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто процентовъ пользоваться доходами закладнаго имѣнія, и прописываемо было въ бумагѣ такъ: «на сколько времени деньги твои останутся у меня, ты не будешь требовать процентовъ, равно и я доходовъ заложенного мною имѣнія»,—въ такомъ случаѣ, пока замодавецъ не получалъ сполна капиталъ, до тѣхъ поръ не отбирали у него закладнаго имѣнія, какъ бы долго ни владѣлъ онъ имъ и хотя бы болѣе получалъ доходовъ, нежели сколько слѣдовало бы ему процентовъ». «Статья 233 армянскихъ законовъ по сему обычаю примѣнялась» — читаемъ мы въ заключеніе приведенной статьи, и это утвержденіе можетъ быть признано вѣрнымъ съ тою оговоркой, что грузинскій обычай въ своемъ воспріятіи нормъ армянскаго права по вопросу о залогѣ отнесся къ нимъ довольно самостоятельно и отвергнулъ между прочимъ тѣ мѣры, какія судебникъ Мехитара Гоша принимаетъ на случай превышенія доходомъ отъ залога размѣра слѣдующихъ кредитору процентовъ. Эта подробность интересна для насъ потому, что даетъ право утверждать, что въ обычай горцевъ нормы армянскаго закладнаго права проникли не въ ихъ первоначальной формѣ, а съ тѣмъ характеромъ, какой приданъ былъ имъ законами грузинскихъ царей.

Въ Осетинъ обезпеченіе долга залогомъ недвижимости или движимости подъ условіемъ перехода права пользованія на кредитора извѣстно подъ наименованіемъ «бавстау». Пользованіе кредиторомъ залогами исключаетъ всякое право его на получение процентовъ. Оно продолжается до момента окончательной расплаты и не допускаетъ возможности какихъ-либо вычетовъ въ случаѣ превышенія доходомъ отъ залога размѣра положенныхъ по обычаю процентовъ ¹⁾.

Тотъ же видъ залога встрѣчается въ средѣ балкарцевъ подъ

---

¹⁾ Современный обычай и древній законъ т. I, стр. 214 и 215.

наименованіемъ «бегенды». Наконецъ въ Хевсуретин, Пшавин и Тушетин залогъ также предполагаетъ за кредиторомъ право замѣнъ процентовъ извлекать доходъ изъ заложенного ему имущества ¹⁾).

Если мы перейдемъ въ настоящее время къ Грузин и спросимъ себя, въ какой мѣрѣ ея старинное законодательство находитъ отраженіе себѣ въ дѣйствующемъ обычаѣ горцевъ, то намъ придется остановиться не на такихъ общераспространенныхъ явленіяхъ, какъ семейная община, кровная месть, система уголовныхъ выкуповъ или композицій, родовая презмція и родовой выкупъ, исключеніе женщинъ отъ наследованія въ родовомъ имуществѣ, рѣшеніе судебныхъ споровъ на основаніи присяги отвѣтчика и присяги его родственниковъ и односельчанъ, — а на такихъ болѣе конкретныхъ явленіяхъ, какъ опредѣленіе пропорцій, въ какой платежъ за отдѣльные виды увѣчья стоитъ къ выкупу за убійство.

Въ законахъ Георгія V (1318—1346 годъ), древнѣйшихъ изъ тѣхъ которые извѣстны въ Грузин, значително, что убійца обязанъ немедленно погннуть свое жилище и оставаться въ изгнаніи срокомъ отъ двухъ до трехъ лѣтъ ²⁾). Это правило принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя равно примѣняются доселѣ какъ въ западномъ, такъ и на восточномъ Кавказѣ. Мы находимъ его не только въ средѣ картвельскихъ народностей—у хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, но и на протяженіи почти всего Дагестана. Замѣтимъ при этомъ, что шаріатъ ни словомъ не упоминаетъ о немъ, и что присутствіе его въ дагестанскомъ адатѣ отнюдь не можетъ быть отнесено поэтому къ вліянію писаннаго права магометанъ.

Законы Георгія, предназначенные, какъ сказано въ ихъ текстѣ, для горскихъ народностей Кавказа, наложили также свою печать и на дѣйствующую доселѣ въ ихъ средѣ систему выкуповъ. Размѣръ взысканія, полагаемаго обычаемъ за отдѣльные виды увѣчий и ранъ—приблизительно тотъ самый, какой установленъ былъ Георгіемъ въ серединѣ XIV-го вѣка. Въ законахъ этого

1) Свидѣнія, собранныя на мѣстахъ.

2) Законы Вахтанга, отдѣль законы Георгія.

царя мы читаемъ: «За отсѣченіе или за совершенное поврежденіе правой руки слѣдуетъ третья часть удовлетворенія за кровь (ст. 33); лѣвша получаетъ удовлетвореніе за отсѣченіе лѣвой руки какъ за правую (ст. 34); за вышибъ глаза, за совершенное поврежденіе или отсѣченіе ноги слѣдуетъ четвертая часть удовлетворенія за кровь (ст. 35); за совершенное поврежденіе въ дракъ обѣихъ рукъ, или обѣихъ ногъ, или же обѣихъ глазъ, т. е. изъ сихъ 6-ти членовъ двухъ вмѣстѣ, слѣдуетъ половинное удовлетвореніе за кровь по достоинству рода и вознагражденіе за издержки на лѣченіе; за поврежденіе же одного изъ тѣхъ членовъ въ каждой дракъ, а не двухъ вмѣстѣ, поступить по вышеписанному (ст. 36); за отсѣченіе или совершенное поврежденіе большого пальца взыскать половину удовлетворенія, слѣдующаго за руку, смотря по тому правой ли или лѣвой руки палецъ; въ случаѣ же отсѣченія или совершеннаго поврежденія какого-нибудь другаго пальца, лишившемуся онаго слѣдуетъ третья часть полного удовлетворенія за руку (ст. 37); за каждую рану на покрываемомъ одеждою мѣстѣ, неизувѣчивающую раненнаго, сдѣлать ему удовлетвореніе, слѣдующее за одну обиду по достоинству рода, и вознаградить его за издержки на лѣченіе (ст. 38); за вышибъ каждаго изъ переднихъ 4-хъ верхнихъ и 4-хъ нижнихъ зубовъ взыскать съ виновнаго слѣдующее за двѣ обиды удовлетвореніе по состоянію его и достоинству рода (ст. 39); за вышибъ же каждаго изъ прочихъ зубовъ сдѣлать взысканіе, слѣдующее за одну обиду (ст. 40).

Позднѣйшіе по времени законы Бека, извѣстные подъ именемъ законовъ внука его Агбуги, а также законы царя Вахтанга VI внесли лишь немногія перемены въ только-что приведенную скалу выкуповъ или композицій.

За вышибъ передняго или задняго зуба Бека опредѣлили то же взысканіе, что и за отсѣченіе пальца (ст. 9 законовъ Агбуги). Поврежденіе: глаза, руки, ноги, вышибъ передняго зуба и нанесеніе лицевой раны поставлены имъ на одну доску и обложены половиннымъ удовлетвореніемъ за кровь; за вышибъ-же задняго зуба опредѣлено взыскивать лишь пятую часть того же платежа (статьи 125, 143 и 444 законовъ Агбуги). Воз-

становляя тотъ же размѣръ выкупа за отсѣченіе руки, ноги и выколъ глаза, который опредѣленъ законами Георгія, Вахтангъ одновременно уравнивалъ по уголовнымъ послѣдствіямъ вышибъ передняго и задняго зуба, мотивируя эту мѣру слѣдующимъ соображеніемъ: лишеніе переднихъ зубовъ безобразить человѣка, задніе же нужны ему для пищи; будучи одинаково необходимы человѣку, передніе и задніе зубы одинаково охраняются закономъ.

За каждый вышибленный зубъ Вахтангъ, придерживаясь законовъ Георгія, опредѣлилъ то же взысканіе, что и за отсѣченіе пальцевъ руки. Примѣняя то же начало соразмѣрности взысканія съ размѣромъ причиненнаго кому либо матеріальнаго вреда, Вахтангъ за отсѣченіе уха и носа установилъ тотъ же выкупъ, что и за отсѣченіе руки. За отнятіе пальца отъ ноги взыскивается въ половину меньше того, что опредѣлено за отсѣченіе пальца отъ руки. «Палецъ отъ ноги, замѣчаетъ Вахтангъ, не можетъ равняться съ пальцемъ отъ руки: отсутствіе его не столь замѣтно и не является въ такой мѣрѣ препятствіемъ для дѣйствія, въ какой отсутствіе одного изъ пальцевъ руки. За всякую лицевую рану, безобразящую человѣка и не настолько значительную, чтобы въ нее можно было вложить мизинецъ, предписано то же вознагражденіе, что и за отсѣченіе руки. По отношенію же къ прочимъ ранамъ приняты слѣдующія мѣры: раны предписано измѣрять ячменными зернами и за каждое зерно, вошедшее въ рану, взыскивать по одной коровѣ. Такой размѣръ опредѣляется впрочемъ лишь тогда, когда рана нанесена холоднымъ оружіемъ. Наоборотъ въ томъ случаѣ, когда она причинена выстрѣломъ изъ ружья, пистолета или лука, ударомъ копья или дротика, размѣръ вознагражденія увеличивается вдвое (статья 44 и 49 законовъ Вахтанга). Лѣченіе и содержаніе раненаго, какъ общее правило, падаютъ на поранителя.

Сопоставимъ теперь съ этими предписаніями грузинскихъ законодателей тотъ размѣръ вознагражденія, какой обычное право горцевъ опредѣляетъ въ случаяхъ отдѣльныхъ видовъ увѣчій и раненій. Въ Пшавіи, Хевсуретіи и Тушетіи ¹⁾ за убій-

¹⁾ Смотри Эристова о тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ въ запискахъ кавказскаго отдѣла русскаго географическаго общества 53 годъ, стр.

ство—60 коровъ, за увѣчье руки и ноги установленъ выкупъ въ 30 коровъ, и то же число коровъ предписано взимать при отрѣзаніи носа и выколѣ глаза. Что касается до пальцевъ рукъ, то картвельскіе горцы устанавливають слѣдующія различія: цѣну большого пальца они опредѣляютъ въ 5 коровъ, указательнаго въ 4, средняго въ 3, четвертаго въ 2 и мизинца въ одну корову. Относительно ранъ мы встрѣчаемъ у нихъ то же правило объ измѣреніи ихъ хлѣбными зернами, что и въ законахъ Вахтанга, съ слѣдующими только различіями: рана измѣряется въ перемежку ячменными и пшеничными зернами; одно кладется вдоль, другое поперекъ; за каждое зерно взыскивають одну корову. Треть всего взысканія скидывается хевсурами, согласно и на этотъ разъ съ предписаніями Вахтангова Сборника, постановляющаго, что третью часть слѣдуемаго обиженному удовлетворенія царь и католикосъ должны простить (статья 24 законовъ Вахтанга). Если раненію подвергнется часть тѣла, покрытая волосами, то разиѣръ вознагражденія уменьшается на половину. Когда же рана нанесена была въ черепъ, такъ что обнаружится мозгъ, раненіе приравнивается къ увѣчью и облагается половиннымъ платежемъ за кровь. Плата лѣкарю и издержки по содержанію больного всецѣло падаютъ на лицо, причинившее раны.

У сванетовъ увѣчье, къ числу которыхъ одинаково относятся: отсѣченіе руки и ноги, выколѣ глаза и отрѣзаніе уха и носа, какъ общее правило, ведутъ къ платежу, равному; половинѣ того, который взыскивается въ случаяхъ убійствъ. Что касается до раненій, то сванеты различаютъ тѣ, которыя сдѣланы ружьемъ и пистолетомъ, отъ тѣхъ, которыя причинены кинжаломъ или шашкой; первыя считаются болѣе тяжкими нежели вторыя. Лицевыя раны, сдѣланныя огнестрѣльнымъ оружіемъ, подобно увѣчьямъ ведутъ къ платежу половинной платы за кровь. Издержки по лѣченію и содержанію раненаго несетъ поранитель ¹⁾.

Платежемъ въ половину меньше того, какой полагается за

132 и 133. Мачабели. Экономическій бытъ крестьянъ Тіонетскаго уѣзда, стр. 369, примѣчаніе.

¹⁾ Повѣдка въ Сванетію Иванюкова и Бовалевскаго.

убійство, карають также осетины слѣдующіе виды увѣчій: отсѣченіе руки, ноги, носа, уха и выколъ глаза. За отсѣченіе отдѣльныхъ пальцевъ руки полагается тотъ же размѣръ взысканія, что и у хевсуръ ¹⁾. Баронъ Гакстгаузенъ имѣлъ случай убѣдиться, что осетины прибѣгаютъ къ тому же способу опредѣленія важности ранъ, какой доселѣ удержался въ средѣ пшавовъ и хевсуръ. О ранѣ говорятъ у нихъ: она имѣетъ въ длину 10, 12 и т. д. зеренъ ячменя. За каждое зерно обидчикъ обязанъ отдать корову, но далѣе 12 коровъ взысканіе не идетъ ²⁾. Лѣкаря нанимаютъ поранитель; на него же падаетъ и содержаніе раненаго до исцѣленія.

Тотъ же размѣръ выкуповъ за отдѣльные виды увѣчій извѣстенъ былъ до послѣдняго времени и балкарацямъ.

Въ Хуламѣ и Чегемѣ, въ Балкарахъ и въ Урузбѣевскомъ аулѣ отсѣченіе ноги, руки или выколъ глаза оплачивались въ половину меньше противъ убійства—точь въ точь какъ въ любомъ осетинскомъ аулѣ.

У чеченцевъ и ингушей размѣръ удовлетворенія, требуемаго за остѣченіе руки и ноги, выколъ глаза и отрѣзаніе носа или уха, приблизительно тотъ же, что и въ Осетіи: онъ равняется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ половинѣ платежа, требуемаго за убійство.

Отдѣльные пальцы руки оцѣнивались какъ у осетинъ: за большой палецъ полагалось взысканіе 5 коровъ, за указательный 4, за средній 3, за безымянный 2 и за мизинецъ одной ³⁾. Плата за лѣченіе раны падала на виновнаго.

Сравнивая размѣръ вознагражденія, требуемаго за увѣчья законами Агбуга, съ тѣмъ, какого придерживаются горцы западнаго Кавказа, трудно придти къ заключенію о существующемъ между ними тождествѣ. Въ свою очередь рекомендуемый сборникомъ Вахтанга способъ опредѣленія важности ранъ, за одно съ правиломъ о покрытіи издержекъ лѣченія и содержанія

¹⁾ Современный обычай и древній законъ, т. II, стр. 137.

²⁾ Закавказскій край, страница 108.

³⁾ Харузинъ. Замѣтки о Юридическомъ бытѣ Чеченцевъ и Ингушей. (Сб. Матер. по Этнографіи, изд. при Дашковск. музеѣ, выс. III, стр. 139).

больного лицомъ причинившимъ раненіе—доселѣ находятъ полное признаніе въ ежедневной практикѣ горцевъ. Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ поводъ думать, что грузинское законодательство не осталось чуждымъ образованію горскаго адата въ примѣненіи къ увѣчьямъ и раненіямъ и что вліяніе его равно сказалось и въ опредѣленіи того отношенія, въ какомъ выкупъ за увѣчье стоитъ къ выкупу за убійство, и въ установленіи сажого способа опредѣлять размѣръ слѣдуемыхъ за раны композицій, и въ фактѣ возложенія на виновнаго издержекъ по лѣченію и содержанію.

Къ числу не менѣе рѣзкихъ примѣровъ воздѣйствія грузинскаго права на горскій адатъ надо отнести тотъ, какой представляетъ собою порядокъ раздѣла наслѣдства между сыновьями и выдѣленія изъ наслѣдства особыхъ добавочныхъ долей для старшаго, младшаго и средняго брата.

Грузинскій законъ заключаетъ въ себѣ на этотъ счетъ слѣдующія постановленія: при раздѣлѣ изъ общаго имѣнія берется за старшинство, за меньшинство и за срединство. Изъ каждыхъ двадцати крестьянскихъ дворовъ слѣдуетъ давать старшему два двора; одинъ богатѣйшій по собственному его выбору, а другой бѣднѣйшій по выбору его братьевъ; такимъ же образомъ выдѣлять ему за старшинство и изъ людей, неимѣющихъ садовъ и безземельныхъ (ст. 100).

О преимущественномъ наслѣдованіи средняго брата статья 102 говоритъ слѣдующее: прежде ничего особеннаго не выдѣляли среднему брату, но царь Георгій и за срединство установилъ особый выдѣлъ изъ общаго имѣнія. Эта ссылка на законы Георгія нисколько не оправдывается ихъ содержаніемъ. Мы имѣемъ такимъ образомъ основаніе предполагать, что преимущественное наслѣдованіе средняго брата принадлежитъ къ числу исконныхъ обычаевъ грузинъ, возникшихъ за-долго до появленія законовъ Георгія. Относительно самаго порядка выдѣленія добавочной доли среднему брату законникъ Вахтанга постановляетъ: изъ каждыхъ двадцати дворовъ крестьянъ выдѣляется по одному двору среднимъ братьямъ между старшимъ и младшимъ, при чемъ преимущество оказывается тому, кто больше трудился на пользу дома (ст. 102).

Преимущественное наследование старшаго и средняго брата не исключаетъ добавочнаго платежа въ пользу младшаго. Ему за меньшинство отдается домъ, отцемъ или братьями построенный, со всѣми постройками, находящимися, въ усадебной чертѣ, и прилегающимъ къ нему садомъ, а также гумно и мякинница, обыкновенно лежащія внѣ этой черты (ст. 103).

Сопоставляя съ этими порядками наследованія тѣ, съ которыми знакомить насъ обычное право осетинъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ Осетіи практиковались при семейныхъ раздѣлахъ тѣ же приблизительно правила, что и въ Грузіи. Добавочная доля старшаго въ наследованіи извѣстна у осетинъ подъ наименованіемъ «хестагъ», младшаго «кастагъ», средняго «астаукакъ». О сборникѣ осетинскихъ адатовъ, сдѣланномъ въ 1866 году, встрѣчаются слѣдующія подробности о порядкѣ выдѣла этихъ долей. Въ Стырдагорѣ дѣлятъ все имѣніе на части такимъ образомъ, чтобы число ихъ единицей превышало число дѣлящихся братьевъ; двѣ части затѣмъ отдаются старшему, остальные поступаютъ къ прочимъ братьямъ. Младшему дается излишекъ изъ движимости и рабочаго скота.

Въ Дигоріи, когда наследниками останутся трое, четверо и болѣе братьевъ, и предстоитъ раздѣлить, положимъ, 10 участковъ земли, лица, производящія дѣлежъ, выбравши одинъ участокъ, обыкновенно самый большой и самый лучшій, дѣлятъ его по числу братьевъ; затѣмъ старшему брату предоставляется остановить свой выборъ на какомъ нибудь участкѣ и, раздѣливъ его на три части, взять себѣ двѣ, а третью предоставить младшему; оставшіеся затѣмъ 8 участковъ поступаютъ въ равный раздѣлъ между братьями. И при раздѣлѣ движимости, хотя и въ меньшей степени, соблюдаются преимущества старшаго и младшаго брата. Добавочная доля средняго брата всецѣло берется изъ одной движимости; она рѣдко превышаетъ собою стоимость одного, двухъ быковъ. Самый выдѣлъ ея далеко не составляетъ общей черты всѣхъ безъ исключенія осетинскихъ ауловъ.

Я нашелъ упоминанія о немъ въ новохристіанскомъ селеніи, жители котораго—переселенцы изъ Дигоріи; о немъ говорится также въ адатахъ Касагонскаго Ущелья ¹⁾.

¹⁾ Ср. современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 327 и слѣд.

Совпаденіе грузинскаго и осетинскаго обычая по вопросу о добавочныхъ доляхъ, одновременно выдѣляемыхъ въ пользу старшаго, младшаго и средняго брата, интересно не только потому, что указываетъ на возможность воздѣйствія грузинскаго права на осетинское, но и потому, что говоритъ намъ о близости обоихъ къ праву древней Индіи, законодательные сборники которой, и въ числѣ ихъ Васшита и Гаутама, заводятъ рѣчь о преимуществахъ, признаваемыхъ при наслѣдованіи за старшимъ, младшимъ и среднимъ братомъ ¹⁾. О непосредственномъ заимствованіи изъ Индіи этой характерной особенности наслѣдственнаго права не можетъ быть конечно и рѣчи; но ничто не мѣшаетъ предположенію, что перво-источникомъ ея одинаково для осетинъ и грузинъ послужило ближе всего стоящее къ индусскому праву иранское законодательство. Его нормы по вопросу о наслѣдованіи не дошли до насъ, такъ какъ содержащія ихъ книги Авесты навсегда затеряны. Не можетъ ли въ данномъ случаѣ осетинское и грузинское право, въ виду его совпаденія съ индусскимъ, служить указателемъ того, что преимущественное наслѣдованіе старшаго, средняго и младшаго брата извѣстно было и древнему Ирану. Такой порядокъ не только не противорѣчитъ, но и непосредственно вытекаетъ изъ его религіознаго и общественнаго строя: изъ признаваемого имъ культа домашняго очага и той преимущественной роли, какую въ этомъ культѣ играетъ продолжатель рода—старшій сынъ; и далѣе изъ факта совмѣстнаго сожитія младшаго съ отцомъ и выдѣла прочихъ при жизни, благодаря чему, при смерти отца, лицомъ, не имѣющимъ усадьбы, является одинъ младшій сынъ.

Если признать правильность этой догадки, то совпаденіе грузинскаго закона съ осетинскимъ обычаемъ найдетъ объясненіе себѣ въ томъ воздѣйствіи, какое культура Авесты оказала на древнюю Грузію и черезъ ея посредство—на Осетию.

Къ числу несомнѣнныхъ заимствованій, сдѣланныхъ изъ Грузій горскимъ адатомъ, надо отнести и тѣ элементы сословности, какіе заключаетъ въ себѣ обычное право абхазцевъ или юж-

---

¹⁾ Gautama (Sacred books of the East), XXVIII—Vasishtha (ibid), XVII, стр. 14 и 35.

ныхъ осетинъ—туальтцевъ. Въ Абхазіи, какъ и въ Грузіи, высшее сословіе распалось на классъ князей, называемыхъ тавадами» и на простыхъ дворянъ (азнауры въ Грузіи, амиста въ Абхазіи). Размѣръ выкупа за убійство зависѣлъ одинаково въ Грузіи и Абхазіи отъ принадлежности жертвы къ тому или другому классу дворянъ ¹⁾.

И той, и другой странѣ одинаково были извѣстны зародыши средняго сословія, высшіе слои котораго, составленные изъ богатыхъ купцовъ «макалаковъ», ставились въ Грузіи при опредѣленіи слѣдуемыхъ за ихъ убійство выкуповъ на одну доску съ второкласными дворянами.

Приблизительно тѣми же преимуществами пользовалось въ Абхазіи сословіе «шмакма»—своего рода личные, а не потомственные дворяне, получившіе это право отъ владѣтеля Абхазіи (такъ-называемаго «ахъ»). Сословіе это подобно дворянамъ владѣло землею и крестьянами; члены его избавлены были отъ податей наравнѣ съ грузинскими азнаурами.

Низшіе классы общества одинаково были представлены въ Грузіи и Абхазіи, во первыхъ, «вольными людьми», отвѣчающими понятію средневѣковыхъ «libri homines». Тѣ изъ нихъ, которые селились на земляхъ помѣщиковъ (князей и дворянъ), вступали къ нимъ въ отношенія наслѣдственныхъ арендаторовъ, обязанныхъ опредѣленною платою и опредѣленною работою: лѣтомъ они приносили помѣщику ягненка, зимою барана и отъ 5 до 8 мѣръ кукурузы. Въ большинствѣ случаевъ вольные люди работали на помѣщика только три дня въ году: весною одинъ день удѣляемъ былъ на пахоту помѣщичьяго поля собственнымъ скотомъ и сохою; лѣтомъ полотьба сорныхъ травъ, подбивка кукурузы и уборка хлѣба отымали у нихъ еще два дня. Къ числу этихъ натуральныхъ повинностей присоединялась еще почетная обязанность сопровождать господина въ его поѣзкахъ, обыкновенно верхомъ на собственной лошади.

При выходѣ дѣвушки замужъ изъ семейства вольнаго человѣка, отецъ ея или братъ обязаны были сдѣлать землевладѣльцу подарокъ, напоминающій собою средневѣковой «maritagium». При

---

¹⁾ Сравни постановленія 26—31 статьи законовъ Вахтанга.

неимѣніи наслѣдниковъ мужскаго пола, недвижимое имущество вольнаго человека поступало въ руки земельного собственника, наслѣдственные права котораго такимъ образомъ существенно не отличались отъ тѣхъ, какими пользовался на Западѣ феодалный сеніоръ по отношенію къ выморочному имуществу своего вассала ¹⁾).

Вторую категорію зависимыхъ сословіи составляли вольные крестьяне, извѣстные въ Абхазіи подъ наименованіемъ «анхоэ»; Они надѣлены были правомъ свободнаго перѣхода отъ одного земельного собственника къ другому. Право это носило въ Абхазіи наименованіе «ассаства» и соответствовало тому, какииъ въ Грузіи пользовались «глейхи» или лица добровольно отдавшія себя въ крестьянство. Не имѣя земельной собственности, «анхоэ» подобно «глейхамъ» получали ее отъ князей и дворянъ взаи́мъ разъ навсегда установленныхъ путемъ соглашенія службъ и платежей. Обыкновенный размѣръ тѣхъ и другихъ былъ слѣдующій: «анхоэ» не работали на господина болѣе трехъ дней въ недѣлю; за то съ своихъ достатковъ они отдавали ему значительную часть, такъ напри́мѣръ половину ежедневнаго удоя коровъ и козъ. Анхоэ обязанъ былъ также пасти и стеречь стада помѣщика. На обязанности его лежало нерѣдко также прокормленіе въ зимнее время помѣщичьихъ лошадей и части его рогатаго скота. Женщины, принадлежавшія къ семейству крестьянина, исполняли обыкновенно обязанности служанокъ въ домѣ помѣщика.

За притѣсненія и обиды крестьянинъ имѣлъ право привлечь помѣщика къ суду, который, удостовѣрившись въ справедливости обвиненія, могъ освободить крестьянина отъ дальнѣйшей зависимости.

Третью категорію зависимыхъ сословіи составляли крѣпостные, которыхъ абхазцы называли «агруа», а грузины «мзахури» ²⁾). Они составляли собственность помѣщика, не пользовались правомъ перехода и работали на помѣщика круглый годъ. Крѣпостное право устанавлилось всего чаще происхожденіемъ, по-

---

1) См. для Грузіи акты кавк. археогр. комиссіи, т. VII, стр. 26.

2) Reise nach dem kaukasischen Isthmus von Roch, т. II, стр. 299.

упкой, пожалованіемъ отъ царя, кабалою, женитьбой на чьейнибудь крестьянкѣ, обращеніемъ въ несвободное состояніе неспособнаго уплатить пеню вора, каждый разъ когда воровство сдѣлано было въ предѣлахъ чьего либо дома.

На самой низшей ступени общественной лѣстницы стояли такъ называемые рабы («ахашала» у абхазцевъ, «мона» у грузинъ). Ими, какъ общее правило, являлись иноплеменники, добытые грабежемъ, покупкою или войной; владѣть ими могли всѣ прочія сословія, не исключая и крестьянъ. Рабъ считался собственностью господина, который по произволу могъ продать, подарить и даже убить его. Тогда какъ владѣлецъ не имѣлъ права разлучить крѣпостнаго съ его женою, раба можно было продать и отдѣльно отъ жены ¹⁾.

Меньшую выработку получили сословныя отношенія въ Осетіи, въ которую понятія личной несвободы и крѣпостничества также занесены были изъ Грузіи путемъ пожалованій, дѣлаемыхъ въ разное время царями въ пользу арагвскихъ и ксанскихъ эриставовъ—своего рода губернаторовъ, выродившихся со временемъ въ феодальныхъ сеньеровъ ²⁾.

Причиной тому было замѣщеніе должности эриставовъ неизмѣнно членами одной и той же династіи. Эристами въ Грузіи назначаемы были неизмѣнно члены однихъ и тѣхъ же семей и родовъ. Это обстоятельство въ такой же мѣрѣ содѣйствовало переходу ихъ изъ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ въ феодальныхъ сеньеровъ, въ какой наследственное исправленіе графской должности въ предѣлахъ Карловингской имперіи содѣйствовало обращенію ея носителей въ ленныхъ владѣльцевъ. Осуществляя изъ поколѣнія въ поколѣніе права верхов-

¹⁾ См. «Очеркъ общественно-политическаго быта Абхазіи и Самуракани» (III вып. Сб. св. о кавк. горц., стр. 13 и слѣд.). «Съ сѣверо-восточнаго побережья Чернаго моря» Ив. Аверіева, ч. II, стр. 26 и слѣд. (Сборникъ газеты Кавказъ, т. I). Пурцеладзе. Грузинскія дворянскія грамоты. Калантаровъ. Крѣпостное право въ Грузіи (Сб. свѣд. о Кавказѣ, т. II).

²⁾ Примеръ такого пожалованія представляетъ намъ грамота царя Александра отъ 1737 г., которой Бармію Мачабели отданы въ крестьянство осетяны Джавскаго ущелья. (Пурцеладзе. Дворянскія грамоты, стр. 17).

ныхъ судей, полицейскихъ агентовъ и налоговыхъ сборщиковъ, эриставы воспользовались широтою предоставленныхъ функций для установленія системы чисто-личной зависимости поселенныхъ въ ихъ округахъ крестьянъ отъ членовъ своего семейства. Упроченію этой зависимости въ Грузіи, какъ и на Западѣ Европы, содѣйствовалъ еще фактъ надѣленія эриставовъ царями въ награду за ихъ службу значительными участками въ предѣлахъ состоявшихъ въ ихъ управленіи округовъ. Эта «terra comitalis» (употребляя выраженіе карловингскихъ дипломовъ) сдѣлалась тѣмъ ядромъ, изъ котораго развились обширныя помѣстья эриставовъ, заселенныя дотогѣ свободными крестьянами; помѣстья эти приобрѣли постепенно характеръ феодальныхъ леновъ и жители ихъ перешли въ ряды крѣпостныхъ людей, удерживая право владѣть землею не иначе, какъ подъ условіемъ несенія извѣстныхъ повинностей и платежей въ пользу своихъ сеньеровъ. Систему отношеній, въ первые возникшую на жалованныхъ имъ земляхъ, эриставы старались обобщить, распространяя ее на участки, не входившіе въ составъ пожалованія и занятые по прежнему свободными поселенцами.

Путемъ захватовъ, нерѣдко вызывавшихъ возстанія въ мѣстномъ населеніи приводимомъ къ покорности каждый разъ силою оружія, эриставы сдѣлались современемъ верховными собственниками большей части земель южной Осетіи и распространили на ея жителей начала крѣпостной зависимости и службы. Исключеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи составили только тѣ изъ осетинъ, которые, живя въ недоступныхъ по своей природѣ горныхъ ущельяхъ, фактически не признавали надъ собою власти эриставовъ—ни какъ чиновниковъ грузинскаго государства, ни какъ феодальныхъ собственниковъ. Но и по отношенію къ горскому населенію эристамъ нерѣдко удавалось установить нѣкоторую степень подчиненія и зависимости. Строя свои замки и крѣпости при самомъ входѣ въ ущелья, они, затрудняя горцамъ доступъ въ долины, побуждали ихъ стать по отношенію къ себѣ въ положеніе данниковъ и только подъ этимъ условіемъ предоставляли имъ свободу прохода. Попытки эриставовъ закабалить свободное населеніе вызывали время отъ времени возстанія въ средѣ угнетенныхъ. Такими возстаніями

грузинскіе цари пользовались для того, чтобы отнять у вышедшей недовольство династіи эриставовъ дальнѣйшее несеніе правительственныхъ функцій. Съ этимъ нерѣдко связывалась конфискація всего предоставленнаго ей имущества, которое или поступало къ смѣнившей ее династіи, или служило къ расширенію доманіальныхъ владѣній грузинскихъ царей. Такъ въ 1740 г. цари Теймуразъ и Ираклій лишили эриставства родъ Сидамоновыхъ и на мѣсто ихъ поставили новую династію арагвскихъ князей Чолокаевыхъ, съ тѣмъ, чтобы на разстояніи немногихъ лѣтъ отдать его двумъ своимъ сыновьямъ. Та же судьба постигла и правившихъ дотолѣ въ Ксанскомъ ущельи эриставовъ изъ дома Бибилуровыхъ; царь Ираклій отнялъ у нихъ вмѣстѣ съ эриставствомъ и принадлежавшія имъ имѣнія, при чемъ, какъ видно изъ грамотъ данныхъ имъ жителямъ, царь принялъ клятвенное обязательство за себя и за своихъ наследниковъ никогда не создавать новыхъ эриставовъ и въ исполненіе этого обѣщанія раздѣлилъ эриставство Ксанское между тремя своими дѣтьми.

Со времени перехода южной Осетіи въ руки русскаго правительства крѣпостная зависимость туальтцевъ или южныхъ осетинъ, поселенныхъ на земляхъ перешедшихъ во владѣніе грузинскаго царскаго дома и родственныхъ ему князей Мачабели, проявлялась въ слѣдующей формѣ: каждое семейство крестьянъ обязано было давать ежегодно помѣщику по три барана, цѣною каждый въ рубль серебромъ. Съ cadaго сакомло земли, величина котораго равнялась 15 или 20-ти дневной пахатѣ, взыскивалось ежегодно въ пользу помѣщика по одной коровѣ (цѣною въ 5 рублей) или взаменъ ея 5 барановъ. Платежъ этотъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ бегары; онъ взыскивался съ сакомло независимо отъ числа пользующихся имъ дворовъ или лицъ. Каждые два года тотъ же сакомло несъ еще особый платежъ, «даса-чукаръ», въ размѣрѣ одного быка цѣною въ 10 рублей. Сверхъ этихъ видовъ платежей осетинскія селенія, расположенныя по джавскому ущелью, несли по отношенію къ помѣщикамъ слѣдующія обязательства: въ сырную недѣлю съ cadaго дома полагался платежъ въ 2 фунта масла и одинъ литръ сыру цѣною въ 40 коп.; въ великій постъ —

пиво или иной продукт на сумму одного рубля; и сверхъ того ежегодно съ каждаго дома двѣ коды ячменя и одна копна сѣна въ 5 пудовъ съ доставкой на помѣщичій дворъ.

Изъ повинностей жители джавской долины несли только слѣдующія: одинъ день въ году они обязаны были пахать расположенную при ихъ селеніи помѣщичью землю; посѣвъ хлѣба и уборка его также падали на крестьянъ. Если помѣщикъ нуждался въ дровахъ для топлива, эти дрова доставляемы были крестьянами. Тѣ же крестьяне обязаны были поставлять изъ своей среды столько домашнихъ слугъ, сколько требовалъ помѣщикъ ¹⁾.

Въ Сванетіи сословныя различія также занесены были изъ Грузіи одновременно съ назначеніемъ въ нее особыхъ эристовъ изъ грузинскихъ фамилій Гелованій. При нихъ, какъ гласитъ преданіе, впервые сдѣлана была попытка установить крѣпостную зависимость, возложивъ на свободныхъ дотолѣ крестьянъ (мыбгери) обязанность барщины и натуральныхъ приношеній. Попытка эта оказалась неудачной и повела къ повсемѣстному возстанію, кончившемуся изгнаніемъ Геловани и родственныхъ имъ семей. Не ранѣе середины XV вѣка удалось приходоу въ Сванетію семьѣ Дадешкельяни установить свое господство надъ четырьмя обществами, образующими изъ себя такъ называемую княжескую Сваненію. Крестьяне обложены были барщиной (галдамъ) и натуральными сборами. Въ страдную пору помѣщикъ въ правѣ былъ требовать выполненія ими всѣхъ работъ на его поляхъ. Зимую крестьянскій дворъ обязанъ былъ содержать по меньшей мѣрѣ одну пару быковъ, составлявшихъ собственность помѣщика. На новый годъ слѣдовали натуральныя приношенія, въ Пасху угощенія князя и всей его свиты. Ни одинъ дворъ не справлялъ поминокъ безъ того, чтобы не сдѣлать князю извѣстныхъ подарковъ. Отдача въ замужество дочери, какъ и уплата княземъ положеннаго медиаторами выкупа за убійство не обходились безъ добровольныхъ, разумѣется только по имени, приношеній. Княжеская казна попол-

¹⁾ Рапортъ Г. М. Ховена генералу Ермолову отъ 28 мая 1824 г. Адагы кавказской археографической комиссіи, т. VI. См. совр. обыч. и древній законъ стр. 22—26.

нялась также штрафами, взимаемыми въ случаяхъ убійствъ, раненій и. т. п. и не мало не устранявшихъ необходимости частныхъ выкуповъ или композицій ¹⁾). Въ нашу задачу не входятъ объясненія причинъ, поведшихъ къ образованію въ Закавказьи общественной организаціи, довольно близкой по характеру къ феодальной. Мы отмѣтимъ только фактъ существованія еще въ древней Арменіи нѣкоторыхъ элементовъ, благопріятныхъ образованію феодализма. Я разумью, въ частности, дѣленія королевства на своего рода наслѣдственные удѣлы, во главѣ которыхъ стояли особаго рода префекты, по имени «нхарары», передававшія свою власть изъ поколѣнія въ поколѣніе. Число этихъ нхараровъ съ теченіемъ времени стало возрастать такъ, что при Аршахъ оно достигло уже цифры 900 ²⁾).

Сами снхарарства распались на старшіе и младшіе и между ними возникли отношенія, напоминающія если не ленную, то вассальную зависимость. Такую систему нельзя еще назвать феодальной, такъ какъ ей недоставало той характерной черты феодализма, въ силу которой власть неразрывно связана съ землевладѣніемъ и отношенія собственника къ наслѣдственному арендатору являются фундаментомъ, на которомъ построены отношенія сюзерена и вассала.

Крестоносцы нашли такимъ образомъ въ Арменіи готовую почву для воспріятія принесенной ими съ запада феодальной системы—и учрежденія «франковъ», извѣстныхъ на всемъ Кавказѣ подъ наименованіемъ «френки», нашли горячихъ приверженцовъ въ лицѣ армянскихъ магнатовъ XIII-го вѣка, послѣдившихъ передать на армянскій языкъ постановленія франкскихъ «оксизъ» Антиохійскаго королевства. Эти «оксизы» въ основныхъ чертахъ воспроизводятъ ту же систему феодальнаго права, выразителемъ которой являются іерусалимскіе ассизы ³⁾). Примѣръ Арменіи въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, не могъ пройти безслѣднымъ для Грузіи—и ея наслѣдственные эристовы, изъ которыхъ со временемъ образовались

1) Вѣстникъ Европы. Поздѣе въ Сванетію. Иванюкова и Ковалевскаго.

2) См. «Внутренній бытъ Арменіи» Эзова, стр. 91 и слѣд.

3) См. *Les Assises d'Antioche, reproduites en français*, Venise. 1876, p. XIX.

независимые правители Мингрелии, Имеретин и Гурин, во многом напоминают собою армянских хараровъ.

Черезъ посредство Арменіи и Грузіи проникли къ горцамъ Кавказа и занесенные изъ запада рыцарскіе порядки. Нѣкоторыя явленія въ обычномъ правѣ грузинскихъ горцевъ еще доселѣ сохраняютъ намъ память о тѣхъ временахъ, когда лучшимъ средствомъ къ рѣшенію юридическихъ споровъ являлся честный поединокъ и когда служеніе выбранной рыцаремъ дамѣ входило въ обязанности хорошо воспитаннаго «кавалера».

Въ Хевсуретин поединокъ доселѣ не вышелъ изъ нравовъ. Одѣтый въ рыцарскіе доспѣхи, въ желѣзной колчугѣ и рукавицахъ, съ лицомъ покрытымъ подобіемъ шлема, хевсуры дерутся и въ наши дни такими же плоскими мечами, какими дрались нѣкогда рыцари временъ крестовыхъ походовъ. Вышитые на ихъ платьѣ кресты въ связи съ латинскими надписями, попадающимися на ихъ мечахъ, на столько вызываютъ въ памяти представленія о затерявшихся въ горахъ при проходѣ черезъ Грузію крестоносцахъ, что нельзя поставить въ вину г. Зиссерману, если, судя по одному изъ внѣшнему виду, онъ призналъ ихъ потомками крестоносцевъ. Только подъ условіемъ тщательнаго изслѣдованія ихъ религіозныхъ суевѣрій и особенностей ихъ юридическихъ обычаевъ и домашнихъ обрядовъ приходишь къ убѣжденію, что въ современныхъ хевсурахъ слѣдуетъ видѣть представителей культуры, несравненно болѣе древней, чѣмъ та, изъ которой вышли крестоносцы. Культура эта, какъ я старался показать выше, имѣетъ свои корни въ иранской Авестѣ, и, слѣдовательно, переноситъ насъ мысленно нена западъ, а на востокъ. Присутствіе же въ бытѣ хевсуръ слѣдовъ рыцарскихъ нравовъ, въ связи съ особенностями ихъ туалета и военной амуниціи, объясняется вліяніемъ Грузіи. О поединкѣ прямо говорится въ законахъ Вахтанга, какъ объ одномъ изъ способовъ рѣшенія судебныхъ споровъ (ст. 6 и 7). Свообразный же костюмъ хевсуръ, по мнѣнію грузинскихъ изслѣдователей, напоминаетъ собою тотъ, который носила гвардія грузинскихъ царей ¹⁾.

---

¹⁾ Латинскія надписи на мечахъ, изъ которыхъ многія, какъ напримѣръ «NAN» или «Fringia», сами по себѣ не имѣютъ смысла, легко

Въ Сванетіи продолжаютъ держаться другія не менѣ интересныя стороны рыцарскихъ нравовъ. Говоря это, я разумѣю тотъ своеобразный обычай, въ силу котораго сванетъ, совершившій извѣстную церемонію, имя которой «Линтуралія, становится на всю жизнь служителемъ избранной имъ дамы, все равно—будетъ ли ею замужняя женщина или дѣвушка. Самая церемонія, которой заключаются такія отношенія между сванетомъ и сванеткой, носитъ туземную окраску и напоминаетъ собою горскій обычай усыновленія. Получивъ согласіе родителей или мужа обожаемой имъ дамы, сванетъ отправляется къ ней вечеромъ въ сопровожденіи друга. Его радостно встрѣчаютъ и угощаютъ съ почетомъ. Во время пиршества всѣ присутствующіе съ хозяиномъ во главѣ поднимаютъ чаши съ водкой и просятъ Бога благословить Линтурала. Самая церемонія происходитъ слѣдующимъ образомъ: сванетъ подходитъ къ дамѣ, падаетъ предъ нею на одно колѣно и преклоняетъ голову въ знакъ неизмѣнной вѣрности. Сдѣлавъ все это, онъ обращается къ ней съ вопросомъ: ему ли прикоснуться губами къ ея груди, или же, на оборотъ, она припадетъ къ его груди, т. е. ему ли быть ея отцомъ, или ей быть его матерью? Въ послѣднемъ случаѣ обожатель разстегиваетъ ей платье и, насыпавъ на грудь ея соли, прикладываетъ къ ней свои губы, трижды повторяя при этомъ: «си ди ми гезиль»—«ты мать я сынъ». Обрядъ завершается взаимнымъ обмѣномъ поцѣлуевъ. На другой день сванетъ получаетъ отъ своей дамы въ подарокъ барана, корову или какую либо другую скотину, а самъ въ свою очередь отдариваетъ ее лучшими подарками. Послѣ этого устанавливается между рыцаремъ и его дамой кровное родство; они бывають другъ у друга, спать даже вмѣстѣ, но никто до сихъ поръ не сомнѣвался въ чистотѣ ихъ отношеній ¹⁾).

могутъ быть результатомъ такой же поддѣлки, какую профессоръ Анучинъ нашель въ Кубачехъ—одинаково подъ латинскія, арабскія и даже русскія надписи (См. его путешествіе по Дагестану).

¹⁾ Перепечатано изъ газеты Иверія, январь 1889 годъ. Этнографическое обозрѣніе Янчука, книга I, стр. 138.

ГЛАВА V.

Вліяніе хазаровъ, гуновъ и болгаръ.

Культурными въ строгомъ смыслѣ слова нельзя назвать тѣ вліянія, какии въ разное время подвергались горцы Кавказа со стороны кочующихъ народностей сѣверныхъ его степей и тѣхъ разноплеменныхъ варваровъ, которые подъ именемъ хазаръ, гуновъ, аваръ, черныхъ болгаръ, татаръ большой орды и монголовъ, предводительствуемыхъ Тимуромъ (Тамерланомъ), то созидали болѣе или менѣе прочное государственное общежитіе, какъ это сдѣлали наприимѣръ хазары основавшіе при устьѣ Волги свой политическій центръ, свою столицу Саркель, то подобно гунамъ, татарамъ и монголамъ довольствовались одними временными набѣгами и опустошеніями Грузін, Агавоніи и Албаніи, проникая подчасъ и въ горныя тѣснины, по Дербентскому и Даріальскому проходамъ. Лежа на пути между Азіей и Европой и гранича на востокъ съ степями Туркестана и Монголіи, колыбелью тѣхъ народностей, движеніе которыхъ въ Европу извѣстно подъ наименованіемъ великаго переселенія, сѣверо-кавказскія степи наводняемы были одновременно полудикими полчищами кочевниковъ, культура которыхъ по своей первобытности способна была оказать лишь слабое вліяніе на нравы и обычаи горцевъ. Первыми по времени явились хазары. Моисей Хоренскій упоминаетъ о первыхъ ихъ походахъ на Кавказъ подъ 193—213 годомъ по Рождествѣ Христовомъ. Къ тому же времени приурочиваетъ ихъ нашествіе и историкъ Агавоніи Моисей Каган-

товаци. Послѣдній рисуеъ ихъ намъ безобразной, гнусной, широколицей, лишенной рѣсницъ толпой, вооруженной луками и стрѣлами, съ хищностью волковъ бросавшейся на женщинъ и мужчинъ, стариковъ и младенцевъ ¹⁾. Пища ихъ была та же, что и всѣхъ кочевниковъ. «Въ мѣдныхъ тазахъ варили они, по словамъ записаннаго Кагкантоваци преданія, нечистое мясо, которое опускали за тѣмъ въ особые сосуды, наполненные соленой водой. Нечистыми, жирными ковшами выливали они въ свой желудокъ чистое вино и кумысъ» ²⁾. Ихъ нашествіе Кагкантоваци объясняетъ ничѣмъ инымъ, какъ жаждою добычи и грабежа. До принятія іудейства хазары были «поклонниками солнца и вола». Моисей Хоренскій противопоставляетъ ихъ «варсиліанамъ», — «поклонникамъ коня».

Въ своей исторіи осетинъ господинъ Пфафъ записываетъ туземное сказаніе, по которому изъ разбитыхъ арабами въ Дагестанѣ во второй четверти VIII-го вѣка хазарь три колѣна бѣжало на рѣку Чегемъ, верховья которой заселены въ настоящее время такъ называемыми балкарцами, а въ VIII вѣкѣ заняты были осетинами. Отъ этихъ бѣглыхъ хазарь, думаетъ Пфафъ, произошло и названіе одного изъ близкихъ къ Чегему горныхъ ущелій—казарскаго ³⁾. Если сказаніе сохранило намъ память о дѣйствительно совершившемся фактѣ, то имъ легко объяснить слѣдующій долгое время державшійся въ Чегемѣ языческій обычай. На правой сторонѣ рѣки Джилги еще недавно можно было видѣть каменный домикъ, называвшійся «навтцогъ». При немъ держали быка, который назывался хычаулгогюзъ ⁴⁾ и кормился на счетъ всего аула въ теченіе цѣлаго года, до мѣсяца хычауманъ (пасха—божій день). Когда приближался этотъ срокъ, быка выводили въ поле и гадали объ урожаѣ: если быкъ мычалъ, обративши голову вверхъ, то лучший урожай будетъ на верхнихъ пахотныхъ участкахъ; если—внизъ, то на нижнихъ.

¹⁾ Шопенъ, стр. 442.

²⁾ Ibid, стр. 445 и 446.

³⁾ Смотри Матеріалы для исторіи Осетинъ, стр. 18 и 19, сборн. св. о кавказскихъ горахъ, выпускъ V.

⁴⁾ Хычаулгъ—искаженное осетинское слово хуцауагъ—посвященный Богу; огюзъ по-татарски быкъ.

Замѣтимъ, что употреблявшійся при этомъ терминъ для генія урожая—Хардаръ—есть искаженное осетинское слово (хордаръ) и значить хлѣбодержецъ. Затѣмъ быка убивали и начинался жертвенный пиръ. Каждая сакля къ этому дню должна была приготовить ватрушки (хычинъ) и принести къ домику. Жертвенныя ватрушки были больше обыкновенныхъ и отмѣчены углубленіями, сдѣланными большимъ пальцемъ; имъ давали особое названіе хычауагъ—хычъенъ, т. е. достойная Бога лепешка. Противъ святилища, на правой сторонѣ Чегема, была ровная площадка, на которую собирались пѣть священную пѣсню съ припѣвомъ цоппа, употребительную доселѣ у осетинъ, которые въ честь святыхъ поютъ: цоппай. Эту пѣснь пѣли, напริมѣръ, вокругъ человѣка, пораженнаго громовымъ ударомъ, а также около сумасшедшихъ ¹⁾.

Въ этомъ только что описанномъ обрядѣ черты осетинскаго религіознаго культа смѣшиваются съ такими чертами, которыя всего свойственнѣе народу, у котораго, какъ у хазаръ, волъ являлся особымъ предметомъ почитанія. Я имѣлъ уже случай говорить о томъ значеніи, какое нѣкоторые кавказовѣды и во главѣ ихъ баронъ Усларъ придаютъ хазарскому вліянію. Хазары въ ихъ глазахъ являются ближайшими проводниками въ бытъ горцевъ многихъ чертъ еврейской культуры, воспринятой ими самими съ момента перехода ихъ въ іудейство.

Изъ того, что было сказано мною о роли армянъ и армянскаго права въ выработкѣ нѣкоторыхъ особенностей горскаго адата, читатель могъ убѣдиться, что такъ называемое «Моисеево законодательство» сдѣлалось доступнымъ для горцевъ въ его армянской, а за тѣмъ грузинской передачѣ, совершенно независимо отъ всякаго вмѣшательства хазаръ. Временной характеръ ихъ владычества на Кавказѣ, владычества прекращавшагося обыкновенно вмѣстѣ съ нашествіемъ, и окончательное подавленіе ихъ вліянія въ Дагестанѣ не позже, какъ во второй четверти VIII вѣка, благодаря побѣдамъ арабовъ и проводимому ими магометанству, рѣшительно не позволяютъ намъ говорить

---

¹⁾ Вѣстникъ Европы, апрѣль 1884 года. Въ горскихъ обществахъ Кабарды, Миллера и Ковалевскаго, стр. 561.

о хазарахъ, какъ о народности, содѣйствовавшей привитію горцамъ началъ еврейской религіи и культуры. Такое предположеніе представляется намъ тѣмъ менѣе основательнымъ, что подъ именемъ совершавшихъ свои набѣги на Кавказъ хазаровъ легко могутъ скрываться не одни лишь представители этого племени, но и подчинявшіеся ихъ власти и увлекаемые ими въ походы калмыки. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что описываемыя Кагкантиоваци особенности наружнаго вида и домашняго обихода хазаръ вполне отвѣчаютъ тѣмъ, какія путешественники XVII ст. сообщаютъ о калмыкахъ. Это люди, говорятъ они, съ крупными чертами, со спускающейся съ головы нерѣдко расплетенной косицей, люди питающіеся нечистымъ мясомъ коней и незнающіе другаго напитка кромѣ кумыса ¹⁾.

Двумя вѣками позднѣе хазаръ появились на Кавказѣ полчища гунновъ. Объ этомъ фактѣ Амینیанъ Марцеллинъ передаетъ намъ слѣдующія подробности. Эта быстро движущаяся и необузданная человѣческая раса, пылающая страстью грабить чужую собственность, разбивъ и уничтоживъ разные народы пришла въ страну алановъ (т. е. осетинъ). Гунны прошли черезъ земли алановъ, убили и ограбили многихъ, съ остальными заключили союзъ, и, при ихъ содѣйствіи, съ большой увѣренностью вторглись въ просторныя и плодородныя владѣнія Эрменриха ²⁾. Амеде Тверіи приводитъ въ своей исторіи Атиллы одно свидѣтельство, не оставляющее сомнѣнія въ томъ, что временное владычество гунновъ на сѣверномъ Кавказѣ простиралось почти до самой подошвы главнаго хребта, за которымъ въ то время начиналась уже Мидія. Нѣкоторые отряды ихъ переходили даже этотъ хребетъ, вѣроятно, по дарьяльскому ущелью ³⁾.

Послѣ Каталаунской битвы остатки гунновъ искали убѣжища въ восточныхъ степяхъ, откуда часть ихъ переселилась на Кав-

1) *Les Voyages de Leon Struys*. Amsterdam, 1681, стр. 194.

2) *Ammian Marcell.* XXXI, 2. Смотри: Миллеръ осетинскіе этюды часть I, стр. 50 и 51.

3) Смотри рассказъ графа Ромула, прикомандированнаго къ посольству отправленному императоромъ Валентиніаномъ III въ Католю (Стасюлевичъ, исторія среднихъ вѣковъ, томъ I, стр. 301).

казь. Здѣсь они жили сперва на сѣверо-западномъ берегу Каспійскаго моря, а позднѣе въ той части Дагестана, которая и по настоящій день извѣстна подъ именемъ Аваріи. По свидѣтельству Уорнанда гунны называли себя также аварами. Византійскіе писатели говорятъ намъ о поселеніи гунновъ на Кавказѣ, при чемъ обозначаютъ наименованіе ихъ «сабирами». Въ началѣ VI вѣка, по свидѣтельству Прокофія, дарьяльскій проходъ находился въ рукахъ одного князя гунновъ, по имени Анбазукъ, который во время войнъ между греками и персами предлагалъ византійскому императору Анастасію уступить ему этотъ проходъ за ничтожную плату. Передавая эти факты, г. Пфафъ замѣчаетъ отъ себя: занятіе въ VI вѣкѣ гуннами дарьяльскаго прохода, быть можетъ, относится къ извѣстному въ исторіи нашествію на средній Кавказъ и потомъ на Византію аваровъ, подъ предводительствомъ Баяна.

Кагкантоваци говоритъ о двухъ разновременныхъ нашествіяхъ гунновъ на Агавонію и Арменію, при чемъ каждый разъ идетъ рѣчь о князьяхъ гуннскихъ и объ уводѣ дѣлавшимъ набѣгъ непріятелемъ многочисленныхъ плѣнниковъ и стадъ. На 62 году Геджры Кагкантоваци упоминаетъ о посольствѣ агавонскаго царя Варазъ Терта къ гуннамъ для заключенія съ ними мирнаго договора. Посольство, во главѣ котораго поставленъ былъ епископъ Измаиль, прошло на сѣверъ черезъ дербентскія ворота, извѣстныя въ то время подъ наименованіемъ воротъ Чога, и послѣ долговременнаго странствованія прибыло въ великолѣпный, какъ выражается Кагкантоваци, городъ Зарачанъ. Шопенъ отождествляетъ его съ городомъ Магаръ или Маджаръ на Кумъ (около станицы Прасковьи ¹⁾). Съ этимъ посольствомъ Кагкантоваци связываетъ обращеніе кавказскихъ гунновъ въ христіанство. Разсказъ объ этомъ обращеніи даетъ ему поводъ говорить о языческихъ вѣрованіяхъ гунновъ и объ особенностяхъ ихъ домашняго обихода. Нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ чертъ интересны для насъ, такъ какъ мы доселѣ сталкиваемся съ ними при изученіи быта сѣверныхъ горцевъ Кавказа. Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что, по словамъ Кагкан-

¹⁾ Шопенъ, стр. 457 и 498.

товаца, одно изъ главныхъ божествъ у гунновъ, Куаръ, считалось виновникомъ громоносныхъ молній. Когда молнія поражала человѣка или другой какой предметъ, прибавляетъ лѣтописецъ, гунны приносили жертву Куару ¹⁾.—Нельзя ли связать съ этимъ обрядомъ доселѣ практикуемый горцами сѣверо-западнаго Кавказа и въ частности черкесами обычай выражать не скорбь, а радость по случаю пораженія кого-либо молніей. «Дерево, на которое ударила молнія, говоритъ Боденштетъ, считается черкесами священнымъ. Самый тяжкій преступникъ находить убѣжище подъ его сѣнью. Точно также человѣкъ, пораженный ею, считается священнымъ и хоронится съ величайшими почестями» ²⁾.

Другую не менѣ интересную особенность гунновъ составляли, по словамъ Кагкантаваца, ихъ погребальныя церемоніи. «Носясь по кладбищу мужъ съ мужемъ и толпа съ толпой, говоритъ Кагкантаваца, гунны боролись въ нагомъ состояніи и многочисленныя группы предавались разврату».

Эта подробность тѣмъ интересна, что воспроизводится какъ въ черкесскомъ такъ и въ абхазскомъ погребальномъ ритуалѣ. «На похоронахъ лицъ знатнаго происхожденія, говоритъ путешественникъ XV-го вѣка Интердано, принято сажать на шкуру только что заколотога быка невинную дѣвушку двѣнадцати, четырнадцати лѣтъ отъ роду; на глазахъ у присутствующихъ сильный и бойкій парень (*un giovine gaillardo*), снявъ бурку, пытается лишить дѣвушку невинности. Онъ повторяетъ это три или четыре раза; дѣвушка каждый разъ противится его намѣренію. Наконецъ она сдается, и молодой человѣкъ спѣшитъ показать всѣмъ присутствующимъ внѣшніе знаки одержанной имъ побѣды». Прежде чѣмъ отнести этотъ рассказъ къ числу такъ часто распространяемыхъ путешественниками басень, приведемъ слѣдующее свидѣтельство имеретинскаго архіепископа Гавріила. Одинъ причетникъ рассказывалъ мнѣ какъ очевидецъ, пишетъ архіепископъ, слѣдующій случай: читалъ онъ ночью около покойника псалтырь; домъ по обыкновенію наполненъ былъ мужчинами и женщинами, произносившими на рас-

¹⁾ Шопенъ, стр. 458, глава 23, лѣтописи Кагкантаваца.

²⁾ Bodensstedt, Des peuples du Caucase. 1859 г.. стр. 353.

пѣвъ свои причитанія; вдругъ кто то загасилъ у него свѣчу, огонь же на очагѣ посреди комнаты кѣмъ то мгновенно былъ залитъ водой; воцарилась темнота; замѣтно было, что мужчины и женщины кидались другъ къ другу, перемѣшивались между собой. Послышались смѣхъ, пискъ, визгъ, гробъ покойника опрокинули въ темнотѣ; есть поводъ думать, прибавляетъ пастыръ, что въ подобныхъ случаяхъ, предаются гнусному разврату, и что этотъ мерзостный обычай имѣетъ языческое происхождение ¹⁾).

Составимъ съ этимъ и слѣдующее свидѣтельство Потоцкаго объ ингушахъ. Когда ингушъ потеряетъ сына, кто нибудь изъ его единоплеменниковъ, у котораго въ томъ же году умерла дочь, является къ отцу съ слѣдующимъ предложеніемъ: сынъ твой можетъ нуждаться на томъ свѣтѣ въ женѣ, говоритъ онъ ему, я отдаю ему руку моей дочери, заплати мнѣ въ калымъ, т. е. въ плату за невѣсту столько то коровъ. Обычай, прибавляетъ Потоцкій, не допускаетъ отказа отъ подобнаго предложенія ¹⁾. Соображая все сказанное, намъ не трудно придти къ заключенію, что въ основаніи записаннаго Интердано обычая, какъ и въ упомянутомъ архіепископомъ Гаврииломъ случаѣ и отмѣченной Потоцкимъ чертѣ ингушевскихъ нравовъ, лежитъ одно и то же представленіе, именно то что покойники на томъ свѣтѣ сохраняютъ потребности живущихъ и что имъ по этому не приличествуетъ оставаться безъ женъ.

Багикантоваци говорятъ еще объ одной особенноти похороннаго обряда гунновъ: «о беснующемся плачѣ и неистовой рѣзнѣ совершаемой въ присутствіи покойниковъ».

И эта черта принадлежитъ къ числу широко распространенныхъ на Кавказѣ обычаевъ. Еще Шарденомъ отмѣченъ былъ тотъ фактъ, что на похоронахъ мингрельцы и грузины выражаютъ свое горе наружными дѣйствіями: разрываютъ на себѣ одежды, царапаютъ лицо ногтями и тому подобное.

Когда женщина, говоритъ знаменитый французскій путешественникъ, потеряетъ мужа или близкаго родственника, она раз-

¹⁾ См. Дубровина, томъ I-ый, книга 2-ая, страница 56.

²⁾ Potocki. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, стр. 127.

дираетъ свои одежды и остается голой по поясъ. Она рветъ на себѣ волосы, царапаетъ тѣло и лицо ногтями, бьетъ себя въ грудь, кричитъ и стонетъ, скрежещетъ зубами и вообще обнаруживаетъ всѣ признаки бѣшенства. Мужчины выражаютъ свою скорбь не менѣе варварскимъ способомъ: они брѣютъ голову, рвутъ не себѣ одежды, бьютъ себя кулаками въ грудь ¹⁾.

Въ средѣ адигейскихъ народностей Кавказа однохарактерныя явленія описаны были еще французскими путешественниками XVIII-го вѣка и въ числѣ ихъ Тавернье ²⁾.

Сопровождая тѣло въ могилу, говоритъ этотъ писатель, родственники и друзья покойнаго неистово воютъ и кричатъ, одни царапаютъ себѣ тѣло и лицо заостренными камышками, другіе падаютъ на землю и вырываютъ себѣ волосы. Вернушіеся съ похоронъ обыкновенно всѣ въ крови, похоронныя церемоніи кумыковъ или такъ называемыя «сассы» также не обходились безъ самоистязанія; въ теченіе десяти недѣль продолжалось оплакиваніе мертвеца. Родственники, ежедневно собираясь въ его сакль и обнаживъ тѣло по поясъ, царапали его своими ногтями ³⁾.

Другихъ болѣе рѣзкихъ слѣдовъ того вліянія, какое гунны несомнѣнно должны были оказать на горскій адатъ, мы указать не въ состояніи, по всей вѣроятности потому, что обычай аварцевъ Дагестана, въ которыхъ всего естественнѣе было бы искать иллюстраціи этого вліянія, издавна испытали на себѣ воздѣйствіе писаннаго права магометанъ или Шаріата, и въ настоящее время, какъ мы покажемъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ, ничѣмъ существенно не отличаются отъ обычаевъ прочихъ горцевъ Дагестана.

Послѣ гуннскаго погрома въ ближайшемъ сосѣдствѣ осетинъ и черкесовъ появляются уже тюркскія племена. Имя гунновъ смѣняется именемъ утургуровъ, вѣтви этого же народа, извѣстныхъ за тѣмъ подъ именемъ болгаръ. Профессоръ Миллеръ говорить, что, по словамъ Прокопія, южную границу болгаръ со-

1) Journal de Voyage du chevalier Chardin, Londres 1686, стр. 96.

2) См. Les dix Voyages de Jean Baptiste Tavernier, Paris. 1681, т. I стр. 308.

3) Potocki, стр. 122.

ставляло устье Кубани, что современник Прокопія, Уорнандъ, говоритъ о жилищахъ болгаръ надъ Понтомъ, и что Феофанъ помѣщаетъ древнюю или великую Болгарію между Маотійскимъ озеромъ и рѣкою Куфисъ (Кубанью). У Константина Багрянароднаго и въ договорѣ Игоря съ греками Болгарія носитъ наименованіе Черной. Г-да Ланбинъ и Иловайскій, отказываясь отъ взглядовъ прежнихъ историковъ и въ числѣ ихъ Карамзина, помѣщаютъ эту Черную Болгарію не на берегахъ Дуная, а на берегахъ Азовскаго моря вплоть до Кубани ¹⁾).

Въ недавно открытомъ новомъ списокѣ армянской географіи Моисея Хоренскаго (конца VII столѣтія) разныя колѣна болгаръ также отнесены къ сѣверу отъ Кубани. Всѣхъ этихъ колѣнъ Моисей Хоренскій насчитываетъ четыре. Названіе болгаръ кавказскихъ встрѣчаются у составителя географіи въ разныхъ формахъ: булгаръ, булваръ, блкаръ, болкаръ. Въ видѣ предположенія профессоръ Миллеръ высказываетъ мысль, что въ названіи Тюркскаго общества, живущаго на востокъ отъ дигорцевъ въ долинѣ Чорека, Балкары—сохранилось одно изъ обозначеній кавказскихъ болгаръ. «Тюркская народность балкарцевъ и близость ихъ имени къ одной изъ формъ имени болгаръ (болкаръ), приводимой армянской географіей VII в., невольно наводитъ на предположеніе, говоритъ профессоръ Миллеръ, не скрываются ли въ балкарцахъ послѣдніе потомки одной изъ вѣтвей кавказскихъ болгаръ» ²⁾).

Первымъ мѣстомъ поселенія этой тюркской народности въ горахъ Кавказа былъ аулъ Балкары. Записанное мною и профессоромъ Миллеромъ мѣстное преданіе гласитъ, что предки теперешнихъ балкарцевъ пришли въ занимаемые ими мѣста съ сѣвера изъ Маджаръ (развалины которыхъ находятся на берегу Кумы). Сосѣдніе аулы: бузенги, хуламышъ, чегемъ и урусбій постепенно заселены были выходцами изъ Балкаръ. Балкарцы не являются первыми насельниками края. Вся занятая ими мѣстность, если не говорить о хазарскомъ поселеніи въ Чегемѣ, состояла во владѣніи осетинъ.

¹⁾ См. Осетинскіе Этюды, часть 3, стр. 60 и 61.

²⁾ Ibid. стр. 104.

Мѣстныхъ топографическихъ названія не оставили въ профессорѣ Миллерѣ сомнѣнія въ томъ, что осетинскій языкъ нѣкогда былъ господствующимъ въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ нынѣ господствуетъ тюркское нарѣчіе балкарцевъ.

Такія имена, какъ Шаудонъ (по-осетински Черная рѣка), Буронъ и Гардонъ (мельничная и теплая вода), Шау и Даргомъ (черное и длинное ущелье), доселѣ попадаются въ окрестностяхъ Балкаръ и Чегема. На ряду съ собственными числительными балкарцы ведутъ еще счетъ парами, при чемъ употребляютъ осетинскія слова. Названія нѣкоторыхъ мѣсяцевъ, нѣкоторыя культурныя слова относящіяся къ земледѣлію и скотоводству у нихъ доселѣ осетинскія ¹⁾).

Уже эти факты наводятъ на мысль о томъ, что пришлые съ сѣвера тюркскіе колонисты далеко не были многочисленны, а эта догадка находитъ подтвержденіе себѣ въ мѣстныхъ преданіяхъ, говорящихъ о мирномъ поселеніи балкарцевъ среди осетинъ и о постепенномъ захватѣ ими власти надъ ними, а не о покореніи послѣднихъ сразу силою оружія. Культура этихъ пришельцевъ, заимствовавшихъ у осетинъ большинство земледѣльческихъ терминовъ, очевидно, была ниже той, какая установилась ранѣе ихъ въ колонизованной ими мѣстности.

Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ намъ причину того любопытнаго явленія, что вмѣсто того, чтобы наложить свою печать на юридическіе обычаи подчиненнаго имъ народа, болгары всецѣло увоили себѣ его юридическое міросозерцаніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ мы позволимъ себѣ представить коротенькій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ балкарцевъ, отмѣчая на каждомъ шагѣ аналогію ихъ съ осетинскими.

Въ основѣ балкарскаго процесса лежатъ осетинскіе порядки. Какъ у осетинъ, такъ и у балкарцевъ главнѣйшимъ видомъ доказательствъ признается присяга. Медиаторы, въ числѣ трехъ съ каждой стороны, по своему усмотрѣнію назначаютъ ее то отвѣтчику, то истцу. Въ Осетіи обыкновеннымъ мѣстомъ, гдѣ приносится присяга, являются капища или такъ называемыя «дзуари»; въ большинствѣ случаевъ это не болѣе, какъ полу-

¹⁾ Осетинскіе Этюды, часть III, стр. 8 и 9.

разрушенныя христіанскія часовни, которымъ съ теченіемъ времени придано значеніе какихъ-то усыпальницъ народныхъ богатырей. Въ средѣ татарскихъ горцевъ присяга, такъ называемый «антъ», приносится буквально въ тѣхъ же условіяхъ. Сторона, на которую возложено бремя доказательствъ, идетъ въ капище или такъ называемый татарами «джуаръ» (испорченное осетинское слово, подчасъ замѣняемое также выраженіемъ хыцау, что по-осетински значить Богъ). Такимъ джуаромъ является наравнѣ съ Байрамомъ такъ называемый алтынашкерге (часовня, посвященная Георгію Побѣдоносцу). Татарамъ извѣстны, впрочемъ, и болѣе простые виды присяги. Чтобы избавиться отъ издержекъ, связанныхъ съ передвиженіемъ, они нерѣдко довольствуются принесеніемъ ея на самомъ мѣстѣ производства суда; но и въ этомъ случаѣ наглядно, хотя и безъ сознательно, сказывается среди этого мусульманскаго племени память о совершенно иныхъ порядкахъ, въ которыхъ крестъ призванъ былъ играть ту выдающуюся роль, какая принадлежитъ ему въ судѣ любого христіанскаго народа. Начертавъ на землѣ кругъ, татаринъ остриемъ своей палки проводитъ по нему на-крестъ двѣ черты и, ставъ въ серединѣ круга, тамъ, гдѣ пересѣкаются линіи, произноситъ клятвенное обѣщаніе сказать судьямъ правду. Самое названіе, которое такая присяга носитъ у горцевъ, указываетъ на ея христіанское происхожденіе: татары говорятъ о ней не иначе, какъ о присягѣ крестомъ, называя ее «качь» (крестъ).

На ряду съ присягами, общими для правонарушителей всякаго рода, осетинамъ и татарамъ одинаково извѣстны нѣкоторыя спеціальныя; такова, на примѣръ, присяга, приносимая въ спорѣ о границахъ, также та, къ которой обращаются при кражѣ барановъ. Любопытно, что обѣ народности придерживаются въ этомъ отношеніи буквально одного и того же ритуала. Осетинъ, которому назначена присяга, беретъ въ руку камень или глыбу земли и несетъ ее на то мѣсто, гдѣ, по его мнѣнію, должна проходить межа;—и то же, до мельчайшихъ подробностей, продолжаетъ болгарецъ, который при этомъ обнажаетъ еще голову и правое плечо. Смыслъ этого послѣдняго обряда будетъ понятенъ для насъ, разъ мы вспомнимъ, что обнаженіе всюду при-

знается за знак покорности, за открыто высказанное намѣреніе стоять беззащитнымъ, передать себя во власть другого ¹⁾); а такая готовность отдаться всецѣло на судъ Божій и подвергнуться заслуженной карѣ за ложное заявленіе всего болѣе приличествуетъ присягающему. Въ другомъ специальномъ видѣ присяги, приносимой, какъ мы сказали, въ случаѣ кражи барановъ, слѣды языческаго культа сказываются весьма характерно. Протягивая руку надъ бараномъ, осетинъ нѣсколько разъ призываетъ бога звѣрей, Авсати, во свидѣтели того, что онъ показываетъ правду. Болкарецъ буквально дѣлаетъ то же, только вмѣсто Авсати онъ призываетъ какого-то «Аймышь», съ которымъ связывается у него представленіе о духѣ-покровителѣ животныхъ, и который, по всей вѣроятности, никто иной какъ тотъ же осетинскій Авсати приниженный только нѣскольковъ своимъ достоинствѣмъ.

Присяга одной изъ сторонъ по назначенію суда далеко не признается сама по себѣ достаточнымъ доказательствомъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ уголовныхъ или гражданскихъ случаяхъ. Отъ присягающаго требуется еще, чтобы онъ поставилъ большее или меньшее число родственниковъ, готовыхъ своей присягой поручиться за вѣрность его показаній. Этихъ такъ-называемыхъ присяжниковъ одинаково знаетъ какъ осетинскій, такъ и татарскій процессъ; и послѣдній въ данномъ вопросѣ особенно интересенъ тѣмъ, что въ немъ встрѣчаются подробныя правила о томъ, какія именно лица обязаны приносить такую присягу, и что въ числѣ этихъ лицъ, на-ряду съ родственниками по отцу, встрѣчаются и родственники по матери. Кто придерживается того воззрѣнія, что признаніе когнатическаго родства есть явленіе позднѣйшей исторіи, очевидно не найдетъ для себя ничего интереснаго въ перечнѣ лицъ призываемыхъ къ такой соприсягѣ; но тотъ, кто смотритъ на дѣло съ противоположной точки зрѣнія, кто, отправляясь отъ признанія материнства исходнымъ моментомъ развитія, придетъ послѣдовательно къ заключенію, что счетъ родства въ древности былъ скорѣе по матери, чѣмъ

---

1) См. Spenser. Ceremonial government. Ch. I.

по отцу, нерѣдко неизвѣстному—тотъ согласится съ нами, что въ этомъ перечнѣ сохранились драгоцѣнные слѣды почти до- исторической старины. Кого, спрашивается, изъ числа родствен- никовъ ставятъ татары на первомъ планѣ, кому поручаютъ они подкрѣпить свое показаніе присягой заинтересованной стороны?— не родственникамъ по отцу и вообще не родственникамъ по мужской линіи, а дядѣ по матери и за нимъ племяннику въ женскомъ колѣнѣ, сыну сестры. За этими уже лицами слѣдуетъ братъ, обыкновенно не только родной, но и молочный. Если принять во вниманіе, что поименованныя лица тѣ самыя, ко- торыя считаются главами материнскаго рода и, пока держится послѣдній, вообще ближайшими родственниками, то нельзя бу- деть не согласиться, что мы имѣемъ предъ собою весьма ха- рактерное переживаніе той отдаленной стадіи развитія, при ко- торой агнатическое родство еще не успѣло возникнуть—вѣро- ятно по причинѣ отсутствія того фундамента, на которомъ оно строится, иначе говоря—патернитета. Разъ мы допустимъ сход- ство татарскихъ обычаевъ съ осетинскими и заимствование по- слѣднихъ у первыхъ мы послѣдовательнопридемъ къ тому вы- воду, что татарскій обычай заключаетъ въ себѣ цѣнное указа- ніе для изслѣдователя осетинскаго быта и его историческихъ судебъ, такъ какъ въ татарскомъ обычаѣ удержалась та арха- ическая черта, которая, быть можетъ, подъ влияніемъ христі- анства, а также болѣе продолжительныхъ сношеній осетинъ съ русскими, успѣла совершенно изгладиться изъ собственно-осе- тинскихъ обычаевъ.

Построенные всецѣло на присягѣ и соприсягѣ осетинскій и татарскій прецессы одинаково чужды какъ судебному поединку, такъ и системѣ испытанія обвиняемаго огнемъ или водою. Сви- дѣтели и письменные документы стали приниматься въ горскихъ судахъ лишь за послѣднее время—подъ влияніемъ требованій шаріата и русской судебной практики. Правила Моисея закона о необходимости по меньшей мѣрѣ двухъ свидѣтелей для проч- наго обоснованія судебного факта усвоено мусульманскимъ за- конодательствомъ, и чрезъ посредство послѣдняго проникло въ татарскіе суды. Согласно обычаю, женщина не можетъ быть свидѣтельницей. Если тѣмъ не менѣе она выступаетъ иногда

въ такой роли, то въ этомъ нельзя не видѣть прямого вліянія шаріата. Обычай однако и въ этомъ отношеніи не остается вполне безучастнымъ: такъ онъ требуетъ увеличенія числа свидѣтелей вдвое противъ обыкновеннаго каждый разъ, когда свидѣтелемъ является женщина. Члены горскаго суда въ Нальчикѣ въ одно слово жалуются на лживость свидѣтелей и, сопоставляя ихъ съ присяжниками, даютъ рѣшительное предпочтеніе послѣднимъ. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ указателемъ того, какъ мало еще успѣлъ привиться институтъ свидѣтелей. Опасаясь мести со стороны рода лица, ко вреду котораго клянется показаніе свидѣтелей, послѣдніе обыкновенно всячески стараются уклониться отъ показанія. Встрѣчаются процессы, въ которыхъ они силою были привлекаемы въ залу суда; еще чаще такіе, въ которыхъ свидѣтель изъ постороннихъ дѣлалъ свое заявленіе не раньше, какъ потребовавъ отъ родственниковъ обвиняемаго отвѣта подъ присягою на счетъ его невинности или наоборотъ виновности. Все это какъ нельзя болѣе убѣждаетъ въ томъ, что древнѣйшему процессу горцевъ свидѣтельское показаніе, какъ самостоятельный видъ доказательства отличный отъ соприсяги родственниковъ, вовсе не было извѣстно. Тоже можетъ быть сказано и о письменныхъ документахъ, которые редактируются у татаръ обыкновенно на арабскомъ языкѣ. Имъ придается значеніе не раньше, какъ послѣ того, когда росписавшіеся на нихъ свидѣтели подкрѣпятъ своими показаніями фактъ ихъ заключенія. Но какъ быть, спрашивается, если свидѣтелей сдѣлки нѣтъ болѣе въ живыхъ? Ихъ показаніе въ этомъ случаѣ замѣняется присягой отвѣтника. И такъ мы вправѣ сказать, что письменный документъ самъ по себѣ не имѣетъ у татаръ никакой силы, такъ какъ постоянно нуждается въ посторонней помощи.

Невыработанность системы доказательствъ и въ частности невозможность рассчитывать на раскрытіе истины съ помощью свидѣтелей—причины тому, что татары подобно осетинамъ обыкновенно прибѣгаютъ къ помощи сыщика или такъ-называемаго ими доказчика (камдзога у осетинъ, айрахчи у татаръ). Особенно часты такія обращенія въ дѣлахъ о воровствѣ. Сыщикъ, нерѣдко принадлежащій къ одной компаніи съ ворами, берется

за деньги розыскать похищенное и предоставить суду достаточныя улики против похитителя; при неисполненіи же этого общанія онъ соглашается вознаградить довѣрившагося ему истца тою же суммою, какую истецъ вправѣ требовать отъ обидчика. Платежъ, дѣлаемый въ пользу доказчика, нерѣдко равняется цѣнности украденнаго.

Посредническому суду или такъ-называемому тере-турганъ далеко не подлежатъ всѣ безъ различія случаи нарушенія чужого права. Подобно осетинамъ болгарцы предоставляютъ рѣшеніе споровъ между близкими родственниками семейнымъ совѣтамъ, въ которыхъ на-ряду съ агнатами засѣдаютъ и атылыки или воспитатели. Нецѣломудріе дѣвушекъ, невѣрность женщинъ, случаи воровства у единокровныхъ — вотъ обыкновенно тѣ дѣла, которыя вѣдаются семейными совѣтами. Не желая выносить соръ изъ избы, татары допускаютъ съ этой цѣлью и нѣкоторыя уклоненія отъ общаго порядка процесса. Хотя ихъ обычай не довольствуется въ важныхъ дѣлахъ, какъ мы видѣли, присягой заинтересованной стороны, но для случаевъ прелюбодѣянія сдѣлано то изъятіе, что при разбирательствѣ ихъ достаточно односторонняго клятвеннаго заявленія со стороны оскорбленнаго супруга. Причина такого изъятія лежитъ въ желаніи избѣжать огласки.

Общее заключеніе, къ какому приводитъ насъ ознакомленіе съ болгарскимъ процессомъ, вполне подтверждаетъ ту мысль, какая высказана была въ самомъ началѣ изложенія ихъ юридическихъ обычаевъ. Судопроизводство болгарцевъ проникнуто осетинскимъ началомъ, и если встрѣчаются подчасъ нѣкоторыя отличія, то корень ихъ лежитъ въ томъ влияніи, какое имѣлъ у нихъ шариатъ на измѣненіе и даже совершенную отмѣну обычая.

Этой именно причиной объясняется слабое сходство уголовного права татаръ съ осетинскимъ. Это не значитъ однако, чтобы послѣднее не могло быть признано первообразомъ: на-противъ того въ исходныхъ моментахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, оба права совершенно сходятся между собою; все различіе въ томъ, что у осетинъ данъ былъ полный просторъ ихъ развитію, тогда какъ у татаръ развитіе тѣхъ же началъ иску-

ственно было прервано вмѣшательствамъ шаріата. Въ самомъ дѣлѣ оба права одинаково отпращиваются отъ начала кровной мести и одинаково ограничиваютъ ея дѣйствіе идеей равнаго возмездія или такъ-называемымъ *jus talionis* ¹⁾.

Оба права незнакомы съ системою публичныхъ каръ и требуютъ имущественнаго выкупа съ обидчика, каковъ бы ни былъ характеръ обиды. Участіе родственниковъ въ платежѣ выкупа столь же обязательно у татаръ, какъ и у осетинъ. У тѣхъ и другихъ преступленія, совершаемыя въ родственной средѣ, не ведутъ за собой возмездія. Самый способъ опредѣленія выкуповъ за отдѣльные виды преступныхъ дѣйствій у обоихъ народовъ одинъ и тотъ же: тяжкія увѣчья, состоящія въ отсѣченіи руки, ноги или выколотыи глаза, оплачиваются у тѣхъ и другихъ вполонину меньше, чѣмъ убійства, если только не ведутъ за собою смерти потерпѣвшаго; за раненія сверхъ положенной платы взимаются еще издержки лѣченія; за увозъ дѣвушки сверхъ калыма (выкупа невѣсты) слѣдуетъ еще особая плата за безчестье; отрѣзаніе носа и ушей, сопровождаемое изгнаніемъ изъ дому, грозитъ въ такой же мѣрѣ прелюбодѣйной женѣ въ татарскихъ аулахъ, какъ и въ осетинскихъ, и все различіе сводится къ порядку дальнѣйшей экзекуціи: осетины сажаютъ виновную голою по поясъ на осла и наносятъ ей палочные удары; болгарцы привязываютъ ее къ двумъ жеребцамъ и пускаютъ послѣднихъ въ поле. Подобно осетинамъ болгарцы также подводятъ подъ понятіе воровства всѣ виды похищенія чужой собственности, въ томъ числѣ и поджогъ, и въ то же время не наказываютъ особо ни обмана, ни мошенничества; подобно осетинамъ они не знаютъ ворами иного возмездія, кромѣ взысканія съ нихъ въ два, три, четыре или пять разъ больше противъ цѣны похищеннаго ²⁾. Какъ осетины, такъ и татары различаютъ кражу въ полѣ и на дому, наказывая послѣднюю строже, какъ дѣйствіе связанное съ насильственнымъ вторженіемъ въ

¹⁾ Убійство убійцы или его родственника рѣшаетъ кровное дѣло; всего чаще, однако, мсть замѣняется полученіемъ выкупа или такъ называемого «каны-алганъ» (буквально—плата за кровь; размѣръ ея 1500 р., если убитымъ является тубій, и меньше, смотря по состоянію).

²⁾ Последнее въ случаѣ поджога.

чужое жилище. Но рядомъ съ этими сходствами отмѣтимъ ту существенную черту различія, что, тогда какъ осетинамъ до послѣдняго времени не было извѣстно освобожденіе отъ отвѣтственности за случайное убійство или пораненіе, татары вмѣстѣ съ усиленіемъ магометанства перешли подъ вліяніемъ шаріата къ наказанію однихъ лишь умысленныхъ преступленій. Что и татарамъ въ прежнее время извѣстенъ былъ выкупъ за убійство случайное,—это видно изъ цѣлага ряда дѣлъ, въ которыхъ медиаторы опредѣляютъ вознагражденіе семьѣ лица случайно ранившаго себя чужимъ кинжаломъ или замерзшаго на пути, предпринятомъ по чужому предложенію. Благодаря тому же шаріату, татарамъ извѣстно также привлеченіе къ суду за покушеніе ¹⁾, чего осетинское право до послѣдняго времени вовсе не допускало, равно какъ и распредѣленіе отвѣтственности между физическимъ виновникомъ преступленія, подстрекателями и пособниками. Все подъ тѣмъ же вліяніемъ развилась у татаръ и система публичныхъ каръ за дѣйствія оскорбительныя для общественной нравственности или для правового сознанія всего народа; напримѣръ за мужеложство и отцеубійство, которыя у осетинъ, какъ неподлежащія выкупу, или остаются безнаказанными, или сопровождаются изгнаніемъ. Прямое заимствованіе этого правила изъ шаріата выступаетъ уже изъ самаго характера той кары, какой подлежатъ виновные въ обоихъ названныхъ мною случаяхъ; я разумѣю побіеніе камнями—это ветхозавѣтное наказаніе, занесенное изъ Моисеева закона въ коранъ и суну. Наконецъ тѣмъ же религіознымъ вліяніемъ объясняется и высшая квалифікація татарами нѣкоторыхъ видовъ преступныхъ дѣйствій, когда онѣ оскорбляютъ собою святыню, такъ въ частности воровства въ мечетяхъ или святотатства, за которые въ прежніе годы виновные присуждались къ лишенію правой руки.

Такимъ образомъ и въ сферѣ уголовного права татарскіе обычаи не болѣе, какъ видоизмѣненные осетинскіе, и всѣ различія вызваны не процессомъ самостоятельнаго развитія, а простой замѣной старинныхъ обычаевъ постановленіями шаріата.

¹⁾ За покушеніе на убійство полагается $\frac{1}{4}$ платы за кровь.

Остается перейти къ гражданскому праву городскихъ татаръ и поставить по отношенію въ нему тотъ же вопросъ о сходствѣ его съ осетинскимъ. Но прежде чѣмъ сдѣлать это, намъ необходимо познакомиться въ общихъ чертахъ съ самыми основами общественнаго быта татаръ, безъ чего невозможно понять особенности ихъ имущественнаго и наслѣдственнаго права.

Подобно другимъ народностямъ Кавказа болгарцы доселѣ живутъ родовыми сообществами. Нерѣдко цѣлые аулы, каковы, напримѣръ, азроковскій или урусбѣевскій, основываются исключительно однимъ родомъ который въ этомъ случаѣ и переноситъ на нихъ свое фамильное названіе. Если съ теченіемъ времени теряется первоначальная чистота крови, и въ аулѣ, рядомъ съ основавшимъ его родомъ, появляются и другіе, то причина тому лежитъ въ позднѣйшемъ поселеніи горскими князьями или таубіями всѣхъ, кто готовъ былъ стать подъ ихъ защиту и сдѣлаться ихъ челоуѣкомъ, т. е. нести, взаи́мнѣ получаемаго земельного надѣла, извѣстныя службы и платежи. Какъ и въ другихъ обществахъ, построенныхъ на кровномъ началѣ, такъ и въ средѣ татаръ родственники не живутъ всѣ совмѣстно, а распадаются на нѣсколько дворовъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ 25 и болѣе челоуѣкъ обоого пола ¹⁾. Каждый дворъ имѣетъ свое отдѣльное отъ другихъ имущество, состоящее въ завѣдываніи старшаго по лѣтамъ, а также свои домашнія боже-ства. Эта послѣдняя черта выступаетъ въ бытѣ болгарцевъ съ такою же отчетливостью и опредѣленностью, какъ и въ бытѣ осетинъ.

Татарскій дворъ подобно осетинскому представляетъ собою рядъ построекъ плотно соприкасающихся одна къ другой. У зажиточныхъ лицъ одна изъ нихъ отводится подъ кунацкую, т. е. предназначается для гостей; у бѣдныхъ ея нѣтъ, и гости проводятъ ночь въ отдѣленіи холостыхъ мужичинъ. Центральную часть дома составляетъ общая кухня. Она состоитъ обыкновенно изъ довольно просторнаго помѣщенія съ отверстіемъ наверху для выхода дыма. Съ переброшеннаго черезъ отверстие бруска

---

¹⁾ Магометъ Урусбѣевъ приводилъ намъ примѣръ двора въ Хуламъ съ 183 чел. обоого пола.

спускается желѣзная цѣпь, такъ—называемый «сынжиръ», къ которой привѣшивается мѣдный котель («сра») для варки пищи. Подъ самымъ отверстіемъ помѣщаются два желѣзныхъ бруса («топырь»), покрытыхъ грифельной доской («отпаши»), на которой печется хлѣбъ. При такомъ устройствѣ центральное помѣщеніе татарской сакли въ нѣкоторомъ смыслѣ напоминаетъ собою «atrium» древняго римскаго дома съ помѣщаемымъ въ серединѣ его алтаремъ. Подобно атриуму оно считается главной частью двора и играетъ важную роль во всѣхъ дѣйствіяхъ совершаемыхъ семьею или отъ ея имени: тутъ рѣшаются вопросы объ отдачѣ въ замужество и о полученіи платы за кровь; ищущій убѣжища преступникъ старается прежде всего проникнуть въ это помѣщеніе; разъ онъ вошелъ подъ его кровлю,—онъ считаетъ себя спасеннымъ отъ преслѣдованія и по обычаю не можетъ быть выданъ, будь онъ даже виновникомъ смерти кого-либо изъ домоладцевъ. Помѣщеніе съ очагомъ является одновременно и кухней, и столовой; въ немъ каждому отведено свое мѣсто: прислугѣ направо отъ очага, хозяйкѣ направо, хозяину же посерединѣ. Это же помѣщеніе служитъ заломъ для увеселеній; если танцы не происходятъ на воздухѣ передъ саклей, то для нихъ нѣтъ другаго мѣста кромѣ столовой. Семейныя торжества, какъ общее правило, отправляются исключительно здѣсь. Наконецъ и въ семейномъ культѣ общая кухня играетъ главную роль: въ ней производятся всѣ поминки по мертвецамъ и приносятся въ ихъ честь всякаго рода жертвоприношенія. Эти поминки почти также часты, какъ и у осетинъ. Кромѣ поминокъ, которыя слѣдуютъ за похоронами и извѣстны подъ именемъ «ашъ», каждая семья, по разсказамъ стариковъ, справляетъ ихъ еще ежемѣсячно въ разъ навсегда опредѣленные сроки. Названіе послѣднихъ поминокъ «чѣкъ». Производятся они всего чаще ночью и обязательно въ общей столовой. Обряды, которыхъ татары придерживаются при совершеніи «чѣкъ», тѣмъ болѣе интересны, что они по своему характеру вполне отвѣчаютъ тѣмъ представленіямъ о загробной жизни и о сношеніяхъ живущихъ поколѣній съ умершими, какихъ придерживались древніе индусы, греки и римляне. Подземная жизнь мертвецовъ, во многомъ сходная съ нашей, вотъ къ чему сводилось, какъ

известно, древнѣйшее ученіе о загробной жизни. Одухотвореніе послѣдней или переселеніе покойниковъ на небо были ему равно чужды. Отсюда необходимо вытекало то послѣдствіе, что потомокъ обязанъ былъ питать предка и послѣ его смерти, принося ему пищу въ положенные для того сроки. Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ ученіемъ, которое, какъ показалъ Фюстель де-Куланжъ, составляетъ общее достояніе восточной и южной вѣтви арійской расы и вѣроятно вынесено изъ ихъ первоначальной родины, болгарцы доселѣ придерживаются слѣдующихъ характерныхъ обрядовъ. Въ ночь того дня, который посвящается семьею на поминки ея покойниковъ, обыкновенно готовятъ чучело изъ дерева и тряпокъ, которое одѣваютъ затѣмъ въ платье недавно умершаго родственника. Это чучело сажаютъ за-одно съ семьею вокругъ очага, плачутъ и горюютъ около него, жалуясь ему на свои несчастья. Затѣмъ подносятъ ему угощенье, послѣ чего всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и выходятъ изъ сакли, чтобы дать покойному время поѣсть. По возвращеніи снова садятся и съѣдаютъ приготовленный хозяйкою ужинъ. За поминками слѣдуютъ скачки, во всемъ однохарактерныя съ осетинскими. На-ряду съ этими ежемѣсячными поминками болгарцамъ были известны и годовые; не далѣе какъ три года назадъ они были устроены въ честь предковъ населеніемъ болгарскаго аула. Если въ настоящее время эти поминки все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, то исключительно вслѣдствіе гоненія со стороны усиливающагося мусульманства. Годовыя поминки совпадаютъ съ праздникомъ «голѹ» и устраиваются отдѣльными сельскими обществами въ серединѣ марта. Праздникъ этотъ длится подъ-рядъ нѣсколько дней и ночей. Въ одну изъ послѣднихъ совершаются общія поминки по предкамъ; пекутся пироги, жариваются бараны и изъ всего этого предлагаются лучшіе куски покойникамъ. Народъ думаетъ, что въ эту ночь предки выходятъ изъ могилъ, и что если ихъ умилостивить пищей, народу спокойно можно ждаты ближайшимъ лѣтомъ хорошей жатвы.

Въ описанныхъ обрядахъ съ ихъ наивностью, которая характеризуетъ собою старинныя религіозныя вѣрованія, выступаетъ вполне фактъ признанія загробной жизни и представле-

нія о ней, какъ о продолженіи земной. На покойника татары, подобно индусамъ или грекамъ, смотрятъ какъ на покровителя семьи, почему и приносятъ ему жалобы на постигшія ихъ бѣдствія. Хорошо кормимый, а потому и вполне довольный своимъ потомствомъ, предокъ не преминетъ ниспослать на него изъ могилы всевозможныя благоденствія, избавить его отъ засухи и града, надѣлать обильными урожаями; надо только молиться ему, да не отказывать во всемъ, что доставляло ему удовольствіе при жизни;—вотъ почему за поминками слѣдуютъ скачки, каждый разъ специально посвящаемыя покойникамъ. Живется послѣднимъ хорошо и потомству будетъ недурно. Другое дѣло, если у предковъ окажется недостатокъ въ чемъ-либо: разгнѣванные они неминуемо превратятся въ злыхъ геніевъ и накажутъ потомство неурожаями и голодомъ.

Культъ предковъ стоитъ, какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ поклоненіемъ домашнему очагу. Это поклоненіе у большинства арійскихъ народовъ принимаетъ характеръ своего рода огнепоклонства. Тлѣющій огонь постоянно долженъ быть поддерживаемъ на домашнемъ алтарѣ—говорятъ въ одно слово индусскіе и греческіе источники. Спрашивается: не осталось ли какихъ слѣдовъ этого культа и у болгарцевъ? Обязанности держать очагъ всегда зажженнымъ они не знаютъ, но одна любопытная черта поклоненія домашнему огню доселѣ сохранена ими. Культъ очага, какъ извѣстно, культъ исключительный, не выходящій изъ сферы лицъ живущихъ однимъ дворомъ. Отсюда древнія предписанія, что потухшій огонь не можетъ быть зажженъ снова съ помощью огня взятаго у чужого двора. Это предписаніе доселѣ встрѣчается въ средѣ болгарцевъ, но въ столь измѣненномъ видѣ, что его даже трудно узнать. Въ извѣстный день въ году (у каждой семьи свой особый) татарскій дворъ отказывается снабдить сосѣдей огнемъ. Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ обычай представляетъ собой переживаніе существовавшаго нѣкогда представленія, что такая передача приобщаетъ сосѣдей къ одному съ дворомъ домашнему культу. Какъ мало современные татары понимаютъ дѣйствительный смыслъ такого запрещенія,—видно изъ того, что они ставятъ его въ одинъ рядъ съ такъ-называемымъ «хардарь-чюкъ» или запре-

щеніемъ отчуждать хлѣбъ и пиво, приготовляемые ежегодно изъ перваго помола;—тогда какъ на самомъ дѣлѣ природа того и другого совершенно различна: первый стоитъ въ связи съ культомъ предковъ, второй по всей вѣроятности имѣть въ основѣ своей чисто-фактическія отношенія—затрату годовыхъ урожаевъ на удовлетвореніе потребностей семьи, изъ чего современемъ и могло возникнуть правило о неотчужденіи ихъ, по крайней мѣрѣ въ самомъ началѣ, въ руки чужеродцевъ. Какъ бы то ни было, но указанный запретъ ссужать сосѣдей пламенемъ въ положенный день въ году является въ наше время единственнымъ слѣдомъ такъ долго державшагося у арійцевъ культа домашняго огня.

Причина тому лежитъ, какъ намъ кажется, въ томъ, что тѣ представленія, какія въ древности связывались съ очагомъ; перенесены болкарцами и осетинами на висящую надъ нимъ желѣзную цѣпь. Осетины называютъ эту цѣпь «рахисъ» и ставятъ ее въ таинственную связь съ Сафою, духомъ-покровителемъ семейнаго очага. Болкарцамъ она извѣстна подъ прозвищемъ «сынжыръ». И тѣ, и другіе окружаютъ ее одинаковымъ почетомъ. Продать цѣпь, а также подставки для хлѣба и ту грифельную доску, которая лежитъ на нихъ, считается у болкарцевъ позоромъ; то же по отношенію къ цѣпи встрѣчаемъ у осетинъ. Если кто осмѣлится выкинуть цѣпь изъ дому, все равно съ цѣлью ли похищенія, или нѣтъ, его неминуемо ожидаетъ месть всего двора, такъ какъ онъ считается оскорбителемъ его чести. Та же цѣпь играетъ немаловажную роль въ свадебномъ ритуалѣ. Прикосновеніе къ ней невѣсты считается съ ея стороны заявленіемъ готовности слиться воедино съ ея новою семьею, точь въ точь какъ у древнихъ римлянъ или грековъ прикосновеніе къ домашнему очагу считалось символомъ пріобщенія къ семейному культу.

Приведенныхъ случаевъ обращенія къ цѣпи, какъ къ символу домашняго очага, вполне достаточно для того, чтобы прійти къ убѣжденію, что надъ-очажная цѣпь играетъ въ бытѣ татаръ ту же роль, какая принадлежала нѣкогда въ греческомъ, римскомъ и индусскомъ обществахъ зажженному на очагѣ пламени.

Изъ всего сказаннаго съ очевидностью слѣдуетъ тотъ выводъ, что въ средѣ горскихъ татаръ религіозная сторона семейной общины сохранилась такъ же ярко, какъ и у осетинъ.

Основанная на единствѣ крови, общеніи культа и фактѣ со- владѣнія имуществомъ, семейная община необходимо опредѣ- ляетъ собой характеръ тѣхъ нормъ, которыми болкарцы руко- водятся въ своихъ гражданскихъ сношеніяхъ.

Мы сказали уже, что во главѣ семейной общины стоитъ у нихъ обыкновенно старшій по лѣтамъ ¹⁾). Спрашивается: можно ли видѣть въ немъ неограниченнаго владыку надъ личностью и собственностью домочадцевъ въ родѣ того, какимъ былъ рим- скій «*pater familias*»? Отнюдь нѣтъ. Подобно домашину южно- славянской задруги и набольшому нашей крестьянской семьи, старѣйшина татарскаго двора не болѣе какъ «*primus inter pa- res*». Онъ завѣдуетъ хозяйствомъ семьи, направляетъ занятія каждаго изъ ея членовъ, требуетъ отъ нихъ безусловной пе- редачи всѣхъ ихъ заработковъ въ общую казну, производитъ въ случаѣ нужды займы и отчуждаетъ семейные доходы, не иначе однако какъ съ общаго согласія, наконецъ онъ является представителемъ семьи во всѣхъ ея сношеніяхъ съ чужими дво- рами, а также и передъ лицомъ суда. Далѣе этого власть его не идетъ. Исключеніе изъ семьи отдѣльныхъ членовъ и изгна- ніе послѣднихъ производятся не иначе, какъ въ силу рѣше- ній принятыхъ семейнымъ совѣтомъ.

Точно также продажа общаго имущества возможна лишь въ случаѣ безусловнаго единодушія на этотъ счетъ всѣхъ домочад- цевъ. Нѣтъ его—и сдѣлка считается недействительною; каж- дый протестующій членъ вправе остановить ея исполненіе или пріобрѣсти имущество въ собственную пользу, представивъ за него сумму равную той, какую предлагаетъ покупатель. Но этого мало: соглашеніе состоялось, имущество продано,—и все же каждый изъ домочадцевъ можетъ помѣшать безповоротному владѣнію имъ со стороны покупателя; для этого достаточно выплатить ему покупную цѣну. Такое право выкупа принад- лежитъ впрочемъ не однимъ родственникамъ, но и сосѣдямъ,

---

1) При неспособности старшаго можетъ быть выбранъ и болѣе молодой.

жителямъ одного аула—лучшее указаніе тому, что послѣдніе на первыхъ порахъ были связаны между собой узами кровн; сосѣдскій выкупъ, какъ извѣстно, не болѣе, какъ удерживаемый сосѣдами въ свою пользу родовой выкупъ.

Нераздѣльность и неотчуждаемость семейнаго имущества, нарушаемая лишь при согласіи на раздѣлъ или продажу всѣхъ однодворцевъ—причины тому, что обычному праву болгарцевъ совершенно чуждъ принципъ свободы дареній. Даренія равно невозможны, будутъ ли онѣ сдѣланы въ дарственной или завѣщательной формѣ. И то, и другое положеніе требуютъ однако нѣкоторой оговорки. Дареніе возможно въ томъ случаѣ, когда одаряемымъ лицомъ является церковь, такъ какъ по понятіямъ татаръ, совершенно сходнымъ въ этомъ отношеніи съ осетинскими, такое дареніе не является вполнѣ безвозмезднымъ: наградою за него считается пріобрѣтенная семьею милость Божья. Эта точка зрѣнія далеко не составляетъ особенности кавказскихъ горцевъ: мы находимъ ее одинаково и въ индусскомъ, и въ германскомъ правѣ; первыя отчужденія земельной собственности всюду являются дареніями въ пользу церкви.

Что касается до завѣщаній, то до послѣдняго времени они совершенно не были извѣстны. По обычаю или адату завѣщаніе невозможно и въ настоящее время.

Другаго воззрѣнія придерживается на него шаріатъ, правила котораго все чаще и чаще принимаются въ расчетъ аульными и горскими судами. Распоряженіе движимостью, сдѣланное на смертномъ одрѣ, хотя бы и словесно, признается въ настоящее время обязательнымъ, а завѣщанію не подлежатъ только недвижимыя имущества.

При существованіи семейной общины, нѣтъ, очевидно, простора для развитія частной собственности на землю: пахатныя земли и луга состоятъ, какъ общее правило, во владѣніи отдѣльныхъ дворовъ; пастбища и лѣса составляютъ общую собственность всѣхъ жителей одного или нѣсколькихъ ауловъ. То же находимъ мы и въ средѣ болгаръ. Тѣмъ не менѣе частная собственность зарождается здѣсь, какъ и повсюду, благодаря частью семейнымъ раздѣламъ, частью занятію нигѣмъ еще не присвоенной земли.

Въ обществѣ, уже замиренномъ, возникновенію собственности нерѣдко кладеть основаніе освобожденіе земли отъ дѣса и поднятіе ея плугомъ; но въ обществѣ, подобномъ тому, какое представляютъ собою горскія племена Кавказа, военная защита разъ занятой территоріи признается такимъ же основаніемъ къ праву собственности, какъ и мирный трудъ земледѣльца. Такъ, повидимому, понимали дѣло и римляне и германцы. Не даромъ *occupatio bellica* фигурируетъ у нихъ въ числѣ способовъ пріобрѣтенія собственности, а копье и стрѣла играютъ такую выдающуюся роль при передачѣ недвижимости.

Слабое развитіе частной собственности не допускаетъ обилія формъ договорнаго права; неудивительно поэтому, если послѣднее только зарождается между болгарцами. Въ этомъ отношеніи ихъ обычаи являются опять-таки снимкомъ съ осетинскихъ. Объемъ народностямъ извѣстны одинаковые виды договоровъ и одинаковые виды ихъ обезпеченія. Первыми являются дареніе или «берю», продажа или «сату», которая, при платежѣ не только деньгами, но и скотомъ, ничѣмъ не отличается отъ мѣны; ссуда производилась всѣми видами имущества, съ процентами или безъ процентовъ; далѣе:—поклажа или «аманать», аренда земли съ половины или съ четвертой части урожаявъ, наконецъ, личный наемъ, всего чаще практикуемый въ формѣ словеснаго договора съ баранщикомъ и табунщикомъ о вознагражденіи ихъ изъ приплода. Что же касается до тѣхъ средствъ, которыми болгарцы гарантируютъ исполненіе договора, то, при отсутствіи у нихъ задатка и неустойки, ими являются только поручительство и залогъ. Поручительство и залогъ сохранили еще ихъ древнѣйшую форму, а именно: первое носить слѣды заложничества, при которомъ возможны одинаково имущественная и личная отвѣтственность поручителя; второе имѣетъ характеръ имущественнаго найма, такъ какъ пользованіе земельнымъ участкомъ предоставляется кредитору во все время продолженія ссуды. Такого рода залогъ извѣстенъ подъ наименованіемъ «бенденды» (у осетинъ «бавстау»). При установленіи его кредиторъ лишается процентовъ, точно такъ же какъ при такихъ же условіяхъ лишается онъ ихъ въ Индіи ¹⁾). Для исторіи залоговаго

1) Vishnu, VI, § 2.

права институтъ бегенды весьма интересенъ; это несомнѣнно древнѣйшая форма залога недвижимости, ничѣмъ не отличающаяся отъ заклада. Она возникла, по всей вѣроятности, по образцу обезпеченія кредитора скотомъ и, въ частности, коровами, при которомъ пользованіе предметомъ залогопринимателя, очевидно, является необходимостью. Европейскимъ законодательствамъ извѣстна въ прошломъ совершенно такая же форма; это *nantissement* во Франціи, *mortgage* въ Англіи. Здѣсь кредиторъ вправѣ извлекать изъ залога доходъ до момента отдачи ему долга.

Не менѣе интереснымъ для историка является и тотъ способъ вычисленія процентовъ, какого придерживаются болгарцы по образцу осетинъ. Такъ какъ ссуда дѣлается у нихъ обыкновенно скотомъ, то въ основаніе процентной системы положенъ естественный приплодъ коровы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доходъ доставляемый ею въ формѣ молока и сыра. Окружной начальникъ Петрусовичъ, долгое время прожившій въ средѣ карачаевцевъ, живущихъ у подошвы Эльборуса, передаетъ о ней слѣдующія интересныя подробности. Не зная денегъ, горцы не могли представить себѣ, какимъ образомъ могутъ давать проценты такіе предметы, которые сами по себѣ не даютъ приплода ¹⁾, и поэтому они избрали за мѣновую единицу корову, естественный приплодъ которой и составилъ проценты на капиталъ. Кобылицу и быка не приняли за мѣновую единицу, потому что у многихъ ихъ вовсе не было. Разъ корова была признана мѣриломъ цѣнности, образовался цѣлый рядъ правилъ для вычисленія процентовъ, правилъ, основанныхъ на ея приплодѣ, а также на даваемомъ ею молокѣ. При этомъ вычисленіи въ основаніе положенъ тотъ произвольный фактъ, что корова всегда телится не теленкомъ, а телушкой; принято это основаніе въ тѣхъ видахъ, что изъ телушки со временемъ образуется корова, которая, въ свою очередь, дастъ приплодъ и такъ до бесконечности, — что и дѣлаетъ возможнымъ вычисленіе процентовъ по долгосрочнымъ ссудамъ. Кромѣ приплода, горцы,

---

1) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, выпускъ IV. Замѣтка о карачаевскихъ адатахъ по долговымъ обязательствамъ.

при вычисленіи процентовъ, приняли въ расчетъ и ту пользу, какую корова приноситъ своимъ молокомъ, и, переведя ее на мѣновую единицу, признали равной двумъ баранамъ или, что то же, двумъ седьмымъ коровы (корова стоитъ въ семь разъ больше барана). Такъ какъ корова телится разъ въ году, и такъ какъ данная ею телушка черезъ два года можетъ сама сдѣлаться коровой, то, при вычисленіи процентовъ за два года, горцы считаютъ на каждую корову еще одну и, сверхъ того, одну телушку. На каждый годъ корова даетъ еще своимъ молокомъ стоимость двухъ барановъ, поэтому послѣдніе также должны быть отнесены въ число процентовъ. Сообразно этому, дѣлается вычисленіе процентовъ и на болѣе продолжительные сроки. Судя по одному мѣсту индусскаго свода Вишну, запрещающему брать проценты при ссудѣ скотомъ, на томъ основаніи, что въ счетъ ихъ долженъ идти приплодъ, можно думать, что индусы знали такой же способъ вычисленія процентовъ, чѣмъ, по всей вѣроятности, и объясняется, съ одной стороны, высокій размѣръ ихъ, а съ другой, возможность взиманія у нихъ не только процентовъ, но и процента на процентъ. И нашимъ предкамъ, по всей вѣроятности, не было чуждо вычисленіе процентовъ приплодомъ. Право думать такъ даетъ тотъ фактъ, что въ «Русской Правдѣ» за статьями о ростѣ, въ которыхъ говорится о процентѣ деньгами и присыпомъ (хлѣбнымъ зерномъ), слѣдуетъ подробное вычисленіе того приплода, какой можно ждать отъ скота въ 10-ти или 12-лѣтній періодъ; а это, очевидно, было бы дѣломъ совершенно излишнимъ, если бы и у насъ, какъ въ Индіи, ссуда скота не вознаграждалась получаемымъ отъ него приплодомъ.

Когда деньги вошли въ употребленіе у горцевъ, они не оставили своей старой системы вычисленія процентовъ, а стали только переводить на новую мѣтовую единицу свои прежнія вычисленія. При этомъ, по существующимъ въ то время цѣнамъ, корова была признана равной по цѣнѣ 10 рублямъ или что то же—семи телкамъ или семи баранамъ (такъ какъ послѣдніе два вида скота были въ равной цѣнѣ). Такимъ образомъ, при расчетѣ процентовъ за два года съ капитала въ 10 рублей или, что то же, съ коровы, мы получаемъ одну корову и телушку;

переводъ на деньги даетъ намъ 10 рублей + $\frac{1}{4}$ часть 10-ти рублей; слѣдовательно, въ два года капиталъ болѣе чѣмъ удваивается. Примѣняя это пачало къ ссудамъ зерномъ и другими продуктами, балкарцы требуютъ, обыкновенно, въ концѣ года съ мѣрки поль-мѣрки «присыпу», а съ котла бузы или пива половину послѣдняго. Никакихъ мѣръ къ ограниченію размѣра процентовъ или къ воспрещенію процента на процентъ они не знаютъ, почему сдѣланные ими долги нерѣдко въ нѣсколько разъ превосходятъ занятую сумму, а это, въ старые годы, при невозможности расплаты, вело къ частому закабаленію, въ настоящее же время послѣдствіемъ его является совершенное раззореніе многихъ семей и родовъ.

Переходимъ къ описанію семейнаго права балкарцевъ и связанныхъ съ нимъ нормъ наслѣдованія.

Хотя и мусульмане, балкарцы рѣдко обращаются къ полигаміи. Причины тому—частію неизмѣніе средствъ для содержанія нѣсколькихъ женъ, частію удержанная ими хрістіанская традиція. Самые богатые рѣдко когда имѣютъ двухъ женъ и отнюдь не болѣе. Любовницъ они, какъ общее правило, не держали, вѣроятно потому, что до 1867-го года,—времени освобожденія зависимыхъ сословій—мѣсто ихъ занимали рабыни, сожительствовать съ которыми каждый домохозяинъ былъ вправе. Нерѣдко эти рабыни ссужаемы были сосѣдямъ съ правомъ собственника удерживать въ свою пользу ихъ новорожденныхъ,—точь-въ-точь какъ въ Индіи, въ которой законодатель не допускалъ процентовъ при такихъ ссудахъ, считая ростомъ рождаемыхъ отъ рабынь дѣтей.

Бракъ у балкарцевъ заключается въ настоящее время путемъ свободнаго договора съ родителями невѣсты; но уговоръ этотъ носить еще всѣ слѣды древней купли, а въ свадебномъ ритуалѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, есть много обрядовъ, свидѣтельствующихъ о господствѣ нѣкогда обычая похищать невѣсть. Переговоры съ родителями невѣсты ведутся обыкновенно кѣмъ-либо изъ родственниковъ жениха. Въ случаѣ согласія родители, не давая посреднику рѣшительнаго отвѣта, отсылаютъ его къ самой невѣстѣ, которая на троекратный вопросъ о ея желаніи обыкновенно отвѣчаетъ утвердительно, такъ какъ

родительская воля для нея законъ. Уговорившись такимъ образомъ между собою, семьи жениха и невѣсты приступаютъ къ составленію брачнаго условія или «накяхъ», въ которомъ выговариваютъ количество возносимаго женихомъ калыма, а также опредѣляютъ, какіе подарки должны быть сдѣланы имъ невѣстиной роднѣ. Накяхъ записывается эфенди или муллою въ присутствіи свидѣтелей, обыкновенно стариковъ. Если послѣ заключенія его женихъ не устоитъ въ уговорѣ и откажется отъ невѣсты, то обязанъ уплатить ея роднымъ половину калыма. Но разъ женихъ имѣлъ сношеніе съ дѣвушкой въ своемъ домѣ и затѣмъ по какой-либо причинѣ разошелся съ ней—онъ обязанъ уплатить калымъ сполна ¹⁾. Исключеніе представляютъ тѣ случаи, когда въ невѣстѣ окажутся извѣстные недостатки, несуществовавшіе или незамѣченныя въ моментъ составленія накяхъ, какъ, напримѣръ, потеря невинности, глухота и т. п.

Размѣръ калыма зависитъ отъ того, къ какому сословію принадлежитъ невѣста. Изъ общаго правила, что въ калымъ за дочь князя или таубія должны поступить 800 р., встрѣчается исключеніе лишь въ урусбѣевскомъ обществѣ, да въ Карачаѣ, гдѣ калымъ доходитъ до 1500 рублей. Лица простаго званія выдаютъ замужъ своихъ дочерей за меньшую плату—рублей за 300. Калымъ за вдову ниже обыкновеннаго. Встрѣчаются также случаи уплаты калыма въ размѣрѣ 200 рублей ²⁾. Что касается до подарковъ, то въ накяхѣ выговаривается каждый разъ лошадь въ пользу отца или дяди невѣсты (такъ-называ-

---

1) Въ одномъ дѣлѣ, отъ 23 октября 1882 года, разбиравшемся въ нальчинскомъ горскомъ судѣ, мы читаемъ:—народный кади правила шаріата объяснялъ слѣдующимъ образомъ; накяхъ есть брачное условіе между женихомъ и невѣстою, совершенное имъ лично или чрезъ довѣренныхъ, причемъ опредѣляется извѣстная плата за невѣсту. Если женихъ, до взятія невѣсты въ домъ свой, по какой-либо причинѣ откажется отъ нея, то обязанъ уплатить половину калыма. Но разъ онъ имѣлъ сношенія съ нею въ своемъ домѣ и затѣмъ, по какой-либо причинѣ, пожелаетъ удалитъ ее, онъ обязанъ уплатить калымъ полностью.

2) Дѣло 1882 года о похищеніи жены Абеева, въ которомъ приводится размѣръ уплаченнаго имъ калыма, въ первый разъ 800 р., во второй всего 200 р

емый анакарандашаты), лошадь въ пользу ея брата (егештен-тула) и лошадь въ пользу молочной матери (сюдхагаты). Под-часъ мѣсто лошади занимаетъ пара быковъ. Во всемъ этомъ, если не говорить о накахъ, совершеніе котораго предписы-вается шаріатомъ, обычаи татаръ цѣликомъ воспроизводятъ нормы осетинскаго права. Различіе начинается тамъ, гдѣ воз-никаетъ вопросъ о приданомъ. Въ прежнія времена его не было у балкарцевъ, какъ нѣтъ у осетинъ. Правила шаріата и здѣсь явились причиною новшества. Въ настоящее время отецъ от-даетъ въ пользу невшты обыкновенно весь калымъ, а иногда прибавляетъ къ нему кое-что отъ себя по части платья и украшеній. Составляемое, такимъ образомъ, приданое или «би-рене» поступаетъ въ отдѣльное отъ мужа владѣніе жены и на случай развода обезпечиваетъ ее имущественно ¹⁾.

Мы сказали, что въ татарской свадьбѣ сохранились слѣды стариннаго обычая похищенія невшты. Эти слѣды мы видимъ прежде всего въ томъ, что женихъ не смѣетъ самъ прѣхать за невштой, а наоборотъ все время скрывается у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Первое время послѣ свадьбы мужъ можетъ жить съ молодою не иначе, какъ въ чужомъ домѣ—домѣ пріятели, который отнынѣ становится для него лицомъ столь же близкимъ, какъ и аталыкъ или воспитатель, и получаетъ на-звание «балушъ». Въ супружескія права женихъ также всту-паетъ не иначе, какъ тайкомъ и ночью, скрываясь отъ всѣхъ и преслѣдуемый аульной молодежью, которая взобравшись на крышу, спускаетъ въ трубу камина всякаго рода птицъ и домаш-нихъ животныхъ, бросаетъ папахи и дѣлаетъ выстрѣлы, пока не истощатся всѣ заряды ²⁾. Къ матери и вообще во дворъ невшты

¹⁾ Въ одномъ дѣлѣ читаемъ: имѣніе жены не отвѣчаетъ за долги мужа; поэтому не можетъ быть задержана подаренная ей корова или волъ, данные ей ея братьями въ счетъ приданнаго (протоколъ нальчикскаго горскаго суда за 1882 годъ).

²⁾ Не слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ послѣднихъ обычаяхъ своего рода протеста родственниковъ противъ присвоенія дѣвушки исключительно однимъ изъ ихъ среды,—протеста, корень котораго лежитъ въ той се-мейной полиандріи, каковую Махъ-Ленанъ предпосылаетъ по времени инди-видуальному браку?

мужъ не показывается долгое время, какъ бы опасаясь мести. Въ свою очередь поѣзжане или «кѣдженгеры», посылаемые женихомъ за невестой, готовятъ къ поѣздкѣ точно къ бою и подчасъ немало испытываютъ всякихъ неприятностей отъ молодежи того аула, изъ котораго берется ими невеста—точно въ возмездіе за ея похищеніе. Намъ извѣстенъ между прочимъ одинъ случай, когда эти притѣсненія, выражающіяся нерѣдко въ шуточныхъ выстрѣлахъ, кончились даже убійствомъ. Что же касается до пораненій или порчи платья, то это явленія самыя обыкновенныя ¹⁾).

Представленныя подробности свадебнаго ритуала являются буквальныймъ воспроизведеніемъ тѣхъ, какія доселѣ представляють собою осетинскія свадьбы. Укрывательство жениха, обиды поѣзжанамъ, обязанность мужа жить первое время въ чужомъ дворѣ, запрещеніе ему показываться на глаза тещѣ — все это осетины знаютъ такъ же хорошо, какъ и горцы.

Если увозъ подъ названіемъ «каскагерга» въ настоящее время и встрѣчается въ средѣ балкарцевъ, то не иначе какъ съ предварительнаго согласія похищаемой. Дѣло обыкновенно кончается соглашеніемъ, при чемъ женихъ сверхъ калыма платитъ еще извѣстную пеню за безчестіе: у таубіевъ нерѣдко 800 р., у простонародья отъ 50 до 100 р.

Права мужа надъ женой мало напоминають собою тѣ, какія входили въ понятіе римской «*manus*». Подобно осетинскимъ балкарскіе мужья могутъ исправлять своихъ женъ тѣлесно, но убить ихъ безнаказанно не могутъ. Мстителями за смерть жены явились бы ея родственники, которымъ пришлось бы заплатить если не полный, то половинный размѣръ платы за кровь. Что касается до женина имущества, то, какъ уже сказано выше, мужъ не въ правѣ распоряжаться имъ по произволу и не можетъ обременять его собственными долгами. Между имуществами супруговъ существуетъ полная раздѣльность. Мужъ можетъ быть управителемъ женинаго приданаго, но лишь подъ условіемъ полной отчетности въ способѣ пользованія имъ. При раз-

---

¹⁾ Срав. Грабонскаго, «Свадьба въ горскихъ обществахъ кабардинскаго округа. Сб. свѣд. о кавказскихъ горцахъ», выпускъ 2-й.

вѣдѣ жена вступаетъ въ исключительное обладаніе всѣмъ, что выговорено было ей въ нагахъ.

Обычное право татаръ допускаетъ, по образцу осетинскаго, разводъ по волѣ одного изъ супруговъ. Если мужъ прогоняетъ жену, онъ обязанъ выплатить калымъ сполна; если жена оставляетъ мужа, родные ея принуждаются обычаемъ къ возвращенію двойной суммы того, что было взято ими въ калымъ.

По смерти мужа жена сохраняетъ извѣстныя права на его имущество. Правда, они признаются за ней не по обычаю, а на основаніи шаріата, и этимъ объясняется, почему такія права неизвѣстны осетинамъ. Вдовья часть бездѣтной вдовы—одна четвертая, имѣющей потомство—одна восьмая. Это пониженіе доли объясняется тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ жена остается при дѣтяхъ и слѣдовательно менѣе бездѣтной нуждается въ жизненныхъ средствахъ.

До послѣдняго времени впрочемъ вдовы у татаръ, какъ и у осетинъ, обыкновенно вступали въ бракъ съ кѣмъ-либо изъ рода покойнаго, всего чаще съ его неженатымъ братомъ. Эта вымирающая форма «левирата» или деверства, извѣстная одинаково индусамъ и евреямъ, носитъ въ средѣ горскихъ обществъ названіе «туль»; о вдовѣ говорятъ, что она «туль», т. е. собственность семьи покойнаго, которая (собственность) поэтому съ прочимъ наслѣдствомъ должна перейти къ оставшимся по его смерти членамъ двора.

Переходя къ отношенію родителей къ дѣтямъ и къ взаимнымъ отношеніямъ родственниковъ, мы не станемъ останавливаться на правѣ отца исправлять своихъ дѣтей, женить ихъ по собственному выбору, платя и соотвѣтственно получая за нихъ калымъ. Все это факты одинаково извѣстные и татарамъ, и осетинамъ. Мы не остановимся также на обычаѣ, по которому дѣти не имѣютъ права требовать раздѣла имущества при жизни ихъ родителя, такъ какъ эта черта является общей всѣмъ народамъ, быть которыхъ опирается на кровное начало и нераздѣльность семейнаго имущества. Мы отмѣтимъ только ту любопытную подробность, что балкарцамъ, подобно осетинамъ, наравнѣ съ физическимъ родствомъ извѣстно и духовное. Основаніемъ къ нему признается и воспринятіе ребенка отъ матери,

и вскормленіе его грудью, и воспитаніе его въ младенческомъ возрастѣ, и укрывательство супруговъ въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за бракомъ, и вступленіе въ братство по оружію.

Перерѣзавшая пуповину женщина (аначи), по нашему акушерка, считается родственницей новорожденнаго, а черезъ нее и вся ея семья; посему между обоими родами браки запрещаются въ тѣхъ же степеняхъ, чтѣ и между родственниками, т. е. до седьмой включительно.

Молочное родство, порождаемое фактомъ вскармливанія ребенка грудью, также соблюдается татарами весьма строго. Между родомъ кормилицы и родомъ вскормленнаго ею не можетъ быть брака. Татары знаютъ на этотъ счетъ слѣдующую поговорку, повидимому заимствованную ими у осетинъ: «молоко идетъ такъ же далеко, какъ и кровь», т. е. родство по кормилицѣ соблюдается въ тѣхъ же степеняхъ, чтѣ и кровное.

Къ молочному родству причисляется и то, основаніе которому владеть воспитаніе. Подобно осетинскимъ старшинамъ Тагауріи и Дигоріи балкарскіе князья имѣютъ обыкновеніе отдавать своихъ дѣтей въ чужія семьи, гдѣ они остаются до семилѣтняго возраста. Въ торжественной процессіи возвращается молодой князь къ родителямъ въ сопровожденіи воспитавшаго его лица ¹⁾. Съ этого времени между обоими родами возникаетъ родственная связь, и воспитанникъ, или «емчекъ», лишается права вступать въ бракъ съ кѣмъ-либо изъ семьи аталыка.

Къ аталыку приравнивается также «болушь» — то лицо, у котораго татаринъ проводитъ первые мѣсяцы послѣ брака. Онъ — также родственникъ и подобно аталыку причисляется къ кругу лицъ, бракъ съ семьей которыхъ запрещенъ.

Изъ всѣхъ видовъ фиктивнаго родства одно побратимство не ведетъ за собою брачныхъ стѣсненій. Устанавливается оно обменомъ оружія или другихъ предметовъ. «Малъ-джуокъ» или нареченный братъ не несетъ у татаръ, какъ и у осетинъ, другихъ обязанностей, кромѣ чисто-нравственныхъ и потому лишенныхъ всякой внѣшней санкціи.

¹⁾ Въ вознагражденіе за воспитаніе аталыкъ, сверхъ возмѣщенія издержекъ, получаетъ еще подарковъ рублей на 300.

Усыновленіе получило въ горскихъ обществахъ такое же слабое развитіе, какъ и въ Осетин, что объясняется условіями родового быта, неблагопріятно относящагося къ включенію въ родственную среду чужеродца-наслѣдника. Одинъ лишь видъ усыновленія пустилъ повидимому глубокіе корни: это тотъ, какой слѣдуетъ за примиреніемъ враждовавшихъ между собою родовъ. Съ уплатой «канъ-алгана» или композиціи связывается обыкновенно передача роду убитаго кого-либо изъ малолѣтнихъ родственниковъ убійцы. Дитя, извѣстное подъ прозвищемъ сына крови (канъ-емчекъ), обыкновенно остается два или три года въ новой для него семьѣ и затѣмъ возвращается къ родственникамъ, одаренный подарками. По достиженіи зрѣлаго возраста канъ-емчекъ не можетъ быть женихомъ дѣвушекъ изъ рода убитаго, такъ какъ считается ихъ родственникомъ.

Въ связи съ сказаннымъ о семейномъ бытѣ балкарцевъ совершенно понятными становятся нѣкоторыя нормы ихъ наслѣдственнаго права. Семейная община слишкомъ бережно относится къ сохраненію накопленнаго предками достоянія, чтобы допустить какъ свободу завѣщательныхъ распоряженій, чего, какъ мы видѣли, до послѣдняго времени не было и у горцевъ, такъ и передачу хотя бы части перешедшаго отъ предковъ имущества въ руки женщинъ, а черезъ ихъ посредство въ чужой родъ. Этимъ объясняется то правило обычая, по которому женщины не признаются наслѣдницами. До послѣдняго времени оно строго соблюдалось и дочери не получали никакой части въ наслѣдствѣ. Но съ успѣхами мусульманства и упроченіемъ шаріата въ судахъ все чаще и чаще встрѣчаются случаи предоставленія имъ завѣщателемъ той части имущества, которая полагается дочери по писаному закону магометанъ, т. е. половиною доли сравнительно съ тою, которую получаетъ сынъ. Эта доля при случаѣ можетъ сдѣлаться и болѣе значительной, такъ какъ дочери—обыкновенныя наслѣдницы той вдовьей части, введеніемъ которой горская женщина опять-таки обязана шаріату.

Что касается до сыновей, то они признаются наслѣдниками въ равной долѣ, за исключеніемъ впрочемъ старшаго, который, какъ и въ Осетин, получаетъ извѣстный прибавокъ скотомъ или землей. Прибавокъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ «тамата»

лыкъ». Въ Балкарскомъ аулѣ, кромѣ старшаго, и младшій братъ имѣеть право на незначительное увеличеніе его доли. И этому мы находимъ въ осетинскихъ обычаяхъ полную аналогію. «Кастагъ», или доля младшаго, у нихъ то же, что балкарскій «кичиликъ». Младшій получаетъ прибавку какъ лицо позже другихъ выдѣленное и потому долѣе другихъ трудившееся на пользу семьи; старшій — какъ преимущественный продолжатель рода, болѣе другихъ обязанный заботиться о культѣ покойниковъ и совершеніи поминокъ.

При бездѣтной смерти наслѣдниками являются не внуки, а братья покойнаго. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что право представительства неизвѣстно горцамъ. Если два брата жили послѣ смерти отца нераздѣльно и одинъ изъ нихъ умеръ, оставивъ двухъ сыновей, то эти послѣдніе получаютъ каждый по половинѣ того, что слѣдовало ихъ отцу; буде же одинъ изъ сыновей умретъ до кончины родителя, оставивъ двухъ наслѣдниковъ, то его доля помимо ихъ достается дядѣ. Сыновья, отецъ которыхъ умеръ невыдѣленнымъ, называются у горцевъ «тудукъ». При отсутствіи у наслѣдодателя одинаково сыновей и братьевъ наслѣдниками его одновременно являются всѣ болѣе отдаленные родственники, иначе говоря—весь родъ. Впрочемъ, пока не уничтожено было сословное устройство горцевъ—права родни, этой «Vrund», употребляя терминъ аллеманскихъ грамотъ, совершенно игнорировались князьями: имущество считалось выморочнымъ и поступало въ ихъ пользу. Въ настоящее время наслѣдованіе рода снова всплыло на поверхность и семейное достояніе приобрѣло возможность не выходить изъ рукъ единокровныхъ даже при совершенномъ вымираніи того или другого двора.

ГЛАВА VI.

Вліяніе арабовъ и приесениаго ими Шаріата.

Едва ли какое нашествіе оказало на судьбы Кавказа, по крайней мѣрѣ восточной его части, большее вліяніе, нежели нашествіе арабовъ. Это нашествіе не только положило конецъ начавшему упрочиваться здѣсь хозарскому владычеству, но и сдѣлалось источникомъ довольно медленнаго, впрочемъ, распространенія магометанства на Кавказѣ. Почти одновременное завоеваніе арабами Имперіи Сассанидовъ уничтожило въ корнѣ одно изъ тѣхъ вліяній, которыя всего ранѣе и всего сильнѣе оказались на бытѣ горцевъ. Я разумѣю вліяніе священныхъ книгъ Ирана—Авесты, ревностными распространителями которой являлись Сассаниды. Противъ огнепоклонства открыто было гоненіе, и подъ именемъ Езидовъ приверженцы культа огня и дуализма добраго и злаго начала поставлены были въ невозможность заключать браки съ магометанами. Запрещеніе это въ новое время отнюдь не было распространено на евреевъ и христіанъ ¹⁾. На ряду съ Зоро-

¹⁾ «Le musulman, поставляяетъ распространенный на восточномъ Кавказѣ Сборникъ Шааитскаго права, составленный въ XII в. Новави, ne peut épouser une femme dont la religion ne serait pas fondée sur quelquel livre sacré... On entend par «Infidèles dont la religion est fondée sur un livre sacré», les gens qui suivent une des révélations divines actuellement existantes, quoique abrogées par le Coran, c'est à dire les Juifs et les chrétiens... Le musulman ne peut donc épouser une idolâtre ou une Pyrolâtre, mais bien une Juive du Chrétienne Mirhadj: Talibin, Ratavia. 1883, VI, 347).

астризмомъ и христіанство должно было испытать на себѣ разрушительное вліяніе близкаго сосѣдства фанатиковъ мусульманъ. Арабскія полчища, предводимыя Абу-Муслимомъ, нашли христіанство вполне утвердившимся въ теперешнемъ казикамускомъ округѣ. Шопенъ сообщаетъ, что арабы называли его жителей терминомъ Гумикъ и считали ихъ христіанами ¹⁾. Это не помѣшало имъ построить въ самомъ Кумукѣ мечеть. Первый камень ея, согласно свидѣтельству Масуди, былъ положенъ самимъ Абу-Муслимомъ въ 777 году по Рождествѣ Христовомъ. Нѣсколько времени спустя возникли новыя мечети; одной изъ древнѣйшихъ, если не говорить о дербентской, слѣдуетъ признать мечеть въ Акушахъ. Исламъ далеко впрочемъ не сразу водворился среди горцевъ Дагестана. Въ Аварскомъ округѣ окончательное установленіе его должно быть отнесено не ранѣе какъ къ концу X-го вѣка. Въ глубинѣ горныхъ тѣсинъ христіанство продолжало держаться почти до нашихъ дней, и во времена Шамиля еще можно было найти — заброшенную правда — христіанскую церковь въ Гидатлѣ ²⁾.

Изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, что арабское вліяніе сказалось всего сильнѣе въ восточной части Дагестана, которую, благодаря отсутствію въ ней непроходимыхъ горныхъ тѣсинъ, легче было держать въ зависимости какъ самимъ арабамъ, избравшимъ центромъ своей политической власти сперва Казикумухъ, а затѣмъ Тарки, такъ и смѣнившимъ ихъ со временемъ персидскимъ правителямъ Дербента. Изъ Казикумуха и Тарокъ, гдѣ по преданію самими арабами основано было первое княжество подъ именемъ Шамхальства, магометанство продолжало распространяться по всему Кавказу и въ ближайшія къ намъ столѣтія. Преданія чеченцевъ упоминаютъ о присылкѣ къ нимъ въ XVII вѣкѣ татарскимъ Шамхаломъ особыхъ проповѣдниковъ, которые вывели у нихъ изъ употребленія послѣдніе остатки смѣшанныхъ съ язычествомъ христіанскихъ обрядовъ ³⁾.

¹⁾ См. Шопенъ, стр. 413.

²⁾ См. воспоминанія о Шамилѣ, томъ VII, сбор. свид. о кавказскихъ горцахъ.

³⁾ См. „У подошвы Эльборуса; очеркъ Иванюкова и Ковалевскаго. Вѣстникъ Европы, январь 86 года, стр. 100.

Пришедшіе на Кавказъ арабы были сунниты. Это обстоятельство сдѣлалось причиной распространенія въ Дагестанѣ почти исключительно сунитскаго толка ¹⁾. Они были выходцами изъ Багдадскаго калифата, съ которымъ во все время своего господства на Кавказѣ продолжали поддерживать самыя тѣсныя сношенія. Въ Багдадѣ же въ началѣ IX вѣка стало упрочиваться богословски-юридическое толкованіе Корана и Сунъ, излагаемое ученикомъ перваго по времени толкователя (Малика—Шафая).

Кремеръ говоритъ слѣдующее о направленіи, какого придерживался въ своихъ толкованіяхъ этотъ основатель третьей по времени школы магометанскихъ юристовъ (первыми двумя надо считать школу Малика и Абу-Ганифа). Система Шафая—говоритъ онъ—представляетъ попытку примиренія исторической школы Малика, тѣсно придерживавшейся преданія, и весьма свободно относившейся къ ней школы Абу-Ганифа. Она впрочемъ ближе подходит къ ученію Малика ²⁾.

Самымъ выдающимся послѣдователемъ этого толка является Имамъ Абуль-Казимъ-Рафи—авторъ трактата, озаглавленнаго Могараръ. Толкованіе и сокращеніе его составляетъ Мингачъ Атъ Талибинъ, что въ переводѣ значитъ «путеводитель ревнителей вѣры». Онъ составленъ въ XIII вѣкѣ Имамомъ Эль-Навави (+въ 1298 году). Этотъ религиозный юридическій сборникъ доселѣ составляетъ въ Дагестанѣ настольную книгу для религиозныхъ судей или кадиевъ и является здѣсь главнымъ источникомъ такъ-называемаго Шаріата. Изъ другихъ толкователей того же шафаянскаго ученія болѣе другихъ извѣстенъ Абу-Ходжа (XI вѣка), сочиненіе котораго распространено въ рукописяхъ даже въ центральной части Кавказа между чеченцами и ингушами. Ганефицкое ученіе проложило себѣ дорогу въ западный Кавказъ лишь въ послѣднія три столѣтія, благодаря вліянію Турціи, крымскаго ханства и зависимыхъ отъ обоихъ кабардинцевъ. Арабское

¹⁾ Во всемъ Дагестанѣ можно указать только одно селеніе жителями котораго являются магометано-шіиты. Это селеніе Мескинджи въ окрестностяхъ Ахты (Дубровинъ Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказъ, т. I., ст. 515.).

²⁾ Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, т. I, стр. 49.

владычество въ Дагестанѣ и смѣнившее его господство поставленныхъ отъ Шаха Дербентскихъ хановъ положилъ свою печать и на политической строй горцевъ. Оно вызвало образованіе въ нихъ средѣ болѣе или менѣе зависимыхъ отъ Персін государственныхъ сообществъ и повело къ возникновенію въ нихъ сословныхъ дѣлений.

Зачатки государственности согласно преданію существовали въ Дагестанѣ еще до пришествія аравитянъ. Авары, эта, какъ мы видѣли, уцѣлѣвшая на Кавказѣ вѣтвь гунновъ, имѣли своихъ хановъ до прихода Абу-Муслима и сохраняли свою политическую независимость цѣлыхъ два вѣка спустя ¹⁾. Но въ Кумухѣ по словамъ Масуди не было царей и правителей. Дагестанская лѣтопись Мухаммеда Рафи (составленная въ концѣ XV вѣка) связываетъ происхожденіе кумухскихъ хановъ съ фактомъ нашествія арабовъ на Кавказъ.

«Между аравитянами, значится въ рукописи Мухаммеда-Рафи, существовалъ народный обычай выбирать для управленія старшаго; ему довѣряли они власть безъ всякаго противорѣчія съ чьей бы то ни было стороны—со стороны большаго или малаго, и такое лицо начальствовало надъ всѣмъ, слѣдуя въ своемъ гражданскомъ и религіозномъ управленіи священному шаріату и подражая по-возможности Пророку». Такимъ порядкомъ арабы, занявшіе каспійское побережье Кавказа, назначили надъ собою и надъ тѣми, которые до тѣхъ поръ были ихъ вождями, государя изъ числа потомковъ Хамзы (происходившаго изъ священнаго въ глазахъ аравитянъ рода Корейшидовъ) ²⁾. Этотъ государь былъ названъ «Шамъ-Халь» по имени своего дѣда, который родился въ селеніи, называемомъ Халь—одною изъ селеній Шама, т. е, Сиріи. Шамхаль, читаемъ мы далѣе въ томъ же источникѣ, поселился въ городѣ Кумухѣ. Жители его, по словамъ Масуди, дотолѣ неизмѣншіе царя и управлявшіеся старшинами, сами послали къ Абу-Муслиму просить о присылкѣ имъ наставниковъ въ новой вѣрѣ; послѣ сего Абу-Муслимъ отправился въ Кумухъ, построилъ тамъ мечеть, назначилъ кадівъ,

¹⁾ Сб. свѣд. о кавказскихъ горцахъ, томъ V стр. 24 и 25.

²⁾ Сб. св. о кавк. горц., т. V, стр. II.

или духовныхъ судей, и подчинилъ ихъ Шамхалу. Кухумцы же, гордясь принятіемъ новой вѣры ранѣе другихъ дагестанцевъ, присоединили къ наименованію своего селенія почетный арабскій титулъ «Гази» или «Кази». Съ теченіемъ времени названіе Кази-Кумухъ обратилось въ названіе всей страны ¹⁾. Въ персидскихъ шахахъ Шамхалы нашли поддержку своей власти и получили отъ нихъ титулъ дагестанскихъ валіевъ, въ которомъ высказывалось притязаніе ихъ на владычество всею областью. Въ XV и XVI столѣтіяхъ шамхалы были весьма могущественны. Грузинскіе цари непрерывно обращались къ русскимъ съ просьбой о защитѣ ихъ противъ Шамхаловъ, и Федоръ Иоанновичъ неоднократно посылалъ противъ нихъ своихъ воеводъ. Въ 1638 году Шамхалы начинаютъ искать покровительства Россіи и получаютъ грамоту на принятіе ихъ въ русское подданство подъ наименованіемъ владѣтелей кумухскихъ и тарковскихъ ²⁾. Два года спустя резиденція Шамхаловъ изъ Кумуха окончательно переносится въ Тарки. Причиной тому было образованіе въ Кумухѣ сильной партіи, стремившейся къ совершенному уничтоженію шамхальской власти. Стремленія этой партіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Вскорѣ послѣ перенесенія столицы Шамхаловъ въ Тарки казикумухцы совершенно отложились отъ нихъ и выбрали себѣ особаго правителя подъ названіемъ «Халхавчи» ³⁾. Правитель этотъ—говоритъ авторъ историческаго очерка судьбъ казикумухскихъ и кюринскихъ хановъ—избирался старшинами и выборными отъ каждаго селенія по предварительномъ совѣщаніи; но всегда наблюдалось правило, что первымъ кандидатомъ долженъ считаться старшій въ родѣ шамхальской фамиліи, оставшейся въ Казикумухѣ, и только въ случаѣ явной его неспособности или отказа отъ званія выбирался слѣдующій за нимъ; при этомъ требовалось также, чтобы избранный не былъ «чанка», т. е. происходилъ отъ равнаго брака; но въ смутное время это обстоятельство не имѣло

1) Сб. св. о кавк. горд. выш. II. Казимухскіе и Кюринскіе ханы.

2) „Шамхалы Тарковскіе“, историческая записка, стр. 5, составленная временной комиссіей для опредѣленія личныхъ и позем. правъ туземцевъ Темиръ—Ханъ Шуринскаго округа.

3) Отъ арабскаго слова «халкъ» — народъ и лекскаго «ловай» — высшій.

особаго значенія; все зависѣло отъ личныхъ качествъ избираемаго ¹⁾). Съ упадкомъ власти Шамхаловъ стоитъ въ связи возникновеніе и кайтагскаго уцмійства.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ официальнымъ путемъ, кайтагскій уцмій въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій былъ избираемъ народнымъ сходомъ, собиравшимся въ окрестностяхъ Маджанлиса. На этотъ сходъ могли являться всѣ совершеннолѣтніе мужчины возрастомъ отъ 20 до 50 лѣтъ. Выборъ ограниченъ былъ членами определенной династии и обыкновенно падалъ на старшаго въ родѣ. Признакомъ избранія было возложеніе на голову кандидата особой шапочки, похожей на еврейскую ермолку. Надѣвать такую шапочку на голову уцмія составляло почетную привилегію старшаго въ тухумѣ, Гассанъ-бека—одного изъ древнѣйшихъ и почетнѣйшихъ родовъ Кайтага. Избранный одаривалъ присутствующихъ почетныхъ лицъ: кого оружіемъ и деньгами, а кого и скотомъ. Всему же собранному народу устраиваемо было богатое угощеніе—опять-таки на средства уцмія. Избраніе уцмія вовсе не устраняло необходимости дальнѣйшаго сбора на народные сходы съ цѣлью разбирательства такихъ вопросовъ, какъ война и миръ, заключеніе союзовъ, рѣшеніе пограничныхъ и другихъ споровъ между общинами и тому подобное. Уже одно это указываетъ на ограниченность власти уцмія, которая пріобрѣтала болѣе или менѣе важное значеніе только въ военное время, когда уцмій собиралъ войска и начальствовалъ надъ ополченіемъ. Въ мирное же время онъ былъ неболѣе какъ судьей, приговоры котораго, подобно приговорамъ прочихъ посредниковъ, не носили обязательнаго характера, не могли быть насильственно приводимы въ исполненіе и входили въ силу только при желаніи заинтересованныхъ лицъ. Права уцмія, читаемъ мы въ официальной запискѣ, были весьма ограничены; онъ не могъ лично подвергать наказанію ослушниковъ до тѣхъ поръ, пока само общество не считало нужнымъ выдать ихъ ему, или до тѣхъ поръ, пока подосланные имъ агенты не подкарауливали и не убивали ихъ. Власть уцмія была такъ далека отъ неограниченной, что можно припомнить случай, когда и самъ

¹⁾ Сб. св. о кавк. горц., вып. II. Матеріалы для И. Дагестана, стр. 14.

онъ былъ подвергаемъ штрафу по такому напримѣръ поводу, какъ не соблюденіе поста. Судебная власть уцмій проявлялась всего чаще въ случаяхъ воровства, такъ какъ само общество обыкновенно посылало къ нему подозрѣваемаго для причисленія очистительной присяги. Неподчинявшійся этому требованію признавался виновнымъ и подлежалъ уплатѣ не только стоимости похищеннаго, но и опредѣленнаго штрафа. Въ прочихъ дѣлахъ уцмій являлся судьей по выбору заинтересованныхъ сторонъ, которыя, какъ общее правило, предпочитали его вмѣшательство обыкновенному посредничеству. Только собственныхъ крестьянъ уцмій казнилъ по собственному усмотрѣнію.

Благодаря иноземному вмѣшательству власть ихъ постепенно возрасла. Подобно шамхаламъ уцмій находили поддержку себѣ со стороны персидскихъ шаховъ и получали отъ нихъ по временамъ грамоты на управленіе. Въ XVII вѣкѣ они изъ избирательныхъ становятся уже наследственными правителями Кайтага. Знаменитый Рустемъ Ханъ, которому мы обязаны древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ сборниковъ дагестанскихъ адатовъ (онъ правилъ отъ 1601 по 1631 г.), уже занимаетъ престолъ по преемству отъ отца Ханъ-Магомеда, что не мѣшаетъ ему искать подтвержденія своей власти и у Шахъ-Аббаса въ 1609—10 г. и у Шахъ Сафія въ 1629 г. ¹⁾

Къ числу позднѣйшихъ по времени ханствъ надо отнести ханство Мехтулинское и султанство Елисуійское. Основателемъ перваго былъ одинъ изъ членовъ Кази-Кумухскаго ханскаго дома именемъ Мехти, время жизни котораго въ точности не извѣстно.

Удалившись изъ Кумуха по причинѣ несогласій съ его правителемъ, Мехти, получившій у народа прозваніе Чернаго или Кара, приглашенъ былъ—сперва аймакидцами, а затѣмъ оглинцами,—стать во главѣ народа, сдѣлаться его покровителемъ. Примѣру двухъ названныхъ селеній послѣдовали вскорѣ одиннадцать другихъ, такъ что къ концу своей жизни Кара-Мехти не только сдѣлался правителемъ и военачальникомъ надъ цѣ-

---

¹⁾ Адаты уцмійскаго владѣнія и пояснительная къ нимъ записка доставлены мнѣ окружн. начальн. Кайтаго-табазаранск. окр. ин. Макаевыми.

лымъ округомъ, но и въ состояніи былъ передать свою власть по наслѣдству старшему въ родѣ. Съ этого времени власть хановъ Мехтулинскихъ переходила безъ перерывовъ въ порядкѣ законнаго преемства вплоть до 1860 года, когда ей фактически положенъ былъ конецъ учрежденіемъ русскаго окружнаго управленія.

Одновременно съ Мехтулинскимъ ханствомъ,—быть можетъ, даже нѣсколько ранѣе его,—возникло султанство Елисуйское. Исторія его связана съ фактомъ насильственнаго занятія средней части алазанской долины, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ она примыкаетъ къ главному кавказскому хребту, спустившимися съ горъ выходцами изъ Цахура. Фактъ этотъ послѣдовалъ во второй половинѣ XV в. вслѣдъ за раздѣломъ Грузіи между сыновьями Георгія VIII и происшедшимъ отсюда упадкомъ ея оборонительныхъ средствъ. Завоеватели еще въ періодъ, предшествовавшій занятію ими принадлежавшей грузинамъ кахской провинціи, сдѣлали первые шаги на пути развитія государственной власти. Конецъ совершенной независимости родовъ или тухумовъ другъ отъ друга былъ положенъ путемъ избранія всѣми родами совмѣстно общаго правителя изъ среды прибывшихъ въ Цахуръ на жительство бековъ или дворянъ, незадолго передъ тѣмъ изгнанныхъ изъ Хоца—несуществующаго болѣе горнаго аула. Въ началѣ XVII столѣтія цахурцы, недовольные управленіемъ бековъ, рѣшились на поголовное ихъ истребленіе. Преданіе говоритъ, что замыселъ этотъ былъ исполненъ и беки перебиты вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. Спаслась только одна беременная бекская женщина. Она бѣжала въ селеніе Елису, гдѣ и рожденъ былъ ею сынъ, впоследствии избранный цахурцами въ правители. Али-Бекъ (таково было его имя) позаботился о подтвержденіи своей власти персидскимъ шахомъ, отъ котораго и получилъ титулъ султана. Поселившись въ Елису, онъ сдѣлался родоначальникомъ султановъ этого имени, которые подобно ему искали опоры своей власти въ покровительствѣ попеременно Персіи и Турціи и сохранили, благодаря этому, свою независимость до 1844 г., когда, въ виду перехода послѣдняго изъ султановъ Даниель-Бека на сторону Шамиля, званіе султана объявлено было упраздненнымъ.

Вліяніе, оказанное только-что приведенными фактами на общественный строй Дагестана, было громадно. Едва ли нужно говорить, что до их наступленія въ Дагестанѣ не было сословій; родовая организація, какую представляли собою независимые другъ отъ друга тухумы, не была благоприятна развитію общественнаго неравенства. О сословіяхъ въ періодъ предшествующій возникновенію ханствъ не можетъ быть слѣдовательно и помину. Сказанное требуетъ, впрочемъ, оговорки. Военноплѣнные даже въ періодъ до-государственный всегда представляютъ собою готовый контингентъ рабовъ (куловъ и каравашей), который время отъ времени восполняется попавшими въ кабалу несостоятельными должниками. Эти два источника рабства извѣстны были издревле и дагестанскимъ горцамъ; а поэтому неудивительно, если гражданская несвобода встрѣчается и у тѣхъ изъ нихъ, которые никогда не входили въ составъ какой либо политической организаціи. Для своего дальнѣйшаго развитія процессъ образованія сословій нуждается уже въ замѣнѣ первоначальной независимости родовъ общимъ подчиненіемъ ихъ единой центральной власти, какой и является въ Дагестанѣ власть шамхаловъ, халхавчи, хановъ, султановъ и отдѣльныхъ правителей или бековъ. Поэтому только въ средѣ обществъ, достигшихъ государственной формы общежитія, встрѣчаемся мы съ фактомъ существованія отличнаго отъ свободныхъ сословія крѣпкихъ къ землѣ людей, обязательный трудъ которыхъ доставляетъ правителю и членамъ родственныхъ ему династій необходимыя средства для покрытія издержекъ его двора, его военнаго и гражданскаго управленія. Матеріаломъ, изъ котораго образуется этотъ классъ крѣпостныхъ, служатъ частью покоренныя горами туземныя племена, какъ напр. въ елисуйскомъ султанствѣ завоеванныя цахурцами грузины и монголы, извѣстные—первые подъ наименованіемъ ингелойцевъ, вторые подъ именемъ муганлы; частью поселенные самимъ правителемъ переселенцы—одинаково изъ туземцевъ и инородцевъ, свободныхъ людей и недавнихъ рабовъ, получавшихъ отъ владѣльцевъ постоянный земельный надѣлъ. Въ такомъ положеніи были напримѣръ въ предѣлахъ тарковского шамхальства 71 еврейскихъ дымовъ, происходящихъ отъ выселенцевъ изъ Кайтага, надѣ-

ленныхъ Шамхаловъ землею и обложенныхъ имъ постояннымъ оброкомъ, размѣромъ отъ 3 до 5 рублей; а также 90 дворовъ чагаровъ, т. е. бывшихъ холопей или рабовъ, имѣвшихъ каждый отдѣльное хозяйство и обложенныхъ въ пользу Шамхала опредѣленными обычаями повинностями. Таковы же были тѣ шесть чагарскихъ семей, которыми до 68 г.—эпохи освобожденія зависимыхъ сословій въ Дагестанѣ—владѣлъ въ аулѣ большомъ Дженгутаѣ ханъ Мехтулинскій.

Отличіемъ чагаровъ или крѣпостныхъ отъ собственно рабовъ, извѣстныхъ въ Дагестанѣ подъ наименованіемъ куловъ и каравашей, служило то обстоятельство, что крѣпостные поселены были на земляхъ владѣльцевъ самостоятельными хозяйствами. Это обстоятельство впрочемъ не давало имъ никакихъ правъ на землю, такъ что при продажѣ ихъ отдѣльно отъ имѣнія чагары въ правѣ были сохранить за собою только имущество, пріобрѣтенное собственнымъ трудомъ.

Детальное изложеніе повинностей и платежей крѣпостнаго населенія въ различныхъ мѣстностяхъ Дагестана увлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главной цѣли нашего труда; мы ограничимся поэтому характеристикой крѣпостнаго права лишь въ той части страны, въ которой оно проявилось съ особенной рѣзкостью и опредѣленностью и доселѣ составляетъ злобу дня, такъ какъ не отмѣнено еще ни закономъ, ни судебной практикой. Говоря это, я имѣю въ виду земли бывшаго Елисуйскаго султанства и въ частности кахскій округъ.

Обстоятельства, благоприятствовавшія упроченію здѣсь крѣпостныхъ отношеній, лежатъ въ фактѣ завоеванія этой области, издревле занятой грузинами-христіанами, магометанскими выходцами изъ Цахура. Такъ какъ многіе изъ туземцевъ предпочли игу невѣрныхъ выселеніе изъ области, то завоевателямъ пришлось заселить часть земель пришлыми колонистами монгольскаго происхожденія, получившими наименованіе «муганлы». Таково по крайней мѣрѣ объясненіе, какое даетъ г. Линевицъ факту происхожденія въ Кахѣ тѣхъ своеобразныхъ сословныхъ отношеній, съ какими я намѣренъ познакомить читателя на основаніи официальныхъ данныхъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ г. окружнымъ начальникомъ—полковникомъ Узбашевымъ.

Крѣпостныя повинности и платежи въ предѣлахъ Елисуйскаго султанства, какъ и повсюду гдѣ существовало крѣпостное право, съ удобствомъ могутъ быть подведены подъ двѣ главныя категоріи—имущественныхъ и личныхъ. Источникомъ происхождения первыхъ является фактъ надѣленія призванныхъ въ страну колонистовъ-татаръ однимъ лишь правомъ наследственного владѣнія землей съ обязательствомъ платить за нее службой и натуральными приношеніями и сохраненіе ея на тѣхъ же условіяхъ за покореннымъ грузинскимъ населеніемъ (ингелойцами). Право собственности удержано было завоевателями—въ частности самими правителями Елисуйскаго султанства и второстепенными начальниками (беками), получившими отъ нихъ въ вознагражденіе за службу право обращать въ свою пользу все, что муганлы и ингелойцы должны были вносить за пользованіе уступленной имъ во владѣніе землей. Платежъ за землю носилъ характеръ опредѣленнаго оброка, замѣнявшаго въ большинствѣ селеній такъ-называемую барщину или личную обработку крестьяниномъ хозяйскаго поля. Оброкъ этотъ въ своемъ размѣрѣ опредѣлялся путемъ соглашенія или такъ-называемаго «маслагата» и обыкновенно равнялся одной седьмой или одной десятой части урожая.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ къ этому взносу присоединяется особый платежъ въ пользу лица, завѣдующаго бекскимъ имѣніемъ, а при отсутствіи его—въ пользу самого бека. Название этому сбору «дарголукъ» или «таза-батанъ»; размѣръ его рѣдко когда превышаетъ нѣсколько чинаковъ хлѣба отъ дыма.

Наряду съ этими реальными по своему источнику повинностями и платежами мы встрѣчаемъ и чисто-личные: арбяную повинность, состоящую въ томъ, что при передвиженіи бековъ на лѣтнія кочевки или обратно на зимовку въ низовыя имѣнія крестьяне для перевозки вещей и семейства бека обязаны были поставлять съ cadaго двора подводу (арбу) съ парой быковъ; во вторыхъ повинность конвоированія бековъ верхомъ во время ихъ передвиженія, иногда замѣняемая обязанностью служить у нихъ гонцами; обязанность угощать бековъ съ ихъ семьями и прислугою два раза въ годъ во время перекочекъ; наконецъ

общественныя помочи при уборкѣ хлѣба и сѣна подѣ условіемъ угощенія отъ бека (имаджи).

Остается упомянуть еще о сборахъ, производимыхъ натурой, рѣдко когда деньгами, сборахъ періодическихъ и случайныхъ:— приношеніяхъ масломъ, курами, яйцами, виноградомъ, овощами, сѣномъ, соломой или «саминомъ», обыкновенно въ неопредѣленномъ количествѣ, по жѣрѣ предъявленія запроса со стороны бека. Небезъинтересный видъ такихъ сборовъ представляетъ тотъ платежъ, какой крестьянинъ несетъ въ пользу бека при выдачѣ въ замужество собственныхъ дочерей; платежъ этотъ не имѣетъ развѣ навсегда установленнаго размѣра; величина его зависитъ отъ уговора. Опускаю цѣлый рядъ второстепенныхъ подробностей о различнаго рода сборахъ, платимыхъ беку за пользованіе виноградными садами, пастбищемъ, лѣсами и т. п. И сказаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы вынести то общее представленіе, что положеніе крѣпостныхъ въ Дагестанѣ представляло много общихъ чертъ съ тѣмъ, какое мы встрѣчаемъ на Западѣ въ средневѣковую эпоху и въ Россіи четверть вѣка назадъ. Въ самомъ дѣлѣ въ чемъ, какъ не въ барщинѣ, или замѣняющемъ ее оброкѣ, выражается реальный характеръ крѣпостнаго обязательства? и съ другой стороны какое интересное совпаденіе между дагестанскими и русскими общественными помочами и средневѣковыми англійскими *lovebones*, между дагестанскими брачными приношеніями, русскими выводными деньгами и *maritagia* феодальной эпохи! Все это, разумѣется, не говорить о заимствованіи, совершенно немыслимомъ въ данныхъ условіяхъ, а лишь о томъ, что по самой природѣ своей крѣпостное право всюду должно было сказаться въ одинаковыхъ формахъ, повести къ возникновенію одинаковыхъ правъ и одинаковыхъ обязательствъ.

Если бы мы вздумали сравнить только-что описанную нами систему крѣпостныхъ отношеній съ тою, какая существовала въ другихъ мѣстностяхъ Дагестана, подобно елисейскому султанству имѣвшихъ своихъ хановъ и бековъ, то при различіи въ названіяхъ ¹⁾ мы встрѣтили бы поразительное сходство. Такъ,

1) Въ Кара-кайтагѣ и Табасарави крѣпостные крестьяне носили названіе не тагарь, а райатовъ. (Дубровинъ, ч. II, стр. 605).

напримѣръ, въ Мехтулинскомъ ханствѣ, наряду съ барщиной или «бильха», мы находимъ и обязательную поставку арбъ, и обязанность конвоированія хана при его разъѣздахъ, и т. п. Сходство не доходитъ однако до полнаго тождества. Отдѣльные виды повинностей, не измѣняя своему основному характеру, принимаютъ нерѣдко весьма различныя формы; такъ, напримѣръ, барщина или бильха выражается то въ поставкѣ косцевъ и жнецовъ, то въ снаряженіи на общія средства извѣстнаго числа тяжелыхъ шестипарныхъ плуговъ, весьма похожемъ на то, о которомъ упоминаютъ средневѣковые источники Англій.

Чтобы покончить съ сословной организаціей, какъ особенностью тѣхъ частей Дагестана, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ болѣе или менѣе выработанною государственной властью, мнѣ слѣдуетъ сказать еще два слова о сословіи такъ-называемыхъ «бековъ». Генезисъ его тотъ же, что и служилыхъ людей: антрустіоновъ, тановъ, дружинниковъ. Временное и личное отличие, вызываемое службой, со временемъ на почвѣ чисто-фактическихъ отношеній приобретаетъ характеръ постоянной сословной привилегіи; вмѣсто того чтобы вознаграждать служащихъ опредѣленнымъ жалованьемъ, ханы и султаны надѣляютъ ихъ правомъ обращать въ свою личную пользу всѣ натуральныя и денежныя поступления съ крестьянъ извѣстнаго округа. На первыхъ порахъ это право всецѣло связано съ службой и прекращается вмѣстѣ съ ней. Но такъ какъ со временемъ служба становится не только пожизненной, но и наследственной, то и право на крестьянскія повинности и сборы приобретаетъ характеръ наследственного пользованія, фактически ничѣмъ не отличаемаго отъ собственности. Отношенія эти осложняются еще тѣмъ, что на должности мѣстныхъ начальниковъ правители обыкновенно опредѣляютъ собственныхъ дѣтей отъ неравныхъ браковъ или такъ-называемыхъ чанковъ, такъ что къ земельной и служебной зависимости присоединяется еще чисто-родственная. Настаивать на сходствѣ описанныхъ явленій съ тѣми, какія представляетъ по своей природѣ переходъ бенефиции въ наследственный феодалъ на Западѣ или помѣстья въ вотчину въ Россіи, — я не стану, такъ какъ оно бросается въ глаза. Такимъ образомъ и въ процессѣ образованія дагестанскихъ сословій мы

находимъ подтвержденіе того взгляда, что феодолізація не составляетъ особенности одного германо-романскаго міра, что она—міровое явленіе, однѣ частности котораго расходятся между собою, смотря по народности и особенностямъ ихъ историческаго развитія.

Среднее положеніе между беками и крѣпостными заняли люди «свободные», извѣстные подъ наименованіемъ «уздени». Уздени въ большинствѣ случаевъ не имѣли недвижимой собственности и стояли въ поземельной зависимости отъ бековъ, на земляхъ которыхъ они жили. Уздени имѣли право наследственнаго пользованія этими землями, но обязаны были нести въ замѣнъ однажды установленныя обычаемъ повинности ¹⁾.

Какъ ни значительны были всѣ эти перемѣны, какія измѣненія ни внесли они въ бытъ горцевъ, но имъ все же не удалось повліять существенно на содержаніе горскаго адата, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока ставшимъ во главѣ Дагестана съ конца прошлаго вѣка избираемымъ имамамъ и въ числѣ ихъ болѣе всѣхъ Шамилю не удалось совершенно вытѣснить адатъ изъ сферы уголовного, имущественнаго и отчасти наследственнаго и обязательственнаго права и замѣнить его шаріатомъ.

Правда, и раньше этого шаріатъ началъ оказывать существенное воздѣйствіе на измѣненіе народныхъ юридическихъ воззрѣній. О роли его въ этомъ отношеніи можно судить по дошедшему до насъ судебнику уцмія Рустема, составленному въ первой четверти XVII столѣтія. Этотъ судебникъ, совершенно произвольно отнесенный генераломъ Комаровымъ (а за нимъ и профессоромъ Леонтовичемъ) къ XII вѣку, далеко не является въ Дагестанѣ древнѣйшей попыткой кодификаціи народныхъ обычаевъ. Гораздо раньше его возникъ не дошедшій до насъ сборникъ адатовъ аварскаго народа, рукописи котораго, по словамъ генерала Комарова, ходили еще по рукамъ во времена Шамиля. Преданіе приписываетъ его составленіе Омархану аварскому, умершему въ 1082 году. О томъ, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ

¹⁾ Въ селеніяхъ Лудгунъ и Ялагъ они не были избавлены даже отъ издальной повинности, отымавшей три дня въ году у каждаго двора. Смотри Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, часть II, стр. 604.

довѣрія это преданіе, я судить не берусь, не имѣя въ рукахъ самой рукописи. Если постановленія этого свода воспроизводятся въ ихъ существенныхъ чертахъ въ томъ написанномъ на русскомъ языкѣ сборникѣ аварскихъ адатовъ, экземпляры котораго хранятся въ архивахъ окружныхъ управленій въ Хунзагѣ и Гунибѣ, то мы въ правѣ сказать, что вліяніе шаріата на видоизмѣненія народнаго обычая сказываются въ нихъ съ большой наглядностью. Неосторожное убійство уже отличается ими отъ предумышленнаго и сопровождается соотвѣтственно меньшимъ платежемъ.

Убійство случайное, произведенное, положимъ, паденіемъ случайно задѣтаго ногою камня или бревна, оставляется безъ всякихъ послѣдствій. Убійство, совершенное малолѣтнимъ, хотя бы и преднамѣренно, причисляется къ нечаянному. Для предотвращения кровной мести опредѣлено брать штрафъ въ пользу хана и съ того, кто вздумаетъ попрекать родственниковъ убійцы за совершенное имъ злодѣяніе, и съ того, кто станетъ обвинять родственниковъ убитаго за то, что они оставили убійство его безъ отмщенія. Съ тою же цѣлью аварскіе адаты отмѣняютъ право мужа убить застигнутаго имъ на мѣстѣ прелюбодѣя, а раненаго требовать удовлетворенія за рану по прошествіи двадцати дней со времени раненія. Аварскимъ адатамъ извѣстно также понятіе необходимой обороны, такъ что убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ хозяиномъ украденнаго, оставляется ими безъ отмщенія ¹⁾.

Не менѣе рѣзко выступаетъ вліяніе шаріата на горскій адаты въ судебникѣ кайтагскаго уцмія Рустема. Ему извѣстно уже наказаніе подстрекателя, а равно и того, кто укажетъ родственникамъ убитаго на мѣсто, гдѣ укрывается убійца; они оставляютъ безъ послѣдствій всякое убійство, совершенное въ необходимой оборонѣ лицомъ, защищающимъ свою жизнь, свое жилище и собственность. Судебникъ Рустема отмѣняетъ право мужа убивать любовника своей жены и приравниваетъ отвѣтственность прелюбодѣя къ той, которая падаетъ на вора. Онъ

---

¹⁾ См. «Сборникъ адатовъ Аварскаго народа», составленный въ 1865 г. Кадантаровымъ.

выдѣляетъ также въ особую категорію неизвѣстныхъ адату преступленія противъ вѣры и преступленія политическія. Къ первымъ онъ относитъ: несоблюденіе религіозныхъ предписаній о постѣ и молитвѣ и святотатство, наказаніемъ которому служитъ разрушеніе дома виновнаго. Ко вторымъ онъ причисляетъ неповиновеніе властямъ, уклоненіе отъ обязанности выходить съ оружіемъ, когда будетъ подана тревога, и возвращеніе домой изъ ополченія раньше товарищей ¹⁾).

Полное торжество Шаріата надъ адатомъ должно быть отнесено однако не ранѣе, какъ ко временамъ Шамиля. Въ изамѣ Шамиля, т. е. въ наказѣ данномъ имъ военнымъ и административнымъ начальникамъ—наибамъ и судебнымъ властямъ, мы между прочимъ читаемъ: «наибы должны оставить рѣшеніе дѣлъ по шаріату муфтіямъ и кадямъ и не входить въ разбирательство тяжбъ, хотя бы они были и алимами, т. е. учеными. Муфтіи назначаютъ въ раіонахъ своего вѣдомства кадиевъ. Если къ муфтію обратятся за разъясненіемъ какого нибудь судебного вопроса—онъ рѣшаетъ его согласно постановленіямъ шаріата.

«Если онъ замѣтитъ гдѣ либо отступленіе отъ правилъ шаріата, онъ устраняетъ это отступленіе и направляетъ дѣло по пути шаріата.

«Поставляемый муфтіемъ кадій рѣшаетъ по шаріату споры между членами своего прихода; если же онъ затруднится въ рѣшеніи какого нибудь дѣла, онъ долженъ прибѣгнуть къ муфтію».

«Взвѣшивать всѣ поступки на вѣсахъ шаріата»—таковъ идеаль, выставляемый самимъ Шамилемъ въ обращеніи, сдѣланномъ имъ къ съѣзду, созванному въ Андію ²⁾).

Говоря о причинахъ, содѣйствовавшихъ упроченію власти Шамиля, его современникъ и біографъ Гаджи-Али говоритъ, что, упрочивъ свою власть назначеніемъ преданныхъ ему людей наибамъ, Шамиль прежде всего занялся приведеніемъ въ исполненіе шаріата и искорененіемъ обычаевъ противныхъ его постановленіямъ. Послѣдствія не замедлили сказаться. Прекра-

¹⁾ См. Постановленія кайтагскаго Уцмія Рустемъ Хана въ I томѣ св. св. о кавказ. горцахъ.

²⁾ См. «Низамъ шамилъ въ III выпускѣ сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, стр. 10, 11 и 15.

тивъ междуусобныя брани и родовыя непріязни, Шамиль слилъ горскія общества Дагестана и Чечни въ одинъ народъ, готовый исполнять всё его приказанія ¹⁾).

Исключительное владычество шаріата въ Дагестанѣ не было продолжительнымъ. Послѣ плѣненія Шамиля русскія власти, видя въ шаріатѣ одинъ изъ оплотовъ его вліянія, позаботились о возстановленіи суда по адату во всёхъ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ онъ примѣнялся до временъ Имама.

Но и кратковременнаго господства достаточно было шаріату для того, чтобы существенно повліять на юридическія воззрѣнія дагестанскихъ горцевъ, и мы будемъ имѣть случай показать въ одной изъ послѣдующихъ главъ, въ какой мѣрѣ горскій адатъ проникся воззрѣніями религіозныхъ законодателей мусульманства.

---

¹⁾ См. «Сказанія очевидца о Шамилѣ», Раджа-Аліѣ, переводъ съ арабскаго стр. 19, выпуск. 7 Сб. св. о кавк. гордахъ.

ГЛАВА VII.

Вліяніе татаръ, монголовъ и кабардинцовъ.

Сравнительно съ арабскимъ—весьма ничтожнымъ слѣдуетъ признать вліяніе, оказанное на бытъ горцевъ татарскимъ нашествіемъ. Татары далеко не были первымъ тюркскимъ племенемъ, появившимся на Кавказѣ. Ранѣ ихъ мы встрѣтили уже хазаровъ, гунновъ и болгаръ. Когда въ 1228 году великая орда Чингисъ Хана по взятіи Тифлиса направилась на сѣверный Кавказъ, она нашла сѣверную плоскость его на половину занятой кипчаками—народомъ по всей вѣроятности также тюркскаго происхожденія.

По смерти Чингисъ Хана завоеванія его въ Европѣ и на Кавказѣ достались внуку его Батыю. Явившійся на Кавказъ для защиты своихъ владѣній аравитянинъ Дилалъ Эддинъ разбилъ полчища татаръ въ 1230 году и отстоялъ отъ нихъ Грузію. Но Осетія и другія сѣверныя провинціи Кавказа сдѣлались данниками Батыя и его преемниковъ, которые по временамъ посылали своихъ баскаковъ для собиранія съ нихъ подати ¹⁾.

Другаго, болѣе прочнаго воздѣйствія на бытъ горцевъ татары не оказали, какъ не оказали они его и на бытъ русскихъ; но ихъ нашествіе оставило замѣтные слѣды къ югу и сѣверу отъ кавказскаго хребта въ томъ смыслѣ, что положило начало пло-

---

¹⁾ См. Поряевъ. Матеріалы для Ист. Осетинъ, ч. II, стр. 53.

скостнымъ татарамъ закавказья и двумъ (одной осѣдой, другой кочевой) народностямъ сѣвернаго Кавказа: я разужью кумыковъ и ногайцевъ.

Ни тѣ, ни другіе не обнимаются понятіемъ горскихъ народностей, и потому мы не имѣемъ основанія останавливаться на вопросѣ о томъ, въ какой мѣрѣ бытовья особенности татаръ, такъ обстоятельно описанныя Плато Карпини и Рубруквисомъ, отразились на бытѣ ихъ закавказскихъ и кавказскихъ потомковъ.

Еще менѣе оставило слѣдовъ на культурѣ горцевъ наше ствіе монгольскихъ полчищъ Тимура или Тамерлана. По свидѣтельству арабскаго писателя Шерефъ-Эддина, цитируемаго Броссе ¹⁾, Тимуръ, по взятіи въ февралѣ 1386 года Тифлиса, пошелъ въ горы въ страну шшавовъ, хевсуровъ и гудомакарцевъ вплоть до Дарьяла, а оттуда въ Двальтію, заселенную преимущественно осетинами. Въ 1395 году въ походѣ противъ Тохтамыша Тимуръ снова появился въ Осетіи и въ странѣ кипчаковъ. По возвращеніи изъ Россіи онъ, все на основаніи того же свидѣтельства, проникъ въ сѣверныя части Кавказа до черкесовъ и страны Асъ, въ которой, говоритъ проф. Миллеръ, слѣдуетъ видѣть Осетію. Отсюда на западъ, прошедши недалеко отъ Эльборуса, онъ проникъ къ мѣсту называемому Абаза (т. е. къ Абазанцамъ), затѣмъ въ Грузію, а оттуда въ Дагестанъ.

Эти передвиженія монголовъ по центральнымъ ходамъ Кавказа объясняютъ намъ причину поселенія у самаго южнаго склона Дагестанскихъ горъ неподалеку отъ Кадорскаго перевала монгольской народности, доселѣ извѣстной подъ наименованіемъ «Муганлы». Народность эта и въ наши дни занимаетъ какъ Джаро-Блоканскій округъ, такъ и земли Елисуйскаго султанства. Земли эти входили прежде въ составъ занятой грузинами Кахетіи, составлявшей сначала часть грузинскаго царства а затѣмъ отдѣлившейся и образовавшей сперва вполнѣ самостоятельное государство, а затѣмъ данницу Персіи. Въ началѣ XVII столѣтія (въ 1617 году) Кахетія окончательно была разорена Шахъ-Абазомъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались

---

¹⁾ Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie, стр. 387.

аварцы Дагестана. Они спустились съ горъ подь начальствомъ Чапарь-Али и заняли ту часть Кахетіи, которая извѣстна нынѣ подь названіемъ Джаро-Бѣлоканскаго округа. Всѣ земли они раздѣлили между собою въ собственность и обратили занимавшихъ ихъ дотолѣ наравнѣ съ грузинами монголовъ ¹⁾ въ своего рода крѣпкихъ къ землѣ наследственныхъ арендаторовъ, по такъ-называемому «кешкельному» праву.

Кешкелемъ собственно называется земельная мѣра, опредѣляемая количествомъ сѣмянъ для посѣва. Кешкель—это участокъ земли, засѣваемый 4 «тагарамъ», приблизительно, 4 четвертями хлѣба. Съ такого участка обычай, смотря по мѣстности, требуетъ въ пользу собственника платежа третьей, четвертой, седьмой, а иногда и десятой части урожая. Кешкельное право устанавливалось въ старые годы не только по отношенію частныхъ лицъ, но и по отношенію цѣлыхъ селеній, которыя въ такомъ случаѣ осуществляли свое право пользованія на общинномъ началѣ. Въ кешкель могла быть отдаваема и земля подь лѣсомъ съ правомъ расчистки ея и подь условіемъ, что первыя семь лѣтъ кешкельный владѣлецъ будетъ пользоваться ею бесплатно, а затѣмъ станетъ вносить положенную въ соглашеніи долю урожая. Изъ нѣкоторыхъ дѣлъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ окружнымъ начальникомъ закатальскаго округа, полковникомъ Узбашевымъ, не трудно прийти къ заключенію, что кешкельное право устанавливалось иногда въ пользу цѣлаго рода или «тохума». Поводомъ къ тому могла быть расчистка земли изъ-подъ лѣса по его распоряженію и въ границахъ его владѣній.

Расчищенная земля поступала въ кешкельное пользованіе и суду въ случаѣ открытія спора между родовичами о размѣрѣ, въ какомъ каждый долженъ участвовать въ полученіи доходовъ отъ кешкелей, не оставалось другаго выхода, какъ раздѣлить на равныя доли между домами одного и того же тохума или годовыя поступления отъ кешкелей или самыя кешкели ²⁾.

1) Грузины получили отъ нихъ наименованіе Ингепоицевъ; Монголы прозвище Мугалмы.

2) Для примѣра приведу слѣдующій судебный случай: 1878 года апрѣля 21 дня, на судѣ, при опросѣ жителей селенія Талы Себелинскаго тохума,

Изъ всѣхъ народностей, прибывшихъ въ новое время на сѣверъ Кавказа, прочную осѣдлость основали одни только кабардинцы. По преданіямъ черкесъ, одно изъ ихъ племенъ по имени Кабарда оставило въ VI вѣкѣ Геджры, прежнее мѣсто жительства на рѣкѣ Кубани, и переселилось на сѣверъ къ Дону, откуда въ скоромъ времени перешло въ Крымъ. На морской картѣ Чернаго и Средиземнаго морей, составленной въ 1497 году, выставлено красными буквами названіе кабардинскаго народа нѣсколько на западъ отъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоятъ Таганрогъ. Въ Крыму кабардинцы оставались не долго; въ VII столѣтіи они снова вернулись на Кавказъ.

Согласно кабардинскому преданію, изложенному въ докладной запискѣ поданной въ 1825 году на имя начальника главнаго штаба, генера Дибича, кабардинцы на этотъ разъ, переправившись черезъ море, прибыли къ устью Кубани въ гавань Кизильташъ. Здѣсь они остались недолго. Подъ начальствомъ Инала, родоначальника всѣхъ кабардинскихъ князей, они вскорѣ двинулись далѣе на востокъ и расселились вдоль по Кубани въ нынѣшней Кабардѣ, гдѣ и подчинили себѣ жившія здѣсь черкесскія племена. По смерти Инала, князя Песленѣвцы и Кемиргоевцы, согласно тому же кабардинскому преданію, остались за Кубанью вмѣстѣ съ своими подданными, а прочіе переселились въ большую и малую Кабарду. Въ большой

выяснилось, что спорная земля эта была расчищена изъ подъ лѣса цѣлымъ себелинскимъ тохумомъ, по равной части каждымъ дымомъ и съ правомъ пользоваться доходами съ очищеннаго участка земли. Но позже нѣкоторые дымы вымерли, изъ нѣкоторыхъ дымовъ старшіе члены поверглись ссыльгъ. Такимъ образомъ часть спорной земли оставалось долгое время безъ хозяевъ. По показаніямъ большинства себелинскаго тохума видно, что состоятельныя и вліятельныя лица изъ тохума придали этой землѣ значеніе кешкельной и раздѣлили ее между собою пропорціонально имѣвшимся у нихъ кешкелямъ. Такимъ образомъ изъ расчищенной земли себелинскимъ джамаатамъ (обществамъ) принадлежить нынѣ 100 кешкелей, которые и находятся въ пользованіи алабасцевъ за доходы.—Поставлено доходы настоящаго года со спорной земли раздѣлить по ровну между дымами себелинской тохума. По уборкѣ же урожая раздѣлить спорную землю между дымами этого же тохума по равнымъ участкамъ. (Архивъ закатальскаго окружнаго управленія).

осѣлось 4 княжескихъ рода: Атажухины, Мисостовы, Бекмурзины и Кайтукины, а въ малой два: Тоусултановы и Глохстановы ¹⁾.

Кабардинцы застали мѣстность заселенной народомъ одного съ ними адигейскаго или черкесскаго племени, который византийскимъ и русскимъ лѣтописцамъ извѣстенъ былъ подъ наименованіемъ косовыхъ или касаковъ. Эти «косоги» распались на роды (шляху), во главѣ которыхъ стояли правившіе ими родовые старѣйшины (тлякотлеши). Кабардинцы вступили съ ними въ соглашеніе, признали ихъ права и положили, такимъ образомъ, основаніе тремъ семьямъ тлякотлешей: Тамбиевыхъ, Куденстовыхъ и Анзоровыхъ. Земли, состоявшія во владѣніи косогскихъ родовъ князей, оставлены были за ними, и за тлякотлешами признано право держать на нихъ не только зависимыхъ отъ нихъ крестьянъ (пшитовъ), но и дворянъ (ворковъ). И тѣ и другіе не владѣли, повидимому, другой землею, кромѣ той, какую тлякотлеши давали имъ для поселенія. Кабардинцы не установили права земельной собственности за подданными тлякотлешамъ сословіями, а, наоборотъ, признали за самими тлякотлешами право свободного переселенія вмѣстѣ съ ихъ подвластными. Явившись въ занятую ими землю не какъ завоеватели, а какъ союзники населявшихъ ее племенъ, кабардинцы призвали семьи тлякотлешей раздѣлить съ ними политическое господство. Средствомъ къ этому явился выборъ тлякотлешами изъ своей среды особаго управителя (кодза), который долженъ былъ вмѣстѣ съ кабардинскими князьями (пше) принять на себя заботы по завѣдыванію какъ внутренней, такъ и внѣшней политикой. Тлякотлеши получили также извѣстныя почетныя преимущества и стали заключать супружескіе союзы, исключительно, въ собственной средѣ. Ихъ жизнь и собственность защищены были обычаемъ въ большей степени, чѣмъ жизнь и собственность ихъ подвластныхъ. Убіиство тляко-

---

¹⁾ См. статью Грабовскаго, озаглавленную «Присоединеніе къ Россіи Кабарды», стр. 112 и 198 въ IX выпускѣ Сб. св. о кавказ. горц. Статья эта составлена частью на основаніи оофициальныхъ документахъ, частью на основаніи Исторіи Адыхейскаго народа Шоры-Ногмова (кавказскій календарь за 62 годъ).

тлеша обложено было выкупомъ, значительно превышавшимъ размѣръ платежей, требуемыхъ за убійство лицъ прочихъ сословій. Воровство же, совершенное у нихъ на дому, какъ показываютъ недавніе примѣры, сопровождалось убійствомъ виновнаго. Обставивъ такимъ образомъ быть туземцевъ, кабардинцы сами устроили свою жизнь на слѣдующихъ началахъ: не устанавливая частной собственности на землю, князья на разныхъ условіяхъ поселили на ней, какъ благородныхъ (ворковъ), такъ и простыхъ свободныхъ (азеть), такъ, наконецъ, и крѣпостныхъ (пшитель). За собою они удержали право политическаго господства, а всѣ остальные сословія поставили по отношенію къ себѣ въ васальную или крѣпостную зависимость. Въ сообществѣ съ поставляемымъ тлякотлешами кодзомъ они осуществляли права верховной власти, объявляли войну и заключали миръ, вели переговоры съ сосѣдними племенами и владѣльцами, начальствовали надъ народными ополченіями и назначали судей надъ народомъ, которые, какъ общее правило, руководствовались въ своихъ рѣшеніяхъ не столько народнымъ обычаемъ, сколько правилами Шаріата ¹⁾).

Привеллигированное положеніе пше или кабардинскаго князя сказывалось и въ преимущественной защитѣ его жизни народнымъ обычаемъ, и въ запрещеніи ему брать женъ иначе, какъ изъ княжескихъ семей сосѣднихъ съ кабардинцами народностей, или отдавать своихъ дочерей замужъ иначе, какъ за жениховъ княжеской крови. По выраженію кабардинцевъ, кровь убитаго пше способна наполнить собою всю глубину горнаго ущелья, въ мрачную бездну котораго со страхомъ будетъ падать взоръ могильнаго зерна.

Такому воззрѣнію на исключительность убійства, направленнаго противъ князя, отвѣчаетъ слѣдующее постановленіе кабардинскаго адата: если убійцею пше будетъ одинъ изъ высшихъ двухъ классовъ, самъ онъ и всѣ взрослые родственники его

---

¹⁾ Въ докладной запискѣ поданной на имя генералъ адъютанта Дибича, въ 1825 году, Кабардинцы, между прочимъ, говорятъ: до водворенія русскаго правительства въ Кабардѣ всѣ гражданскія дѣла рѣшались Шаріатомъ, эендіемъ и кадіемъ. Такимъ образомъ, дѣйствию обычая подчинены были только дѣла уголовныя.

мужскаго пола должны быть преданы смерти; ихъ жены и дѣти поступаютъ въ рабство къ наслѣднику убитаго, дома же и прочее имущество, какъ виновнаго, такъ и его родственниковъ подлежатъ разграбленію.

Запрещеніе князьямъ вступать въ неравные браки такъ строго охранялось обычаемъ, что дѣти, рожденные отъ такихъ браковъ, не считались законными наслѣдниками княжеской власти, а образовывали особый классъ «Тума», члены котораго рыцарскими подвигами обязаны были завоевать себѣ если не равное съ княземъ, то ближайшее къ нему положеніе въ обществѣ.

Внѣшнимъ выраженіемъ тѣхъ преимуществъ, какія обычай связывалъ съ принадлежностью къ княжескому роду, служилъ окружавшій князей почетъ. Если кто либо изъ Пше находится въ обществѣ низшихъ съ нимъ по положенію лицъ, то первое мѣсто принадлежитъ ему. При входѣ его въ саклю всѣ должны встать и садятся не иначе, какъ съ его разрѣшенія.

Внѣ дома князь постоянно окруженъ приближенными къ нему ворками: они составляютъ его почетную свиту и оказываютъ ему всякаго рода услуги, присматриваютъ за его лошадьми, осѣдываютъ ихъ, возятъ принадлежащій Пше багажъ и тому подобное. При встрѣчѣ съ княземъ кабардинецъ всадникъ, согласно обычаю, обязанъ повернуть свою лошадь и сопровождать князя въ его путешествіи до тѣхъ поръ, пока самъ князь его не отпустить.

Ниже князя и на одной ступени съ сословіемъ тлякотлешей стоятъ такъ называемые «деяснуго», что въ переводѣ значить позолоченное серебро. Къ этому классу принадлежатъ переселившіеся въ Кабарду потомки княжескихъ родовъ сосѣднихъ съ кабардинцами адигейскихъ племенъ. Какъ князь, такъ и тлякотлешъ или деяснуго держать въ зависимости отъ себя обширный классъ вассаловъ - ворковъ, распадающихся въ свою очередь на нѣсколько классовъ. Воркъ въ буквальномъ переводѣ значить благородный.

По своему отношенію къ князю и къ землѣ ворки, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, всего болѣе отвѣчали понятію служилыхъ людей московскаго государства и ихъ прототипу-друзинниковъ новгородской и кievской Руси. Они, какъ общее

правило, не имѣли другихъ земель, кромѣ тѣхъ, которыми князь надѣлялъ ихъ въ награду за службу.

До 1807 года ворки пользовались тѣмъ же правомъ оставленія своего князя и перехода къ другому, какимъ въ древней Россіи пользовались дружинники и служилые люди, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Сословіе ворковъ не можетъ быть названо замкнутымъ, такъ какъ пополнялось по волѣ князя выходцами изъ разнообразнѣйшихъ сословій государства.

Такъ называемые ворки таутлхусы вербовались изъ среды отпущенныхъ на волю крестьянъ, другіе же, подъ наименованіемъ «тума», были дѣти самихъ князей, прижитыя ими отъ неравныхъ браковъ. Высшую категорію ворковъ, попадающуюся только на княжескихъ владѣніяхъ, составляютъ беясланъ ворки, т. е. княжескіе ворки. Воркъ таутлхусъ становится беясланъ воркомъ, какъ скоро онъ получитъ отъ князя какой нибудь цѣнный подарокъ, обыкновенно — землю или оружіе; взамѣнъ этого подарка княжескій воркъ принималъ на себя извѣстное обязательство и въ томъ числѣ то, чтобы жить вблизи князя въ одномъ съ нимъ аулѣ, или по меньшей мѣрѣ — на его удѣлѣ.

Я не буду вдаваться въ подробности и пересчитывать всѣ тѣ права и обязанности, какими обычай надѣляетъ князя и его ворка. Я ограничусь указаніемъ той общей черты, что отношенія князя и его вассаловъ были не столько отношеніями «по землѣ», сколько отношеніями «по службѣ».

Они вызываютъ въ насъ, такимъ образомъ, представленіе скорѣе о вассальномъ, нежели о ленномъ правѣ. Князь предъявлялъ къ ворку извѣстное требованіе не потому, что этотъ воркъ владѣлъ извѣстнымъ участкомъ земли, полученнымъ имъ отъ князя, а потому что онъ былъ его служилымъ человѣкомъ. Это не значитъ, чтобы служба ворка не могла быть вознаграждаема пожалованіемъ помѣстья. Такія пожалованія имѣли мѣсто, но они не исключали возможности и такихъ случаевъ, когда ворки одаривались не землею, а оружіемъ, болѣе или менѣе цѣнными серебрянными вещами, частью забранной княземъ добычи или полученныхъ имъ самимъ подарковъ. Служба ворка ни мало не опредѣлялась характеромъ полученнаго имъ вознагра-

граждениа. Она всецѣло зависѣла отъ того, къ какой категоріи служилыхъ людей принадлежалъ самъ воркъ.

И въ этомъ отношеніи кабардинскіе ворки напоминаютъ собою древне-русскихъ дружинниковъ, служба которыхъ оплачивалась по усмотрѣнію князя то земельнымъ участкомъ, то частью общей добычи. Оставаясь верховнымъ собственникомъ всѣхъ земель, входившихъ въ составъ его удѣла, кабардинскій князь въ то же время оставлялъ ее въ фактическомъ владѣніи «вольныхъ людей» (чагаровъ) и «крѣпостныхъ крестьянъ» (пшиты). Желая привязать къ своей службѣ того или другаго ворка, князь и, въ такой же мѣрѣ, тлякотлешъ и деясунго, изъ которыхъ каждый владѣлъ своимъ особымъ удѣломъ, отчислялъ въ пользу служилаго человека доходъ съ натуральной службы и натуральныхъ приношеній большаго или меньшаго числа поселенныхъ въ его удѣлѣ крестьянскихъ дворовъ. Военнопленные, образовавшіе изъ себя классъ безправныхъ рабовъ (лигава и унаутъ), и неполучавшіе земельного надѣла дворовые люди (лагу-нипутъ) раздаваемы были княземъ въ собственность воркамъ, которые передавали ихъ изъ рукъ въ руки въ силу покупокъ и продажъ. Ни одно изъ этихъ зависимыхъ отъ ворковъ сословій не можетъ быть названо замкнутымъ. Отъ ворковъ, какъ и отъ князей, зависѣло отпускать на волю своихъ холопей и образовывать изъ нихъ особый классъ вольноотпущенниковъ (азадъ). Обычай не препятствовалъ имъ также обращать своихъ холопей въ чагаровъ или вольныхъ людей, надѣляя ихъ каждый разъ парой воловъ и коровъ, а также мѣднымъ котломъ для варки пищи и небольшимъ количествомъ денегъ для первоначальнаго обзаведенія. Чагары или вольные люди, въ отличіе отъ крѣпостныхъ крестьянъ «пшитовъ», пользовались наравнѣ съ ворками правомъ свободного перехода.

Подобно «серебрянику» московскаго государства, чагаръ, разжившійся до того, что въ состояніи былъ завести собственное хозяйство, въ правѣ былъ покинуть господскую землю. При этомъ онъ оставлялъ въ пользу господина все прибрѣтенное имъ во время пребыванія на его землѣ. Скотъ же, приведенный на эти земли, онъ въ правѣ былъ забрать съ собою ¹⁾).

¹⁾ Адаты кавказскихъ горцевъ, т. 1, стр. 234, ст. 30, 31.

Натуральныя повинности чагаръ сводятся приблизительно къ слѣдующему: наравнѣ съ крѣпостнымъ крестьяниномъ въ сѣнокосное время они косили въ пользу господина три дня подрядъ и удѣляли новыхъ два дня для уборки скошеннаго. Отъ каждаго двора требовалось, чтобы онъ ежегодно перевезъ на господское гумно по меньшей мѣрѣ 8 подводъ (арбъ) дровъ изъ лѣса. Хлѣбное зерно съ обрабатываемыхъ чагарами и крестьянами полей поступало въ пользу господина въ болшемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по тому владѣлъ ли дворъ одной, двумя или тремя парами воловъ.

Въ первомъ случаѣ дворъ доставлялъ всего на всего одну арбу проса, во второмъ—три, въ третьемъ—четыре. Крестьянинъ не могъ вести никакого занятія безъ того, чтобы не сдѣлать господина участникомъ въ своихъ доходахъ. Когда онъ ковалъ желѣзо, изъ сдѣланныхъ имъ въ теченіе года полось одну онъ отдавалъ господину.

Кто имѣлъ пчель, по прошествіи трехъ лѣтъ давалъ помѣщику отъ каждой сапетки три. Крестьянинъ не могъ зарѣзать барана или рогатую скотину, наварить бузы или напечь хлѣбовъ не отдавши напередъ условленной части всего имъ заготовленнаго.

Чрезвычайныя событія въ жизни крестьянина, какъ и въ жизни его помѣщика, сопровождались обыкновенно добавочными платежами. Раздѣлъ крестьянскаго двора не могъ произойти иначе какъ подъ условіемъ выдѣла въ пользу господина части дѣльнаго имущества. Изъ полученнаго крестьяниномъ калыма за дочь, часть поступала къ помѣщику. Похороны и поминки, какъ и отдача въ замужество княжеской дочери, не обходились безъ подачекъ со стороны не однихъ крестьянъ, но и ворковъ.

Что касается до рабовъ, то ими вправѣ были владѣть всѣ сословія, въ томъ числѣ и крестьянское. Рабы причислялись къ вешамъ, такъ что вредъ, причиненный ими, возмѣщался потерпѣвшему.

Рабы исполняли всѣ приказанія своихъ господъ и работали на нихъ круглый годъ. Разлученіе семей при продажѣ дозволялось обычаемъ ¹⁾.

¹⁾ Матеріаломъ къ представленной въ текстѣ характеристикѣ кабардинскихъ сословій послужили труды комиссіи, назначенной Лорьясъ-Мо-

Только что представленный очеркъ кабардинской общественной организаціи дастъ намъ возможность открыть источникъ, изъ котораго заимствована была осетинами и балкарцами доселѣ существующая въ ихъ средѣ система сословій. Самый фактъ заимствованія легко объяснимъ, разъ мы примемъ во вниманіе господствующее значеніе кабардинцевъ на протяженіи всего сѣверо-западнаго Кавказа, ту экономическую зависимость, не рѣдко принимавшую даже политическую форму, форму платежа дани, въ какой жители горныхъ ущелій жили отъ замыкавшихъ проходы князей большой Кабарды, и то высокое уваженіе, какимъ всѣ горцы окружаютъ это по преимуществу рыцарское племя. Подражая кабардинцамъ въ ихъ одеждѣ, оружіи, домашней утвари, способъ постройки жилищъ и манерѣ держать себя въ обществѣ, горскія народности западнаго Кавказа усвоили себѣ также кабардинскую точку зрѣнія на тѣ отношенія, какія должны существовать между повелителями и подвластными, между княземъ и его вассалами. Перенесеніе кабардинскихъ сословныхъ порядковъ въ Осетію совершилось тѣмъ легче, что установленіе прочнаго правительства въ нѣкоторыхъ частяхъ занятой ими мѣстности (въ Тагауріи, Куртатіи и Дигоріи) совершилось при непосредственномъ участіи кабардинскихъ дружинъ. Согласно народнымъ преданіямъ привелигированныя семьи Осетіи имѣютъ своими родоначальниками лицъ, изгнанныхъ изъ ихъ первоначальной родины за совершенныя ими преступленія, такъ называемыхъ абрековъ. Самое происхожденіе привелигированнаго класса алдаровъ и бадилать не восходитъ далѣе конца среднихъ вѣковъ. До этого времени въ Осетіи не существовало между людьми другихъ различій кромѣ тѣхъ, которыя кладетъ 1) законность и незаконность рожденія, 2) рабство и свобода и 3) поселеніе на собственной или на чужой землѣ. Дѣти, происшедшія отъ сожитія съ номулусами, образовали изъ себя классъ людей подвластныхъ. Они зависѣли отъ тѣхъ семей, къ которымъ принадлежали ихъ отцы. Взятые на войнѣ или приобрѣ-

ликовыми для разслѣдованія личныхъ и сословныхъ правъ туземцевъ Терской области и состоявшей подъ начальствомъ полковника Кондукова; а также «Сборникъ древнихъ обрядовъ кабардинцевъ», составленный въ 1844 г. ген.-майоромъ вн. Голлицынымъ (Леонтовичъ, Алаты, т. I, стр. 223.

тенные покупкой плѣнники грузины положили начало безправнымъ рабамъ «гурзіакамъ»; поселенные же на чужихъ земляхъ «фарсаглаги» (отъ слово фарсагъ—побочный и лаг—человѣкъ) походили на классъ свободныхъ наслѣдственныхъ арендаторовъ, подобный русскимъ «серебренникамъ» и кабардинскимъ «чагарамъ». Ко всѣмъ этимъ различіямъ присоединилось новое съ того момента, когда осетинскіе абреки, опираясь на помощь кабардинцевъ; приступили къ заселенію незаселенныхъ дотогѣ ущелій главнаго хребта. О происхожденіи высшаго сословія Тагауріи осетинскія народныя преданія сохранили намъ слѣдующія подробности.

Уцѣлѣвшій при избіеніи цѣлаго рода молодой куртатинецъ Шанаевъ находитъ пріютъ въ Кабардѣ у князей Кайтукиныхъ, получаетъ у нихъ воспитаніе и съ ихъ помощью водворяется въ тагаурскомъ ущельи. Этотъ фактъ кладетъ начало сословному неравенству. Тогда какъ въ куртатинскомъ обществѣ продолжаетъ держаться прежняя родовая демократія, въ Тагауріи подвліяніемъ кабардинцевъ складывается подобіе феодальной системы. На занятыхъ силою оружія земляхъ пришлые въ Тагаурію абреки селятъ выходцевъ изъ прочихъ частей Осетіи. Эти выходцы, не имѣя собственной земли, попадаютъ въ положеніе наслѣдственныхъ арендаторовъ чужой собственности, становятся фарсаглагами князей владѣльцевъ.

Въ эпоху уничтоженія крѣпостной зависимости на Кавказѣ сословная организація Тагауріи представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Высшее общественное положеніе принадлежитъ алдарамъ; алдарское достоинство не пріобрѣтается ни покупкой, ни заслугами. Оно есть исключительное достояніе одиннадцати фамилій, издревле пріобрѣтшихъ это званіе.

Права алдаръ весьма широки. Они одни могутъ владѣть, сверхъ гурзіаковъ, и кавдасардами, распорядиться ими по произволу и подвергать ихъ наказаніямъ помимо суда. Какъ верховные собственники всѣхъ земель Тагауріи, они получаютъ отъ фарсаглаговъ слѣдующія повинности и платежи. Весною каждый дворъ доставляетъ уозданягу одного ягненка, осенью—большаго барана. Къ ежегоднымъ платежамъ принадлежатъ также: возъ сѣна, овечій сыръ и 10 фунтовъ коровьяго масла. Если

фарсаглагъ бьетъ на мясо скотину или рѣжетъ барана, то передняя лопатка съ ребрами принадлежитъ узданылагу. Во время поминокъ и свадебъ фарсаглаги доставляютъ своимъ господамъ бузу и съѣстные припасы, смотря по состоянію. Что касается личныхъ повинностей, то во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить обязанность сопровождать господина на собственной лошади, куда бы онъ ни ѣхалъ, на правахъ его тѣлохранителя. Это та же обязанность, какая въ средніе вѣка принадлежала виссаламъ. Рядомъ съ этой повинностью, фарсаглагъ несетъ другія, чисто хозяйственного характера. Во время покоса, пахоты и жатвы, изъ каждаго фарсаглагскаго двора посылается на хозяйское поле одинъ человекъ, который съ собственными орудіями и на хозяйскомъ корму обязанъ проработать цѣлый день. Подобно нашимъ крестьянамъ въ эпоху, предшествовавшую отмѣнѣ знаменитаго Юрьева дня, фарсаглаги пользуются правомъ свободного перехода отъ одного алдара къ другому. Существеннымъ ограниченіемъ этой свободы переселенія является то обстоятельство, что, при оставленіи прежняго мѣстожителства, жилище фарсаглага и вся его собственность переходятъ къ хозяину. Въ свою очередь, послѣдній, при неисполненіи фарсаглагомъ обязанностей, имѣетъ право прогнать его отъ себя. Взаимнѣя получаемыхъ имъ выгодъ, алдаръ обязанъ оберегать живущаго у него фарсаглага отъ всякой обиды и насилія. Если у фарсаглага украдутъ что-либо въ аулѣ или отобьютъ у него скотину, — розысканіе и преслѣдованіе виновнаго падаетъ на алдара ¹⁾).

Однимъ изъ способовъ, которыми достигнута была на западѣ эмансипація средняго сословія отъ феодальной аристократіи, была покупка земель въ собственность у разоряющейся знати. Та же покупка — причина тому, что многіе фарсаглаги съ теченіемъ времени сдѣлались совершенно независимыми частными собственниками и освобождены были отъ всякаго рода повинностей и платежей. Этимъ путемъ восемь изъ упомянутыхъ нами одиннадцати алдарскихъ семей потеряли права на своихъ фарсаглаговъ и уступили въ ихъ пользу большую часть принадлежащей имъ земли. И такъ, фарсаглаги могутъ быть земельными соб-

¹⁾ Леонтовичъ, ст. II, Свидѣнія объ адатѣ, 1844 г., стр. 9

ственниками. Они могут также владѣть рабами-гурзіаками, но дѣти этихъ рабовъ уже считаются свободными. Однихъ только кавдасардовъ фарсаглаги имѣть не могутъ, такъ какъ такая привиллегія признается за однимъ высшимъ сословіемъ ¹⁾).

Званіе кавдасардовъ наследственное. Они составляютъ неотчуждаемую собственность той алдарской фамиліи, къ которой принадлежала ихъ мать. Они не могутъ поэтому быть проданными или уступленными кому-нибудь въ даръ. Кавдасарды обязаны жить тамъ, гдѣ имъ будетъ указано и исправлять положенныя имъ работы. Во время покоса, пахоты и жатвы изъ cadaго кавдасардскаго двора долженъ быть высланъ одинъ человекъ, который на хозяйскомъ корму работаетъ одинъ день. Если кавдасардъ убиваетъ скотину или рѣжетъ барана, передняя лопатка съ ребрами должна быть отдана имъ алдару. Когда семья послѣдняго готовится встрѣтить праздникъ, кавдасардъ обязанъ сварить пива и отдать изъ него одинъ кувшинъ господину, а также доставить послѣднему 3 хлѣба и переднюю лопатку съ ребрами отъ убитаго имъ барана. Когда алдаръ празднуетъ свадьбу, кавдасардъ въ день, слѣдующій за нею, обязанъ устроить у себя пиръ для молодыхъ. Вообще-же, живя въ одномъ дворѣ съ алдаромъ, кавдасардъ исполняетъ по отношенію къ послѣднему всякаго рода служебныя обязанности: чистить его дворъ, рубить дрова, варить пиво ²⁾). Такое зависимое состояніе не мѣшаетъ кавдасардамъ владѣть землею, пріобрѣтенной покупкой или полученной по наследству, а также купленными рабами, дѣти которыхъ признаются уже кавдасардами и, какъ таковыя, принадлежать алдару. Выходъ изъ сословія кавдасардовъ невозможенъ.

Тогда какъ всѣ вышеназванныя сословія, вмѣстѣ съ обязанностями, имѣютъ и извѣстныя права, гурзіаки или рабы считаются не болѣе, какъ вещью; владѣльцы ихъ могутъ дѣлать съ ними все, что имъ заблагорассудится: продавать и дарить цѣлыми семьями или по одиночкѣ и даже умерщвлять, если такова ихъ будетъ «добрая воля» ³⁾).

¹⁾ Леонтовичъ, г. II. Св. объ адатъ 1847, г., стр. 13.

²⁾ Ibid., стр. 16.

³⁾ Ibid., стр. 14 и 15.

Чѣмъ въ Тагауріи являются алдары, тѣмъ въ Дигоріи—бадилыты. Въ сословной организаціи Дигоріи кабардинское вліяніе можетъ быть отмѣчено съ еще большею наглядностью, чѣмъ въ Тагауріи. Основаніе высшаго сословія дигорцы связываютъ съ позднимъ сравнительно поселеніемъ въ ихъ средѣ чужеродца-выходца изъ «Маджаръ», города, развалины котораго доселѣ сохранились на Кумѣ, около станицы «Прасковея». Имя этого выходца было «Бадила». Онъ сдѣлался родоначальникомъ могущественнаго въ Дигоріи рода «бадилытъ». На первыхъ порахъ скромный пришелецъ, готовый зарабатывать себѣ существованіе уходомъ за стадами, Бадила пріобрѣтаетъ въ средѣ дигорцевъ особенно почетное положеніе, благодаря выдающейся роли, какую ему приходится играть въ войнахъ ихъ съ сосѣднимъ ауломъ «Донифарсомъ». Дигорцы, гласитъ преданіе, не знали въ это время огнестрѣльныхъ орудій. Бадила первый знакомитъ ихъ съ употребленіемъ ружья. Тотъ же Бадила, какъ мусульманинъ, находитъ себѣ поддержку въ кабардинцахъ-мусульманахъ, которые черезъ его посредство стараются о введеніи корана среди христіанскаго населенія Дигоріи. Народное преданіе обвиняетъ Бадилу и его потомковъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ кабардинцами, которыхъ они, будто бы, сами неоднократно приглашали въ Дигорію, указывая имъ на легкую добычу.

Дигорцы мало-по-малу привыкли видѣть въ Бадилятахъ кабардинскихъ агентовъ и повиноваться имъ. Подъ вліяніемъ кабардинцевъ Бадиляты установили въ Дигоріи ту самую общественную организацію, съ характеромъ которой мы уже познакомились выше, говоря о тагаурскихъ сословіяхъ. На ряду съ рабами и кавдасардами, извѣстными въ Дигоріи подъ наименованіемъ «тума», появился въ ней и классъ людей, лично свободныхъ, но зависимыхъ отъ Бадилятъ, благодаря поселенію на ихъ земляхъ. Этотъ классъ, подъ наименованіемъ «адамхатъ», вступилъ къ высшему сословію въ тѣ самыя отношенія, въ какихъ въ Тагауріи стояли къ нему фарсаглаи.

Любопытною чертою дигорской сословной организаціи, доказывающею особую близость ея къ кабардинской, является встречающееся въ ней дѣленіе несвободнаго люда на два класса рабовъ, изъ которыхъ одни имѣютъ право вступленія въ бракъ

и основанія семей, тогда какъ другіе такого права не имѣютъ. То же различіе встрѣчаемъ мы и въ Кабардѣ: рѣшенія нальчикскаго горскаго суда на каждомъ шагу упоминаютъ о такъ называемыхъ «обрядовыхъ», холопахъ и о холопахъ «анаутахъ». Послѣдній классъ, какъ видно изъ тѣхъ же приговоровъ, составленъ былъ изъ лицъ, попавшихъ въ ряды рабовъ путемъ покупки. За неповиновеніе господину и совершеніе тѣхъ или другихъ преступленій «обрядовые» холопы могли быть переведены въ классъ «анаутовъ». Въ жалобахъ, предъявляемыхъ въ нальчикскій судъ холопами противъ ихъ господъ, нерѣдко значится, что господинъ произвольно включилъ то или другое лицо въ ряды неимѣющихъ обрядовъ холопей, такъ какъ имъ не было совершено никакого преступления. По предъявленіи ему такой жалобы, судъ каждый разъ требуетъ отъ собственника доказательствъ тому, что его холопомъ дѣйствительно совершены были тѣ или другія дѣйствія, карою которымъ можетъ служить переводъ его въ ряды не имѣющихъ «обрядовъ» холопей ¹⁾. Практическимъ послѣдствіемъ зачисленія въ ряды послѣднихъ было право господина разлучить мужа и жену при продажѣ ихъ на сторону или, не обращаясь даже къ такой продажѣ, ссудить рабыню - анаутку тому или другому лицу по собственному выбору и не иначе, какъ во временное сожительство. Тѣ же буквально порядки встрѣчаемъ мы и среди дигорцевъ. Ихъ обычное право различаетъ «кнековъ» или дворовыхъ людей отъ такъ называемыхъ «косеговъ»; о послѣднихъ значится въ сборникѣ адатовъ 1844 г., что «косеги» женскаго пола настоящаго мужа не имѣютъ, что господинъ воленъ ихъ отдать на время холостому человеку, по своему произволу, и что прижитыхъ въ такомъ сожительствѣ дѣтей господинъ вправе дарить и продавать врознь. Иное дѣло, если рѣчь заходитъ о «кнекѣ»; женъ своихъ, значится въ томъ же сборникѣ, они не могутъ увольнять, и это запрещеніе развода обязательно и для господина. Въ одномъ только отношеніи дигорскіе обычаи отступаютъ отъ кабардинскихъ, обнаруживая большую противъ послѣднихъ мягкость къ участи рабовъ. Провинившуюся холопку

1) Архивъ нальчикскаго горскаго суда.

только тогда можно отнять у ея мужа и продать на сторону, если родители ея не согласятся заплатить господину положенной за нее платы; что же касается до дѣтей, то, прижиты ли они будутъ въ бракѣ или внѣ его, и будетъ ли ихъ матерью «обрядовая» или «необрядовая» холопка, они равно подлежатъ продажѣ врознь ¹⁾).

Историки феодальныхъ отношеній обыкновенно характеризуютъ послѣднія тѣмъ, что, при ихъ господствѣ, земельный собственникъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и органомъ правительственной власти, и что жители одной и той же территоріи представляютъ изъ себя рядъ іерархически подчиненныхъ группъ. Эти двѣ основныя черты феодализма вполнѣ выступаютъ въ описанной нами сословной организаціи. Алдаръ и бадилятъ не только собственникъ земли, получающій съ своихъ вѣчно-наслѣдственныхъ арендаторовъ положенную обычаемъ ренту въ формѣ натуральныхъ повинностей и сборовъ, онъ еще ихъ политической глава, одинаково—въ военное и мирное время. По его зову фарсаглаги и кавдасарды обязаны стать подъ оружіе и подчиниться его военному начальству; его повелѣніямъ послушны они и въ мирное время, принимая къ себѣ, напримѣръ, на содержаніе его гостей и становясь кормильцами и воспитателями дѣтей чужаго княжескаго рода не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія ихъ собственнаго князя. Въ сборникахъ осетинскихъ адатовъ не только высказано открыто это предписаніе, но и прямо значится, что фарсаглаги и кавдасарды обязаны повиноваться безпрекословно своимъ князьямъ. Не осуществляя лично, опять таки по образцу средне-вѣковаго феодала, своихъ судебныхъ правъ, предоставляя сторонамъ вѣдаться между собою посредническимъ судомъ, алдары и бадилята въ то же время осуществляютъ свое право верховной юрисдикціи путемъ взиманія съ уголовныхъ преступниковъ штрафовъ въ свою пользу.

При всемъ своемъ сходствѣ съ феодальными порядками, осетинская сословная организація отнюдь не можетъ быть уподоблена той, какую представляетъ западная Европа въ эпоху завершеннаго уже процесса феодализаціи. Къ такому заклю-

---

¹⁾ Древніе обряды дагорскаго общества, 1844 г., ст. 9, 10, 11.

ченію приводитъ насъ простое сопоставленіе дигорскихъ порядковъ съ тѣми, въ которыхъ на западѣ сюзеренъ стоялъ къ своему вассалу. Если тамъ и здѣсь одинаково эти отношенія построены на договорномъ началѣ, если въ Осетіи, какъ и во Франціи время первой редакціи кутюмовъ, сеньеръ обязанъ доставить своему вассалу покровительство и защиту, подъ угрозой сдѣлать недѣйствительнымъ самый договоръ, то, съ другой стороны,—осетинскій вассалъ — фарсаглагъ свободнѣе средне-вѣковаго въ оставленіи имъ господина. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ наибольшее сходства съ тѣмъ *hospes* (въ букв. переводѣ—гость), о которомъ упоминають грамоты XI в. во Франціи, т. е. эпохи еще невыработаннаго феодализма. Подобно *hospes*, этому первообразу будущаго второстепеннаго вассала, фарсаглагъ вправѣ переходить отъ одного господина къ другому, но подъ условіемъ оставленія въ его пользу двора и земельного участка.

Самый источникъ происхожденія того и другаго класса одинаковъ: и *hospites* и фарсаглаги равно являются свободными людьми, селящимися на чужой землѣ по уговору съ ея собственникомъ и принимающими по отношенію къ послѣднему извѣстныя обязательства, личныя и имущественныя.

Что касается до рабовъ, то ихъ общественное положеніе въ Осетіи болѣе приближается къ тому, какое занимали они на западѣ въ древнѣйшій періодъ среднихъ вѣковъ, когда, по словамъ Брактона, въ Англіи, напр., еще проводимо было различіе между *villenagium rigum* или полнымъ рабствомъ и *villenagium privilegiatum*, съ тою, однако, оговоркой, что господствующее на западѣ христіанство съ самаго начала воспрепятствовало расторгенію браковъ рабовъ ихъ хозяевами, чего нельзя сказать о господствующемъ въ Дигоріи мусульманствѣ.

Кабардинскому вліянію должна быть приписана также окончательная выработка той сословной организаціи, какую мы находимъ въ горскихъ обществахъ: балкаръ, чегемъ, бизенгій, хуламъ и урузбѣевъ. Я говорю окончательное, такъ какъ нѣкоторые элементы ея положены были гораздо ранѣе въ эпоху поселенія хазарь, гунновъ и абадзеховъ.

Фамильные преданія чегемскаго рода Балкаруковыхъ относятся первоначальное поселеніе этого абадзахскаго племени въ долину Чегема къ періоду времени, отдѣленному отъ насъ десятию поколѣніями. Сыновья Анфико, родоначальника Балкаруковыхъ, застаютъ здѣсь уже готовое поселеніе. Этимъ поселеніемъ править князь тюркскаго (въ частности—хазарскаго) происхожденія, какъ показываетъ и самое его имя Берды-бій (бій—князь). Преданія балкарскаго общества позволяютъ намъ отодвинуть время заселенія края тюркскимъ племенемъ еще на нѣсколько столѣтій. Они говорятъ о прибытіи Басіата и Мысака изъ Маджаръ до поселенія кабардинцевъ на предгорной плоскости, т. е. не позже XIII-го столѣтія. По преданію пришельцы изъ Маджары долгое время воевали съ мѣстнымъ населеніемъ. Окончательно подчинить его удалось маджарскому выходцу — Мысакъ, за что онъ и былъ признанъ балкарцами правителемъ. Балкарскія преданія ни словомъ не упоминаютъ о томъ, какъ жили первоначальные насельники края. Но нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ въ преданіяхъ чегемскихъ. Они говорятъ, что Берды-бій, княжившій ауломъ въ эпоху прибытія въ него абадзехскаго рода Анфико, жилъ не въ самомъ аулѣ, а въ его окрестностяхъ, владѣя укрѣпленной башнею и прилегающими къ ней землями и довольствуясь собираніемъ одной только дани съ сосѣдняго населенія. Каждый дворъ въ Чегемѣ долженъ былъ доставлять Берды-бію одного барана въ годъ. За исключеніемъ этого обязательства населеніе Чегема, по видимому, не знало другихъ. Ни о холопахъ, ни о томъ полусвободномъ классѣ, который мы встрѣчаемъ въ послѣдующее время подъ названіемъ «чагаръ», тогда не было и помину. Все населеніе въ равной мѣрѣ участвовало во владѣніи землею, которая была передѣляема между дворами въ опредѣленные сроки. Сословныя различія, въ связи съ неравенствомъ въ землевладѣніи, появились между балкарцами только съ момента поселенія въ ихъ край чужеродцевъ. Этому пришлому элементу слѣдуетъ приписать какъ установленіе частной собственности на землю, такъ и организацию сословій. Чегемскія сказанія заключаютъ въ себѣ на этотъ счетъ цѣлый рядъ намѣковъ. Они связываютъ фактъ созданія частной собственности

съ политическимъ переворотомъ: захватомъ власти со стороны рода Балкаруковыхъ и избіеніемъ потомства Берды-бія.

Чтобы упрочить свою власть, Балкаруковы раздають землю въ собственность лицамъ, участвовавшимъ въ заговорѣ противъ династіи Берды-бія. Къ тому же приблизительно времени относится и установленіе сословій. Ближайшіе помощники Келемета, главы заговорщиковъ, были поставлены въ особенно привилегированное положеніе. Они одни получили право сидѣть за столомъ рядомъ съ княземъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность сопровождать его повсюду и прежде всего въ его набѣгахъ на сосѣдніе аулы. Тѣ изъ простонародья, которые стали на сторону заговорщиковъ, также надѣлены были рядомъ льготъ и преимуществъ. Прежняя неопредѣленность службъ перестала существовать. Отъ каждаго двора стали требовать въ лѣто одного косаря, одного жнеца и одного пахаря. Такимъ образомъ возникли въ Чегемѣ тѣ два сословія, которыя впоследствии становятся извѣстны подъ наименованіемъ «каракешей» и «чагаръ». Первые владѣютъ землею на правахъ собственности подъ условіемъ военной и придворной службы; вторые только подызываются ею на зависимыхъ отношеніяхъ отъ горскаго князя и «каракешей».

Вышеописанныя сословныя отношенія осложняются со временемъ, благодаря широкому развитію между горцами такъ называемаго «молочнаго родства». Отдавая своихъ дѣтей на вскормленіе и воспитаніе «каракешамъ и чагарамъ», горскіе князья принимали въ то же время извѣстныя обязательства по отношенію къ той семьѣ, изъ которой вышла кормилица. Эти обязательства не погашались съ возвращеніемъ въ родительскій домъ княжескаго сына и полученія воспитателемъ напередъ условленныхъ подарковъ.

Молодой князь считалъ своею обязанностью надѣлить семью своихъ молочныхъ братьевъ землею въ пожизненное владѣніе, въ замѣнъ чего послѣдніе принимали обязательство производить въ его пользу ежегодные платежи, которые отъ самаго наименованія плательщиковъ «эмчеками» стали называться «эмчекской податью» (Слово «эмчекъ» производное отъ глагола «эмченъ—сосать»).

Молочное родство и вытекающія изъ него отношенія нерѣдко

возникали и помимо отдачи ребенка на воспитаніе. Рядомъ съ реальнымъ мы встрѣчаемъ у горцевъ Кавказа и фиктивное молочное братство. Родовыя усобицы обыкновенно оканчиваются у нихъ тѣмъ, что обидчикъ, согласившись на уплату «виры», усыновляется родомъ обиженного. Актъ усыновленія состоитъ въ прикосновеніи къ груди старѣйшей изъ женщинъ усыновляющаго рода. Послѣ такого прикосновенія обидчикъ становится «эмчекомъ», другими словами, молочнымъ братомъ членовъ враждебнаго ему рода и получаетъ отъ старѣйшинъ его участки земли, подъ условіемъ платежа той же «эмчекской подати», какую несутъ настоящіе молочные братья. Ко всѣмъ вышеозначеннымъ причинамъ образованія сословія присоединимъ еще одну. Враждебныя столкновенія съ сосѣдними племенами и аулами и смѣнившая ихъ впоследствии вѣковая война съ русскими— вызвали къ жизни сословіе военно-плѣнныхъ рабовъ. Любопытно, что это сословіе носитъ у балкарцевъ одно названіе съ тѣмъ, которое принадлежитъ ихъ вѣковымъ противникамъ черкесамъ. У балкарцевъ рабъ назывался касакъ, а это имя, по видимому, тождественно съ первоначальнымъ названіемъ черкесовъ касакъ или косогъ, употребляемымъ между прочимъ въ Словѣ о Полку Игоревомъ. Въ этомъ мы имѣемъ прямое указаніе на то, что основаніе рабству положила война, и что первоначальными рабами были военно-плѣнные изъ черкесъ.

Близость съ Кабардою, постоянные набѣги балкарцевъ на сосѣдніе кабардинскіе аулы и неоднократные походы кабардинцевъ въ горы съ цѣлью положить конецъ этимъ набѣгамъ и поставить въ зависимость отъ себя самихъ горцевъ—также наложили печать на характеръ сословныхъ отношеній у балкарцевъ. По словамъ князя Асламбека Атажухина, его предки, завоевавши Чегемъ и сосѣдніе съ нимъ аулы, обложили горцевъ данью, для взиманія которой поселены были въ ихъ средѣ наслѣдственные сборщики изъ рода Ахматовыхъ. Дань платилась рабами, крупнымъ и мелкимъ скотомъ. Балкарцы сплошь и рядомъ отрицаютъ обязательный характеръ этой дани и говорятъ о добровольныхъ платежахъ, произведенныхъ ими въ разное время въ пользу кабардинскихъ князей, какъ бы въ признательность за дозволеніе пасти стада на плоскости въ весенне

и осенніе мѣсяцы, когда въ горахъ нѣтъ достаточнаго корму. Просмотрѣнныя мною старыя дѣла нальчикскаго народнаго суда не даютъ, однако, правъ отрицать существованіе болѣе чѣмъ номинальной зависимости горскихъ «таубіевъ» отъ кабардинскихъ князей, и въ частности отъ рода Атажухиныхъ и Наурузовыхъ. Сплошь и рядомъ эти князья обнаруживаютъ притязаніе на подчиненіе имъ, какъ сюзеренамъ, таубіевъ отдѣльныхъ ауловъ, въ томъ числѣ и урусбіевскаго. Мало того нерѣдко въ этихъ же дѣлахъ идетъ рѣчь о принужденіи ими тѣхъ или другихъ родовъ, поселенныхъ у верховья Баксана, т. е. въ районѣ балкарскихъ владѣній, къ уплатѣ ежегодно разъ навсегда положенной суммы. Отказъ ведетъ къ военной реквизиціи. Тѣ же князья нерѣдко отправляютъ къ горскимъ таубіямъ новыхъ поселенцевъ, прося о надѣленіи ихъ землею, если не въ собственность, то въ пожизненное и наслѣдственное владѣніе, каждый разъ подъ условіемъ платежа извѣстной ренты въ пользу таубія. Всѣ эти частности вмѣстѣ взятыя даютъ право утверждать, что въ извѣстный моментъ ихъ исторіи горскіе таубіи принуждены были признать надъ собою власть сосѣднихъ кабардинскихъ князей, — сдѣлались ихъ вассалами (узденями), обязались оказывать имъ покорность и платить дань. Защищенные самою неприступностью занятой ими мѣстности, горцы со временемъ фактически освободили себя отъ прежней зависимости, которая такимъ образомъ постепенно сдѣлалась номинальной.

Мы рассмотрѣли одинъ за другимъ важнѣйшіе факторы горскаго феодализма и обусловленной имъ сословной системы. Въ существеннѣйшихъ чертахъ эти факторы не отличаются ничѣмъ отъ тѣхъ, которые повели къ возникновенію феодальныхъ отношеній на западѣ Европы. Если не говорить объ «иммунитетахъ» и «коммандацияхъ» — причинахъ или второстепенныхъ или позднѣйшихъ, — нельзя будетъ не согласиться съ тѣмъ, что основу феодальныхъ отношеній всюду положило завоеваніе, покореніе одного племени другимъ, насильственное отнятіе, если не земельного пользованія, то земельной собственности у побѣжденныхъ и надѣленіе ею ближайшихъ соподвижниковъ побѣдоноснаго вождя, принимающихъ по отношенію къ нему обя-

занность военной и придворной службы; а эти именно причины мы и встрѣчаемъ въ исторіи балкарцевъ, насколько эта исторія извѣстна намъ изъ уцѣлѣвшихъ преданій.

Бросимъ теперѣ бѣглый взглядъ на самую организацію сословныхъ отношеній у балкарцевъ въ томъ видѣ, въ какомъ она продержалась до 1867 года—эпохи отмѣны крѣпостнаго права на Кавказѣ. Во главѣ специальной лѣстницы стоятъ у нихъ такъ называемые «таубіи», что въ буквальномъ переводѣ значитъ «горскіе князья»

Число ихъ весьма ограничено; всѣхъ княжескихъ династій мы насчитываемъ 13. Онѣ распределены не равномерно между разными аулами. Въ древнѣйшемъ, въ Балкарахъ ихъ всего болѣе, четыре; въ новѣйшемъ, урусбиевскомъ—всего одна. Подобно тому, какъ въ германскихъ «правахъ» высшее состояніе выражается прежде всего бѣльшимъ размѣромъ «вирь» или «композицій», такъ точно и въ средѣ горцевъ убійство и всякое другое правонарушеніе, направленное противъ членовъ княжескаго рода, ведетъ за собой уплату обидчикомъ пени въ три и четыре раза большей противъ обыкновенной. При удержавшемся обычаѣ покупать невѣсть, принадлежность къ высшему сословію сказывается также въ увеличенномъ размѣрѣ «калыма» или платы за невѣсту. Замѣчательно при этомъ совпаденіе между размѣромъ «калыма» и размѣромъ «виры». Въ случаѣ убійства «таубія, какъ и въ случаѣ покупки жены изъ этого сословія, «вира» и «калымъ» одинаково полагаются въ 15 головъ крупнаго скота. Каракаши платятъ «виру» и «калымъ» въ пять разъ меньшій противъ того, какой обязаны вносить таубіи.

Принадлежность къ княжескому роду исключаетъ возможность брака съ женщиной низшаго состоянія. Таубій можетъ взять въ жены только дочь таубія, кабардинскаго ворка или члена высшаго сословія, какимъ бы именемъ не обозначали его горскія племена дигорцевъ, кумыковъ или сванетовъ. Отмѣтимъ при этомъ слѣдующую оригинальную черту: неравный бракъ запрещается только мужчинамъ; подобнаго запрета не существуетъ для женщинъ. Мы полагаемъ, что причина такой аномаліи лежитъ въ невозможности найти для бѣдной горской дѣвушки, хотя бы и княжескаго рода, жениха одного съ нею сословія. До послѣд-

ного времени, до введения русскимъ правительствомъ въ горскіе суды правила о рѣшеніи дѣлъ по наслѣдству на основаніи «шариата», женщины не были наслѣдницами, а это обстоятельство, очевидно, затрудняло возможность вступленія ихъ въ бракъ съ лицами, равными имъ по состоянію.

Привилегированное положеніе «таубіевъ» находитъ выраженіе себѣ какъ въ сферѣ администраціи, такъ и суда. Если въ наши дни, со времени введенія въ дѣйствіе русскихъ законовъ о сельскихъ обществахъ или аулахъ, старшиною является обыкновенно выборное и утвержденное правительствомъ лицо, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что подобный порядокъ можетъ быть признанъ самобытнымъ и исконнымъ. Въ эпоху своей независимости балкарцы не знали другихъ старшинъ, кромѣ старѣйшихъ представителей княжескихъ династій. Они предводительствовали на войнѣ и начальствовали во время мира. Власть ихъ, однако, не была неограниченной; важнѣйшія дѣла рѣшались ими не однолично, а при участіи и съ совѣта старѣйшинъ.

Резюмируя все предыдущее, мы не ошибемся, сказавши, что въ лицѣ ихъ старѣйшихъ представителей княжескихъ династій сосредоточивались приблизительно тѣ самыя права, какими располагали въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ германскіе «кунинги» и славянскія князья. Подобно имъ, они—верховные предводители на войнѣ и стражи общаго спокойствія въ мирѣ. «Zwing und Bann»¹⁾, выражаясь языкомъ германистовъ, всецѣло сосредоточивались въ ихъ рукахъ. Спрашивается, однако, какъ примирить все сказанное съ упомянутымъ уже нами сожительствомъ въ одномъ аулѣ нѣсколькихъ княжескихъ династій? Кому въ этомъ случаѣ принадлежитъ та сумма политическихъ правъ, которая обнимается понятіемъ княжескаго «суверенитета»?—Безразлично всѣмъ и каждому изъ старѣйшихъ представителей отдѣльныхъ княжескихъ родовъ. Ауль въ этомъ случаѣ не представляетъ собой цѣльнаго политическаго организма, а является скорѣе конгломератомъ нѣсколькихъ маленькихъ госу-

1) Право принуждать къ исполненію своихъ повѣлній и приказывать совершеніе или несвершеніе извѣстныхъ дѣйствій.

дарствъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга. Но есть ли это лучшее доказательство тому, что балкарское общество въ своемъ развитіи пошло отъ той же точки отправленія, съ какой начался политическій ростъ любаго народа? Я разумю господство независимыхъ другъ отъ друга суверенныхъ родовъ, долгое время сохраняющихъ свое обособленное существованіе и послѣ соединенія ихъ въ одно сельское общество, въ одинъ аулъ.

Та характерная особенность феодальныхъ отношеній, которая состоитъ въ соединеніи въ одномъ лицѣ правъ собственника и государя, находитъ выраженіе себѣ и въ обществахъ балкарцевъ, въ томъ смыслѣ, что княжескіе роды не только правятъ всѣми остальными семьями, но и являются по отношенію къ нимъ верховными земельными собственниками. Какъ въ феодальной Англіи, или во Франціи XIII-го вѣка, никто не владѣетъ землею иначе, какъ въ зависимости отъ меньшаго числа сеньеровъ, (*nulle terre sans seigneur*), такъ точно въ средѣ балкарцевъ всѣ остальные сословія: «каракеши», «чагары», «казаки» и отпущенные на волю рабы или «азаты» безразлично сидятъ на земляхъ «таубіевъ», неся въ ихъ пользу напередъ опредѣленные повинности и платежи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Хуламѣ и Чегемѣ, каждый кофаканъ, за исключеніемъ старшаго во дворѣ, обязанъ одинъ день въ году пахать княжеское поле и одинъ день косить на княжескомъ лугу. Въ горячее время жатвы женщины «каракешскихъ дворовъ» поголовно выходятъ на княжескія нивы для уборки хлѣба. Въ своей совокупности дворы каракешей обязаны сверхъ того поставить князю выбраннаго изъ ихъ среды табунщика и пастуха.

Рядомъ съ этими повинностями каракеши производятъ въ пользу князя и другіе платежи. Постояннымъ сборомъ съ нихъ является такъ называемый «эмчекъ». Первоначальное его происхожденіе было указано выше. Изъ видоваго понятія, какимъ онъ былъ на первыхъ порахъ, «эмчекъ» сдѣлался съ теченіемъ времени родовымъ; изъ ренты, уплачиваемой молочными братьями, — общимъ видомъ земельной ренты, размѣръ которой зависѣлъ отъ первоначальнаго уговора «таубія» съ «каракешемъ». Не любопытно ли встрѣтить на отдаленнѣйшемъ концѣ Европы то самое половничество, которое доселѣ является условіемъ процвѣтанія

крестьянъ Тосканы, и которое въ средніе вѣка было наиболѣе распространенной системой земледѣльческаго хозяйства!

За этимъ періодическимъ платежемъ слѣдуетъ назвать еще цѣлый рядъ временныхъ и случайныхъ. Хорошо извѣстенъ средневѣковый обычай взиманія такъ называемыхъ «auxilia», въ буквальномъ переводѣ—«пособій», между прочимъ при отдачѣ сеньеромъ въ замужество старшей его дочери. Нѣчто подобное ему представляетъ въ средѣ горскихъ татаръ такъ называемый «бомбайлаганъ», другими словами—платежъ, дѣлаемый «каракешами» по случаю замужества не только старшей, но и прочихъ дочерей «таубія».

Особенность этого платежа, отличіе его отъ средневѣковыхъ «пособій» составляетъ то обстоятельство, что онъ идетъ въ пользу самой дочери и производится не въ день ея замужества, а по случаю ея пріѣзда уже послѣ заключенія брака въ отцовскій домъ. У балкарцевъ, какъ и другихъ горцевъ, существуетъ обычай, въ силу котораго жена однажды въ теченіе всей своей жизни отпускается мужемъ въ гости къ отцу. Она проводитъ въ родительскомъ домѣ обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ, не рѣдко годъ и болѣе. Передъ отъѣздомъ ея къ мужу со всѣхъ дворовъ «каракешей», принадлежащихъ ея отцу, отбирается по одной коровѣ, возрастомъ не моложе двухъ съ половиной лѣтъ. Любопытно при этомъ, что вмѣстѣ съ молодой одаряется и ея спутница, ея «дзига», принадлежащая по происхожденію къ роду ея мужа. Въ пользу ея дворъ даетъ также по одной коровѣ, но уже не старше какъ двухгодовалой. Этотъ сборъ, по имени того лица въ пользу котораго онъ производится, носитъ названіе «дзига».

Не только бракъ княжеской дочери ведетъ къ обложенію «каракешей» извѣстными поборами, но то же послѣдствіе имѣтъ и выдача ими самими замужъ своихъ дочерей. Тожественный съ французскимъ «formariage» и англійскимъ «maritagium», горскій обычай уплаты «таубію» части получаемаго въ уплату за дочь «калыма» интересенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на сходство даже въ частностихъ между феодальнымъ правомъ средневѣковой Европы и тѣмъ, которое еще такъ недавно было въ полномъ дѣйствіи, среди горцевъ сѣвернаго Кавказа. Раз-

мѣръ платы, производимой въ этомъ случаѣ «каракешемъ» въ пользу «таубіа», рѣдко превышаетъ цѣнность одного быка и коровы, вмѣстѣ взятыхъ.

Опять-таки въ поразительной аналогіи съ средневѣковыми порядками, кончина «каракеша», какъ и бракъ его дочери, являются для «таубіа» условіемъ полученія извѣстныхъ имущественныхъ выгодъ, впрочемъ, только въ томъ случаѣ, когда за этой кончиной слѣдуетъ раздѣлъ оставленнаго имъ состоянія между братьями. При такомъ дѣлежѣ на долю «таубіа» приходится обыкновенно большее или меньшее число холопей и головъ рогатаго скота, стоимостью въ 100, 200 и 300 рублей, смотря по величинѣ поступившаго въ раздѣлъ имущества.

Мы видѣли, что «каракешъ» платитъ одинаково, какъ при замужествѣ, такъ и при вступленіи въ бракъ дочери «таубіа»; то же имѣетъ мѣсто и по случаю его смерти. Не только кончина «каракеша», но и кончина «таубіа», имѣетъ своимъ послѣдствіемъ довольно значительныя затраты въ пользу оставшейся въ живыхъ княжеской семьи. «Каракешъ» обязательно участвуетъ въ издержкахъ, дѣлаемыхъ ею на поминкахъ («ашъ»). Помимо этихъ случайныхъ затратъ «каракешъ» несетъ еще ежегодную на угощеніе господина во время поста («ураза»), откуда и самое угощеніе получаетъ наименованіе «ураза-жохла». Съ этою цѣлью онъ зарѣзываетъ барана и поставяетъ котель пива и столько же браги или «бузы». «Премиціи» или первые плоды, другими словами, — обязанность вассала дѣлиться съ господиномъ частью употребляемыхъ имъ въ пищу продуктовъ, сплошь и рядомъ встрѣчается, какъ извѣстно, въ средневѣковой Европѣ. Нѣчто подобное имъ представляетъ и балкарская «уча». Въ буквальномъ переводѣ этотъ терминъ означаетъ часть туловища животнаго отъ двухъ послѣднихъ реберъ до паховъ. Эту часть убитаго звѣря (олена, козы, тура и другихъ) или зарѣзаннаго быка, коровы и овцы, «каракешъ» обязанъ отдать своему «таубію» вмѣстѣ съ мѣхомъ или кожей. Такой же дѣлежъ обязателенъ и при изготовленіи сыровъ. Семья каракешей отдаетъ ежегодно въ пользу господина по меньшей мѣрѣ 5 сыровъ. Такovy обязанности «каракешей» въ мирное время. Въ военное же къ нимъ присоединялась еще поголовная служба въ войскѣ,

начальство надъ послѣднимъ принималъ назначенный «таубіемъ» предводитель. Вооруженіе и содержаніе лошади во время похода падали на «каракешей». Не представляетъ ли сказанное буквального повторенія того, что можно найти въ любомъ трактатѣ леннаго права касательно службы, отправляемой вассалами въ войскѣ сюзерена.

Этотъ очеркъ различныхъ обязанностей «каракеешей» мы закончимъ указаніемъ на тотъ фактъ, что переходъ отъ одного «таубіа» къ другому не былъ дозволенъ, и что «каракеши», подобно прочему имуществу, поступали въ раздѣлъ между оставленными «таубіемъ» наслѣдниками.

Еще большія обязанности несутъ по отношенію не только къ князю, но и къ «каракешамъ» поселенные на ихъ земляхъ «чагары». Подобно ближайшимъ вассаламъ горскаго князя, члены этого сословія считались лично свободными. Производимыя ими сельскія работы и натуральные платежи были не болѣе, какъ эквивалентомъ полученной ими въ надѣлъ земли.

Владѣя этой землею не только пожизненно, но и наслѣдственно, «чагары» несли въ пользу ея собственниковъ слѣдующіе виды личныхъ повинностей и натуральныхъ сборовъ.

Изъ каждаго двора одинъ мужчина и одна женщина круглый годъ работали на собственника. Сверхъ того разъ въ годъ все мужское и женское населеніе двора выходило на хозяйское поле. Первые косили, вторыя—жали.

Дрова для топлива доставлялись «чагарами» по очереди на собственныхъ ослахъ, какъ на княжескій дворъ, такъ и въ жилище «каракешей», въ зависимости отъ которыхъ «чагары» держали свои земли.

Подобно «каракешамъ», чагары поставляли табунщиковъ и пастиховъ. Сверхъ общаго съ «каракешами» обязательства угощать хозяевъ однажды во время поста, участвовать въ поминкахъ по нимъ, отдавать въ ихъ пользу часть «калыма» и большую или меньшую долю поступающаго въ раздѣлъ наслѣдства, «чагары» несли еще слѣдующую, крайне разорительную для нихъ повинность: при приѣздѣ гостей, «кунаковъ», къ «таубію» или къ «каракешу», они обязаны были на собственныя средства доставлять содержаніе ихъ лошадямъ.

При широкомъ гостепрѣимствѣ, характеризующемъ бытъ горцевъ, такая обязанность сопряжена была съ значительными имущественными затратами.

Вступленіе въ бракъ княжескаго сына или самого князя имѣло для «чагара» слѣдующія отяготительныя послѣдствія. Онъ обязанъ былъ доставить, въ случаѣ требованія, по меньшей мѣрѣ одну голову скота или принять временно на свое иждивеніе княжескую жену, за что подчасъ вознаграждаемъ былъ подарками. Жены «чагаровъ» не въ правѣ были отказаться отъ исполненія обязанностей кормилицъ, каждый разъ, когда того требовалъ «таубій». Дѣти таубія младенцами поступали въ семью «чагара» и оставались въ ней до совершеннолѣтія.

Оставленіе господина запрещалось «чагарамъ» подѣ угрозой потери ими всего имущества.

Подобно «каракешамъ», «чагары» обязаны были производить въ пользу господина ежегодныя подарки, отдавали ему безвозмездно треть заготовленныхъ ими сыровъ, кожу и мѣхъ убитыхъ ими звѣрей и нѣкоторую часть ихъ мяса.

Всякій, мало мальски знакомый съ средневѣковымъ сословнымъ устройствомъ, согласится, что вышеописанный бытъ «чагаръ» довольно близко подходитъ къ тому, въ какомъ въ Англіи, напр., жили «customary tenants», во Франціи владѣльцы «censives», а въ западномъ краѣ «чиншевики». Подобно имъ, «чагары» сидятъ на чужой землѣ не только пожизненно, но и наследственно, платя собственнику ея поземельную ренту и спеціальныя платежи по случаю бракосочетаній и смерти, сопровождаемой раздѣломъ.

Подобно имъ, также «чагары» не въ правѣ оставить своихъ хозяевъ или по меньшей мѣрѣ теряютъ при переходѣ къ другому собственнику въ пользу прежняго все принадлежащее имъ имущество.

Низшій слой населенія составляютъ, какъ мы видѣли, у балкарцевъ такъ называемые «касаки», т. е. крѣпостные; но и въ ихъ средѣ замѣчается то самое различіе, какое извѣстно было средневѣковому праву и которое нѣкогда существовало и у насъ между крѣпостными въ собственномъ смыслѣ и дворовыми. Для послѣднихъ мы встрѣчаемъ у балкарцевъ даже особое на-

именованіе «каравашъ». Тогда какъ «касаки» состоятъ въ постоянномъ отношеніи къ землѣ и отчуждаются вмѣстѣ съ нею, «караваша» продаются и покупаются на ряду съ скотомъ. Запрещеніе разрознить семьи при продажѣ касается однихъ только «касаковъ», —отнюдь не «каравашей». Семейныя отношенія, возможныя для «касаковъ», не существуютъ для «каравашей». «Каравашъ служанка или горничная», читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ 1844 года, «законнаго мужа не имѣтъ; ежели господинъ позволить холостому мужчинѣ жить съ нею, то онъ же въ правѣ запретить ей такое сожителство, когда вздумаетъ. Послѣдствіемъ сожитія ни въ какомъ случаѣ не является установленіе какихъ-либо прочныхъ отношеній ни къ женщинѣ, ни къ рожденнымъ отъ нея дѣтямъ. Они навсегда остаются при господинѣ, который въ правѣ продавать ихъ врозь.

Обязанности «касаковъ» и «каравашей» состоятъ въ исполненіи частью полевыхъ, частью дворовыхъ работъ въ пользу господина. Они—его рабочая сила, потеря которой вознаграждается большимъ или меньшимъ числомъ головъ крупнаго и мелкаго скота. Отсюда то послѣдствіе, что при убійствѣ ихъ «вира» платится ни кому другому, какъ господину. Точно также при отдачѣ въ замужество «калымъ» поступаетъ всецѣло къ нему одному. Права господина по отношенію къ его рабамъ ни чѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, какими онъ располагаетъ по отношенію ко всякому другому виду движимой собственности.

Мы уже видѣли, что онъ по желанію продаетъ ихъ на сторону; прибавимъ теперь, что самая жизнь ихъ ничѣмъ не защищена отъ произвола господина. Хозяинъ такъ же мало отвѣчаетъ за убійство «касака» или «караваша», какъ за убійство собственнаго быка или коровы. Отъ того же хозяина зависитъ впрочемъ и радикальная перемѣна въ участи подвластныхъ ему холопей. Сплошь и рядомъ, по соображеніямъ религіознаго характера, «таубин» отпускали на волю своихъ «касаковъ» и «каравашей» безвозмездно или подъ условіемъ выкупа. Любопытно при этомъ то обстоятельство, что вольноотпущенники не прекращаютъ сразу всѣхъ отношеній съ прежними ихъ господами и продолжаютъ владѣть землею въ личной зависимости отъ нихъ. Не тѣ же ли это отношенія, какія въ

древней Германіи существовали между «либертами» и «свободными», а въ Римѣ между «квентами» и «патронами».

Вліяніе кабардинцевъ на сословную организацію сосѣднихъ съ ни мигорцевъ не ограничивается предѣлами Осетии или Балкарин. Неменьшее значеніе имѣло оно и для черкесскихъ племенъ и во главѣ всѣхъ—для абазинцевъ, дѣленіе которыхъ на князей (пше), дворянъ (ворковъ), свободныхъ людей тофоколь, крестьянъ (пшитль) и рабовъ, какъ по характеру каждой категоріи, такъ и по присвоеннымъ имъ названіямъ вполне отвѣчаетъ кабардинскому.

Чѣмъ далѣе мы удаляемся на западъ по направленію къ Черному морю, тѣмъ свободнѣе отъ кабардинцевъ складывается общественная организація черкесовъ. Белль отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ фактъ упадка княжескаго и дворянскаго сословія, извѣстнаго подъ наименованіемъ «токавовъ», на протяженіи всего черноморскаго побережья. Онъ приписываетъ его частью переходу многихъ привилегированныхъ семей отъ военныхъ занятій къ торговлѣ и промышленности, частью къ проповѣдуемой турками идеѣ демократическаго равенства, вполне отвѣчающаго, по ихъ мнѣнію, религіознымъ требованіямъ корана ¹⁾. Въ противность Беллю, я склоненъ видѣть въ описываемомъ имъ фактѣ не результатъ восплѣдовавшаго, со временемъ, упадка военной аристократіи, а доказательство тому, что въ періодъ времени, предшествовавшій появленію кабардинцевъ на сѣверо-кавказской плоскости, черкесскія племена были устроены на тѣхъ же началахъ родовой демократіи, на какихъ построень былъ быть ихъ сосѣдей—осетинъ и чеченцевъ и слѣды которой уцѣлѣли до нашихъ дней въ демократической организаціи убуховъ и шапсуговъ.

---

1) Bel. Journal d'une résidence en Caucase, т. I, стр. 333.

ГЛАВА VIII.

Русское вліяніе.

Послѣднимъ по времени изъ тѣхъ вліяній, какія испытало на себѣ обычное право горцевъ, является вліяніе Россіи и проводимой ею на Кавказѣ политики. Это вліяніе проявилось въ столькихъ разнообразныхъ сферахъ и такъ существенно измѣнило характеръ сословной, земельной, семейной, процессуальной и уголовной системы горцевъ, что обстоятельное его изученіе одно могло бы сдѣлаться предметомъ цѣлаго сочиненія. Не имѣя возможности отвѣсть ему подобающаго мѣста въ настоящемъ трудѣ, я ограничусь нѣкоторыми общими замѣчаніями, не бесполезными, какъ я полагаю, для пониманія того направленія, въ какомъ совершается современное развитіе обычнаго права Кавказа. Къ чести нашей политики надо сказать, что въ сношеніяхъ съ отсталыми или слабо развитыми народностями, населяющими Имперію, мы никогда не обнаруживали той готовности ломать установленный у нихъ вѣками строй, какой отличалась, напримѣръ, англійская политика въ Индіи въ теченіе прошлаго и въ половинѣ настоящаго столѣтія. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему мы не только не произвели въ средѣ горцевъ Кавказа того радикальнаго переворота въ земельномъ и сословномъ строѣ, какой англичане, напримѣръ, совершили въ началѣ текущаго столѣтія въ Бенгалѣ, но и удержали всѣ особенности ихъ общинно-родового и племенного землевладѣнія. Рѣшительнымъ подтвержденіемъ сказанному служить знаменательный фактъ признанія

цѣлыхъ сотенъ тысячъ десятинъ нераздѣльной собственностью кабардинскаго народа и тѣхъ горскихъ племенъ тюркскаго происхожденія, которые извѣстны намъ подъ наименованіемъ балкарцевъ. Начало ему было положено во время управленія Терской областью графомъ Михаиломъ Таріеловичемъ Лорисъ-Меликовымъ. Этому государственному дѣятелю, при участіи его ближайшаго помощника, полковника Кондокова, удалось склонить кабардинскихъ князей къ скрѣпленію своею подписью слѣдующаго заявленія, послужившаго основаніемъ при рѣшеніи земельного вопроса во всей Терской области: земли Кабарды составляютъ достояніе всего народа и должны находиться въ общемъ его владѣніи. Отправляясь отъ этого заявленія, сдѣланнаго въ Налчикѣ уполномоченными отъ вѣхъ сословій Кабарды, 20 августа 1863 года, терская сословно-поземельная комиссія выработала слѣдующій планъ реформы: тридцати ауламъ Большой Кабарды опредѣлить участки земли въ 248,000 десятинъ; участки этотъ долженъ быть раздѣленъ между аулами по числу дворовъ въ нихъ такъ, чтобы на каждый дворъ приходилось счеомъ по 36 десятинъ; 83,000 десятинъ раздать въ частную собственность княжескимъ и дворянскимъ семьямъ; отвести участки въ 8,000 десятинъ для поселенія на немъ тѣхъ изъ горцевъ, которые пожелаютъ выселиться на плоскость. Остальную затѣмъ землю, въ количествѣ 226,000 дес. пастбища и 60,000 лѣса, оставить въ запасѣ, предоставивъ намѣстнику Кавказа опредѣлить порядокъ пользованія ими какъ для кабардинцевъ, такъ и для горцевъ. Въ существеннѣйшихъ чертахъ этотъ проектъ приведенъ былъ въ исполненіе; кабардинскіе князья получили свои, въ общемъ не особенно значительные, надѣлы, а за аулами признано право общиннаго владѣнія. Указомъ текущаго (1889) года Государь Императоръ утвердилъ за кабардинскимъ народомъ и зависимыми отъ него нѣкогда горскими обществами право племенной собственности на 286,000 десятинъ пастбищной земли, остававшейся дотолѣ въ запасѣ.

По образцу кабардинскаго устроено было землевладѣніе и другихъ туземцевъ Терской области. За чеченцами, алагирицами, куртатинцами и южными осетинами удержана прежняя система нераздѣльнаго землевладѣнія. Каждый дворъ, въ составъ кото-

раго входитъ большее или меньшее число малыхъ семей, получаетъ общинный надѣлъ, средній размѣръ котораго въ алаагирскомъ обществѣ—24 десятины, въ другихъ аулахъ—еще меньше. Въ Тагауріи закономъ 1866 г. признано въ принципѣ начало общиннаго владѣнія каждымъ ауломъ принадлежащей ему землею. Раздѣлъ всей территоріи между аулами долженъ совершиться сообразно числу входящихъ въ составъ ихъ дворовъ, считая по 40 десятинъ на каждый. Алдарскіе дворы получаютъ равные надѣлы съ остальными, но тѣ изъ нихъ, которые желали бы выселиться въ Кубанскую область, въ правѣ получить въ ней надѣлъ въ 300 дес. Этимъ правомъ пока не воспользовался ни одинъ изъ членовъ привилегированнаго сословія.

Всего болѣе затрудненій представило проведеніе земельной реформы въ Дигоріи. Комиссіи пришлось считаться на этотъ разъ съ тѣми ошибками, какія сдѣланы были русскимъ правительствомъ на первыхъ порахъ, при недостаточномъ еще знакомствѣ съ внутреннимъ бытомъ горцевъ. Считая землю принадлежностью небольшого числа привилегированныхъ семей, администрація графа Воронцова, въ 1837 г., признала за родомъ Тугановыхъ право собственности на цѣлыхъ тринадцать тысячъ десятинъ. Часть этой земли пришлось выкупить у нихъ правительству, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать возможнымъ основаніе двухъ осетинскихъ ауловъ, вольно-христіанскаго и вольно-магометанскаго, жители которыхъ выселились изъ Дигоріи, желая избѣжать дальнѣйшей зависимости отъ ея привилегированнаго сословія. За послѣднимъ признано было затѣмъ право потомственной собственности въ горахъ и, въ то же время, рѣшено выработать точныя правила, по которымъ поселенные на ихъ земляхъ дигорцы должны будутъ отбывать падающія на нихъ, по обычаю, повинности.

Въ болгарскихъ обществахъ Кабарды поземельная реформа до сихъ поръ еще не окончена. Но общія начала, по которымъ она должна совершиться, уже установлены. За 720 дворами рѣшено признать право наследственной собственности на занимаемыя ими земли, а остающіеся затѣмъ 400 дворовъ безземельныхъ чагаръ и касаковъ выселить въ Большую Кабарду, надѣлить ихъ землею, въ размѣрѣ отъ 4 до 8 десятинъ.

При всей своей успешности, поземельная политика русского правительства въ Терской области не свободна отъ упрека въ томъ, что не принимаетъ мѣръ къ усиленію въ краѣ русской колонизации. Изъ запасныхъ земель Большой Кабарды съ удобствомъ могли бы быть выдѣлены десятки тысячъ десятинъ выходцамъ изъ Великой и Малой Россіи. Въмѣсто того, чтобы довольствоваться ролью батраковъ, эти переселенцы сдѣлались бы постоянными собственниками и несомнѣнно содѣйствовали бы не мало упроченію русскаго вліянія на Кавказѣ. А то, благодаря признанію за туземцами общинной племенной, а слѣдовательно и неотчуждаемой собственности на необъятныя пространства, которыхъ сами они далеко не въ силахъ эксплуатировать, русскіе пришельцы не находятъ болѣе свободныхъ земель для покупки; малоземелье начинаетъ чувствоваться въ странѣ, въ которой и десятая доля поверхности не состоитъ подъ обработкой. Этой бѣдѣ надо было бы помочь и притомъ возможно скоро. Отъ устраненія ея во многомъ зависитъ какъ экономическое процвѣтаніе края, такъ и прочность нашего владычества на сѣверномъ Кавказѣ.

Причина, по которой намъ удалось рѣшить несравненно удачнѣе англичанъ въ Бенгалѣ трудный вопросъ земельного устройства чуждыхъ намъ по крови народностей, лежитъ несомнѣнно ни въ чемъ иномъ, какъ въ близости ихъ земельного строя къ тому, которымъ доселѣ живетъ великорусское крестьянство. И что такова дѣйствительная причина успешности нашей аграрной политики на сѣверѣ Кавказа доказываетъ несостоятельность ея на югѣ, въ населенныхъ картвельскимъ племенемъ долинахъ Пшавіи, Хевсуретіи и Тушетіи. Широкое господство въ этихъ мѣстностяхъ старо-заимочнаго землевладѣнія, извѣстнаго имъ подъ наименованіемъ «ахо», и существованіе во всей Грузіи сельской общины, рѣзко отличающейся отъ господствующаго велико-русскаго типа, стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ стремленіемъ нашей администраціи признать землю подлежащей періодическому передѣлу на началахъ мірскаго землевладѣнія каждый разъ, когда право собственности на неѣ не можетъ быть доказано письменными актами. Такъ какъ по самой своей природѣ старо-заимочное землевладѣніе устраняетъ всякую мысль

о крѣпостныхъ актахъ, то немудрено, если управление государственныхъ имуществъ на Кавказѣ, слѣдуя выше указанной политикѣ, ежегодно расширяетъ область мірскаго землевладѣнія въ ущербъ частной собственности и признаетъ характеръ государственной собственности и вѣчно-наслѣдственной крестьянской аренды за землями, которыя на самомъ дѣлѣ являются ничѣмъ инымъ, какъ частными или общинными заимками. Что современные порядки мірскаго пользованія и періодическаго передѣла въ южномъ Кавказѣ не могутъ быть названы исконными можно судить потому, что, по словамъ г. Мачабелли, на протяжении всего тіонетскаго уѣзда, обнимающаго собою между прочимъ и упомянутыя мною общества хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, передѣлы начались не болѣе 60 лѣтъ назадъ. По собраннымъ же мною даннымъ, начало имъ, по крайней мѣрѣ, въ Тушетинъ было положено всего на всего въ 1878 году, послѣ поѣздки по краю князя Гагарина, бывшаго въ то время тифлискимъ губернаторомъ. Самъ г. Мачабелли сознается, что въ тіонетскомъ уѣздѣ передѣлы участились только со времени назначенія начальникомъ его князя К. Д. Абхази (1879—1873 г.), который, «сочувствовалъ равномѣрному распредѣленію земель между домохозяевами».

Тотъ же изслѣдователь замѣчаетъ, что во многихъ обществахъ передѣлы не произведены или произведены беспорядочно, такъ какъ имъ всячески препятствовали «козни старшинъ и богатыхъ домовъ, да и самъ передѣлъ въ горахъ, гдѣ клочки земли разбросаны тамъ и сямъ на скалахъ, необыкновенно труденъ». Это послѣднее замѣчаніе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Авторъ, сочувствуя передѣламъ, въ то же время поставленъ въ необходимость заявить, что этимъ передѣламъ противорѣчить самый характеръ мѣстности. Онъ противорѣчить ему, по всей вѣроятности, не въ мѣньшей мѣрѣ, чѣмъ въ Швейцарскихъ Альпахъ или въ горахъ Тироля, въ которыхъ искони водворилось по этой причинѣ подворное землевладѣніе, не смотря на существованіе въ окружающей ихъ плоскости общинныхъ земель или «альмендъ». Примѣръ князя Абхази, насаждающаго мірское землевладѣніе и практику періодическихъ передѣловъ на высотѣ 7000 футовъ, на которой каждый клочекъ пахоти и луга буквально

завоевывается трудомъ воздѣлывателя, можетъ быть съ успѣхомъ приводимъ въ доказательство совершеннаго безсмыслія, какое представляетъ насильственная ломка примѣнившагося къ мѣстнымъ условіямъ аграрнаго строя въ угоду отвлеченному принципу ¹⁾).

Въ Дагестанской области и въ принадлежащемъ къ ней по своему этнографическому составу закатаальскомъ округѣ земельный вопросъ далеко еще не рѣшенъ. Существующая здѣсь подъ именемъ «Кешкельнаго права» вѣчно-наслѣдственная аренда заслуживаетъ вниманія правительства не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ чиншевое землевладѣніе Западнаго края. Отъ рѣшенія его въ благопріятномъ для арендаторовъ смыслѣ, отъ предоставленія имъ свободы выкупать у собственниковъ состоящія подъ арендою земли, зависитъ благосостояніе обширнаго класса покоренныхъ лезгинами-джарцами первоначальныхъ насельниковъ края грузинъ-ингелойцевъ и болѣе позднихъ поселенцевъ—монголь или муганлы.

Самой удачной стороною русской политики на Кавказѣ должно быть признано освобожденіе въ немъ зависимыхъ сословій и упраздненіе не только рабства, но и крѣпостничества. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что враждебное отношеніе, въ какое русскіе начальники со временъ Ермолова стали къ князьямъ и старшинамъ, этимъ опасѣйшимъ въ ихъ глазахъ противникамъ нашего господства на Кавказѣ, во многомъ объясняетъ рѣшимость съ какой въ плохо еще замиренномъ краѣ поднять былъ нами этотъ трудный и опасный вопросъ. Начало ему было положено прежде всего въ южной Осетіи. Этому содѣйствовало, съ одной стороны, недовольство, какое въ мѣстномъ населеніи вызывали притязанія арагвскихъ и ксанскихъ приставовъ—держатъ въ крѣпостной зависимости чуть не всѣхъ жителей края, а, съ другой, частыя возстанія, какими сопровождались эти притязанія со стороны туальцевъ. Видя не безъ основанія въ дальнѣйшемъ удержаніи крѣпостнаго права постоянную угрозу для внутренняго мира и спокойствія, а слѣдова-

¹⁾ См. Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края, т. V. Тифлисъ 1887 г., стр. 374.

тельно, въ конечномъ исходѣ, и для собственнаго владычества въ краѣ, русское правительство, со временемъ Николая Павловича, приступило къ замѣнѣ въ южной Осетіи крѣпостной зависимости—оброчной. Такъ какъ, на ряду съ крѣпостными, въ южной Осетіи можно было встрѣтить и рабовъ или такъ называемыхъ ясырей, то пришлось принять также мѣры къ постепенному переходу послѣднихъ въ свободное состояніе.

Графу Паскевичу и князю Воронцову южные Осетины обязаны частью сохраненіемъ переданной имъ предками свободы, частью освобожденіемъ отъ барщины и натуральныхъ платежей, какими нѣкоторые изъ нихъ были обложены въ пользу князей Эрстовыхъ и Мачабелли. Тотъ же графъ Паскевичъ является ближайшимъ виновникомъ того, что, начиная съ 1827 г., приступлено было къ постепенному освобожденію рабовъ или ясырей. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ состоялся общественный приговоръ 19-го декабря 1827 г., которымъ впервые было установлено, что ясыри или невольники должны быть отпущены на свободу по достиженіи ими извѣстнаго возраста. Чѣмъ дольше былъ срокъ ихъ прежняго служенія, тѣмъ короче тотъ, который имъ предстояло дослужить: ясыри 5-ти-лѣтняго возраста сохраняли свою зависимость отъ собственниковъ въ теченіе 25 л.; тѣ-же, которые успѣли уже прослужить,—кто 10, кто 20 лѣтъ, получили право выхода изъ рабскаго состоянія: первые черезъ 20, вторые черезъ 15 лѣтъ. При болѣе значительномъ срокѣ службъ, уменьшался срокъ оставленія въ рабствѣ: при службѣ болѣе 20 лѣтъ, срокъ этотъ былъ 10 лѣтъ; при 30—40 лѣтней службѣ—8; для лицъ же, пробывшихъ въ рабствѣ отъ 40 до 50 л., свобода должна начаться, по истеченіи пяти лѣтъ.

Чтобы положить предѣлъ притязаніемъ Эрстовыхъ и Мачабелли на крѣпостную зависимость населенія горскихъ ущелій, гр. Паскевичъ принялъ за правило признавать права этихъ фамилій на тѣхъ только сельскихъ обывателей, которые были въ ихъ фактическомъ обладаніи въ 1806 году, въ эпоху присоединенія Грузіи къ Россіи. Этимъ съ самаго начала положенъ былъ конецъ всѣмъ искамъ о розысканіи помѣщичьихъ правъ и дана возможность территориальнаго ограниченія крѣпостной зависимости. Такъ какъ большинство

грузинскихъ дворянъ не въ состояніи были фактически поддержать своихъ правъ на жителей горныхъ ущелій, то послѣдніе, какъ общее правило, признаны были вполне свободными. Начавшіяся затѣмъ возстанія въ средѣ плоскостныхъ гуаальцевъ убѣдили гр. Паскевича въ томъ, что, какъ онъ выражается, всѣ начатки гражданственности въ средѣ осетинъ совершенно истребятся, если предоставить ихъ помѣщичьей волѣ ¹⁾). Совершенно основательно замѣчая, что «отдача крестьянъ въ руки князьямъ Эристовымъ, при безпорядочномъ помѣщичьемъ управленіи въ Грузіи, повлечетъ за собою снова едва утишенные безпокойства», Паскевичъ испросилъ у правительства, чтобы оно совершенно отказало Эристовымъ въ ихъ притязаніяхъ, въ виду того, что права ихъ не имѣли другаго основанія, кромѣ осуществленія ими нѣкогда обязанностей мѣстныхъ управителей края и настолько были незначительны сами по себѣ, что безъ разрѣшенія грузинскаго царя они не могли даже опредѣлять старшинъ въ отдѣльныя селенія ²⁾).

Продолжая дѣло, начатое его предшественниками, кн. Воронцовъ въ 1851 г. добился совершенной замѣны крѣпостной зависимости оброчной на протяженіи всѣхъ владѣній князей Мачабели, которымъ, согласно его представленію, опредѣленъ былъ, взаменъ отпущенныхъ ими на волю крестьянъ, ежегодный пансіонъ въ 6 т. руб. Изъ владѣльческихъ крестьяне южной Осетіи сдѣлались казенными. Князья Мачабелли должны были съ этого времени удовольствоваться полученіемъ съ нихъ ^{1/10} части урожая и лишены были права согнать крестьянъ съ той части своихъ помѣстій, которая издавна была занята предками теперешнихъ владѣльцевъ ³⁾).

Несравненно позже достигнуто было рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ сѣверной Осетіи. Оно вошло какъ составная часть въ общую мѣру отмѣны крѣпостничества и рабства на протяженіи всей Терской области. Видя неизбежность наступающей реформы, владѣтельные сословія Кабарды, собравшись въ іюлѣ въ Нальчикѣ, опредѣлили послать въ Петербургъ черезъ пос-

¹⁾ Акты, т. VII, стр. 384.

²⁾ Акты, т. VIII, стр. 306 и 308.

³⁾ Отчетъ кн. Воронцова за 1849 и 1851 г., т. X Актовъ, стр. 879.

редство начальника округа генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова ходатайство о разрѣшеніи имъ совершить освобожденіе путемъ добровольныхъ соглашеній и подъ условіемъ выкупа. Это ходатайство было принято въ принципѣ и кабардинскіе рабовладѣльцы, вмѣстѣ съ выборными отъ крѣпостныхъ, выработали общія правила, согласно которымъ и совершилось самое освобожденіе. По правиламъ этимъ, за здороваго и совершеннолѣтняго работника или работницу, возрастомъ отъ 15—45 лѣтъ, пазначенъ выкупъ въ 200 рублей, дѣти обоого пола моложе 15 лѣтъ освобождаются бесплатно.

По внесеніи выкупа или по заключеніи съ господиномъ письменнаго обязательства объ уплатѣ его по частямъ въ напередъ опредѣленные сроки, крѣпостной человекъ сразу становится свободнымъ. Кто не сдѣлаеть ни того, ни другого, —остается въ положеніи временно-обязаннаго крестьянина, съ правомъ во всякое время внести выкупъ, зачисляя въ него и проведенное имъ на работѣ у помѣщика время; при этомъ годовая работа временно-обязаннаго оцѣнена: для работника въ 35—85 рублей, а для работницы въ 25—40 рублей; за рабами признано право выкупиться на свободу, уплативъ за себя 200 рублей; кто не сдѣлаеть этого, —сохраняеть прежнюю зависимость, но не далѣе какъ на 6 лѣтъ.

Все движимое имущество, находившееся въ пользованіи крестьянина или раба, дѣлится пополамъ между нимъ и владѣльцемъ: сакля же, домашнія и хозяйственныя орудія, утварь и одежда составляютъ неотъемлемую собственность освобождаемаго. —На только что приведенныхъ началахъ, получившихъ правительственную санкцію, совершилось освобожденіе зависимыхъ сословій—сперва въ Кабардѣ, а потомъ и въ прочихъ округахъ Терской области въ теченіе весны и лѣта 1867 года. Для Осетіи выработаны были нѣкоторыя особыя правила, необходимость которыхъ вызывалась существованіемъ въ ней особаго класса кавдасардовъ или кумякъ. Всѣхъ лицъ обоого пола, входившихъ въ составъ этого класса, оказалось 822. Постановлено оставить ихъ въ прежней зависимости отъ ихъ владѣльцевъ, не далѣе какъ на три года, по истеченіи которыхъ они по праву становятся свободными. Желаящіе могутъ жить

на свободѣ и ранѣ этого срока, уплативъ своимъ владѣльцамъ по 25 рублей за годъ. Дѣти моложе 15 лѣтъ, старики свыше 50 лѣтъ освобождаются немедленно. Все имущество кавдасардовъ, какъ движимое, такъ и недвижимое, ими самими купленное или полученное въ даръ, поступаетъ въ неотъемлемую собственность тѣхъ изъ нихъ, которые получаютъ свободу. Всѣмъ имъ предоставляются тѣ же права по отношенію къ земельному пользованію, какія признаны въ Осетіи за лицами прочихъ сословій. Въ то же время воспрещено осетинамъ отдавать своихъ дочерей въ номулусы или именные жены и тѣмъ пресѣчена въ корнѣ возможность дальнѣйшаго удержанія въ ихъ средѣ сословія кавдасардовъ.

Число всѣхъ лицъ такъ или иначе закрѣпощенныхъ на протяженіи всей Терской области и получившихъ свободу въ 1867 г., достигаетъ цифры 26000 человекъ. Изъ нихъ въ одной Кабардѣ—21848 человекъ сразу были отпущены на волю; большинство—за деньги, 900 же человекъ—безплатно, «ради спасенія души ихъ владѣльцевъ»; 2880 человекъ остались въ временно-обязанныхъ отношеніяхъ ¹⁾.

Къ тому же времени должно быть отнесено и освобожденіе зависимыхъ сословій въ Дагестанѣ, при чемъ наиболѣ вліятельные изъ рабовладѣльцевъ отнеслись къ этой мѣрѣ вполне сочувственно. Въ одинъ день, 1 августа 1867 года, рабовладѣльцы сѣвернаго Дагестана освободили безплатно 104 души холоповъ обоого пола, 8 августа освобождено было новыхъ 96 душъ. Къ началу 68 года число безвозмездно освобожденныхъ достигло 340; 150 человекъ выкупили свою свободу платою отъ 100—180 рублей за мужчину, 100—за женщину и отъ 50—100 за ребенка; при освобожденіи 89 рабовъ, нормальный размѣръ выкупа былъ нѣсколько повышенъ; не болѣе 17 человекъ остались въ временной несвободѣ, срокомъ на 4—6 лѣтъ.

Тогда какъ уничтоженіе робства достигнуто было путемъ взаимнаго соглашенія, крѣпостная зависимость отмѣнена была свыше 1 августа 1867 года. Князь Меликовъ объявилъ жите-

¹⁾ См. „Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе“ и «Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ округахъ Терской области» вып. I, Сб. сѣзд. о кавк. горцахъ.

лямъ бывшаго мехтулинскаго ханства свободу отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, какія они несли до того времени хану и чанкамъ. Жителямъ селенія бывшаго шамхальства Тарковского также объявлена свобода отъ всѣхъ повинностей и налоговъ въ пользу шамхала ¹⁾. По отношенію къ однимъ крѣпостнымъ:— обывателямъ Елсуйскаго султанства, не было принято никакихъ мѣръ, и ихъ несвобода, издавна принявшая форму оброчной зависимости, продолжаетъ доселѣ оставаться злобою дня въ предѣлахъ закатальскаго округа. Миѣ остается сказать еще два слова объ отмиѣнѣ крѣпостничества и рабства въ средѣ Грузинскихъ герцевъ. Въ Хевсуретіи, Пшавин и Тушетіи вопросъ этотъ вовсе не могъ быть поставленъ, въ виду отсутствія здѣсь самаго класса лицъ, лишенныхъ гражданской свободы; но не такъ было въ Сванетіи,—одинаково княжеской и вольной,—въ которой, правда въ незначительныхъ размѣрахъ, были извѣстны оба вида зависимости: крѣпостная и рабская ²⁾.

Крѣпостное право продолжало держаться здѣсь до 1869 г. Крестьянскій вопросъ казался мѣстной администраціи болѣе или менѣе не разрѣшимымъ. Кутаисскій генераль-губернаторъ предвидѣлъ, повидимому, возможность возстанія; въ рапортѣ, сдѣланномъ имъ барону Николаю отъ 29-го ноября 1866 г. прямо значится, что приступить къ рѣшенію крестьянскаго вопроса въ Сванетіи нельзя раньше, какъ послѣ сосредоточія въ ней войска, «которое побудило бы ея жителей къ полному повиновенію». Рѣшительный шагъ въ пользу эмансипаціи сдѣланъ былъ самими князьями Дадешкельяни. Глава ихъ рода, Тенгитъ, по настоянію управляющаго Мингреліей г-на Власова, самъ предлѣжилъ правительству слѣдующаго рода сдѣлку: онъ согласился отпустить своихъ крестьянъ на волю и надѣлить ихъ даже землею, въ размѣрѣ пяти «кцевъ» на каждый дворъ, но подъ условіемъ, чтобы правительство уплатило ему за каждую душу по 25 рублей. Реформа должна была коснуться однихъ только глеховъ, т. е. надѣленныхъ землею крестьянъ, а не маджалабовъ,

¹⁾ Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ, I вып. Сб. св. о кавк. горцахъ.

²⁾ См. мою повѣдку въ Сванетію въ обществѣ проф. Иванюкова (Вѣст. Евр. за 1886 годъ).

т. е. купленных рабовъ, исполняющихъ дворовую службу; та-кихъ подлежащихъ освобожденію дворовъ оказалось во всей княжеской Сванетіи — 189, съ населеніемъ въ 842 человекъ. Дворовыхъ же крестьянъ или точнѣе рабовъ потому считали невозможнымъ отпустить на волю на выше сказанныхъ усло-віяхъ, что вознагражденіе въ 25 рублей казалось недостаточ-нымъ, такъ какъ многіе изъ нихъ были куплены за 600 и даже 800 рублей, а также и потому, что освобожденные безъ земли маджалабы неминуемо попадали бы въ положеніе лицъ, не имѣ-ющихъ ни крова, ни занятій. Всѣхъ маджалабовъ, по вычисле-ніямъ Тенгита, было не болѣе 150 чел. на протяженіи всей княжеской Сванетіи. Не отпуская ихъ на волю, Тенгитъ въ тоже время соглашался признать свободнымъ все ихъ потом-ство, народившееся со времени провозглашенія эмансипации, а также не прочь былъ подчиниться и рѣшительному запрещенію покупать, перепродавать или дарить ихъ въ предѣлахъ самой Сванетіи или внѣ ея.

Хотя вольная Сванетія и не признавала надъ собою ничьей княжеской власти, но и въ ней существовали своего рода за-висимыя отношенія между крестьянами и нѣкоторыми дворян-скими или азнаурскими семьями ¹⁾. Размѣръ платимыхъ кре-стьянами повинностей былъ весьма ничтоженъ: свободные отъ барщины и другихъ личныхъ службъ, они обязаны были про-изводить только ежегодные взносы пшеницею или ячменемъ; цѣнность этихъ взносовъ не превышала, какъ общее правило, 5 рублей и падала въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 20 копѣекъ.

Когда, на мѣсто Святополка-Мірскаго, кутаисскимъ генераль-губернаторомъ былъ назначенъ Левашовъ, крестьянскій вопросъ рѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что права дворянъ вольной Сванетіи совершенно не были признаны правительствомъ, а изъ семьи Дадешкельяни—одни получили простой, а другіе двойной размѣръ вознагражденія. Въ донесеніи своемъ Великому Князю Михаилу Николаевичу, отъ 3-го августа 1869 г., графъ Лева-шовъ пишетъ: крестьянскій вопросъ оконченъ мною въ обѣихъ

¹⁾ Я разумѣю въ частности Джапаридзе, Курдіяна, Юсеевляни и Де-дзерьяли.

Сванетіяхъ. Въ имѣніи князей Татархановыхъ онъ рѣшенъ по добровольному соглашенію ихъ съ крестьянами; князья отдають крестьянамъ въ наслѣдственную собственность ихъ усадьбы и 4 вѣсы пахатной и сѣнокосной земли, по выбору самихъ крестьянъ. Въ вознагражденіе за такую уступку они ожидаютъ выкупа въ 50 рубл. за душу. Въ вольной Сванетіи, продолжаетъ графъ, послѣ подробнаго разбора мною правъ нѣкоторыхъ лицъ, называющихъ себя азнаурами и заявляющихъ помѣщичьи права на крестьянъ, я удостовѣрился, что въ тѣхъ незначительныхъ приношеніяхъ, которыя нѣкоторые крестьяне дѣйствительно дѣлають этимъ азнаурамъ, обыкновенно хлѣбомъ на 20 или 30 коп. въ годъ, а также въ установившемся обычаѣ угощать этихъ азнауровъ въ случаѣ посѣщенія, нельзя признать крѣпостной зависимости, такъ какъ между крестьянами и помѣщиками никогда не существовало тѣхъ обязательныхъ отношеній, которыя вызываются барщиной или другими видами личныхъ службъ. Въ виду этого я объявилъ обѣимъ сторонамъ, что не допускаю въ вольной Сванетіи никакихъ крѣпостныхъ отношеній, какъ противорѣчащихъ издревле присвоенному этой странѣ названію. Хотя подобное заявленіе и вызвало, говоритъ далѣе графъ, понятное неудовольствіе въ азнаурахъ, но въ концѣ концовъ они должны были подчиниться, въ виду тѣхъ показаній, какія на этотъ счетъ были тутъ же, въ ихъ присутствіи, отобраны у крестьянъ. Такъ какъ у нѣкоторыхъ азнауровъ все же оказались дворовые слуги, или такъ назыв. шинакмы, то графъ Левашовъ позволилъ имъ привести подобныхъ лицъ къ приставу для составленія имъ особаго списка и общалъ ходатайствовать о вознагражденіи ихъ за понесенный ими убытокъ. Ходатайство это въ концѣ концовъ не было уважено.

Такъ какъ владѣнія бечойскихъ Дадешкельяни за нѣсколько лѣтъ до эмансипаціи были конфискованы русскимъ правительствомъ, въ виду перехода главы ихъ въ мусульманство, то въ этомъ обществѣ само правительство принуждено было вступить въ сдѣлку съ крестьянами. Оно надѣлило ихъ тѣмъ же числомъ вѣевъ, какое было предоставлено крестьянамъ въ сосѣднихъ владѣніяхъ князя Тенгита въ Эперахъ. Въ виду ходатайства

графа Левашова, эцерскіе Дадешкельяни, какъ принимавшіе ближайшее участіе въ эмансипаціи, получили двойной размѣръ выкупа. Такъ какъ въ то же время, въ силу особаго соглашенія, они за топливо и пользованіе пастбищемъ стали получать съ каждаго крестьянскаго дома по 5 руб. ежегодно, то ихъ имущественное положеніе нисколько не пострадало отъ отпущенія крестьянъ на волю. Оставшаяся въ ихъ владѣніи земля почти всецѣло сдается ими съ половины крестьянамъ ближайшихъ сопелей или хуторовъ. Въ личномъ завѣдываніи осталась лишь небольшая часть ея, едва достаточная для покрытія ежегодныхъ расходовъ на содержаніе самихъ князей и ихъ свиты ¹⁾).

Что касается до азнаурскихъ семей вольной Сванетіи, то послѣдствіями эмансипаціи было совершенное ихъ раззореніе; представителей ихъ въ настоящее время довольно трудно отличить отъ простонародья. Подобно ему, они живутъ трудомъ своихъ рукъ и нерѣдко уходятъ на заработки въ Балкарію и Осетію.

Какъ земельная, такъ и сословная реформа очевидно должны были существенно повліять на характеръ горскаго адата, но его дальнѣйшія судьбы рѣшены были не этими реформами, а тѣмъ положеніемъ, какое кавказская администрація заняла въ вопросѣ объ отношеніи народнаго обычая къ писаному праву вообще и къ шаріату въ частности.

Отношеніе русскаго правительства къ горскому адату съ самаго начала нашего владычества приняло характеръ рѣшительнаго признанія и явнаго покровительства. Причина, побуждавшая русское начальство къ такой политикѣ, лежитъ въ томъ соображеніи, что оппозиція нашему владычеству всегда выходила изъ сферъ благопріятныхъ шаріату.

Самые опасные наши противники на западѣ—кабардинцы, и самые упорные защитники національной независимости на востокѣ—горцы Дагестана и чеченцы, временно объединенные Шамилемъ, придерживались, какъ мы сказали выше, преимущественно, если не исключительно, началъ шаріата. Удиви-

---

¹⁾ Все эти свѣдѣнія почерпнуты мною изъ дѣлъ бывшаго архива главнаго управленія кавказскаго наместничества; см. Дѣло 1866 г., подъ № 41, 39.

тельно ли, если мы вывели для себя из этого факта то поученіе, что борьба съ шаріатомъ и покровительство адату лежать въ нашемъ интересѣ; но, поступая такимъ образомъ, мы совершенно упустили изъ виду, что точное примѣненіе правилъ народнаго адата является препятствіемъ къ поддержанію внутренняго порядка и спокойствія въ едва замиренномъ нами краѣ. Неограниченность кровомщенія и связанное съ нимъ представленіе о его обязательности, о выполненіи имъ долга живущихъ поколѣній по отношенію къ усопшимъ, возрѣніе на преступленіе, какъ на дѣйствіе причиняющее матеріальный вредъ, вредъ отмщаемый однимъ родомъ надъ членами другого, независимо отъ того, произведенъ ли онъ преднамѣренно, неосторожно или случайно; широкій произволъ, предоставляемый въ случаяхъ имущественныхъ преступленій и гражданской несостоятельности, какъ личному, такъ и родовому самоуправству, все это очевидно такія начала, торжество которыхъ неминуемо должно вести къ внутреннимъ несогласіямъ и усобицамъ и парализовать въ корнѣ дѣятельность правительства, направленную къ сохраненію земскаго мира. Неограниченная терпимость по отношенію только что упомянутыхъ началъ, буквальное примѣненіе ихъ въ горскихъ судахъ выбранными отъ народа диванъ-бегами, но подъ предсѣдательствомъ русскаго чиновника (окружнаго начальника или его помощника), представляетъ еще то неудобство, что подкашиваетъ въ корнѣ нашу просвѣтительную миссію на Кавказѣ и заставляетъ поставленныхъ нами же властей высказываться въ пользу примѣненія началъ, не допускаемыхъ нашимъ юридическимъ сознаніемъ, нашимъ понятіемъ о справедливости.

Единственное вѣроятно въ цѣломъ мірѣ зрѣлище представляютъ дагестанскій предсѣдатель народнаго суда, присуждающій мужа заплатить за кровь убитаго имъ женинаго любовника на томъ лишь основаніи, что природная жалость помѣшала ему казнить на мѣстѣ главную виновницу преступленія, а между тѣмъ такое рѣшеніе совершенно согласно съ дагестанскимъ адатомъ, освобождающимъ мужа отъ платежа выкупа въ случаѣ убійства обоихъ участниковъ прелюбодѣянія.

Съ другой стороны, попытка подчинить мировымъ и общимъ

судебнымъ установленіямъ дѣла туземцевъ, распространяя на нихъ, такимъ образомъ, дѣйствіе русскаго права, попытка сдѣланная уже въ Грузіи, Мингреліи, а также за послѣднее время и на протяженіи почти всего сѣверо-западнаго Кавказа, является еще менѣе удобной. Наши судьи справедливо жалуются на недобросовѣстность свидѣтельскихъ показаній и слѣдовательно на практическую непригодность того вида судебныхъ доказательствъ, который, при полномъ отсутствіи грамотности и недопущеніи нашими судами народныхъ формъ присяги и соприсяги, является почти единственнымъ способомъ установленія судебной достовѣрности. Нельзя конечно винить нашихъ судей въ томъ, что они не стараются связать совѣсти лицъ, дающихъ свои показанія на судѣ, клятвами, производимыми надъ трупами убитыхъ кошекъ и собакъ, надъ цѣпью домашняго очага, надъ имѣющимъ значеніе семейнаго амулета посохомъ; но нельзя также обвинять въ природной склонности къ неправдѣ и лжѣ тѣхъ, которые, смотря на свидѣтельство съ точки зрѣнія народнаго адата, отказываются показывать на судѣ противъ своихъ единоплеменниковъ, такъ какъ приравниваютъ такой образъ дѣйствія къ постыдному и опасному для нихъ шпионству, опасному въ томъ смыслѣ, что послѣдствіемъ его легко можетъ быть кровная месть родственниковъ той стороны, противъ которой направлено было свидѣтельство. Несоотвѣтствіе туземныхъ юридическихъ воззрѣній съ тѣми, выразителемъ которыхъ является наше уложеніе о наказаніи, въ свою очередь парализуетъ дѣятельность нашихъ судовъ въ борьбѣ съ преступленіями.

Ссылки въ каторжныя работы не кажутся горцу достаточнымъ возмездіемъ за убійство его родственника, и можно привести не одинъ примѣръ того, какъ недовольные рѣшеніемъ кровники отправлялись въ слѣдъ за ссыльнымъ и отмщали на немъ совершенное имъ убійство.

Несравненно ближе русскаго права стоитъ къ туземнымъ юридическимъ воззрѣніямъ шаріатъ. Въ одной изъ ближайшихъ главъ мы покажемъ, въ какой мѣрѣ горскій адатъ уже успѣлъ проникнуться началами шаріата и насколько воздѣйствіе писаннаго права магометанъ повліяло на смягченіе первоначальной

суровости туземнаго права. Не вдаваясь въ подробности, мы напомнимъ только тотъ фактъ, что идея равнаго возмездія (*jus talionis*), положившая конецъ безграничности кровной мести, какъ и идея замѣнить мечь выкупомъ, имѣеть своимъ источникомъ шаріатъ и что тому же шаріату горскіи адаты обязаны установленіемъ принципа представительства въ наследованіи и допущеніемъ женщинъ къ получению доли въ оставленномъ ихъ родственникомъ имуществѣ; что борьба съ самоуправствомъ, въ формѣ ли захвата кредиторомъ имущества несостоятельнаго должника, или добыванія себѣ жень путемъ похищенія, искони поднята была шаріатомъ и что ему же свидѣтельское показаніе обязано тѣмъ болѣшимъ, сравнительно, признаніемъ, какимъ оно пользуется въ дагестанскомъ народномъ процессѣ. Въ виду сказаннаго, я полагаю, что допущеніе народныхъ судовъ тамъ, гдѣ они еще удержались, къ примѣненію началъ шаріата въ сферѣ уголовныхъ преступленій не только бы не препятствовало, но, наоборотъ, содѣйствовало осуществленію принятой нами миссіи.

Сказанное въ особенности приложимо къ Дагестану и закавказскому округу, въ которыхъ доселѣ удержались избираемые народомъ мдиванбеги. Я не вижу причинъ, которыя бы препятствовали намъ послѣдовать въ этомъ отношеніи тому примѣру, какой даютъ намъ англичане въ Остѣ-Индіи, Голландцы—на Явѣ и Суматрѣ, французы—въ Алжирѣ. Распространенный въ средѣ эфендіевъ и кадиевъ Нававійскій сборникъ шаріатнаго права или такъ-называемый Мингаджъ по широтѣ проводимыхъ имъ юридическихъ теорій и по ихъ относительной гуманности ничѣмъ не уступаетъ дѣйствующей въ средѣ индусскихъ магометанъ гедайи, и голландцы давно уже дали ему примѣненіе въ своихъ азіатскихъ колоніяхъ.

Безусловное преклоненіе передъ обычаемъ съ каждымъ годомъ становится все менѣе и менѣе осуществимымъ. Русское начальство приходитъ постепенно къ заключенію о необходимости такъ или иначе видоизмѣнить его въ интересахъ самихъ подвластныхъ. Не всѣ принятыя имъ въ этомъ направленіи мѣры заслуживаютъ одинаковаго одобренія. Нѣкоторыя вызваны исключительно политическими соображеніями или пред-

ставляютъ собою временныя полицейскія мѣропріятія, недостатокъ которыхъ лежитъ въ полномъ противорѣчіи ихъ какъ съ народными юридическими воззрѣніями, такъ и съ свойственнымъ намъ правовымъ сознаніемъ. Видя, не безъ основанія, какую опасность представляетъ сосредоточеніе политической власти въ рукахъ племенныхъ и родовыхъ старѣйшинъ, русское начальство со временъ Ермолова озаботилось устройствомъ въ средѣ горцевъ подобія сельскихъ обществъ и волостей и надѣлило назначаемыхъ въ нихъ администраторовъ тѣми же политическими функціями, какія нѣкогда принадлежали исключительно горскимъ князьямъ и родовому старшинѣ. Чтобы освободить жителей Осетіи, въ частности, отъ опеки бадиятъ и алдаровъ, генераль Ермоловъ уже въ 1816 году призналъ полезнымъ устроить въ осетинскихъ аулахъ, какъ онъ выражался, родъ волостныхъ правленій, въ которыхъ разбирали бы они сами случающіяся между ними ссоры, дѣлали раскладку повинностей и наблюдали за исполненіемъ ихъ ¹⁾. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1824 г., генераль-маіоръ Ховенъ предложилъ, какъ средство для подавленія дальнѣйшихъ возстаній въ южной Осетіи, расширить права помѣщиковъ и предоставить имъ, между прочимъ, свободно задерживать крестьянъ, не выполнившихъ къ нимъ своихъ обязательствъ, Ермоловъ успѣшилъ отвѣтить, что такое упроченіе помѣщичьей власти совершенно не входитъ въ виды правительства. Неоднократно повторявшіяся возстанія въ Тагауріи, въ которыхъ подстрекателями каждый разъ являлись сами старшины, возстановили русское начальство противъ алдаровъ и заставили его всячески содѣйствовать уменьшенію того вліянія, какимъ они пользовались въ простонародѣ. Въ 1840 г. генераль-маіоръ князь Абхазовъ пишетъ гр. Паскевичу: «Во все продолженіе экспедиціи противъ Тагаурцевъ я замѣтилъ, что находящіяся между ними десять старшихъ фамилій рѣшительно препятствуютъ соединенію съ правительствомъ простаго народа; при первомъ удобномъ случаѣ ихъ непремѣнно должно искоренить, и за возмущеніе простаго народа противъ правительства необходимо лишить ихъ вы-

¹⁾ Предписаніе генер. Ермолова ч. м. Дельноцо, 4 ноября 1816 г.

годъ, предоставленныхъ имъ прежнимъ начальствомъ». Преслѣдуя эту цѣль, правительство сочло нужнымъ назначить независимыхъ отъ алдаръ аульныхъ старшинъ сперва непосредственно выбираемыхъ общинами, а потомъ назначаемыхъ начальствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ законодательнымъ путемъ регулировало права сельскихъ сходовъ или «нихасовъ». Соединяя небольшіе поселки изъ 5, 10, 20 и 25 дворовъ въ сельскія общины въ 50 дворовъ, русское правительство во главѣ каждой поставило старшину съ помощникомъ. Старшины эти подчиняются начальнику округа. Обязанности ихъ состоятъ въ наблюденіи за мѣстнымъ полицейскимъ порядкомъ, въ исполненіи приговоровъ народныхъ судовъ, въ взысканіи штрафныхъ денегъ за полицейскіе проступки, въ исполненіи приказаній приставовъ и т. п. Въ большинствѣ случаевъ они являются только исполнителями рѣшеній, принятыхъ сходомъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ одного и того же селенія или такъ называемымъ «нихасомъ». Въ этомъ сходѣ старшины отдаютъ обществу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и совѣщаются съ нимъ о дальнѣйшемъ направленіи общественныхъ дѣлъ. На нихасѣ разбираются и рѣшаются, по предложенію старшинъ, всякаго рода административныя дѣла и составляются приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ. Здѣсь же происходитъ распредѣленіе земельныхъ угодій и раскладка казенныхъ и земскихъ податей и повинностей между отдѣльными поселками входящими въ составъ общины, а также распредѣленіе между жителями всей общины падающихъ на нихъ общественныхъ повинностей, выборъ сборщика податей и другихъ должностныхъ лицъ, назначеніе ссудъ изъ запасныхъ магазиновъ, принятіе мѣръ къ взысканію недоимокъ и проч. При обыкновенномъ теченіи дѣлъ достаточно простаго большинства; въ дѣлахъ важнѣйшихъ требуется согласіе $\frac{2}{3}$, наличныхъ членовъ, которыми считаются одни совершеннолѣтніе мужчины ¹⁾. Въ селеніяхъ, занятыхъ исключительно родственными дворами, установленіе правительствомъ аульныхъ старшинъ не произвело значительной перемѣны въ существовавшемъ дотогѣ по-

---

1) Положеніе о сельскихъ обществахъ Терской области, 1871 г.

рядѣ. Въ старшины по прежнему продолжали попадать только тѣ лица, которыя раньше пользовались положеніемъ родовыхъ старѣйшинъ. Но въ смѣшанныхъ аулахъ новое устройство вносило значительное противодѣйствіе весьма чуткому доселѣ чувству родовой солидарности. Подчиняясь номинально навязанному имъ старѣйшинѣ, отдѣльные осетинскіе роды продолжали фактически управляться своими старшинами, т. е. наиболѣе выдающимися или старѣйшими сочленами.

Сказанное примѣнимо въ равной мѣрѣ и къ черкескимъ народностямъ. Живя осѣдлыми общинами (псухо), черкесы, говоритъ г. Леонтовичъ, въ то же время дѣлятся на роды (тляху), съ которыми должны считаться и отдѣльныя лица и самыя общины. Борьба началъ родовыхъ и общинныхъ отражается, главнымъ образомъ въ малой сплоченности черкеской общины, въ отсутствіи въ ней того внутренняго корпоративнаго духа, духа солидарности, который придавалъ такую силу и значеніе славянскому «міру»;—въ черкеской общинѣ осталось много старой родовой розни, неблагоприятствующей общему культурному развитію горской общины ¹⁾ Разбитые нерѣдко между нѣсколькими административными единицами семьи одного и того же рода продолжаютъ дѣйствовать совмѣстно не рѣдко во вредъ тѣмъ общинамъ, членами которыхъ они состоятъ.

На южномъ склонѣ кавказскаго хребта, въ средѣ картвельскихъ горцевъ, община доселѣ еще сохранила свой, по преимуществу, родовой характеръ. Родовой она является и какъ экономическая единица, въ томъ смыслѣ, что земельныя угодья считаются принадлежностью всѣхъ поселковъ, входящихъ въ составъ одной и той же родовой общины, и въ религіозномъ— въ виду существованія въ ней особаго родоваго культа, предметомъ котораго является тотъ или другой святой и сооруженная въ его честь моледня («хати»). Родичи, какъ кліенты или, по собственному ихъ выраженію, какъ рабы своего «хати» носятъ наименованія мангазури. Общность культа ведетъ за собою и нѣкоторыя экономическія послѣдствія.

Въ пользу почитаемаго родомъ «хати» выдѣляется особый

---

¹⁾ Леонтовичъ, Адагы, т. I, стр. 406.

земельный надѣлъ, завѣдываніе которымъ сосредоточивается въ рукахъ церковнослужителей—дастуровъ. Весь доходъ отъ него идетъ на покрытіе издержекъ родоваго культа, т. е. въ частности на изготовленіе выписываемыхъ на ежегодномъ празднествѣ въ честь патрона котловъ для пива и бузы. Родовая община служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и низшимъ административнымъ подраздѣленіемъ, въ томъ смыслѣ, что имѣетъ свой особый родовой сходъ, которому ввѣрено завѣдываніе всѣми ея интересами и членами котораго могутъ быть только родственники.

Въ послѣднее время русское начальство обнаружило стремленіе соединить въ одно цѣлое нѣсколько родовыхъ общинъ и образовать изъ нихъ села или волости. Но родовыя начала такъ крѣпки и живучи, говоритъ г. Егіазаровъ, что въ подобныхъ искусственно созданныхъ общинахъ отдѣльные роды еще долго сохраняютъ свою независимость, фигурируя какъ обособленныя экономическія, религіозныя и общественныя единицы ¹⁾.

Желаніе положить конецъ враждебной намъ власти племенныхъ и родовыхъ старѣйшинъ вызвало, какъ мы сейчасъ показали, попытку искусственнаго привитія горцамъ чуждыхъ ихъ быту порядковъ великорусскаго міра. Стремленіе положить предѣлъ разбою и воровству сдѣлалось, въ свою очередь, источникомъ еще болѣе искусственной мѣры—установленія въ ихъ средѣ начала круговой отвѣтственности не только отдѣльныхъ административныхъ общинъ, но и цѣлыхъ племенныхъ группъ. Нечего и говорить, что обычное право горцевъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ постановленій на счетъ отвѣтственности подобнаго рода союзовъ. Когда въ началѣ 70-хъ годовъ комиссія о сельскомъ хозяйствѣ при министерствѣ государственныхъ имуществъ поставила кавказской администраціи вопросъ о томъ, извѣстна ли горцамъ система круговой поруки, послѣдовалъ отвѣтъ, что ничего подобнаго не существуетъ въ мѣстномъ населеніи ²⁾. И дѣйствительно, народному праву Кавказа, какъ всецѣло построенному на началахъ родо-

---

1) Егіазаровъ, Сельская община въ Закавказьи, стр. 135.

2) Леонтовичъ, Алаты, томъ I, стр. 405.

ваго быта, неизвѣстны другіе виды отвѣтственности, кромѣ тѣхъ, основу которымъ кладеть принадлежность къ одному и тому же кровному союзу: нераздѣльной семьѣ или родовой общинѣ. О такой отвѣтственности открыто говорятъ и древнѣйшіе сборники народныхъ обычаевъ, въ томъ числѣ тотъ, редакторомъ котораго является кайтагскій удмій Рустемъ въ началѣ XVI-го вѣка, и повседневная практика, указывающая намъ на возможность личной и имущественной отвѣтственности за преступленія лицъ, неизбѣжающихъ съ ихъ совершителями другой связи, кромѣ той, основу которой кладеть принадлежность къ одному роду. Но чтобы цѣлая народность, какъ на примѣръ ингуши, была признана солидарно-отвѣтственной за совершенные въ ея предѣлахъ воровства, объ этомъ до послѣдняго времени, разумѣется, не было и помину. Мѣры въ родѣ только что указанной, очевидно, стоятъ въ прямомъ противорѣчьи и съ условіями родового быта, и съ принципомъ современнаго права, которое не допускаетъ возможности уголовной отвѣтственности за другихъ. Чтобы найти подобіе имъ, надо вернуться къ раннему періоду среднихъ вѣковъ, къ X и XI столѣтію; когда иноземные завоеватели Англіи, на примѣръ, сперва датчане, а потомъ норманы, живя среди враждебнаго имъ населенія, не находили другой защиты противъ преступленій, кромѣ круговой отвѣтственности десятень и сотень. Въ какой мѣрѣ это подражаніе мѣропріятіямъ Вильгельма завоевателя отвѣчаетъ нашей просвѣтительной миссіи на Кавказѣ—я рѣшить, не берусь.

Гораздо успешнѣе должна быть признана политика русскаго правительства въ борьбѣ съ нѣкоторыми обычаями семейнаго и уголовнаго права, вредъ которыхъ за послѣднее время стали сознавать сами горцы. По инициативѣ мѣстной администраціи, горцы Осетин составили въ 1859 году приговоръ, отмѣняющій дальнѣйшую отвѣтственность за неосторожное или случайное убійство и такъ же за причиненіе смерти вору, найденному съ поличнымъ, или насилвателю въ актѣ необходимой обороны. Тѣмъ же приговоромъ отмѣнялась дальнѣйшая отвѣтственность хозяина за непредвидѣнные случаи убійства кого-либо принадлежащей ему вещи, будетъ ли ею воль, лошадь или заряжен-

ное ружье. На ряду съ отмѣною нѣкоторыхъ вредныхъ уголовныхъ обычаевъ, осетины считаютъ нужнымъ принять мѣры противъ нѣкоторыхъ невыгодныхъ особенностей ихъ процессуальнаго и брачнаго права. Усилившаяся за послѣднее время въ ихъ средѣ христіанская проповѣдь, благодаря, по всей вѣроятности, факту замѣщенія должностей священниковъ вышедшими изъ семинаріи осетинами, измѣнило во многомъ ихъ воззрѣнія на левиратные браки или браки, заключаемые братомъ покойнаго съ его вдовою, на отдачу дочерей въ дозволяемый обычаемъ конкубинатъ и на самый фактъ приобрѣтенія невѣсты покупкою ихъ у родителей.

Не рѣшаясь на отмѣну сразу установившагося вѣками обычая — платить за невѣсту «ирадъ» или калымъ, осетины въ своемъ «общественномъ приговорѣ» говорятъ о желательности затрачивать третью часть «ирада» на снаряженіе приданаго выдаваемой замужъ дѣвушкѣ. Благоразумная экономія внушаетъ имъ, разумѣется, при непосредственномъ вмѣшательствѣ тѣхъ же русскихъ властей, мысль ограничить число лицъ, приглашаемыхъ на свадьбу, и избѣгать на будущее время чрезмѣрныхъ издержекъ на поминки. Запрещеніе браковъ между малолѣтними, послѣдствіемъ которыхъ являлся пагубный для общественной нравственности обычай снохачества, и противорѣчащее понятію о святости присяги обыкновение приносить ее надъ тѣломъ убитыхъ кошекъ и собакъ, равно какъ и отмѣна общераспространеннаго среди горцевъ похороннаго ритуала, требующаго самоистязанія жены надъ гробомъ мужа и обрѣзанія ею косы, завершаютъ собою длинный списокъ тѣхъ вредныхъ народныхъ обычаевъ, въ отмѣнѣ которыхъ русскому начальству принадлежитъ честь починна ¹⁾).

Ведя открытую борьбу съ остатками старинной дикости и родового самосуда, преслѣдуя убійство новорожденныхъ дѣвушекъ въ Сванетіи и неограниченность родового кровомщенія въ Дагестанѣ, русское правительство въ гораздо большей мѣрѣ осуществляетъ возложенныя на него исторіей культурныя задачи, нежели преклоняясь безусловно передъ оскорбляющими

---

¹⁾ См. Адаты кавказскихъ горцевъ, томъ II, стр. 45—56.

наше нравственное чувство порядками, неимѣющими за себя ничего, кромѣ ихъ стародавности. Безусловные ревнители обычнаго права, очевидно, не согласятся съ такимъ положеніемъ. Видя въ обычай исключительное выраженіе «народной правды», они повидимому далеки отъ мысли, что самъ обычай можетъ быть не болѣе, какъ отраженіемъ древняго закона, навязаннаго силою и потерявшаго современемъ всякій смыслъ и значеніе; а между тѣмъ эта истина вполне подтверждается кавказскимъ матеріаломъ и, какъ я полагаю, поставлена внѣ всякаго сомнѣнія настоящимъ изслѣдованіемъ. Практическій выводъ, какой мнѣ представляется возможнымъ сдѣлать на основаніи его, состоитъ въ признаніи за русской администраціей и судами большей свободы въ обращеніи съ народнымъ обычаемъ. Терпимость къ чужой вѣрѣ, къ чужимъ нравамъ и понятіямъ о справедливости и правѣ—черта, разумѣется, весьма почтенная. Русскую администрацію всего менѣе можно винить въ непониманіи или отрицаніи чужихъ религіозныхъ, нравственныхъ или правовыхъ устоевъ; но одного этого недостаточно для того, чтобы поставить ее на высоту ея историческаго призванія на Кавказѣ. Культурныя задачи и самая идея общественнаго процесса навсегда должны быть оставлены нами, разъ мы признаемъ невозможность какой бы то ни было борьбы закона и судебной практики съ вѣковымъ обычаемъ и обрядомъ. Но пассивное отношеніе къ фактамъ, ежедневно оскорбляющимъ наше нравственное чувство и существенно задѣвающимъ въ тоже время интересы тѣхъ, въ средѣ которыхъ они проявляются, становится непростительной ошибкой съ того момента, какъ будетъ доказано, что въ вызывающемъ ихъ обычай слѣдуетъ видѣть не проявленіе народныхъ юридическихъ воззрѣній, а печать долгое время тяготѣвшаго надъ народомъ иноземнаго порабоженія.

Прежде чѣмъ примѣнять въ нашихъ судахъ всѣ дѣйствующіе обычаи Кавказа, не мѣшаетъ задаться вопросомъ объ источникѣ этихъ обычаевъ. Что какъ въ самомъ дѣлѣ окажется, что давая наше признаніе явно оскорбляющему нравственное чувство порядку, мы на самомъ дѣлѣ подчиняемъ свое личное сужденіе не «народному воззрѣнію на правду», а фанатическому

изувѣрству какого нибудь восточнаго мага или не знающему границъ своеволю хазарскаго, гуннскаго, персидскаго или кабардинскаго деспота. Положеніе наше остается не менѣе страннымъ и тогда, когда примѣняемый нами обычай окажется заимствованнымъ изъ Моисеева права, римскаго, византійскаго, армянскаго или грузинскаго, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ мы одинаково становимся жертвою нашего добровольнаго ослѣпленія, нашего ничѣмъ неоправдываемаго пристрастія ко всему, что не нашло себѣ выраженія на письмѣ и на этомъ только основаніе признается исходящимъ изъ самыхъ нѣдръ народной жнизи. Въ числѣ предразсудковъ, которыхъ такъ много пришлось встрѣтить ученымъ юристамъ на пути къ болѣе рациональному пониманію задачъ законодательства и суда, пора указать еще одинъ — «безусловное преклоненіе передъ народнымъ обычаемъ». Пора признать, наконецъ, что этотъ обычай, не меньше закона, можетъ быть результатомъ религіознаго фанатизма, насилія и произвола; что вмѣсто того, чтобы быть всегда первоисточникомъ закона, онъ подчасъ не болѣе какъ его отраженіе, и притомъ отраженіе переставшихъ отвѣчать требованіямъ жизни, давно отошедшихъ въ область прошедшаго религіозныхъ и юридическихъ цензовъ, — отъѣна которыхъ является первымъ шагомъ на пути прогресса. Пора убѣдиться, наконецъ, и въ томъ, что современный законъ и современная судебная и административная практика, вступая въ борьбу съ устарѣлыми обычаями, осуществляютъ вполне культурныя задачи и являются могущественнымъ орудіемъ общественнаго обновленія.

Замѣченныя опечатки въ I томѣ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читать.</i>
3	10	готовы принять	принимають
9	3	городскихъ	горскихъ
11	1	свившихъ	славшихъ
15	11	распространяя	распространяющимъ
15 прим. 2	6	bekräftgen	bekräftigen
26	8	кузды	кувады
26	11	кувазы	кувады
26	27	Спенсера	Спенсера
30	25	Картыльскихъ	Картвельскихъ
31 прим.	2	Reletroi	Relation
39	19	усырами	ясырами
39 прим.	2	Feineggs	Reineggs
46	11	Кажкумукскихъ	Казкумукскихъ
46 пр. 2	1	Тарковского	Тарковскихъ
47	30	дѣвъ	дѣтяхъ
48	16	бамъ	балць
49	13	Насранжохе	Насранжаке
49	14	Рызмагъ	Урызмагъ
49	14	Ботрагъ	Батразъ
49	6	дружина	братія
54	13	алаками	аланами
62	18	звизки	займки
71	4	Ттковы	Тякова
73	12	Ничемъ	Ничѣмъ
79	18	Минюгджа	Мингаджа
88	1	безполезенъ	беззвѣстенъ
88	13	цѣпи затѣмъ	цѣпи
88	14	процессъ	процессъ переходъ
88	15	греко-римскомъ Прометѣѣ	греко-римскаго Прометей

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читать.</i>
90	2	кровомѣшеніа	кровосмѣшеніа
90	18	додойцевъ	дыдойцевъ
94	2	прописывается	предписывается
94	15	составленъ былъ	составлено было
95	20	намъ	имъ
97	3	киствахъ	кыствахъ
99	4	собирающаяся	собирающаяся родить
102	6	Ормузда	Ормуздъ
104	32	Тириксетельской	Пирикитильской
111	14	Адчара. Но въ	Аджара. Въ
114 прим.	2	Номба	Гомба
116	8	Мусевали	Мадевали
119	19	девали	девами
120	6	въ которомъ	которымъ
120	26	тяеисъ	пйтрисъ
120	29	пѣются народныя	народиться
121	8	Агарамазды	Агурамазды
122	19	иранами	иронами
122	20	народностью	народности
124	8	Сармановъ	Сарматовъ
124 прим.	3	реаци аих	јаци аих
125	8	Сдавовъ	Сывавовъ
125	25	фригійской	фригійско-
125	26	великой матери	и великой матери
126	21	второй напоминаетъ намъ	второй
130	30	юрскіе	горскіе
135	13	перстокъ	наперстокъ
136	28	дары	мъры
136	29	правъ	ея правъ
139	5	извѣстно существованіе	извѣстно
145	2	съ своимъ	своимъ
148	3	Иефаноса	Стефаноса
157	32	если	если воромъ
170	32	трудно	не трудно
172	13	О.	Въ
174	20	libri	liberi
177	2	предоставленныхъ	предоставленнымъ имъ
179	14	грузинскихъ фамилій Гелованій	грузинской фамилии Ге- ловани
180	28	оксизъ	ассизъ
186	16	Аминіанъ	Амміанъ
186	24	Тверія	Тьерри

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Чтёмъ.</i>
187	4	Уорнанда	Юрнанда
187	6	наименованіе ихъ Собирами	ихъ наименованіе Соби- ровъ
187	29	Прасковьи	Прасковѣи
188	20	Цитердано	Интеріано
197	1	предоставить	представить
197	38	первообразомъ	его первообразомъ
207	19	производилась	производимая
218	10	оказались	сказались
225	34	перемѣнно	поперемѣнно
227	1	Шамхаловъ	Шамхаломъ
228	36	перекочеконъ	перекочевонъ
233	10	нзамъ	Низамъ
241	26 и 30	деясную	дежнуго
243	11	деясную	дежнуго
253	4	Анеяко	Анеако
256	31	Коммандациахъ	Коммендациахъ
257	7	спеціальный	соціальный
259	1	но	не
259	21	кофаканъ	каракешъ
265	2	кментами	кліентами
265 прии.	1	еп	ап
271	31	приставовъ	эриставовъ
286	4	выписываемыхъ	выпиваемыхъ
287	7	XVI-го	XVII-го
289	22	процесса	прогресса
290	10	основаніе	основаніи
290	21	цензовъ	системъ

С

Максимъ Ковалевскій.

Максимъ Максимовичъ Ковалевскій

ЗАКОНЪ И ОБЫЧАЙ

НА КАВКАЗЪ.

X

С

ТОМЪ II.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5
1890.

6/27/21.

ОГЛАВЛЕНИЕ II-го ТОМА.

Отдѣлъ I. Горцы Мингрелии и Грузин.

	Стр.
I. Общественное и политическое устройство сванетовъ.	3
II. Пшавы, ихъ религіозныя суевѣрія, общественное устройство и юридическій бытъ	62
III. Народное право хевсуръ и тушинъ.	102

Отдѣлъ II. Горцы Дагестана.

I. Адатъ и Шаріатъ.	127
II. Родовое устройство Дагестана	137
III. Семейное и наслѣдственное право Дагестана	165
IV. Уголовное право Дагестана	216
V. Отношеніе дагестанскаго адата къ имущественнымъ преступленіямъ и гражданской несправности.	283

Предисловіе ко II тому.

Изученіе общихъ началъ горскаго адата и тѣхъ разнообразныхъ вліяній, подъ которыми онъ сложился, не избавляетъ насъ отъ необходимости детальнаго изученія юридическихъ обычаевъ отдѣльныхъ племенъ Кавказа. Къ этому изученію приступлено было мною уже много лѣтъ назадъ и результаты моего изслѣдованія были обнародованы въ 1886 году въ сочиненіи, озаглавленномъ „Современный обычай и древній законъ“. Въ этомъ сочиненіи я сосредоточивалъ все мое вниманіе на одной изъ древнѣйшихъ народностей Кавказа, на осетинахъ, которыхъ связываетъ съ нами ихъ принадлежность къ арійской семьѣ народовъ. Чтобы выяснитъ своеобразныя стороны осетинскаго адата, я обратился къ содѣйствію древняго права и съ помощью историческихъ аналогій старался раскрыть источникъ и причину отдѣльныхъ нормъ осетинскаго обычая. Приблизительно то же сдѣлано было по отношенію къ обычаямъ адигейскихъ народностей изслѣдованіями Клапрота, Белля, Коха, барона Стала и другихъ, и въ примѣненіи къ быту чеченцевъ трудами Берже Лаудаева, Грабовскаго и тѣхъ молодыхъ этнографовъ-юристовъ, которыхъ за послѣднее время включило въ свои ряды этнографическое отдѣленіе московскаго общества естествознанія, антропологін и этнографіи. Изъ всѣхъ туземныхъ народностей Кавказа менѣе другихъ изслѣдованы обычай горцевъ Мянгреліи и Грузіи, а также разнообразныхъ пле-

мень, заселяющихъ современный Дагестанъ. По отношенію къ первымъ еще можно найти не мало любопытныхъ этнографическихкихъ данныхъ въ сочиненіяхъ князя Эристова, Бартоломея, Стоянова Бакрадзе, Мачабелли, доктора Радде, Худадова и Хаханова; но эти данныя касаются преимущественно, чтобы не сказать исключительно, религиозныхъ суевѣрій, домашняго обихода и общественнаго устройства картвельскихъ племенъ и почти вовсе не затрагиваютъ ихъ юридической жизни. Что же касается до дагестанскихъ горцевъ, то объ ихъ обычаяхъ наша научная литература, а тѣмъ болѣе литература запада, хранить доселѣ упорное молчаніе, и самыя записи дѣйствующихъ въ ихъ средѣ адатовъ въ такой слабой степени сдѣланы доступными путемъ печати, что, съ наиболѣе интересными изъ нихъ, а такими слѣдуетъ признать обычаи Аварскаго, Андійскаго, Казн-Кумухскаго и Гунибскаго округовъ, мнѣ удалось познакомиться лишь на мѣстѣ въ архивахъ окружныхъ управленій.

Въ виду общаго сходства, какое представляютъ обычаи народностей живущихъ родовыми сообществами, я не считалъ нужнымъ дать на этотъ разъ историко-сравнительному комментарію тѣ размѣры, какіе приданы были ему въ первомъ моемъ сочиненіи по обычному праву осетинъ. Общія положенія, какія по вопросу о происхожденіи отдѣльныхъ чертъ родоваго устройства выведены мною изъ историко-сравнительнаго изученія осетинскихъ адатовъ, съ удобствомъ могутъ быть приложены къ толкованію обычаевъ сванетовъ, хевсуровъ, пшавовъ и тушинъ, а также горскихъ народностей Дагестана. Меня интересовало на этотъ разъ не столько розысканіе источника происхожденія тѣхъ или другихъ нормъ адатнаго права, сколько систематическое описаніе юридическихъ обычаевъ отдѣльныхъ племенъ, въ связи съ общимъ характеромъ ихъ культуры. При изученіи народнаго права Дагестана, я преслѣдовалъ еще другую цѣль: опредѣлить взаимодѣйствіе писаннаго закона магометанъ и опирающагося на преданіе адата; показать, въ какой мѣрѣ этотъ послѣдній отступилъ отъ своихъ первоначальныхъ основъ подъ цивилизующимъ вліяніемъ шаріата. Настоящій томъ распадается самъ собой на двѣ части: одна

занимается описаніемъ народныхъ обычаевъ сванетовъ, пша-
вовъ, хевсуровъ и тушинъ, при чемъ о послѣднихъ двухъ
народностяхъ сообщаются лишь тѣ данныя, которыя не вошли
ранѣе этого въ содержаніе перваго тома; вторая часть об-
нимаетъ собою адаты дагестанскихъ горцевъ и ихъ отноше-
ніе къ шаріату. Такъ какъ оба источника дагестанскаго права
сталкиваются между собою лишь въ извѣстныхъ сферахъ юри-
дической жизни, то этими сферами и ограничивается предметъ
моего изслѣдованія. Такими сферами являются по преиму-
ществу, хотя и не исключительно, сфера брачнаго, наслѣд-
ственнаго и уголовнаго права. Въ другихъ областяхъ шаріатъ
доселѣ продолжаетъ господствовать, и вліяніе адата проявля-
ется въ однихъ лишь частныхъ нормахъ, которыя и поста-
рался отмѣтить при случаѣ. Такъ какъ источникомъ адатнаго
права въ Дагестанѣ, какъ и повсюду на Кавказѣ, является
родовое устройство, то изученію отдѣльныхъ нормъ адатнаго
права я предпослалъ общую главу о дагестанскихъ родахъ,
извѣстныхъ подъ наименованіемъ тохумовъ.

Въ настоящемъ томѣ читатель найдетъ еще болѣе фактовъ,
не подтверждаемыхъ никакими ссылками, нежели въ предше-
ствовавшемъ. Причина лежитъ въ характерѣ того матеріала,
которымъ приходилось пользоваться. Онъ составленъ по пре-
имуществу изъ личныхъ замѣтокъ, набросанныхъ на бумагу
во время путешествій по горнымъ обществамъ Грузіи и Да-
гестана, изъ записи народныхъ юридическихъ обычаевъ, сдѣ-
ланныхъ на мѣстахъ по показаніямъ стариковъ, изъ прото-
коловъ сельскихъ и окружныхъ народныхъ судовъ и изъ офици-
альныхъ документовъ, хранящихся въ окружныхъ архивахъ.
Тіонета, Закатала и Гуниба, а также въ главномъ управле-
ніи по дѣламъ горцевъ. Я посѣтилъ южные и восточные
склоны Кавказскаго хребта въ три различные срока: лѣтомъ
1885 года въ обществѣ профессора Иванюкова я проникъ въ
Сванетію съ сѣвера черезъ Тонгузорунскій переваль и, посѣ-
тивъ ея важнѣйшіе аулы, встрѣтился въ Калахъ съ подняв-
шейся изъ Мингреліи административной экспедиціей военнаго
губернатора Смекалова. Эта случайная встрѣча не мало со-
дѣйствовали успѣшному исходу моего предпріятія, такъ какъ

самъ губернаторъ и его штатъ изъявили полную готовность содѣйствовать мнѣ въ моихъ изысканіяхъ. Въ 1887 году я провелъ болѣе мѣсяца въ путешествіяхъ по Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи, сопровождая на этотъ разъ, въ его разѣздахъ по службѣ, предсѣдателя тифлисской палаты государственныхъ имуществъ, извѣстнаго знатока Кавказа и въ частности Грузіи, г. Хатисова. Не разъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ мой спутникъ принималъ на себя неблагодарныя обязанности переводчика, разспрашивая по моимъ указаніямъ собиравшихся при нашемъ проѣздѣ стариковъ и передавая мнѣ почти подстрочно содержаніе интересовавшихъ меня судебныхъ рѣшеній.

При новой поѣздкѣ осенью того же года въ Закаталы и Дагестанъ я имѣлъ счастье встрѣтить въ полковникѣ Усбашевѣ, начальникѣ Закатальскаго округа, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ администраторовъ и серьезнѣйшихъ знатоковъ восточной половины Кавказа. Сообщенныя имъ официальные документы и сдѣланныя съ его словъ замѣтки, вмѣстѣ съ тѣми архивными данными, которыми обязательно надѣлилъ меня въ Тифлисѣ г. Вейденбаумъ, послужили главнымъ матеріаломъ для составленія моего очерка о родовой организаціи Дагестана. Поднявшись изъ Лагодехъ на главный хребетъ въ обществѣ казеннаго лѣсничего, г. Млакостѣвича, я совершилъ мою поѣздку по Дагестану, пользуясь его постояннымъ содѣйствіемъ въ собираніи этнографическихъ и юридическихъ данныхъ. Окружные начальники и ихъ помощники, и учителя народныхъ школъ обязательно ставили себя въ мое распоряженіе и доставляли мнѣ возможность вступать въ частныя бесѣды съ аульными старшинами, эфендіями и муллами. Окружной начальникъ Кайтаго - Табасарайскаго округа, князь Макаевъ, сообщилъ мнѣ въ частности русскій текстъ Постановленія Кайтагскаго уцмія Рустема, предисловіе къ которому дало мнѣ возможность исправить ошибку профессора Леонтовича и отождествить личность Рустема, современника Шахъ - Абасса и Шахъ - Сафіи, съ тѣмъ Рустемомъ „главою Османова владѣнія“, о которомъ говоритъ нѣмецкій путешественникъ 17 вѣка Олеарій. Встрѣчая на каждомъ шагѣ содѣйствіе и поддержку, я несомнѣнно могъ бы собрать гораздо

больше данныхъ по занимавшимъ меня вопросамъ, если бы не тѣ преграды, какія необходимо ставить каждому путешественнику разнообразіе дагестанскихъ языковъ и нарѣчій. Въ виду этого обстоятельства, я не смотрю на свое описаніе юридическаго строя дагестанскихъ горцевъ, какъ на окончательную работу, не нуждающуюся въ пересмотрѣ и дополненіи. Я дорожу въ ней только нѣкоторыми общими выводами объ отношеніи, въ какомъ стоитъ родовое устройство къ народному адату и народный адатъ къ правиламъ шаріата. Я считаю также болѣе или менѣе установленнымъ то общее положеніе, что, не смотря на пестроту племеннаго состава и разнообразіе языковъ, жители Дагестана придерживаются болѣе или менѣе одинаковыхъ началъ права. Но отличительная особенность мѣстныхъ адатовъ и причины, вызвавшія ихъ къ жизни, ускользнули отъ моего вниманія, очевидно, вслѣдствіе незнакомства моего съ туземными нарѣчіями. Эта сторона моей задачи осталась не осуществленной и выполненіе ея можно ожидать ни отъ кого иного, какъ отъ мѣстныхъ изслѣдователей.

НАРОДНОЕ ПРАВО

ГОРЦЕВЪ

МИНГРЕЛИ, ГРУЗИИ И ДАГЕСТАНА.

ОТДѢЛЪ I.

ГОРЦЫ МИНГРЕЛИ И ГРУЗИИ.

ГЛАВА I.

Общественное и политическое устройство сванетовъ.

Во всей Европѣ нѣтъ племени, поселенія котораго были бы расположены такъ высоко надъ моремъ, какъ сванетскія. Они разсѣяны частью по верховьямъ Ингура, частью по той узкой, часто пересѣкаемой горами долины, которая, начиная отъ Тонгузоруна, тянется между двумя снѣжными хребтами вплоть до Латпарскаго перевала въ Мингрелію. Связаніе съ сѣверомъ доступно лишь для немногихъ; съ югомъ — въ теченіе не болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году. Изолированность сванетовъ, защищенныхъ отъ чужеземныхъ вліяній почти непроходимыми горами, широкая автономія, какой они пользовались при грузинскихъ царяхъ, рано достигнутая ими свобода отъ княжескаго произвола, всюду вліявшаго разлагающимъ образомъ на мѣстный обычай — все это вмѣстѣ взятое побуждаетъ сравнительнаго этнографа остановиться съ особеннымъ интересомъ на изученіи общественнаго и юридическаго строя этого народа, древность котораго такъ велика, что рѣчь о немъ идетъ еще со времени греческихъ лѣтописцевъ и географовъ. Кого интересуютъ переживанія родового строя, кто желалъ бы возстановить въ мельчайшихъ подробностяхъ едва намѣченную Тацитомъ картину древне-германской жизни или восполнить этнографическими аналогіями скудныя свидѣтельства византійскихъ и арабскихъ источниковъ о бытѣ нашихъ предковъ славянъ,

найдеть въ обычаяхъ сванетовъ богатѣйшій матеріалъ для своихъ построений. Кровное начало доселѣ составляетъ ихъ основу. Вліяніе его сказывается на каждомъ шагѣ: и въ жизни большими семьями, на подобіе юго-славянскихъ задругъ, и въ родовомъ характерѣ сельскихъ поселеній или такъ называемыхъ сопелей, составленныхъ перѣдко изъ однихъ однофамильцевъ, и въ господствѣ родового самосуда не вполне подавленного еще русскимъ правительствомъ, и въ привилегированномъ положеніи, занимаемомъ родственниками какъ на судахъ, въ которыхъ они своею присягой подкрѣпляютъ показанія обвиняемаго, такъ и въ гражданскихъ сдѣлкахъ, дѣйствительныхъ только подъ условіемъ ихъ согласія. Родовая организація сванетовъ отличается при этомъ такой выработанностью и законченностью, что каждый въ отдѣльности взятый юридическій институтъ получаетъ отъ нея свою окраску. Возьмемъ для примѣра институтъ усыновленія, въ силу котораго чужеродецъ получаетъ доступъ въ семью и право наследованія въ ея имуществѣ. Институтъ этотъ развитъ очень слабо въ средѣ сванетовъ; если имъ и извѣстно усыновленіе, то только родственника; чужеродецъ, хотя бы имъ былъ и зять, мужъ единственной дочери покойнаго, не вступаетъ у нихъ никогда въ права сына и въ частности не наследуетъ. Эта черта можетъ показаться аномаліей для всякаго, кто интересуется древнимъ правомъ. Кому не извѣстно широкое господство такъ называемаго фиктивного родства и въ древне-римскомъ правѣ, и въ греческомъ, кто не знакомъ съ тою выдающеюся ролью, которая принадлежала ему нѣкогда одинаково у индусовъ и у кельтовъ, и при томъ въ эпоху господства тѣхъ самыхъ родовыхъ отношеній, которыя лежать въ основѣ быта сванетовъ. Видимое противорѣчіе разрѣшается, однако, весьма просто. Усыновленіе чужеродца потому неизвѣстно сванетамъ, что родовой строй ихъ жизни отличается несравненно большею крѣпостью, чѣмъ бытъ вышеупомянутыхъ нами народностей. Давно сдѣлалось трюизмомъ, что исторія застаётъ народы въ эпоху ихъ перехода отъ кровныхъ сообществъ къ сосѣдскимъ. Въ чистомъ его видѣ родовой бытъ можетъ быть констатированъ только въ средѣ тѣхъ народовъ, которые, не будучи историческими, составляютъ пока

достояніе одной этнографіи, и къ числу такихъ я считаю возможнымъ отнести и сванетовъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ времени предшествовавшей русскому господству. Усыновленіе чужеродца, говорили многіе старики, потому было немислимымъ въ прежнее время, что родственники никогда бы не допустили передачи ему наслѣдства. При прочности кровныхъ связей, родство соблюдается въ отдаленнѣйшихъ степеняхъ, такъ что нельзя встрѣтить человѣка, у котораго бы не было родственниковъ, а слѣдовательно и наслѣдниковъ, присутствіе которыхъ исключаетъ возможность передачи имущества въ чьи либо чужія руки. Обычное право сванетовъ убѣждаетъ насъ, такимъ образомъ, въ томъ, что институтъ усыновленія развивается на почвѣ разлагающагося родового быта, по мѣрѣ ограниченія кровнаго начала нарождающимся трудовымъ, при которомъ лицо, болѣе другихъ содѣйствовавшее накопленію семейнаго имущества, а такимъ можетъ быть и принятый въ семью чужеродецъ, пріобрѣтаетъ тѣмъ же самымъ преимущественное право наслѣдованія въ ея имуществѣ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ родовымъ принципомъ стоитъ также у сванетовъ совершенное устраненіе женщинъ отъ наслѣдованія, одинаково извѣстное и римскому, и нѣмецкому праву, и отсутствіе права завѣщательнаго распоряженія—живая иллюстрація къ словамъ Тацита о «nullum testamentum» у древнихъ германцевъ. Послѣднее является только однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ ограниченій, какія налагаетъ на правовую дѣеспособность отдѣльнаго лица жизнь сообща съ родственниками и накопленіе цѣнностей общины трудомъ. Лицо, стоящее во главѣ двора, нерѣдко вмѣщающаго въ себѣ до сорока человѣкъ, не можетъ ни продавать семейнаго достоянія, ни обмѣнять отдѣльныя участки принадлежащей обществу земли, не испросивши согласія всѣхъ членовъ. Сдѣлка, совершенная имъ, вопреки общему желанію, сама по себѣ недействительна. Но этого мало. Вліяніе родства сказывается и въ томъ случаѣ, когда оно не связано съ жизнью сообща. Не только однодворцы, но и всѣ вообще однофамильцы, хотя бы они жили и въ разныхъ дворахъ, болѣе того, въ разныхъ селеніяхъ, пользуются правомъ предпочтительной покупки и родового выкупа, дѣлая тѣмъ

самымъ весьма шаткимъ всякаго рода имущественныя сдѣлки. Ни въ чемъ, однако, не сказывается въ такой степени сила кровнаго начала, какъ въ тѣхъ брачныхъ запрещеніяхъ, какими такъ богато обычное право сванетовъ. Запрещенія эти идутъ гораздо далѣе каноническихъ. Въ бракъ не могутъ вступать не только родственники до четвертой степени включительно, но даже тѣ, родство которыхъ исчисляется двѣнадцатью степенями. Въ нѣкоторыхъ обществахъ Вольной Сванетіи бракъ считается невозможнымъ между всѣми вообще однофамильцами; такъ что въ тѣхъ селеніяхъ, населеніе которыхъ еще недавно было составлено изъ однихъ родственныхъ другъ другу семей, господствовала полнѣйшая экзогамія.

Говоря о томъ, что родовыя порядки лежатъ въ основѣ народнаго права сванетовъ, я разумѣю не тѣ болѣе архаическія группы, которыя Морганъ обозначаетъ терминомъ материнскихъ родовъ, но расчлененіе общества по агнатическому принципу, подобное тому, какое извѣстно было древнему Риму и Греціи, германцамъ времянь Цезаря, славянамъ и кельтамъ съ момента ихъ исторической жизни. Правда, нѣкоторыя черты современнаго быта сванетовъ уязвляютъ на порядки несравненно болѣе архаическія; кто знакомъ съ ученіемъ по преимуществу англійскихъ и американскихъ этнологовъ, тому небезизвѣстно, какое первенствующее значеніе играетъ въ ихъ теоріи материнтета непрочность брачныхъ узъ и легкое поведеніе женщинъ. И то, и другое достаточно засвидѣтельствовано у сванетовъ. Похищеніе какъ дѣвушекъ, такъ и въ особенности замужнихъ женщинъ у нихъ явленіе обыденное. Семейные раздоры и родовая месть весьма часто не имѣютъ инаго источника. Но достаточно ли всего этого для утвержденія, что индивидуализація семейныхъ отношеній у сванетовъ явленіе недавнее, что не далекъ еще періодъ широкаго господства въ ихъ средѣ безпорядочнаго половаго сожителства, при которомъ отецъ могъ быть и неизвѣстнымъ, и единственной прочной связью поворожденнаго была связь его съ матерью—родильницей. Я полагаю, что нѣтъ и вотъ почему. Прежде чѣмъ останавливаться на общихъ причинахъ извѣстнаго явленія, необходимо удостовѣриться еще въ томъ, что послѣднее не находитъ себѣ достаточнаго объяс-

ненія въ тѣхъ, чисто мѣстныхъ условіяхъ, среди которыхъ оно возникло. Такъ и въ данномъ случаѣ, прежде чѣмъ относить слабую прочность брачныхъ узъ у сванетовъ къ переживаніямъ коммунальнаго брака, необходимо доказать, что послѣдняя не коренится всецѣло въ той бытовой обстановкѣ, среди которой проходятъ ихъ жизнь. А этого, какъ я полагаю, именно и нельзя отрицать. Изъ статистическихъ данныхъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ мѣстной администраціей, оказывается, что число мужчинъ въ Сванетіи значительно больше числа женщинъ и стоять къ нему какъ 6 къ 5, иначе говоря, женщинъ на 17 процентовъ меньше, чѣмъ мужчинъ. Это обстоятельство уже само по себѣ какъ нельзя лучше объясняетъ причину частаго похищенія женщинъ. Ихъ не хватаетъ для всѣхъ; удивительно ли, что при такихъ условіяхъ онѣ являются постояннымъ яблокомъ раздора, особенно если вспомнить, что въ Сванетіи, какъ и всюду на востокѣ, женщина не только домохозяйка, но и сельская работница, съ серпомъ въ рукахъ помогающая мужу въ уборкѣ его поля. Къ этой общей причинѣ прибавляется еще особенная, корень которой лежитъ опять таки ни въ чемъ иномъ, какъ въ бытовыхъ условіяхъ изучаемаго народа. При господствѣ родовыхъ отношеній интересъ каждой фамилии несомнѣнно лежитъ въ томъ, чтобы обезопасить себя на случай возможныхъ столкновеній съ чужеродцами путемъ заключенія тѣсныхъ связей съ другими столь же могущественными и численными родами. Такія связи могутъ быть установлены двоякимъ образомъ: или чрезъ посредство такъ называемаго молочнаго родства, или съ помощью брачныхъ договоровъ. И то, и другое у сванетовъ въ полномъ ходу—черта общая имъ съ другими горскими племенами: татарами на сѣверѣ, осетинами на востокѣ. Но что составляетъ поистинѣ особенность сванетовъ, это то, что брачные договоры, о которыхъ идетъ рѣчь, заключаются ими въ то время, когда будущіе женихъ и невеста находятся еще оба въ колыбели. Магометанство, распространенное на сѣверѣ отъ главнаго хребта, повидимому причина тому, что такіе ранніе браки одинаково неизвѣстны какъ болгарцамъ и кабардинцамъ, такъ и осетинамъ-мусульманамъ; съ переходомъ въ христіанскіе аулы плоскостной Осетіи мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ,

и терпимость, съ которой христіанство, повидимому, всегда относилось къ нему, находятъ себѣ еще и другое болѣе широкое освѣщеніе въ повсемѣстномъ его распространеніи въ средніе вѣка 1). Счастливыхъ браковъ, очевидно, нельзя ожидать отъ союзовъ, заключаемыхъ въ младенческомъ возрастѣ, при полномъ, разумѣется, безучастіи самихъ брачующихся. Частый уводъ чужихъ женъ и невѣрность сванетскихъ женщинъ, на чототакъ много слышится жалобъ изъ устъ русскихъ администраторовъ—неизбѣжныя послѣдствія такихъ оскорбляющихъ нравственное чувство браковъ. Итакъ, не восходя до эпохъ коммунальнаго брака и вытекающаго изъ него материнства, является возможность дать надлежащее объясненіе указаннымъ нами явленіямъ; изъ этого слѣдуетъ, что на нихъ однихъ еще немислимо строить теоріи когнатическаго рода у сванетовъ.

Раннее распространеніе въ странѣ христіанства, начиная съ 3-го вѣка, легко объясняетъ причину, по которой въ обычномъ правѣ народа мы не находимъ и тѣхъ немногихъ слѣдовъ когнатическаго рода, какія представляетъ собою, напримѣръ, юридическій строй его ближайшихъ сосѣдей—горскихъ татаръ. Известно, какое первенствующее значеніе играетъ въ эпоху существованія материнства дядя по матери, заступающей по отношенію къ дѣтямъ мѣсто нерѣдко неизвѣстнаго имъ отца. Связь съ нимъ, говоритъ Тацитъ о древнихъ германцахъ, считается самой священной и столь же, если не болѣе, тѣсной, чѣмъ связь дѣтей съ дѣйствительнымъ виновникомъ ихъ рожденія. То, что говоритъ Тацитъ о роли дяди съ материнской стороны, цѣлкомъ примѣнимо къ современному быту горскихъ татаръ. Убіиство дяди по матери считается въ ихъ средѣ такимъ же тяжкимъ преступленіемъ, какъ и отцеубіиство. Въ числѣ родственниковъ, призываемыхъ къ соприсягѣ съ обвиняемымъ, мы неизмѣнно встрѣчаемъ у татаръ дядю по матери, какъ ближайшаго родственника. Ничего подобнаго мы не находимъ въ обычномъ правѣ сванетовъ. Отцеубіиство у нихъ строго отличается по своимъ послѣдствіямъ отъ убіиства мате-

---

1) См. Ковалевскаго «Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ».

ринскаго брата. Принадлежа къ одному роду съ отцомъ, живя съ нимъ въ одномъ дворѣ, сынъ - убійца поставленъ въ невозможность загладить свою вину уплатой цора (платы за кровь). Ему некому платить. Но преступленіе его такъ тяжело въ глазахъ его односельчанъ, что послѣдніе обыкновенно прекращаютъ съ нимъ всякія сношенія; чтобы наглядно наложить на него печать отверженія, они принуждаютъ его носить черезъ плечо повязку, составленную изъ напизанныхъ на веревку круглыхъ камешковъ или такъ называемую кка. Совершенно другія послѣдствія влечетъ за собою убійство дяди по матери. Такъ какъ онъ обыкновенно живетъ не въ одномъ дворѣ съ убійцей и не состоитъ его однофамильцемъ, то кровная месть, вызываемая его насильственной смертью, ежечасно можетъ быть прекращена договоромъ объ уплатѣ цора. Мы не встрѣчаемъ также дяди по матери въ ряду тѣхъ ближайшихъ родственниковъ, изъ которыхъ составлялся комплектъ поставляемыхъ отвѣтчикомъ соприсяжниковъ. Родственникамъ со стороны отца (агнатамъ) всегда принадлежитъ въ этомъ случаѣ первое мѣсто. Прибавимъ къ сказанному еще слѣдующее: левирать или деверство, въ которомъ со временъ Магъ-Денана привыкли видѣть переживание, если не коммунальнаго брака непосредственно, то его позднѣйшей стадіи—братскаго брака, иначе говоря дозволеннаго обычаямъ сожителства всѣхъ братствъ съ одними и тѣми же женщинами, совершенно неизвѣстенъ сванетамъ. Мы не только не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы при безплодіи старшаго брата младшій могъ занять его мѣсто, о чемъ, какъ извѣстно, говорить сводъ Ману, но и сожителство вдовы съ ближайшимъ родственникомъ ея мужа, одинаково допускаемое индусскимъ, еврейскимъ, греческимъ и осетинскимъ правомъ, совершенно отсутствуетъ у сванетовъ. Оставшійся въ живыхъ братъ можетъ взять себѣ въ жены вдову покойнаго, но въ томъ лишь случаѣ, если онъ холостъ: вступая въ бракъ, онъ обязанъ заплатить за свою невѣсту полное вѣно или, такъ называемый, начуламъ, все равно, какъ еслибъ онъ былъ лицомъ, посто-
роннимъ ея мужу.

Еще одинъ фактъ, столь же открыто говорящій о томъ, что материнство не оставило слѣдовъ въ современномъ бытѣ сва-

нетовъ. Незаконные дѣти, какъ показываетъ одинаково при-
мѣръ древне-германскаго и кельтическаго права, долѣе другихъ
сохраняють исключительную связь съ матерью и ея родомъ.
Вмѣсто того, чтобы считаться безродными, какъ теперь, они
признаются членами того рода, къ которому принадлежит ихъ
мать, и согласно этому пользуются нѣкоторыми правами наслѣ-
дованія въ ея имуществѣ. Спрашивается, каково положеніе не-
законнорожденныхъ въ средѣ сванетовъ. Г-нъ Стояновъ, посѣ-
тившій страну нѣсколькими годами раньше меня, говорить, что
незаконнорожденные не получаютъ отъ отца имущества и счи-
таются принадлежащими къ роду матери ¹⁾. Это свидѣтельство
не согласуется съ тѣми показаніями, какія на этотъ счетъ сдѣ-
ланы были мнѣ стариками различныхъ обществъ, какъ вольной.
такъ и княжеской Сванетіи. На основаніи всего собраннаго
мною матеріала, я пришелъ къ тому убѣжденію, что недавнія
распоряженія русскаго правительства во многомъ содѣйствовали
затемнѣнію въ самомъ юридическомъ сознаніи сванетовъ по-
нятія незаконнорожденности; такъ что въ настоящее время у
нихъ, какъ я сейчасъ покажу, оказывается цѣлыхъ два класса
незаконныхъ дѣтей, далеко не одинаково безправныхъ. Про-
зошло это слѣдующимъ образомъ. Хотя сванетскій обычай вполнѣ
допускаетъ разводъ и вступленіе во вторичный бракъ разведен-
ной съ мужемъ жены, но русская администрація, вѣроятно, по
несогласію такихъ порядковъ съ требованіями каноническаго
права, сочла возможнымъ признать незаконными болѣе 150 та-
кихъ вторичныхъ браковъ и приступила къ ихъ насильствен-
ному расторженію. Обстоятельство это въ свое время вызвало
сильное недовольство въ мѣстномъ населеніи. Проживши подъ
рядъ нѣсколько лѣтъ съ женщиной, имѣя отъ нея нерѣдко по-
томство, мужъ очевидно несогласался отпустить ее обратно въ
семью, изъ которой она вышла въ силу развода. Съ другой
стороны, и разведенному супругу далеко не улыбалась мысль
разстаться съ своей новой семьей для того, чтобы принять въ
свой домъ ушедшую отъ него подругу, да еще съ обязатель-

---

¹⁾ Путешествіе по Сванетіи (Зап. Кавк. Отдѣла Географ. Общества,
кн. 10, вып. 2. Тифлис. 76-го г. стр. 433. Семейный бытъ Сванетовъ).

ствомъ кормить и считать своими прижитыхъ ею на сторонѣ дѣтей. Въ ближайшемъ будущемъ эта неумѣлая попытка морализаціи обычая грозила оживленіемъ кровной мести и нескончаемыми усобицами. Къ счастью хватаясь въ-время и приостановили дальнѣйшее приведеніе ея въ дѣйствіе. Когда спрашиваешь сванетовъ о томъ, наследуютъ ли у нихъ незаконные дѣти наравнѣ съ законными, они, имѣя въ виду дѣтей отъ браковъ, послѣдовавшихъ послѣ развода, спѣшаютъ отвѣтить вамъ, что несомнѣнно наследуютъ, что обычай не устанавливаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ различій, что они получаютъ долю, равную съ той, которая приходится законнымъ дѣтямъ и самое меньшее половинну или треть ¹⁾. Такой категорическій отвѣтъ, очевидно, можетъ вовлечь въ заблужденіе. Невольно подумаешь, что обычное право сванетовъ находится на той ступени развитія, когда неизвѣстна прочность брачныхъ узъ и положеніе жены и прижитыхъ ею дѣтей мало чѣмъ отлчается отъ положенія наложницы и ея приплода; но дѣло въ томъ, что дѣти, которыхъ сванеты называютъ незаконнорожденными, совсѣмъ не являются таковыми съ точки зрѣнія ихъ обычнаго права; напротивъ того, они вполне законны, а потому и наследуютъ наравнѣ съ послѣдними. Рядомъ съ ними сванетамъ извѣстны, однако, и такіе, которые и, по ихъ понятіямъ, должны быть признаны незаконными. Это всѣ тѣ, которыя прижиты ими отъ любовницъ или «делятъ». Число ихъ, однако, весьма невелико. Воспитатель дворянской школы въ Кутансѣ, Висарионъ Шіовичъ Нижерадзе, сванетъ хорошо знакомый съ бытомъ своего народа, говорилъ мнѣ, что во всей Сванетіи ихъ едва насчитается пять человекъ. Причину тому онъ видитъ въ частомъ вытравленіи плода родильницами. По показаніямъ стариковъ аула Мести, дѣтей, прижитыхъ незамужними женщинами, сванеты обыкновенно убивали; если же нѣкоторые изъ нихъ оставляемы были въ живыхъ, то не получали наследства ни отъ отца, ни отъ матери. Во всякомъ случаѣ, они не причисляются къ роду матери, къ нимъ не примѣняется правило

---

¹⁾ Первое въ Эперскомъ обществѣ, второе—въ Ушкулахъ, третье—въ Ивари.

infans sequitur ventrem, и положеніе ихъ въ обществѣ — положеніе безродныхъ; а это обстоятельство какъ нельзя лучше доказываетъ, что материнское право, переживаніе котораго всего дольше, какъ мы сказали, держится въ сферѣ тѣхъ отношеній, въ которыя ставитъ незаконнорожденныхъ самый фактъ ихъ рожденія, исчезло безслѣдно изъ быта сванетовъ.

Но можетъ быть употребительный въ ихъ средѣ счетъ родства еще напоминаетъ эпоху, когда послѣднее исчисляемо было не степенями, а классами, эпоху весьма близкую, какъ извѣстно, къ эпохѣ материнства, слѣдовательно, косвенно свидѣтельствующую о распространеніи его еще недавно въ ихъ быту. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, остановимся на порядкѣ опредѣленія степени родства у сванетовъ. Обозначивъ литерой А лицо, родство котораго мы желаемъ исчислить, мы проведемъ отъ него линіи во всѣхъ направленіяхъ и на этихъ линіяхъ обозначимъ шариками всѣхъ тѣхъ родственниковъ, которые у сванетовъ носятъ какое либо особое наименованіе, а не зачисляются прямо въ общую группу однофамильцевъ. Такими въ восходящей будутъ отецъ (мү) и дѣдъ (баба), а также мать (ти) и бабка (тата); въ нисходящей сынъ и дочь (первый гезаль, вторая душа гезаль) и внукъ (небати). Прадѣдъ и правнукъ не носятъ особыхъ наименованій, а зачисляются первый въ одну категорію съ дѣдомъ (баба), второй въ одну категорію съ внукомъ (небаши). То же нужно сказать о прапрадѣдѣ и праправнукѣ. Этотъ фактъ не представляетъ собою ничего особенно характернаго; употребленіе такихъ приставокъ, какъ русское пра, французское *bis*, *arrière* или *petit*, нѣмецкое *gross* и т. п. къ именамъ дѣда и внука доказываетъ сравнительно позднее выдѣленіе и у аріискихъ народовъ Европы этихъ степеней родства изъ общихъ категорій предковъ и потомковъ.

Столь же обычнымъ кажется намъ у сванетовъ и счетъ родства въ боковой линіи: двоюроднаго брата (лахбагезлиръ) они строго отличаютъ отъ роднаго (мүхбе), чего, какъ извѣстно, не встрѣчается при классной системѣ родства. Въ одномъ только разговорномъ языкѣ, и тотъ и другой носятъ одно названіе (мүхбе), что сплошь и рядомъ практикуется и у народовъ, не знающихъ материнства, хотя бы, напримѣръ, у насъ. Печего

говорить, что дядя по отцу, какъ и дядя по матери, имѣють у сванетовъ особое обозначеніе (буба или пидзай). Одни только племянники носятъ одно наименованіе съ внуками, наименованіе небашп.—черта, сходная съ тою, какую мы встрѣчаемъ въ древне-русскомъ обществѣ и которая, при строгомъ различеніи другихъ ближайшихъ степеней, едва ли говоритъ что либо въ пользу недавняго существованія у сванетовъ классовой системы родства.

Итакъ въ семейномъ правѣ сванетовъ нѣтъ данныхъ для признанія материнства исходной эпохой ихъ развитія. Такое заключеніе неравнозначительно съ совершеннымъ отрицаніемъ послѣдняго. Высказывая его, я хочу сказать только то, что разстояніе, отдѣляющее насъ отъ той легендарной эпохи, когда, по свидѣтельству древнихъ писателей, сванетами правили женщины ¹⁾, такъ велико, что немудрено, если въ ихъ современномъ обычномъ правѣ не осталось отъ нея болѣе никакихъ слѣдовъ, особенно, если вспомнить, что христіанство, посаженное у нихъ съ первыхъ вѣковъ, отнюдь не могло мириться съ тѣми порядками, существованіе которыхъ предполагаетъ материнство и основанное на немъ родство.

Жизнь родами и нераздѣльными семьями не исключала вполне у Сванетовъ нѣкоторыхъ зачатковъ государственности. Въ Княжеской Сванетіи представителями ея являлись князья изъ рода Дадешкеліяни, въ Вольной—избираемые народомъ старѣйшины и народные сходы.

Фамильные и народные преданія въ одно слово указываютъ на то, что та зависимость, въ которой, до освобожденія крестьянъ, жило населеніе Бечу, Чубохеръ, Эцеръ и Парі, нынѣ составляющихъ собою такъ называемую Княжескую Сванетію, не восходитъ далѣе 15-го вѣка, что судьбы вольной и дадешкеліяновской Сванетіи, до этого времени, были одинаковы, что ими управлялъ болѣе или менѣе номинально поставленный отъ Грузіи намістникъ или такъ называемый эрмозовъ, и что такими намістниками съ 14 в. были, какъ общее правило, члены семейства Геловани. Выходцы изъ Грузіи, они разумѣется оказывали

¹⁾ См. Стояновъ, стр. 435.

всякую поддержку пришлому грузинскому элементу и не удивительно поэтому, если при них одинаково въ Вольной и Княжеской Сванетии изъ среды населенія стали постепенно выдвигаться нѣкоторыя семьи дворянъ—азнауровъ. Такими въ Вольной Сванетии были между прочимъ Джапаридзе. Имъ удалось постепенно наложить на вольное населеніе аула «Мести» ярмо крѣпостной зависимости, однохарактерной съ тою, какая извѣстна была Грузин. Владѣя землею по прежнему въ наслѣдственную собственность, крестьяне или такъ называемые гери въ то же время обложены были барщиной и натуральными сборами; они обязаны были обрабатывать земли своихъ господъ, исполнять домашнія службы при ихъ дворѣ, сопровождать ихъ на войну, а также во время ихъ поѣздокъ, воспитывать ихъ дѣтей на правахъ аталыковъ, наконецъ, платить имъ ежегодно по одному гвидолу пшеницы съ дыма ¹⁾. Не довольствуясь этимъ, дворяне стали присваивать себѣ право продавать крестьянъ на сторону, нерѣдко разлучая съ этою цѣлью женъ съ мужьями и родителей съ дѣтьми; а также требовать, чтобы, за отсутствіемъ наслѣдниковъ, собственность крестьянскаго двора поступала не къ однофамильцамъ, а непосредственно въ ихъ руки.

Согласно фамилнымъ преданіямъ, записаннымъ мною со словъ Фрустумхана Джапаридзе, злоупотребленіе властью было причиною тому, что родъ его почти поголовно былъ истребленъ возставшими крестьянами. Случилось это такъ давно, что съ этого времени успѣли уже народиться двадцать поколѣній. Ближайшій поводъ былъ слѣдующій. Старшій изъ рода Джапаридзе, заставъ крестьянина, работающаго на собственномъ полѣ, сталъ кричать на него зачѣмъ онъ не пашеть хозяйской нивы. Слово за слово — дѣло дошло до того, что крестьянинъ въ сердцахъ убилъ дворянина, а подоспѣвшіе ему на подмогу поселяне истребили весь родъ убитаго, за исключеніемъ одного ребенка, спрятавшаго его аталыкомъ и сдѣлавшагося родоначальникомъ современныхъ дворянъ этого же имени. Избавившись отъ князей, жители Местійскаго общества стали управляться сами со-

¹⁾ Гвидоль — корзина, въ которую хлѣбнаго зерна входитъ въсомъ два пуда 17 фунтовъ.

бою, сходясь съ этою цѣлью на народные сходы (джань-назуранъ) и выбирая на нихъ особаго старѣйшину, занимавшаго должность безсрочно, до тѣхъ поръ, пока дурное поведеніе его не заставило бы народъ подумать о новомъ выборѣ. Старшина этотъ носилъ одно названіе съ тѣмъ, какое принадлежитъ до селѣ старѣйшему во дворѣ (махви), буквально слово это означаетъ старшій. Кромѣ старшины, сходы выбирали еще двѣнадцать человѣкъ такъ называемыхъ «мыбари» (выборные), обязанностью которыхъ было слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не работалъ по пятницамъ, субботахъ и воскресеньямъ. Виновныхъ въ нарушеніи такихъ запретовъ мыбари подвергали штрафамъ. Народные сходы созываемы были съ помощью особыхъ почти саженныхъ трубъ; одна изъ нихъ доселѣ хранится въ церкви селенія Курать. Участіе въ собраніи принимали всѣ совершеннолѣтніе, не только мужчины, но и женщины. Для постановки рѣшенія требовалось единогласіе; но послѣдняго очевидно не легко было достигнуть, особенно, если принять во вниманіе, что на джань-назуранъ наиболѣе вліятельные граждае являлись каждый въ полномъ вооруженіи, въ сопровожденіи своей партіи, и удивительно ли если рѣдкое собраніе обходилось безъ схватокъ и если, не достигнувъ соглашенія, соперники чаще всего оканчивали тѣмъ, что, запершись въ свои башни, подымали изъ нихъ другъ противъ друга, вражду; такой печальный исходъ тѣмъ болѣе былъ возможенъ, что прогнанные дворяне со временемъ снова приняты были въ аулъ. Крѣпостная зависимость, правда; не была восстановлена въ ихъ пользу, но что было удержано — такъ это представленіе о большемъ благородствѣ ихъ крови, дававшее право дворянину мстить убійцѣ простолюдину смертью двухъ его единокровныхъ. Въмѣсто того, чтобы исчезнуть, дворянство стало даже численно возрастать по мѣрѣ поселенія въ аулъ новыхъ пришлыхъ родовъ, въ томъ числѣ Куштельянь — выходцевъ изъ Чегема. Такое явленіе замѣчается не въ одной общинѣ Мести, но на протяженіи, всей Вольной Сванетіи, и этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что число дворянъ въ ней и въ настоящее время представляетъ весьма значительный процентъ всего населенія. Такъ въ Муллахскомъ Обществѣ на 939 человѣкъ простаго состоянія

(считая одинаково мужчинъ и женщинъ) приходится 295 дворницъ и дворянокъ, въ Местійскомъ на 537—234; въ остальныхъ обществахъ значительно меньше; обыкновенно не болѣе двухъ или трехъ десятковъ.

Событія, описанныя мною въ Мести, съ нѣкоторыми вариантами, повторяются и въ любомъ изъ остальныхъ обществъ Вольной Сванетіи. Въ каждомъ возникаетъ со временемъ свой народный сходъ, (джанъ-пазуранъ), обозначаемый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ терминомъ лухоръ или лузоръ и постоянно собирающійся на специально отведенной для этого площади, своего рода форумъ или агора, по сванетски Лухоръ. Народное собраніе каждого общества выбираетъ своего старшину, который, подобно английскому мировому судья, остается въ должности *durante se bene gesserit*, т. е. пока его дурное поведение не сдѣлаетъ пужнымъ въ глазахъ народа назначеніе ему премника.

Замѣчательную черту въ быту Вольной Сванетіи составляетъ рано сознанныя отдѣльными обществами необходимость столковываться между собою объ общихъ дѣлахъ. Этой потребности удовлетворяли сходы всего взрослого ея населенія, созываемые въ одномъ изъ слѣдующихъ трехъ мѣсть—въ Ушкулъ на площади, называемой Жеблани, въ Цвирми на площади Слмонъ и въ Далавервѣ, селенія, расположенномъ къ западу отъ Эцерь и болѣе не существующемъ. Предсѣдательство такими общими собраниями поручалось кому либо изъ старшинъ по собственному ихъ выбору. Рѣшеніе, какъ и въ остальныхъ сходахъ, считалось состоявшимся лишь подъ условіемъ единогласія. Г-нъ Нижерадзе, которому я обязанъ только что приведенными данными, не прочь видѣть въ этихъ всенародныхъ собраніяхъ черты своего рода федеративнаго устройства. Не ида такъ далеко, я полагаю, что изъ названныхъ сходовъ, имѣвшихъ лишь временный и случайный характеръ, могли бы выработаться впоследствии вѣча, подобныя тѣмъ, какія мы застаемъ, напримѣръ, въ Ури или Уитервальденѣ, вѣча, на которыхъ приняты были первыя рѣшенія, благопріятныя швейцарской независимости. Правда, этихъ вѣчахъ не приходилось, подобно сванетскимъ, испытывать на себѣ тяжелую руку сосѣднихъ князей Дадешкельяни или прини

мать мѣры къ огражденію отъ нихъ свободы страны. Швейцарское дворянство шло за одно съ народомъ и, благодаря такому единодушію, дѣло освобожденія, быть можетъ, и получило такой скорый и благопріятный исходъ. Иначе относились къ свободнымъ обществамъ Сванетіи ихъ ближайшіе сосѣди—князья Дадешкельяни. Хотя, согласно преданію, этихъ выходцамъ изъ Кумыкъ, этихъ изгнанникамъ изъ рода Тархановъ Тарковскихъ и удалось водвориться въ Эцерахъ только съ народнаго выбора и согласія, хотя защита народныхъ интересовъ противъ стремившагося къ тираниіи рода Ричкіани и было, согласно тому же преданію, ближайшей причиною предоставленія имъ власти, ¹⁾ сперва, тремя только селеніями, а затѣмъ и остальными, тѣмъ не менѣе, разъ добившись ея, они употребили все свое стараніе къ тому, чтобы закабалить народъ, одинаково, какъ по нижнему, такъ и по верхнему теченію Ингура. Не довольствуясь установленіемъ крѣпостной зависимости въ тѣхъ четырехъ обществахъ, которыя и теперь образуютъ изъ себя Княжескую Сванетію, они и ушкульцевъ, живущихъ почти у самаго перевала въ Мингрелію, думали обложить данью. Но послѣдніе обнаружили ихъ въ этомъ рѣшительный отпоръ. Пута Дадешкельяни, родоначальникъ семьи, какъ гласитъ сказаніе, былъ убитъ ушкульцами пулею, вылитую изъ свинца, доставленнаго въ равномъ количествѣ всѣми дворами Ушкула, чѣмъ какъ бы наглядно дается знать, что погибли его равно желалъ весь народъ. Правда для того, чтобы отвратить отъ себя кровное возмездіе, ушкульцы сдѣлали ею выстрѣлъ изъ церковнаго ружья, направляя его при томъ черезъ окно въ храмъ, по курокъ ружья былъ взведенъ съ помощью веревки, за которую держалось 42 мальчика, по одному отъ каждаго дыма, слѣдовательно всѣ двory одинаково участвовали въ убійствѣ Путы. Послѣдствія, какія повелъ за собою этотъ такъ дружно оказанный народомъ отпоръ, различно излагаются въ фамиліальныхъ и сельскихъ преданіяхъ. Первыя говорятъ о страшной мести Исламбера, сына Путы, надъ ушкульцами: беременнымъ женщи

---

¹⁾ Сказаніе это со словъ Тенгиза Дадешкельяни, нынѣ умершаго, записано Стояновымъ, стр. 352.

намъ разрѣзаны были животы, дѣти заколоты, каждая капля крови отца оцѣнена въ семь человѣкъ и согласно этому все мужское населеніе, за исключеніемъ трехъ братьевъ, поселенныхъ въ Лахомулѣ, преданы смерти. Наконецъ, въ довершеніе обидъ, въ церкви Ушкула совершенно было Исламберомъ нечистое жертвоприношеніе ¹⁾. О всѣхъ этихъ ужасахъ нѣтъ и помину въ той редакціи, въ какой сказаніе о Путѣ ходитъ доселѣ въ средѣ ушкульцевъ. Умирающій Пута, на обращенный ему сыномъ вопросъ, отмстить ли ушкульцамъ или устроить ему примѣрныя поминки, отвѣчаетъ выборомъ поминокъ, а ушкульцы навсегда сохраняютъ за собою полную свободу отъ платежа дани. Последняя редакція, повидимому, ближе къ истинѣ, такъ какъ о какой либо зависимости этой общины Вольной Сванетіи отъ князей Дадешкельяни, со временъ Путы, нѣтъ и помину.

Закрѣпленіе народа было достигнуто семьей Дадешкельяни на протяженіи лишь четырехъ обществъ, составляющихъ такъ называемую Княжескую Сванетію. Какъ и повсюду, гдѣ крѣпостничество не вырождалось въ рабство, принадлежность къ несвободному состоянію не лишала никого права владѣть землею въ собственность. Последняя связана была, какъ и повсюду, съ свободой распоряженія, единственнымъ ограниченіемъ которой являлось право князя выкупать отчуждаемые крестьянскимъ дворомъ земли—подобно средневѣковому *retrait feodal*. Земельный надѣлъ переходилъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому; но когда во дворѣ никого не оставалось въ живыхъ, князь наслѣдовалъ его предпочтительно предъ однофамильцами; точь въ точь, какъ на западѣ феодальный сеньоръ вступалъ во владѣніе землею своихъ *main mortables*. Подобно средневѣковымъ крестьянамъ, сванеты, на протяженіи всѣхъ княжескихъ владѣній, обязаны были нести барщину или галдажъ. Въ обыкновенное время года каждый дворъ поставлялъ не болѣе одного рабочаго ежедневно, мужчину или женщину, смотря по характеру работы. Но въ страдную пору требованія помѣ-

¹⁾ Записано со словъ Татаркана Дадешкельяни, нынѣшняго владѣльца Эцерь.

щика возрастали. Подобно тому, какъ на англо-саксонскіе «loves» выходило все рабочее население, такъ точно во время пахоты и посѣва, а также при уборкѣ хлѣба и сѣна, сванетскій помѣщикъ вправѣ былъ требовать отъ каждаго двора столько рабочихъ, сколько ему было нужно и сколько дворъ могъ поставить, смотря по числу живущихъ въ немъ. Сельскія работы производимы были крестьянами съ собственной упряжкой, при чемъ за правило считалось, что каждый дворъ поставляетъ, по меньшей мѣрѣ, одну пару быковъ. Сверхъ этихъ повинностей, крестьяне несли еще извѣстные платежи: каждые 3 года дворъ отдавалъ князу корову. Зимой, сверхъ того, онъ обязанъ былъ доставить пропитаніе по крайней мѣрѣ для одной штуки рога-таго скота; если княжеская скотина падала, взамѣнъ ея крестьянинъ отдавалъ собственнаго вола или корову. На новый годъ почти обязательными признавались натуральныя приношенія, стоимостью въ 20 руб. съ каждаго двора. На пасху крестьянинъ приглашалъ къ себѣ князя и угощалъ его со всею его свитою. Извѣстныя событія въ жизни обѣихъ сторонъ также влекли за собою производство извѣстныхъ платежей крестьянами. Въ Бечу, напримѣръ, ни одинъ дворъ не справлялъ поминокъ безъ того, чтобы не отдать князу 60 хлѣбовъ и 6 или 7 зекъ араку, т. е. не менѣе 48 бутылокъ (считая 8 бутылокъ въ зекѣ). Точно также отдача княземъ дочери въ замужество обыкновенно была поводомъ къ полученію имъ съ каждаго двора, по меньшей мѣрѣ, одного барана. Долженъ былъ князь уплатить цоръ или плату за кровь — и у него не хватало къ тому средствъ, крестьяне складывались между собою и пополняли недостачу. Другой доходной статьёй князя былъ взыскиваемый имъ штрафъ съ преступниковъ. Предоставляя своимъ подданнымъ судиться медиаторскимъ судомъ и не вмѣшиваясь въ выборы сторонами посредниковъ, князь довольствовался вниманіемъ съ лицъ, признанныхъ виновными, значительныхъ пеней, всего чаще уплачиваемыхъ скотомъ. Пени эти въ Бечу достигали слѣдующихъ размѣровъ. Штрафъ за убійство или надгарверъ — триста рублей, за воровство или накерверъ — двѣсти рублей, пеня за раненіе (накчевъ) — сто рублей. Такимъ образомъ въ Княжеской Сванетіи преступленіе влекло за

собою двоякаго рода послѣдствій—частное вознагражденіе и публичную пеню. Невольно переносишься мыслью въ ту отдаленную эпоху, когда одинаково въ Германіи, Англии и Франціи, сверхъ виры, взимался еще такъ называемый *fredus* или *amerçiments* или когда въ Россіи, согласно Русской Правдѣ, головщина, или частное вознагражденіе роду убитаго, не устраняла «виры» и «продажи» въ пользу князя.

Вмѣсто того, чтобы быть, какъ прежде, мѣстомъ пребыванія одной или двухъ фамилій, сопели стали включать въ себя цѣлыя ихъ десятки, обстоятельство благодаря которому отношенія сосѣдства начали выступать на первый планъ и сосѣдское право развиваться перѣдко въ ущербъ родовымъ интересамъ. Особенно наглядно послѣдняя черта выступаетъ въ фактъ возникновенія такъ называемаго права сосѣдскаго выкупа, которому, по крайней мѣрѣ въ Княжеской Сванетіи, дается рѣшительное предпочтеніе предъ родовымъ. Только въ томъ случаѣ, если сосѣди не пожелають выкупить проданнаго участка земли, послѣдній можетъ быть приобрѣтенъ дворомъ однофамилйцевъ продавца, отнюдь не наборотъ.

Этимъ не исчерпывается еще то вліяніе, какое княжеская власть оказала на измѣненіе народныхъ юридическихъ обычаевъ. Вмѣшательство ея въ судъ, въ формѣ наложенія штрафовъ на различные виды преступленій, сдѣлалось, какъ мы вскорѣ увидимъ, само источникомъ частью отмѣны нѣкоторыхъ обычаевъ, какъ, напримѣръ, обычая убивать поворожденныхъ дѣвочекъ, частью усиленія ответственности за извѣстные виды преступныхъ дѣйствій.

Юридическіе обычаи сванетовъ.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы сдѣлали попытку нарисовать картину общественнаго и политическаго быта сванетовъ. Въ настоящее время мы переходимъ къ описанію ихъ юридическихъ обычаевъ и, прежде всего, самого порядка производства у нихъ суда. Юридическіе обычаи сванетовъ даютъ новое подтвержденіе тому взгляду, который видитъ зародышъ судебного рѣшенія

въ приговорѣ посредниковъ. При характеризующей ихъ бытъ независимости отдѣльныхъ родовъ и ихъ развѣтвленій, не удивительно, если сванеты не выработали иного порядка разбираательства дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, кромя того, какой извѣстень у нихъ подъ наименованіемъ суда «морвахъ», т. е. суда назначаемыхъ сторонами медиаторовъ. Самостоятельные, не признающіе надъ собою старшаго, кровные союзы въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ придерживаются тѣхъ самыхъ началъ, что и суверенныя государства. Подобно тому, какъ международныя столкновенія разрѣшаются войнами и трактатами, такъ точно вражда двухъ или болѣе дворовъ ведетъ къ самосуду и прекращается не иначе, какъ «мирнымъ» соглашеніемъ. Поводомъ къ враждѣ признается безразлично всякое дѣйствіе, причиняющее матеріальный вредъ, все равно, страдаетъ ли отъ него цѣлый дворъ, или только одинъ изъ его членовъ. Родственная солидарность именно и сказывается въ томъ, что личная обида признается общей цѣлому двору, нерѣдко даже всѣмъ однофамильцамъ. Послѣдствіемъ ея является поэтому месть не со стороны одного потерпѣвшаго, но и всѣхъ, и каждаго, кто живетъ съ нимъ, нерѣдко всей его родни. Самоуправство дворовъ прекращается не раньше, какъ послѣ возмѣщенія матеріальнаго вреда, нанесеніе котораго послужило поводомъ къ самоуправству. Размѣры этого вреда и соотвѣтствующій ему имущественный эквивалентъ должны подвергнуться при этомъ строгому опредѣленію. Но кому поручить выполненіе этой задачи, какъ не лицамъ, выбраннымъ обѣими сторонами, при томъ въ равномъ числѣ, такъ какъ иначе принципъ равноправія оказался бы нарушеннымъ. Вотъ почему сванеты, до подчиненія ихъ русскому владычеству, имѣли обыкновеніе рѣшать всѣ свои споры, одинаково гражданскіе и уголовные, съ помощью медиаторовъ. Каждая сторона назначала ихъ отдѣльно отъ другой въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по характеру дѣла; шесть или семь при убійствѣ, три или два—въ менѣе важныхъ случаяхъ. Посредники постановляли рѣшеніе по большинству голосовъ. Но такъ какъ каждый изъ нихъ отстаивалъ интересы назначавшей его стороны, то соглашенія не легко было достигнуто. Назначеніе сторонами равнаго числа медиаторовъ само

являлось препятствіемъ къ тому; какъ было состояться большинству, когда каждая сторона продолжала настаивать на своемъ? Приходилось поэтому прибѣгать нерѣдко къ слѣдующему приему: посредники изъ собственной среды выбирали одного человека, за которымъ признавали уже не одинъ, а два голоса. При раздѣленіи мнѣній пополамъ, голосъ избраннаго оказывался рѣшающимъ. Во всемъ этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться лично во время моего пребыванія въ Ушкульскомъ обществѣ, и вотъ по какому поводу. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего приѣзда возгорѣлась вражда между двумя дворами однофамильцевъ Нижерадзе. Поводъ къ ней былъ самый ничтожный: одинъ изъ Нижерадзе задержалъ на своемъ полѣ чужихъ быковъ, которые оказались принадлежащими двору его однофамильцевъ. Споръ о загнутой скотинѣ принялъ, однако, вскорѣ характеръ открытаго междуусобія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ глава одного изъ спорящихъ дворовъ однажды найденъ былъ мертвымъ въ полѣ и подозрѣніе въ его убійствѣ пало на члена враждовавшей съ нимъ семьи. Хотя русское правительство отказывается въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ по «адату», хотя послѣдніе судятся окружными судами на основаніи нашего уложенія о наказаніяхъ, но на этотъ разъ администрація, въ лицѣ губернатора, сочла нужнымъ, не дожидаясь рѣшенія дѣла по суду, сдѣлать попытку примирить противниковъ, очевидно, изъ опасенія новыхъ нарушеній общественнаго спокойствія.

Въ моемъ присутствіи, по предложенію начальника края, стороны приступили къ назначенію медиаторовъ, каждая въ числѣ 8 человекъ. Задача медиаторовъ разслѣдовать дѣло и опредѣлить условія, на которыхъ должно состояться примиреніе враждующихъ. Уголовное разбирательство идетъ своимъ порядкомъ и рѣшеніе суда будетъ приведено въ исполненіе независимо отъ тѣхъ мѣръ, какія будутъ предложены посредниками.

Прежде чѣмъ приступить къ исполненію своей судебной миссіи, сванетскіе морвары или медиатры обязаны принести присягу въ томъ, что къ подлежащему имъ разсмотрѣнію дѣлу они отнесутся какъ къ своему собственному. Ближайшій родственникъ потерпѣвшаго обращается къ посредникамъ съ слѣдующими словами: «клянитесь разсмотрѣть дѣло по справедливо-

сти, не увлекаясь родствомъ, не искажая смысла фактовъ, точь въ точь, какъ еслибы оно было вашимъ собственнымъ. Въ случаѣ же нарушенія вами этой клятвы, пусть родъ вашъ будетъ несчастенъ до свѣтопредставленія и идетъ затѣмъ въ адъ». Судьи отвѣчаютъ ему: «мы принимаемъ клятву рѣшить дѣло такъ, какъ еслибы оно было нашимъ». За этимъ слѣдуетъ приглашеніе судьями сторонъ принести въ свою очередь присягу въ исполненіе ими приговора. Эта присяга является единственной санкціей, другихъ средствъ принужденія сванетскіе обычаи не знаютъ. Судьи говорятъ сторонамъ: «мы заставляемъ васъ принять присягу въ томъ, что наше рѣшеніе будетъ исполнено вами; если вы не подчинитесь ему и не выполните его въ точности, пусть падетъ на васъ отвѣтственность за нарушение присяги, какъ за себя, такъ и за насъ». Въ отвѣтъ на это стороны говорятъ: «Пусть падетъ на насъ проклятiе за нарушение присяги, буде мы въ точности не исполнимъ вашего рѣшенія». Приговоръ медиаторовъ считается окончательнымъ. Объ обжалованіи или пересмотрѣ его къмъ либо не можетъ быть и рѣчи. Во всемъ этомъ обычаи сванетовъ ничѣмъ не отличаются отъ обычаевъ другихъ горскихъ племенъ Кавказа, осетинъ, напримѣръ, или чеченцевъ. Осетинскій «тархонн-лагта», чеченскій «келохой», — такіе же выбранные сторонами судьи, какъ и сванетскій морваръ. Число ихъ также зависитъ отъ характера дѣла; рѣшеніе, ими постановляемое, столь же факультативно для сторонъ, которыхъ связываетъ одна приносимая ими присяга. Оригинальной стороною посредническаго суда сванетовъ не является также его всесловность, такъ какъ она характеризуетъ собою медиаторское разбирательство одинаково у кабардинцевъ и горскихъ татаръ, у которыхъ, какъ и у сванетовъ, третейское рѣшеніе можетъ быть постановлено не только въ спорахъ простолюдина съ простолюдиномъ, но и въ тѣхъ, въ которыхъ одной изъ сторонъ является князь или дворянинъ. Характерна развѣ только та черта, что чѣмъ выше общественное положеніе лица у сванетовъ, тѣмъ меньше число назначаемыхъ имъ посредниковъ; на двухъ медиаторовъ, выбираемыхъ простолюдиномъ, семья азнаура или дворянина назначала одного. Таковы, по крайней мѣрѣ, были порядки, которыхъ дер-

жались въ Вольной Сванетіи и, въ частности, въ мѣстѣскомъ обществѣ, и въ которыхъ, какъ я полагаю, слѣдуетъ видѣть результатъ того приниженаго положенія, въ какое поставили азнауровъ часто повторявшіяся противъ нихъ возстанія чернаго люда.

Съ установленіемъ русскаго владычества посреднической судъ далеко не является упраздненнымъ. Правда, дѣла сванетовъ переданы общимъ судебнымъ учрежденіямъ и для Сванетіи нѣкоторое время существовалъ особый даже мировой судъ въ Бечо, дѣла котораго нынѣ перешли къ суду Лечхумскаго уѣзда; но все это не доказываетъ того, чтобы сами сванеты не предпочитали вѣдаться между собою полюбовно третейскимъ судомъ. Бывшій судья Сванетіи г. Пфаффъ постоянно жаловался на то, что народъ избѣгаетъ его разбирательства. Въ настоящее время, когда сванетамъ приходится по случаю процесса идти въ Цагери и дѣлать переваль черезъ Латпарскій проходъ, доступный въ теченіе всего двухъ мѣсяцевъ въ году, желаніе ихъ вѣдаться русскими судами сдѣлалось еще слабѣе. Однимъ изъ недавнихъ ихъ ходатайствъ передъ начальникомъ края было избавить ихъ отъ частаго призыва въ судъ, и всеобщую радость вызвало обѣщаніе, что впредь сванетскія дѣла будутъ разсматриваться не иначе, какъ въ іюнѣ или іюлѣ, когда переходъ черезъ горы сравнительно легокъ. Указанное неудобство далеко, впрочемъ, не главное. Важнѣйшее возраженіе противъ распространенія на сванетовъ, какъ и на всѣхъ вообще горцевъ Кавказа, общихъ судебныхъ учреждений состоитъ въ совершенной неспособности коронныхъ судей держаться при разбирательствѣ дѣлъ тѣхъ способовъ установленія судебной достовѣрности, которые одни имѣютъ обязательную силу въ глазахъ сванета. Современный процессъ, если не говорить объ уликахъ, знаетъ только два вида доказательствъ: свидѣтельскія показанія и письменные документы. Ни до одного изъ нихъ горцы не доросли. Судебныя испытанія, присяга и соприсяжничество родственникововъ—вотъ чѣмъ руководствуются или еще недавно руководствовались всецѣло ихъ туземные судьи. Для нихъ не было тайной, какой видъ присяги пользуется особеннымъ уваженіемъ въ той или другой семьѣ, какія сакраментальныя дѣйствія она

считаетъ наиболѣ связывающими ея совѣсть. Всего этого, конечно, не можетъ знать ни мировой судья, ни, тѣмъ болѣе, суды обрусные. Жалуясь на наглость, съ которой горцы даютъ на судъ ложныя свидѣтельства, русскіе судьи далеки, по видимому, отъ мысли, что классъ лицъ, изъ котораго берутся свидѣтели, по самому характеру своему не заслуживаетъ довѣрія, что нѣкоторыя народности Кавказа, напримѣръ, осетины считаютъ свидѣтельствованіе на судѣ чѣмъ то позорнымъ и приравниваютъ его къ шпіонству, что правдивымъ показаніемъ, клонящимся ко вреду обвиняемаго, свидѣтель можетъ возстановить противъ себя и своихъ всю его родню. Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ, что на Кавказѣ всего труднѣе добиться истины отъ посторонняго свидѣтеля, а необходимо искать ея у близкихъ къ обвиняемому лицъ, связывая ихъ совѣсть тѣми страшными въ ихъ глазахъ присягами, съ ложнымъ принесеніемъ которыхъ связывается представленіе о гибели цѣлаго рода не только живущихъ поколѣній, но также умершихъ и грядущихъ. Но предполагая даже, что русскій судья знаетъ все это, еще возникаетъ вопросъ, въ состояніи ли онъ серьезно войти въ роль человѣка, руководимаго въ своихъ дѣйствіяхъ правовыми представленіями чуждаго ему народа. Не машина же онъ въ самомъ дѣлѣ? Возможно ли ему поэтому вполне отказаться отъ своей индивидуальности, отъ привитыхъ ему культурой привычекъ мышленія и нравственныхъ убѣжденій. Вопросъ также, насколько помирится наше собственное юридическое сознаніе съ ежечаснымъ нарушеніемъ нашими же судами того, что мы считаемъ правомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ отнесемся мы къ рѣшенію русскаго судьи, приговаривающаго кого либо къ доплатѣ калыма за купленную имъ жену или отымающаго у единственной дочери наследство ея отца, съ тѣмъ, чтобы передать его въ руки четвероюродныхъ братьевъ? Съ полнымъ отрицаніемъ, не правда ли; а между тѣмъ оба рѣшенія могутъ стоять въ полномъ соотвѣтствіи съ мѣстными обычаями. На всѣхъ этихъ основаніяхъ, я далеко не отношусь съ такимъ отрицаніемъ къ прежнимъ горскимъ судамъ, съ какой относится къ нимъ большинство юристовъ на Кавказѣ. Несомнѣнно, что власть предѣдательствовавшаго въ нихъ уѣзднаго

начальника была чрезмѣрной и, что на дѣлѣ онъ легко могъ сдѣлаться единственнымъ судьей; но мысль имѣть выбранныхъ отъ народностей посредниковъ и предоставлять имъ рѣшеніе дѣлъ по адату — должна быть признана плодотворной и заслуживаетъ того, чтобы быть принятой въ расчетъ при неизбѣжномъ въ будущемъ пересмотрѣ и исправленіи нашихъ судебныхныхъ уставовъ примѣнительно къ нуждамъ Кавказа.

Отъ судоустройства сванетовъ я перейду къ ихъ процессу.

Вопросъ этотъ сводится къ вопросу о тѣхъ судебныхъ доказательствахъ, какихъ придерживались сванетскіе морвары. Эти доказательства были тѣ самыя, какія мы встрѣчаемъ во всякомъ слабо развитомъ еще правѣ. Говоря это, я хочу сказать прежде всего то, что письменные документы совершенно не были извѣстны, а свидѣтельскія показанія играли сравнительно второстепенную роль; главнымъ же средствомъ установленія судебной достовѣрности была присяга и соприсяга. Убѣдиться въ этомъ легко, напримѣръ, изъ слѣдующихъ ответовъ на поставленные мною вопросы: предположите, говорилъ я разспрашиваемымъ мною старикамъ, что родственники мои, счесть двѣнадцать, въ одно слово показываютъ, что я невиненъ въ томъ убійствѣ, какое приписываетъ мнѣ истецъ; послѣдній же, въ подтвержденіе своего обвиненія, приводитъ трехъ свидѣтелей, говорящихъ, что они были очевидцами убійства, и что оно сдѣлано мною. Какой приговоръ въ этомъ случаѣ постановили бы ваши морвары, оправдательный или обвинительный? На этотъ вопросъ всюду слѣдовалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: оправдали бы, такъ какъ противъ присяги родственниковъ безсильны показанія постороннихъ лицъ. А если такъ, то очевидно, что въ ряду доказательствъ свидѣтельскія показанія далеко не стоятъ у сванетовъ на первомъ планѣ. Но этого мало. Сванеты строго различаютъ еще — подкрѣпилъ ли свидѣтель свое показаніе присягой, и какой именно. Безъ присяги показаніе лишено всякаго значенія; много значить также, гдѣ принесена присяга: данная въ одномъ храмѣ и на одномъ образѣ считается дѣйствительнѣе другой и т. п. Что это значить въ концѣ концовъ, какъ не то, что свидѣтельское показаніе имѣеть силу на столько, на сколько оно въ то же время является присягой, иначе го-

воря, что само по себѣ оно не имѣетъ силы. Кто не знакомъ съ особенностями древнѣйшаго процесса и съ вызвавшими ихъ причинами, тотъ въ недоумѣніи остановится передъ фактомъ слабого развитія у сванетовъ института свидѣтелей; но кому извѣстны однохарактерныя явленія не только въ процесѣ другихъ горскихъ народностей Кавказа, напримѣръ, осетинъ, но и въ старинномъ германскомъ, въ частности бургундскомъ правѣ, тотъ необходимо задумается о томъ, возможно ли въ самомъ дѣлѣ существованіе свидѣтельскаго показанія, какъ самостоятельнаго вида доказательствъ, въ правѣ народа, придерживающагося началъ родоваго самосуда, неминуемо постигающаго каждый, кто причинилъ роду матеріальный вредъ, хотя бы способомъ его причиненія и было свидѣтельствованіе на судѣ. Не даромъ же у нѣкоторыхъ племенъ показанія, неблагопріятныя обвиняемому, дѣлаются суду не иначе, какъ подъ условіемъ сохранить въ тайнѣ имя дѣлающаго ихъ лица, и нѣкоторые древніе своды, въ томъ числѣ индусскія учрежденія и народы считаютъ возможнымъ назвать свидѣтелей «шпіонами» — такъ опасно и презрѣнно въ то же время, по ихъ представленіямъ, дѣлаемое ими дѣло.

Постановляя свои рѣшенія на основаніи присяги выбравшей ихъ стороны, всего чаще, впрочемъ, отвѣтника, сванетскіе морвары никогда не довольствовались, однако, ею одною, но требовали еще, чтобы показанія присягающаго были подтверждены, также подъ присягою, его родственниками, въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по важности дѣла. Эти соприсяжники, вполне отвѣчающіе по своему характеру «conjuratores» варварскихъ правъ, «очистникамъ и поротникамъ» славянскихъ источниковъ, будучи родственниками и, во всякомъ случаѣ, лицами, близкими ставившей ихъ сторонѣ, въ то же время отнюдь не должны были принадлежать къ числу тѣхъ, кто жилъ съ нею въ одномъ дворѣ. Названіе имъ «мегнемари». Въ дѣлахъ объ убійствѣ обвиняемый обыкновенно ставилъ двѣнадцать человѣкъ, которые вмѣстѣ съ нимъ должны были принести очистительную присягу. При обвиненіи въ увѣчьяхъ или воровствѣ число мегнемари было на половину меньше. Оно падало иногда до четырехъ человѣкъ и даже до двухъ. Присяга сторонъ и ихъ ме-

гнемари имѣла характеръ символическаго дѣйствія, соединеннаго съ произнесеніемъ извѣстныхъ сакраментальныхъ словъ. Дѣйствіе состояло въ прикосновеніи рукою къ образу или только въ томъ, что присягающій держалъ свою руку надъ водою, которой былъ обмытъ этотъ образъ. Послѣдняго порядка держались въ калъскомъ обществѣ. Такъ какъ икону св. Квирика и Эвлиты запрещено было выносить изъ посвященнаго имъ храма, «Шаліана», и присягавшіе изъ суевѣрія не всегда рѣшались входить въ него, то приходилось довольствоваться при совершеніи обряда водою, въ которую предварительно опущенъ былъ самый образъ ¹⁾. Въ прежнее время, по словамъ полковника Бартоломея, присягавшій, входя въ церковь, бросалъ въ образъ пулю и говорилъ при этомъ: если я скажу неправду, да поразитъ меня эта пуля; а пошь, т. е. мѣстный, не посвященный епископомъ, священникъ, для усиленія присяги, бросалъ пулю назадъ въ присягавшаго ²⁾. Въ настоящее время считаютъ возможнымъ ограничиться произнесеніемъ сакраментальныхъ словъ въ родѣ слѣдующихъ: «если я говорю неправду, то доколѣ не зарѣжу столько бѣлыхъ быковъ, сколько листьевъ на землѣ, да не будетъ мнѣ спасенія». По своей силѣ сванеты различаютъ присягу, приносимую надъ мѣстной иконой, отъ той, кака я приносится въ Шаліанѣ и нѣкоторыхъ другихъ, особенно любимыхъ народомъ, храмахъ. Самая страшная присяга та, которая дается въ бывшемъ монастырѣ Квирика и Эвлиты. Сванеты увѣрены въ томъ, что въ этомъ случаѣ показавшаго неправду непременно постигнетъ на разстояніи не болѣе года тяжкая болѣзнь или смерть. Не столь страшны клятвы, дѣлаемыя присягающими въ другихъ храмахъ; изъ нихъ страшнѣе другихъ та, которая приносится въ церкви Богородицы или такъ называемой Ламріа въ Ушкулахъ; за нею слѣдуетъ присяга въ церкви архангела Михаила (Микель Тарингалъ) въ Местіи, присяга въ Джиграки или церкви св. Георгія въ томъ же обществѣ, въ Гябрелѣ (церкви архангела Гавріила) и Мучкуилѣ (церкви апостоловъ въ Эцерахъ). Гораздо меньшее значеніе придаютъ сванеты присягамъ въ дру-

¹⁾ Бартоломей, стр. 315.

²⁾ Ibid.

гихъ церквахъ. Отъ судей зависѣло назначить ту или другую присягу. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, каковы всѣ дѣла объ убійствѣ, обыкновенно требовалось принести присягу въ Шалианѣ. Тотъ, кому положена была присяга, вмѣстѣ съ своими мегне-мари, — отправлялся въ Кальское общество, которое, получивъ отъ него предварительно быка или другую скотину, разрѣшало ему идти въ храмъ Квирика и принести тамъ присягу. Ушкульцы, повидимому, также требовали извѣстныхъ приношеній отъ лицъ, приносившихъ присягу въ ихъ церкви. Въ другихъ обществахъ принесеніе присяги не сопровождалось, повидимому, никакими поборами. Присяга съ характеромъ описаннаго нами символическаго обряда — единственный уцѣлѣвшій между сванетами видъ судебныхъ испытаній или ордалій. Раннее распространеніе христіанства и вражда его къ языческому по своей природѣ поединку, а также къ испытаніямъ костромъ и водою — вѣроятная причина тому, что у сванетовъ не сохранилось даже памяти о нихъ. Другое дѣло испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, о которомъ говорить еще уложеніе грузинскаго царя Вахтанга, составленное между 1703—9-мъ годовъ. Этотъ видъ ордалій, извѣстный у грузинъ подъ наименованіемъ «шанти», никогда не былъ прижменяемъ въ самой Сванетіи, но ея старики слышали, какъ говорятъ, отъ своихъ отцовъ, что многихъ преступниковъ въ старые годы посылали изъ Сванетіи въ Лечхумскій уѣздъ, гдѣ (сказаній весьма различны на этотъ счетъ) не то въ Цагерахъ, не то въ Ахалгалахъ, одни говорятъ въ церкви, другіе у кузнеца, третьи у князя Фарнаоза Гелоани, хранился четырехугольный кусокъ желѣза, длиною въ четверть аршина, легко обхватываемый рукою. Желѣзо это раскаляли до огня и, положивъ подъ него бумагу, клали на руку испытываемаго, который обязанъ былъ сдѣлать съ нимъ три шага. Если послѣ испытанія рука оказывалась не поврежденной, подвергшійся ему признаваемъ былъ невиновнымъ и наоборотъ. Представленіе о дѣлѣ, съ которой производимо было испытаніе, на столько изгладилось изъ памяти сванетовъ, что въ нѣкоторыхъ обществахъ мнѣ приходилось даже слышать, что невинность испытываемаго считалась установленной не въ томъ случаѣ, если на рукѣ его не оказывалось обжоговъ, а въ томъ, когда на бумажкѣ, подложен-

пой подь желѣзо, явственно можно было прочесть написанныя на ней слова: «самъ, Господи, покажи правъ я или неправъ». Вотъ въ какомъ искаженномъ видѣ доходятъ до насъ нерѣдко факты, сравнительно, недавняго прошлаго.

Характерной чертою современнаго права является, какъ извѣстно, строго проводимая имъ граница между гражданской отвѣтственностью и уголовной вмѣняемостью. Злой умыселъ признается вышѣ необходимымъ элементомъ преступленія; гдѣ его нѣтъ, тамъ можетъ быть рѣчь лишь о вознагражденіи вреда и убытковъ. Другими словами, объ отвѣтственности гражданской; вотъ почему непреднамѣренное дѣяніе, хотя бы послѣдствіемъ его и была смерть, не считается за убійство и, наоборотъ, неудачное покушеніе, разъ оно совершено съ годными средствами, подлежитъ уголовному возмездію. Въ младенческомъ состояніи права обо всѣхъ этихъ различіяхъ нѣтъ и помину. Въ каждомъ дѣяніи преслѣдуется причиненный имъ матеріальный вредъ, все равно—будетъ ли онъ совершенъ сознательно или безсознательно, отвѣтственнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ лицомъ, или животнымъ и растеніемъ, одухотворяемымъ фантазіей древняго человѣка. Отсюда возможность суда надъ воломъ, причинившемъ случайно чью либо смерть, или надъ деревомъ, раздавившемъ подь собою прохожаго, возможность, о которой одинаково говорятъ намъ еврейское, индусское, греческое и англо-саксонское право. На дальнѣйшей стадіи развитія, человѣкъ, не переставая преслѣдовать по прежнему одинъ матеріальный вредъ, причиненный ему чужими дѣяніями, не отличая поэтому случайнаго отъ преднамѣреннаго, въ то же время переноситъ отвѣтственность съ животнаго на его хозяина и съ своимъ требованіемъ о возмѣщеніи убытковъ обращается непосредственно къ послѣднему. Въ этомъ періодѣ развитія мы застаемъ нѣкоторыя горскія народности Кавказа, въ томъ числѣ осетинъ, посредническіе суды которыхъ еще недавно карали хозяина скотины за случайно причиненную ею смерть. Стоило камню, задѣтому ногою вола или коровы, упасть на голову прохожаго, и родъ послѣдняго считалъ себя въ правѣ требовать отъ хозяина животнаго уплаты ему виры подь угрозою кровомщенія. Тѣ же послѣдствія имѣли мѣсто, если ветхій домъ обрушивался на чью либо голову, при-

чиняя увѣче или смерть; отвѣтственность въ этомъ случаѣ падала на хозяина дома.

Спрашивается теперь, стоять ли сванеты въ этомъ отноше-
ніи на той же ступени развитія, что и осетины, или ихъ праву
не чуждо ужъ понятіе о томъ, что для отвѣтственности дѣй-
ствій необходимо совершеніе его отвѣтственнымъ субъектомъ,
что такимъ можетъ считаться только человѣкъ, что поэтому
всякій вредъ, причиненный не человѣкомъ, а, напримѣръ, до-
машней скотиной, можетъ вызвать развѣ вопросъ о небрежно-
сти хозяина въ уходѣ за нею, и отнюдь не сдѣлаться поводомъ
къ кровомщенію или къ требованію вирь, штрафовъ? На этотъ
вопросъ мнѣ пришлось слышать рѣзко противоположные от-
вѣты. Въ Княжеской Сванетіи старики не только отрицали су-
ществованіе такой отвѣтственности хозяина за животное, но
даже высказывали сомнѣніе въ томъ, чтобы оно вообще гдѣ
либо было возможно. Въ Вольной, наоборотъ, приходилось слы-
шать, что въ старые годы убійства, причиненныя животнымъ
давали поводъ къ взысканію съ хозяина платы за кровь или
цора, если не въ полномъ, то въ половинномъ размѣрѣ. Рѣ-
шительное подтвержденіе послѣднему взгляду, прямое доказа-
тельство тому, что народные обычаи сванетовъ признаютъ че-
ловѣка отвѣтственнымъ за матеріальный вредъ, причиненный
его вещью, помимо его вѣдома, мы находимъ, какъ въ удер-
жавшемся доселѣ обычаѣ отбирать въ пользу семьи потерпѣв-
шаго оружіе, причинившее ему смерть, хотя бы собственни-
комъ его и не былъ убійца, а также и въ уже рассказанномъ
мною преданіи объ убійствѣ Шуты Дадешкеліани возставшими
противъ него ушкульцами. Что дѣлаютъ послѣдніе для отвра-
щенія отъ себя кровомщенія? Они стрѣляютъ въ Шуту изъ цер-
ковнаго окна и церковнымъ ружьемъ, чтобы тѣмъ самымъ на-
править месть его рода на церковь и устраниваться лично отъ
отвѣтственности. Очевидно, что побуждающимъ мотивомъ къ
тому является представленіе, что хозяинъ вещи необходимо не-
сетъ кару за причиненное ею дѣйствіе; въ данномъ случаѣ та-
кимъ хозяиномъ является церковь, съ которой, очевидно, не
легко взыскать цоръ, почему и выгодно направить на нее месть
враждебнаго ушкульцамъ рода. Причина, по которой въ Кня-

жеской Сванетин не сохранилось даже памяти о возможности кровнаго возмездія хозяину той вещи, отъ которой послѣдовала смерть или увѣче. лежить, какъ мнѣ кажется, въ томъ ко-свенномъ вліяніи, какое имѣли князья на измѣненіе народныхъ обычаевъ. Если Дадешкелиани, по крайней мѣрѣ въ Эдерахъ. удалось пресѣчь практику женскаго дѣтоубійства, то я не вижу причинъ, по которымъ они не могли бы внести и въ другія стороны права болѣе рacionales воззрѣнія, проникавшія къ нимъ изъ Мингреліи и Грузіи, съ высшимъ сословіемъ которыхъ они такъ часто вступали въ брачныя связи.

Отмѣченное нами различіе между уголовными обычаями Княжеской и Вольной Сванетин снова выступаетъ по вопросу о наказуемости или ненаказуемости дѣйствій, происшедшихъ помимо злой воли совершившаго ихъ лица. Въ Вольной Сванетин случайное убійство или раненіе, какъ общее правило, ведетъ за собою уплату всего или части цора, въ Княжеской оно остается безъ послѣдствій.

Что касается до покушенія, то, какъ общее правило, оно относится во всей Сванетин къ числу безразличныхъ дѣйствій. Самое большее, если виновнаго въ немъ заставить сдѣлать угощеніе всей семьѣ того лица, противъ котораго оно было направлено. Любопытно при этомъ, однако, слѣдующее исключеніе. Изъ общаго правила о ненаказуемости покушеній, въ Ушкуль дѣлается изъятіе для случая, когда выстрѣлъ, сдѣланный въ кого либо изъ ружья, сопровождался осѣчкой. Въ этомъ случаѣ съ виновнаго, какъ ни покажется это страннымъ, взимается плата за кровь. Другое дѣло, если выстрѣлъ воспослѣдовалъ, и тотъ, въ кого онъ, былъ сдѣланъ, не потерялъ раненія. Въ этомъ случаѣ о цорѣ нѣтъ и помину. Какъ примирить такое явное, повидимому, противорѣчіе? Очень просто:— тѣмъ, что ушкульцы недопускаютъ возможности иного промаха, кромѣ добровольнаго. Не попавшій въ противника, въ ихъ глазахъ не имѣлъ намѣренія убить его, а только испугать; напротивъ того, при осѣчкѣ возможно предположеніе, что убійство и раненіе не имѣло мѣста только по ея причинѣ. Во всякомъ случаѣ изъ упомянутой нами особенности ушкульскихъ обычаевъ слѣдуетъ только подтвержденіе мысли, впервые высказан-

ной еще Бартоломеемъ, что въ ряду другихъ сванетскихъ обществъ это послѣднее занимаетъ особое мѣсто. Населенное, какъ замѣтилъ уже Бартоломей, выходцами изъ Имеретіи, общество это во многомъ отличается отъ остальныхъ: и говоромъ своихъ жителей, ближе напоминающемъ мингрельскій, и костюмомъ, очень сходнымъ съ грузинскимъ, и сравнительной мягкостью нравовъ, всегда мѣшавшей имъ убивать своихъ новорожденныхъ не только мужскаго, но и женскаго пола ¹⁾. Не удивительно поэтому, если въ Ушкулахъ, подъ вліяніемъ грузинскаго законодательства, могли выработаться нѣкоторые взгляды, неблагоприятные ходячей практикѣ возмездія за одинъ матеріальный вредъ; не удивительно, если умыселъ, хотя и не сопровождавшійся причиненіемъ фактическихъ поврежденій, но опредѣленно выразившійся въ зломъ дѣяніи, признанъ былъ у нихъ достаточнымъ основаніемъ къ наказуемости.

Преслѣдованіе въ преступленіи одного матеріальнаго вреда причина тому, что сванетамъ неизвѣстно то, что на языкѣ современныхъ криминалистовъ слыветъ подъ наименованіемъ увеличивающихъ или уменьшающихъ вину обстоятельствъ. Будетъ ли убійство сдѣлано изъ засады или причинено къмъ либо въ дракъ, виновный и его родственникъ одинаково присуждаются къ уплатѣ «цора» — въ полномъ его размѣрѣ. Изъ этого правила сванеты знаютъ только одно исключеніе, неизвѣстное сосѣднимъ съ ними осетинамъ: я разумѣю убійство мужемъ любовника жены, застигнутого имъ *in flagrante*. Тогда какъ осетины и въ этомъ случаѣ требуютъ отъ виновника убійства полной платы за кровь, сванеты допускаютъ нѣкоторую скидку. Исключеніе, о которомъ идетъ рѣчь, впрочемъ легко можетъ оказаться не болѣе, какъ видимымъ. Дѣло въ томъ, что обычаи сванетовъ очень строго караютъ случаи насильственнаго вхожденія кого либо въ чужое жилище. Кто врывается въ чужой домъ платитъ двѣнадцать адышей ²⁾, т. е. семьдесятъ два рубля. Виновный въ прелюбодѣяніи очевидно прежде всего виновенъ въ томъ, что проникъ безъ вѣдома хозяина въ его

1) Повздикъ въ Вольную Сванетію, стр. 210.

2) Адышь — шесть рублей.

домъ. Вычитая падающую на него за то пеню изъ общей суммы цора, мы приблизительно получаемъ ту часть послѣдняго, которую несетъ убійца женинаго любовника ¹⁾). Нельзя также считать доказательствомъ признанія сванетами увеличивающихъ вину обстоятельствъ въ томъ фактѣ, что съ человѣка, вломившагося въ чужой домъ и уинившаго въ немъ убійство, сверхъ цора взыскивается еще двѣнадцать аццшей, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя преступленіями, совершенными однимъ и тѣмъ же лицомъ, который затѣмъ и призывается отвѣчать за оба вмѣстѣ.

Преслѣдованіе въ преступленіи одного матеріальнаго вреда дѣлаеть возможнымъ для сванетовъ ограниченіе сферы наказуемыхъ дѣйствій тѣми, въ которыхъ ущербъ на самомъ дѣлѣ былъ нанесенъ. Вотъ почему согласно сванетскимъ обычаямъ не подлежатъ наказанію всякаго рода словесныя обиды, какъ не сопровождающіяся матеріальнымъ вредомъ, а также всѣ случаи воровства, оканчивающіеся нахожденіемъ украденной вещи. Вернувши похищенное, воръ освобождается у сванетовъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности.

Если съ одной стороны сфера преступныхъ дѣяній терпитъ у сванетовъ сказанное ограниченіе, то, съ другой, суевѣрія народа заставляютъ расширить ее на цѣлый рядъ дѣяній, съ нашей точки зрѣнія безразличныхъ. Сванеты вѣрятъ въ дѣйствіе чаръ и всякаго рода заклинаній. Изъ недавней еще практики ихъ посредническихъ судовъ можно привести случай присужденія одной женщины чубиховскаго общества къ уплатѣ ста двадцати рублей за изготовленіе зелья, яко-бы лишившаго истца возможности дальнѣйшаго coitus.

При отсутствіи начала публичнаго возмездія, при воззрѣніи на преступленіе, какъ на матеріальный вредъ, наносимый однимъ дворомъ другому и возмѣщаемый производимыми ему платежами, —неудивительно, если только тѣ преступныя дѣйствія вызываютъ собою кровомщеніе, которыя совершаются членами одного двора по отношенію къ членамъ другаго; неудивительно,

---

¹⁾ Въ местійскомъ обществѣ, въ которомъ собраны были мною эти свѣдѣнія, обыкновенный размѣръ цора дѣвсти пятьдесятъ рублей.

если отец - или матери - убійство, какъ и убійство отцомъ его сына или дочери, не влекутъ за собою уплаты цора, и если, съ другой стороны, убійство дяди по матери, живущаго своимъ дворомъ, необходимо вызываетъ такой платежъ. Если не имѣть въ виду этого чисто - материалистическаго воззрѣнія на преступленіе, если упустить изъ виду, что при наказаніи имѣется въ виду не возстановленіе нарушеннаго права и еще менѣе устрашеніе или исправленіе преступника, а просто на просто возмѣщеніе матеріальнаго вреда, причиненнаго однимъ дворомъ другому, — то трудно понять, какимъ образомъ отцеубійца продолжаетъ мирно жить въ средѣ своихъ родственниковъ, отличаясь отъ другихъ только носимой имъ черезъ плечо повязкой изъ круглыхъ камней или такъ - называемой «кка», тогда какъ всякаго, кто убьетъ чужеродца или даже однофамильца, живущаго отдѣльнымъ дворомъ, неизбѣжно постигаетъ месть, отъ которой онъ не иначе можетъ избавиться, какъ уплативши «цоръ» или полную плату за кровь.

Переходя къ системѣ наказаній у сванетовъ, поражаемся ихъ крайней скудостью. Единственный видъ ихъ составляютъ платежи натурой: землей, скотомъ, оружіемъ, рѣдко когда деньгами, которыми чаще всего только вычисляется размѣръ платежа. О лишеніи жизни или свободы, а также о разныхъ видахъ членовредительства сванеты не имѣютъ и понятія. Встрѣчались правда случаи побіенія камнями кровомѣсителей и притомъ всенародно; приводятъ также примѣры разграбленія жилища и избіенія всей семьи лица, виновнаго въ святотатствѣ или кражѣ въ храмѣ; но въ этихъ единичныхъ случаяхъ такъ же трудно видѣть примѣненіе народнаго обычая, какъ и въ фактахъ убійства родственникомъ лицъ, совращенныхъ въ магометанство. Приписывая наступленіе извѣстныхъ народныхъ бѣдствій, положимъ неурожаевъ и голодовокъ, присутствію въ ихъ средѣ лицъ, оскорбляющихъ Бога своими дѣйствіями, народъ въ гнѣвѣ обращался къ ихъ истребленію, прибѣгая при этомъ къ освященному еще библіей способу; точно также поступали и родственники, спѣшившіе изъять изъ своей среды челоуѣка, присутствие котораго можетъ навлечь на нихъ гнѣвъ Божій. О выполненіи всѣмъ народомъ или всею роднею даннаго лица предписуемыхъ обычаемъ карательныхъ

мѣръ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи. Размѣръ платежей, производимыхъ преступникомъ или его роднею, живущею съ нимъ въ одномъ дворѣ, зависитъ отъ важности причиненнаго преступленіемъ вреда: важнѣйшимъ признается, разумѣется, лишеніе жизни. Плата за кровь или такъ-называемый цоръ въ княжеской Сванетіи достигалъ слѣдующихъ размѣровъ. Убийца и его дворъ обязаны были отдать двору убитаго тринадцать цхвадышей земли или, что то же, шесть съ половиною грузинскихъ кцевъ, иначе говоря безъ малаго двѣ десятины ¹⁾; кромѣ того дворъ убійцы обязанъ былъ одарить скотомъ всѣхъ и cadaго изъ лицъ, жившихъ совместно съ убитымъ, давая одному вола, другому лошадь, третьему барана, смотря по близости его родства съ покойникомъ. Таковъ былъ обычный размѣръ въ эцескомъ обществѣ. Величина его была въ два раза меньше въ Бечо: уступаемая дворомъ убійцы земля считалась здѣсь не цхвадышами, а налжомами, числомъ двѣнадцать, что, считая каждый налжомъ въ половину меньше противъ цхвадыша, даетъ не болѣе трехъ кцевъ земли или менѣе одной десятины. Въ вольной Сванетіи плата за кровь была приблизительно та же, что и въ Бечо. Въ местійскомъ обществѣ мнѣ говорили объ уступкѣ роду убитаго не менѣе двѣнадцати налжомовъ, не считая скота, раздариваемаго родственникамъ. Въ Ипарі оцѣнивали мнѣ имущественный ущербъ, причиняемый двору уплатой цора, приблизительно въ тысячу рублей, чего, разумѣется, достигаетъ онъ и въ упомянутыхъ уже мною обществахъ, такъ какъ цѣнность десятины земли вмѣстѣ съ цѣнностью раздариваемаго скота близко подходятъ въ нихъ къ этой цифрѣ. Какъ уже было сказано, въ составъ уступаемаго роду убитаго имущества однообразно входило и то оружіе, которымъ совершено было убійство. Съ уплатой цора соединялось обязательное угощеніе всѣхъ родственниковъ убитаго, на что въ свою очередь затрачивалось не мало. Если дворъ, на который падала уплата цора, не былъ въ состояніи исполнить всѣхъ требованій, предъявленныхъ ему въ этомъ отношеніи медиаторами, то дворъ убитаго считалъ себя въ правѣ продолжить кровомщеніе. Нерѣдко,

1) Въ грузинской кцевъ два цхвадыша, а въ каждомъ изъ послѣднихъ триста шестьдесятъ четыре квадратныхъ сажень.

впрочемъ, однофамильцы и изъ другихъ дворовъ приходили на помощь тѣмъ кто обязанъ былъ уплатить цоръ. Еще чаще оказавшаяся несостоятельной семья отдавала себя въ холопы той, которая имѣла право на платежъ. Въ числѣ тѣхъ «моджолобовъ» или домашнихъ слугъ, которые въ 69-мъ году были отпущены на волю русскимъ правительствомъ безъ всякаго вознагражденія ихъ собственникамъ, нѣкоторое число были потомками такихъ добровольно закабалившихъ себя семей.

Размѣръ цора служить масштабомъ, по которому вычисляется величина платежей, производимыхъ въ случаяхъ увѣчій, раненій, а также въ случаяхъ нарушенія женщиной ея супружеской вѣрности. Самымъ тяжкимъ видомъ увѣчій считалась кастрація, за которую въ однихъ обществахъ взимали полный размѣръ цора, а въ другихъ не менѣе половины его. За отрѣзаніе уха, носа и выколъ глаза взыскивалась треть цора и приблизительно то же или нѣсколько менѣе за отсѣченіе руки или ноги. Что касается до раненій, то тяжкимъ признавалось то, которое причинено было выстрѣломъ изъ ружья, легкимъ:—ударъ кинжаломъ или шашкой. Въ случаѣ черепныхъ или лицевыхъ ранъ обычнымъ размѣромъ вознагражденія была половина цора. Издержки лѣченія и содержанія во время болѣзни падали на дворъ виновнаго.

Взысканія за побои были сравнительно незначительны: одинъ, много два цквадыша, т.-е. шесть или двѣнадцать рублей.

Изъ преступленій, направленныхъ противъ нравственности, наказуемымъ считались прелюбодѣянiе, изнасилованіе и насильственное сожительство съ женщиной. Что касается перваго, то мужъ вправѣ былъ прогнать невѣрную супругу, получая обратно уплаченный имъ калымъ или «начулашъ»; сверхъ того онъ имѣлъ право на половину платы за кровь за нанесенное ему безчестье. Сванеты не дѣлаютъ различія между изнасилованіемъ и растлѣніемъ. И то, и другое одинаково ведутъ за собою платежъ скотомъ цѣнностью въ пятьдесятъ азышей или триста рублей серебромъ, т.-е. отъ одной трети до половины платы за кровь. Кровосмѣшеніе принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ явленій въ бытѣ сванетовъ; о противуестественныхъ порокахъ у нихъ нѣтъ и помину, такъ что на всѣ мои распросы на этотъ счетъ они отвѣчали повсюду рѣшительнымъ отричаніемъ.

Изъ другихъ видовъ насильственныхъ дѣйствій, направленныхъ къ чьему либо вреду, сванеты различаютъ насильственное вторженіе въ чужое жилище, караемое ими штрафомъ въ 12 азышей (72 руб.), и лишеніе свободы, за что полагается платежъ величиною отъ 10 до 20 азышей, т. е. въ 60—120 руб.

Переходя къ преступленіямъ противъ собственности, мы должны повторить уже сказанное. Обыкновенное воровство не имѣло у сванетовъ иного послѣдствія кромѣ возвращенія украденнаго или стоимости его. Въ одной лишь княжеской Сванетіи правители видѣли въ немъ основаніе къ взиманію штрафовъ въ свою пользу. Только въ томъ случаѣ, если воровство связано съ насильственнымъ вторженіемъ въ чужой домъ, оно сопровождается платежемъ 12 азышей. Тѣхъ различій между простымъ воровствомъ, разбоемъ и грабежемъ, какія проводятся нашимъ законодательствомъ, сванеты не знаютъ. Воровство на большой дорогѣ считается ими менѣе тяжкимъ, чѣмъ воровство, сдѣланное изъ жилища. Особенно тяжкой признается кража спускающейся къ очагу цѣпи, того желѣзнаго четырехножника, на которомъ печется хлѣбъ. Кромѣ воровства сванеты, подобно осетинамъ, преслѣдуютъ въ ней еще оскорбленіе чести семьи. Размѣръ взысканія доходитъ въ этомъ случаѣ до двадцати азышей (120 руб.).

Заканчивая этимъ очеркъ уголовныхъ обычаевъ сванетовъ, я считаю нужнымъ замѣтить, что непризнаніе ихъ русскими судами, постановляющими наказаніе по XV тому, причина тому, что представленіе о нихъ все болѣе и болѣе изглаживается изъ народной памяти, такъ что распрашиваемыя мною лица нерѣдко затруднялись въ своихъ отвѣтахъ и сколько нибудь точныя данныя можно было получить отъ однихъ стариковъ. Русское уголовное правосудіе повидимому не вполне удовлетворяетъ сванетовъ. И это неудивительно. На той стадіи развитія, какой достигло ихъ юридическое сознаніе, немудрено, если ссылка въ каторжныя работы (хотя бы и безъ срока) считается не достаточнымъ возмездіемъ тому, кто по обычаю долженъ или подвергнуться смерти, или выкупить свою жизнь у родственниковъ убитаго. Послѣдніе все еще считаютъ для себя позорнымъ оставленіе убійства безъ отмщенія, и нѣтъ ничего удивительнаго,

если администрація, въ интересахъ общаго мира и спокойствіи, обращается нерѣдко, не ожидая приговора, къ назначенію посредниковъ, которые и опредѣляютъ размѣръ того частнаго вознагражденія, какой потерпѣвшая сторона должна получить отъ двора убійцы. Этимъ путемъ, заслуживающимъ, какъ я полагаю, полнаго одобренія, междоусобія потухаютъ нерѣдко въ самомъ ихъ зародышѣ и дѣлается неммыслимымъ повтореніе того хорошо-извѣстнаго на Кавказѣ случая, когда сынъ убитаго послѣдовалъ за убійцей въ каторгу за тѣмъ, чтобы исполнить долгъ кровомщенія и заколотъ его кинжаломъ.

Обращаюсь теперь къ разсмотрѣнію гражданскаго права сванетовъ и прежде всего той части его, которая имѣетъ отношеніе къ браку и порождаемому имъ семейному союзу.

Брачное право сванетовъ составляетъ несомнѣнно ту сторону ихъ быта, которая лучше другихъ извѣстна изъ описаній путешественниковъ. Не все сказанное ими на этотъ счетъ заслуживаетъ впрочемъ одинаковаго довѣрія. Такъ напр. извѣстіе г. Стоянова о томъ, что «сванеты-христіане имѣли по двѣ и по три жены, и что старшею изъ нихъ считалась та, которая больше нравилась мужу», не находитъ себѣ подтвержденія въ тѣхъ показаніяхъ, какія сдѣланы были мнѣ стариками, и я не иначе могу объяснить себѣ происхожденіе вышеприведеннаго мѣста, какъ полнымъ смѣшеніемъ понятій законной жены и конкубины (девятъ). Юридическое положеніе жены и любовницы однако совершенно различно. Конкубина, подобно осетинской номулусъ, не считается хозяйкой въ домѣ и ежечасно можетъ быть прогнана изъ него съ смертію сожителствующаго съ нею лица; ни сама она, ни ея дѣти ничего не наследуютъ. Положеніе конкубины такимъ образомъ можетъ быть названо вполнѣ безправнымъ, *justae purtiae* также необходимы въ Сванетіи для того, чтобы женщина была законной женою, какъ и въ древнемъ Римѣ. Будетъ ли невѣста похищена женихомъ у родителей, или приобрѣтена у нихъ покупкой, она становится женой не ранѣе, какъ послѣ вѣнчанія и свадьбы.

Браки заключаются обыкновенно еще въ младенческомъ возрастѣ. Имъ, какъ общее правило, предшествуетъ обрученіе. Оно представляетъ собою родъ гражданской сдѣлки, въ силу

которой одна семья принимаетъ обязательство женить сына на новорожденной или имѣющей родиться дочери другой семьи. Обязательство это скрѣпляется уплатой задатка; названіе ему *накданури*. Состоитъ онъ обыкновенно изъ одного или двухъ барановъ цѣною не свыше десяти рублей; въ томъ случаѣ, однако, если вопросъ идетъ о заключеніи вторичнаго брака, родители невѣсты берутъ задатокъ въ два или три раза большій. Невыполненіе заключеннаго условія считается оскорбленіемъ для цѣлаго рода и даетъ право на мечь. Мести впрочемъ обыкновенно избѣгали, благодаря посредничеству медиаторовъ, опредѣлявшихъ размѣръ вознагражденія, какой должна была уплатить неисполнившая обѣщанія семья. До 1885-го года вѣнчанію предшествовала уплата женихомъ и его семьею всего или части платежа за невѣсту. Сванеты называютъ его начулашь. Въ 1885-мъ году, при ближайшемъ участіи пристава въ Бечо, состоялся общественный приговоръ, отмѣняющій этотъ платежъ. Это разумѣется нимало не препятствуетъ производству его и нынѣ при обоюдномъ желаніи сторонъ. Въ отличіе отъ народовъ сѣвернаго Кавказа, въ томъ числѣ и Кабардинцевъ, которые обыкновенно складываются между собою съ цѣлью помочь жениху въ платежъ калыма, сванеты требуютъ, чтобы «начулашь» всецѣло былъ внесенъ самимъ женихомъ или его родителями. Низкій сравнительно размѣръ его (двѣсти рублей для простонародія, триста для азнауровъ) дѣлаетъ возможнымъ обойтись при его уплатѣ и безъ содѣйствія родни или односельцевъ. Начулашь рѣдко когда взносится деньгами, всего чаще скотомъ. Величина его часто зависитъ отъ того, принадлежитъ-ли невѣста къ одному селенію съ женихомъ или нѣтъ; въ первомъ случаѣ онъ обыкновенно на половину меньше. Чтобы избѣжать уплаты начулаша сванеты, въ отличіе отъ другихъ горцевъ, рѣдко прибѣгаютъ къ симулированному похищенію невѣсты, по всей вѣроятности потому, что уводъ дѣвушекъ согласно обычаю налагаетъ на виновнаго обязанность вознаградить родителей ея за безчестіе уплатой половины цора или платы за кровь. Платежъ этотъ не устраняетъ для жениха необходимости внести полностью и весь начулашь. Такимъ образомъ похитителю невѣста обходится въ нѣсколько разъ дороже, чѣмъ лицу,

получившему ее изъ рукъ родителей. Къ умычкѣ или такъ-называемой «лицхупа» сванетъ обращается поэтому лишь тогда, когда не имѣеть возможности заключить бракъ инымъ путемъ въ виду рѣшительнаго сопротивленія родителей невѣсты. Дѣвушка обыкновенно заранѣе знаетъ объ уводѣ и даетъ на него свое согласіе. Случаевъ, когда бы у похитителя отобрана была уведенная имъ дѣвушка, сванеты не помнятъ. Похищенная, какъ общее правило, становится женою похитителя. Если въ наше время уводъ невѣсты составляетъ въ Сванетіи далеко не обычное явленіе, то не такъ было десятки лѣтъ назадъ. Правда въ княжеской Сванетіи семьѣ Дадешкеліани и до русскаго владычества удалось сократить значительно число уводовъ, благодаря установленному ими порядку штрафованія виновныхъ ¹⁾. За то въ вольной, при неограниченномъ господствѣ самосуда, обычай «умыкать» невѣсты не изъ однихъ лишь сосѣднихъ ауловъ, но также изъ Лечхума, Рачи и Осетіи, былъ весьма распространенъ.

Ближайшей причиной тому была долго-державшаяся въ Сванетіи практика убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, оставляя въ живыхъ однихъ только мальчиковъ. Сами сванеты довольно ясно сознають ту тѣсную связь, въ которой оба обычая—похищеніе невѣсты и женское дѣтоубійство—стоятъ между собою. Въ Бальскомъ обществѣ, говоритъ полковникъ Бартоломей, посѣтившій его въ лѣто 1854 года, жители показывали мнѣ дѣвочекъ, хвастаясь, что оставили ихъ живыми по совѣту пристава Микеладзе. Не будетъ надобности, присовокупляли они, нашимъ сыновьямъ покупать или красть себѣ женъ за горами ²⁾. Общераспространенность женскаго дѣтоубійства у разноплеменныхъ народовъ земнаго шара даетъ поводъ искать объясненіе ему въ какой нибудь общей причинѣ. Англійскіе этнографы съ Макъ-Ленаномъ во главѣ обыкновенно признають этой причиной неспособность дѣвушекъ служить ближайшей цѣли

¹⁾ Бакрадзе въ своемъ описаніи Сванетіи, составленномъ въ 1861 г., прямо утверждаетъ, что обычай убивать дѣвочекъ вывелся въ Княжеской Сванетіи, благодаря стараніямъ Дадешкеліани. (Записки Кавказ. Отд. Русск. Географ. Общ., 1861-го года, кн. VII, стр. 42).

²⁾ Записки Кавказ. Отдѣла Геогр. Общ., кн. III (1855 г.), стр. 160.

древнѣйшихъ сообществъ — внѣшней оборонѣ. Но если даже признать вѣрность этого соображенія, все же не слѣдуетъ упускать изъ виду и противоположныхъ мотивовъ, побуждающихъ каждое сообщество дорожить присутствіемъ въ его средѣ возможно-большаго числа дѣвушекъ. Мы не должны забывать, что женщина, особенно на низшихъ ступеняхъ развитія, является рабочей силою въ гораздо большей степени, чѣмъ мужчина, всецѣло поглощенный заботами о военной защитѣ; что по этой причинѣ она важнѣйшій видъ цѣнностей, что продажа ея въ чужой дворъ доставляетъ вскормившей ее семьѣ доходъ, не только окупающій, но и въ нѣсколько разъ превосходящій сдѣланныя на нее затраты; что она живая связь между семьями; что имѣть много дѣтей — лучшее средство породниться со многими дворами и приобрести въ нихъ поддержку и защиту противъ общихъ враговъ. Далекое не кажется намъ поэтому напередъ рѣшеннымъ вопросомъ о томъ, какіе мотивы, благопріятные или неблагопріятные оставленію въ живыхъ новорожденныхъ дѣвочекъ, окажутся преобладающими въ данномъ обществѣ, и прибѣгнетъ ли оно соотвѣтственно тому къ практикѣ женскаго дѣтоубійства, или наоборотъ воздержится отъ нея. Этимъ обстоятельствомъ я и объясняю себѣ причину, по которой убійство родителями младенцевъ женскаго пола далеко не является столь всеобщимъ, какимъ признавалъ его напримѣръ Мак-Ленанъ; почему, далѣе, оно нерѣдко встрѣчается бокъ-о-бокъ съ убійствомъ мальчиковъ и не какъ нѣчто прочно установленное обычаемъ, а какъ результатъ временнаго недостатка средствъ къ жизни. Такой именно характеръ носить оно въ средѣ горскихъ племенъ Кавказа и въ частности у южныхъ осетинъ или туальцевъ, у которыхъ, по показаніямъ ихъ духовниковъ, въ голодные годы и теперь можно встрѣтить случаи, когда родители оставляютъ безъ пищи своихъ новорожденныхъ, одинаково мальчиковъ и дѣвочекъ, чаще однако послѣднихъ. Сказаннымъ я хотѣлъ доказать только то, что ссылокъ на такъ-называемыя общія причины недостаточно для того, чтобы объяснить существованіе еще недавно въ Сванетіи обычая убивать дѣвочекъ при самомъ ихъ рожденіи, такъ какъ на ряду съ этими общими причинами имѣются и другія, дѣйствующія какъ - разъ въ

обратномъ направленіи. Вотъ почему при разспросѣ стариковъ я считалъ нужнымъ остановиться съ нѣкоторой подробностью на дѣтоубійствѣ и не разъ пытался добиться отъ нихъ самихъ объясненія, ближайшихъ причинъ этого явленія. Мотивы, приводимые ими, далеко не согласны съ тѣми, на какіе обыкновенно ссылаются этнографы. Въ княжеской Сванетіи и въ частности въ Бечойскомъ обществѣ право князей продавать крестьянскихъ дочерей въ рабство признаваемо было стариками ближайшей причиной, по которой родители предпочитали въ старые годы убивать своихъ новорожденныхъ. Къ чему же было вскармливать и воспитывать ихъ, говорили они мнѣ, когда князь вправѣ былъ ежечасно отнять ихъ у родныхъ, когда ожидавшая дѣвушку судьба было состояніе безправной рабыни—нерѣдко у невѣрныхъ по ту сторону горъ, у татаръ или кабардинцевъ? Вотъ объясненіе, надъ которымъ не задумывался пока ни одинъ этнографъ, и которое, какъ мнѣ кажется, приложимо къ быту не однихъ сванетовъ. Продажа взрослыхъ дѣвушекъ ихъ владѣльцами,—вѣроятный источникъ средневѣковаго *droit de mariage* или принудительной отдачи въ супружество феодальнымъ сеньоромъ—явленіе настолько распространенное въ эпоху рабства и крѣпостничества, что совершенно упускать его изъ виду при объясненіи такихъ обычаевъ, какъ женское дѣтоубійство, было бы большой ошибкой.

Тогда какъ въ княжеской Сванетіи лица, давашія мнѣ показанія, обыкновенно сваливали на князей отвѣтственность за господство вреднаго уже въ ихъ глазахъ обычая, въ вольной они въ оправданіе себя приводили бѣдность страны, ея неспособность доставить пропитаніе возростающему населенію и невозможность получать средства къ жизни извнѣ, благодаря отрѣзанности отъ прочаго міра въ теченіи цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ въ году, однимъ словомъ необходимость ограничить искусственными средствами естественный ростъ населенія. Трудно не согласиться съ этимъ мотивомъ, такъ какъ поверхностнаго даже знакомства съ физическими и климатическими условіями края достаточно для убѣжденія, что недостатокъ средствъ къ пропитанію — ближайшая причина, по которой сванеты считаютъ нужнымъ принимать мѣры къ ограниченію числа рожденій. Этимъ

недостаткомъ объясняется, почему они, какъ общее правило, предотвращаютъ самое появленіе на свѣтъ незаконнорожденныхъ съ помощью абортивныхъ средствъ. Въ немъ же лежитъ ключъ къ пониманію я тѣхъ основаній, по которымъ, не имѣя возможности доставить содержаніе подростяющему поколѣнію мужчинъ и женщинъ, они дѣлаютъ выборъ между полами, оставляя въ живыхъ однихъ только мальчиковъ. Предпочтеніе, оказываемое имъ въ этомъ случаѣ, легко объяснимо, если вспомнить, что при господствѣ родовыхъ отношеній продолжателемъ рода считался сынъ, а не дочь, и что первенствующая цѣль всякаго сообщества—оборона его отъ сосѣдей,—всецѣло осуществляется одними мужчинами. Прибавимъ къ этимъ мотивамъ болѣе или менѣе общаго характера еще тотъ специальный, что женщина въ Сванетіи, вмѣсто того чтобы приносить доходъ семьѣ самымъ выходомъ своимъ въ супружество, скорѣе причиняетъ убытки. Это зависитъ отъ незначительности платимаго за нее кадыма, который, какъ мы видѣли, не превосходитъ одной, много двухъ сотенъ рублей, а также отъ того, что родители надѣляютъ своихъ дочерей приданымъ, цѣнность котораго обыкновенно превосходить цѣнность полученной за нихъ платы. Мнѣ неизвѣстенъ источникъ, изъ котораго г. Стояновъ почерпнулъ свое категорическое утвержденіе, что въ Сванетіи «приданого нѣтъ» ¹⁾. Последнее уплачивается родителями невѣсты на каждомъ шагѣ и извѣстно въ народѣ подъ грузинскимъ наименованіемъ «мзитвы». Въ составъ приданого входятъ тѣ самые предметы, которые русскіе крестьяне обыкновенно даютъ дочерямъ при отдачѣ ихъ въ замужество: одежда, украшенія, домашняя утварь. Первая готовится родителями не только для невѣсты, но и для будущаго ея супруга. Изъ украшеній всякая сколько нибудь зажиточная семья непременно надѣлитъ дочь серебряннымъ нагрудникомъ и серьгами. Мѣдные чаны, въ которыхъ готовится пища и которые въ Сванетіи представляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ видовъ цѣнностей, также весьма часто попадаютъ въ числѣ предметовъ, приносимыхъ молодою женою во дворъ ея мужа. Но этимъ не исчерпываются еще всѣ затраты, кото-

1) Зап. кн. 10, вып. 2.—1876 г., стр. 434.

рыя семья брачущейся несетъ по случаю выхода ея въ заму- жество. Въ приданое нерѣдко идетъ также скотъ: бараны, ло- шадь, корова. Земля, какъ и у русскихъ крестьянъ, обыкновенно не дается за невѣстой; она—собственность двора и не должна поэтому выходить изъ его рукъ. Дача же ея въ приданое по своимъ послѣдствіямъ равнозначительна была бы уступкѣ ея чужеродцамъ. Только въ томъ случаѣ, если начулашь или калымъ уплаченъ былъ землею, данный женихомъ участокъ могъ быть включенъ родителями въ приданое. Старики опредѣляли мнѣ цѣнность послѣдняго приблизительно въ 100, 200 рублей. Дво- рянскія или азнаурскія семьи увеличивали его размѣръ въ два раза, одаря дочь вещами и скотомъ на сумму отъ 200 до 400 рублей. вмѣстѣ съ приданымъ жена привозила съ собою въ домъ мужа еще угощеніе для его родни: столько хлѣбовъ, сколько можетъ быть доставлено на двухъ быкахъ, и столько же водки. Все это еще болѣе увеличивало размѣръ затратъ, дѣлаемыхъ семьею невѣсты, и невольно укоренило въ средѣ сванетовъ тотъ взглядъ, что дочь скорѣе уносить, нежели приносить съ собою достатокъ тому двору, въ которомъ она родилась; а такая увѣ- ренность должна была только укрѣплять въ убѣжденіи, что ново- рожденными мальчиками слѣдуетъ дорожить болѣе, нежели дѣвоч- ками, и косвенно поддерживать поэтому практику женскаго дѣто- убійства. Съ теченіемъ времени въ народѣ составилось даже суевѣрное представленіе о томъ, что за всякую убитую роди- телями дѣвочку небо посылаетъ мальчика—представленіе еще живо державшееся въ Сванетіи во время посѣщенія ея г. Бак- радзе. «Сванеты, говоритъ грузинскій путешественникъ, убѣж- дены въ томъ, что убійство дочери вознаграждается рожденіемъ сына» ¹⁾. О самомъ способѣ умерщвленія сванетами новорожден- ныхъ имѣется не вполне точное представленіе. Уже Бартоломей указываетъ на то, что младенцамъ вовсе не засыпаютъ рта горячей золою, вызывая тѣмъ самымъ искусственное удушеніе, а морятъ ихъ голодомъ, не допуская къ груди родильницы. Это тотъ самый способъ, какой былъ извѣстенъ въ древности, въ частности въ Римѣ, гдѣ отъ выбора мужа зависѣло допустить

¹⁾ Записки Кавк. Отд. Геогр. Общ., кн. VI, 1861 г., стр. 42.

или не допустить новорожденного къ груди его матеря. Г-нъ Стояновъ перечисляетъ впрочемъ еще и другіе способы умерщвленія: младенцу кладутъ камень на животъ, или душатъ его за горло, или насыпаютъ ему въ ротъ поташу ¹⁾. О послѣднемъ обычаѣ доводилось слышать и мнѣ (въ одной впрочемъ вольной Сванетіи), но какъ о явленіи, повторяющемся сравнительно рѣдко и далеко не обыкновенно.

Послѣ этого неизбѣжнаго уклоненія возвращаюсь къ дальнѣйшей передачѣ характерныхъ особенностей брачнаго права у сванетовъ. Изъ того обстоятельства, что бракъ достигается у нихъ похищеніемъ невѣсты или ея покупкою, еще не слѣдуетъ дѣлать того вывода, что онъ считается правильно-заключеннымъ и помимо совершенія обряда вѣнчанія. Я сказалъ уже, что этотъ обрядъ необходимъ для понятія «*justae nuptiae*», что вѣнчанная женщина одна признается женою и пользуется юридическими правами. Обрядъ вѣнчанія совершался поэтому въ Сванетіи задолго до того времени, когда Обществу Распространенія Православія на Кавказѣ удалось завести въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ погостѣ особаго священника, обыкновенно изъ грузинъ, получившихъ воспитаніе въ Кутаискомъ духовномъ училищѣ и рукоположенныхъ мѣстнымъ епископомъ ²⁾.

Вербовавшіеся изъ простонародья «папи», которыхъ Бартоломей неправильно называетъ «деканозами» — терминномъ, употребительномъ въ средѣ хевсуровъ, но совершенно неизвѣстнымъ сванетамъ — втеченіи столѣтій продолжали вѣнчать брачующихся по грузинско-православному обряду, читая наизусть непонятныя имъ самимъ молитвы. Женихъ и невѣста стояли по срединѣ церкви одинъ противъ другаго, имѣя на головѣ ситцевыя шапочки — слабое подобіе вѣнцовъ; полы платьевъ ихъ были спшиты, что символически выражало крѣпость тѣхъ узъ, которыя должны были связывать ихъ въ будущемъ. Три

¹⁾ Стр. 435.

²⁾ Сванетскіе священники, за исключеніемъ одного, родомъ сванета — имеретины или мингрельцы; весьма немногіе изъ нихъ говорятъ по сванетски; богослуженіе совершается ими на грузинскомъ языкѣ, котораго въ Сванетіи не понимаетъ почти никто. Удивительно ли, если церкви пусты и священники пользуются сравнительно слабымъ вліяніемъ?

раза папи переносилъ вѣнецъ съ головы жениха на голову невесты. Предъ совершеніемъ обряда брачующіеся должны были поцѣловаться. За вѣнчаніемъ въ церкви слѣдовало празднованіе свадьбы въ домѣ жениха. Молодая является въ него, закрывъ лицо покрываломъ. При переходѣ черезъ порогъ покрывало должно быть поднято. Ближайшіе родственники мужа ждутъ ее за дверями, держа въ рукахъ чашу съ пшеничной мукой—символь изобилія и матеріальнаго довольства; болѣе отдаленные обнажаютъ свои кинжалы надъ ея головою, думая отвратить тѣмъ дѣйствіе нечистой силы, невидимыхъ злыхъ духовъ, которые вмѣстѣ съ нею желали бы проникнуть во дворъ. Принявъ чашу въ свои руки, невеста медленно обходитъ съ нею три раза стѣны жилья. Послѣ этого ее подводятъ къ сосуду съ медомъ. Обмокая въ него палець, она подноситъ его къ своимъ губамъ въ знакъ того счастья и той радости, которая ждетъ ее въ ея новой семьѣ. Во все это время вокругъ ея не смолкаютъ звуки пѣсни, извѣстной подъ названіемъ «корцилоба». Смысль ея непонятенъ болѣе сванетамъ, но они продолжаютъ думать, что въ ней заключается пожеланіе счастья и благоденствія. Какъ и всякое радостное событіе въ жизни горца, свадьба не обходится безъ стрѣльбы изъ ружей и пистолетовъ; время отъ времени за стѣнами сагли раздаются звуки выстрѣловъ, дѣлаемыхъ роднею новобрачной. Торжество заканчивается пиромъ, который нерѣдко продолжается и на слѣдующій день, пока свита невесты вмѣстѣ съ родней жениха не уничтожитъ всѣхъ заготовленныхъ запасовъ. Молодая не въ примѣръ тому, что доселѣ практикуется по ту сторону горъ у балканцевъ и дигорцевъ, остается въ семьѣ мужа; родственники же ея возвращаются къ себѣ на второй или третій день послѣ свадьбы. Въ утро, слѣдующее за первой брачною ночью, мужъ не дѣлаетъ женѣ никакихъ подарковъ. Такъ-называемый утренній даръ или «morgengabe», съ существованіемъ котораго мы знакомы по преимуществу изъ германскихъ народныхъ правъ, но который попадаетъ и въ обычномъ правѣ нѣкоторыхъ кавказскихъ народовъ, въ томъ числѣ у кумыковъ—неизвѣстенъ сванетамъ; вѣрнѣе сказать они откладываютъ производство его до того времени, когда жена подаритъ мужа рожденіемъ сына.

«Послѣ перваго ребенка, говорить г. Стояновъ, мужъ даетъ женѣ покрывало и повязку» ¹⁾). Первая брачная ночь вообще не играетъ въ быту сванетовъ того значенія, какое связываетъ съ нею обычное право большинства арійскихъ народностей. Извѣстно, что въ Малороссіи наприм. начало брачному сожителству кладется еще въ то время, когда гости продолжаютъ пировать за столомъ; что они какъ-бы считаютъ себя въ правѣ быть оповѣщенными объ этомъ; и что это обстоятельство даетъ имъ возможность приступить къ публичному опозориванію новобрачной каждый разъ, когда возникнетъ подозрѣніе въ ея цѣломудріи. Ничего подобнаго сванеты не знаютъ. Никакого общественнаго контроля молодая чета не признаетъ за собою. Новобрачная отвѣтственна только передъ мужемъ, который въ свою очередь тщательно скрываетъ отъ всѣхъ ея нецѣломудріе, считая послѣднее позоромъ для себя.

Приступая къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній супруговъ, я долженъ сказать прежде всего нѣсколько словъ о томъ, каково вообще воззрѣніе сванетовъ на женщину. Уже изъ нѣкоторыхъ чертъ описаннаго мною свадебнаго ритуала наглядно выступаетъ взглядъ на женщину, какъ на существо нечистое. Съ женою входятъ въ домъ мужа злые духи, противъ которыхъ его родные обнажаютъ свои кинжалы и держатъ ихъ нѣкоторое время надъ головою невесты ²⁾). То же воззрѣніе еще рѣзче проглядываетъ

¹⁾ Стр. 435.

²⁾ Обрядъ этотъ повидимому не составляетъ особенности однихъ сванетовъ и довольно распространенъ въ средѣ всѣхъ вообще туземныхъ народностей Кутаисской губерніи. Вотъ что говоритъ напримѣръ на этотъ счетъ о жителяхъ Шаропонскаго уѣзда составленное въ 1865 г. мѣстныхъ лѣкаремъ медико-топографическое его описаніе: «Въ церкви шаферъ кладетъ подъ ноги молодымъ свою обнаженную шашку. По окончаніи обряда вѣнчанія, при выходѣ изъ церкви, шаферъ, стоя у дверей, держитъ шашку надъ головами новобрачныхъ; подъ этой шашкой они должны пройти. По возвращеніи домой, при входѣ въ комнату новобрачныхъ, шаферъ повторитъ тѣ же дѣйствія шашкою; въ заключеніе онъ входитъ въ комнату и слегка ударяетъ шашкою крестообразно по стѣнамъ и угламъ. Все это шаферъ дѣлаетъ для того, чтобы положить основаніе будущему счастью молодыхъ, разстроивъ замыслы злаго духа». (Медико-топографическое описаніе Кутаисской губ., предпринятое по ини-

въ рѣшительномъ запрещеніи женщинамъ входить въ церковь. Такое же запрещеніе существуетъ и въ Пшавин, т. е. въ средѣ несомнѣнныхъ грузинъ, одичавшихъ, правда, въ своихъ горахъ, но не утратившихъ общаго съ жителями долины языка. По словамъ г. Бакрадзе въ обѣихъ мѣстностяхъ церковь считается оскверненной, если въ нее войдетъ женщина, почему послѣдняя и не должна переступать церковнаго предѣла. Сванетка, прибавляетъ онъ, сама сознаетъ, что не чиста и что образъ не допустить ея присутствія ¹⁾. Во время родовъ, говоритъ Стояновъ, нельзя прикасаться къ родильницѣ, а также въ теченіи 40 дней спустя, пока попъ не окропитъ нечистую священной водой; съ наступленіемъ кровотеченія женщина должна уйти изъ дому и поселиться въ какой нибудь пустой избушкѣ ²⁾. Въ основѣ такого воззрѣнія лежитъ, какъ мнѣ кажется, не столько превратное толкованіе христіанскаго взгляда на женщину, какъ на ближайшую виновницу грѣхопаденія, сколько слѣды ученія Авесты о нечистотѣ или, что то же, одержимости злыми духами всѣхъ отдѣленій живаго организма. Во всякомъ случаѣ здѣсь нельзя видѣть отраженія привижности ея положенія въ семьѣ, такъ какъ о послѣдней не можетъ быть и рѣчи. По сравненію съ другими горскими племенами Кавказа сванеты признаютъ за женщиной значительную долю самостоятельности. У балкарцевъ и осетинъ вся работа, какъ домашняя, такъ и полевая, производится исключительно ею; не такъ у сванетовъ, у которыхъ женщина пользуется гораздо бѣльшимъ досугомъ. Относительная рѣдкость женщинъ и вытекающая для нихъ отсюда легкость находить сожителей и въ случаѣ развода—причины тому, что женщина обращается съ женою довольно мягко. Никогда въ Сванетіи мужъ не имѣлъ права на жизнь жены. Убийство даже уличенной въ невѣрности супруги всегда признавалось дѣйствіемъ, вызывающимъ кровную месть со стороны ея родственниковъ ³⁾.

ціативъ доктора Струве и хранящееся въ рукописи при недавно-открытомъ въ Кутаисѣ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ).

¹⁾ Стр. 46.

²⁾ Стр. 435.

³⁾ Обстоятельству, говоритъ Стояновъ, мстить, но преступной женѣ не дѣлають никакого зла (стр. 437).

Послѣдствіемъ невѣрности обыкновенно бываетъ разводъ. Мужъ выгоняетъ жену изъ своего дома, и такъ какъ вина на ея сторонѣ, то онъ не только не обязанъ уплатить что либо ея родственникамъ за безчестіе, но вправѣ даже потребовать отъ нихъ возвращенія ему «начулаша» или внесенной за невѣсту платы. На вопросъ о томъ, вправѣ ли мужъ наказывать жену тѣлесно, старики обыкновенно отвѣчали, что бываютъ случаи, когда мужъ и побьетъ жену, но что случаи эти не особенно часты. Въ томъ обстоятельствѣ, что мужъ конфузится, когда его застанутъ въ одной комнатѣ съ женою, или что пить за ея здоровье въ его присутствіи, а также спрашивать о ней при постороннихъ считается неприличнымъ—я не могу, подобно г. Стоянову, видѣть доказательство суровости, съ которой мужъ обходится съ женою. Тѣ же черты могутъ быть отмѣчены въ бытѣ сосѣднихъ съ сванетами горцевъ—бытѣ, основу котораго составляетъ магометанство и восточное затворничество женщинъ, и который въ этомъ отношеніи наложилъ свою печать и на сванетскіе обычаи. Г-нъ Бартоломей правъ, утверждая, что въ Местіяхъ, (прибавлю отъ себя—не въ нихъ однихъ, но также въ Муллахъ и Бечо, т. е. ближайшихъ къ переваламъ селеніяхъ) сосѣдство мусульманскихъ племенъ (Балкарцевъ) отражается нѣсколько на нравахъ сванетовъ, въ которыхъ выступаютъ уже многія черты исламизма ¹⁾).

Относительная самостоятельность замужнихъ женщинъ въ Сванетіи оказывается всего нагляднѣе въ сферѣ имущественныхъ отношеній супруговъ. Жена удерживаетъ вполнѣ право собственности на приданое; безъ ея согласія ни одна часть его не можетъ подвергнуться отчужденію. Если въ составъ приданого входитъ земля, то мужъ подвергаетъ ее эксплуатаціи не иначе, какъ съ предварительнаго уговора съ женою. Онъ не болѣе, какъ управляющій ея имѣніемъ, отнюдь не свободный распорядитель его судьбами. Право собственности жены на принесенное ею приданое сказывается во всей силѣ въ моментъ прекращенія брака въ силу развода, виновникомъ котораго является мужъ. Вопреки каноническимъ запрещеніямъ обычай сванетовъ

---

¹⁾ Стр. 193.

не считаетъ брака чѣмъ то нерасторжимымъ. Супруги въ прежніе годы расходились, нерѣдко, удерживая за собою право основанія новыхъ семей. Эти разводы, названіе которымъ «лицевра», имѣли мѣсто то по волѣ мужа, то по волѣ жены. Въ первомъ случаѣ мужъ обязанъ былъ вернуть приданое и сверхъ того сдѣлать родственникамъ жены особый платежъ въ вознагражденіе за наносимое имъ безчестіе. Размѣръ этого платежа обыкновенно равнялся половинѣ цора или платы за кровь.

При оставленіи же мужа женою родственники послѣдней производятъ такой же взносъ обезчещенному супругу, возвращая ему въ то же время уплаченный имъ начулашъ; на приданое же жена и въ этомъ случаѣ сохраняетъ полное право собственности. Съ прекращеніемъ брака смертью мужа вдова, не наследуя ему, въ то же время въ правѣ остаться при дѣтяхъ во дворѣ покойнаго и нерѣдко занимаетъ въ немъ положеніе большухи, т. е. главной хозяйки; бездѣтная, какъ общее правило, возвращается въ ту семью, изъ которой вышла, и остается въ ней до момента вступленія въ новый бракъ. Послѣ всего сказаннаго ясно, что о безправіи женъ въ Сванетіи не можетъ быть и рѣчи. Не имѣя равныхъ правъ съ своимъ супругомъ, подчиненная его опекѣ и попечительству и потому ежечасно имъ контролируемая, замужняя женщина въ то же время пользуется у сванетовъ значительной самостоятельностью въ сферѣ какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ правъ.

Что касается до ея общественнаго положенія, то необходимо отмѣтить ту подробность, что сванеты допускаютъ женщинъ въ болѣе широкой степени, чѣмъ другія народности Кавказа, къ роли посредницъ на судѣ, а подчасъ выслушиваютъ ихъ охотно и на своихъ сходахъ. Можно сказать, что женщина въ Сванетіи часто служитъ тому высокому назначенію, которое приписывали ей древніе Германцы, называя ее Friedewebe «ткущей миръ», иначе: примиряющей враждующіе между собою роды. По вѣрному замѣчанію г. Стоянова женщины нерѣдко останавливали въ Сванетіи кровавыя схватки. Кровникъ, преслѣдуемый семейю убитаго, находилъ у нихъ убѣжище, и одного прикосновенія ихъ къ нему достаточно было для того, чтобы на время спасти его отъ пули; точно также раненый, разъ принятый женщиной

на ея попеченіе, пропускался безпрепятственно сквозь строй враждующихъ съ его семьею враговъ ¹⁾). Голосъ женщины не разъ раздавался въ пользу мира и на народныхъ собраніяхъ. Несозываемыя на нихъ формально, женщины при нѣкоторой энергіи и настойчивости легко могли добиться того, чтобы быть выслушанными; совѣтъ ихъ принимаемъ былъ подчасъ сходомъ и становился основаніемъ для издаваемого имъ приговора. Бытовые отношенія въ родѣ излагаемыхъ мною съ трудомъ подходятъ подъ юридическую квалификацію. Нельзя сказать, что въ Сванетіи женщина имѣетъ право голоса на сходахъ, но нельзя также отрицать и того, что фактически она нерѣдко пользуется имъ.

Переходя отъ брачнаго права къ характеристикѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній родителей и дѣтей, мнѣ придется припомнить многое изъ сказаннаго выше. Очевидно, что право родителей убивать новорожденныхъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ велика власть ихъ надъ дѣтьми. Рѣшителями ихъ судьбы они или вѣрнѣе сказать одинъ изъ нихъ—отецъ остается и по достиженіи ими половой зрѣлости, съ которой по обычаю начинается совершеннолѣтіе. Отецъ женить сына и выдаетъ замужъ дочь, не спрашивая ихъ согласія. Брачные договоры заключаются, какъ я уже сказалъ, въ то время, когда будущіе супруги лежатъ еще въ пеленкахъ; они строго соблюдаютъ ихъ родителями подъ страхомъ кровнаго возмездія. Шестнадцати или восемнадцати-лѣтній юноша вступаетъ въ бракъ съ дѣвушкой приблизительно того же возраста, почти не зная ея, едва обмѣнявшись съ нею парюю словъ при постороннихъ свидѣтеляхъ, потому что такова воля его родителей, которые и не подумаютъ спросить его о томъ каковъ бы былъ его личный выборъ.

Столь же безправнымъ является положеніе дѣтей и въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Отъ воли отца зависитъ выдѣлять женатаго сына или не выдѣлять его вовсе; въ послѣднемъ случаѣ онъ продолжаетъ жить въ родительскомъ дворѣ, отдавая по-прежнему въ пользу послѣдняго всѣ свои заработки или уходить изъ него, не унося съ собою никакого имущества. Требовать выдѣла сынъ не вправе. Только въ случаѣ смерти

---

¹⁾ Стр. 435.

отца и перехода двора въ завѣдываніе старшаго брата остальные братья могутъ требовать раздѣла и надѣленія каждою своею частью. Доля въ наслѣдствѣ отца принадлежитъ разумѣется однимъ сыновьямъ; дочери кромѣ приданого ничего не получаютъ. Отецъ вправе лишить наслѣдства непокорнаго ему сына или отнять у старшаго преимущество первородства. Примѣръ тому недавно еще представленъ былъ семьей Дадешкеліани, въ которой отецъ теперешнихъ бечойскихъ князей за женитьбу на мусульманкѣ лишенъ былъ права первородства по рѣшенію главы рода. Отсутствие завѣщанія служить впрочемъ въ большинствѣ случаевъ дѣтямъ достаточной гарантіей перехода семейнаго имущества въ ихъ руки со смертію родителя. Последній, правда, вправе раздарить его при жизни, но только въ пользу церкви и ея учреждений; при слабой религіозности сванетовъ неудивительно, если этимъ правомъ они никогда не пользуются фактически, и если поэтому, какъ общее правило, имущество, за исключеніемъ случаевъ раззоренія, не выходитъ изъ рукъ семьи и переходитъ въ ней отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Другой способъ обхода отцомъ правъ законныхъ наслѣдниковъ—усыновленіе—также закрыть сванетамъ. По обычаю усыновителемъ можетъ быть только бездѣтный, а усыновляемымъ непременно родственникъ. Въ свою очередь молочное родство не даетъ никакихъ правъ на наслѣдованіе, а признается только препятствіемъ къ заключенію брака. Такимъ образомъ фактически дѣти, или точнѣе сыновья, обезпечены въ полученіи наслѣдства отъ родителей. Опекѣ и попечительству надъ ними до ихъ совершеннолѣтія принадлежатъ тому изъ родственниковъ, который стоитъ во главѣ двора и завѣдуетъ его имуществомъ. Tutela dativa, выражаясь языкомъ римскихъ юристовъ, сванетамъ неизвѣстна.

Въ связи съ сказаннымъ о семейномъ бытѣ сванетовъ я считаю удобнымъ изложить и нѣкоторыя характерныя особенности ихъ наслѣдственнаго права. Последнее, какъ хорошо извѣстно, является повсюду отраженіемъ общественнаго уклада. Неудивительно поэтому, что въ Сванетин, гдѣ основу быта составляетъ семейная община, того, что на языкѣ цивилистовъ извѣстно подъ «открытіемъ наслѣдства» (*delatio haereditatis*), строго го-

вора, не встрѣчается. Собственность неизмѣнно принадлежитъ одному и тому же субъекту—семѣ. Смерть ея главы имѣеть своимъ послѣдствіемъ только перемѣну въ лицѣ, завѣдующемъ семейнымъ имуществомъ, отнюдь не переходъ самой собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. Перемѣна, о которой идетъ рѣчь, можетъ воспослѣдовать впрочемъ и помимо чьей либо кончины—въ силу приговора семейнаго совѣта, переносящаго права хозяина на болѣе молодаго члена семьи. Только въ тѣхъ все болѣе и болѣе возрастающихъ въ числѣ малыхъ семьяхъ, основа которымъ была положена семейными раздѣлами, фактически можетъ возникнуть вопросъ о порядкѣ наслѣдованія или, что равнозначительно въ данномъ случаѣ, о томъ, на какихъ началахъ и кому долженъ быть произведенъ выдѣлъ отдѣльныхъ долей общаго всѣмъ имущества. Особенности семейнаго права сванетовъ въ этомъ случаѣ сказываются въ совершенномъ устраненіи женщины отъ раздѣла и допущеніи къ нему одной мужской линіи. Ближайшая линія не устраняетъ собою вполне дальнѣйшей, такъ какъ сванетамъ, не въ примѣръ ихъ сосѣдямъ балкарцамъ, извѣстно право представительства по наслѣдству, въ силу котораго племянники—дѣти умершаго сына—получаютъ совмѣстно ту часть, которая при жизни ихъ отца составила бы его долю. Раздѣлъ семейнаго достоянія потому не можетъ быть названъ равнымъ, что старшему сыну, если онъ только не былъ выдѣленъ отцомъ при жизни, дается нѣкоторый прибавокъ. Подобно осетинскому «хестагъ», праесиритъ старшаго брата обыкновенно состоитъ изъ лучшей головы скота, составляющаго собственность двора: вола, лошади или коровы. Въ нѣкоторыхъ обществахъ впрочемъ мы встрѣчаемъ и надѣленіе его не въ примѣръ прочимъ братьямъ добавочнымъ надѣломъ; такимъ обыкновенно является участокъ земли не больше того, какой можетъ быть обработанъ парой быковъ въ теченіи одного рабочаго дня или даже половины его, иначе говоря—цѣлый налжомъ земли или часть его. На этотъ придатокъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на зародышъ того права первородства, которое въ болѣе или менѣе выработанномъ видѣ извѣстно въ Сванетіи только въ княжеской средѣ между членами семейства Дадешкеліани. Любопытно при этомъ то, что въ сванетскихъ

обычаяхъ одинъ изъ источниковъ развитія права первородства— преимущественное участіе старшаго сына въ накопленіи семейнаго имущества— сказывается еще съ полной наглядностью; перворожденный получаетъ *praescript* только тогда, если не былъ выдѣленъ отцомъ при жизни, а слѣдовательно сохранилъ до его кончины возможность содѣйствовать своимъ трудомъ матеріальному обогащенію семьи ¹⁾.

При отсутствіи прямыхъ нисходящихъ собственность семьи возвращается къ тому источнику, изъ котораго она вышла; ее наследуетъ не ближайшій изъ боковыхъ агнатовъ покойнаго, еще менѣе его когнаты. Она принадлежитъ по праву всему роду покойнаго, всѣмъ его однофамильцамъ, сколько бы дворовъ послѣдніе ни занимали. Въ прежнее время князья, подобно средне-вѣковымъ феодаламъ, имѣли предпочтительно предъ родственниками право наследовать въ имуществѣ лица, неоставившаго по себѣ нисходящихъ мужескаго пола. Право это разумѣется въ настоящее время болѣе не признается; оно исчезло навсегда вмѣстѣ съ другими проявленіями земельной зависимости крѣпостнаго права.

Изъ всего сказаннаго нами доселѣ самъ собою обрисовывается тотъ видъ имущественныхъ правъ, какой признается и гарантируется сванетскимъ обычаемъ. Это не общинная собственность, совладѣльцами которой были бы всѣ дворы одного и того же селенія или сопеля, еще менѣе частная, субъектомъ которой являлось бы опредѣленное лицо, надѣленное по отношенію къ ней правомъ владѣть, пользоваться и распоряжаться. Это собственность дворовая, распоряженіе которой принадлежитъ всей совокупности населяющихъ дворъ лицъ или семействъ. Одно лишь завѣдываніе ею поручается опредѣленному лицу, такъ-называемому «махви», въ прежнее время обыкновенно старшему по лѣтамъ, въ настоящее время все чаще тому, который семейнымъ совѣтомъ (если этимъ именемъ можно назвать безформенное собраніе лицъ одного двора) будетъ признанъ способнѣйшимъ. Отчужденіе семейнаго имущества производится главою семьи не

---

¹⁾ Болѣе подробно этотъ взглядъ развитъ въ статьѣ, озаглавленной «Архангелскія черты въ семейномъ и наследственномъ правѣ осетинъ». («Юридическій Вѣстникъ», Іюнь и Іюль 1886 года).

иначе, какъ съ общаго согласія. Это надо понимать не въ томъ смыслѣ, что всякой продажѣ предшествуетъ разрѣшающей ее семейный совѣтъ, а въ томъ, что, при протестѣ со стороны домохозяевъ, разъ сдѣланное хозяиномъ отчужденіе признается недѣйствительнымъ. Все прибрѣтенное главою семьи на общія средства поступаетъ въ ея собственность; но вмѣстѣ съ тѣмъ на нее же падаютъ всецѣло и заключенные имъ долги. Накопленіе личнаго имущества строго воспрещается всѣмъ и каждому изъ членовъ двора, даже тѣмъ, которые временно покидаютъ его, ища заработковъ на чужбинѣ. Приобрѣтенія, сдѣланныя ими, поступаютъ въ общую казну; но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя не вправе уклониться отъ отвѣтственности по всѣмъ взысканіямъ, предъявляемымъ къ ней третьими лицами. Въ этомъ отношеніи обычное право сванетовъ представляетъ черты болѣе глубокой древности, чѣмъ то, къ которому должно быть отнесено доселѣ примѣняемое въ англо-индусскихъ судахъ правило о томъ, что все, прибрѣтенное кѣмъ либо съ помощью семейнаго капитала, считается достояніемъ семьи, и наоборотъ весь тотъ заработокъ, который сдѣланъ будетъ независимо отъ такого капитала, поступаетъ въ личную собственность. Въ силу этого принципа мадрасскій судъ счелъ себя вправе освободить танцовщицу отъ обязательства отдавать свое жалованье въ семейную казну, такъ какъ родственниками ея не было доказано полученіе ею воспитанія на средство ея семьи. Ничего подобнаго не могъ бы сдѣлать сванетскій мировой судья:—руководимый въ своихъ рѣшеніяхъ мѣстными обычаями, онъ обязательно долженъ былъ бы признать за семьею право собственности на всѣ личные заработки ея членовъ, безъ всякаго различія мѣста, времени и способа ихъ накопленія. Съ каждымъ годомъ неудобство такого порядка становится однако все болѣе и болѣе ощутительнымъ для сванетовъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается въ ихъ средѣ число лицъ, идущихъ на отхожіе промыслы. Несоотвѣтствие обычая измѣнившимся условіямъ жизни—одна изъ причинъ увеличившихся въ послѣднее время семейныхъ раздѣловъ. Находя въ общности имущества неодолимую преграду къ личному обогащенію, сванеты не отступаютъ болѣе передъ мыслью о замѣнѣ ея частною собственностью, совершенно свободною въ своемъ ростѣ.

Но если общинный принцип съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряетъ почву подъ ногами, если, благодаря семейнымъ раздѣламъ, замѣтно возрастаетъ число малыхъ семей въ ущербъ крупнымъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что близокъ моментъ, когда изъ сферы имущественныхъ отношеній совершенно исчезнутъ слѣды архаическаго коммунизма. Процессъ индивидуализаціи коснулся пока одной лишь пахатной и сѣнокосной земли. Что же касается до лѣсовъ и пастбищъ, то за исключеніемъ небольшого числа ихъ, состоящаго въ рукахъ церквей, они, какъ общее правило, считаются достояніемъ всѣхъ дворовъ одного и того же сопеля или села, нерѣдко нѣсколькихъ сопелей или цѣлаго общества. Значительность ихъ протяженія— причина тому, что пользованіе ими не обставлено пока никакими ограниченіями, за исключеніемъ одного. Никто не вправѣ приступить къ заимкѣ или такъ-называемому въ Сванетіи «на-моль», ни къ корчеванію или очисткѣ подъ поле части общиннаго имущества, не заручившись напередъ общимъ согласіемъ. Последнее необходимо также для того, чтобы личная заимка сдѣлалась частной собственностью. Нѣтъ этого— никакая давность не поможетъ, такъ какъ ея не знаетъ сванетскій обычай. Понятія о десятилѣтней давности и приобрѣтеніи путемъ ея права собственности стали проникать въ Сванетію лишь со времени русскаго владычества.

Въ такомъ слабо-развитомъ правѣ, каково сванетское, виды договоровъ не должны быть особенно многочисленны. И дѣйствительно изъ извѣстныхъ намъ одни вовсе не встрѣчаются, другіе носятъ грузинскія названія— вѣрный признакъ ихъ заимствованія. Мѣна, продажа, заемъ— вотъ тѣ три вида договоровъ, которые необходимо встрѣчаются даже при младенческомъ состояніи правоваго сознанія. Неудивительно поэтому, если каждый изъ нихъ носить на языкѣ сванетовъ свое особое наименованіе: мѣна называется у нихъ «лицадуналь», продажа— «лявдвѣ», заемъ— «лимпштенъ». Регулирующіе ихъ обычаи отражаютъ на себѣ вполне характерныя особенности общественнаго уклада. При господствѣ дворовой собственности, мѣна и продажа необходимо обставлены извѣстными условіями, неисполненіе которыхъ дѣлаетъ ихъ недѣйствительными. Такими усло-

віями признается прежде всего если не явное, то молчаливое одобрение всеми и каждымъ изъ домоладцевъ того распоряженія, какое старшій во дворѣ или такъ-называемый «махвиш» дѣлаетъ изъ семейнаго имущества. Когда нѣтъ такого согласія, когда слышится явный протестъ со стороны хотя бы одного изъ совершеннолѣтнихъ членовъ, сдѣлка, даже вполне заключенная, признается недѣйствительной. Мало того: кровная связь соединяющая дворъ, изъ котораго сдѣлано отчужденіе, съ родственными ему дворами—дворами однофамильцевъ, признается сванетами достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы предоставить и этимъ дворамъ послѣднее слово въ заключаемой сдѣлкѣ. Имущество семьи продается чужеродцамъ не раньше, какъ послѣ отказа родственниковъ воспользоваться своимъ правомъ предпочтительной покупки. Но вотъ сдѣлка уже заключена, полагаемые обычаемъ обряды исполнены, покупателемъ сдѣлано утѣшеніе и въ его руки перешла отчуждаемая собственность путемъ символической передачи въ родѣ той, къ какой обращаются при отчужденіи скота, когда рога продаваемого животнаго послѣдовательно переходятъ изъ рукъ продавца въ руки покупателя,— а права послѣдняго на купленное имущество все еще остаются спорными. Родственный дворъ въ правѣ обратитъ отчужденный участокъ въ свою собственность простымъ возмѣщеніемъ затраченной на приобрѣтеніе его суммы, и въ такой же степени, и даже предпочтительно предъ нимъ, можетъ сдѣлать это и пограничный сосѣдь: первый въ силу такъ-называемаго родового, второй въ силу сосѣдскаго выкупа. Ко всему сказанному прибавимъ еще слѣдующее. Не всякое имущество равно отчуждаемо. Сванетскій махвиш и его домоладцы охотнѣе согласятся продать ими самими прибрѣтенное имущество (такъ-наз. намгябо), нежели собственность, доставшуюся имъ отъ предковъ. Terra aviatica. земля предковъ, которая у сванетовъ носить названіе «саму», отчуждается ими не иначе, какъ подъ давленіемъ необходимости—для взноса «цора» или платы за кровь, для покрытія издержекъ на поминки родственника или такъ-называемый «кончхарь», уклониться отъ которыхъ нельзя, такъ какъ съ ними связано благоденствіе покойника за гробомъ и честь всего его рода. Случаи продажи земли чрезвычайно рѣдки. Далѣе есть

предметы, отчужденіе которыхъ чужеродцу кажется сванетѹ еще менѣе возможнымъ, чѣмъ продажа родовой земли. Несмыслаемымъ позоромъ покроетъ себя тотъ дворъ, который рѣшится продать цѣль, на которой виситъ семейный котелъ; еще болѣе, если отчужденіе коснется того четырехугольнаго, металлическаго столика, на которомъ сванеты пекутъ свой хлѣбъ или такъ-называемаго «керай». Итальянскій графъ, согласный продать все, кромѣ полуразрушеннаго замка предковъ, своей фамильной «гесса» легко бы могъ узнать себя въ сванетскомъ крестьянинѣ, отчуждающемъ свои налжмы и набожно хранящемъ въ то же время въ своихъ рукахъ четыре спаянныхъ между собою бруска, «керай» его предковъ ¹⁾. Закончу сказанное мною о договорѣ купли замѣчаніемъ, что составленіе о ней письменной записи— требованіе неизвѣстное народному праву сванетовъ, которое довольствуется присутствіемъ при ея заключеніи неопредѣленнаго числа свидѣтелей.

Въ числѣ договоровъ, искони извѣстныхъ сванетамъ наравнѣ съ любымъ народомъ, живущимъ одинаковыми съ ними формами быта, надо поставить, какъ я сказалъ, и договоръ займа или лимпштенъ. Объектомъ его служатъ, какъ общее правило, не деньги, которыя вообще мало распространены въ средѣ народа, а жизненные припасы и въ частности хлѣбъ. Условія, на которыхъ обыкновенно производится заемъ у сванетовъ крайне неблагоприятны для заемщика: въ концѣ годоваго срока онъ обязанъ вернуть кредитору сверхъ занятаго еще треть его, на правахъ процентовъ; въ одномъ же обществѣ, именно въ Бечо— не менѣе какъ половину. Такъ, давшій въ займы одинъ гвидоль хлѣбнаго зерна считаетъ себя въ правѣ получить сверхъ занятаго у него еще турпу или треть гвидола; житель же Бечо, взявши заимобразно у другаго зеку араку доставляетъ ему въ концѣ года зеку съ лахнисомъ, иначе говоря—полторы зеки.

---

¹⁾ О некоторыхъ изъ этихъ «керай» въ Сванетіи ходятъ цѣлыя сказанія. Такъ въ полуразрушенномъ замкѣ бечойскихъ Дадешкелани доселѣ показываютъ тотъ «керай», изъ-за владѣнія которымъ нерѣдко враждовали между собою члены этого семейства. Кто желалъ быть первымъ въ немъ, тотъ непременно долженъ былъ захватить этотъ «керай» въ свои руки.

Къ числу древнѣйшихъ видовъ договоровъ у сванетовъ надо отнести также договоръ товарищества — «лиханагъ» или «лицау», заключаемый въ прежнее время не столько съ торговыми цѣлями, сколько ради полученія добычи путемъ разбоя. Раздѣлъ послѣдней, какъ и раздѣлъ получаемого товариществомъ дохода отъ затѣяннаго имъ коммерческаго предпріятія, производился и производится не всегда поровну, но также подчасъ и *pro rata* сдѣланныхъ отдѣльными участниками взносовъ.

Имущественный наемъ предшествовалъ у сванетовъ найму личному, который поэтому и не находитъ въ ихъ языкѣ подобно первому особаго названія, а обозначается грузинскимъ терминомъ «кира». Обыкновенной формой имущественнаго найма или «накитъ» является половничество, которое на языкѣ сванетовъ именуется двояко: лenesчеры и хынека. Условія этого вида аренды, принадлежащаго къ числу распространеннѣйшихъ въ мірѣ, приблизительно тѣ же въ Сванетіи, чтѣ и повсюду. Арендаторъ получаетъ вознагражденіе обыкновенно половиною продуктовъ собираемыхъ съ нанятаго имъ участка. Остатокъ принадлежитъ собственнику земли, который обыкновенно доставляетъ наемщику и сѣмена для носѣва.

«Дача» на храненіе или такъ называемый «лильче» должна быть отнесена къ числу договоровъ, извѣстныхъ народному праву сванетовъ и независимо отъ всякаго заимствованія у грузинъ, доказательствомъ чему служить существованіе въ ихъ языкѣ особаго термина для его обозначенія. Обыкновеннымъ предметомъ этой сдѣлки является скоть, который уходящимъ на заработки людемъ отдается на постой сосѣдямъ или родственникамъ. Приплодъ отъ скота считается собственностью лица, поставившаго скоть; получаемые отъ скота продукты составляютъ доходъ того, кому онъ сданъ. Изъ сказаннаго ясно, что въ Сванетіи дача на храненіе даетъ лицу, въ пользу котораго она сдѣлана, право извлекать имущественныя выгоды изъ хранимаго имъ предмета.

Личный наемъ «кира» и договоръ довѣренности «векхилоба» принадлежать, повидимому, къ числу тѣхъ, съ которыми сванеты познакомились лишь при посредствѣ грузинъ; оба договора носятъ поэтому грузинскія названія и не представляютъ ника-

кихъ особенно характерныхъ народныхъ чертъ. При производствѣ сельскихъ работъ сожительствующими между собою родственниками и при взаимномъ представительствѣ другъ за друга, въ этихъ договорахъ долгое время могло не оказаться нужды: рабочіе руки были на лицо и помимо обращенія къ найму; родственникъ и безъ спеціальнаго довѣрія могъ представлять родственника на судъ и при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ. Удивительно ли, если оба договора появляются сравнительно поздно и распространены въ странѣ весьма мало.

Выполненіе договора обезпечивается сванетами тройнымъ образомъ: задаткомъ, поручительствомъ и залогомъ. Поручители одинаково изъ родственниковъ и постороннихъ при совершеніи условія, приблизительно, слѣдующіе слова: «мы ручаемся за него, что онъ въ состояніи сдѣлать то, на что обязуется». Что касается до залога, то этотъ институтъ, какъ показываетъ и самое его названіе «цинтъ», цѣликомъ заимствованъ изъ Грузіи. По своему характеру сването-грузинскій залогъ всего ближе подходитъ къ «pontissement» стариннаго французскаго права, въ томъ смыслѣ, что взявшій въ залогъ движимость или недвижимость одинаково въ правѣ пользоваться ею до момента выполненія договора, чего, разумѣется, отнюдь не допускаетъ современное ипотечное право. Сванетскій цинтъ однохарактеренъ поэтому съ осетинскимъ бавстау, который также допускаетъ пользованіе кредитора заложеннымъ ему имуществомъ.

Заключаемые сванетами договоры тѣмъ болѣе нуждаются во всѣхъ названныхъ мною обезпеченіяхъ, что право требовать возмѣщеніе убытковъ отнюдь не считается вытекающимъ непосредственно изъ самаго факта неисполненія кѣмъ либо принятаго на себя обязательства: система родового самосуда не допускаетъ правильнаго и частаго обращенія къ суду. Если стороны не согласятся назначить медиаторовъ и не предоставятъ имъ опредѣленіе размѣровъ имущественнаго вреда, потерпѣвшему не остается иного исхода, какъ вознаградить себя самому удержаніемъ задатка или залога.

ГЛАВА II'

Пшавы, ихъ религіозныя суевѣрія, общественное устройство и юридическій бытъ.

Въ Тіонетскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи живетъ небольшое и мало изслѣдованное племя пшавы. Они окружены съ разныхъ сторонъ не менѣе ихъ патріархальными народностями: хевсуръ, кистинъ и тушинъ. Пшавы занимаютъ среднее теченіе Арагвы, а также оба берега Іоры, притока Алазани. Пшавы народъ очень древній. Подъ именемъ «пховелей» они извѣстны грузинскимъ лѣтописямъ, какъ непобѣдимые противники Помпея. Въ ананурскихъ тѣснинахъ три тысячи пховелей загоразиваютъ въ серединѣ I-го вѣка путь побѣдоносному римскому вождю, который не рѣшился дать имъ сраженіе; тѣ же «звѣроподобные люди», по выраженію лѣтописица, на разстояніи трехъ столѣтій оказываютъ рѣшительный отпоръ попыткамъ новообращеннаго грузинскаго царя Миріана ввести христіанство въ ихъ среду. Эти показанія грузинскихъ анналь не заслуживаютъ, правда, большаго довѣрія, въ виду доказаннаго Паткановымъ факта болѣе поздняго ихъ происхожденія; но древность пшавовъ все же остается несомнѣнной, такъ какъ языкъ, которымъ они говорятъ, богатъ выраженіями и словами попадающимися въ старинномъ церковномъ языкѣ грузинъ и не употребительнымъ болѣе въ ихъ разговорной рѣчи. — При всей своей древности народъ этотъ все еще живетъ условіями родового

быта, удерживая въ то же время нѣкоторыя черты и болѣе ранней стадіи развитія. Характеръ занимаемой имъ мѣстности въ значительной мѣрѣ объясняетъ причину такого консерватизма. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ горами, отрѣзанный отъ южныхъ сосѣдей, грузинъ, съ трудомъ переходимую рѣкою, древній пхovelъ, родоначальникъ современнаго намъ пшава, сохранилъ въ первобытности тѣ самыя общественныя и юридическія порядки, слабыя слѣды которыхъ уцѣлѣли еще въ обычномъ правѣ грузинскаго крестьянства. Историческія условія, въ свою очередь вызванныя къ жизни въ значительной степени географическими причинами, также не мало содѣйствовали такому исходу. Пшавы, въ отличіи отъ грузинъ и подобно хевсурамъ, не знали ни сословій, ни крѣпостной или феодальной зависимости. Ихъ принадлежность Грузіи выражалась не въ платежѣ опредѣленной подати, а въ великодушной помощи, въ минуту опасности, въ сообществѣ хевсуровъ и тушинъ, этихъ надежныхъ защитниковъ грузинской независимости.

Разобщенность съ прочимъ міромъ и почти совершенная обособленность историческихъ судебъ причина тому, что и христіанство сдѣлало въ Пшавіи сравнительно слабыя успѣхи; оно доселѣ носитъ въ ней характеръ чего то внѣшняго и формальнаго, не устраняющаго возможности переживаній изъ болѣе ранней эпохи язычества и позднѣйшихъ заимствованій у магометанъ.

Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ изъ пшавовъ, этого небольшого народца, съ населеніемъ не болѣе какъ въ шесть съ половиною тысячъ душъ ¹⁾, любопытнѣйшій предметъ изслѣдованія для археолога. Интересъ, возбуждаемый ими, еще возрастаетъ по причинѣ счастливой одаренности этого народа, богатства его фантазій и легкости, съ которой въ звучныхъ виршахъ, такъ называемыхъ лексахъ, онъ передаетъ впечатлѣнія, производимыя на него какъ явленіями повседневной жизни, такъ и немногими историческими событіями, наложившими печать на его прошлое.

---

¹⁾ См. рукописный списокъ сельскимъ обществамъ и входящимъ въ нихъ селеніямъ съ показаніемъ числа дворовъ и душъ мужскаго и женскаго пола въ Тіонетскомъ уездѣ 1886 г. Списокъ этотъ сообщенъ мнѣ Тіонетскимъ уезднымъ начальникомъ, кн. Джангери.

Этнографъ и юристъ находятъ поэтому цѣнный для нихъ матеріалъ не въ одной лишь записи бытовыхъ фактовъ и юридическихъ обычаевъ пшавовъ, но и въ изученіи многочисленныхъ народныхъ стихотвореній, собранныхъ и частью опубликованныхъ уже мѣстными уроженцами ¹⁾. Содержаніе этихъ пѣснямъ доставляетъ обыкновенно изображеніе повседневной жизни горца съ ея радостями и печальми, съ ея борьбой съ природой и погоней за личнымъ счастьемъ.

Все, что выходитъ изъ этой сферы, носитъ печать убійственнаго однообразія; только и слышишь, что о столкновеніяхъ пшавовъ съ хевсурами и въ особенности лезгинами, которыхъ, по крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ, они избиваютъ немилосердно. Далеко не все, сообщаемое историческими лексами, должно, впрочемъ, считаться вымысломъ. Археологическія находки нерѣдко подтверждаютъ показанія легенды, опредѣляя мѣсто и приблизительно время совершенія повѣствуемаго ею факта. Для примѣра приведу въ буквальномъ переводѣ слѣдующій поэтический рассказъ, пользующійся въ народѣ большой популярностью, и покажу затѣмъ, какое подтвержденіе онъ находитъ въ данныхъ археологій. «Кто сказалъ, что въ Чаргалѣ (одномъ изъ ауловъ аравгской Пшавіи) войны плохи? Да окаменѣетъ языкъ у сказавшаго эту неправду. Въ ущельи Абхушо и Чичахеви истребили чаргалыцы триста лезгинъ; въ ущельи этомъ течетъ теперь цѣлая рѣка (алазанъ) крови. Впереди несутся по ней щиты и мечи, а позади головы убитыхъ лезгинъ. Слышится горкій плачь дочери хана Джабанъ. Кто будетъ теперь созывать гостей и угощать ихъ, какъ въ старину». Преданіе, давшее поводъ къ сложенію этой пѣсни, говоритъ о нѣкоемъ героѣ — пшавѣ изъ рода Гачауровыхъ, уроженцѣ Чаргала, служившемъ въ молодости въ гвардіи грузинскаго царя Соломона. Пшавецъ этотъ,

---

¹⁾ Особенно заслуживаетъ вниманія дѣятельность, обнаруженная въ этомъ отношеніи обоими братьями Разикашвили, уроженцами Чаргальскаго общества, нынѣ сельскими учителями. Получивъ образованіе въ мѣстной школѣ, названные лица утилизируютъ свои выдающіеся дарованія для изученія своей собственной родины. Грузинская газета *Иверія* не разъ печатала статьи этихъ почтенныхъ собратей разнообразныхъ произведеній народнаго творчества.

во главѣ отряда въ двѣсти человѣкъ, загородилъ дорогу лезгинскому воеводѣ Тамасхану, уже спустившемуся съ горъ, и въ ущельи Апшухо, выходящемъ въ долину Арагвы, разбилъ его на голову. Самъ Тамасханъ палъ отъ руки Гачаури, успѣвшаго проникнуть въ его палатку. Всѣ драгоценности Тамасхана сдѣлались добычей убійцы. Когда царь Соломонъ предложилъ ему въ награду за побѣду дворянство и даже княжескій титулъ, Гачаури отказался отъ того и отъ другаго, выговаривая себѣ только одно право удержать захваченную имъ добычу. Царь охотно далъ на то свое согласіе; Гачаури же роздалъ по пшавскимъ церквамъ всю доставшуюся ему посуду и утварь. Шлемъ самаго Тамасхана достался чаргальской церкви и доселѣ хранится въ ней, служа для питья пива въ день религіознаго праздника, посвященнаго памяти Гачаури и приходящагося на Вознесеніе. Шлемъ этотъ сдѣланъ изъ мѣди, вызолоченной снаружи и имѣетъ конусообразную форму. --- На мѣстѣ, на которомъ, согласно преданію, дано было сраженіе, встрѣчаются многочисленные могилы, изъ которыхъ нѣкоторыя уже разрыты жителями, находившими въ нихъ бусы и металлическія вещи. Сдѣланная мною раскопка раскрыла слѣдующія подробности погребальнаго ритуала: покойникъ обращенъ лицомъ на востокъ; въ голову его положенъ четырехугольный камень. Вся могила, длиною въ 2 и $\frac{3}{4}$ аршина, шириною въ 14 вершковъ, выложена кругомъ плитнымъ камнемъ сухой кладки; въ серединной части она шире, чѣмъ въ головахъ и ногахъ; это совпадаетъ съ положеніемъ костей рукъ, лежавшихъ подъ прямымъ угломъ къ прочимъ частямъ скелета, и въ свою очередь указываетъ на то, что у покойника они были раздвинуты въ обѣ стороны. На высотѣ семи вершковъ могила прикрыта тремя каменными плитами, на которыя въ свою очередь навалена земля. Изъ предметовъ найдена была только кольцеобразная мѣдная застежка съ шарниромъ весьма тонкой работы; застежка эта снаружи вызолочена. — Приведенныя подробности ритуала указываютъ на довольно позднее происхожденіе и на фактъ погребенія въ ней христіанина, иначе лицо жертвеца было бы обращено къ югу, по направленію къ Меккѣ.

Ничто не мѣшаетъ поэтому предположенію, что погребен-

ный. одинъ изъ тѣхъ павшихъ пшавовъ, о которыхъ повѣствуетъ вышеприведенная легенда.

Въ народной памяти сохранилось воспоминаніе и о двухъ другихъ герояхъ, также предводительствовавшихъ пшавами въ битвахъ съ лезгинами. Имена ихъ Сула и Гуртгела. Записанная мною легенда считаетъ ихъ родными братьями. Согласно ей, они пали въ одинъ и тотъ же день въ славной битвѣ въ Чарглискари, ущельѣ вѣдушемъ къ Чаргалу. Въ лексахъ приводятся слова оплакивающей ихъ кончину матери: «сыны мои, Сула и Гуртгела, лежите вы ранеными въ Чарглискари, держа въ рукахъ щиты и защищая ими другъ друга отъ палящихъ лучей солнца». Чаргальцы доселѣ указываютъ мѣсто жительства обоихъ братьевъ, прибавляя, что къ нему однажды спустился самъ святой Георгій.

Большинство историческихъ легендъ заняты однако повѣствованіемъ не о военныхъ успѣхахъ пшавовъ, а о мирной пропагандѣ въ ихъ средѣ христіанства тѣмъ самымъ Копалою, котораго и хевсуры признаютъ своимъ первоучителемъ. Святая Нина, уроженка Каппадокіи и двоюродная сестра Георгія, гласитъ преданіе, пожелала обратить пшавовъ въ христіанство, но они бѣжали въ Тушетію, не желая измѣнить своей вѣрѣ. Вскорѣ однако они вернулись оттуда, и царь Меріанъ, виновникъ крещенія Грузій, вознамѣрился обратить ихъ въ христіанство силою оружія, но святая Нина воспротивилась этому, предпочитая насилію проповѣдь. По ея желанію въ Пшавію посланъ былъ монахъ Копала, родомъ изъ Греціи. Онъ поселился на правомъ берегу Арагвы, въ небольшомъ разстояніи отъ Чаргала. Мѣсто это доселѣ носитъ въ глазахъ не однихъ пшавовъ, но и ихъ сосѣдей хевсуръ, характеръ святилища. Путь изъ Магараскари, самаго южнаго изъ пшавскихъ селеній, въ Чаргаль проходитъ мимо капища, сооруженнаго вѣрующими въ этомъ мѣстѣ. Я имѣлъ поэтому возможность осмотрѣть его лично. Подобно другимъ однохарактернымъ святилищамъ, Копала Цминди (такое имя, подъ которымъ оно извѣстно пшавамъ) не представляетъ ни малѣйшаго сходства ни съ церковью, ни съ часовней. Четырехугольный необтесанный камень, окруженный природнымъ полукругомъ такихъ же камней, носящихъ всѣ признаки сидѣнія,

и рядомъ, сложенный изъ необдѣланныхъ плитъ конусообразный сводъ съ прикрѣпленнымъ къ нему металлическимъ колоколомъ—вотъ все, что находятъ здѣсь путешественникъ, приготовленный ходячими описаніями къ совершенно иному зрѣлищу. Ни какихъ развалинъ древняго храма, о которыхъ упоминаетъ г. Сослани, здѣсь нѣтъ и помину ¹⁾). Главнымъ предметомъ почитанія является уже упомянутый четырехугольный камень, стороны котораго представляютъ замѣтныя углубленія. Къ его поверхности пшавы прикрѣпляютъ во время праздника нѣсколько восковыхъ свѣчей, согласно обычаю доселѣ ходячему въ восточной церкви. Для пшавы Копала Цминди своего рода Кіевъ или Римъ. Здѣсь по преданію Копала вступилъ впервые въ ожесточенную войну съ злыми духами, такъ называемыми деви, которыхъ воображеніе пшавовъ рисуетъ тѣми же красками, что и у хевсуръ, т. е. челоуѣкоподобными великанами съ вывороченными ногами и ногтями, длинными какъ кинжалъ. Союзниками въ этой борьбѣ были для Копалы приведенныя имъ въ Пшавію монахи, разнесшіе христіанство по всей странѣ. Отъ нихъ ведутъ свое происхожденіе современные хевсбери, терминъ, который въ переводѣ означаетъ старцевъ ущелья; эти міряне принимаютъ на себя добровольно исполненіе между своими согражданами священнослужительскихъ обязанностей, какъ то: верховное завѣдываніе праздниками, совершеніе таинствъ и т. п. О самомъ камнѣ, на которомъ, по преданію, возсѣдалъ Копала, народные лексы сообщаютъ слѣдующія не лишеныя интереса подробности. Зная, что камень служить Копалѣ мѣстомъ для сидѣнія, деви решился унести его съ собой; съ этою цѣлью, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ Копалы, онъ перевязалъ камень веревками; во время затягиванія ихъ случайно придавлены были колѣнами двѣ стороны сѣдалища, отъ чего и образовались замѣтныя на немъ углубленія. Взмахнувъ его себѣ на плечи, деви бѣгомъ удалялся изъ указаннаго мѣста. По возвращеніи съ охоты Копала хватился камня и, заподозрѣвъ деви въ его похищеніи, погнался за нимъ, но тотъ былъ уже далеко. Пришлось направить въ него стрѣлу на разстояніи 20 верстъ.

¹⁾ См. Новое Обозрѣніе. 1886 года, № 761.

Стрѣла произвела ожидаемое дѣйствіе и деви палъ на мѣстѣ мертвымъ, похищенный же имъ камень Копалавзялъ съ собой обратно.

Трудно было бы категорически отвѣтить на вопросъ, какихъ вѣрованій придерживались пшавы въ эпоху, предшествующую христіанству, хотя нѣкоторыя данныя для сужденія объ этомъ даютъ намъ встрѣчающіяся въ ихъ средѣ суевѣрія. Если не говорить о тѣхъ изъ нихъ, которыя вызваны обоготвореніемъ христіанскихъ святыхъ и въ частности Богородицы и обоихъ архистратиговъ — Гавріила и Михаила, то не трудно будетъ отыскать общій для нихъ источникъ, съ одной стороны, въ культѣ предковъ, съ другой—въ очеловѣченіи извѣстныхъ силъ природы, очень близкомъ по характеру къ тому, какой представляеть намъ миѳологія классическихъ народовъ. Я обращаю прежде всего вниманіе на эту сторону религіи пшевовъ, такъ какъ она не стоитъ въ прямой связи съ самымъ строемъ ихъ общественной жизни и не потребуетъ поэтому предварительнаго знакомства съ ихъ родовымъ устройствомъ, безъ чего порядки почитанія ими усопшихъ представили бы трудности къ пониманію.

Пшавы далеко не единственная народность Кавказа, въ религиозныхъ представленіяхъ которой можно встрѣтить слѣды поклоненія тѣмъ или другимъ божествамъ греко-римскаго пантеона. Абхазцы, заселявшіе еще недавно тѣ самыя мѣстности, въ которыхъ прежде расположены были цвѣтушія греческія колоніи, своимъ культомъ Афы, повелителя надъ громомъ, Шесту, покровителя кузнечнаго дѣла, Джаджи — богини урожаяевъ и т. д., невольно переносятъ насъ въ міръ почитателей Зевса, Вулкана и Цереры ¹⁾. Сходство пшавскихъ божествъ съ божествами классической древности болѣе отдаленное; мѣсто Зевса громовержца занялъ пророкъ Илія, атрибуты котораго, молніеносныя стрѣлы, довольно близки впрочемъ къ атрибутамъ этого бога. Подобно абхазцамъ пшавы знаютъ Цереру, подъ наименованіемъ Матери земли. Она слыветъ у нихъ дѣвственницей. Имъ хорошо извѣстна также Діана, покровительница звѣрей, далеко, впрочемъ, не всѣхъ, а только чистыхъ, т. е.

¹⁾ См. статью, озаглавленную «Религиозныя вѣрованія абхазцевъ». Сб. св. о кавказ. горахъ, т. V.

годныхъ въ пищу; а такими согласно воззрѣніямъ заимствованнымъ пшавами у мусульманъ, не могутъ быть ни домашняя свинья, ни дикій вепрь. Фантазія пшавовъ рисуетъ названную богиню чертами нѣсколько отличными отъ тѣхъ, которыя извѣстны намъ изъ классической древности: въ представленіяхъ пшавовъ это дѣвственница низкаго роста съ волосами ниже колѣнъ. Охотники, прежде чѣмъ собраться въ путь, обращаются къ ней съ молитвой доставить имъ звѣря и всякую удачу приписываютъ ей заступничеству,

Языческія божества далеко не стоятъ у пшавовъ на первомъ планѣ. Напротивъ, наибольшимъ почитаніемъ пользуются обоготворенные христіанскіе святые: архангелъ Михаилъ, святой Георгій побѣдоносець, отчасти царица грузинская Тамара и ея сынъ Лашъ. Особенно популяренъ между ними Георгій. Можно насчитать до пяти народныхъ празднествъ, совершаемыхъ ежегодно въ его честь: 9 іюля въ Шуапхо и въ тотъ же день въ Цхаро, 12 въ Наквалесави, въ мѣстности, называемой Котія, отъ 13 по 17 іюля въ Цихегороба, 18-го въ Хоторахъ, наконецъ 29 въ Коголоурта, Лашарисъ-джвари и Тамаръ-Мепе. Большинство этихъ мѣстностей расположено въ задней Пшавіи или такъ называемой Конопшавіи, т. е. лежащей по верховью пшавской Арагвы до соединенія ея съ хевсурской.

Не менѣе трехъ праздниковъ устраивается ежегодно и въ честь архангела Михаила—18 іюля въ Цабурта, 20 въ Матура, 15 августа въ Пичо. Оба послѣднія селенія расположены въ Конопшавіи. Сравнительно съ перечисленными святыми, Богородица въ меньшемъ почетѣ: въ ея честь установленъ всего одинъ праздникъ въ году, именно въ Муко 15 августа, въ день ея Успенія. Что касается до Христа, то Рождество и Пасха, посвященные его памяти, далеко не считаются пшавами такими же торжественными днями, какъ тѣ, какіе перечислены нами выше.

Послѣ всего сказаннаго, не трудно прійти къ заключенію, что христіанство далеко не пустило глубокихъ корней въ современномъ бытѣ пшавовъ, что его догматы усвоены были чисто вѣдшимъ образомъ, такъ что на почвѣ монотеизма не трудно было воскресить не вполне угасшія политеистическія ученія. Такой выводъ покажется еще болѣе обоснованнымъ, разъ мы

познакомимся даже въ общихъ чертахъ съ обрядовой стороною религіи пшавовъ. Хотя общество распространенія христіанства и построило въ Пшавіи нѣсколько церквей и доселѣ покрываетъ издержки по содержанію священниковъ, пшавы упорствуютъ въ своемъ нежеланіи посѣщать церковь и не призываютъ къ совершенію таинствъ присылаемыхъ къ нимъ пресвитерей. Священники въ Магараскарѣ, Чаргалѣ и Шуапхо въ одинъ голосъ жаловались мнѣ на то, что церкви стоятъ пустыми, а дохода отъ требъ почти не поступаетъ. Для пшавы мѣсто храма заступаетъ капище, а священника—хевсбери.

Почитаніе первыхъ такъ велико, что капище и окружающая его роща пріобрѣтаютъ характеръ священный. Во многихъ мѣстахъ лѣсъ сохранился только по сосѣдству съ такими освященными обычаемъ пунктами, такъ какъ рубить въ нихъ деревья считается тяжкимъ грѣхомъ. Что касается до мѣстныхъ жрецовъ или хевсбери, то они не представляютъ изъ себя ни наследственной касты, ни замкнутого сословія; чтобы сдѣлаться хевсбери надо въ средѣ своихъ согражданъ пріобрѣсть репутацію праведной жизни; но этого недостаточно: необходимо, чтобы призваніе того или инаго лица къ исполненію жреческихъ обязанностей раскрыто было всенародно чудомъ. Такимъ можетъ быть исцѣленіе опасно больнаго, которому гадалка раскрыла волю святаго имѣть его своимъ хевсбери и который далъ обѣтъ исполнить это требованіе въ случаѣ исцѣленія. Возможенъ также другой путь. Гадалка, обращаясь въ кликушу, въ экстазѣ выкрикиваетъ какое нибудь имя, заявляя, что лицо, которому оно принадлежитъ, то самое, какое святой (Хати) избралъ себѣ въ жрецы. Лицо, имя котораго было названо, волею неволею поступаетъ въ служители капища. Отказъ съ его стороны, по обычаю, не допускается. Наконецъ можно попасть въ хевсбери еще и слѣдующимъ образомъ. Въ моментъ кончины того или другаго изъ жрецовъ, желающій занять его мѣсто спѣшитъ въ капище, падаетъ на колѣни и начинаетъ пророчествовать. Народъ, повѣривши его вдохновенію свыше, провозглашаетъ его хевсбери ¹⁾. Призванный къ этому служенію собираетъ около

¹⁾ Записка Буткова, цитированная Дубровскимъ, т. II, стр. 295.

капища нѣсколько старцевъ, которыхъ угощаетъ заколотою имъ на мѣстѣ коровой. Собравшіеся отбираютъ отъ него клятву соблюдать всѣ обряды религіи и употреблять въ пищу только мясо рогатаго скота. Хевсбери, по словамъ кн. Эрстова, держатъ себя далеко отъ народа, стараются казаться святыми и убѣдить народъ, что въ нихъ обитаетъ святой духъ. Съ этою цѣлью они въ старые годы во время жертвоприношеній нерѣдко выпускали скрытыхъ у себя голубей для убѣжденія легковѣрныхъ, что божество присутствуетъ въ нихъ въ голубиномъ образѣ ¹⁾). Обязанности хевсбери весьма разнообразны. Въ старые годы они предводительствовали на войнѣ и поставляли судебныхъ посредниковъ во время мира. Какъ духовныя лица, они совершали и доселѣ совершаютъ таинства и предѣдательствуютъ на празднествахъ. Приготовленіе пива для происходящей въ эти дни всенародной пирушки выпадаетъ на обязанность хевсберя. Помощникомъ его считается такъ называемый мулта, которому ввѣряется храненіе находящихся при капищѣ священныхъ сосудовъ и предметовъ, пожертвованныхъ частными благодетелями, обыкновенно роговъ оленей, туровъ, дикихъ козъ и т. п. Изъ таинствъ хевсбери отправляетъ только два: крещеніе и причащеніе, такъ какъ они одни соблюдаютъ пшавами. На послѣднее пшавецъ смотрятъ, впрочемъ, скорѣе съ медицинской, нежели съ религіозной точки зрѣнія. Опустивши куски хлѣба въ заготовленное для праздника пиво (луди), хевсбери причащаетъ ими больныхъ, ищущихъ выздоровленія.

Публичное богослуженіе, органами котораго являются хевсбери, не устраняетъ существованія у пшавовъ весьма выработаннаго домашняго культа. Культъ этотъ составляетъ даже наиболѣе жизненную сторону ихъ религіи, такъ какъ стоитъ въ прямой связи съ ихъ общественной организаціей, частью поддерживая ее, частью находя въ ней самой свое ближайшее обоснованіе.

Это обстоятельство заставляетъ насъ предпослать дальнѣйшему очерку религіознаго быта пшавовъ нѣкоторыя подробности объ ихъ родовомъ и семейномъ устройствѣ.

---

¹⁾ Записка о тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ, кн. Р. Эрстова.

Подобно большинству горцев сѣвернаго и южнаго склона Кавказскаго хребта, изучаемое нами племя живетъ обширными кровными союзами. Хотя искусственное дѣленіе на волости, введенное въ Пшавіи русскимъ начальствомъ, затѣнило нѣсколько эту сторону ихъ жизни, такъ какъ въ одну волость нерѣдко включаемы были поселки, занятые разными родами, все же безъ труда можетъ быть установленъ тотъ фактъ, что первоначальное занятіе отдѣльныхъ мѣстностей производимо было пшавами по родамъ, *generatim*, сказалъ бы Цезарь. Для примѣра укажемъ хотя бы на чаргальское общество. Оно занимаетъ площадь около 62 квадратныхъ верстъ и включаетъ въ свой составъ цѣлыхъ четыре поселка. Во всѣхъ и каждомъ изъ нихъ поселены члены одной изъ слѣдующихъ семей: Пиркутіани, Шавердіани, Ражкаани, Баяни, Горзамаули и Гураспаули. Всѣ эти семейства считаются родственными другъ другу и принадлежащими къ одному роду Гогочури. Нагляднымъ проявленіемъ этого единства является запрещеніе браковъ между членами перечисленныхъ семей. Пшавы, въ отличіе отъ дагестанскихъ горцевъ, придерживаются началъ экзогаміи, т. е. выставляютъ требованіе, чтобы браки заключаемы были только съ чужеродцами ¹⁾. Недопущеніе ихъ въ предѣлахъ названныхъ семей является такимъ образомъ доказательствомъ принадлежности ихъ къ одному стволу. Ошибочно было бы думать однако, что единство рода предполагаетъ необходимо въ Пшавіи единство происхожденія или крови. Здѣсь, какъ и повсюду, родовая организація является результатомъ не одного лишь естественнаго размноженія какой либо одной семьи, но и включенія ею въ свой составъ разноплеменныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ.

Такими являются изъ перечисленныхъ нами семействъ три фамиліи: Горзамаули — выходцы изъ Кистетіи, Баяни, потомки татарскаго, и Гураспаули — потомки мохевскаго плѣнника ²⁾.

---

¹⁾ Экзогамія соблюдается пшавами съ такою строгостью, что браки даже съ дѣвушками изъ чужихъ ауловъ, буде мать невѣсть огажется одного рода съ женихомъ, не считаются дозволенными.

²⁾ Ср. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Тіонетскаго уезда, С. В. Мачабели, въ Матеріалахъ для изученія экон. быта госуд. крестьянъ Закавказья, т. I, стр. 385.

Принятіе чужеродца въ свою среду доселѣ практикуется между пшавами. Такой пріемышъ извѣстенъ подь наименованіемъ «капица». На него падаетъ обязанность угостить при своемъ вступленіи въ общину всѣхъ ея поселенцевъ, для чего зарѣзывается имъ быкъ и баранъ и ставится чапа вина. Послѣ такого пиршества онъ считается принятымъ въ общину и по отношенію къ браку попадаетъ въ тѣ же условія, что и коренные уроженцы. Усыновленіе селеніемъ или — что тоже въ данномъ случаѣ — родомъ не устраняетъ возможности частнаго усыновленія, совершаемаго путемъ прикосновенія губами къ обнаженной груди жены усыновителя или вообще старшей женщины въ его семьѣ. Этими двумя способами установленія фиктивнаго родства созданы были тѣ условія, благодаря которымъ родъ у пшавовъ сдѣлался со временемъ конгломератомъ разноплеменнѣйшихъ семей. Это обстоятельство ни мало не мѣшаетъ существованію миѣческаго представленія объ общемъ родоначальникѣ, обыкновенно наиболѣе славномъ членѣ одной изъ славившихся семей, удачномъ предводителѣ на войнѣ, праведномъ и мудрою правителѣ и судѣ. Культъ этого общаго предка является высшимъ выраженіемъ родоваго единства и современемъ замѣняетъ даже недостающее начало общности крови. Кто пріобщенъ къ этому культу, считается родичемъ, будь онъ не болѣе какъ пріемышъ. Родовая организація не исключаетъ возможности обособленнаго существованія входящихъ въ ея составъ семей. Мы встрѣчаемся съ нею у пшавовъ, какъ и у другихъ горцевъ Кавказа, но при этомъ должна быть отмѣчена та любопытная черта, что у этого народа семьи отличаются особеннымъ многочисленіемъ и включаютъ въ себя нерѣдко до сорока человекъ обоого пола. Пшавы враги раздѣловъ, отъ которыхъ въ ихъ представленіяхъ семьи необходимо должны прійти въ упадокъ. Семья представляетъ несравненно большее внутреннее единство, чѣмъ только что описанный нами родъ; единство кровное, экономическое и религіозное. Первое не устраняетъ, впрочемъ, какъ мы видѣли, возможности усыновленія чужеродца; что касается до экономическаго единства, то проявленіемъ его слѣдуетъ считать порядокъ совмѣстнаго веденія хозяйства, подь руководствомъ не всегда старшаго, а способ-

нѣйшаго, и неизмѣнно мужчины. Одна стряпня и шитье состоятъ въ завѣдываніи женской половины семья, при чемъ женщины чередуются по годамъ въ отправленіи обязанностей старшей хозяйки.

Наконецъ, какъ религіозный союзъ, семья у Пшавовъ является очагомъ особаго культа, предметъ котораго покойники. Общеніе живущихъ съ умершими, необходимость поминанія и кормленія усопшихъ душъ, ихъ загробная жизнь близкая къ земной, и постоянное предстательство ихъ за потомство—всѣ эти и другія однохарактерныя вѣрованія уложились у Пшавовъ въ такую же, если не болѣе стройную систему, какъ и у осетинъ. Выработанность ея выступаетъ изъ того іерархическаго подчиненія, въ какомъ семейные святыя стоятъ къ святымъ рода и наконецъ къ общимъ патронамъ всѣхъ родовъ, составляющихъ пшавскую народность. Подъ послѣдними я разумю въ частности Тамаръ - Мепе или царицу Тамару и ея сына Лашу, сливающагося у Пшавовъ съ представленіемъ о святомъ Георгіи, который такимъ образомъ также является своего рода пенатомъ, духомъ покровителемъ, главою агнатическаго культа. Знакомясь со всѣми частностями того почитанія, какимъ Пшавы окружаютъ своихъ предковъ, невольно останавливаешься на мысли, что въ немъ именно слѣдуетъ видѣть древній культъ этого народа, слабо измѣненный и примѣсью нѣкоторыхъ греко-римскихъ мифовъ, и позднѣйшимъ введеніемъ христіанства; сквозь искусственную кору послѣдняго пробилось со временемъ, какъ живая струя, это вполнѣ народное вѣрованіе, затемняя все, что въ христіанскомъ ученіи не могло амальгамироваться съ нимъ. Православныя святыя такъ или иначе размѣстились по восходящей іерархической лѣстницѣ, смотря по способности ихъ ужиться съ народнымъ культомъ. Ученіе о Богѣ, какъ о творцѣ міра, и о Богочеловѣкѣ, его искупителѣ, какъ совершенно чуждое ему по духу, со временемъ было предано забвенію. Отъ христіанства удержано только почитаніе ангеловъ-хранителей, слившееся во едино съ культомъ домашнихъ предковъ, да такихъ покровителей и заступниковъ всего народа, какъ Георгій, Михайлъ и Богородица.

Познакомимся теперь съ частностями этого семейно-родоваго

культы, интересъ которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ сближенія ихъ съ однохарактерными чертами греческихъ или римскихъ вѣрованій; посмотримъ, какъ понимаетъ житель Пшавіи свои обязанности къ покойникамъ и покойниковъ къ нему, и начнемъ для этого нашъ обзоръ съ момента кончины кого либо изъ родственниковъ. Этотъ фактъ является важнымъ событіемъ не въ одной лишь семьѣ усопшаго, но и во всеѣ его родѣ, поэтому не только та деревня въ которой онъ жилъ, но и всѣ родственныя съ ней селенія обязаны принять участіе въ похоронахъ и съ этою цѣлью пріостановить работы до момента преданія мертвеца землѣ.

Но если печаль, вызываемая смертью родственника, является всеобщей, то съ особенной рѣзкостью выступаетъ она въ поведеніи ближайшихъ къ нему по крови лицъ, старшаго брата и сестры. Не бритый, съ надвинутой на глаза шапкой, съ разорванной рубашкой и обнаженной грудью, сидитъ въ ожиданіи посѣтителей ближайшій родственникъ покойнаго. «Отчего не я умеръ, говоритъ гость, обращаясь къ хозяину, почему довелось мнѣ видѣть тебя въ такой печали?»—«Да постигнетъ она твоего врага и злодѣя», отвѣчаетъ послѣдній. Гость продолжаетъ: «О какое несчастіе. Ты лишился человѣка достойнѣйшаго, его покроетъ земля, а такой, какъ я, ходитъ подъ солнцемъ». Нѣсколько минутъ продолжается подобное сѣтованіе, пока посѣтителя не отпустятъ съ словами: да не пошлетъ Богъ зла на вашу голову. — Если печаль мужчинъ должна выразиться въ внѣшнихъ знакахъ, то тѣмъ болѣе печаль женщинъ. Обрѣзываніе косы, замѣнившее, какъ извѣстно, обрядъ самопожертвенія или добровольнаго лишенія себя жизни надъ трупомъ покойника, доселѣ въ ходу между пшавами, когда покойникомъ является братъ; это предпочтеніе, оказываемое обычаемъ брату предъ мужемъ — черта далеко не безъинтересная: въ ней нельзя не видѣть пережитка той отдаленной эпохи, когда главою родовой группы, объединенной фактомъ дѣйствительнаго или мнимаго происхожденія отъ женщины — родоначальницы, являлся старшій по возрасту родственникъ по матери, ближайшій когнатъ. Мы увидимъ ниже, что это далеко не единственный указатель существованія нѣкогда у пшавовъ тѣхъ общественныхъ отно-

шений, которыя обнимаются понятіемъ материнства. Но вернемся къ описанію похороннаго ритуала. Покойника обмываютъ, одѣваютъ въ чистую одежду и кладутъ на доски, безъ гроба. На грудь мертвеца накладываютъ кинжалъ и шашку, въ ноги ему дѣвушки родственницы бросаютъ свои обрѣзанныя косы. Собравшаяся вокругъ толпа начинаетъ выть и стонать, при чемъ въ этомъ обрядѣ оплакиванія выдающаяся роль выпадаетъ на долю женщинъ. Присяжная плакальщица становится впереди толпы и, опершись на шашку покойника, начинаетъ громко причитать слѣдующее: «вставай герой, довольно спать; пришли къ тебѣ твои сверстники. Не слушаетъ онъ насъ, недоволенъ видя нами, горе намъ. Оставшаяся вдовою жена уйдетъ въ домъ своихъ родителей, сироты будутъ плакать, пашни опустѣютъ, враги возликуютъ отъ радости». Плакальщица заканчиваетъ свою рѣчь просьбою къ мертвецу, чтобы онъ передалъ ей поклонъ собственнымъ ея покойникамъ и сообщилъ бы имъ о постигшихъ ее несчастіяхъ. Все это произносится во весь голосъ и нараспѣвъ. Слова плакальщицы подхватываются воплемъ присутствующихъ, такъ что въ общемъ картина производитъ то именно впечатлѣніе, какое шавы хотѣли передать, сравнивъ плакальщицу съ похороннымъ колоколомъ и прозвавъ ее «Мозаре» (что значитъ замѣняющая кококоль).

На третій день послѣ кончины слѣдуютъ похороны, сопровождаемыя поминками. Эти поминки повторяются затѣмъ въ 40-й день кончины, въ концѣ 2-го и 5-го мѣсяца, и наконецъ въ концѣ перваго года. Каждый разъ рѣжутъ барановъ и заготавливаютъ пива или бузы. Кромѣ частныхъ поминокъ, посвящаемыхъ воспоминанію о недавно понесенной семьею уtratѣ, мы встрѣчаемъ въ Пшавѣ и общія поминки всѣхъ покойниковъ. Поминки эти повторяются въ опредѣленные годовые сроки: на Рождество, наканунѣ великаго поста, въ первые три дня Пасхи, а также на 9-й день послѣ Вознесенія. Во всѣхъ семьяхъ готовятъ кутью изъ гороха или пшеницы, заправленныхъ медомъ и водою, а также—круглыя лепешки изъ муки, смѣшанной съ масломъ ¹⁾. На могилахъ покойниковъ служатся панихиды. Свя-

¹⁾ Мука растирается съ масломъ и образовавшійся такимъ образомъ комокъ заворачивается въ лепешку изъ тѣста.

щенникъ получаетъ въ вознагражденіе четвертую часть всѣхъ приношеній, а также шкуру и заднія ляжки зарѣзываемыхъ въ эти дни животныхъ; остальное съѣдается на мѣстѣ. Поминки обходится семьѣ ежегодно отъ 5 до 50 рублей, смотря по состоянію, и являются для пшавовъ такимъ же частымъ источникомъ раззоренія, какъ и для осетинъ или сванетовъ. Въ Пшавіи поминаютъ мертвыхъ не только въ специально отведенные для этого дни, но и ежедневно въ теченіе года слѣдующаго за ихъ кончиной. Поминовение въ этомъ случаѣ не сопровождается какими либо особыми затратами. Старшая женщина въ семьѣ, прежде чѣмъ приступить къ пищѣ, произноситъ вслухъ слѣдующія слова: «да простятся вамъ грѣхи, наши мертвые, давно и недавно скончавшіеся! да достанутся вамъ опрѣсноки! и да освѣщаетъ и радуетъ вашу душу зажженная свѣча! Распо­ряжайтесь этими опрѣсноками и свѣчами какъ хотите, при­гласите ѣсть съ вами опрѣсноки того, кто ждетъ отъ насъ по­минокъ, но кого мы вспомнить не можемъ. Безъ вашего позволенія пусть никто не присвоитъ себѣ вашихъ опрѣсноковъ». Въ этихъ словахъ, какъ и въ однохарактерныхъ причитаніяхъ осетинъ ¹⁾, сказывается то представленіе, какое пшавы имѣютъ о загробной жизни. Подобно живущимъ, мертвецы, по ихъ мнѣнію, нуждаются въ пищѣ, питьѣ и даже освѣщеніи. Доставляющій имъ все это родственникъ считается исполнившимъ свои обязанности по отношенію къ предкамъ; онъ вправѣ по­этому ждать ихъ заботливаго заступничества и предстательства. Иное дѣло, если мертвецы останутся безъ приношеній: голод­ные они становятся грагами своего потомства и насылаютъ на него всякія бѣдствія ²⁾).

Одной изъ причинъ болѣзней пшавы считаютъ неисполненіе своихъ обязанностей по отношенію къ покойникамъ. Поражен­ный недугомъ нерѣдко обращается за совѣтомъ къ такъ назы­

¹⁾ См мой «Современный обычай и древній законъ», т. I, гл. II, стр 80.

²⁾ По возвращеніямъ пшавовъ важно не только то, чтобы у мертвыхъ была пища, но и чтобы пищей этой было мясо чистыхъ животныхъ; вотъ почему въ теченіе 6 мѣсяцевъ послѣ похоронъ пшавецъ боится убить нечастаго звѣря изъ опасенія, чтобы мясо его не пошло въ пищу покойнику.

ваемой «гадалкѣ душъ» (кадаги) и черезъ ея посредство узнать, что причиною болѣзни—гнѣвъ того или иного покойника, вызванный несовершеніемъ въ его честь поминокъ. Чтобы уми-лостивить его, пшавецъ спѣшитъ зарѣзать барана и наготовить лепешекъ. Если и послѣ этого болѣзнь продолжится, онъ на-чинаетъ пенять на покойника, упрекая его въ неблагодарности. Любопытную сторону религіозныхъ вѣрованій пшавовъ предста-вляетъ ихъ ученіе о загробномъ мірѣ; характерной его чертой является смѣшеніе въ немъ христіанскихъ и языческихъ понятій. Пшавскій «шаветь» (въ переводѣ мракъ) представляетъ боль-шое сходство съ осетинскимъ обиталищемъ умершихъ, какъ и съ христіанскимъ раемъ и адомъ. Душа проникаетъ въ него послѣ длиннаго странствія. Проводниками душъ умершихъ во время ихъ странствій являются ранѣе ихъ покинувшіе міръ родственники. Эти проводники душъ извѣстны у пшавовъ подъ наименованіемъ «мгебры». Самъ «шаветь» представляется во-ображенію пшавы обширнымъ пространствомъ, слабо освѣща-емымъ свѣтомъ, похожимъ на свѣтъ вечерней зари, почему послѣдняя и носитъ у нихъ названіе солнца мертвецовъ. По этому мрачному пространству протекаетъ смоленая, вѣчно го-рящая рѣка, черезъ которую перекинуть мостъ изъ одного во-лоса; одни праведники переходятъ черезъ него, грѣшники не-избѣжно падаютъ внизъ въ вѣчный пламень. «Шаветь» насе-ленъ цѣлымъ міромъ пресмыкающихся гадъ; они питаются во-лосами женщинъ и усами мужчинъ. Покойники говорятъ тихимъ и слабымъ голосомъ. Праведникамъ дозволяется ночью посѣ-щать землю для свиданія съ родственниками. Грѣшники же ни на минуту не выходятъ изъ пламени. Не всѣ также души до-стигаютъ «шавета»: кто умеръ бездѣтнымъ, кто не оставилъ нисходящихъ, обязанныхъ совершать по немъ поминки, тотъ осужденъ на вѣчное скитальчество. Пшавамъ, подобно римля-намъ и грекамъ, извѣстенъ особый «владѣтель мрака», своего рода Плутонъ, передъ которымъ покойники при своемъ перво-начальномъ появленіи обязаны преклониться трижды. Почитаніе усопшихъ играетъ въ бытѣ пшавовъ доселѣ такую первенству-ющую роль, что прочія стороны ихъ религіи сами приобрѣли отъ него извѣстную окраску. Говоря это, я имѣю въ виду

тотъ фактъ, что у каждаго рода есть свой особый патронъ, роль котораго исполняетъ, правда, тотъ или другой христіанскій святой, но не иначе, какъ на правахъ частнаго покровителя извѣстной только группы лицъ. Молитва къ нему можетъ быть услышана только въ томъ случаѣ, если выходитъ изъ ихъ среды. Его образъ «хати» или вѣрнѣе мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ образъ (такъ какъ сами образа давно исчезли), считается святыней только въ ихъ глазахъ. Клятва связываетъ только ихъ совѣсть, они одни считаются «рабами образа». Для чужеродца «хати» является враждебной силой, которую можно побѣдить съ помощью своего собственнаго хати, т. е. образа того рода, къ которому принадлежитъ данное лицо. Отсюда получается такое представленіе, что «хати» разной силы—одинъ сильнѣе, другой слабѣе, смотря потому принадлежитъ ли онъ сильнѣйшему или слабѣйшему роду. Отсюда возможность такой же вражды между «хати» и представляемыми ими патронами, какая существуетъ между родами, возможность побѣдъ и поражений, наконецъ возможность союзовъ, выражающихся въ присоединеніи чужеродцевъ къ культу родоваго патрона. Обоготворенныя историческія лица, такія, какъ царица Тамара и ея сынъ Лаша, стоятъ во главѣ всего этого родоваго культа, такъ какъ признаются патронами одинакововсѣми и каждымъ изъ родовъ. Оба они носятъ характеръ народныхъ героевъ; но память народная мало сохранила чертъ ихъ историческаго прошлаго. Само представленіе о нихъ въ такой степени перемѣшалось съ представленіями о Богородицѣ и Св. Георгіѣ — на что указываетъ и само названіе послѣдняго «Лаша—Георгій», что неудивительно, если воинствующаго ангела мы находимъ во главѣ той іерархической системы, въ какой у пшавовъ расположены семейные родовые патроны, то есть обоготворенные предки.

То отраженіе родоваго устройства въ сферѣ народныхъ вѣрованій, какое представляетъ только что описанная нами система агнатическаго культа, не могло не оказать существеннаго вліянія на умственный и нравственный складъ изучаемаго нами общества. Разъ мы признаемъ тотъ фактъ, что отдѣльныя явленія нашей жизни вызываются тѣмъ или другимъ отношеніемъ къ намъ вымершихъ поколѣній, сфера свободнаго проявлені-

нія нашей воли окажется крайне ограниченной. Все, что ни случится съ нами, происходит съ вѣдома и желанія нашихъ предковъ. Ихъ рѣшенія не всегда вызываются нашимъ отношеніемъ къ нимъ. Предки могутъ оказаться неблагодарными и забывчивыми. Они могутъ поставить намъ въ вину невольныя дѣйствія и не возблагодарить насъ за совершаемыя въ ихъ честь поминки. Упреки и жалобы на нихъ обычное явленіе въ жизни пшавовъ. — Итакъ событія нашей жизни предопредѣлены; не даромъ пшавы говорятъ: «что у кого на лбу написано, того не миновать». Личная инициатива не можетъ измѣнить хода событій; она можетъ выразиться только въ большей или меньшей заботливости угадывать судьбу. Последняя всегда раскрывается намъ въ чудѣ, т. е. въ случайномъ, исключительномъ стеченіи внѣшнихъ явленій. Отсюда то значеніе, какое пріобрѣтаетъ у пшавовъ умѣніе читать судьбу по примѣтамъ, выдающаяся роль гадалокъ и гадальцевъ, сознаніе, что въ незначительнѣйшихъ явленіяхъ обыденной жизни можно увидѣть предсказаніе грядущихъ удачъ и бѣдствій.

Въ такъ называемыхъ народныхъ суевѣріяхъ пшавовъ мы находимъ на каждомъ шагѣ подтвержденіе только что высказанной мысли. Чтобы узнать, въ чемъ будетъ удача и неудача, каждая семья наканунѣ новаго года печетъ свой опрѣснокъ. До поступленія опрѣснока въ печь каждому виду семейнаго имущества отводится на немъ особое мѣсто: напр., середина рогатому скоту, правый край барану, лѣвый—курамъ и т. д. На слѣдующій день по вынутіи опрѣснока изъ печи смотрятъ, въ какомъ мѣстѣ тѣсто особенно поднялось; если въ томъ, которое считается частію рогатаго скота, то это вѣрный признакъ того, что въ ближащій годъ скотъ дастъ хорошій приростъ и т. п. Первый, кто войдетъ въ саклю съ пожеланіемъ счастья на новый годъ, обязанъ прокатить опрѣснокъ по полу;—уклонится опрѣснокъ вправо—хорошій знакъ, влево—дурной. Для борьбы съ животными и злыми духами нѣтъ другихъ средствъ кромѣ заклинаній. Волку можно связать зубы, т. е. сдѣлать его безвреднымъ для скотины, положивши зажженный уголь въ отверстіе камня употребляемаго при толченіи. И птицу можно отклонить отъ истребленія посѣвовъ, поставивши ей горячей

каши на масляницу. Чтобы «ружье не было связано», т. е. не давало промаха на охотѣ, надо воздерживаться отъ убійства собакъ, воронъ и кошекъ. Кто убьетъ кошку, тотъ совершаетъ большой грѣхъ; но тотъ, кто станетъ хранить ея ноги въ шапкѣ, тому семейный, родовой патронъ (хати) проститъ всѣ его грѣхи. Чтобы избавиться отъ дурнаго вліянія злыхъ духовъ, надо также принимать извѣстные мѣры осторожности и, въ частности, не стричь явно волосъ и ногтей, а дѣлать это въ тихомолку и сжигать ихъ немедленно, а то деви завладѣетъ ими и съ помощью ихъ станетъ дурно вліять на судьбу лица, которому они принадлежали. Заболѣетъ ктонибудь—болѣзнь не имѣетъ другой причины, кромѣ недовольства того или другаго предка, забытаго при поминкахъ, или того или другаго образа или, что то же, патрона. Пшавы такъ страшатся, чтобы кто либо изъ предковъ не остался безъ пищи по ихъ забывчивости и не вздумалъ мстить имъ за это, что при совершеніи поминокъ дѣлаютъ, какъ мы видѣли, особое обращеніе къ тѣмъ изъ нихъ, «которыхъ они вспомнить не могутъ». Но какіе бы мѣры ни принимались противъ такой забывчивости, всетаки легко можетъ стать, что тотъ или другой предокъ останется безъ опрѣсноровъ; возможно также, что родовой патронъ разгнѣвается на недостатокъ вниманія къ нему того или инаго изъ своихъ почитателей. И предки, и образа мстительны и ихъ месть обыкновенно выражается въ напущеніи болѣзней. Поэтому заболѣвшій прежде всего черезъ посредство гадалки старается узнать имя того разгнѣваннаго имъ покойника или образа, который является виновникомъ его страданій, а затѣмъ средство помочь бѣдѣ, т. е. характеръ того дѣйствія, совершеніемъ котораго обиженный можетъ быть умилостивленъ. Такимъ дѣйствіемъ, какъ мы видѣли, можетъ быть или простое совершеніе поминокъ или обѣтъ болящаго поступить служителемъ образа—сдѣлаться его «хевсери». Въ сновидѣніяхъ также раскрывается людямъ ожидающая ихъ судьба; такъ, напримѣръ, охотникъ узнаетъ о предстоящей ему богатой поживѣ, видя себя во снѣ съ окровавленными руками и кусками мяса у своихъ ногъ. Увѣренность въ томъ, что боги мстительны, побуждаетъ пшавовъ къ строгому исполненію всего, что постановлено обы-

чаемъ. Но если обстоятельства сложились такъ, что такое отступленіе становится неизбѣжнымъ, пшаву не представляется инаго выхода какъ откупиться. Такъ, напримѣръ—обычай требуетъ прекращенія работъ съ полудня субботы по утро понедѣльника, но въ страдную пору это оказывается не всегда удобнымъ; обычай поэтому дозволяетъ пшаву откупиться отъ такого обязательства или, какъ они выражаются, «выкрестить субботу» закланіемъ барана и посвященіемъ его предкамъ.

Разборъ религиозныхъ вѣрованій и суевѣрій пшавовъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что подъ официальнымъ и виѣшнимъ покровомъ православія народъ этотъ стоитъ доселѣ на той стадіи религиознаго развитія, которая такъ удачно названа Тэйлоромъ анимизмомъ. Эта стадія, какъ извѣстно, обыкновенно сопровождается рѣшительнымъ подчиненіемъ религіи какъ общественной морали, такъ и права. Въ справедливости первой части этого положенія, какъ намъ кажется, вполне убѣждаютъ уже приведенные факты. Намъ остается поэтому перейти ко второй половинѣ нашей задачи и познакомить читателя съ характеромъ тѣхъ юридическихъ нормъ, какія сложились въ Пшавіи на почвѣ родовыхъ отношеній подъ непосредственнымъ вліяніемъ господствующихъ религиозныхъ понятій.

Въ судоустройствѣ и процессѣ, въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ пшавовъ, оба принципа, родовой и теологической, выступаютъ съ одинаковой наглядностью. Первый сказывается въ замѣнѣ начала индивидуализма началомъ кровной солидарности, второй въ допущеніи сверхъчужденной неземной силы къ рѣшенію тяжбъ и совершенію сдѣлокъ. Солидарность родственниковъ сказывается и въ сферѣ имущественныхъ отношеній, въ рѣшительномъ преобладаніи общинно-родовой собственности надъ собственностью личной; и въ сферѣ семейнаго права, въ безусловномъ подчиненіи женщины до замужества отцу и старшему въ родѣ отца, а послѣ замужества мужу и старшему въ родѣ мужа; и въ сферѣ наслѣдственнаго права, въ совершенномъ устраненіи въ наслѣдованіи женщинъ и въ привилегированномъ положеніи ближайшаго продолжателя рода—первенца; и въ сферѣ договорнаго права—въ слабой выработанности договоровъ и ограниченіи свободы распоряженій началами родовой

преэмиции и родового выкупа. Въ уголовномъ правѣ участие родственниковъ въ преслѣдованіи преступниковъ и въ платежѣ виры или композиціи, непосредственное преслѣдованіе цѣлымъ родомъ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ въ родственной средѣ, и поручительство въ доброй славѣ обвиняемаго, выражающееся въ институтѣ такъ называемой соприсяги, — также не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія во всеопредѣляющемъ значеніи кровнаго начала.

Что касается до втораго изъ указаннымъ нами прициповъ — принципа теологическаго, то его конкурирующее вліяніе выступаетъ и въ той выдающейся роли, какую въ свадебномъ ритуалѣ играетъ семейный очагъ — этотъ представитель родового культа, приобщеніе къ которому равнозначительно приобщенію къ культу домашнихъ божествъ, и въ существованіи особаго суда Божія въ формѣ испытанія обвиняемыхъ кипящею водою, и въ общераспространенности присяги: образомъ, свѣтомъ зажженнаго огня, именемъ царицы Тамары и ея сына Лаши, наконецъ матерью земли.

Болѣе детальное изученіе нѣкоторыхъ характерныхъ институтовъ не оставитъ, какъ мы надѣемся, ни малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности только что высказаннаго нами общаго положенія. Начнемъ нашъ обзоръ съ изученія характера имущественныхъ и въ частности земельныхъ отношеній у пшавовъ. Въ описаніи экономическаго быта крестьянъ Тіонетскаго уѣзда, составленномъ г. Мачабели, значитса, что однѣ усадебныя мѣста и прилежащія къ нимъ участки (Карись-Пири) оставляются за каждымъ дымомъ безъ жребія; всѣ же остальные пахатныя и покосныя земли передѣляются между домохозяевами волости. Выгоны, лѣтнія пастбища, дороги и неудобныя мѣста находятся въ общемъ пользованіи всѣхъ домохозяевъ, входящихъ въ составъ одного и того же рода даже въ томъ случаѣ, если они живутъ въ разныхъ селеніяхъ. Сверхъ того каждый домохозяинъ на протяженіи всѣхъ земель рода имѣетъ право выпаса скота по снятіи урожая ¹⁾. Это описаніе вѣрно настолько, насколько

¹⁾ См. Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края, т. V, стр. 386.

знакомить насъ съ характеромъ нынѣ существующей системы земельныхъ отношеній въ Пшавіи, во многомъ утратившей свои оригинальныя особенности подѣ влияніемъ тѣхъ перемѣнъ какія были искусственно привнесены русской администраціей. О распространѣннѣйшемъ во всей Грузіи, и въ частности въ Пшавіи, порядкѣ старозаимочнаго землевладѣнія въ приведенныхъ нами словахъ г. Мачабели нѣтъ и помину, и наоборотъ, о передѣлахъ не сказано, что они новѣйшее явленіе, о которомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ не было и помину. Изъ разспроса стариковъ я узналъ, что еще недавно землевладѣніе въ Пшавіи представляло любопытное сочетаніе племенной, родовой и нераздѣльно-семейной собственности. Лѣса стояли въ общемъ владѣніи всего пшавскаго народа. Пастбища были раздѣлены между родами, пахатныя же земли оставались, помимо всякихъ передѣловъ, въ наслѣдственномъ обладаніи нераздѣльныхъ семей на началахъ старо-заимочнаго землевладѣнія. Преобладающее значеніе скотоводства, вмѣстѣ съ рѣдкостью населенія, дѣлало возможнымъ безграничное господство этой захватной системы пользованія. «Ахо», или заимка, предполагающая корчеваніе лѣса, возникала помимо всякаго разрѣшенія съ чьей бы то ни было стороны. Собственность на нее сохраняема была до тѣхъ поръ, пока продолжалась сельскохозяйственная эксплуатація. Очевидно, что такая система пользованія необходимо предполагала существованіе неравенства и не могла мириться съ системой передѣловъ. Последніе были введены шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а въ 1882 году, при приставѣ Абхази, постановлено, что передѣлы должны происходить на разстояніи каждаго двадцати лѣтъ. Такъ какъ въ то же время не было принято никакихъ мѣръ къ урегулированію права пользованія пастбищами и предоставлена каждому возможность посылать столько скота на общее пастбище, сколько ему нужно, то не мудрено, если реформами русскаго начальства вовсе не достигнуто то уравниніе имущественныхъ правъ туземцевъ, къ котороту они, повидимому, были направлены. Богачи, какими являются владѣльцы большихъ стадъ, портятъ горныя пастбища, высылая на нихъ до 500 штукъ скота отъ дыма. Въ теченіе двухъ недѣль этотъ скотъ съѣдаетъ всю траву, не допустивши ее до цвѣтенія, послѣ чего его

гонять въ Хевсуретію, пастбища которой снимаются пшавами въ аренду. Благодаря такому хищническому способу пользованія, однолѣтнимъ травамъ не оставлена возможность осѣмениться, почему въ настоящее время на пастбищахъ встрѣчаются только травы многолѣтнія. Введеніе системы періодическихъ передѣловъ потребовало включенія въ категорію общинныхъ земель также земель старозаимочныхъ или такъ называемыхъ ахо. Последнія, впрочемъ, не сразу были объявлены достояніемъ всей общины. Въ теченіе пяти лѣтъ, слѣдующихъ за корчеваніемъ, пользованіе ими удержано было за первыми зайщиками и только по истеченіи этого срока займа поступала въ передѣлъ. Отнесеніе лѣсовъ, занимающихъ большую часть земельной площади Пшавіи, къ числу казенныхъ земель, искоренило въ самомъ источникѣ этотъ древнѣйшій способъ установленія семейной собственности на землю. Новыя займки запрещены и корчеваніе можетъ быть произведено не иначе, какъ съ разрѣшенія лѣсничаго. Картина имущественныхъ отношеній пшавовъ должна быть дополнена еще нѣкоторыми подробностями касательно пользованія фруктовыми деревьями, бортами, рыбными довами, правами охоты за пушнымъ и мелкимъ звѣремъ. При исключительномъ господствѣ народнаго обычая, древесныя плоды принадлежали лицу, посадившему дерево, все равно, на чьей бы землѣ не произведена была посадка; въ настоящее время деревья вмѣстѣ съ землей переходятъ въ силу передѣловъ въ пользованіе той семьи, которой они выпали по жребію. Что касается до бортовъ, то они составляютъ собственность того лица, которому удалось открыть пчелиный рой или загнать его въ древесное дупло. Охота и рыбная ловля свободны на протяженіи всей Пшавіи. Нечего и говорить, что дороги состоятъ въ общемъ въ пользованіи всѣхъ и cadaго, но не мѣшаетъ отмѣтить ту любопытную черту, что проѣзжающій имѣетъ право безвозмезднаго пользованія прилегающей къ дорогѣ травой во все время стоянки.

Движимая собственность въ Пшавіи частью семейная, частью личная. Къ послѣдней принадлежитъ, разумѣется, прежде всего оружіе и одежда, а также всѣ тѣ вещи, которыя идутъ въ приданое невѣстѣ: тюфяки, подушки, ковры и т. п. Другое дѣло—посуда и домашняя утварь; онѣ составляютъ достояніе

всей семьи. Оригинальную сторону пшавскихъ обычаевъ составляетъ тотъ фактъ, что тогда какъ сторонній заработокъ мужчинъ поступаетъ въ общую казну и идетъ на увеличеніе общаго имущества дыма, сторонній заработокъ женщины составляетъ ея личный капиталъ или такъ называемый «сатавно». По словамъ крестьянъ, говорить г. Мачабели, женщина, получая отъ дыму пищу и питіе, обязана взамятъ этого нести и опредѣленную работу; на каждую возлагается поэтому соткать и сшить столько то рубахъ и платья. Но разъ женщина выполнила свою подъемную работу, она вправѣ заняться сторонней работой, работой для продажи. Получаемый этимъ путемъ заработокъ идетъ въ ея пользу. Какъ только дѣвочка подрастетъ на столько, что можетъ работать, она пріобрѣтаетъ право на личный капиталъ, «сатавно». Я встрѣчалъ дѣвочекъ лѣтъ восьми, говорить г. Мачабели, имѣвшихъ уже свой личный капиталъ. Начиная съ дѣтства каждая женщина стремится къ тому, чтобы составить возможно большій «сатавно». Этимъ объясняется рѣдкое трудолюбіе пшавокъ, ихъ готовность не осваиваться минуты безъ дѣла. Личный капиталъ женщины при ея вступленіи въ бракъ возрастаетъ, благодаря пріобщенію къ нему подарковъ, дѣлаемыхъ ей ея собственными родственниками и родственникомъ жениха, а также приданымъ, которое выдѣляется не изъ семейной собственности, а изъ сатавна ея матери. Мужъ не имѣетъ права распорядиться личной собственностью жены; женщина сама пускаетъ ее въ оборотъ. Ея имущество не отвѣчаетъ за долги и взысканія, падающіе на дымъ ¹⁾).

Отъ имущественныхъ отношеній перейдемъ къ семейнымъ. Я сказалъ уже, что пшавы доселѣ живутъ большими семьями, нерѣдко въ 30—40 человекъ, по типу своему болѣе всего напоминающими юго-славянскую задругу. Подобно задругѣ семья пшавы имѣетъ не наследственнаго, а выборнаго главу. Выборъ падаетъ на того, кто умнѣе, трудолюбивѣе и нравственнѣе другихъ; если эти качества встрѣчаются въ старшемъ, то на него; въ противномъ случаѣ на кого либо изъ младшихъ членовъ семьи. Семейный старѣйшина, такъ называемый «мама-

¹⁾ Ibid., стр. 400.

каци», въ полномъ смыслѣ слова начальникъ надъ семьею. Даже ушедшій на заработки родственникъ продолжаетъ оставаться неотдѣленнымъ членомъ семьи, участвуетъ въ покрытіи ея затратъ, дѣлится съ нею заработкомъ, и во всемъ, что касается его хозяйственной дѣятельности, подчиняется руководительству избраннаго семьею мамакаци. Какъ общее правило, работы, производимыя отдѣльными членами семьи, распределяются между ними ея старѣйшиной, онъ же ведетъ хозяйство дыма и заключаетъ отъ его имени всякаго рода сдѣлки. Покупать и продавать безъ согласія мамакаци никто не въ правѣ. Возникающія въ средѣ семьи ссоры и несогласія поступаютъ на его разбирательство. Его рѣшенія должны безпрекословно быть приводимы въ исполненіе; въ противномъ случаѣ мамакаци остается только сложить съ себя обязанности главенства. При недовольствѣ старѣйшиной члены въ правѣ отрѣшить его отъ должности и производить за тѣмъ новые выборы.

Подобно тому какъ въ задругѣ или большой великорусской семьѣ наряду съ старѣйшиной мужчиной встрѣчается и старѣйшина женщина, такъ называемая домачиха или большуха, такъ точно въ семьѣ пшавовъ главенство ежегодно предоставляется одной изъ невѣстокъ. Выборная невѣстка получаетъ завѣдываніе домашнимъ хозяйствомъ. Съ одной стороны, она экономка въ домѣ, съ другой—глава женщинъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Она распределяетъ между ними работы, разбираетъ ихъ ссоры и несогласія, и въ то же время сама стряпаетъ на кухнѣ и расходуетъ семейный запасъ. Эти запасы выдаются ей нерѣдко на цѣлый годъ, въ хозяйство ея никто не въ правѣ вѣщиваться, но и она не въ правѣ отказать въ хлѣбѣ никому; каждый ѣстъ его сколько захочетъ. Что же касается до остальной пищи, то въ ней, смотря по имущественному положенію семьи, можетъ послѣдовать отказъ, даже въ томъ случаѣ, если ея требуетъ самъ дамакаци, ссылаясь на необходимость принять гостя. Не слѣдуетъ думать, чтобы управленіе семьи ея обими старѣйшинами носило характеръ неограниченнаго деспотизма: и мамакаци и діасахлисъ сами ищутъ совѣта и согласія отдѣльных членовъ, въ особенности старшихъ по лѣтамъ. Вечеромъ, когда вся семья собирается за ужиномъ, оба старѣйшины совѣ-

щаются о дѣлахъ со всѣмъ дымомъ. Въ подаваніи совѣтовъ одинаково участвуютъ какъ мужчины, такъ и женщины.

Замужество дѣвушекъ и женитьба юношей хотя и зависятъ главнымъ образомъ отъ ихъ родителей и прежде всего отъ отца составляютъ въ то же время предметъ бдительнаго контроля со стороны тѣхъ дымовъ, къ которымъ принадлежатъ брачующіеся. Вся семья заинтересована въ полученіи той платы, въ размѣрѣ отъ трехъ до пяти коровъ, какую вносятъ женихъ за невѣсту ¹⁾, а также въ надѣленіи жениха необходимыми средствами для празднованія свадьбы. Обыкновенный порядокъ заключенія брака въ настоящее время слѣдующій: женихъ съ вѣдома своего родителя посылаетъ сватовъ къ отцу невѣсты; въ случаѣ согласія слѣдуетъ рукобитіе, платежъ задатка (нишани), величиною въ 1 руб. 20 к., и обмѣнъ поцѣлуевъ. Какъ и въ древне-германскомъ правѣ сватовство носить характеръ юридической сдѣлки: нарушеніе отцемъ невѣсты принятаго на себя обязательства считается неисполненіемъ договора и женихъ вправе получить отъ отца невѣсты 16 коровъ за безчестіе. Свадебный ритуалъ заслуживаетъ вниманія, какъ отражающій на себѣ религіозныя вѣрованія шавовъ и, въ частности, культъ семейныхъ боговъ. При выходѣ изъ церкви къ платю невѣсты прикрѣпляютъ платокъ; ухватившись за свободный его конецъ, женихъ вводитъ невѣсту въ савлю. Вместе съ молодыми входитъ ихъ свита съ шаферомъ во главѣ; идя впереди молодыхъ, онъ держитъ въ рукахъ плоскій, круглый хлѣбъ, приготовленный на медѣ, въ который воткнуть крестъ съ тремя яблоками на концахъ. Предводительствуемые шаферомъ молодые троекратно обходятъ очагъ, причемъ шаферъ бьетъ кинжаломъ по спускающейся съ потолка желѣзной цѣпи (сакидели). Значеніе всѣхъ этихъ обрядовъ станетъ понятнымъ, если мы сопоставимъ ихъ съ однохарактерными дѣйствіями, представляемыми свадебнымъ ритуаломъ осетинъ. Предметомъ семейнаго культа, какъ я указалъ это въ другомъ мѣстѣ, считается у нихъ не только семейный очагъ, но и вса-

---

¹⁾ Платежъ 3 коровъ имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, если невѣстой является вдова.

щя надъ нимъ цѣпь, къ которой привѣшенъ котель ддя варки пици. Важнѣйшіе акты домашней жизни происходятъ у очага и связаны съ прикосновеніемъ къ его цѣпи. Пытаясь дать объясненіе тому факту, что культъ домашняго очага всюду, гдѣ онъ встрѣчается, стоитъ въ тѣсной связи съ культомъ предковъ, я въ моемъ «Совр. Об. и Древн. Законѣ» останавливаюсь на томъ фактѣ, что поглощеніе пици горящимъ на очагѣ огнемъ является единственнымъ нагляднымъ доказательствомъ въ принятіи ея покойникомъ, а такъ какъ питаніе мертвыхъ является обычной формой общенія съ ними живущихъ, то не удивительно, если очагъ, на которомъ варится эта пища, и огонь которымъ она поглощается, а также всѣ тѣ предметы, которые связаны съ приготовленіемъ пици, — какъ-то котель и цѣпь, носятъ характеръ чего то священнаго и стоятъ въ неразрывной связи съ почитаніемъ покойниковъ ¹⁾).

Нѣкоторыя подробности свадебнаго ритуала пшавовъ наводятъ на мысль о томъ, что заключенію у нихъ браковъ путемъ купли предшествовалъ, какъ и у другихъ народовъ, періодъ похищенія невѣсты. Начать съ того, что отецъ и мать невѣсты обязательно отсутствуютъ, тогда какъ отецъ и мать жениха стараются всячески задобрить невѣсту, принося ей въ подарокъ платье и денегъ. Эти факты находятъ надлежащее освѣщеніе, если сопоставить ихъ съ доннѣ встрѣчающимися изрѣдка случаями увода невѣсты, обыкновенно въ лѣсъ, при чемъ обычай требуетъ немедленнаго вступленія похитителя въ связь съ похищенной. Бракъ уводомъ сопровождается нынѣ платежемъ въ пользу родителей похищенной положенной за невѣсту платы, послѣ чего слѣдуетъ примиреніе. Дополняя всѣ эти данныя еще той характерной подробностью, что въ теченіе года, слѣдующаго за свадьбой, молодая воздерживается отъ посѣщенія своихъ родителей, мы приобретаемъ рядъ фактовъ, наипростѣйшимъ объясненіемъ которыхъ является признаніе брака уводомъ — древнѣйшей его формой въ Пшавіи.

Каноническія предписанія, общераспространенныя, какъ показалъ Вельо ²⁾, на протяженіи всего средневѣковаго міра, не

¹⁾ См. Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 78—80.

²⁾ Le droit du seigneur.

допускають сожителства молодыхъ въ первые три дня, слѣдующіе за свадьбой. Внѣшнимъ выраженіемъ этого запрета является тотъ фактъ, что во все это время лицо молодой покрыто вуалью. Только съ наступленіемъ третьей ночи, одна изъ близкихъ ей по мужу женщинъ, обыкновенно жена брата, снимаетъ съ ея лица покровъ, чѣмъ какъ бы выражается согласіе семьи невѣсты на бракъ. Этотъ фактъ сопровождается пляской и приношеніемъ молодой всякихъ подарковъ, имѣющихъ, повидимому, въ данномъ случаѣ то же значеніе, какое имѣеть у нѣмцевъ «утренній даръ» (Morgengabe), этотъ платежъ за дѣвственность.

Бракъ въ Пшавіи дозволенъ только между лицами, принадлежащими къ разнымъ родамъ. Эгзогамія здѣсь соблюдается съ такой строгостью, что достаточно факта принадлежности матери невѣсты къ одному роду съ женихомъ, чтобы сдѣлать бракъ невозможнымъ.

Хотя семья пшавовъ построена на началахъ строгой моногаміи, но безплодіе жены и боязнь остаться безъ потомства, вызываемая религіозными мотивами, въ частности угрозой вѣчнаго скитальничества въ загробной жизни, — причина тому, что бездѣтный супругъ съ согласія своей жены нерѣдко беретъ въ домъ любовницу. Прижитыя въ такомъ союзѣ дѣти считаются законными и наследуютъ наравнѣ съ послѣдними. Безплодіе можетъ сдѣлаться также поводомъ къ отпущенію жены мужемъ, сопровождаемымъ передачей ей сполна всего ея личнаго имущества, ея «сатавно», и уплатой ей сверхъ того особаго вознагражденія въ размѣрѣ пяти коровъ (самтцунebro). Обыкновеннѣйшимъ, впрочемъ, исходомъ является усыновленіе; оно невозможно въ семьѣ въ томъ случаѣ, если въ семьѣ есть законныя дѣти мужскаго пола. Такъ какъ дочери не наследницы, то въ семьѣ, не имѣющей мужскаго потомства, дозволяется усыновленіе внука отъ дочери, нерѣдко даже самого зятя. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ зять переселяется въ домъ родителей жены, становится членомъ ея семьи, нагляднымъ проявленіемъ чего служитъ переимѣна фамиліи. Усыновленіе зятя, по словамъ пшавовъ, явленіе новѣйшаго времени, съ которымъ народъ донинѣ не вполне примирился, почему во

многихъ селеніяхъ родственники, дорожа своей долей участія въ наслѣдствѣ, стараются удалить такого зятя - пріемыша, извѣстнаго подъ прозвищемъ «зедситзе». Нерѣдко послѣ десятилѣтняго пребыванія въ семьѣ и участія въ ея трудѣ, «зедситзе» безъ всякаго вознагражденія изгоняется изъ селенія. Неудивительно поэтому, если многіе зятя стараются предотвратить возможность такого исхода переводомъ на свое имя всей собственности дыма при посредствѣ дарственныхъ и продажныхъ записей.

Я сказалъ уже, что женщина въ Пшавіи не наслѣдница; имущество покойника переходитъ въ одной лишь мужской линіи. Такъ какъ раздѣлы крайне рѣдки, то факта такъ называемаго открытія наслѣдства въ большинствѣ случаевъ не бываетъ, имущество и по смерти отца по прежнему остается въ рукахъ семьи. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ когда слѣдуетъ дѣлѣжь, дѣлѣжь этотъ производится поровну между дольщиками. Все съѣстное распределяется по числу лицъ обоего пола, при чемъ беременная женщина получаетъ, сверхъ своей части, еще корыто хлѣба на долю будущаго ребенка. Старикамъ выдѣляется нужное на покрытіе расходовъ по ихъ погребенію и обезпечивается годичное содержаніе; чаще всего отецъ получаетъ равную долю съ сыновьями и селится у одного изъ нихъ по своему выбору. Холостые получаютъ на покрытіе свадебныхъ издержекъ; недавно женившійся братъ—ружье, шашку и лошадь. Завѣдующій хозяйствомъ «мамакаци» не получаетъ ничего лишняго противъ другихъ членовъ; иное дѣло — старшій сынъ, которому за старшинство полагается придатокъ, величиной въ пять коровъ. Въ случаѣ смерти одного изъ сыновей до раздѣла, причитающаяся ему доля наслѣдства переходитъ къ оставленному имъ потомству. Отказъ отъ наслѣдства, освобождающій у насъ какъ извѣстно отъ долговъ, заключенныхъ наслѣдодателемъ, въ Пшавіи неизвѣстенъ. Останется ли послѣ смерти должника имущество или не останется, — обязанность платежа его долговъ переходитъ на потомство.

Наименѣе выработанной стороною юридическихъ обычаевъ пшавовъ является ихъ договорное право. Причину этого понять не трудно, если вспомнить родовыя основы ихъ быта, почти

полное отсутствіе личной собственности и идущаго на личное обогащеніе труда. Ученіе о широкомъ господствѣ формализма въ древнемъ договорномъ правѣ едва ли найдетъ въ бытѣ пшавовъ много фактовъ для своего подтвержденія. Кромѣ рукобитія, мы не встрѣчаемъ другихъ способовъ заключенія договоровъ, да и само оно не является чѣмъ то неизбѣжнымъ. Договоръ, заключенный безъ рукобитія, дѣйствителенъ, если на лицо были свидѣтели. Изъ отдѣльныхъ способовъ заключенія договоровъ не безынтересныя архаическія черты представляетъ залогъ или такъ называемый «гирау». Въ Пшавіи доселѣ сохранился хорошо извѣстный въ древней Грузіи порядокъ пользованія кредиторомъ заложенной ему землею до момента уплаты долга. Такая черта приближаетъ грузинско-пшавскій гирау къ *pantissement* древне-французскаго права, которое, въ отличіе отъ современной ипотеки, переносило на кредитора право временнаго пользованія заложенной ему вещью. Что касается до отдѣльныхъ видовъ договоровъ, то обращаетъ на себя вниманіе рѣдкость дареній, объясняемая нераспространенностью частной собственности и запрещеніемъ отчуждать семейную иначе, какъ въ пользу церкви, и широкое распространеніе безвозмездной ссуды, наемъ земли съ половины и вознагражденіе баранщиковъ уступкой имъ части приплода, обыкновенно сорока шестимѣсячныхъ барашковъ.

Продолжительное дѣйствіе русскихъ уголовныхъ законовъ въ Пшавіи причина тому, что въ народной памяти всего менѣе воспоминаній о порядкѣ преслѣдованія и наказанія преступниковъ, но изъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя мнѣ удалось собрать на этотъ счетъ, не трудно придти къ заключенію, что и въ этомъ отношеніи обычай пшавовъ является прямымъ выводомъ изъ тѣхъ родовыхъ порядковъ, какіе составляли и донинѣ составляютъ основу ихъ быта. Подобно другимъ горцамъ нашего Кавказа, они преслѣдовали въ преступленіи прежде всего причиненный имъ матеріальный вредъ. Отсюда то послѣдствіе, что умышленное убійство не отличаемо было отъ случайнаго, а покушеніе оставалось безъ наказанія. Родственная солидарность сказывалась въ фактѣ преслѣдованія преступника всѣмъ родомъ потерпѣвшаго. Кровная вражда прекращалась не ранѣе,

какъ послѣ уплаты виновнымъ особаго выкупа, величина котораго достигала при убійствѣ размѣра 360 барановъ, а при увѣчьяхъ однообразно 16 коровъ. Отмѣтимъ ту любопытную черту, что въ числѣ ищущихъ кровомщенія, при отсутствіи другихъ родственниковъ, встрѣчается и дядя по матери. Платежъ, дѣлаемый убійцей, не устраняетъ необходимости особыхъ приношеній со стороны его рода роду убитаго. Эти приношенія состоятъ обыкновенно изъ трехъ быковъ, такого же числа барановъ и одной сабли; только половина платимой убійцею виры идетъ въ пользу ближайшихъ родственниковъ, остальная часть поступаетъ ко всему роду ¹⁾. Характеръ матеріальнаго вреда, который въ глазахъ пшавовъ былъ неразрывно связанъ съ понятіемъ преступленія, причина тому, что не всѣ дѣйствія, нынѣ признаваемые преступными, носили этотъ характеръ въ ихъ глазахъ. Словесныя обиды и побои не считались наказуемыми дѣйствіями. Возмездіемъ за раненіе служилъ платежъ, обыкновенно коровами, при чемъ большая или меньшая важность ранъ и соотвѣтственно бблшій или мепьшій размѣръ слѣдующаго за нихъ платежа исключительно зависѣлъ отъ величины оставленнаго пораненіемъ рубца. По заживленіи раны, ее выкладывали пшеничными зернами и этимъ путемъ опредѣляли число платимыхъ поранителемъ коровъ: каждому зерну соотвѣтствовала одна корова. Кровная месть, исключительно примѣнимая въ случаяхъ убійствъ, увѣчій и прелюбодѣяній, не грозила похитителю чужой собственности, который отвѣчалъ только своимъ имуществомъ. Обычай требовалъ возвращенія двойной или семерной стоимости украденаго, смотря по тому, произведено ли было воровство съ поля или изъ дому. Последнее считалось болѣе тяжкимъ преступленіемъ, такъ какъ было связано съ насильственнымъ вторженіемъ въ чужое жилище.

При господствѣ родовыхъ отношеній и возрѣній на преступное дѣяніе, какъ на матеріальный ущербъ, наносимый однимъ родомъ другому, не удивительно, если преступныя дѣйствія, совершенныя въ родственной средѣ, оставляемы были безъ по-

---

¹⁾ Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I. ч. 2, стр. 304.

слѣдствій. Сыно-убійца, какъ и отце-убійца не могли сдѣлаться предметомъ мести, такъ какъ въ противномъ случаѣ роду предстояло бы понести новую потерю, не вознаградивъ прежней. Старики могли еще припомнить нѣсколько случаевъ, въ которыхъ убійцы близкихъ родственниковъ продолжали жить въ родственной средѣ, преслѣдуемые презрѣніемъ окружающихъ. Нельзя видѣть исключенія изъ этого правила — въ обычаѣ, въ силу котораго мужъ рѣзалъ носъ прелюбодѣйной женѣ, такъ какъ изувѣченіе жены всегда сопровождалось изгнаніемъ ея изъ дому, т. е. разрывомъ семейнаго общенія. Правило, по которому прелюбодѣи и соблазнители подлежали кровной мести, терпѣло у пшавовъ исключеніе въ томъ случаѣ, когда виновными являлись односельчане — родственники. Мѣсто убійства въ этомъ случаѣ занимало прекращеніе всякаго общенія и нерѣдко истребленіе личной собственности. Этотъ исходъ, впрочемъ, не былъ неизбеженъ, такъ какъ виновному не возбранялось откупиться, устроивъ угощеніе всему селенію.

Полная независимость родовъ, отсутствіе объединяющей ихъ политической власти, — неблагоприятныя условія для развитія постоянныхъ органовъ правосудія. Самосудъ, составляющій обыкновенную характеристику такой стадіи общественнаго развитія, не терпитъ у пшавовъ инаго ограниченія, кромѣ того, какой можетъ быть установленъ путемъ сдѣлки, добровольно заключенной враждующими сторонами. Проектъ такой сдѣлки вырабатывается обыкновенно лицами, заслужившими довѣріе обоихъ противниковъ и получившихъ на то специальное полномочіе: такихъ лицъ называютъ посредниками; ихъ рѣшенія носятъ скорѣе факультативный, чѣмъ обязательный характеръ, отъ сторонъ зависитъ привести ихъ въ исполненіе или вернуться къ прежнему самосуду. Такой именно характеръ носитъ судебная организація пшавовъ. Тяжущіеся, одинаково въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, обращаются къ выбору посредниковъ или такъ называемыхъ «шуакаци», обыкновенно въ числѣ одного или двухъ съ каждой стороны. Если посредники разойдутся во мнѣніяхъ, то имъ предоставляется совмѣстно выбрать новаго посредника; на чьей сторонѣ окажется его голосъ, за той остается побѣда. Постановленный большинствомъ голосовъ приговоръ объяв-

ляется сторонамъ, которыя въ случаѣ недовольства имъ могутъ выбрать новыхъ посредниковъ, сдѣлать новую попытку къ примиренію, или же, при нежеланіи и неуспѣхѣ, вернуться къ прежнему самоуправству. Въ томъ случаѣ, если стороны изъявили готовность подчиниться приговору—посредники обыкновенно требовали назначенія поручителей (хельсмочи деба), въ числѣ отъ двухъ до 12 человекъ; ими отнюдь не могли быть родственники тяжущихся.

Посредники, одинаково призванные къ рѣшенію гражданскихъ и уголовныхъ тяжбъ, сами опредѣляли способы къ раскрытію судебной истины, руководствуясь при этомъ большей или меньшей важностью правонарушения и установившимся издревле обычаемъ. Видную роль въ судебныхъ доказательствахъ играли у пшавовъ религіозныя испытанія или такъ называемыя «ордали». Въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ прибѣгали къ слѣдующему способу раскрытія истины: въ котелъ съ кипящей водой бросали подкову, которую обвиняемый долженъ былъ вынуть собственноручно; если на рукѣ не оказывалось обжога, невинность его считалась установленной и наоборотъ. Самый порядокъ производства этой водной ордали указываетъ, съ одной стороны, на ея архаичность, а съ другой—на общность съ тою, о которой говорится въ законникѣ грузинскаго царя Вахтанга. Мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ стариннымъ обычаемъ, внесеннымъ въ законодательный сборникъ и сдѣланнымъ затѣмъ общимъ для всей Грузіи. Только что описанный видъ судебныхъ испытаній не исключаетъ у пшавовъ возможности обращенія къ другимъ менѣе тяжкимъ; подъ ними я разумѣю—тѣ разнообразныя символическія дѣйствія, которыя обнимаются общимъ наименованіемъ присяги. Эта присяга требуется не отъ одного только отвѣтчика. Въ случаѣ уголовного характера дѣла отвѣтчикъ даже вовсе не присягаетъ, мѣсто его занимаетъ большее или меньшее число родственниковъ, исключительно мужчинъ, которые, смотря по выбору истца, клянутся то тѣмъ или другимъ образомъ (хати), то именемъ царицы Тамары и ея сына Лаши. Еще распространенные въ обыденной жизни виды клятвъ: свѣтомъ зажженного огня, матерью земли, шеей быка, хлѣбомъ, приносимымъ въ жертву бараномъ (клятва пастуховъ),

именем старшаго брата (клятва дѣвушекъ), именемъ дѣтей (клятва замуженной женщины) — на судѣ издавна вышли изъ употребленія. Нерѣдко посредники требуютъ, чтобы присяга была принесена въ самоѣ капищѣ; но будетъ ли она дана на мѣстѣ или въ святилищѣ, обрядъ ея совершенія остается одинъ и тотъ же. Въ то время какъ присягающій произноситъ освященныя обычаемъ слова, хевсбери медленно выливаетъ изъ чаши содержащееся въ ней пиво, произнося при этомъ: «пусть подобно этому пиву разольется или разсѣется родъ присягающаго въ томъ случаѣ, если онъ говоритъ неправду».

Въ старые годы въ дѣлахъ, вызывающихъ кровомщеніе, свидѣтельскія показанія не допускались. Причина слабой выработанности въ древнемъ процесѣ этого общераспространеннаго нынѣ вида судебныхъ доказательствъ легко объясняется тѣмъ соображеніемъ, что всякое свидѣтельство, клонящееся ко вреду частнаго лица, приравнивается древнимъ правомъ къ тѣмъ матеріальнымъ ущербамъ, послѣдствіемъ которыхъ является кровно-родовая месть. Не удивительно поэтому, если готовыхъ свидѣтельствовать противъ убійцъ не оказывалось, и посредникамъ приходилось искать другихъ способовъ установленія судебной истины. Но если свидѣтельство не допускается пшавскими обычаями въ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ случаяхъ, то оно весьма употребительно при разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ и легкихъ проступковъ. Вліяніе Моисеева законодательства черезъ посредство христіанства и каноническаго права сказалось въ требованіи, чтобы число свидѣтелей было не менѣе двухъ. Зависимое же положеніе женщинъ сдѣлалось причиной того, что ихъ свидѣтельство допускаемо было лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда на лицо не оказывалось мужчинъ.

Мы бы могли закончить сказаннымъ этнографическій очеркъ пшавовъ, если бы въ ихъ быту нельзя было отмѣтить явленій, которыя стоятъ въ прямомъ противорѣчьи и съ родовыми основами ихъ быта, и съ господствующимъ у нихъ культамъ предковъ-агнатовъ. Эти явленія иллюстрируютъ исключительное положеніе, занимаемое нынѣ въ средѣ горцевъ пшавской жен-

щиной, и въ нашихъ глазахъ не допускають другаго объясненія, кромѣ того, что періоду развитія агнатическаго рода предшествовало въ Пшавіи господство рода материнскаго или когнатическаго.

Начнемъ съ описанія обыденныхъ жизненныхъ явленій, которыми обрисовывается положеніе пшавской женщины.

Въ воззрѣніяхъ мужчинъ на женщинъ проглядываютъ какъ бы слѣды недавней еще вражды и того презрительнаго отношенія, какое побѣдителю внушаетъ побѣжденный имъ противникъ. Хотя и въ меньшей степени, чѣмъ у хевсуръ, женщина у пшавовъ считается существомъ нечистымъ. Въ періодъ менструацій ее загоняють на недѣлю въ хлѣвъ. Беременная женщина запирается въ особыя плетенки, устраиваемыя за предѣлами деревни и извѣстныя подъ названіемъ «кохи»; здѣсь она рождаетъ ребенка безъ всякой посторонней помощи. И въ остальное время жизни женщина не стоитъ на равной ногѣ съ мужчиной; такъ, напримѣръ, жена не смѣетъ назвать своего мужа по имени. Даже въ клятвахъ замужнихъ женщинъ имя мужа никогда не упоминается; наоборотъ, въ свидѣтели истины призывается братъ или сынъ. Мы видѣли уже, что женщины не допускаются къ исполненію обязанностей соприсяжниковъ—этихъ древнѣйшихъ по времени свидѣтелей, и что въ новѣйшее даже время свидѣтельство ихъ принимается только при невозможности достигнуть установленія судебной истины инымъ путемъ.

Въ прямомъ противорѣчій съ такимъ уничиженнымъ положеніемъ женщины стоитъ предоставленная ей въ значительной мѣрѣ степень свободы, какъ имущественная, такъ и личная. Мы имѣли уже случай говорить о первой; она выражается въ существованіи особаго вида частной собственности, частью приобретенной личнымъ трудомъ, частью перешедшей отъ матери — «сованно», или личного капитала, не только у замужнихъ женщинъ, но и у дѣвушекъ. Что касается личной свободы женщинъ, то она продолжается до брака и прекращается съ момента перехода изъ подъ родительскаго крова въ жилище мужа. Свобода эта сказывается въ правѣ каждой дѣвушки выбрать изъ среды аульной молодежи своего «цацалу» или нареченнаго брата, который не только сопровождаетъ ее повсюду, но и съ вѣдома

родителей спать съ ней на одной постели. Встрѣчи молодых парней и дѣвушекъ обыкновенно происходятъ на особыхъ вечеринкахъ, напоминающихъ великорусскія посидѣлки и южнорусскія вечерницы; названіе ихъ «самхто», что въ переводѣ значитъ «приношеніе въ жертву». Вечеринки эти продолжаются долго за полночь и нерѣдко оканчиваются тѣмъ, что молодые люди, не расходясь по домамъ, ложатся спать попарно. Названіе «обѣдни или жертвоприношенія», какое носятъ эти сборища, даетъ намъ право сблизить ихъ съ тѣми религіозными празднествами, которыя происходятъ ежегодно подъ наименованіемъ лашароба (праздники въ честь Лаши) вблизи Лашарисджвари, капища, посвященнаго Лаши. Отношеніе половъ на этомъ праздникѣ, говоритъ г. Саслани, болѣе чѣмъ свободное. То религіозное представленіе, какое сынъ Тамары вызываетъ въ фантазіи пшавовъ, поражаетъ смѣшеніемъ христіанскихъ и языческихъ понятій. Съ одной стороны, Лаша является какимъ-то замѣстителемъ святаго Георгія, такъ что пшавы нерѣдко именуютъ его Лаша-Георгій; съ другой стороны, это представитель какого-то вакхическаго культа. Преданіе говорить о немъ, какъ о любителѣ женщинъ, лишившемся праваго глаза во время одного изъ своихъ любовныхъ похиженій. О самомъ праздникѣ въ одной изъ народныхъ пѣсенъ поется, что многія красавицы поскачутъ на лашаробу, сидя на сѣрыхъ коняхъ. Если прибавить ко всему сказанному, что не одни пшавы сходятся на это торжество, но и жители всѣхъ сосѣднихъ съ ними мѣстностей, и что въ древности страна, занимаемая этими горцами, считалась страной амазонокъ, сходившихся ежегодно съ Гаргаренами на вершинѣ одной горы и проводившими съ ними около мѣсяца, то предположеніе, что въ праздникѣ, устанавливаемомъ въ честь Лаши, слѣдуетъ видѣть остатокъ того гетеризма, какой издревле связывали съ преданіемъ объ амазонкахъ, не покажется невѣроятнымъ.

Отношенія цацальства, проявляющіяся на самхто или вечерникахъ общеніе половъ и покровительствуемый религіей гетеризмъ—все это явленія одного и того же порядка. Правда въ современной Пшавѣ половое сожителство цацаль считается позорнымъ, и дѣти, происходящіе отъ него обыкновенно уни-

ваются. Но въ пѣсняхъ, несомнѣнно болѣе древнихъ чѣмъ всѣ эти предписанія обычая, отношеніе цацалъ рисуется отношеніями любовниковъ. «Небо чистое и ясное, заря утренняго солнца, источникъ живой воды протекающей по золотому руслу, поетъ пшавецъ въ своемъ обращеніи къ цацали, — дай мнѣ насытится удовольствіемъ, дай мнѣ возможность провести семь дней и семь ночей съ тобой». Отношенія, обнимаемая понятіемъ цацлобы, сдѣлались источникомъ цѣлаго ряда лирическихъ поэмъ, изъ которыхъ однѣ отличаются значительнымъ цинизмомъ, а другія изобилуютъ поэтическими образами и широкимъ полетомъ фантазіи ¹⁾). При всей ихъ оригинальности, только что отмѣченные факты въ жизни пшавовъ не представляютъ собой какого то исключительнаго явленія. Извѣстно какимъ распространеніемъ пользовался и пользуется среди не однихъ дикарей, но и народовъ древняго Востока, классической Греціи и Рима, такъ называемый религіозный гетеризмъ ²⁾). О существованіи въ современной Россіи безпорядочнаго сожитія на посидѣлкахъ мы уже упоминали. Наконецъ не далѣе, какъ въ Швейцаріи, въ кантонахъ Граубюнденъ и Аппенцель, могутъ быть отмѣчены явленія довольно близкія къ тѣмъ, которыя были указаны нами въ бытѣ пшавовъ. Въ законодательныхъ памятникахъ перваго изъ этихъ кантоновъ, относящихся

---

1) «Юноша любилъ дѣвушку за моремъ, каждый вечеръ онъ отправлялся за ней вилавъ, уподобляясь рыбѣ; пока онъ плылъ, она держала въ рукахъ свѣтильникъ, по направленію котораго онъ и направлялъ свой путь. Рано утромъ вышелъ я на улицу, вся деревня о чемъ то говорила; юношу поглотила буря и надъ нимъ теперь бушевало море. Одна старуха съ душой собачки сидѣла и бранилась. Я узналъ въ ней мать невѣсты, которая, зная что дочь ожидаетъ любовника, погасила свѣтильникъ, такъ что пловець не могъ найти дороги. Такого горя не могла перевести дѣвушка и, не дождавшися друга, сама бросилась въ море. Волны выбросили на берегъ два трупа, надъ ними выросъ камышь, а на камышъ свѣтъ беркутъ и радовался богатой поживѣ». — Только что приведенныя мною лѣксы записаны мною со словъ г. Рабикова, обязательно принявшаго на себя трудъ перевода.

2) Подробности на этотъ счетъ можно найти въ моемъ сочиненіи «Первобытное право», выпускъ второй, глава I.

къ XVI вѣку ¹⁾, мы встрѣчаемъ запрещеніе такъ называемыхъ Kibelen, своего рода вечеринокъ, при чемъ основаніемъ къ ихъ отбѣнѣ приводится практикуемый на нихъ развратъ. Свободное отношеніе юношей и дѣвушекъ, сдѣлавшееся источникомъ особаго обычая, такъ называемаго Kilchgang или открытаго хожденія молодаго человѣка на ночь къ выбранной имъ подругѣ, нѣкогда общее во всей алеманской Швейцаріи, доселѣ сохранилось въ Аппенцелѣ, гдѣ оно является источникомъ цѣлаго цикла лирическихъ пѣсень ²⁾.

Итакъ, то свободное отношеніе половъ, о которомъ говорятъ намъ пшавскіе обычаи, какъ не представляющее въ себѣ ничего исключительнаго, должно найти себѣ общее объясненіе. Такое объясненіе можетъ быть дано ему только подъ тѣмъ условіемъ, если мы допустимъ сравнительно позднее происхожденіе брака у пшавовъ и первоначальное господство у нихъ матриархата. Такое предположеніе вполне мирится и съ недавно еще державшимся у нихъ обычаемъ похищать невѣсть, при чемъ похититель, подобно новоюландскому дикарю, обязанъ былъ, слѣдуя обычаю, вступить немедленно въ обладаніе своей жертвой, — и съ наружной холодностью, съ которой супруги обязаны обращаться другъ съ другомъ въ присутствіи чужихъ, и съ запрещеніемъ женѣ называть имя мужа — пережитокъ той эпохи, когда такое дѣйствіе являлось фактически невозможнымъ, — и съ легкостью, съ которой незаконныя дѣти, прижитыя съ любовницей, вступаютъ въ права законныхъ.

Въ эту внѣбрачную эпоху, старшій родственникъ по матери, обыкновенно ея братъ, игралъ по отношенію къ дѣтямъ ту самую роль, какая впоследствии выпала на долю мужа. Мы видимъ по этому подтвержденіе нашей гипотезы о материнствѣ древнихъ пховелей въ томъ фактѣ, что и по настоящее время, въ случаѣ убійства, дядя по матери можетъ требовать отъ убійцы особаго платежа, размѣръ котораго достигаетъ иногда

---

¹⁾ Они обнаружены Мооромъ подъ заглавіемъ Die Landrechte von Graubünden.

²⁾ См. Сборникъ этихъ пѣсень, изданный Розбахомъ и помѣщенный въ одномъ изъ номеровъ Alemania за 76 годъ.

220 барановъ ¹⁾. Въ своей совокупности всё эти факты, не смотря на ихъ отрывочность, производятъ цѣльное впечатлѣніе и упрекъ въ ихъ неубѣдительности можетъ быть оставленъ безъ отвѣта ²⁾.

---

¹⁾ Дубровнянъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ стр. 304, томъ I, гл. II.

²⁾ Одинъ изъ недавнихъ моихъ критиковъ, г. Стояновъ («Юридич. Вѣстн.», Октябрь 1887 г.), разбирая мой взглядъ на существованіе материнства у осетинъ, находитъ мои данныя и не многочисленными и не вполне убѣдительными; въ доказательство онъ приводитъ тотъ фактъ, будто бы я опираю свою гипотезу исключительно на слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: на обычай—дѣлать подарокъ отъ лица жениха ближайшему родственнику невѣстиной матери, и на запрещеніе дѣтямъ называть виновникомъ ихъ рожденія именемъ отца. Такой упрекъ заставляетъ меня сомнѣваться въ томъ, что мой критикъ отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ тѣмъ главамъ, которыя посвящены семейному и наследственному праву. Существованіе левирата, дозволенной обычаемъ ссуды жвы, широкое развитіе наложничества и терпимости къ незаконнымъ дѣтямъ, наконецъ отдѣльные факты наследственнаго права,—вотъ тѣ данныя, на которыхъ, и помимо приведенныхъ моимъ критикомъ, поддерживается моя гипотеза материнства у осетинъ.

ГЛАВА III.

Народное право хевсуръ и тушинъ.

Въ первой части настоящаго труда мнѣ приходилось не разъ касаться характерныхъ особенностей народной миеологій и домашняго обихода хевсуръ и тушинъ. И тѣ, и другіе послужили для меня въ значительной степени основаніемъ къ построению гипотезы объ иранскомъ вліяніи на Кавказѣ; а подробности хевсурскаго погребальнаго ритуала въ связи съ устройствомъ ихъ древнихъ усыпальницъ сдѣлали мою догадку въ высшей степени вѣроятной. Я имѣлъ также случай касаться родового устройства хевсуръ и тушинъ, той строгой экзогаміи, какой придерживаются ихъ роды, экономическаго, религіознаго и административнаго значенія, какое дается имъ народнымъ обычаемъ, и той тѣсной связи, въ какой родовое устройство стоитъ къ рекомендуемому Авестой и доселѣ практикуемому хевсурами и тушинами культу фравашей или геніевъ, патроновъ, которыми они надѣляютъ не только каждую отдѣльную семью и родъ, но и предметы видимой природы: солнце, землю, горы и т. п.

Въ настоящее время мы ограничимъ нашу задачу изученіемъ однихъ юридическихъ обычаевъ хевсуръ и тушинъ, не упуская въ то же время изъ виду тѣхъ религіозныхъ и общественныхъ основъ, на которыхъ развились эти обычан. Мы займемся прежде всего вопросомъ о томъ, какія особенности представляетъ строй хевсурской и тушинской семьи и постараемся отмѣтить въ ней

нѣкоторыя архаическія черты. Тушинская и хевсурская семья представляет собою типъ несравненно болѣе древній, чѣмъ пшавская; Начать съ того, что многоженство доселѣ удержалось въ средѣ тушинъ и разводъ или вѣрнѣе одностороннее отпущеніе жены мужемъ пользуется такимъ широкимъ распространеніемъ, что рѣдко можно встрѣтить мужчину, который бы не отпустилъ отъ себя одной или нѣсколькихъ сожительницъ. Легкость, съ которой тушины добываютъ своихъ женъ, въ значительной мѣрѣ объясняется собой фактъ частаго повторенія разводовъ. Дѣвушекъ не похищаютъ, за нихъ не платятъ калыма. Женихъ получаетъ невѣсту изъ рукъ родителей и ограничивается производствомъ въ ея пользу подарка, цѣнностью не свыше пятнадцати рублей.

У хевсуръ также встрѣчаются одиночные случаи двоеженства, хотя и очень рѣдко. Поводомъ къ нимъ служить, почти исключительно, безплодіе первой жены, которая при взятіи въ домъ новой обыкновенно не покидаетъ жилища своего мужа и остается, наоборотъ, главной хозяйкой въ его домѣ. У хевсуръ сохранился еще обычай похищенія невѣсты, которыхъ они крадутъ обыкновенно въ періодъ мѣсячныхъ очищеній, когда женщина, слѣдуя обычаю, остается одна по цѣлымъ днямъ въ особо устроенной для того плетенкѣ. Если дѣло о похищеніи оканчивается миромъ, — женихъ платитъ родителямъ невѣсты выкупъ, отвѣчающій понятію калыма и обыкновенно состоящій изъ большаго или меньшаго числа коровъ, — отъ 20 до 40.

При разводѣ, вызванномъ по винѣ мужа, жена, буде она провела въ его домѣ болѣе двухъ лѣтъ, получаетъ извѣстную долю имущества въ слѣдующемъ размѣрѣ: изъ числа коровъ, равнаго числу проведенныхъ совместно лѣтъ жизни, дѣлается вычетъ за два года, такъ что прожившая напримѣръ 6 лѣтъ получаетъ 4 коровы, а 8 лѣтъ — 6. Причина такого вычета объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что молодая не сразу переходитъ на жительство въ домъ мужа и проводитъ первые четыре — шесть мѣсяцевъ, нерѣдко даже цѣлый годъ при своей роднѣ. Хевсуры придерживаются въ этомъ отношеніи слѣдующаго порядка: послѣ привода невѣсты въ домъ родителей жениха, она цѣлыхъ трое сутокъ проводитъ исключительно въ обществѣ женщинъ, избѣгая всячески свиданій съ своимъ будущимъ мужемъ; по истеченіи

этого срока она возвращается къ своимъ роднымъ въ сопровожденіи родителей и родственниковъ жениха. По ея возвращеніи устраивается пирь, на который женихъ не смѣетъ явиться. Проведши въ домъ родителей полгода, нерѣдко также и болѣе этого, и избѣгая по прежнему всякихъ свиданій съ своимъ суженымъ, невеста въ сопровожденіи брата и отца возвращается въ домъ мужа и имѣетъ съ нимъ сожитіе, не иначе однако какъ тайкомъ и ночью при ближайшемъ посредничествѣ матери жениха.

Браку у хевсуръ обыкновенно предшествуетъ сватовство, заключаемое между малолѣтними черезъ особаго посредника (марджигали) и состоящее въ передачѣ родителямъ невесты особаго задатка, которымъ служить или кастеть на палецѣ (веули), формою своею напоминающій кольцо, или поясъ.

Свадьба слѣдуетъ на разстояніи десятка и болѣе лѣтъ послѣ сватовства. Хевсуры не имѣютъ обыкновенія вступать въ браки въ ранней молодости. Избѣгая чрезмѣрнаго размноженія населенія, для котораго страна ихъ не въ состояніи доставить необходимаго пропитанія, они и по вступленіи въ супружество прибѣгаютъ къ искусственнымъ приемамъ съ цѣлью воспрепятствовать забеременію. Роды въ ранней молодости считаются позоромъ для женщины. Подробности свадебнаго ритуала, общаго у хевсуръ съ тушинами, заслуживаютъ быть отмѣченными по связи ихъ съ культомъ домашняго очага и по той первенствующей роли, какую играетъ въ нихъ мать. Въ теченіе тѣхъ лѣтъ, которые проходятъ между сватовствомъ и бракомъ, родители жениха заботятся о поддержаніи добрыхъ отношеній съ родителями невесты; средствомъ для этого служатъ ежегодно возобновляемые подарки. Въ первые дни, слѣдующіе за новымъ годомъ, родители жениха посылаютъ въ домъ невесты «опрѣснокъ счастья» (бедисквера), получающій свое названіе отъ того, что по немъ гадаютъ о будущемъ счастьи или несчастьи молодыхъ. Если заготовленный наканунѣ новаго года опрѣснокъ поднялся въ этотъ день — это означаетъ, что семья молодыхъ пойдетъ въ гору, и наоборотъ.

Когда настанетъ время для празднованія свадьбы, женихъ посылаетъ двухъ неродственныхъ ему лицъ въ домъ невесты. Ихъ сопровождаютъ также нѣкоторые изъ родственниковъ ъ же

ниха, которые берутъ съ собою по меньшей мѣрѣ три барана и три тунги водки или пива.

Если въ селеніи невѣсты окажется покойникъ, отецъ жениха закалываетъ въ его честь барана; сверхъ того одного барана рѣжутъ въ капищѣ того селенія, изъ котораго берется невѣста. Такими дѣйствіями родъ жениха какъ бы вымаливаетъ себѣ прощеніе у семейныхъ и родовыхъ патроновъ невѣсты за отнятіе ея у ея рода. Остальные бараны рѣжутся въ домѣ невѣсты и идутъ на угощеніе собранныхъ въ немъ гостей. Когда окончится пиршество, невѣсту снаряжаютъ въ путь. Во время слѣдованія къ дому родителей жениха, невѣсту охраняетъ представленная къ ней стража изъ среды ея родственниковъ, известная подъ прозвищемъ «макары». На полпути невѣсту встрѣчаютъ посланные женихомъ родственники, которые угощаютъ всю ея свиту принесеннымъ съ собою пивомъ. У порога дома жениха тушины обыкновенно кладутъ шашку, черезъ которую невѣста должна переступить. У тѣхъ же тушинъ невѣсту обводятъ вокругъ очага, при чемъ сопровождающій ее родственникъ жениха ударяетъ кинжаломъ по висящей надъ очагомъ цѣпи, точь въ точь какъ это имѣло и доселѣ имѣть мѣсто въ средѣ осетинъ. Оба обряда не соблюдаются болѣе на хевсурской свадьбѣ. Мѣсто ихъ занимаютъ слѣдующія характерныя дѣйствія, указы вающія на выдающуюся роль, которую мать играетъ въ устройствѣ семейнаго счастья своего сына. При приближеніи невѣсты, отецъ жениха, какъ и самъ женихъ, не только не спѣшатъ ей на встрѣчу, но обязаны еще, подчиняясь требованію обычая, скрыться отъ глазъ пришельцевъ, какъ бы заявляя тѣмъ, что они не принимали никакого участія въ присвоеніи своему роду дѣвушки—чужеродки; наоборотъ, мать жениха встрѣчаетъ невѣсту у самаго порога, беретъ ея правую руку своею правой рукой и произноситъ при этомъ: «да будетъ для нашего дома твой приходъ счастиемъ». Невѣста стоитъ во все это время съ открытымъ лицомъ, держа голову наклоненной къ землѣ. Послѣ обычнаго привѣтствія, мать жениха сажаетъ невѣсту на скамью рядомъ съ собою, беретъ затѣмъ немного муки и посыпаетъ ею голову невѣсты, говоря: «расцвѣтай и приноси плодъ; какъ на растеніи бываетъ много цвѣтовъ, пусть столько же у тебя бу-

детъ дѣтей». Подражая отсутствующему у хевсуръ при заключеніи брака христіанскому священнику, мать подымаетъ глаза къ небу, протягиваетъ свои руки надъ головою невѣсты въ знакъ благословенія и произноситъ: «Господи благослови жениха и невѣсту и не дай мнѣ расквашаться въ томъ, что сынъ мой женился».

Хевсуры и пшавы одинаково требуютъ отъ суженыхъ сохраненія дѣвственности до брака и возвращаютъ родителямъ тѣхъ невѣстъ, которыя оказались не цѣломудренными.

Въ своихъ бракахъ они строго придерживаются, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, началъ экзагаміи, при чемъ родство по матери ставится на одну доску съ родствомъ по отцу и считается въ тѣхъ же степеняхъ препятствіемъ къ браку. Что брачные запреты не вызваны вліяніемъ христіанства, слѣдуетъ изъ того, что свойство не играетъ никакой роли при бракѣ, такъ что два брата въ правѣ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ. Терпимость не распространяется, однако, на браки съ вдовами умершихъ братьевъ. Извѣстный осетинскому и чеченскому праву левиратъ противорѣчитъ обычаю хевсуръ и тушинъ.

Приданого, кромѣ платья, невѣста обыкновенно не приноситъ. Въ противность тому, что доселѣ имѣеть мѣсто въ Грузіи, мужъ не дѣлаетъ ей подарка въ первое утро, слѣдующее за бракомъ. Утренній даръ неизвѣстенъ тушинамъ и хевсурамъ и подарокъ за первый звукъ голоса, какъ называютъ его грузины, т. е. за первый произнесенный женою слова (хмисгасацеми), совершенно отсутствуетъ въ ихъ быту.

Въ отличіе отъ осетинъ и плоскостныхъ грузинъ, хевсуры и тушины рѣдко когда живутъ очень большими семьями; составъ ихъ двора обыкновенно не превышаетъ четырехъ или пяти паръ. Къ этимъ совмѣстно живущимъ родственникамъ доселѣ примѣнимо слѣдующее положеніе законника Вахтанга, которое по собственному сознанію законодателя является не болѣе, какъ записью вѣками установившагося обычая: «пока братья не разделены—и печаль, и радость, и выгода, и невыгода, и потеря, и приобрѣтеніе, и жалованное, и отнятое—все общее между ними¹⁾».

¹⁾ Сборникъ Законовъ Вахтанга VI, статья 109.

Въ силу признанія этого начала общности семейнаго имущества, глава семьи, отецъ, не можетъ распоряжаться землями и движимостью иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ своего двора. То «*Weispruchrecht*», какое средневѣковое право Германіи признавало за полноправными членами одного двора съ продавцомъ, извѣстно и современному обычаю хевсуръ и тушинъ. Оно примѣняется не только къ продажамъ, но и къ залогу. Отчужденное или заложенное отцомъ имущество въ томъ случаѣ, если на совершеніе сдѣлки не было испрошено согласія сыновей, должно быть возвращено обратно. Вообще отчужденіе земли бываетъ рѣдко, но еще рѣже случаи въ которыхъ кто либо рѣшится совершить отчужденіе висящей надъ очагомъ цѣпи. Хевсуры въ особенности же тушины почитаютъ ее не менѣе осетинъ и признаютъ величайшимъ оскорбленіемъ для семьи похищеніе ея чужеродецемъ. Древнѣйшимъ порядкомъ землевладѣнія, одинаково въ Хевсуретіи и Тушетіи, надо признать землевладѣніе заимочное. Въ спорахъ изъ за границъ между селеніями и частными лицами весьма часто дѣлаются ссылки на то, что не только дѣды и прадѣды, но и прадѣды прадѣдовъ пользовались, какъ своей собственностью, землею, нынѣ состоящей въ общинномъ владѣніи ¹⁾). Частная собственность, какъ показываетъ и самое названіе ея «ахо» (очистка земли, обращеніе подъ обработку), имѣла своимъ источникомъ заимку. Родовая теорія собственности едва ли гдѣ можетъ найти лучшую иллюстрацію себѣ, какъ въ Хевсуретіи, въ которой почти не встрѣчается ровныхъ поверхностей и самое большее плато, по вычисленію г. Ма чабели, не заключаетъ въ себѣ болѣе 40 десятинъ въ окружности. На горныхъ скатахъ, заваленныхъ камнями, хевсурамъ приходилось устраивать искусственныя нивы и луга и приобрѣтать собственность въ полномъ смыслѣ слова трудомъ своихъ рукъ и въ потѣ лица, «*labore ac sudore*», по выраженію нѣмецкихъ и французскихъ дипломовъ и частныхъ грамотъ седьмаго и восьмаго столѣтія. Удобная для обработки площадь при всемъ томъ представляла собою весьма ничтожную часть всей занятой народомъ площади.

---

1) Адатскія судебныя рѣшенія 1885 года.

Горныя пастбища и лѣса оставались въ общинномъ владѣннн не отдѣльныхъ хуторовъ или сопелей и не отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, а цѣлыхъ родовыхъ группъ. Это обстоятельство давало возможность каждому роду выдѣлять часть состоявшей въ его владѣннн собственности на покрытiе издержекъ родового культа. Одну изъ оригинальнѣйшихъ сторонъ обычнаго права хевсуръ составляетъ существованiе этихъ посвященныхъ родовому патрону или, какъ выражаются хевсуры, родовому образу (хати) земель. «Каждый хевсуръ, говоритъ г. Мачабели, называетъ себя работою или крѣпостнымъ того или другого святаго, въ частности—того, культа котораго придерживается его родъ. «Члены рода вмѣстѣ съ тѣмъ и члены особаго союза, напоминающаго собою французскую «fabrique» или приходъ, владѣющiй опредѣленнымъ участкомъ церковной земли. Члены этого союза носятъ названiе «могандзури», что въ переводѣ означаетъ хранители имущества (очевидно того, которое предназначено для покрытiя издержекъ родового культа). Князь Эрнстовъ сообщаетъ слѣдующiя интересныя подробности объ этихъ имуществахъ и объ отношенiи, въ какомъ стоятъ къ нимъ члены рода—могандзури.

«Могандзури имѣютъ построенныя на общiя средства своихъ членовъ молебни (капища) въ честь родового бога, называемаго ими «сатемо-хати». Каждая молебня—«капище», имѣетъ богатое имущество, движимое и недвижимое, называемое «сахато» (имуществомъ образа). Къ недвижимой собственности «сахато» относятся всѣ постройки молебенъ. Нѣтъ ни одной молебни, которая не имѣла бы пахотныхъ полей и земельныхъ угодiй, называемыхъ «сахато-мицеби»—землями образа. Къ движимости же относятся всѣ серебряныя вещи, посуда и утварь, необходимыя для варки общественнаго пива (луди) и для общественныхъ обѣдовъ, какъ то: котлы, чашки, миски, ковши, ложки и проч. Все движимое и недвижимое имущество образа считается нераздѣльной собственностью всѣхъ могандзуровъ даннаго образа или, что все равно, всѣхъ домохозяевъ рода или селенiя. Завѣдыванiе имуществомъ образа поручается особымъ выборнымъ деканозамъ, рупесаамъ, дастурамъ, шультамъ и др.

Большая часть лѣсныхъ участковъ образа («сахато») расположена въ самой деревнѣ или близь ея. Такой лѣсъ сейчасъ же

можно отличить от другихъ высотой его деревьевъ. Къ лѣсу образа никто не дерзаетъ приблизиться, боясь гнѣва «хати» (образа). Когда лошадь или рогатая скотина случайно заходила въ лѣсъ, хозяинъ не считалъ себя въ правѣ войти въ него и помочь животному выбраться на дорогу. Бѣдное животное погибало съ голоду и падалъ долгое время распространяла зловоніе по всей деревнѣ.

Пахатные участки («сахато») заѣваются исключительно ячменемъ, специально назначаемымъ для варки общественнаго пива. Обработка такихъ полей производится коллегіально всѣми «могандзурами». Такая общинная работа называется «сахато-нади» и «сатемо-нади». Этой работой завѣдуютъ выборные, «шульты», которые опредѣляютъ время ея производства и отводятъ каждому его полосу для оранки и посѣва. Общая работа заканчивается общей трапезой¹⁾. Въ Тушетіи, по свѣдѣніямъ собраннымъ мною въ селеніи Чонтію, въ старые годы пахотная земля состояла въ частной собственности, покосы же при деревняхъ — въ общемъ владѣніи. Пастбища служили общимъ выгономъ одной или нѣсколькихъ деревень, при чемъ размѣры пользованія каждаго домохозяйна не были опредѣлены. Съ 1878 года возникли, повторяемые каждые пять лѣтъ, передѣлы пахотной земли. Свободно дѣлаемы дотолѣ на общинномъ пастбищѣ займки оставлены въ рукахъ ихъ временныхъ владѣльцевъ срокомъ на три года, по истеченіи которыхъ поступаютъ въ число подлежащихъ передѣлу общинныхъ земель.

Въ обществѣ, въ которомъ земля состоитъ въ совмѣстномъ обладаніи цѣлыхъ родовъ и семейныхъ общинъ, договорное право, очевидно, не можетъ отличаться большимъ развитіемъ. Неудивительно по этому, если въ Хевсуретіи и Тушетіи договорное право является слабо выработаннымъ. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы и эта сфера юридической жизни картвельскихъ горцевъ не представляла своего рода интереса. Историкъ права и сравнительный этнографъ оцѣнить все значеніе, какое имѣеть господствующій у хевсуровъ и тушинъ формализмъ при заключеніи сдѣлокъ. Консенсуальные договоры совершенно отсутствуютъ въ

¹⁾ Эрнстовъ. Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ Округѣ.

системъ ихъ народнаго права. Силу и значеніе имѣютъ только договоры реальные, заключаемые путемъ передачи самой вещи, и формальные, требующіе совершенія извѣстнаго символическаго дѣйствія. Этимъ дѣйствіемъ является тотъ же актъ рукобитія, какой мы встрѣчаемъ у осетинъ и о которомъ въ средѣ иранскихъ народностей заходитъ рѣчь еще въ священннхъ книгахъ Авесты. Рукобитіе можетъ замѣнить, впрочемъ, присяга лица, принимающаго на себя вытекающее изъ договора обязательство. Рукобитіе считается настолько рѣшающимъ актомъ при заключеніи договора, что если бы впослѣдствіи и оказалось, что одна изъ договаривающихся сторонъ виновна въ поджигѣ проданной, положимъ, вещи, — договоръ не теряетъ своей силы. Нѣкоторые виды сдѣлокъ сопровождаются особыми символами. Такъ, на память о состоявшейся между двумя селеніями или хуторами сдѣлкѣ ставится камень во дворѣ капища. При заключеніи договора займа, кредиторъ беретъ за ухо присутствующихъ при сдѣлкѣ одного или двухъ свидѣтелей и говорить имъ при этомъ: «помните, что такой то занялъ у меня деньги». Этотъ обычай тѣмъ болѣе интересенъ, что напоминаетъ собою тѣ пощечины, какими нѣмецкіе крестьяне Штирії надѣляютъ для памяти своихъ дѣтей при восстановленіи спорной межи, и то шуточное, разумѣется, сѣченіе мальчиковъ на границѣ земельныхъ участковъ только что вышедшихъ изъ спора, примѣры котораго представляетъ намъ обычное право нашихъ крестьянъ. При отчужденіи земельной собственности обычай хевсуръ требуютъ выхода обѣихъ сторонъ, т. е. продавца и покупателя въ отчуждаемое поле. Вступивъ на участокъ, продавецъ, въ присутствіи по меньшей мѣрѣ одного свидѣтеля, показываетъ покупателю на участокъ ногой и ударяетъ за тѣмъ ею о землю, приговаривая: «да послужитъ покупка этой земли на счастье тебѣ». Безъ выхода въ поле и совершенія только что описаннаго акта традиціи, продажа не считалась дѣйствительной.

Особенность хевсурскаго договорнаго права составляетъ между прочимъ то обстоятельство, что вытекающія изъ сдѣлокъ обязательства никогда не теряютъ своей силы. Хевсурамъ неизвѣстно понятіе исковой давности, какъ неизвѣстна имъ и давность владѣнія. Въ моихъ рукахъ было нѣсколько дѣлъ, въ

которыхъ долговое обязательство предъявлялось на разстояніи 200 лѣтъ со времени его заключенія. Приведу для примѣра одно изъ нихъ, какъ наиболѣе характерное. Мужъ похоронилъ жену не съ должнымъ почетомъ и издержками; возникло своего рода obligatio ex delicto. На разстояніи 200 лѣтъ родъ жены продолжаетъ еще требовать отъ рода мужа суммы, равной тѣмъ издержкамъ, которыя должны были быть и не были сдѣланы. Судъ ни мало не отвергаетъ этой просьбы и не далѣе, какъ въ 1881 году, присуждаетъ прапраправнуковъ уплатить 30 рублей за упущеніе сдѣланное ихъ прапрапрадѣдомъ ¹⁾.

Переходя къ отдѣльнымъ видамъ договоровъ, мы отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что дареніе, все равно при жизни, какъ и на случай смерти (завѣщаніе), не считалось дозволеннымъ для того, кто имѣлъ потомство. Причина такого запрета очевидно лежитъ въ семейномъ характерѣ собственности у горцевъ. Такъ какъ движимыя вещи могли быть и въ личномъ обладаніи, то не удивительно если на нихъ не распространялось только что упомянутое запрещеніе. Надѣленіе капищъ или хати рогами убитыхъ туровъ и оленей, рѣдко когда болѣе цѣнными предметами, совершается и въ наши дни безпрепятственно. Въ связи съ семейнымъ характеромъ собственности и вытекающей отсюда невозможностью единоличнаго отчужденія ея стонить обычаи не усыновлять никого, кромѣ родственниковъ и то лишь въ случаѣ неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ. Къ усыновляемому, по правилу, должна перейти собственность усыновителя, а это обстоятельство очевидно заставляеть ближайшихъ наслѣдниковъ не относиться безразлично къ этому акту, какъ могущему повлечь за собою уменьшеніе ихъ долей. Въ обществѣ, живущемъ подобно хевсурскому или тушинскому условіями натурального хозяйства, мѣна ни чѣмъ существенно не отличается отъ купли.

Платежъ совершается не рѣдкими въ странѣ денежными знаками, а всѣмъ тѣмъ, въ чемъ продавецъ чувствуетъ нужду, какъ то: коровами, волами, баранами, оружіемъ, мѣдными котлами и тому подобное.

---

¹⁾ Адатскія судебныя рѣшенія за 1881 годъ.

При отчужденіи земли соблюдалось право предпочтительной покупки въ пользу родственниковъ и сосѣдей. Продавецъ предлагаетъ отчуждаемый имъ участокъ сперва членамъ одного съ нимъ рода, а затѣмъ членамъ одного съ нимъ селенія. При отказѣ съ ихъ стороны, онъ воленъ былъ продать землю постороннему покупателю. Разъ отчужденный участокъ не могъ уже вернуться снова въ родъ продавца въ силу такъ называемаго родового выкупа. *Retrait lignager* французскихъ кутюмовъ неизвѣстно горцамъ Грузіи, какъ неизвѣстно имъ и право сосѣдскаго выкупа или такъ называемое «*Vicinenrecht*».

Заемъ имущества принимаетъ у хевсуръ и тушинъ тройкую форму: 1) даровой ссуды, зерномъ для посѣва, рабочимъ скотомъ и молочными продуктами, обыкновенно на опредѣленный срокъ. При не возвращеніи ссуженнаго въ условленное сторонами время взыскивается штрафъ въ размѣрѣ $\frac{1}{5}$ взятаго въ ссуду имущества. На ряду съ безвозмезднымъ займомъ или что тоже ссудою, хевсурамъ и тушинамъ извѣстенъ былъ также 2) заемъ возмездный, обыкновенно изъ 30% въ годъ. Въ ихъ быту встрѣчается также еще слѣдующій видъ долговаго права: въ замѣнъ процентовъ кредиторъ пользуется доходомъ отъ даннаго ему должникомъ имущества, которое въ тоже время служитъ ему обезпеченіемъ въ уплатѣ долга или залогомъ. Это тотъ самый «гирау», отвѣчающій понятію *pantissement* древне-французскаго права, о которомъ говорятъ древніе законы Арменіи и Грузіи. Дача на храненіе отличается хевсурскимъ обычаемъ отъ займа въ томъ смыслѣ, что не сообщаетъ права на пользование вещью и возлагаетъ обязанность вернуть самый предметъ, а не его имущественный «эквивалентъ». За ущербъ причиненный вещи хозяина вознаграждало лицо, принявшее ее на храненіе, — каждый разъ по особой оцѣнкѣ. Не возвращеніе вещи горскій обычай, слѣдуя предписаніямъ грузинскаго законника, приравниваетъ къ кражѣ, почему и налагаетъ на лицо, виновное въ немъ, то же наказаніе, что и на вора, присуждая его къ возвращенію *duplum*, т. е. двойной цѣнности украденнаго. Хевсурамъ и тушинамъ одинаково извѣстны — заемъ личный и имущественный. Особенность личнаго найма у горцевъ состоитъ въ томъ, что хозяинъ бралъ на себя не только обязательство кормить наймиста, но и

одѣвать и обувать его. Договоры съ пастухами представляютъ нѣкоторыя особенности: получившій стадо овецъ или рогатаго скота пастухъ присоединяетъ его къ своему собственному и вознаграждается за свой трудъ молочными продуктами, поступающими отъ коровъ и козъ обоихъ стадъ; что же касается до приплода, то онъ распредѣляется между пастухомъ и лицомъ его нанявшимъ по числу головъ, каковымъ владѣеть въ отдѣльности каждый.

Наемъ имущественный принимаетъ обыкновенно форму половничества. Получивъ годовой урожай, арендаторъ вычитаетъ изъ него количество затраченнаго на посѣвъ зерна и даетъ собственнику половину остающагося. На практикѣ это обыкновенно сводится къ платежу въ его пользу одной трети урожая. Подъ понятіе товарищескаго договора можно подвести, пожалуй, раздѣлъ добычи между охотниками. Шкура и голова достается по обычаю лицу, убившему звѣря, мясо же дѣлится по ровну между всѣми участниками охоты. Того же правила придерживаются и при рыбной ловлѣ: такъ, при уловѣ лососины, голова достается тому, кто взялъ лосося, прочее же мясо его дѣлится по ровну. Тогда какъ въ Грузіи товарищество заключается и для совмѣстной оранки, по причинѣ обработки земли тяжелыми плугами съ впряженными въ нихъ 6, 10 парами быковъ,—въ Хевсуретіи и Тушетіи, въ которыхъ земля воздѣлывается не плугомъ, а сохою съ парной запряжкой, встрѣчаются только случаи впряженія въ общую соху по одному быку каждымъ изъ соединившихся двухъ воздѣлывателей; при этомъ желѣзныя части плуга покупаются обоими товарищами совмѣстно. Къ числу извѣстныхъ хевсурамъ и тушинамъ договоровъ надо отнести еще договоръ довѣренности, заключаемый также путемъ рукобитія. Довѣритель не отвѣчаетъ за дѣйствія довѣреннаго, выходящія за предѣлы даннаго ему полномочія.

При заключеніи всѣхъ вышеизложенныхъ договоровъ допускается возможность солидарной отвѣтственности лицъ, принявшихъ на себя извѣстное обязательство. Тотъ, кто первый уплатитъ по такому обязательству, приобретаетъ право требовать съ товарищей причитающейся съ нихъ доли.

Договоры обезпечиваются задаткомъ, поручительствомъ, зало-

гомъ съ правомъ пользованія кредитора; но ипотека, не сопровождающаяся правомъ пользованія, не извѣстна.

Оригинальную черту представляет у хевсуръ порядокъ обезпеченія долга путемъ поручительства. Отъ кредитора зависитъ возможность обязанности поручителя на любого изъ членовъ одного съ должникомъ рода. Это право стоитъ очевидно въ связи съ началомъ родовой солидарности и вытекающимъ отсюда взаимнымъ поручительствомъ родственниковъ другъ за друга. Но въ этомъ одномъ слѣдуетъ видѣть характерную особенность хевсурскаго «мзевальства». Она лежитъ въ томъ, что лицо уплатившее чужой долгъ пріобрѣтаетъ по отношенію къ должнику тѣ же права, какими собственникъ украденнаго пользуется по отношенію къ ворю. Я имѣю въ виду право требовать съ лица, заключившаго долгъ, сумму въ два раза превышающую размѣръ занятаго. Если должникъ и на этотъ разъ уклоняется отъ платежа, выбранный кредиторомъ поручитель въ свою очередь обращаетъ требованіе на третье лицо, которое тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право получить съ должника не двойную, а четверную сумму его долга. Г. Худадовъ приводитъ для иллюстраціи этого страннаго обычая слѣдующій поразительный случай. «Одинъ изъ богатыхъ хевсуръ эрцейской долины, Георгій Бисилаури, говоритъ онъ, рассказывалъ мнѣ, что лѣтъ 12 тому назадъ, два его двоюродныхъ брата по дорогѣ къ святому купили у одного хевсура ягненка за 1 р. 20 к.; одинъ изъ нихъ заплатилъ причитавшіяся съ него 60 коп., но другой, не имѣя при себѣ денегъ, обѣщался отдать черезъ годъ. Слова, однако, онъ не сдержалъ. Кредиторъ выбралъ мзевали, тотъ — другаго, другой — третьяго и т. д.; черезъ 12 лѣтъ 60 коп. первоначальнаго долга превратились въ 60 коровъ, т. е. 600 рублей. По поводу этого обычая, такъ заканчиваетъ г. Худадовъ свое интересное сообщеніе, и сложилась у народа пословица, что «даже пометъ суженный скотины превращается въ цѣнное животное»¹⁾.

Наслѣдованіе семейнаго имущества можетъ послѣдовать въ Хевсуретіи и при жизни отца, который въ этомъ случаѣ присоединяетъ къ своей долѣ еще столько имущества, сколько необходимо для покрытія издержекъ его погребенія. Всего же чаще

¹⁾ Худадовъ. Замѣтки о Хевсуретіи, стр. 21.

раздѣлъ слѣдуетъ послѣ смерти отца, при чемъ въ полномъ соотвѣтствіи съ родовыми порядками и проводимымъ ими началомъ неотчуждаемости семейной собственности чужеродцамъ. Дочери и вообще родственники по женской линіи ничего не получаютъ. Это правило въ послѣднее время обходится нерѣдко путемъ усыновленія зятя, который, по смерти тестя не оставившаго сыновей, братьевъ и племянниковъ, вступаетъ въ исключительное обладаніе въ открывшемся наслѣдствѣ. Вдова, остающаяся въ домѣ покойнаго, получаетъ полное содержаніе отъ его наслѣдниковъ. Той же, которая предпочтетъ вернуться къ собственной роднѣ или вступить въ новый бракъ, дѣлается выдѣлъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и при разводѣ, т. е. за каждый годъ, проведенный ею въ супружествѣ, по одной коровѣ, за исключеніемъ перваго, большую часть котораго она, по обычаю, проводитъ въ собственной семьѣ. Къ наслѣдованію собственно призываются одни родственники мужчины въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва сыновья, внуки и вообще нисходящіе, затѣмъ братья, племянники и всѣ вообще боковые родственники. Отецъ не наслѣдуетъ въ имущество отдѣленнаго при жизни сына. Когда на лицо не окажется и отдаленнѣйшихъ мужскихъ родственниковъ, что, разумѣется, бываетъ весьма рѣдко, выморочное имущество достается въ общую собственность той деревни, того сопеля, членомъ котораго былъ покойникъ. Между братьями наслѣдство дѣлится на равныя доли, но старшему полагается извѣстный добавочный платежъ: лошадь или сабля. При смерти одного изъ сыновей, его долю получаютъ совмѣстно съ оставшимися въ живыхъ внуки наслѣдодателя. Изъ чего слѣдуетъ, что право представительства по наслѣдству допускается обычаями хевсуръ. Незаконныя дѣти не имѣютъ доли въ наслѣдствѣ, а изъ всѣхъ видовъ фиктивного родства одно усыновленіе даетъ право на наслѣдованіе.

Побратимство же или посестримство, заключаемое питьемъ изъ одной чаши съ опущенными въ нее стружками серебра, такъ же мало принимается въ расчетъ, какъ и молочное родство. Въ случаѣ малолѣтства забота о сохраненіи имущества ввѣряется брату матери и эта подробность заслуживаетъ быть отмѣченной, какъ пережитокъ эпохи матриархата.

Уголовное право хевсуръ и тушинъ доселѣ построено на началахъ кровнаго возмездія. Участіе въ немъ принимаютъ не только родственники по отцу, но и дяди убитаго со стороны матери—новая черта, указывающая на нѣкогда господствовавшіе у нихъ порядки матриархата. Дядя по матери даже играетъ первенствующую роль въ кровомщеніи. На нихъ падала обязанность раззорять домъ ближайшаго родственника убійцы, обыкновенно его брата. Никто послѣ материнскихъ дядей не выказывалъ своего согласія на примиреніе; ихъ прощеніе покупалось не иначе, какъ уплатой имъ особаго выкупа за кровь. По увѣренію извѣстнаго хевсурскаго грамотѣя Бердія, дядямъ по матери производился въ такомъ случаѣ такой же платежъ, какъ и всему роду убитаго. Кровная месть у хевсуръ прекращается не раньше, какъ по истеченіи года слѣдовавшаго за убійствомъ, и не иначе, какъ въ томъ случаѣ, если родственники согласятся простить убійцу и помириться со всею его родомъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіемъ грузинскаго закона убійца со всею его семьею обязанъ удалиться изъ своего мѣстожительства и провести этотъ годъ въ изгнаніи. Это обстоятельство не мѣшало родственникамъ убитаго нацрывать кровомщеніе противъ рода убійцы до тѣхъ поръ, пока этому роду не приходило на мысль избавить себя отъ дальнѣйшихъ репрессалій платежомъ извѣстнаго выкупа, обыкновенно состоявшаго изъ пятилѣтняго быка и двухъ мѣдныхъ котловъ. Полученіе его не лишало родственниковъ жертвы права дальнѣйшаго преслѣдованія убійцы и его ближайшихъ родныхъ до двоюродныхъ братьевъ включительно. Если не родъ, то семейная община по прежнему оставались въ отвѣтъ. По прошествіи года убійца со своими братьями тайно пробирался къ «хати» или святилищу мстящаго рода, совершалъ здѣсь приношеніе вещами и съѣстными припасами и отдавалъ себя подъ покровительство родоваго патрона. Родныхъ убитаго оповѣщали о томъ, что «хати» принялъ убійцу и братьевъ его подъ свое покровительство. Родъ убитаго тотчасъ же снаряжался какъ бы въ походъ; въ панцыряхъ съ оружіемъ въ рукахъ собирались родственники на сходку. «Кровь за кровь» объявляли они посланному убійцею вѣстовщику, нѣсколько минутъ продолжалось молчанье, затѣмъ,

снисходя къ просьбѣ убійцы, они заявляли о своемъ согласіи принять выкупъ. Затѣмъ весь родъ направлялся въ тотъ сопель, въ которомъ имѣлъ свое мѣстопребываніе убійца. Размѣстившись на крышѣ одного изъ домовъ, они спрашивали членовъ враждебнаго имъ рода: «даете ли удовлетвореніе или нѣтъ?» Даемъ, слѣдовалъ отвѣтъ; послѣ этого устраивался пиръ, издержки котораго покрывали родственники убійцы. За пиромъ объявляли о размѣрѣ выкупа. Самое взиманіе его доселѣ принимается въ Хевсуретіи форму регулируемаго обычаемъ самоуправства. Двумъ самымъ отчаяннымъ молодцамъ изъ рода убитаго поручается «гробованіе», т. е. захватъ имущества, принадлежащаго ближайшимъ родственникамъ убійцы. Захваченная собственность не должна была превышать положеннаго обычаемъ выкупа, размѣръ котораго равнялся 416 баранамъ.

Только въ одномъ случаѣ примиреніе могло воспослѣдствовать и безъ платежа, именно въ томъ, когда знахарь или знахарка, «кадаги», торжественно заявятъ, что тотъ или другой больной изъ рода убитаго неизбежно умретъ, если убійца не будетъ прощенъ. Послушные его голосу мстители призывали въ этомъ случаѣ убійцу и говорили ему: «прощаемъ тебя и да будетъ это извѣстно и народу и хати, не ворвемся къ тебѣ въ домъ, не остановимъ тебя на дорогѣ. Пусть домъ твой и ложе твое принадлежать впредь тебѣ». Не безынтересную черту хевсурскаго адата составляетъ то обстоятельство, что во все время, пока не послѣдуетъ примиренія, родственники убійцы обязаны были поминать душу покойнаго ежегоднымъ закланіемъ барана. Этотъ фактъ, въ связи съ приношеніемъ совершаемымъ въ честь родоваго патрона, раскрываетъ предъ нами религіозный характеръ мести, характеръ обязательства падающаго на живущихъ родственниковъ по отношенію къ усопшимъ и отъ котораго никто не можетъ освободить кромѣ самихъ усопшихъ и ихъ лучшаго представителя родоваго патрона.

Кровная мечь и замѣняющій ее выкупъ обязательны во всѣхъ случаяхъ убійствъ, все равно будутъ ли они умышленными, неосторожными или случайными, совершенными по напередъ начерченному плану или въ актѣ необходимой обороны. Самое большее, если съ неосторожнаго убійцы довольствовались взысканіемъ половины крови.

Въ отличіе отъ осетинъ и сванетовъ, которые освобождаютъ отъ платежа крови лицъ виновныхъ въ отце-сыно или братоубійствѣ, очевидно на томъ основаніи, что самому себѣ родъ мстить не можетъ, хевсуры облагаютъ братоубійцу особымъ платежомъ въ пользу дѣтей убитаго, или, при его бездѣтности, въ пользу брата оставленной убитымъ вдовы. Эта подробность въ связи съ тѣмъ фактомъ, что, при убійствѣ жены мужемъ, плата за кровь поступаетъ къ ея брату, а при его отсутствіи къ дядѣ убитой со стороны матери, можетъ служить новымъ подтвержденіемъ тому, что материнство нѣкогда извѣстно было хевсурамъ. Въ Тушетіи платежъ за убійство равняется 60 коровамъ. Отцеубійство и братоубійство не преслѣдуются ни кровной мезью, ни требованіемъ композиціи, но отцеубійцу вмѣстѣ съ его семьею выгоняютъ изъ аула и онъ проводитъ въ изгнаніи три или четыре года подъ рядъ. Уголовные обычаи тушинъ ничѣмъ существенно не отличаются отъ хевсурскихъ. Въ убійствѣ тушины подобно хевсурамъ преслѣдуютъ не злой умыселъ, а матеріальный вредъ. Отсюда общая имъ съ хевсурами наказуемость покушеній и подстрекательства, отсутствіе у нихъ всякаго понятія объ увеличивающихъ или уменьшающихъ вину обстоятельствахъ. Отсюда же возможность вмѣненія ими такихъ дѣйствій, какъ убійство въ дракѣ, совершенное семилѣтнимъ мальчикомъ надъ его товарищемъ ¹⁾.

Особенность тушинъ составляетъ развѣ то, что кровная мезь осуществляется у нихъ гораздо рѣже и что убійство оканчивается обыкновенно платежемъ выкупа въ 60 коровъ за кровь христіанина, и 30 за кровь мусульманина (дагестанца).

Плата за убійство одинаково у хевсуръ и тушинъ является масштабомъ, по которому измѣряется размѣръ вознагражденія за все прочіе виды преступленій. Въ противность сдѣланному Вахтангомъ—распространенія на случаи разрытія могилъ тѣхъ же взысканій, какія слѣдуютъ за убійства (статья 50 законовъ Вахтанга),—хевсуры и тушины доселѣ требуютъ съ виновныхъ въ нихъ тотъ же выкупъ въ размѣрѣ 60 коровъ, что и съ убійць.

---

¹⁾ Нѣсколько случаевъ подобнаго рода приведены въ книгѣ судебныхъ рѣшеній адатскаго аульнаго суда за 83 годъ.

Обольщеніе дѣвушки, сопровождаемое причиненіемъ ей насилія, ведетъ у нихъ къ тому же платежу, впрочемъ только тогда, если дѣвушка забеременитъ, а обольститель не пожелаетъ на ней жениться. Кастрація также приравнивается къ убійству въ томъ смыслѣ, что требуетъ одинаковаго съ нимъ выкупа. Что касается до прочихъ случаевъ увѣчья, то за отсѣченіе руки, все равно—правой или лѣвой, а равно и ноги, за выколъ глаза и отсѣченіе уха, полагается половина того платежа, что и за убійство. Пальцы рукъ оцѣняются слѣдующимъ образомъ: большой—въ 5 коровъ, указательный—въ 4, средній—въ 3, безымянный—въ 2 и мезинецъ—въ 1. Выбитые зубы сопровождаются платежомъ 1 коровы. Что касается до ранъ, то г. Худадовъ приводитъ слѣдующія подробности объ ихъ относительной оцѣнкѣ: 1) раны черепа съ обнаженіемъ мозга—16 коровъ, съ раздробленіемъ кости и отхожденіемъ осколковъ—5 коровъ, съ небольшою трещиной—3 коровы. 2) Раны на лбу надъ бровью—3 барана. 3) За раны на лицѣ размѣръ вознагражденія опредѣляется слѣдующимъ образомъ: если рана расположена на покрытой волосами части лица, то берутъ пшеничныя и ячменные зерна и располагаютъ ихъ въ ранѣ, одни продольно, другіе поперечно; затѣмъ берутъ общее число умѣстившихся зеренъ, отбрасываютъ $\frac{2}{3}$ ихъ и считаютъ оставшіяся зерна; числомъ послѣднихъ и опредѣляется размѣръ вознагражденія въ коровахъ. Если же рана расположена на голой части лица или на носу, то вмѣсто озимой пшеницы берутъ яровую (дика) и отбрасываютъ не двѣ трети, а только одну треть. 4) Рана уха, если она вмѣщаетъ ячменное зерно, оплачивается 9 коровами. 5) Наконецъ раны, расположенныя ниже поясицы и выше колѣнъ, такъ называемыя раны безчестія, оплачиваются 9 коровами ¹⁾).

Въ отличіе отъ другихъ горцевъ Кавказа, хевсуры и тушины не обнаруживаютъ большой жестокости по отношенію если не въ главной виновницѣ прелюбодѣянія, то къ ея соучастнику. Убійство еѳо никогда не оставляется безъ послѣдствій, какъ это имѣетъ мѣсто въ Дагестанѣ.

---

¹⁾ Худадовъ, стр: 17 и 18.

Оскорбленный мужъ обыкновенно довольствуется платежомъ ему нѣсколькихъ барановъ и вымѣщаетъ всю свою злобу на вѣроломной женѣ. По обычаю, онъ въ правѣ ее убить, но обыкновенно онъ только прогоняетъ ее изъ своей сакли и рѣжетъ ей носъ. Последнее наказаніе грозило въ прежнее время всякой женщинѣ, покинувшей по собственному выбору жилище мужа. Почти всѣ виды преступленій противъ имущества: грабежъ, воровство, святотатство и мошенничество подводятся хевсурами и тушинами подъ понятіе кражи, точь въ точь какъ это было нѣкогда въ Римѣ съ такъ называемымъ *furtum*. Ответственность, падающая на похитителя чужой собственности, опредѣляется согласно правиламъ, выраженнымъ въ законахъ Вахтанга. Хозяинъ въ правѣ требовать съ похитителя въ семеро противъ цѣнности украденнаго. Книжки для записи аульныхъ рѣшеній весьма часто ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ подобнаго рода приговорами; но они же говорятъ намъ и о случаяхъ, въ которыхъ размѣръ платежа не превышаетъ двойной цѣнности украденнаго, того *duplum*, какового, слѣдуя постановленіямъ римскаго права, требовали отъ вора армянскіе законы, а за ними и постановленія грузинскаго царя Бека ¹⁾).

Судоустройство хевсуръ и тушинъ стоитъ еще на первоначальной ступени посредничества; стороны выбираютъ каждая одного медиатора, которые, при невозможности достигнуть единогласія, ставятъ отъ себя новаго посредника и вручаютъ ему право постановки рѣшенія. Что касается до системы примѣняемыхъ посредниками доказательствъ, то оно ничѣмъ существенно не отличается отъ той, какую мы встрѣчаемъ у осетинъ. Письменные документы ей совершенно неизвѣстны, свидѣтельскія показанія въ ходу лишь въ последнее время. Въ то же время ордалии вышли изъ употребленія и важнѣйшимъ средствомъ къ установленію судебной достовѣрности является соприсяга родственниковъ и сосѣдей отъ 4 — 12, смотря по важности дѣла, и присяга отвѣтчика, еще сохраняющая вполне характеръ символическаго дѣйствія, близкаго по своей природѣ къ ордалии. Символы, употребляемые при клятвенномъ заявленіи истины на судѣ, весьма разнообразны, такъ, на примѣръ, въ случаѣ подо-

¹⁾ Сборникъ законовъ Вахтанга, стр. 109, статья 63.

зрѣнія въ убійствѣ—12 родственниковъ обвиняемаго выходятъ въ Хевсуретин на могилу убитаго и надрѣзавъ себѣ ухо настолько глубоко, чтобы кровь могла течь изъ него на могилу, произносятъ слѣдующее заклинаніе: «да сдѣлаемся мы рабами покойника, если убійство совершено нашимъ родственникомъ». Въ Тушетин извѣстенъ тотъ же видъ присяги, но въ нѣсколько измѣненной формѣ. Родственники убитаго ведутъ подозрѣваемаго въ убійствѣ на могилу покойника, дѣлаютъ надрѣзъ на его ухѣ и, когда кровь начнетъ капать на могилу, заставляютъ его произнести то же заклинаніе, что и въ Хевсуретин.

Пробѣгая рѣшенія сельскихъ судовъ Хевсуретин, мы на каждомъ шагу наталкиваемся на весьма разнообразные способы принесенія присяги. Такъ въ одномъ спорѣ о границахъ обвиняемый дѣлаетъ свое показаніе, обращаясь лицомъ къ капищу или «хати», а присягающіе вмѣстѣ съ нимъ 4 человѣка прикладываютъ первые два свои руки къ его плечамъ, а слѣдующіе за ними свои руки къ плечамъ первыхъ. Въ другомъ спорѣ, также о границахъ, на этотъ разъ между двумя деревнями, совершается слѣдующая церемонія: двое человѣкъ изъ шести берутъ: одинъ саблю въ руки, другой серебряную чашку изъ капища, четыре остальныхъ идутъ за ними и становятся на спорной границѣ.

Отъ обвиняемаго въ прелюбодѣяннн требуется принятіе присяги на образѣ, а отъ лицъ, доказывающихъ принадлежность имъ земельного участка — обхожденіе спорныхъ межъ съ церковнымъ знаменіемъ, съ большой церковной чашей и обнаженной шашкой.

Весьма распространеннымъ и въ высшей степени любопытнымъ видомъ судебной присяги одинаково въ Хевсуретин и въ Тушетин является та, которая приносится надъ кошкою. Обвиняемый въ прелюбодѣяннн и убійствѣ, нерѣдко даже въ воровствѣ, беретъ палку и, ударяя ею по кошкѣ, говоритъ: «пусть эта кошка будетъ посвящена моимъ покойникамъ (или точнѣе пускай она пойдетъ моимъ покойникамъ) если я говорю неправду». Чтобы понять смыслъ и значеніе этой присяги, надо имѣть въ виду, что, согласно религіознымъ вѣрованіямъ Авесты, часть которыхъ доселѣ продолжаетъ держаться въ Хевсуретин въ формѣ народныхъ суевѣрій, кошка считается порожденіемъ Аримана

или злаго начала и потому существомъ нечистымъ. Посвятить ее покойникамъ равнозначительно позтому оскверненію ихъ; такое дѣйствіе не можетъ пройти безслѣдно для потомка, такъ какъ души усопшихъ мстительны и жестоки. Лжеприсягателя ожидаетъ поэтому неминуемо возмездіе.

Та же приверженность, по крайней мѣрѣ, въ старые годы къ культу Авесты, является источникомъ существованія въ Хевсуретіи еще слѣдующаго вида присяги: собаку, это посвященное Ормузду животное, убиваютъ, послѣ чего она становится жилищемъ злыхъ духовъ. Надъ трупомъ собаки заставляютъ произнести клятву, смыслъ которой составляетъ посвященіе покойникамъ этого, сдѣлавшагося нечистымъ, предмета.

Подобнаго рода присяга связываетъ совѣсть хевсура или тушина въ большей степени, чѣмъ всѣ остальные. Не удивительно поэтому, если къ ней прибѣгаютъ и въ случаяхъ несудебныхъ, съ цѣлью заставить, напримѣръ, то или другое лицо уплатить за должника слѣдующую кредитору сумму. Присяга эта такъ страшна, что, желая избѣжать болѣе тяжкихъ послѣдствій, несчастный мзевамъ, скрѣпя сердце, уплачиваетъ долгъ своего родственника. Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ и къ другому средству принужденія. Во дворѣ избраннаго кредиторомъ мзевамъ набрасываютъ груды камней, произнося при этомъ проклятіе всему его роду, въ томъ случаѣ, если онъ не уплатитъ долга. Груда остается неразобранной до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ платежа.

Самоуправство, постепенно вытѣсненное изъ жизни хевсуръ и тушинъ развитіемъ посредничества и введеніемъ системы выкуповъ за преступленія, доселѣ продолжаетъ держаться въ случаяхъ воровства. Человѣкъ, у котораго украли лошадь или рогатый скоть, можетъ захватить у вора равноцѣнный предметъ и пользоваться имъ до возвращенія украденнаго. Такой порядокъ не болѣе какъ пережитокъ весьма распространеннаго нѣкогда въ Грузіи грабованія. Французскіе путешественники XVII вѣка, и въ числѣ ихъ Таверніе, сообщаютъ намъ о немъ слѣдующія подробности: хозяинъ въ правѣ отнять у вора, а кредиторъ у должника столько имущества, сколько нужно для удовлетворенія ихъ претензій. Въ случаѣ недостачи, они въ правѣ

продать вора или должника, жену и дѣтей его и вознаградить себя изъ вырученной такимъ образомъ суммы ¹⁾).

Что грабование не ограничивалось въ старые годы въ Грузіи исключительно случаями воровства, слѣдуетъ изъ того, что одна изъ статей составленнаго царемъ Георгіемъ въ срединѣ XIV вѣка сборника грузинскихъ законовъ и обычаевъ еще говоритъ о преслѣдованіи этимъ порядкомъ лица, виновнаго въ прелюбодѣянніи.

Въ случаѣ похищенія жены, сколько бы мужъ въ теченіе года не пожогъ и не отнял у похитителя, хотя бы даже выше слѣдуемаго ему удовлетворенія, не ставится ему въ счетъ. Единственное невыгодное послѣдствіе такого образа дѣйствій—то, что мужъ въ этомъ случаѣ долженъ удовольствоваться половиной установленнаго обычаемъ выкупа. (Законы царя Георгія, ст. 21).

Въ XVIII вѣкѣ царь Вахтангъ рѣшительно вооружается противъ допускаемаго обычаемъ самоуправства, говоря: кто бы какую претензію не имѣлъ на другого не вправѣ похищать или задерживать у себя его собственность (ст. 173). Обычай хевсуръ и тушинъ доказываютъ, что въ горныхъ мѣстностяхъ благія пожеланія грузинскаго реформатора остались мертвой буквой.

Мы закончимъ этотъ очеркъ обычнаго права наиболѣе отсталыхъ, можетъ быть, народностей Грузіи указаніемъ на тѣ зачатки политическаго устройства, какія представляютъ собою въ Тушетіи высшіе, по отношенію къ родовымъ, союзы «темъ» и ихъ федерація. Тогда какъ въ Хевсуретіи общественное устройство не пошло далѣе образованія независимыхъ другъ отъ друга самоуправныхъ родовъ, въ Тушетіи постепенно установилась слѣдующая политическая организація. Отдѣльные роды соединились въ четыре высшія административныя единицы, извѣстныя подъ наименованіемъ «темъ»:—Цовское, Гомецарское, Перикительское и Чаглинское. Въ отличіе отъ родовъ темы являлись территоріальными союзами. Номинально, всѣ онѣ вмѣстѣ взятыя, признавали надъ собою власть кахетинскаго моурава, но на самомъ дѣлѣ они оставались болѣе или менѣе независимы, и только общая опасность заставляла ихъ по временамъ

¹⁾ Tavernier. Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier... Paris 1676, v. I, ch. IX, p. 322.

принимать общія рѣшенія на сходахъ уполномоченныхъ отъ темъ, сходахъ, мѣстомъ собранія которыхъ было селеніе Гели. Каждая тема подраздѣлялась на второстепенные округа, во главѣ которыхъ стояли лишенные всякой религіозной власти выборные административные чиновники, хевсбери. Къ этимъ административнымъ дѣленіямъ отчасти приурочивалось и устройство высшей и низшихъ инстанцій посредническаго суда. Тогда какъ споры между частными лицами продолжались рѣшаться назначаемыми самими сторонами посредниками, а споры между селеніями опредѣляемыми хевсбери стариками, по одному или нѣсколько отъ каждой тяжбы, споры, возникавшія между темами или членами разныхъ темъ, рѣшались въ Гелѣ выборными отъ темъ судьями. Этихъ судей было 12 и каждой темѣ представлялся выборъ одной четвертой части этого числа.

ОТДѢЛЪ П.

ГОРЦЫ ДАГЕСТАНА.

ГЛАВА I.

Адаты и Шаріаты.

Почти всѣ вопросы гражданскаго права разбираются и судятся въ Дагестанѣ на основаніи Шаріата и одни только споры уголовнаго характера рѣшаются по адату. Процессуальное право также имѣетъ своимъ источникомъ Шаріаты. Тѣмъ не менѣе, если не говорить о вещномъ и обязательственномъ правѣ, всѣ стороны юридической жизни Дагестана сохраняли еще недавно и сохраняютъ и теперь слѣды всесторонняго регулированія ихъ обычаями. Правда, многое, что составители сборниковъ дагестанскихъ адатовъ относятъ къ области обычнаго права, на самомъ дѣлѣ имѣетъ источникомъ Шаріаты. Укажемъ хотя бы на весьма распространенную въ Дагестанѣ форму судебной присяги, известной подъ наименованіемъ хатунъ-талахъ. Присяга эта состоитъ въ торжественномъ заявленіи, что присягающій дастъ разводъ своей женѣ, не требуя возвращенія затраченной на ея покупку суммы, въ томъ случаѣ, если его показанія окажутся ложными. Этотъ видъ присяги принадлежитъ, какъ доказалъ это Робертсонъ Смиль¹⁾, къ числу коренныхъ обычаевъ аравитянъ. Законодательство Магомета только восприняло его въ свою систему, точно также какъ оно сдѣлало это по отношенію къ кров-

---

¹⁾ Kinahip in Early Arabia, стр. 77; см. также Kohler. ueber das Vorislamitische Recht der Araber, Zeitscha. für die Vergl. Rechtsiv. 8 B., Heft 1888, стр. 246 и 251.

ной мести и другимъ не менѣе первобытнымъ юридическимъ порядкамъ. Присяга хатунъ-талахъ считается въ Дагестанѣ самымъ сильнымъ видомъ присяги. Если у дагестанца нѣсколько женъ, — онъ обязанъ при произнесеніи присяги указать съ какой именно онъ намѣренъ развестись въ томъ случаѣ, если его заявленіе окажется противорѣчащимъ истинѣ. Отпущеніе жены съ уплаченнымъ при вступленіи съ нею въ бракъ «кебинемъ» — таково послѣдствіе въ противность истинѣ принесенной присяги.

Нельзя также считать порожденіемъ обычая тотъ весьма оригинальный порядокъ, въ силу котораго каждый разъ, когда убійца неизвѣстенъ, родственникамъ въ числѣ 50-ти человекъ предоставляется указать на любое лицо, какъ на виновника убійства. Лицо, на которое падетъ подозрѣніе родственниковъ жертвы, можетъ освободить себя отъ отвѣтственности не иначе, какъ поставивъ 50 очистниковъ или свидѣтелей изъ людей, близкихъ ему по крови ¹⁾. Обычай этотъ, извѣстный подъ арабскимъ наименованіемъ «казама», принадлежитъ къ числу тѣхъ стародавнихъ обычаевъ Аравіи, которые оставлены были въ силѣ религіознымъ законодателемъ мусульманъ ²⁾. Нельзя также считать исключительно дагестанскимъ тотъ порядокъ, по которому первые обработанная кѣмъ либо земля становится собственностью воздѣльвателя.

Г. Гольдцигеръ показываетъ, что такое правило извѣстно было искони туземному населенію Аравіи, откуда и проникло въ юридическіе трактаты отдѣльныхъ мусульманскихъ школъ ³⁾.

---

¹⁾ Въ рукописномъ сборникѣ адатовъ Андійскаго округа (Техницальское общество) мы читаемъ: если найдено будетъ мертвое тѣло или сильно раненный, не могущій объясниться, то достаточно заявленія 50-ти родственниковъ, заявленія, дѣлаемаго подъ присягой, что ихъ родственникъ убить такимъ-то, для того, чтобы лицо, на которое пало подозрѣніе, признано было виновнымъ. Обвиненному предоставляется однако очистить себя отъ обвиненія присягой 50-ти собственныхъ родственниковъ.

²⁾ См. Goldziher. *Muhamedanisches Recht in Theorie und Wirklichkeit* Zeitschrift für Vergleichende Rechts Wissenschaft, 8 Band, III Heft, 1889, стр. 412.

³⁾ Это правило принадлежитъ къ числу такихъ, которыя одинаково признаются и сунитами и шитами. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ передаетъ его напр. Quéruy: *Quiconque en l'absence de l'imam defriche une des ter-*

Не восходя до этого отдаленнаго источника, нѣкоторые изъ дѣйствующихъ въ Дагестанѣ обычаевъ, которые собиратели адатовъ относятъ къ народному праву, на самомъ дѣлѣ обязаны своимъ происхожденіемъ писаному законодательству мусульманъ.

Для примѣра укажу хотя бы на то обстоятельство, что число свидѣтелей, которое въ случаяхъ убійствъ и прелюбодѣній должно быть поставлено обвинителемъ, на основаніи адатовъ кюринскаго округа, — то самое, какое Шаріать и, въ частности, ученіе Шафаи требуетъ въ подобныхъ же случаяхъ, а именно: четыре человека. Во всѣхъ остальныхъ уголовныхъ дѣлахъ адаты, опять таки заодно съ Шаріатомъ, довольствуется двумя свидѣтелями.

И въ области вещнаго права, такой на первый взглядъ народный институтъ, какъ право предпочтительной покупки земли родственниками или выкупъ ими поступившей уже въ продажу недвижимой собственности, о которомъ упоминають, напримѣръ, адаты ташкинскихъ обществъ, гунибскаго округа, находятъ объясненіе себѣ въ признаваемомъ Шаріатомъ правѣ родоваго выкупа (*shaafeh*). Уничтоженіе въ кюринскомъ округѣ договоровъ, въ которыхъ не означена съ точностью цѣна проданнаго, какъ и всѣхъ тѣхъ, при заключеніи которыхъ скрыты были отъ покупателя недостатки продаваемаго предмета, говоритъ также не о существованіи между туземцами особаго обычая на этотъ счетъ, а о строгомъ соблюденіи или началѣ обязательственнаго права Шаріата ¹⁾.

Если, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, многое, что счисляется въ Дагестанѣ продуктомъ туземнаго обычая, имѣеть на самомъ дѣлѣ источникомъ писанное право, то изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы народныя юридическія воззрѣнія совершенно исчезли изъ тѣхъ сферъ, въ которыхъ, какъ мы сказали выше, Шаріать одержалъ побѣду надъ адатомъ. Даже

---

res vacantes en acquiert la propriété quoique forcement il n'en ait pas reçu l'autorisation. Toute terre vacante appartient de préférence à celui qui la défriche. (Qléry. Recueil des lois concernant les musulmans schyites, т. II, стр. 237 — 239).

1) См. *Islamitisches Obligationen und Pfandrecht von Prof. Dr I. Kohler* въ *Zeitschrift für Vergleichende Rechts Wissenschaft*, 6 B., II Heft, 1886 г., 335 — Южно-Дагестанскіе адаты, стр. 14 и 15.

въ процессуальному праву, насквозь проникнутому началами Шариата, влияние адата можетъ быть отмѣчено, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что важнѣйшую роль въ системѣ судебныхъ доказательствъ играютъ въ Дагестанѣ не письменные документы и свидѣтельскія показанія, а присяга и соприсяга. Первые два вида доказательствъ, вполне признаваемые Шариатомъ, такъ мало отвѣчаютъ народнымъ юридическимъ воззрѣнiямъ туземцевъ, что во многихъ мѣстностяхъ Дагестана они допускаются въ суды лишь подъ условiемъ подкрѣпленiя ихъ присягой и соприсягой. Такъ, напримѣръ, въ кюринскомъ округѣ письменные документы приобрѣтаютъ силу и значенiе только тогда, когда подписавшіе ихъ свидѣтели подтверждаютъ присягой справедливость всего того, что значится въ документѣ. Въ томъ же округѣ показанiя вызывающаго сомнѣнiе свидѣтеля подкрѣпляются присягой одного или нѣсколькихъ изъ ближайшихъ его родственниковъ по выбору противника ¹⁾.

Въ Даргинскомъ округѣ свидѣтели еще такъ мало отвѣчаютъ тому понятiю, какое мы связываемъ съ ними нынѣ, что ихъ показанiя принимаются только въ томъ случаѣ, когда эти свидѣтели являются односельцами того лица, поведенiе котораго они свидѣтельствуютъ ²⁾.

При родовомъ характерѣ дагестанскихъ поселенiй требованiе, чтобы показанiя дѣлаемы были непременно односельцами, указываетъ на то, что институтъ свидѣтелей не успѣлъ еще обособиться вполне отъ сходнаго во многомъ съ нимъ, но предшествующаго ему во времени института соприсяжниковъ.

Причина, препятствующая развитiю института свидѣтелей въ обществѣ, еще живущемъ началами родового быта и практикующемъ кровное возмездiе всякому, кто причинитъ роду матеріальный ущербъ, слѣдовательно и тому, чьи показанiя являются къ обвиненiю одного изъ родовичей, съ наглядностью выступаетъ въ томъ древнѣйшемъ сводѣ дѣйствующаго въ Дагестанѣ права, какое представляютъ намъ Постановленiя Кайтагскаго Уцмiя Руслема. «По чьимъ доносамъ убить будетъ каналъ,

1) См. Южно-дагестанскiе Адаты, стр. 1 и 2.

2) См. Адаты Даргинскаго округа, стр. 7.

т. е. лицо пролившее кровь, того, значится въ этихъ постановленіяхъ, считать кровнымъ врагомъ. Если родственники убитаго канлы убьютъ подобнаго доносчика, то кровь его считать безвозмездной». Она должна погибнуть «какъ свалившаяся съ дерева груша», читаетъ мы въ болѣе близкой къ первоначальному тексту дербентской рукописи этого сборника. Но если донесшій на убійцу подлежитъ кровомщенію и кровь его зачитается за кровь убитаго, то удивительно ли, что свидѣтельское показаніе, какъ самостоятельный видъ доказательства, еще совершенно отсутствуетъ въ сводѣ Рустема, и мѣсто свидѣтелей занимаютъ въ немъ соприсяжники — родственники въ разномъ числѣ, смотря по важности преступленія. И въ наши дни адаты Байтага, какъ и всего вообще даргинскаго округа, знаютъ еще институтъ соприсяги въ его первичной формѣ — показанія, дѣлаемаго ближайшими родственниками той стороны, на которую падаетъ бремя доказательствъ, т. е. смотря по обстоятельствамъ, отчасти также по выбору суда, отвѣтчика или истца.

Когда при назначеніи соприсяжниковъ отвѣтчикъ скроетъ ближайшихъ родственниковъ и къ присягѣ допущены будутъ дальнѣйшіе, то этого одного достаточно для признанія его вины ¹⁾.

Если и въ наше время адаты существенно вліяетъ еще на характеръ процессуальныхъ дѣйствій, то тѣмъ болѣе въ предшествующія столѣтія. Сила и значеніе его сказывались, между прочимъ, въ допущеніи противорѣчащаго Шаріату порядка насильственнаго захвата, производимаго самимъ потерпѣвшимъ изъ имущества обидчика. Такой захватъ встрѣчается въ правѣ всѣхъ вообще народностей, переходящихъ или только что перешедшихъ отъ родовой къ государственной формѣ общежитія. «Книга древняго закона ирландцевъ» («Сенхусъ» «Моръ») почти все цѣло посвящена описанію порядка его производства. Упомянутія о немъ можно найти и въ древнѣйшемъ правѣ салическихъ франковъ, и въ древнѣйшихъ религіозныхъ сводахъ индусовъ, и въ первыхъ по времени памятникахъ славянскаго права.

Въ сводѣ Рустема имущественный захватъ выступаетъ еще

---

¹⁾ См. Адаты даргинскаго округа, стр. 10.

въ своей наиболѣе архаической формѣ—захвата, примѣняемаго къ имуществу не одного лишь неисправнаго должника, но и любого изъ членовъ одного съ нимъ рода. «Шикиль», другими словами насильственный захватъ имущества, дозволяется направить противъ всякаго, кто не отдѣлился отъ своего тохума или рода. Отвѣчать своимъ имуществомъ за правонарушенія родственниковъ составляетъ такую же обязанность для членовъ тохума, какъ и отвѣчать своею жизнью за убійства, насилія и другія вызывающія месть дѣйствія тѣхъ же родственниковъ. Члены рода связаны между собой круговой порукой. Но поддержаніе ея возможно только подъ условіемъ предоставить имъ свободу выключать изъ тохума лицъ, поведеніе которыхъ ежечасно можетъ сдѣлаться для нихъ источникомъ потери жизни и имущества. Отсюда слѣдующій обычай: если родственники замѣтятъ кого-либо въ дурныхъ поступкахъ, то должны убить его, въ противномъ случаѣ обязаны отвѣчать за его поведеніе. Солидарность между членами тохума, отвѣтственность каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго, необходимо вызываютъ требованіе полнаго единогласія въ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ. Поэтому одна изъ статей сборника постановляетъ: Всѣ должны говорить единогласно; кто же будетъ противорѣчить обществу, того домъ разрушить и самого изгнать. Кто желаетъ уклониться отъ обязанностей, возлагаемыхъ на него фактомъ принадлежности къ тохуму, и въ томъ числѣ отъ отвѣтственности личной и имущественной за лицъ одного съ нимъ рода, тотъ долженъ открыто выступить изъ рода. Для такого выхода требуется официальное заявленіе, какъ тохуму, такъ и уцмію. Получивъ отъ послѣдняго письменное разрѣшеніе, лицо, желающее порвать свою связь съ тохумомъ, отправляется въ селеніе Кара-Корестъ, гдѣ въ мечети прочитывается увольняющій его изъ рода приказъ уцмія. Кто добился выхода изъ рода, жертвуетъ на мечеть войлокъ и вбиваетъ на память о случившемся гвоздь въ одинъ изъ поддерживающихъ ея сводъ столбовъ. На выступившаго изъ рода легализированное самоуправство или шикиль распространены быть не можетъ. Не подлежатъ ему также слѣдующія лица: кади или судья, гоушъ или исполнитель его приказаній, своего рода судебный приставъ, нарочный, старикъ и ученикъ (при мечети).

Кромѣ отвѣтственности цѣлымъ родомъ кодексу Рустема извѣстна еще отвѣтственность всѣмъ сельскимъ обществомъ, примѣнимая въ частности къ случаямъ неуплаты долга. Кто беретъ шикиль съ жителей нашего общества, съ тѣхъ и намъ брать, значится въ этомъ сборникѣ. То же положеніе подробнѣе развито въ дербентской рукописи. «Если кто изъ другого общества долженъ деньги или что нибудь изъ имущества и отъ уплаты откажется, кредиторъ имѣетъ право взять шикиль съ того общества, гдѣ живетъ должникъ; но если кто либо изъ жителей общества будетъ тому препятствовать силой, виновный подвергается штрафу въ 100 денегъ (грошей). Кто схватитъ кредитора съ шикилемъ, подвергается такому же взысканію. Кто не позволитъ кредитору взять шикиль и взамятъ того пообѣщаетъ взыскать съ должника слѣдующій кредиту долгъ, а на самомъ дѣлѣ обѣщанія не исполнитъ, того силою заставляютъ взыскать долгъ съ должника».

Отвѣтственность селеній въ случаяхъ «шикиля» объясняется всего легче тѣмъ соображеніемъ, что въ составъ ихъ входила первоначально семья одного тохума, подлежащая какъ таковая родовому самоуправству. Сельская община и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, унаслѣдовала права и обязанности рода.

Самоуправство легально, если направлено противъ родственниковъ отвѣтчика или членовъ одной съ нимъ общины, и то лишь тогда, когда ими не являются лица специально изъявшія себя отъ круговой отвѣтственности путемъ формальнаго выхода изъ рода, принятія должностей кади и чоуша, избранія ученой профессіи или достиженія старческаго возраста. Таковы ограниченія самоуправства по отношенію къ лицамъ, на которыхъ его дѣйствіе можетъ быть распространено.

Посмотримъ теперь, каковы его ограниченія по отношенію къ мѣсту совершенія.

Шикиль не можетъ быть произведенъ въ мѣстности безлюдной, такъ какъ первое условіе его законности—завѣдомость или публичность того насильственнаго акта, которымъ онъ выражается.

«За взятый въ безлюдномъ мѣстѣ «шикиль» виновный долженъ платить обиженному въ десять разъ болѣе противъ взя-

таго имъ,—стоитъ въ рукописи г-на Комарова. Наоборотъ, съ того, кто не позволить взять шикиля внутри селенія, брать штрафъ сто кари хабцалику (хабцаликъ — легкая бумажная ткань, а кари — мѣра длины). Если кто будетъ убитъ при поимкѣ шикиля, стоитъ въ дербентской рукописи, виновникъ убійства подлежить за его кровь взыскаію семи діатовъ или выкуповъ въ пользу родственниковъ убитаго».

Не всѣ предметы одинаково могутъ сдѣлаться объектомъ захвата. Чтобы остаться въ предѣлахъ законности шикиль не долженъ быть направляемъ на стада и табуны, несомнѣнно потому, что они могутъ быть составлены изъ скота и лошадей, принадлежащихъ разнымъ тохумамъ и селеніямъ одного и того же округа или магала. Это обстоятельство и имѣетъ въ виду дербентская рукопись. «Если табунщикъ убьетъ или ранитъ кого либо при поимкѣ изъ табуна «шикиля», общество того магала, къ которому принадлежитъ селеніе и самый табунъ, отвѣчаетъ за кровь убитаго, а не табунщикъ, такъ какъ послѣдній впалъ въ преступленіе изъ за интереса общества». Самоуправство же законно въ томъ только случаѣ, когда обиженный направляетъ его исключительно на имущество одного съ обидчикомъ тохума. Отсюда слѣдующее постановленіе: кто возьметъ шикиль изъ стада — платитъ сто кари хабцалику. Въ сферѣ вещнаго, а тѣмъ болѣе обязательственнаго права вліяніе обычая крайне слабо. И все же можно указать на постановленія, прямо противорѣчащія Шаріату и неизмѣющія другаго источника, кромѣ адата. Укажемъ, напримѣръ, на тотъ фактъ, что во многихъ обществахъ Дагестана существуетъ запрещеніе выселяться изъ одного аула въ другой. Ничего подобнаго такому запрещенію въ Шаріатѣ найти нельзя. Источникъ его всецѣло лежитъ въ родовомъ устройствѣ туземцевъ. Не желая терять своего наличнаго состава, родъ обставляетъ выходъ изъ него всякими трудностями. Кто оставитъ родовое поселеніе, или, что тоже, аулъ, тотъ теряетъ принадлежащую ему землю вполнѣ или отчасти, смотря по мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ хваршинскомъ обществѣ андійскаго округа: «кто изъ жителей оставитъ свою деревню и перейдетъ на жительство въ другое мѣсто, обязанъ оставить въ пользу аула, въ которомъ

онъ жилъ, лучшее свое пахатное поле такого размѣра, чтобы на немъ можно было посѣять шесть мѣръ хлѣба» 1).

Та же родовая исключительность является источникомъ другого правила. Чужая скотина не должна быть принимаема на пастбище аула, такъ какъ пастбище это составляетъ общее достояніе всѣхъ населяющихъ аулъ родственниковъ. Правило это соблюдается даже въ такихъ аулахъ, въ которыхъ поселены рядомъ нѣсколько тохумовъ. Сельская община въ этомъ случаѣ является наследницей ранѣе ея возникшихъ порядковъ родового владѣнія. Запрещенія, о которыхъ идетъ рѣчь, однохарактерны съ тѣми, какія мы находимъ во многихъ общинахъ Германіи и Швейцаріи, въ которыхъ на «альменду» и «альпу» допускается скоть однихъ «гражданъ» (bürger), т. е. лицъ принадлежащихъ къ фамиліямъ первыхъ поселенцевъ. Въ Тессинѣ это право признано въ каждой общинѣ съ небольшимъ числомъ семей, которыя въ свою очередь являются отдѣлившимися вѣтвями одного «родового поселенія» или семейной общины.

Съ порядками общинно-родового владѣнія и хозяйства стоитъ также въ связи доселѣ уцѣлѣвшій въ Дагестанѣ Flurzwang или обязательный порядокъ сѣвооборота. Всѣ хозяйственныя работы должны быть производимы въ разъ навсегда установленные сроки, о наступленіи которыхъ всенародно объявляется по утрамъ съ вершины минаретовъ. Фрукты и виноградъ не должны быть срываемы, даже собственникомъ, ранѣе положеннаго обычая срока. Для контроля установленъ слѣдующій оригинальный порядокъ. «Тамъ, гдѣ существуютъ виноградные сады, читаемъ мы въ рукописномъ сборникѣ адатовъ гунибскаго округа, ни одинъ хозяинъ не имѣетъ права снимать кистей до извѣстнаго срока, т. е. пока не послѣдуетъ разрѣшенія на то общества. Если же будетъ замѣчено, что въ какомъ нибудь саду сорванъ виноградъ, старшина и его помощники, «карты», дѣлаютъ строгій розыскъ. Если виновный не будетъ открытъ, всѣхъ жителей выводятъ изъ деревни въ поле. Женщины помѣщаются отдѣльно отъ мужчинъ на значительномъ разстояніи. Никто не въ правѣ вернуться домой, не совершивъ предварительно есте-

---

1) Рук. сб. адатовъ авдійскаго округа.

ственной отправленія въ присутствіи начальства. У кого найдутъ зерна, тотъ платитъ въ штрафъ двухъ быковъ».

Не трудно вывести изъ всего сказаннаго то заключеніе, что отмѣняющія Шаріатъ постановленія адата стоятъ въ непосредственной связи съ самими основами общественнаго быта дагестанскихъ племенъ и въ частности съ ихъ родовой организаціей. Тѣ области права, которыя всего ближе соприкасаются съ социальнымъ строемъ туземцевъ, а ими несомнѣнно слѣдуетъ признать право уголовное, право семейное и наследственное, соответственно болѣе другихъ и отражаютъ на себѣ вліяніе народныхъ началъ права. Современное значеніе обычая и его отношеніе къ писанному закону не могутъ быть поэтому выяснены иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго знакомства съ характеромъ родовой организаціи Дагестана и изученія въ отдѣльности какъ той области права, въ которой законъ и обычай доселѣ оспариваютъ другъ у друга первенство (я разумѣю право семейное и наследственное), такъ и той, въ которой обычаю удалось пока сохранить за собою если не безусловное господство, то во всякомъ случаѣ рѣшительное преобладаніе (сфера уголовныхъ отношеній).

Такимъ образомъ послѣдующее изложеніе само собою распадается на три главы: первая о родовомъ устройствѣ Дагестана, вторая о семьѣ и наследованіи, третья о кровной мести и отмѣняющихъ ее платежахъ.

ГЛАВА II.

Родовое устройство Дагестана.

Знатоки Дагестана, въ числѣ ихъ генералъ Комаровъ, насчитываютъ въ немъ до 28 языковъ, развѣтвляющихся на множество нарѣчій. Если признать это число даже преувеличеннымъ и перенести въ группу нарѣчій нѣкоторые народные говоры, признанные Комаровымъ за самостоятельные языки, то все же получится цифра 18 для населенія, едва перешагнувшаго за полмилліона ¹⁾. Между плоскостной и нагорной частью Дагестана эти говоры распредѣляются такимъ образомъ, что на первую, съ населеніемъ отъ 80 до 100 т., приходится всего пять языковъ, а на вторую цѣлыхъ тринадцать. Ни одна изъ на-

---

¹⁾ По указаніямъ Услара и самого Комарова нѣкоторые изъ тѣхъ народностей, которыя выдѣлены ими въ самостоятельныя группы, употребляютъ говоръ, хотя и непонятный ихъ соседямъ, но представляющій съ языкомъ послѣднихъ нѣкоторое филологическое сродство: языкъ аргинцевъ, напр., близокъ къ языку аварцевъ, а хваршинцевъ къ лийскому; каратяны, ахваки, богумолъ и шери по той же причинѣ должны быть сблизены между собою; даргинцы, кайташцы и кубачинцы, табасаранцы и агулы, кюринцы, рутульцы и цахурцы образуютъ не 8, а всего на всего 3 филологическія единицы (сравни Сб. св. о Кавк. Гор. пахъ, вып. VIII — Составъ населенія Дагестанской области. Н. В.). Нечего и говорить, что эту классификацію отнюдь нельзя считать окончательной, такъ какъ къ изученію дагестанскихъ говоровъ приступлено весьма недавно, и пока обследовано сколько нибудь обстоятельно два или три изъ нихъ, не болѣе.

родностей, населяющих каспійское побережье, не может быть отнесена къ числу тѣхъ, которыя налагали бы на страну свой особый отпечатокъ, такъ какъ онѣ встрѣчаются въ составѣ населенія и другихъ кавказскихъ областей ¹⁾. Того же нельзя сказать о нагорной части; за исключеніемъ чеченцевъ, которыхъ насчитываютъ не болѣе 500, ни одно изъ племенъ, входящихъ въ составъ ея населенія, не попадаетъ въ Дагестанъ и закатальскаго округа, этого оторваннаго отъ него куска, занятаго аварскимъ племенемъ и покоренной имъ тюркской (муганлы) и грузинской народностью (ингелойцы) ²⁾.

Въ самомъ нагорномъ Дагестанѣ большая или меньшая пестрота этнографическаго состава каждой отдѣльной мѣстности обуславливается большей или меньшей тѣснотой долинъ. «Почти въ каждой котловинѣ, говоритъ г. Комаровъ, въ каждомъ отдѣльномъ ущельи, огражденномъ скалистыми хребтами и выходящемъ къ быстрой и глубокой рѣкѣ, живетъ особое племя, часто неимѣющее ни малѣйшаго сходства или родства съ содѣльными племенами; тамъ же, гдѣ горы становятся доступнѣе, разнообразіе племенъ уменьшается, за то увеличиваются численность каждаго и пространство, на которомъ оно живетъ» ³⁾. Въ виду сказаннаго цитируемый нами писатель дѣлитъ нагорный Дагестанъ на двѣ половины, изъ которыхъ одну представляютъ бассейны рѣкъ, образующихъ по слияніи рѣку Сулакъ, а другую—все восточное нагорье до самой Каспійской плоскости. Закатальскій округъ по физическимъ условіямъ мѣстности

¹⁾ Я разумью кумыковъ и ногайцевъ, встрѣчаемыхъ нами на С.-В. Кавказѣ, татаръ и татовъ, изъ которыхъ первые составляютъ главный элементъ населенія Елисаветпольской губерніи, а вторые встрѣчаются въ окрестностяхъ Баку; наконецъ горскихъ евреевъ, разсѣянныхъ по всему Кавказу.

²⁾ Все населеніе закатальской области, по переписи 1873 года, равняется 64 тысячамъ, изъ которыхъ 3 лезгинъ, а 2 мунгаловъ и грузинъ (См. об. св. о Кавк. горцахъ, вып. IX). Такъ какъ по переписи 1871 г. населеніе Дагестанской области указано въ 449,534 человека, то мы не ошибемся, признавъ, что слишкомъ полмилліона выражаютъ собою цѣну населенія во всемъ Дагестанѣ (считая въ томъ числѣ и закатальскій округъ).

³⁾ См. VIII т. Записокъ Кавказ. Отд. Геогр. Общ., статью Комарова «Народонаселеніе Дагестанской области».

могъ бы быть отнесенъ ко второй половинѣ, но по этнографическому составу скорѣе принадлежитъ къ первой. Удобнѣе поэтому выдѣлнить его въ особую группу. Въ западной части нагорнаго Дагестана, представляющей котловину, изрѣзанную скалистыми хребтами на множество мелкихъ ущелій, при населеніи въ 160 тысячъ человѣкъ, мы встрѣчаемъ по меньшей мѣрѣ десять самостоятельныхъ языковъ и соотвѣтственно такое же число племенъ: аварцы, анды, каратинцы, чамалалъ, дидойцы, капучинцы, гузаль, ботлихцы, лаки и чеченцы. Въ восточной, отличающейся широкими долинами и доступными круглый годъ горными проходами, при населеніи въ 132 съ лишнимъ тысячи, мы насчитываемъ всего 3 вполне отличныхъ другъ отъ друга языка и племени—даргинскій, табасаранскій и кюринскій. Наконецъ въ закатальскомъ округѣ, при населеніи въ 56 тысячъ, мы находимъ три языка и три народности: лезгинъ, муганлы и ингейцевъ.

Мы дѣлали пока предположеніе, что каждому языку соотвѣтствуетъ только одно племя; но исторія показываетъ, что нѣсколько народностей иногда принимали общій языкъ; а если такъ, то мы принуждены даже отказаться отъ мысли когда либо съ точностью опредѣлить число племенъ, въ разное время заселившихъ собою Дагестанъ, тѣмъ болѣе, что всякая попытка рѣшить этотъ вопросъ путемъ антропологическихъ измѣреній представляется рѣшительно невозможной въ виду того, что въ одной и той же мѣстности и нерѣдко въ одномъ и томъ же аулѣ встрѣчаются самые разнообразныя типы. Необходима поэтому не малая доза фантазій для того, чтобы видѣть въ андахъ напр. повальное сходство съ евреями и говорить въ примѣненіи къ нимъ о какомъ-то «воинствующемъ израилѣ», тогда какъ достаточно побывать на базарѣ, чтобы встрѣтиться съ лицами, одинаково напоминающими и грузинъ, и армянъ, и татаръ, и чеченцевъ, всего же чаще невызывающими въ нашей памяти никакихъ воспоминаній—въ виду своей рѣзкой оригинальности ¹⁾.

---

¹⁾ Нельзя отрицать того, что между дидойцами грузинскій типъ встрѣчается часто. Такой фактъ объясняется весьма просто тѣмъ обстоятель-

Пестрота этнографическаго состава, какой отличается население Дагестана, невольно вызываетъ въ насъ предположеніе, что и юридическіе обычаи, которымъ слѣдуютъ горцы, должны отличаться большимъ разнообразіемъ, такъ что представляется возможность говорить о цѣломъ рядѣ правовыхъ системъ, приуроченныхъ каждая къ отдѣльной народности и являющихся выраженіемъ особенностей ея національнаго духа. Сравнительное изученіе приводитъ однако къ совершенно противоположному выводу. Въмѣсто нѣсколькихъ мы имѣемъ передъ собою только одну юридическую систему; частности ея, разумѣется, весьма далеко расходятся у отдѣльныхъ народностей; но общія и основныя положенія одинаково проникаютъ собою обычаи аваровъ и андовъ, лаковъ и капучинъ, даргинцевъ и табасаранцевъ и т. д. Этотъ фактъ, обоснованіемъ котораго служить все послѣдующее изслѣдованіе, является новымъ подтвержденіемъ той мысли, которая была впервые высказана мною въ монографіи, озаглавленной «Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи». Не филологическимъ средствомъ, а общностью условій, сказано было въ ней, опредѣляется сходство учрежденій двухъ или болѣе, нерѣдко разноплеменныхъ, народностей. Проходя общія стадіи развитія, народности эти вырабатываютъ независимо другъ отъ друга одинаковыя правовыя нормы ¹⁾).

Каковы же, спрашивается, въ Дагестанѣ эти общія бытовыя условія, вызывающія возможность единства юридическихъ нормъ? Во главѣ ихъ я поставлю повсемѣстное господство въ средѣ горцевъ родовой организаціи, извѣстной подъ наименованіемъ «тухумной». Эта организація самымъ фактомъ своего существованія вызываетъ къ жизни цѣлый рядъ обычаевъ и обрядовъ, какъ-то: обычай кровной мести и родоваго возмездія, сопряженничество родственниковъ на судѣ, серьезныя ограниченія права раздѣловъ и отчужденія, исключеніе женщинъ отъ наслѣдованія или меньшее противъ мужчинъ участіе ихъ въ немъ

ствомъ, что, заиная пограничныя съ Грузіей долины, дядойцы брали изъ нея много плѣнниковъ, которыхъ или продавали на сторону, или селяли въ своей средѣ.

1) Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи. Москва 1880 года, стр. 15—21.

и т. п. Эти явленія встрѣчаются въ бытѣ дагестанскихъ горцевъ въ такой же степени, какъ и въ бытѣ осетинъ, кабардинцевъ, горскихъ татаръ, чеченцевъ, кумыковъ, сванетовъ, хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, т. е. любаго изъ племенъ сѣвернаго и южнаго склона кавказскаго хребта. Вотъ почему обычное право всѣхъ вообще горцевъ носить характеръ чего-то цѣльнаго и единаго, независимо отъ различія расъ, языковъ и религій.

Поэтому первымъ шагомъ къ уясненію характера дагестанскихъ адатовъ является детальное изученіе родовой организаціи горцевъ; въ ней, а не въ чемъ иномъ, лежитъ дѣйствительный источникъ всѣхъ особенностей ихъ обычнаго права.

При крайнемъ разнообразіи происхожденія, наглядно выступающемъ, какъ я сказалъ, въ различіи языковъ и нарѣчій, жители Дагестана представляютъ повсюду сходныя бытовые черты. Изучая ихъ, мы становимся лицомъ къ лицу, если не съ первоначальныхъ проявленіемъ гражданственности, то, по крайней мѣрѣ, съ той ея стадіей, которая обнимается понятіемъ агнатическаго рода. Причины, о которыхъ было говорено мной въ предшествующей главѣ, давно искоренили въ средѣ дагестанцевъ тѣ переживанія матернитета и когнатическаго рода, какія представляетъ донинѣ бытъ сосѣднихъ съ ними племенъ — тушиновъ, пшавовъ, хевсуръ и чеченцевъ. Только на правахъ простой гипотезы позволимъ мы себѣ выставить то предположеніе, что въ немногихъ кубачинскихъ родахъ, которые слывуть подъ названіемъ «опороченныхъ» и соотвѣтственно этому не пользуются равнымъ съ другими родами уваженіемъ, слѣдуетъ видѣть пережитокъ такихъ материнскихъ родовъ. Преданіе приписываетъ ихъ основаніе женщинамъ-плѣнницамъ. По возрѣніямъ кубачинцевъ, нуженъ цѣлый рядъ поколѣній, чтобы смыть это прирожденное пятно позора ¹⁾.

Если не говорить объ этомъ одиночномъ фактѣ, по самой своей природѣ допускающемъ разныя толкованія, то мы при-

---

¹⁾ Свѣдѣнія о существованіи этихъ опороченныхъ родовъ получены мною изъ официальныхъ документовъ (см. записку о Китагѣ, Уркарахское наибство). Они собраны поручикомъ Сотниковымъ.

нуждены будемъ сказать, что общественный строй дагестанскихъ народностей опирается всецѣло на агнатическое родство. Самымъ рѣшительнымъ проявленіемъ этого факта служить то обстоятельство, что родственники со стороны матери въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда послѣдняя не принадлежитъ къ роду мужа, считаются лицами посторонними—чужеродцами; на нихъ не распространяется начало родовой солидарности. Племянникъ не въ правѣ сдѣлаться мстителемъ въ случаѣ убійства его дяди по матери, точно такъ же, какъ на него не падаетъ обязанность участвовать въ платежѣ за кровь, пролитую любимъ изъ родственникововъ съ материнской стороны. Соответственно этому, конечно, и родъ матери не имѣетъ никакихъ обязательствъ по отношенію къ отмщенію направленныхъ противъ племянника обидъ или въ платежѣ виръ за наносимыя ему обиды.

Обстоятельство, болѣе другихъ содѣйствующее обособленности дагестанскихъ родовъ, составляетъ полное господство въ ихъ средѣ эндогаміи; этотъ фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что ничего подобнаго ему мы не находимъ у сосѣднихъ съ Дагестаномъ горцевъ. Пшавы, хевсуры и тушины—безусловные приверженцы экзогаміи. Бракъ на отдаленнѣйшей даже родственницѣ по отцу не дозволяется ихъ обычаемъ. Граничащіе съ сѣвера чеченцы, какъ и всѣ магометане, не считаютъ дозволеннымъ только бракъ на сестрѣ, матери или дочери и безразлично относятся къ экзогамическимъ союзамъ; но ни у кого, кромѣ жителей Дагестана, мы не находимъ того предписанія, что въ бракъ слѣдуетъ вступать исключительно съ женщинами собственнаго рода, что такой бракъ почетнѣе, что принадлежность къ роду надо предпочесть и богатству, и общественному положенію невѣсты ¹⁾. Объяснять господство эндогаміи характеромъ распространеннаго въ Дагестанѣ религіознаго ученія, которое, какъ

---

¹⁾ Изъ тѣхъ официальныхъ документовъ, которые имѣются у насъ въ рукахъ, видно однако, что въ плоскостномъ Дагестанѣ это послѣднее предписаніе начинаетъ соблюдаться съ меньшей строгостью: въ Кубачахъ, напримѣръ, отдають уже предпочтеніе общественному положенію и состоятельности, и при невозможности найти дѣвушки, которая въ згнхъ двухъ отношеніяхъ являлась бы вполне равной жениху въ собственномъ родѣ, не уступаютъ передъ мыслью о бракѣ на чужеродкѣ.

извѣстно, также исключительно, также враждебно всякому смѣшенію съ разноплеменной кровью, какъ и еврейское—мнѣ кажется невозможнымъ. Религіозная исключительность могла бы объяснить только тотъ фактъ, что жители Дагестана не женятся на дѣвушкахъ сосѣднихъ христіанскихъ племенъ. Она безсильна открыть намъ источникъ тѣхъ запрещеній, въ силу которыхъ односельчане и единовѣрцы, принадлежащіе къ разнымъ родамъ, не въ правѣ вступать между собою въ брачныя союзы. Эндогамія должна быть отнесена поэтому къ числу тѣхъ явленій въ жизни изучаемыхъ нами народностей, которыя предшествовали по времени самому появленію мусульманства и не одного только мусульманства, но и того, быть можетъ, только официально признававшагося христіанства, существованіе котораго въ былое время въ Дагестанѣ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Я не вижу возможности дать другое объясненіе факту происхожденія эндогаміи среди жителей Дагестана, какъ отнесши ее на счетъ тѣхъ иранскихъ вліяній, какія задолго до появленія, какъ христіанства, такъ и мусульманства испытало на себѣ каспійское побережье Кавказа. Хорошо извѣстно, что эндогамія составляетъ характерную особенность тѣхъ народностей, которыя являлись послѣдователями Авесты, что она была въ полномъ ходу въ средѣ древнихъ персовъ и доселѣ продолжаетъ встрѣчаться между исповѣдующими культъ Зороастра персами Индіи ¹⁾).

Самая архаичность эндогамическихъ предписаній указываетъ на то, что онѣ должны были встрѣтить въ современномъ намъ быту благопріятныя условія для своего удержанія. Въ чемъ же, спрашивается, состояли эти условія?

Намъ придется начать наше объясненіе нѣсколько издалека. Официальныя свѣдѣнія о бытѣ дагестанскихъ родовъ рисуютъ ихъ намъ строгими охранителями цѣлостности, какъ имущественнаго, такъ и личнаго состава рода. Проявленіемъ перваго является исключительность родоваго землевладѣнія. При затрудненіи земельныхъ отчужденій въ пользу чужеродцевъ, при допущеніи посторонняго человѣка къ владѣнію землей лишь

¹⁾ См. Novelacque L' Avesta. Paris, 1880, стр. 464—4.

послѣ принятія его въ родовую среду, отчужденіе женщины—этой доходной статьи—этой преимущественной работницы, хотя бы путемъ выдачи ея въ замужество члену чужаго рода, было бы явнымъ противорѣчіемъ. Насколько родовые союзы въ Дагестанѣ дорожатъ сохраненіемъ цѣлостности своего наличнаго состава доказываетъ тотъ фактъ, что у большинства населяющихъ этотъ край народностей добровольный выходъ изъ рода не дозволяется обычаемъ. Такъ о кюринскомъ округѣ, въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ окружнымъ начальникомъ г. Цвѣтковымъ въ 1869 году, значится: «никому отдѣляться отъ тохума или рода не дозволяется». И то же, въ другихъ только выраженіяхъ, сообщаетъ намъ о Кайтагѣ г. Сотниковъ, прибавляя, что такой поступокъ считается актомъ безчестнымъ. О Табасаранн тотъ же г. Сотниковъ сообщаетъ: «до сихъ поръ не было примѣра добровольнаго отдѣленія отъ тохума, и въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что самому выйти изъ рода нельзя или, вѣрнѣе, что такой поступокъ позоренъ». Въ даргинскомъ округѣ, по словамъ г. Попова, даже самъ тохумъ или родъ не имѣетъ права исключать изъ своей среды позорящихъ его членовъ. Все, что можетъ быть сдѣлано, сводится къ заявленію о дурномъ поведеніи такого лица начальству и выставленію его имени въ мечети. Изъ тохума—значится въ цитируемомъ нами официальномъ документѣ—«и такой человекъ никогда не выходитъ». Что касается до южно-дагестанскихъ округовъ, то въ одномъ только цахурскомъ возможенъ переходъ изъ одного рода въ другой. Въ ахтинскомъ и рутульскомъ, какъ значится буквально въ официальныхъ данныхъ, «такой переходъ не допускается подъ опасеніемъ вражды заинтересованныхъ въ немъ тохумовъ или родовъ». Обыкновенно оставляемый тохумъ уговариваетъ лицо, желающее его покинуть, не дѣлать этого. Случается, что при упорствѣ прибѣгаютъ къ угрозамъ, а въ крайнихъ случаяхъ и къ убійству. Вообще же до этого рѣдко доходятъ, благодаря участію всего сельскаго общества, которое почти всегда бываетъ на сторонѣ тохума, къ которому принадлежитъ невольный, и уговариваетъ его не оставлять свой тохумъ. Если родъ всячески старается задержать готовыхъ его покинуть членовъ, то, съ другой стороны, онъ обнаруживаетъ большую го-

товность принять въ свою среду каждаго желающаго. «Отказа въ подобныхъ случаяхъ, значится въ официальныхъ свѣдѣніяхъ, не бываетъ, какъ потому, что каждый тохумъ заботится объ увеличеніи числа своихъ членовъ, такъ и потому, что такой отказъ считается дѣломъ предосудительнымъ». Принимаемыми вновь членами, какъ общее правило, являются уцѣлѣвшіе остатки вымершихъ тохумовъ. «Безпрепятственный переходъ одиночнаго лица и даже нѣсколькихъ семействъ изъ тохума въ тохумъ, въ предѣлахъ одного и того же селенія, общаются не разъ цитируемые нами документы, допускается въ томъ только случаѣ, когда одинъ изъ тохумовъ вслѣдствіе какихъ бы то ни было случайностей крайне умалится въ наличномъ составѣ и незначительные остатки его пожелаютъ примкнуть къ одному изъ другихъ имѣющихся въ селеніи тохумовъ». Обычай, одинаково дѣйствующій въ ахтинскомъ и рутульскомъ обществахъ, требуетъ при этомъ, чтобы тотъ тохумъ, къ которому присоединяются остатки другаго, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ наличности 40 членовъ.

Если принять во вниманіе всѣ только что приведенные факты, обычай не выдавать замужъ за чужеродцевъ получить естественное объясненіе въ вполнѣ понятномъ желаніи рода сохранить цѣлость какъ личнаго, такъ и имущественнаго своего состава. Наше объясненіе причинъ удержанія эндогаміи въ Дагестанѣ находитъ косвенное подтвержденіе и въ тѣхъ отступленіяхъ, какія терпитъ это правило въ нѣкоторыхъ дагестанскихъ обществахъ. Въ Самурскомъ округѣ, напр., при общемъ запрещеніи браковъ съ чужеродцами, какъ исключеніе дозволяется брачное общеніе между жителями Ахты и зависящихъ отъ него селеній, но не иначе, какъ подъ условіемъ уплаты каждый разъ тому роду, изъ котораго бралась невѣста, особаго выкупа, извѣстнаго подъ наименованіемъ «барху» (размѣромъ три рубля). Здѣсь отступленіе, очевидно, допускается потому, что отъ брака съ подчиненными родами ахтинцы не несутъ того ущерба для цѣлости наличнаго и имущественнаго состава своихъ тохумовъ, какой бы они несли въ томъ случаѣ, если бы эти роды были такими же самостоятельными и независимыми, какими являются ихъ собственные. Но и здѣсь исключительное право рода на

входящихъ въ его составъ женщинъ сказывается въ обычаѣ имущественнаго его вознагражденія за понесенныя утраты. Помимо этого извѣстны и другіе случаи отступленія отъ эндогаміи, вызываемые трудностью ея практическаго осуществленія. Роды, число членовъ которыхъ незначительно, при строгомъ проведеніи эндогаміи, легко могли бы натолкнуться на тѣ запрещенія, какія магометанство устанавливаетъ по отношенію къ кровосмѣшенію. Отсюда необходимость болѣе снисходительнаго отношенія къ бракамъ, заключаемымъ членами такихъ родовъ съ женщинами чужеродками. Но обычай эндогаміи обнаруживаетъ всю свою жизненность въ томъ фактѣ, что желающій вступить въ бракъ обыкновенно заботится объ усыновленіи его родомъ невѣсты, и, сдѣлавшись такимъ образомъ ея родственникомъ, вступаетъ затѣмъ съ нею въ согласный съ обычаемъ эндогамическій союзъ.

Господство агнатическаго принципа въ родовой организаціи Дагестана сближаетъ ее во многомъ съ тою, какую въ историческую эпоху ихъ существованія представляютъ намъ арійскія народности. Въ тѣхъ постановленіяхъ, какими дагестанскій обычай обставляетъ порядокъ выхода изъ родоваго общенія, напримѣръ, не трудно замѣтить аналогію съ постановленіями Салической правды или древнихъ скандинавскихъ источниковъ права; точно такъ же, какъ въ положеніи, занимаемомъ родовымъ старѣйшиной, можно найти сходство съ тѣмъ, какое принадлежало начальникамъ *gentes* въ древнемъ Римѣ. Небезынтересно поэтому познакомиться въ деталяхъ съ разными сторонами родовой организаціи Дагестана. И при отсутствіи филологическаго сродства и такъ называемаго «единства происхожденія», обычаи народностей, стоящихъ на одинаковой ступени развитія, могутъ нерѣдко навести на аналогіи и сдѣлаться источникомъ новыхъ гипотезъ, объясняющихъ темные и плохо истолкованные факты древнѣйшаго права арійцевъ.

Начнемъ съ приведенія самыхъ названій, которыми жители Дагестана обозначаютъ существующую въ ихъ средѣ родовую организацію. Наиболѣе распространеннымъ является слово «тохумъ», или «тухумъ». Имъ выражаютъ понятіе рода, какъ общее правило: и въ Табасарани, и въ Кайтагѣ, и въ даргинскомъ

округѣ, и въ кюринскомѣ, и во всеѣхъ горныхъ аулахъ, занятыхъ лезгинской народностью. По происхожденію своему слово «тухумъ» — лезгинское. Ахтинцы, рутульцы и цахурцы нерѣдко замѣняютъ его другими терминами, въ частности терминомъ «халаданъ» или «ханаданъ». Въ Кайтагѣ употребительны слѣдующія обозначенія рода: «эвлетъ» (слово арабскаго происхожденія), «джинсъ» и «ковнъ» (оба азербиджанскіе термины), «табунъ» (на языкѣ кайтагскомѣ), «тайпа» (по кумыкски), наконецъ, «ухтци» и «уртши». Последнее названіе особенно употребительно въ Кубачахъ и другихъ селеніяхъ верхняго Кайтага. Тѣ же выраженія въ ходу у кубачинцевъ при передачѣ понятія толпы или большаго скопища народа ¹⁾).

На вопросъ о томъ, какія лица входятъ въ составъ тухума, обычаи дагестанцевъ даютъ разный отвѣтъ. Все они согласны въ томъ, что членами такого союза могутъ быть только родственники со стороны отца; разногласіе возникаетъ по вопросу, до какой степени надо считать родство. Большинство мѣстныхъ обычаевъ высказывается въ томъ смыслѣ, что для принадлежности къ тухуму степень родства не имѣетъ значенія: все родственники по отцу одинаково члены его рода. Но попадаются и такіе обычан, по которымъ, какъ, напримѣръ, по кубачинскимъ, принадлежность къ тухуму прекращается съ наступленіемъ гдѣ четвертой, гдѣ пятой, гдѣ седьмой и восьмой, а гдѣ и десятой степени родства; такъ, напримѣръ, въ Кара-Кайтагѣ, Урчимули, Терэкеме и Башлахъ счетъ родства идетъ только до пятаго колѣна, въ гимбрійскомъ обществѣ до шестаго, въ Кубачахъ до седьмаго, въ шурконскомъ до восьмаго, а въ деревняхъ верхняго Кайтага, какъ общее правило, до девятаго. Исключеніе болѣе отдаленныхъ родственниковъ сказывается прежде всего въ томъ, что при убійствѣ одного изъ нихъ тухумъ не становится мстителемъ, «не ищетъ его крови»; и наоборотъ, въ случаѣ убійства членомъ тухума какого нибудь посторонняго лица родственники дальше извѣстнаго колѣна не отвѣчаютъ,

---

¹⁾ Факты эти почерпнуты изъ официальныхъ свѣдѣній, въ частности, изъ двухъ записокъ о тухумахъ, составленныхъ для комиссіи по разслѣдованію сословныхъ правъ туземцевъ; онѣ были сообщены мнѣ г. Вейденбаумомъ.

не участвуютъ въ платежъ выкупа; этотъ фактъ уже самъ по себѣ указываетъ источникъ тѣхъ ограниченій, которымъ подвергается счетъ родства въ нѣкоторыхъ тохумахъ. Подобно тому какъ въ законахъ англовъ, кровавая мечь ограничивается одними «возможными наследниками», которыми считаются родственники въ извѣстныхъ только степеняхъ родства, подобно тому какъ въ Русской Правдѣ, насколько можно судить по тексту ея первой статьи, отдаленнѣйшіе родственники не могли быть мстителами, — такъ точно въ Дагестанѣ въ интересахъ охраненія мира и порядка, родовая мечь сосредоточивается всецѣло въ рукахъ ближайшихъ родственниковъ. Ихъ участіе въ отмщеніи кровныхъ обидъ, какъ нагляднѣйшее проявленіе узъ родства — причина тому, что со временемъ на нихъ однихъ начинаютъ смотрѣть какъ на родственниковъ; всѣ же остальные не признаются болѣе членами рода или тохума ¹⁾).

Переходимъ къ другимъ сторонамъ родового быта дагестанскихъ горцевъ. Въ числу тѣхъ открытыхъ вопросовъ, какіе представляетъ намъ начальная исторія права, необходимо долженъ быть отнесенъ вопросъ объ источникѣ родовой организаціи. Патріархальная теорія, рисующая намъ родъ какимъ-то развѣтвленіемъ единого ствола, представляемаго семьею родоначальника, стоитъ въ прямомъ противорѣчьи съ первоначальнымъ господствомъ матернитета. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы допустимъ фактъ вычисленія родства исключительно по женской линіи, — а этотъ фактъ слишкомъ хорошо установленъ, чтобы возбуждать еще сомнѣніе, — невольно долженъ возникнуть вопросъ: откуда было взяться тому общему прародителю, какого необходимо предполагаетъ ученіе о семьѣ-ячейкѣ и о родѣ — ея развѣтвленіи? Не давая матеріала для построенія новой теоріи происхожденія

---

1) Въ кубачинскомъ обществѣ, заселенномъ, по преданію, выходцами съ Запада, не то греческими, не то романскими рабдоими, счетъ родства оканчивается седьмою степенью включительно. Это обстоятельство невольно вызываетъ въ памяти постановленіе римскаго права, которымъ счетъ родства также ограниченъ семью колѣнами. Не видѣть ли въ этомъ новое подтвержденіе тому, что эти такъ называемые «оренги» были выходцами изъ странъ, въ которыхъ дѣйствовало римское право, быть можетъ, изъ основанной крестоносцами Латинской Имперіи?

родовыхъ порядковъ, бытовыя условія дагестанскихъ тохумовъ представляютъ новыя данныя въ пользу той мысли, что существованіе рода вовсе не связано съ фактомъ происхожденія всѣхъ его членовъ отъ общаго родоначальника. Чтобы убѣдиться въ этомъ познакоимся съ тѣми названіями, какими обозначаютъ себя отдѣльные роды Дагестана, а также и съ источникомъ происхожденія этихъ названій. Начать съ того, что не всѣ роды носятъ генетическія наименованія; многіе принимаютъ тѣ или иныя прозвища, смотря по характеру ихъ занятій ¹⁾, или по мѣсту произхожденія ²⁾; особенно часты такіе случаи въ нижней Табасарани. Происхожденіе нѣкоторыхъ родовыхъ названій, по сообщенію г. Цвѣткова, совсѣмъ необъяснимо. Большинство тохумовъ впрочемъ обозначается именемъ того или инаго лица, но съ этимъ лицомъ не всегда связывается представленіе о родоначальникѣ. Имъ признается, обыкновенно, знаменитѣйшій изъ предковъ, лицо, прославившее родъ или своею храбростію, или благочестіемъ, или мудростію. Такъ, напримѣръ, объ Акуцахъ officialныя данныя сообщаютъ намъ буквально слѣдующее: «родовыхъ названій здѣсь тохумы не имѣютъ, а обозначаются обыкновенно по имени того лица, которое приобрѣло почему либо извѣстность въ народѣ. Его именемъ они величаютъ себя до тѣхъ поръ, пока изъ ихъ рода не выступитъ новый, еще болѣе извѣстный «герой». Въ Кубачахъ первый по значенію тохумъ носитъ имя Акайлы-Али. Кубачинцы вовсе не считаютъ его своимъ родоначальникомъ; онъ только наиболѣе выдающійся изъ ихъ предковъ, стяжавшій громкую извѣстность въ походѣ аварскаго хана на Грузію. Другой изъ кубачинскихъ родовъ— Ядья-Абакаръ—еще менѣе можетъ быть приводимъ въ доказательство того, что роды всегда носятъ названіе своихъ основателей,

---

¹⁾ Для пріятія укажемъ на одинъ изъ кубачинскихъ ауловъ Кута-Гассалъ; первое слово обозначаетъ собою замокъ въ ружью, а Гассалъ—имя извѣстнаго золотыхъ дѣлъ мастера.

²⁾ Въ бывшемъ тюринскомъ ханствѣ, въ селеніи Куряентъ, населяющій его родъ носитъ названіе Легераръ, такъ какъ составленъ выходцами изъ кубинской деревни Легеръ. Точно такъ же родъ Кураръ въ селеніи Нютюкъ заимствовалъ свое названіе отъ имени тюринскаго аула Кураръ, выходцами котораго считаютъ себя члены названнаго рода.

такъ какъ по преданію прародительницей этого тохума считается плѣнная грузинка.

Въ названіяхъ нѣкоторыхъ ауловъ сохранилось воспоминаніе о томъ, что изъ ихъ среды выбирались весьма часто тѣ или иныя должностныя лица; такъ напримѣръ тохумъ Кадиляръ въ селеніи Курахъ носить это названіе потому, что изъ него, какъ общее правило, тюринскіе ханы выбирали своихъ кадіевъ. Другіе роды носятъ неопредѣленное названіе родовъ шейха, т. е. благочестиваго человѣка. Охота, съ которой тохумы производятъ усыновленіе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ семействъ, сама уже является препятствіемъ къ принятію того положенія, что родъ отличается единствомъ кровнаго состава. И такъ способъ обозначенія родовъ въ Дагестанѣ и тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о смѣшанности личнаго состава нѣкоторыхъ изъ нихъ, нисколько не препятствуютъ примѣненію къ исторіи происхожденія дагестанскихъ тохумовъ той новѣйшей теоріи, защиту которой мы взяли на себя въ первомъ выпускѣ нашего труда о первобытномъ правѣ. Примѣры шотландскихъ клановъ и родовыхъ союзовъ раджутовъ навели насъ на мысль о возможности искусственнаго происхожденія такихъ союзовъ. Вокругъ выдающагося вождя группируется большее или меньшее число не всегда родственныхъ между собою семей, которыя на разстояніи немногихъ поколѣній уже считаютъ себя его потомствомъ. Въ культѣ этого мифическаго предка они находятъ то объединяющее начало, которое замѣняетъ для нихъ единство крови. Эти новѣйшія наблюденія сдѣлали возможнымъ оживленіе теоріи, высказанной еще Нибуромъ, по которой роды считаются продуктомъ не естественнаго, а искусственнаго процесса. Мы не знаемъ существованія въ древнѣйшей исторіи грековъ, славянъ и германцевъ фактовъ, которые шли бы въ разрѣзъ съ такимъ толкованіемъ генезиса родовыхъ союзовъ.

Другой не менѣе важный вопросъ, разрѣшеніе котораго мы попытаемся найти въ изученіи родовой организациі дагестанскихъ тохумовъ, есть вопросъ о положеніи родоваго старѣйшины. Изученіе семейной организациі древняго Рима съ ея широко выработанной властью главы семейства надъ домочадцами причина тому, что и родовую организацию обыкновенно пред-

ставляли себя построенной на принципѣ единовластія, на началахъ строгаго и безусловнаго подчиненія всѣхъ родственниковъ единому наследственному главѣ. Лишь въ послѣднее время историки римскаго права принуждены были сознаться, что источники ни мало не оправдываютъ такого воззрѣнія. Одинъ изъ новѣйшихъ романистовъ слѣдующимъ образомъ передаетъ тотъ взглядъ на римскаго родоначальника, установленію котораго всего больше способствовалъ Іерингъ. Римскій родъ, говоритъ онъ, имѣеть республиканскую организацію, сами члены рода, *gentiles*, участвуютъ въ выработкѣ извѣстныхъ постановленій и оказываютъ другъ другу помощь и содѣйствіе. Мы слышимъ, правда, о существованіи особаго родоваго старшины (*princeps gentis*), но одинъ уже тотъ фактъ, что въ историческую эпоху не встрѣчается единоличнаго руководства родомъ и что, наоборотъ, семья представляетъ типъ всемогущей отеческой власти, не позволяетъ намъ видѣть въ этомъ *princeps* подобія монарха или библейскаго патріарха. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ взглядомъ, я замѣчу, что и въ другихъ законодательствахъ, какъ, напримѣръ, въ германскомъ или славянскомъ, нельзя найти подтвержденія монархической организаціи родовъ.

Обычное право дагестанскихъ народностей даетъ новыя доказательства республиканскаго устройства родовыхъ союзовъ. Слова Тацита «*duces ex virtute sumunt*» (вождей назначаютъ за ихъ доблесть), если только подъ этими вождями разумѣть родовыхъ старѣйшинъ, находятъ себя полную иллюстрацію въ дагестанскихъ родовыхъ порядкахъ. Изъ официальныхъ данныхъ мы узнаемъ, что выборъ обыкновенно рѣшаетъ вопросъ о томъ, кому изъ членовъ тохума сдѣлаться его главой.

«Каждый тохумъ, читаемъ мы въ одной изъ записокъ составленныхъ русскими администраторами по показаніямъ мѣстныхъ жителей, имѣеть своего главу; званіе это достигается путемъ свободнаго выбора, но часто бываетъ и наследственнымъ; вообще же въ главы тохума выбирается лицо, славящееся энергіей, добропорядочностью, краснорѣчіемъ и хлѣбосольствомъ. Если наследникъ умершаго главы соответствуетъ сказаннымъ условіямъ, то онъ безспорно становится его преемникомъ; въ особенности въ томъ случаѣ, если два, три по-

колѣнія уже пользовались наслѣдственно этимъ вліяніемъ; въ такомъ случаѣ нерѣдко бываетъ и такъ, что при несовершеннолѣтнпрямго наслѣдника, съ согласія юноши и только до момента его возмужалости, званіе главы предоставляется одному изъ достойныхъ представителей духовнаго званія. Если при этомъ оказывается нѣсколько конкурентовъ, то преимущество отдается тому, на чьей сторонѣ оказывается перевѣсъ заслугъ предковъ. Такого порядка держатся въ бахтинскомъ обществѣ, рутульскомъ и цахурскомъ. Однохарактерныя данныя имѣются о порядкѣ приобрѣтенія должностей старѣйшинъ и въ кюринскомъ обществѣ.

Главою тохума не всегда считается здѣсь старшій въ родѣ; въ большинствѣ случаевъ главенство прибрѣталось и прибрѣтается богатствомъ, умомъ, и другими личными качествами. Тѣ же порядки существовали и существуютъ доселѣ въ Табасаранѣ. Въ Кайтагѣ главою тохума считается старѣйшій по лѣтамъ или тотъ, кто умнѣе; случается нерѣдко, что старшій въ родѣ знаетъ обычаи хуже, чѣмъ иной молодой, почему къ послѣднему чаще и обращаются за совѣтомъ и больше его слушаются».

Если отъ вопроса о томъ, какъ замѣчалась должность начальниковъ тохумовъ, мы перейдемъ къ изученію правъ этихъ старѣйшинъ, то официальные документы не оставляютъ насъ на этотъ счетъ въ неизвѣстности и категорически подтверждаютъ тотъ взглядъ, что авторитетъ старѣйшинъ далеко не представлялъ собой характера единодержавія, что ихъ приказанія имѣли болѣе нравственное, чѣмъ юридическое значеніе. Въ ахтинскомъ обществѣ и сосѣднемъ съ нимъ рутульскомъ и цахурскомъ мы узнаемъ на этотъ счетъ слѣдующее: «глава тохума есть лицо, которому каждый изъ членовъ обязанъ сообщить обо всемъ случившемся, и къ которому онъ долженъ обращаться за совѣтомъ, даже въ дѣлахъ семейныхъ. Если случится, что обращавшійся къ главѣ за совѣтомъ поступитъ затѣмъ вопреки его мнѣнію, то дѣлу обыкновенно не дается дальнѣйшаго хода. Въ немногихъ случаяхъ, когда имѣеть мѣсто обратное, глава тохума дѣлаетъ виновному выговоръ; если же послѣдствіемъ уклоненія отъ совѣта будетъ какой нибудь существенный вредъ, старѣйшина наказываетъ виновнаго выговоромъ и побоями; кромѣ на-

казанія, налагаемаго на него старѣйшиной, виновный подвергается презрѣнiю всего тохума. Наконецъ, высшей мѣрой наказанія является изгнаніе изъ среды рода. Примѣры тому извѣстны въ ахтинскомъ и рутульскомъ обществахъ, въ цахурскомъ же обществѣ подобнаго рода наказанія не знаютъ». Таковы краски, какими рисуется намъ положеніе родового старѣйшины въ самомъ южномъ изъ дагестанскихъ обществъ. А вотъ тѣ данныя, которыя на этотъ счетъ мы имѣемъ изъ кюринскаго и табасаранскаго округовъ. «Главенство, кромѣ почета и уваженія (такъ записано г. Цвѣтковымъ со словъ мѣстныхъ жителей) не соединено ни съ какими правами. Если, въ рѣдкихъ случаяхъ, личности съ сильнымъ характеромъ распоряжались почти деспотически своимъ тохумомъ, то въ большинствѣ случаевъ за его главою признавалось только право дать совѣтъ и наставленіе. Поведеніе, несогласное съ такимъ совѣтомъ, не имѣло другаго послѣдствія, кромѣ общаго неодобренія». «Мнѣніе главы тохума, сообщаетъ г. Сотниковъ, спрашиваютъ, когда нужно женить сына или выдать дочь замужъ; при убійствахъ и пораненіяхъ глава тохума устраиваетъ примиреніе и угощеніе. Во всѣхъ случаяхъ жизни онъ слѣдитъ за поведеніемъ членовъ тохума, наставляетъ ихъ или дѣлаетъ имъ выговоры. Если членъ тохума не послушается его совѣта, старѣйшина не принимаетъ противъ него никакихъ мѣръ; такъ было прежде, такъ продолжается и до сихъ поръ. Въ другихъ дагестанскихъ обществахъ власть старѣйшинъ сказывается еще съ меньшей силой, въ особенностяхъ же въ тѣхъ, въ которыхъ существовала организованная центральная власть».

Общій выводъ, который мы въ правѣ сдѣлать на основаніи этихъ многочисленныхъ свидѣтельствъ, слѣдующій: родовой старѣйшина въ Дагестанѣ—не болѣе, какъ первый между равными; родовая организація, такимъ образомъ, болѣе приближается къ республиканскому, нежели къ монархическому типу.

Спрашивается теперь, какой характеръ носятъ отношенія членовъ между собой? другими словами, въ чемъ сказывается начало родового единства?

Родъ въ Дагестанѣ, какъ и повсюду, союзъ какъ личный, такъ и имущественный. Каждый изъ совершеннолѣтнихъ чле-

новъ его участвуетъ наравнѣ съ остальными въ рѣшеніи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ родъ является такъ или иначе заинтересованнымъ на правахъ ли союза личнаго или имущественнаго.

Какъ личный союзъ, родъ возрастаетъ не только путемъ естественнаго народженія новыхъ поколѣній, но и путемъ случайнаго включенія въ свою среду лицъ и семействъ, ищущихъ съ нимъ общенія. Увеличивая свой составъ путемъ усыновленія, онъ въ то же время сокращаетъ его, изгоняя въ немногихъ крайнихъ случаяхъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, дальнѣйшее общеніе съ которыми можетъ сдѣлаться для него источникомъ всякихъ бѣдствій. Усыновленіе чужеродцевъ и изгнаніе отдѣльных членовъ изъ собственной среды, — таковы тѣ двѣ стороны родовой самодѣятельности, съ которыми намъ предстоитъ теперь познакомиться.

Мы видѣли, что, какъ общее правило, родъ въ Дагестанѣ весьма охотно обращается къ усыновленію, такъ что отказъ въ немъ не болѣе, какъ рѣдкое исключеніе. Что же предшествуетъ, спрашивается, этому отказу? Достаточно ли единоличнаго рѣшенія главы рода, или необходимо согласіе большинства входящихъ въ составъ его членовъ. О самостоятельномъ рѣшеніи главы рода въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи; необходимо согласіе родовичей, но въ какомъ числѣ должны быть послѣдніе для того, чтобы рѣшеніе ихъ приобрѣло обязательный характеръ? Небезынтересную черту первобытнаго права представляетъ тотъ фактъ, что въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, большинство далеко не играетъ той роли, которая принадлежитъ ему нынѣ. Обычай требуетъ общаго согласія. «*Libegum veto*» или право любаго изъ членовъ польскаго сейма своимъ протестомъ сдѣлать недѣйствительнымъ всякое рѣшеніе большинства — уцѣлѣвшій остатокъ этого архаическаго порядка. Не удивительно поэтому, если мы находимъ ее и въ обычаяхъ дагестанскихъ горцевъ. На практикѣ это единогласіе достигается далеко не съ такимъ трудомъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, особенно въ такоаъ вопросѣ — какъ вопросѣ о принятіи новаго члена. Жизнь на распаху, т. е. во очію передъ всѣми, каковую мы встрѣчаемъ на родовой ступени общенія, не дѣлаетъ изъ поведенія отдѣльнаго индивида секретъ

незначительнаго меньшинства. Всѣ и каждый имѣютъ возможность знать о ней, и такъ какъ всѣ родовичи равно заинтересованы въ увеличеніи наличнаго состава тохума, то необходима завѣдомо дурная репутація, чтобы не быть принятымъ въ члены рода или быть удаленнымъ изъ тохума. «Изгнаніе изъ рода, читаемъ мы въ официальныхъ данныхъ, можетъ состояться только въ силу общаго постановленія главы тохума и всѣхъ членовъ его. Впрочемъ, почти не бываетъ примѣра, чтобы любое мнѣніе старѣйшины не было поддержано всѣми членами». Съ усыновленіемъ связывается необходимо совершеніе извѣстнаго обряда, которымъ новый членъ выражаетъ готовность тѣснаго общенія съ усыновившей его средой. У тѣхъ народностей и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ родовой и домашній культъ сохранили еще прежнюю жизненность, совмѣстное жертвоприношеніе обыкновенно является первымъ дѣйствіемъ новаго члена, символомъ его вступленія въ родовой союзъ. Но въ Дагестанѣ, въ которомъ магометанство искоренило всѣ подобнаго рода вѣрованія, обрядъ усыновленія ограничивается производствомъ наипростѣйшей церемоніи, въ которой совмѣстная молитва и угощеніе играютъ главную роль. Лицо, вновь вступающее въ тохумъ, обязано устроить пиршество всѣмъ членамъ усыновляющаго его рода. Только при полной имущественной несостоятельности усыновяемаго издержки угощенія принимаетъ на себя самъ родъ; когда кончится пиршество, наиболѣе почетное изъ духовныхъ лицъ на немъ присутствующихъ, начинаетъ громко произносить слова молитвы, испрашивая у Бога здоровья и благоденствія вновь избранному члену и высказывая желаніе, чтобы онъ жилъ съ тохумомъ въ добромъ согласіи. Во все продолженіе молитвы, присутствующіе держатъ обѣ руки протянутыми съ ладонями обращенными вверхъ, по направленію къ небу, произнося неоднократно «аминъ». Когда молитва будетъ прочтена, всѣ въ одинъ голосъ произносятъ первую главу корана. Знаніе ея наизусть обязательно для всѣхъ мусульманъ. Вытерши себѣ лицо обѣими ладонями—символь, выражающей передачу ниспосланной Аллахомъ благодати—присутствующіе начинаютъ поздравлять другъ друга съ вступленіемъ въ ихъ среду новаго члена. Приемышъ надѣляется домомъ,

усадебной землей и всѣми принадлежностями самостоятельнаго хозяйства на средства всего тохума.

Удаленіе изъ тохума того или другаго изъ его членовъ также обставлено цѣлымъ рядомъ формальностей, неисполненіе которыхъ дѣлаетъ недѣйствительнымъ самый актъ; всѣ эти формальности направлены къ одной цѣли, къ тому, чтобы оповѣстить о рѣшеніи тохума всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, дабы тѣмъ всенародно и публично сложить съ рода ту отвѣтственность, какая падаетъ на него въ случаѣ преступнаго поведенія исключаемаго члена. Собравшись вмѣстѣ, родственники послѣ долгихъ совѣщаній составляютъ особую бумагу на имя лица, съ которымъ порываютъ общеніе; ходячее названіе ея «зорконъ-когаты». Содержаніе ея, приблизительно, слѣдующее: «мы, родственники такого-то тохума, отдѣляемъ отъ себя такого-то за его дурное поведеніе; что бы съ этой поры ни случилось съ нимъ, мы за это не отвѣчаемъ; буде его кто убьетъ или онъ кого, мы за кровь не платимъ и крови искать не будемъ. Обворуютъ его или онъ самъ кого ограбятъ, мы ни платить, ни искать платежа не намѣрены. Если останется послѣ него какое имущество, мы на это имущество никакихъ правъ не предъявимъ; наоборотъ, и онъ намъ не наследникъ. Отнынѣ онъ не можетъ входить въ составъ нашего тохума, въ удостовѣреніе чего мы, присягнувъ на святомъ коранѣ, прилагаемъ къ сей бумагѣ свои пальцы. Родственники такой-то и такой». Эту бумагу отдѣляемый родственникъ долженъ прибить къ дверямъ мечети, пожертвовавъ ей при этомъ случаѣ коврикъ. Прибиваніе «зорконъ-когата» производится въ присутствіи свидѣтелей, которые также получаютъ каждый по коврику. Тохумъ въ свою очередь несетъ въ пользу мечети нѣкоторыя издержки, онъ долженъ подарить ей однолѣтняго быка. Не во всемъ Дагестанѣ встрѣчается обычай исключенія изъ тохума порочнаго члена. Чтобы избѣжать такого дѣйствія, кубачинцы, напримѣръ, предпочитали убить оскорбляющаго ихъ честь родственника. Обыкновенными поводами къ исключенію, помимо участія въ убійствахъ, воровствахъ и другихъ преступленіяхъ, бываютъ: или передача изгоняемымъ членомъ постороннему тохуму содержанія секретныхъ постановленій, принятыхъ на общей сходкѣ,

или позорное попустительство, съ которымъ виновный, не смотря на неоднократное напоминаніе ему о томъ, допускаетъ любовную связь своей жены съ постороннимъ лицомъ, въ особенности же съ чужеродцемъ. Рѣдко когда поводомъ къ изгнанію является упорное невниманіе къ совѣтамъ главы рода и желаніе во всѣхъ дѣлахъ руководствоваться собственнымъ мнѣніемъ или мнѣніемъ лицъ постороннихъ тохуму.

Я сказалъ уже о томъ, что добровольный выходъ изъ тохума — большинствомъ дагестанскихъ обществъ вовсе не допускается; но тамъ, гдѣ какъ исключеніе такой фактъ возможенъ, лицо, покидающее родъ, обязано сдѣлать угощеніе своимъ родственникамъ или, по крайней мѣрѣ, заплатить имъ выкупъ, для чего всего чаще слѣдуетъ отдача тохуму трехлѣтняго быка. Въ южной Табасарани мы встрѣчаемъ слѣдующій способъ обойти запрещеніе касательно выхода изъ тохума. Лицо, недовольное своимъ родомъ, забравши предварительно свое имущество, отдавало себя подъ покровительство отдѣльнаго лица или цѣлаго тохума. Это извѣстно было подъ наименованіемъ «отдачи себя на жизнь и смерть». Отдѣлившійся такимъ порядкомъ, хотя и продолжалъ владѣть по прежнему своимъ имуществомъ, но терялъ право на его отчужденіе; если послѣ его смерти не было наслѣдниковъ мужскаго пола, имущество его всецѣло становилось собственностью покровителя; въ противномъ же случаѣ наслѣдники, получивъ имущество, становились къ покровителю въ тѣ же отношенія, въ какихъ былъ наслѣдодатель. Изгнанные изъ тохума, подобно лицамъ добровольно покидавшимъ его, прибѣгали къ такой передачѣ себя на жизнь и смерть.

Познакомившись съ порядкомъ вступленія и выхода изъ тохума, мы перейдемъ въ настоящее время къ разсмотрѣнію тѣхъ задачъ, которыя преслѣдовали члены подобныхъ союзовъ. Взаимная помощь въ несчастіяхъ, выражавшаяся въ платежѣ милостыни неимущимъ членамъ рода, въ доставленіи, какъ мы видѣли, усадьбы и домашней утвари вновь принимаемымъ членамъ и т. п., не имѣла обязательнаго характера и скорѣе являлась факультативной. Иное дѣло та помощь, которую каждый членъ рода въ правѣ былъ ожидать въ тѣхъ случаяхъ, когда

становился жертвой преступления или нуждался въ судебной поддержкѣ и защитѣ. Институты кровной мести, договорнаго поручительства и судебного соприсяжничества развились въ Дагестанѣ на почвѣ этихъ родовыхъ отношеній.

Въ сферѣ экономическихъ отношеній дагестанскій тохумъ, подобно германскому или кельтическому роду, съ самаго начала имѣлъ характеръ имущественнаго союза, другими словами—земельной общины. Процессъ дифференцированія въ значительной степени коснулся его въ наше время. Землевладѣльческими единицами, какъ общее правило, являются большія и малыя семьи. Нераздѣльный характеръ сохранили лишь пастбища и лѣса, и то далеко не повсюду. Къ тому же общинное владѣніе удержало свой родовой характеръ лишь въ тѣхъ, сравнительно немногихъ селеніяхъ, которыя сплошь заняты семьями одного и того же рода. Въ большинствѣ ауловъ отношенія сосѣдства успѣли уже занять мѣсто отношеній кровнаго родства, и право посылать скотъ на горы и рубить лѣсъ для топлива и построекъ обуславливается не столько рожденіемъ, сколько мѣстомъ жительства. Отъ прежняго родоваго единства удержалась одна въ высшей степени характерная черта, напоминающая собою нѣмецкій Flurzwang и наводящая на мысль о самомъ источникѣ его происхожденія. Я разумѣю тотъ фактъ, что сельскохозяйственныя занятія, въ особенности во время уборки хлѣба и сбора винограда, регулируются начальствомъ, въ родовыхъ обществахъ старѣйшиной, въ сельскихъ старшиной. Съ минарета, тамъ гдѣ онъ имѣется, всего же чаще съ крыши стояцато на возвышенности дома, въ страдную пору выкрикиваютъ по утрамъ распредѣленіе дневныхъ работъ. Контроль за точнымъ соблюденіемъ подобнаго рода предписаній ведется самый строгій.

Пока продолжалась ихъ независимость дагестанскіе тохумы играли выдающуюся роль въ военное время. Родовая солидарность сказывалась въ Дагестанѣ въ томъ фактѣ, что, подобно древнимъ германцамъ, населяющія его народности сражались «generatim», т. е., образуя родовые отряды; любопытныя подробности на этотъ счетъ имѣемъ мы о цахурскомъ обществѣ: «когда на войну шелъ одинъ какой либо тохумъ, значится въ

не разъ цитированной нами запискѣ о тохумахъ, начальство надъ нимъ принадлежало его главѣ или же лицу, уполномоченному главою; если же шли два или три тохума, то они имѣли столько же и начальниковъ; буде же на войну выходили всѣ тохумы или большинство ихъ, то старѣйшины тохумовъ обыкновенно обращались къ выбору одного общаго предводителя «векиля», которому затѣмъ безпрекословно подчинялось все ополченіе. Когда войны пріобрѣтали такой обще-народный характеръ, зажиточные тохумы помогали обыкновенно бѣднѣйшимъ пріобрѣсти оружіе, амуницію и продовольствіе на время похода.

Общія рѣшенія, какихъ требовало завѣдываніе интересами родаваго благосостоянія и родовой защиты, постановлялись тохумами на общихъ сходахъ, собираемыхъ обыкновенно ихъ старѣйшинами. На всѣхъ такихъ сходахъ глава рода занималъ первое мѣсто, хотя бы въ числѣ присутствующихъ были и лица, старшія по возрасту; только передъ ученымъ «эфендіемъ» родовой начальникъ долженъ былъ стушеваться даже въ томъ случаѣ, если духовнымъ лицомъ будетъ членъ другаго аула.

Хотя роды и составляютъ доселѣ основу общественнаго быта дагестанскихъ горцевъ, но ихъ существованіе не мало не исключаетъ группировки населенія въ обширныя общины съ слободскимъ и хуторскимъ порядкомъ населенія. Общинъ родовыхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ бы все населеніе принадлежало къ одной и той же кровной группѣ, мы въ настоящее время въ Дагестанѣ не встрѣчаемъ. Попадаются хутора, заселенные исключительно семьями одного какого нибудь тохума. Но въ такихъ многоядныхъ центрахъ, какъ Кухумъ, напримѣръ, или Герать, Ахты, Кубачи, бокъ о бокъ живутъ члены разныхъ тохумовъ. Этотъ фактъ необходимо долженъ былъ вызвать къ жизни образованіе, наряду съ родовой, особой сельской администраціи, сложившейся, повидимому, по типу первой. Подобно тому, какъ тохумъ имѣетъ своего старѣйшину и свои родовыя собранія, такъ точно община имѣетъ своего старшину и свой общинный сборъ, къ участію въ которомъ призываются всѣ совершеннолѣтніе мужскаго пола. Фактъ позднѣйшаго происхожденія общиннаго устройства, по мѣрѣ естественнаго или искус-

ственного скучиванія нѣсколькихъ тохумовъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, съ наглядностью выступаетъ изъ того обстоятельства, что старѣйшина селенія нерѣдко выбирается исключительно изъ членовъ одного какого нибудь рода, какъ бы велико ни было число послѣднихъ въ округѣ. Такъ, напримѣръ, въ селеніи Хивъ, въ южной Табасарани, родъ Сейдаръ одинъ обладалъ правомъ наследственнаго занятія должности старшины, точно такъ же какъ въ селеніи Кандикъ родъ Аксакаляръ. Въ кюринскомъ ханствѣ мы встрѣчаемся съ такими же точно порядками. Главный куракскій старшина постоянно выбирался изъ рода Мирчанъ, гельинскій—изъ рода Кабуляръ. Тохумъ Бурганъ одинъ поставлялъ старшинъ въ селеніе Цналь, а Бейбутъ—въ селеніе Хутаръ. Если бы не боязнь утомить вниманіе читателя дальнѣйшими примѣрами, я могъ бы привести однохарактерные факты изъ другихъ мѣстностей Дагестана. Въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ живетъ нѣсколько одинаково многочисленныхъ и могущественныхъ тохумовъ, вмѣсто одного старшины мы встрѣчаемъ отъ двухъ до тридцати,—такъ, напримѣръ, во всемъ Кайтагѣ; сказанное, впрочемъ, слѣдуетъ принять съ той оговоркою, что въ ряду старшинъ первенствующее значеніе принадлежало меньшинству трехъ-четырехъ человекъ, которые обыкновенно одни предсѣдательствовали на народныхъ сходкахъ.

Мѣста народныхъ собраній напередъ разъ навсегда были установлены. Вѣче собиралось обыкновенно въ окрестностяхъ главнаго поселенія или же вблизи мечети, особенно прославленной своей древностью или богатствомъ. Названіе, подъ которымъ старшины были извѣстны жителямъ отдѣльныхъ селъ, довольно разнообразны. Наиболѣе употребительными являются термины «кевхи» и «кади». Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ не было родовыхъ начальниковъ, на должность старшины попадали исключительно въ силу избранія; но при этомъ во многихъ мѣстахъ сохранялось правило, что кандидатомъ можетъ быть только членъ двухъ, трехъ или болѣе выдающихся тохумовъ, въ другихъ же выборахъ являлся неограниченнымъ. Избранный обязанъ былъ вступить въ должность подъ страхомъ разоренія всего его имущества. Характерный примѣръ этому представляетъ намъ практика акушинскихъ выборовъ, въ которой въ старые годы попадаютъ случаи,

когда избиратели прямо объявляли назначеннымъ ими кадіямъ, что при отказѣ они раззорятъ ихъ дома. Акушиныцы помнятъ одинъ случай, когда приступлено было даже къ выполненію угрозы и страхъ полнѣйшаго раззоренія одинъ заставилъ избраннаго уступить. Наряду съ старшинами мы встрѣчаемъ въ дагестанскихъ обществахъ еще второстепенныхъ должностныхъ лицъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ «картовъ», «мангушей» или «чаушей» и «тургановъ», не говоря уже о приходскомъ духовенствѣ: «муллахъ» или «будунахъ», также избираемыхъ цѣлымъ обществомъ или «джамаатомъ». Въ даргинскомъ округѣ, въ которомъ упомянутые мною администраторы встрѣчаются одинаково во всѣхъ обществахъ, существуютъ слѣдующія правила касательно порядка ихъ назначенія. Карты избираются срокомъ на одинъ годъ изъ почетнѣйшихъ лицъ, притомъ извѣстныхъ только фамилій. Въ большихъ селеніяхъ число ихъ доходитъ до четырехъ. «Мангуши» же, какъ и «тургаки», назначаются по очередному наряду изъ всѣхъ рѣшительно фамилій безъ исключенія срокомъ на одинъ годъ. Какъ общее правило, сельскіе старшины съ административными функціями соединяли и судебныя, но ихъ юрисдикція ограничивалась разборомъ однихъ лишь мелкихъ тяжбъ, въ важныхъ же уголовныхъ или гражданскихъ случаяхъ, стороны предпочитали обращаться къ избираемымъ ими посредникамъ. Въ одномъ только даргинскомъ обществѣ мы встрѣчаемся съ постоянными судьями. Ими являются упомянутые нами «карты», туземное названіе которыхъ «шила-халатэ». Приговоры, постановляемые ими, обыкновенно подъ предѣлительствомъ кадія, не считались однако окончательными; повѣрка ихъ была предоставлена особымъ лицамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «джамаатла-халатэ» и избираемымъ въ томъ же числѣ, что и карты. Въ тѣхъ случаяхъ, когда состоявшійся приговоръ казался имъ неправильно постановленнымъ, эти своего рода касационные судьи собирали народный сходъ (джамаатъ) и объявляли ему о неправильныхъ дѣйствіяхъ картовъ; въ случаѣ принятія ихъ мнѣнія, слѣдовало назначеніе съ виновныхъ штрафа, отставленіе ихъ отъ должности и выборъ новыхъ лицъ на ихъ мѣсто. Въ отличіе отъ кадіевъ и картовъ, мангуши и тургаки были исключительно административными чиновниками; первые

своего рода судебными приставами, вторые — полицейскими и финансовыми агентами.

Экономическая сторона жизни мало затрогивалась только что описанной административной организацией. Роды и нераздельные семьи одни являлись субъектами имущественных правъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ воздѣлываемой земельной площади; что же касается до пастбищъ и лѣсовъ, то изъ родовыхъ они постепенно перешли въ общинные, вмѣстѣ съ тѣмъ и родовые распорядки, опредѣлявшіе время производства сельскихъ работъ, приобрѣли характеръ общинныхъ и стали приводиться въ исполненіе сельскими властями. Въ завѣдываніи тѣхъ же властей сосредоточилось распредѣленіе между жителями повинностей, и въ томъ числѣ дорожной, и производство всякаго рода правительственныхъ сборовъ, часть которыхъ шла на вознагражденіе сельской администраціи, далеко, впрочемъ, не повсюду, такъ какъ во многихъ округахъ мѣстные должности носили характеръ почетной и даровой службы.

Въ тѣхъ частяхъ Дагестана, которыя имѣли своихъ хановъ и султановъ, сельскія общины, подъ названіемъ то джамаатовъ, то магаловъ, состояли въ непосредственной зависимости отъ центральной власти, которая рѣдко когда обращалась къ назначенію особыхъ набовъ или начальниковъ надъ нѣсколькими округами и обыкновенно входила непосредственно въ сношеніе съ сельскимъ старшиной. Въ вольныхъ общинахъ процессъ развитія государственности не ограничился, впрочемъ, созданіемъ только что описанной нами общинной организациі. Общины не сохраняли всегда полной независимости другъ отъ друга. Древнѣйшему и обыкновенно могущественнѣйшему аулу удавалось, путемъ нерѣдко молчаливо заключенныхъ союзовъ, взять на себя руководство судьбами сосѣднихъ съ нимъ обществъ, и въ этомъ случаѣ сельскій старшина этого аула принималъ на себя предводительство въ военныхъ походахъ и сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ право судебного разбирательства и вѣдъ предѣловъ общины; послѣднее, впрочемъ, каждый разъ лишь по ходатайству сторонъ. Такъ, напримѣръ, въ Акушахъ кадій главнаго аула во время войны принималъ на себя начальство и надъ ополченіемъ сосѣднихъ четырехъ обществъ; отъ ихъ имени онъ

объявляяль войну и заключалъ миръ, при чемъ рѣшеніа на этотъ счетъ постановлялись сходами отъ всѣхъ пяти даргинскихъ обществъ. Тотъ же кадій имѣлъ право подвергнуть личному разбирательству тѣ или другіе споры, возникшіе не только между отдѣльными общинами, но и между частными лицами; въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимо было открыто выраженное желаніе самихъ спорящихъ. На ряду съ вольными союзами общинъ мы встрѣчаемъ въ Дагестанѣ и такіа, которымъ предшествовалъ фактъ насильственнаго подчиненія болѣе могущественнымъ ауламъ болѣе слабыхъ. Въ такихъ случаяхъ между бывшими врагами устанавливались опредѣленныа обязательательства: покровительства и заступничества—съ одной стороны, подчиненія и платежа—съ другой. Наиболее характерный примѣръ такихъ отношеній представляютъ тѣ, которыа существовали между Ахтами и цѣлымъ рядомъ сосѣднихъ съ ними обществъ самурскаго округа. Зависимость послѣднихъ сказывалась и въ обложеніи нѣкоторыми повинностями въ пользу жителей Ахтовъ и въ подчиненіи военному и отчасти гражданскому руководительству со стороны главнаго аула.

Привилегированное положеніе ахтинцевъ прежде всего сказывалось въ правѣ требовать отъ подчиненныхъ имъ ауловъ такъ называемой «пахты», т. е. обязательнаго угощенія, ежегодно въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Число ахтинскихъ гостей не должно было превышать 50 человекъ; никто, впрочемъ, не имѣлъ права продлить своего пребыванія болѣе 24 часовъ. Другія преимущества ахтинцевъ состояли въ томъ, что при выдачѣ своихъ дочерей замужъ за жителей одного изъ одиннадцати подчиненныхъ имъ селеній, весь аулъ получалъ особый платежъ, размѣромъ въ три рубля, такъ называемый «барху». Въ случаѣ убійства ахтинца, за его кровь взымался платежъ въ два раза большій противъ того, какой слѣдовалъ за кровь жителя подчиненнаго селенія. Ахты въ свою очередь несли обязательство военной защиты по отношенію къ одиннадцати союзнымъ съ ними обществамъ, взамѣнъ чего послѣднія обязаны были во время войны подчиняться руководительству ахтинскихъ начальниковъ, въ лицѣ сорока аксакаловъ, поставляемыхъ тохумами по одному отъ каждаго, и занимавшихъ свою должность на-

слѣдственно въ прямой нисходящей линіи. И въ мирное время эти старшины сохраняли извѣстныя права по отношенію къ населенію граничащихъ съ Ахтами обществъ. Они наблюдали за своевременнымъ взносомъ церковной десятины и настаивали на томъ, чтобы въ гражданскихъ и уголовныхъ спорахъ окончательныя рѣшенія постановляемы были исключительно ахтинскими посредниками. Приблизительно въ тѣхъ же отношеніяхъ, что и Ахты, стояло къ сосѣднимъ съ нимъ селеніямъ рутульское общество, «аксакалы» котораго завѣдывали до нѣкоторой степени какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ управленіемъ далеко за предѣлами Рутула, требовали отъ жителей подчиненныхъ селеній не только отправления «пахты», но и ежегоднаго платежа въ свою пользу по одному барану съ дыма.

ГЛАВА III.

Семейное и наследственное право Дагестана.

Семейное и наследственное право Дагестана регулируется, как мы сейчас увидимъ, скорѣе писаннымъ закономъ (шариатомъ), нежели обычаемъ (адатомъ). Характеръ брачнаго союза и способъ его заключенія; личныя и имущественныя отношенія супруговъ, разводъ и временное расторженіе супружеской жизни, взаимныя отношенія родителей и дѣтей; опека, наследованіе и порядокъ раздѣла наследства—все это опредѣляется въ Дагестанѣ правилами шариата.

Ошибочно было бы однако отрицать всякое вліяніе обычая въ занимающей насъ сферѣ. Обрядовая сторона институтовъ семейнаго и наследственнаго права регулируется ими по преимуществу. Въ свадебномъ ритуалѣ доселѣ удержались слѣды пережитыхъ бракомъ фазисовъ развитія. Мало этого. Въ тѣхъ случаяхъ когда писанное право по своей выработанности и законченности становится въ Дагестанѣ въ противорѣчіе съ все еще развивающимися и потому не вполне еще опредѣлившимися институтами, на помощь писаному закону является обычай или адатъ. Особенно наглядно выступаетъ эта восполняющая роль обычая въ вопросѣ о завѣщаніяхъ. Съ одной стороны, писаному праву завѣщаніе извѣстно, какъ нѣчто отличное отъ даренія; съ другой, народная жизнь не выставила условій, благоприятныхъ обособленію завѣщанія. Въ виду такого несоответ-

ствія закона съ жизнью, кадіи примѣняютъ къ завѣщаніямъ тѣ требованія, какія законъ выставляетъ по отношенію къ дареніямъ. Вліяніе обычая сказывается, такимъ образомъ, въ подведеніи подъ законъ такихъ случаевъ, которые не имѣлись имъ въ виду.

Все это станетъ яснѣе, разъ мы перейдемъ къ изученію отдѣльныхъ нормъ. Матеріаломъ для этого послужатъ тѣ данныя, которыя намъ пришлось почерпнуть частью изъ разспроса мѣстныхъ жителей, частью изъ записи судебныхъ рѣшеній и того, что ошибочно принимаемо было за обычай составителями сборниковъ народныхъ адатовъ. Сопоставляя эти данныя съ предписаніями шаріата, мы въ состояніи будемъ выяснитъ ту роль, какую въ ихъ образованіи играло, съ одной стороны, писаное, а съ другой — народное право, иначе говоря — законъ и обычай.

Начнемъ прежде всего съ вопроса о бракѣ. Дагестанская семья — семья полигамическая, болѣе, впрочемъ, въ теоріи, чѣмъ на практикѣ. Какъ и повсюду на Востокѣ, скажу болѣе, — какъ во всѣхъ обществахъ, живущихъ условіями натурального хозяйства — многоженство есть роскошь, доступная для немногихъ. Во всемъ магометанскомъ мірѣ оно чаще встрѣчается въ городахъ, нежели въ селахъ, въ купеческихъ скорѣе, чѣмъ въ крестьянскихъ семьяхъ. Въ Дагестанѣ оно положительно составляетъ исключеніе. Шаріатъ, безъ различія сектъ, допускаетъ одновременное сожитіе съ четырьмя женами; но даже весьма зажиточная дагестанская семья рѣдко когда заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ женъ. Легкость разводовъ, о которой мы будемъ имѣть случай говорить далѣе, доставляетъ, впрочемъ, возможность желающимъ часто мѣнять своихъ сожительницъ. Въ нравахъ Дагестана — не столько имѣтъ одновременно нѣсколькихъ женъ, сколько переходить отъ однихъ женъ къ другимъ¹⁾. Практика дагестанскихъ судовъ знаетъ только одинъ видъ брака, а именно — постоянный союзъ супруговъ. Но тоже можно сказать

---

¹⁾ Правило, запрещающее мусульманамъ имѣть болѣе 4-хъ женъ одновременно, между прочимъ, высказывается и «Путеводителемъ правовѣрныхъ», глава 35, и Абу-Ходжей (франц. переводъ Кейзера, 1839 г.).

и о писаномъ правѣ. Школа Шафай не допускаетъ, подобно Шинтамъ, временнаго брака ¹⁾ или такъ называемой «Мота», этого уцѣлѣвшаго остатка предшествовавшихъ Магомету формъ свободныхъ отношеній между полами ²⁾. Послѣдствіемъ такого воззрѣнія является подведеніе «внѣбрачнаго сожитія» подъ категорію преступныхъ дѣйствій одинаково для женщины и для мужчины. Въ сборникахъ адатовъ мы неоднократно встрѣчаемъ правила въ родѣ слѣдующаго: «за прелюбодѣйную связь взыскивается штрафъ въ пользу джамаата или селенія съ мужчины и съ женщины по семи быковъ; при этомъ, все равно, будетъ ли въ связи замужня или незамужняя женщина» (Адаты Акушинскаго Общества). Тотъ же штрафъ, только въ меньшемъ размѣрѣ (4 и 3 быковъ), взыскивается съ мужчинъ обвиняемыхъ въ внѣбрачномъ сожитіи и въ мекегинскомъ и урахинскомъ обществахъ. Въ мугинскомъ обществѣ штрафъ опредѣленъ въ деньгахъ, счетомъ 12 рублей. Въ сюрингскомъ и усишинскомъ— онъ падаетъ до 3-хъ ³⁾. Перечисленныя общества принадлежатъ всѣ къ даргинскому округу. Но вотъ примѣры штрафовъ, взимаемыхъ за внѣбрачное сожитіе и въ другихъ дагестанскихъ округахъ: Магалъ Гомринскій—штрафъ въ два быка въ пользу общества или джамаата. Селеніе Башлы—штрафъ въ 10 быковъ (оба селенія принадлежатъ къ кайтаго-табахаранскому округу) ⁴⁾.

Говоря объ аварскихъ обществахъ сѣвернаго Дагестана, г-нъ Львовъ дѣлаетъ слѣдующее общее замѣчаніе: за похищеніе и сожитіе съ дѣвушкой или вдовой требуется въ пользу джамаата штрафъ, называемый «ца-хисъ» (буквально зубъ—мѣняющій), т. е. скотину въ томъ возрастѣ, когда первые зубы выпадаютъ и смѣняются новыми ⁵⁾.

¹⁾ Minhad, v. II, p. 319. Le contrat de mariage ne peut se former à terme.

²⁾ См. Wilken. Das Patriarchat bei den Arabern. Chardin. Voyage en Perse, изд. 1811, т. II, стр. 225.—Chinon. Relations nouvelles de Levent.

³⁾ См. сборникъ адатовъ даргинскаго округа дагестанской области.

⁴⁾ См. Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, въ Сб. Св. о Кавк. Горц., вып. VIII.

⁵⁾ См. Домашняя и семейная жизнь Дагестанскихъ Горцевъ Аварскаго Племени. Н. Львова. Сб. Св. о Кавк. Горц., в. III.

Прибавимъ, что всѣ эти штрафы взыскиваются независимо отъ тѣхъ платежей, которые слѣдуютъ родителямъ и родственникамъ соблазненной дѣвушки или женщины, и ни мало не устраняютъ для виновнаго необходимости временнымъ оставленіемъ аула укрыться отъ кровной мести оскорбленнаго имъ рода или тохума.

Не допуская иного сожитія, кромѣ постоянного брака, практика дагестанскихъ судовъ признаетъ за оболщенной и забременѣвшей дѣвушкой или вдовой право силою ворваться въ домъ ея соблазнителя, родить въ немъ ребенка и тѣмъ принудить его взять ее себѣ въ жены ¹⁾. Вступившій въ бракъ тѣмъ самымъ освобождается отъ обязанности платить штрафъ въ пользу джамаата.

Во всѣхъ этихъ предписаніяхъ дѣйствующее право Дагестана является вполнѣ солидарнымъ съ тѣми принципами, какихъ придерживаются мусульманскіе законовѣды школы Шафан. Оно буквально воспроизводитъ предписаніе Мингаджа, запрещающаго постороннимъ мужчинамъ подымать покровъ съ лица женщины и приравнивающаго прикосновеніе къ ея рукѣ или тѣлу къ числу столь же недозволенныхъ дѣйствій ²⁾ и потому считаетъ дѣйствіями, равносильными насильственному увозу, тѣ случаи, когда молодой человекъ позволить себѣ схватить дѣвушку за руку или приложить свои пальцы къ ея груди. «Случается, говоритъ г-нъ Омаровъ, что юноша, напавшій на дѣвушку, отыметъ у нея платокъ, схватить ее за руку или за грудь и потомъ удалится. Это называется «поймать дѣвушку» и имѣетъ равносильное значеніе съ похищеніемъ. Виновный подвергается

---

¹⁾ См. отвѣты на первые 11 отдѣловъ программы для собранія свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ Башира Даггата 1887 (рукопись куплена у автора Этнограф. отдѣломъ Общества естествознанія въ Москвѣ, стр. 20).

²⁾ La loi défend à un individu mâle et majeur de regarder les parties honteuses d'une femme libre, majeure et étrangère, dépense qui dans des circonstances ordinaires d'étend au visage et aux mains. Le défense de regarder implique celle de toucher (Minbâdj-at-talibin. Le guide des zélés croyants texte arabe et traduction française par. L. W. C. Van den Berg. Batavia. 1885. VI, livre XXXIII, p. 313 et 315.

тѣмъ же опасностямъ и взысканіямъ, какиимъ бы могъ подле-
жать при похищеніяхъ» ¹⁾).

Г-нъ Львовъ объясняетъ намъ источникъ такого народнаго
воззрѣнія, говоря: мусульманинъ не долженъ трогать женщины
даже пальцемъ. Нечаянное прикосновеніе мужа къ голой рукѣ
его жены считается осквернѣніемъ и налагаетъ на обоихъ су-
пруговъ обязанность совершить передъ молитвою новое омо-
вленіе ²⁾).

То же вліяніе шаріата сказывается въ характерѣ тѣхъ тре-
бованій, какія горецъ предъявляетъ отъ невѣсты. «Надо по
преимуществу брать въ жены дѣвственницъ съ безспорной ге-
неалогіей», другими словами—хорошаго рода, читаемъ мы въ
«Путеводителѣ правовѣрныхъ». «Различіе въ состояніи не мо-
жетъ считаться основаніемъ къ признанію брака не равнымъ»,
значится въ немъ въ другомъ мѣстѣ ³⁾). Изъ официальныхъ
документовъ, сообщенныхъ мнѣ г-номъ Вейденбаумомъ, легко
прійти къ заключенію, что «чистота крови» есть то качество,
которое всего выше цѣнится доселѣ въ дагестанской невѣстѣ,
по крайней мѣрѣ, въ нагорной части, тогда какъ въ низовой
и въ частности въ такихъ богатыхъ аулахъ, какъ Кубачи, уже
начинаютъ давать предпочтеніе состоятельности. Экономическія
причины, желаніе обезпечить себѣ хорошихъ работницъ, по-
буждаетъ дагестанцевъ отступать не разъ отъ требованія брать
женъ съ «хорошей генеалогіей» и устраивать, по крайней мѣрѣ,
одинъ изъ браковъ своихъ сыновей съ женщинами низаго про-
исхожденія, но хорошими работницами. «Между зажиточными
туземцами, говоритъ г-нъ Львовъ объ аварцахъ, существуетъ
обычай женить своихъ сыновей независимо отъ заключеннаго
ими прежде брака съ приличной ихъ званію дѣвушкой, на жен-
щинахъ низшаго сословія, одинаково—дѣвицахъ и вдовахъ. Хотя
такіе браки совершаются по всѣмъ правиламъ шаріата, кото-
рый обязуетъ мужа къ исполненію супружескаго долга по от-

¹⁾ Какъ живутъ Лаки, статья Абдулла Омарова. Сб. св. о кавк. горц.
вып. IV, стр. 21.

²⁾ Домашняя и семейная жизнь Дагестанскихъ горцевъ Аварскаго пле-
мени. Сб. св. о кавк. горц., вып. III, стр. 21.

³⁾ Minhadj. VI, p. 333.

ношенію ко всѣмъ своимъ женамъ одинаково, но отцы стараются внушить сыновьямъ мысль о неприличности ихъ сожитія съ такими женщинами. Браки съ ними обыкновенно совершаются безъ огласки и не сопровождаются никакимъ торжествомъ. Такія жены, взятая для того чтобы служить работницами въ семьѣ, извѣстны туземцамъ подъ названіемъ «чара-хорабъ», «кхо-буххарабъ», что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ— безталанная, беспомощная. «Дѣти, рожденные отъ такихъ женщинъ, не должны, по мнѣнію нѣкоторыхъ, прибавлять г-нъ Львовъ, быть причисляемы къ тѣмъ семьямъ, въ которыхъ они родились». Эта черта заслуживаетъ особаго вниманія. Она сближаетъ положеніе дагестанскихъ женъ работницъ и происходящаго отъ нихъ потомства съ «имянными женами осетинъ и ихъ дѣтьми кавдасардами». Вся разница между дагестанскими и осетинскими порядками въ томъ, что послѣдніе не сдерживаются закономъ въ извѣстныхъ рамкахъ, тогда какъ вторые представляются лишь слабымъ остаткомъ нѣкогда существовавшего, но отмѣннаго шаріатомъ обычая. Имянная жена осетинъ—не болѣе, какъ жена по имени, сожитіе съ которой далеко не обязательно; она можетъ быть даже временно уступлена другому, но съ обязательствомъ, что дѣти, ею рожденные, всегда будутъ считаться дѣтьми ея мужа. Дагестанская жена-работница—жена въ полномъ смыслѣ слова; уступка ея другому въ временное сожитіе считалась бы позоромъ для мужа; но это не мѣшаетъ тому, что послѣдній смотритъ на нее скорѣе какъ на работницу, чѣмъ на подругу, и не всегда соблюдаетъ по отношенію къ ней требованія шаріата о равномерномъ раздѣлѣ брачнаго ложа со всѣми женами по очереди. Жена-работница потому является въ Дагестанѣ полноправною женою, что шаріатъ не знаетъ, какъ мы видѣли, временныхъ браковъ, тогда какъ осетинскій обычай, плохо сдерживаемый писаннымъ правомъ, вполне допускаетъ ихъ. Различіемъ въ положеніи матерей обуславливается различіе и въ положеніи дѣтей. Потомство номулусъ или имянной жены въ Осетіи не принадлежитъ къ числу наслѣдниковъ, а напротивъ—составляетъ часть наслѣдуемаго семьею имущества. Наоборотъ, дѣти отъ дагестанскихъ женщинъ-работницъ—полноправные наслѣдники, такъ какъ та-

ковыми законъ признаеть всѣхъ, кто рожденъ въ бракѣ. Но память о стародавнемъ обычаѣ, во всемъ согласномъ съ осетинскимъ, сохранилась въ мнѣніи тѣхъ, которые думаютъ, что потомство жены-работницы не равноправно съ потомствомъ другихъ женъ.

Сила обычая сказывается въ Дагестанѣ еще въ одномъ требованіи, котораго не знаетъ и съ которымъ можно сказать борется шаріатъ; я разумю то, чтобы невѣста была изъ одного рода или «тохума» съ женихомъ. Тогда какъ шаріатъ въ числѣ препятствій къ браку выставляетъ близкое родство ¹⁾, дагестанскій обычай требуетъ заключенія брака преимущественно съ членами того же тохума, что и женихъ. «Брачный союзъ горцы предпочитаютъ заключать между близкими родственниками и однофамильцами», говоритъ объ аварцахъ г-нъ Львовъ ²⁾. Подъ упоминаемыми имъ однофамильцами слѣдуетъ разумѣть членовъ одного рода или тохума, такъ какъ другихъ фамильныхъ обозначеній въ Дагестанѣ не встрѣчается. Браки съ родственницами признаются болѣе почетными, и обязательство брать женъ изъ собственного рода настолько строго соблюдается, что, при невозможности найти подходящую для него невѣсту въ собственномъ родѣ, женихъ требуетъ, чтобы избранная имъ чужеродка подверглась предварительно усыновленію со стороны его рода и затѣмъ уже вступаетъ съ нею въ бракъ ³⁾.

Вотъ какими соображеніями объясняютъ обыкновенно жители Дагестана свое пристрастіе къ бракамъ съ женщинами одного съ ними тохума, — преимущество, которое въ наши дни перешло съ тохума на занимаемое имъ селеніе, все равно будетъ ли въ этомъ селеніи имѣть свое мѣстожительство одинъ или нѣсколько родовъ. «Пойти невѣстѣ изъ своего аула замужъ въ другой аулъ считается «порокомъ»: она этимъ унижаетъ какъ себя, такъ и односельцевъ своихъ, такъ какъ даетъ предпочтеніе

¹⁾ Il faut choisir par préférence pour épouse une vierge qui n'est pas trop proche parente de son mari (Minhadj. VII, p. 313. Livre 33).

²⁾ Сб. св. о кавк. горц., вып. III, стр. 18.

³⁾ Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ оффиціальныхъ данныхъ, сообщенныхъ мнѣ г-номъ Вейденбаумомъ.

чужому аулу надъ своимъ собственнымъ, а между тѣмъ каждое селеніе считаетъ себя благороднѣе и выше сосѣдей. Женуху также нельзя брать невѣсты въ чужомъ аулѣ изъ опасенія обидѣть тѣмъ дѣвицъ собственнаго селенія. Если молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ изъ чужаго селенія, что на самомъ дѣлѣ случается рѣдко, то дѣтей, происшедшихъ отъ такого брака, въ случаѣ недовольства ими и какъ бы желая ихъ обезчестить, называютъ именовъ того селенія, изъ котораго взята была ихъ мать. При нежеланіи отдать дѣвушку замужъ въ чужой аулъ принимается также во вниманіе и то, что въ немъ ей придется плохо, такъ какъ въ чужомъ аулѣ у нея нѣтъ ни родственниковъ, ни друзей, которые бы при случаѣ могли подать ей защиту. Отдать дочь въ чужой аулъ это значить почти навсегда разстаться съ нею. На что мнѣ дочь, если она не можетъ придти ко мнѣ во всякое время, когда только захочетъ; на что она мнѣ, если не можетъ посѣщать меня въ болѣзни и старости, говоритъ обыкновенно мать¹⁾.

Таковъ въ толкованіи самихъ дагестанцевъ источникъ существующей между ними эндогаміи. Остается еще рѣшить таковъ ли онъ на самомъ дѣлѣ? Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что причины, по которымъ бракъ съ односельчанками является болѣе желательнымъ, настолько общаго характера, что онѣ необходимо вызвали бы на всемъ Кавказѣ обычай, однохарактерный съ дагестанскимъ, а между тѣмъ всѣ горцы Кавказа, въ противность дагестанскимъ, придерживаются какъ разъ обратнаго правила и берутъ своихъ женъ изъ чужихъ родовъ и ауловъ, однимъ словомъ придерживаются началъ экзогаміи въ такой же мѣрѣ, въ какой горцы Дагестана практикуютъ эндогамію. Сказанное примѣнимо въ частности и къ чеченцамъ, и къ хевсурамъ, и къ тушинамъ, и къ кистинамъ, т. е. ко всѣмъ ближайшимъ сосѣдямъ дагестанцевъ. Всѣ они признаютъ бракъ на родственникахъ, хотя бы отдаленныхъ, за преступленіе и позоръ. Какія же причины могли вызвать въ дагестанскихъ горцахъ совершенно иное отношеніе къ такимъ бракамъ? Рѣшеніе

¹⁾ Баширъ Далгатъ. Ответы на первые 11 отдѣловъ программы по собир. св. о юрид. обычаяхъ, стр. 12.

этому вопросу даетъ мнѣ кажется тотъ фактъ, что, по словамъ арабскихъ лѣтописцевъ, до распространенія ислама, жители Дагестана были «езидами», т. е., какъ я показалъ это въ первомъ томѣ настоящаго труда, послѣдователями того религіозно-нравственнаго ученія, выразителемъ котораго является Авеста. Бракъ на родственницѣ не только не воспрещенъ, но, наоборотъ, рекомендуется священной книгой Ирана; нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если мы встрѣчаемъ его и въ средѣ жителей Дагестана.

Они настолько, впрочемъ, соблюдаютъ требованія шаріата, что не распространяютъ правила о дозволенности браковъ съ родственницами на браки съ сестрами, дочерьми и тетками. Но съ двоюродными сестрами, какъ и съ племянницами, бракъ по обычаю считается дозволеннымъ ¹⁾, тогда какъ по шаріату эти родственницы также входятъ въ число запрещенныхъ степеней родства. Со временъ Шамиля, благопріятствовавшаго, какъ мы видѣли выше, торжеству шаріата надъ адатомъ, браки между родственниками сдѣлались значительно рѣже ²⁾.

Взглядъ, какой въ плоскостной части Дагестана народъ начинаетъ высказывать на подобные браки, характеризуется г-номъ Далгатомъ въ слѣдующихъ чертахъ: «дагестанскіе родители не одобряютъ ихъ, такъ какъ раздѣляютъ убѣжденіе, что, отдавши дочь замужъ за родственника, они не расширятъ своихъ связей, тогда какъ, при замужествѣ ихъ дочери въ чужомъ родѣ, они приобрѣтутъ для себя въ членахъ его новыхъ союзниковъ, а это обстоятельство имѣетъ въ ихъ глазахъ громадное значеніе въ виду распространеннаго въ народѣ обычая кровной мести, при чемъ чѣмъ кто больше имѣетъ близкихъ ему людей, тѣмъ для него лучше. Они говорятъ также, что при бракѣ родственниковъ наступленіе развода послужило бы поводомъ къ ссорамъ

1) Г-нъ Далгатъ упоминаетъ о возможности женитьбы на родной племянницѣ и двоюродной сестрѣ; такіе браки даже приняты отчасти, говоритъ онъ (стр. 32).

2) Г-нъ Далгатъ совершенно извращаетъ факты, приписывая шаріату доброжелательное, а адату враждебное отношеніе къ бракамъ съ родственницами и говоря: «до введенія шаріата не было обычая жениться на близкихъ родственницахъ» (рук. эт. отд., стр. 30).

и несогласіямъ родственниковъ между собою и рано или поздно породило бы разрывъ въ цѣломъ родѣ, а этого дагестанцы, разумѣется, стараются по возможности избѣжать ¹⁾.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ постановленіями шаріата дѣйствующее право Дагестана приравниваетъ къ физическому родству родство молочное и запрещаетъ браки между родственниками по молоку въ тѣхъ же степеняхъ, что и между родственниками по крови ²⁾.

Опять таки согласно съ шаріатомъ оно не допускаетъ браковъ съ свойственницами, такъ что жены одного и того же мужа, напримѣръ, не могутъ быть между собою сестрами ³⁾. Запрещеніе свойства не мѣшаетъ однако брату вступить въ супружество съ сестрой его невѣстки.

Заключеніе брака съ дѣвственницами, какъ мы видѣли выше, специально рекомендуется шаріатомъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ нимъ дѣйствующій въ Дагестанѣ обычай предоставляетъ мужу прогнать изъ дому жену, которая оказалась бы лишенной дѣвственности до брака. Въ даргинскомъ округѣ въ обычаѣ стрѣлять изъ револьвера для оповѣщенія того, что новобрачная не оправдала увѣренности жениха въ ея цѣломудріи, и тѣ же порядки доселѣ соблюдаются въ шамхальствѣ тарковскомъ и ханствѣ мехтулинскомъ. Въ закатальскомъ округѣ, наоборотъ, выстрѣлъ молодаго супруга означаетъ дѣвственность новобрачной. Гораздо меньшее значеніе придаютъ физическимъ признакамъ дѣвственности горскіе аулы Дагестана, основываясь на томъ, что эти признаки могутъ быть потеряны помимо всякой вины со стороны дѣвицы, благодаря непосильнымъ работамъ и въ особенности благодаря необходимости лазить по скаламъ и перепрыгивать пропасти ⁴⁾.

¹⁾ Далгатъ, рукоп., стр. 31.

²⁾ La parente de lait, читаемъ мы у Minhadj, est une cause de prohibition comme la parente proprement dite et cette prohibition l'étend aux mêmes degres. On peut légalement épouser la nourrice de son frère ou de ses petits enfants, la mère du la fille de la nourricé de ses propres enfants (VII, titre II du livre XXXIII Section I des Mariages prohibés, стр. 339 и 340).

³⁾ Ср. Minhadj, livre XXXIII, titre II, стр. 340.

⁴⁾ Далгатъ, стр. 82. Львовъ, стр. 30.

Разъ будетъ дознано, что новобрачная потеряла цѣломудріе до перехода въ жилище мужа, послѣдній пріобрѣтаетъ право прогнать ее безъ всякаго вознагражденія и съ удержаніемъ принесеннаго ею приданого.

Бракъ на вдовахъ считается менѣ почетнымъ и сопровождается поэтому меньшими торжествами. Какъ и у другихъ горцевъ, такъ и у дагестанцевъ въ обычаѣ заключать браки съ вдовою покойнаго брата, но тогда какъ у чеченцевъ, напримеръ, эти браки носятъ почти обязательный характеръ, у дагестанцевъ они являются факультативными. Болѣе строгое соблюденіе шаріата, который ни мало не рекомендуетъ подобныхъ союзовъ,—ближайшая причина тому, что левирать или деверство представляется намъ въ Дагестанѣ со всеми признаками вымирающаго обычая.

Рѣшающую роль въ выборѣ жениха играетъ воля отца невѣсты. Женщина не должна вступать въ бракъ по собственному выбору, учать законовѣды школы Шафаи. Отецъ вправѣ распорядиться ея рукою, но лишь въ томъ случаѣ, если она еще дѣвственница. Потеря цѣломудрія прекращаетъ свободу отца въ выборѣ мужа для дочери. Поэтому вдова сама выбираетъ себѣ супруга и вправѣ уклониться отъ замужества съ братомъ покойнаго. Постановляя все это, Путеводитель ревнителѣй вѣры прибавляетъ, однако, по адресу отцовъ совѣтъ не располагать рукою дочери, не узнавъ предварительно ея желаній ¹⁾).

Всѣ эти предписанія въ Дагестанѣ въ полной силѣ. При отсутствіи отца, рукою дѣвушки располагаетъ, хотя и менѣ неограничено, тотъ родственникъ, которому предоставлена опека надъ нею. «Одинъ только отецъ имѣетъ право выдать дочь замужъ противъ ея желанія, читаемъ мы въ адатахъ самурскаго округа; прочіе же родные и веколи (т. е. опекуны) не имѣютъ этого права, такъ что засватанная при жизни отца дѣвушка можетъ по смерти его отказаться отъ замужества съ тѣмъ женихомъ, съ которымъ она была обручена» ²⁾. Въ аварскомъ округѣ, го-

¹⁾ Minhadj. Livre XXXIII, section IV, VII, p. 321 et 322.

²⁾ Адаты Южно-Дагестанскаго общества, стр. 72 (вып. VIII, Сб. Св. о Кавк. Горц.).

ворить г-нъ Львовъ, заключающій брачную сдѣлку «дибирь» посылаетъ къ невѣстѣ двухъ человекъ, которымъ поручаетъ узнать, согласна ли она добровольно выйти замужъ и доверять-ли она своему веколю совершить обрядъ бракосочетанія. Неисполненіе этой формальности относительно совершенной невѣсты дѣлаетъ бракъ недѣйствительнымъ ¹⁾. Въ кази-кумухскомъ округѣ мнѣ приводили примѣры, когда невѣста, выданная замужъ ея векодемъ, признавалась свободной отъ брачныхъ узъ, въ виду доказаннаго несогласія ея на бракъ и принужденія силой. Если невѣста вовсе не имѣетъ родныхъ, а также когда родственникъ, безъ согласія котораго она не вправѣ выходить замужъ, находится въ отлучкѣ, на разстояніи двухдневнаго пути отъ дома, тогда мѣстный мулла (извѣстный у аварцевъ подъ названіемъ дибирь) располагаетъ рукою дѣвушки и можетъ отдать ее замужъ за выбраннаго ею жениха ²⁾.

Переходя къ изученію порядка заключенія брака, остановимся прежде всего на переживаніи стариннаго обычая увода, несогласнаго съ духомъ шаріатскаго ученія, но настолько еще жизненнаго, что борьба съ нимъ является одной изъ постоянныхъ заботъ русскихъ властей и вмѣстѣ съ тѣмъ столь-же постоянной причиной внутреннихъ несогласій и кровавыхъ междуусобій горскихъ семействъ и тохумовъ.

Уводъ въ той формѣ, въ какой мы встрѣчаемъ его нынѣ, есть крайнее средство, къ которому обращается отверженный женихъ для того, чтобы овладѣть любимой имъ дѣвушкой. Женихъ подкарауливаетъ невѣсту въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей, овладѣваетъ ею силой, тащитъ въ напередъ приготовленное убѣжище и немедленно безчеститъ ее. Дѣлается это съ цѣлью, чтобы ни дѣвушка, ни ея родители не могли отказать похитителю въ ея рукѣ. Друзья жениха обыкновенно охраняютъ входъ въ саклю и должны по обычаю давать пропускъ въ нее одному старшинѣ. Послѣдній, узнавъ о случившемся, спѣшитъ на помощь похищенной, разводитъ молодыхъ людей и каждаго порознь отсылаетъ къ наibu или приставу. За уводъ налагается пеня или на одного похитителя, если не было пред-

¹⁾ Львовъ, стр. 25.

²⁾ Львовъ, стр. 22.

варительнаго сговора между молодыми людьми, или на обоихъ, въ случаѣ такого сговора, при этомъ принимается въ расчетъ, слышенъ ли былъ крикъ дѣвушки или нѣтъ. Отсутствие крика признается доказательствомъ ея согласія. Буде родные похищенной настигнуть похитителя во время увоза, дѣло кончается рѣзней, изъ которой виновный въ увозѣ не всегда выходитъ живымъ. Но если родные узнаютъ о случившемся уже послѣ обезпеченія дѣвушки похитителемъ, они волей не волей даютъ согласіе на бракъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда не послѣдуетъ такого согласія, сдѣлавшій увозъ присуждается уплатить оскорбленной имъ семьѣ штрафъ. Трехгодовой быкъ, называемый «хавдусанъ», таковъ обыкновенный размѣръ этого штрафа. Предметомъ похищенія чаще всего бываетъ никому еще не засватанная дѣвушка, такъ какъ въ противномъ случаѣ похитителю пришлось бы ждать мести и отъ того рода, къ которому принадлежитъ женихъ ¹⁾. Похищеніе невѣсты не считается позоромъ; наоборотъ, оно признается подвигомъ и ставится въ заслугу.

На ряду съ увозомъ дѣйствующее право Дагестана ставить насъ лицомъ къ лицу и съ другой столь же старинной формой заключенія брачнаго союза—съ куплей невѣсты ея женихомъ.

Шаріатъ въ толкованіяхъ законовѣдовъ школы Шафан смотритъ на бракъ, какъ на *формальный договоръ*, дѣйствительный лишь подъ условіемъ произнесенія отцомъ невѣсты и женихомъ опредѣленныхъ, напередъ установленныхъ формулъ. Эти формулы выражаютъ, съ одной стороны, готовность отдать дочь за мужъ и получить за нее выкупъ, а съ другой—принять ее въ жены ²⁾ и уплатить этотъ выкупъ. Требования шаріата въ точности соблюдаются дагестанскими муллами. «Соединивъ правыя руки жениха и лица, дѣйствующаго отъ имени невѣсты (ея величя), мулла обращается прежде всего къ представителю невѣсты съ слѣдующей разъ навсегда установленной формулой:

¹⁾ См. статью Абдулла Амарова, какъ живутъ Лахи (4 вып. Сб. Св. о Кавк. Горд., стр. 20.—Далгатъ (рук., стр. 41), касательно увоза, практикуемаго въ Даргонскомъ округѣ.—Львовъ—объ увозѣ у Аварцевъ, (вып. III, стр. 20).

²⁾ Minhadj, VII, стр. 318 и 381.

Съ помощью и съ соизволенія Божія и по пути, указанному про-рокомъ, за столько то денегъ (называетъ условленную сумму) отдаешь ли ты свою дочь этому человѣку (указываетъ на жениха).—Слѣдуетъ отвѣтъ: за столько то денегъ отдаю свою дочь такому то.—Тогда мулла дѣлаетъ подобное же обращеніе къ жениху, замѣняя только слово даешь словомъ берешь-ли?—Женихъ повторяетъ условную формулу, вводя въ нее слово беру. Троекратно слѣдуетъ повтореніе присутствующими освященныхъ обычаемъ формулъ. По окончаніи обряда, мулла читаетъ молитву, благословляющую новобрачныхъ, и читаетъ первую главу корана («фатиха») ¹⁾. Таковъ порядокъ какого придерживаются въ частности въ своихъ бракосочетаніяхъ аварцы, употребляющіе въ примѣненіи къ нему терминъ «магари-тле», что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «заключеніе брачнаго торга». Этотъ фактъ, въ связи съ упоминаніемъ о деньгахъ за которые представитель невѣсты соглашается отдать ее жениху, даетъ повидимому право говорить о дагестанскомъ бракѣ, какъ о куплѣ и ставить его на одну линію съ браками, заключаемыми въ Кабардѣ, Чечнѣ, Осетин и на протяженіи всей вообще кавказской цѣпи горъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, однако, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана бракъ потерялъ уже характеръ реальной купли и что платежъ, дѣлаемый женихомъ, имѣетъ не болѣе какъ символическое значеніе и легко можетъ быть опущенъ вовсе. «Сунны, читаемъ мы въ Путеводителѣ ревнителей вѣры, рекомендуютъ выговаривать при заключеніи супружества опредѣленный брачный даръ, но крайней нужды въ этомъ не имѣется» ²⁾.

Слѣдую этому правилу одни народности Дагестана требуютъ уплаты женихомъ брачнаго дара, другіе освобождаютъ его отъ этой обязанности. У аварцевъ платежъ этотъ, какъ мы сейчасъ видѣли, еще въ полномъ ходу. Въ Южно-Дагестанскихъ

¹⁾ Львовъ, стр. 25.

²⁾ Minhadj, livre XXXIV. Du don nuptial. Section III. Lorsqu'une femme demande à son tuteur de la donner en mariage sous don nuptial, et que celui-ci refuse, par conséquent le don nuptial offert par le mari, ou bien lorsqu'il n'en stipule point, on considère un pareil acte, comme une libéralité parfaitement légale.

обществахъ до, 1862 года отецъ или ближайшій родственникъ получалъ плату за невѣсту, которая извѣстна была подъ наименованіемъ «поль-пули». Размѣръ ея въ кюринскомъ округѣ равнялся 60 рублямъ. Въ Табасарани величина его зависѣла отъ соглашенія и колебалась между 100 и 400 рублей ¹⁾. Въ Безантъ, Гидатѣ и Казн-Кумухѣ женихъ не производитъ никакого платежа въ пользу родителя невѣсты ²⁾. То же должно быть сказано и объ аулахъ, входящихъ въ составъ даргинскаго округа ³⁾.

Но если плата за невѣсту постепенно выходитъ изъ употребленія, то того же нельзя сказать о другомъ видѣ платежа, который женихъ скорѣе гарантируетъ, нежели выдаетъ невѣстѣ. Я разумѣю платежъ, извѣстный подъ наименованіемъ «кебинъ-хакъ» и еще чаще «мачаръ»; онъ всего ближе подходитъ по характеру къ французскому «doir». Назначеніе его служить обезпеченіемъ тому, что въ случаѣ развода отпущенная мужемъ жена не останется безъ средствъ къ жизни. Въ казикумухскомъ и даргинскомъ округахъ «магаромъ» служитъ обыкновенно выдѣляемый женихомъ участокъ земли, цѣною въ 50, 100 и даже двѣсти рублей ⁴⁾. Капучинцы производятъ платежъ магара деньгами и понижаютъ размѣры его до двадцати и даже десяти рублей, тогда какъ табасаранцы поднимаютъ его до сорока ⁵⁾. Въ аварскомъ округѣ размѣръ магара неопредѣленъ разъ навсегда и неизмѣнно, а соразмѣряется съ достаткомъ соединяющихся бракомъ семействъ ⁶⁾.

Весьма любопытную черту представляетъ уцѣлѣвшій во многихъ мѣстностяхъ Дагестана обычай замѣнять плату за невѣсту обязательствомъ выдать за ея родственника дѣвушку изъ семьи жениха. «Если мужчина», читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ сѣверной Табасарани, «святая дѣвушку изъ другаго семейства,

1) Адаты южно-дагестанскихъ обществъ въ Сборникѣ Свѣдѣній о Кавк. Горц., вып. VIII, стр. 15 и 32.

2) Свѣдѣнія, собранныя мною на мѣстахъ.

3) Рукопись г-на Далгата, стр. 116.

4) Свѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ.

5) Южно-Дагестанскіе Адады, вып. VIII, Сб. Св. о Кавк. Горц., стр. 32.

6) Львовъ, стр. 30.

условился въ свою очередь выдать за кого нибудь изъ членовъ того семейства свою сестру или дочь, то въ такомъ случаѣ «поль-пули» (плата за невѣсту) не платится. Подобнаго рода обмѣнъ называется «башъ-баша». Случается, что при такомъ обмѣнѣ женщинъ одна взрослая, а другая малолѣтняя, въ такомъ случаѣ мужчина, женившійся на взрослой, доплачиваетъ условленную сумму денегъ тому семейству, изъ котораго она взята. Если два семейства взаимно обручили своихъ дочерей и одна изъ обрученныхъ умереть до совершенія свадебнаго договора, женихъ можетъ требовать, чтобы взаменъ ея дали другую изъ того же семейства; если умереть и другая, то онъ вправѣ требовать третью. Четвертой онъ уже требовать не можетъ, зато сохраняетъ право на возвращеніе обратно платы за невѣсту или поль-пули ¹⁾).

Обычай обмѣна невѣстъ далеко не стоитъ въ противорѣчій съ предписаніями шаріата. Шафайтскіе законовѣды считаютъ его дозволеннымъ. «Брачное соглашеніе двухъ семействъ подлѣ условіемъ взаимности должно быть признано правильнымъ», читаемъ мы въ «Путеводителѣ ревнителѣ вѣры» ²⁾).

Заключенію брачнаго соглашенія муллою предшествуетъ сватовство. Оно можетъ состояться даже тогда, когда женихъ и невѣста находятся оба въ младенческомъ возрастѣ. Право за сватывать своихъ малолѣтнихъ дѣтей признается шаріатомъ за отцомъ, отнюдь однако не за родственникомъ, исполняющимъ обязанности опекуна ³⁾). Такое различіе прямо вытекаетъ изъ того, что отецъ не связанъ волею дочери при устройствѣ ея судьбы, тогда какъ всякій другой родственникъ не можетъ отдать невѣсты замужъ иначе, какъ съ ея согласія. Свадьба малолѣтнихъ доселѣ въ ходу между дагестанцами. Мнѣ

¹⁾ Сб. Св. о Кавк. Горц., вып. VIII, стр. 31 и 72 (Адаты самурскаго округа).

²⁾ Un mariage réciproque est parfaitement régulier, si la valeur de la virginité n'est pas mise en ligne de comete (Minhadj, VII, p. 319).

³⁾ Le père peut disposer à son grai de la main de sa fille sans demander son consentement, quelque soit l'âge de celle-ci, pourvu qu'elle soit encore vierge.... Les agnats collatéraux comme le frère germain ou consanguin et l'oncle paternel ne peuvent d'aucune façon promettre la main d'une fille en bas age (Minhadj, VII, стр. 322).

приводили примѣры его одинаково и въ аварскомъ, и въ даргинскомъ округахъ. Переговоры съ отцомъ невѣсты ведетъ не самъ женихъ, который, по словамъ Омарова, даже не можетъ показаться на глаза невѣстѣ въ присутствіи ея родителей, а уполномоченное имъ лицо,—не сваха, а свать. Пришедъ въ домъ, свать начинаетъ переговоры съ слѣдующей общепринятой фразы по адресу родителей невѣсты: просимъ васъ сдѣлаться отцемъ и матерью такому то человѣку (называетъ имя жениха). Если предложеніе принимается родителями, то съ ихъ стороны слѣдуетъ отвѣтъ: «инша-аллахъ», что въ переводѣ означаетъ: «если угодно будетъ Богу». Получивъ такимъ образомъ согласіе лицъ, отъ которыхъ зависитъ судьба невѣсты, уполномоченный немедленно приступаетъ къ переговорамъ о размѣрѣ даваемого невѣстѣ приданнаго, о величинѣ магара или кебана, которымъ женихъ беретъ обязать свою будущую жену ¹⁾.—Таковъ порядокъ, какого въ дѣлѣ сватовства придерживается аварецъ; а вотъ какъ, по описанію г. Долгача заключается въ даргинскихъ аулахъ предварительный уговоръ между семьями жениха и невѣсты. «Сватовство», пишетъ этотъ мѣстный уроженецъ (родомъ изъ аула Урахи), «продолжается часто пятнадцать и даже двадцать лѣтъ и распадается на восемь самостоятельныхъ актовъ. Первымъ по времени является то, что даргинцы называютъ терминомъ «сукни». Отъ жениха отправляется какая нибудь женщина къ родителямъ дѣвушки; для того, чтобы испросить ихъ согласіе на сватовство, женщина эта старается выставить жениха съ особенно выгодной стороны и перечисляетъ всѣ его качества. Родители дѣвушки обязаны по этикету дѣлать видъ, что имъ трудно разстаться съ дочерью, ссылаются на то, что она еще слишкомъ молода и требуютъ, чтобы имъ дали время на размышленіе. Нѣсколько дней спустя они даютъ свое согласіе. Тогда начинается второй актъ сватовства, по имени «сукникари». Онъ состоитъ въ томъ, что женихъ, пользуясь дозволеніемъ сватать невѣсту и желая ей быть пріятнымъ, посылаетъ въ подарокъ платки, кольца, одежду и подчасъ—деньги,—всего смотря по состоянію. Всѣ эти подарки до-

¹⁾ Львовъ, стр. 21 и 22.

ставляетъ невѣстѣ прежняя сваха. Разъ они приняты, — «слово считается скрѣпленнымъ». Рѣшающимъ актомъ въ дѣлѣ сватовства является вступленіе матери жениха въ домъ родителей невѣсты съ четырьмя большими хлѣбами и однимъ бараномъ. Этотъ подарокъ очень часто замѣнялся такъ называемымъ «чудомъ», т. е. большимъ пирогомъ съ сыромъ. Мать жениха везетъ также невѣстѣ пару одеждъ, большой мѣдный тазъ и кольца, — одно серебрянное, а другое золотое. Кольца эти невѣста тутъ же надѣваетъ себѣ на пальцы. Родители невѣсты отдариваютъ пришедшихъ къ нимъ гостей двумя хлѣбами, зарѣзаннымъ бараномъ, платками и мелкими монетами. Нѣсколько времени спустя, невѣсту ведутъ къ родителямъ жениха, которые дарятъ ей по этому случаю платокъ, кольца, серьги и посуду. Самъ женихъ отсутствуетъ во время приѣма. Опять на разстояніи нѣсколькихъ дней, жениха приводятъ къ невѣстиной роднѣ, при чемъ обычай требуетъ, чтобы невѣста не показывалась ему на глаза. Справляютъ пирушку, одариваютъ женихову свиту платками и выносятъ ей зарѣзаннаго барана. Четвертый актъ сватовства извѣстенъ подъ названіемъ «хинки архулла» и состоитъ въ посылкѣ женихомъ въ домъ невѣсты двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ — родственниковъ и родственницъ — съ хлѣбными лепешками (хинки), съ паромъ платья для невѣсты, съ тушею убитаго барана, съ шестью огромными хлѣбами и большимъ чугуннымъ котломъ, вѣсомъ не менѣе шестнадцати фунтовъ, служащимъ для приготовления лепешекъ. Посланные получаютъ на этотъ разъ отъ родителей невѣсты два шелковыхъ платка и два пояса изъ ластика, — первое предназначается для женщинъ, второе — для мужчинъ. Кромѣ того родители невѣсты посылаютъ чрезъ посланныхъ ожерелье изъ каменныхъ либо камней сестрѣ жениха. Снова по прошествіи нѣкотораго времени происходитъ пятый актъ сватанья. Женихова родня посылаетъ невѣстѣ коноплю, изъ которой она должна соткать настилки для своего будущаго жилища. Эту коноплю или несутъ на своихъ спинахъ родственники и родственницы жениха, или доставляетъ на подводѣ (арбѣ) братъ его, который въ благодарность получаетъ платокъ и поясъ. Два — три года проходятъ нерѣдко между такой посылкой конопля и слѣдую-

щимъ по времени актомъ сватовства, состоящимъ въ отправкѣ невестѣ 30—40 и болѣе бараньихъ шкуръ, или, вмѣсто нихъ, девяти—десяти или болѣе барановъ; этотъ подарокъ доставляеть, смотря по обстоятельствамъ, родственникъ или родственница жениха, одариваемые каждый разъ платкомъ или поясомъ. Снова, на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, двое мужчинъ и двѣ женщины отправляются со стороны жениха съ подарками къ невестѣ. На этотъ разъ подарки состоятъ изъ 1 живаго и 1 мертваго барана, 6 большихъ хлѣбовъ, трехъ одеждъ, изъ которыхъ одна шелковая, и большаго куска матеріи. Пришесшіе, кромѣ угощенія, ничего не получаютъ. Заключительный актъ сватанья непосредственно предшествуетъ самой свадьбѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что отъ 3-хъ до 10 родственниковъ жениха отправляются въ домъ невесты готовить «халву» и берутъ для этой цѣли съ собою 6 фунтовъ масла и одну мѣру муки. Родители невесты прибавляютъ провизіи отъ себя и приступаютъ затѣмъ къ совмѣстному приготовленію «халвы» или такъ называемой аурушу.

Приготавливаютъ аурушу обыкновенно вечеромъ въ одинъ изъ слѣдующихъ дней недѣли: вторникъ, среду или четвергъ. Со всѣхъ сторонъ созываютъ родственниковъ, пируютъ день или два и, затѣмъ, немедленно далѣе, посылаютъ къ кадю или судѣ двухъ довѣренныхъ лицъ отъ невесты, которые, встрѣтившись съ уполномоченными жениха, рукобיתемъ заключаютъ, какъ указано выше, брачную сдѣлку¹⁾. Я остановился подробно на перечисленіи отдѣльныхъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается сватовство, по слѣдующей причинѣ: далеко не всѣ изъ нихъ являются простыми актами вѣжливости и уваживанья. Нѣкоторые носятъ ясно выраженный юридическій характеръ. Такое именно значеніе имѣетъ фактъ передачи матерью жениха опредѣленныхъ обычаемъ подарковъ невестѣ. Эти подарки играютъ здѣсь ту же роль, какая въ древнемъ германскомъ правѣ принадлежитъ свадебному задатку (*argha*). Сдѣлка считается заключенной и нарушеніе ея одной изъ сторонъ ведетъ за собою опредѣляемую обычаемъ личную и имущественную ответствен-

¹⁾ Долгаты, стр. 62—68.

ность. Если неисполнение послѣдуетъ со стороны невѣсты, женихъ легко можетъ обратиться къ публичному ея опозориванію, средствомъ къ чему служить отрѣзаніе у ней косы, отнятіе платка или другой принадлежности туалета. «Въ лѣтнее время, говоритъ г. Омаровъ, представляется много удобствъ парнямъ, желающимъ отомстить дѣвицѣ или родителямъ ея за оскорбленіе, нанесенное отказомъ выдать ее замужъ. Въ народѣ считается высшею местию и кровною обидою отрѣзать косу у дѣвушки или отнять что либо изъ ея одежды. Это дѣлается воровскимъ образомъ, ночью. Лѣтомъ, когда всѣ спятъ на крышахъ, легко бываетъ подобраться тайкомъ къ намѣченной жертвѣ. На слѣдующій день оскорбитель объявляетъ всенародно о томъ, что сдѣлано было имъ ночью, послѣ чего спѣшить запереться у себя въ домъ и принимать мѣры для защиты своей жизни отъ родственниковъ дѣвушки. И не напрасно, такъ какъ ближайшая родня оскорбленной считаетъ долгомъ отомстить за ея позоръ. Она окружаетъ домъ виновника обиды, стрѣляетъ въ окна и производитъ, можно сказать, формальную осаду его жилища, которое получаетъ прозваніе «держимаго» (т. е. обороняемаго) дома. Сельское общество заботится о томъ, чтобы покончить дѣло миромъ и начинаетъ поэтому съ того, что приказываетъ зарѣзать быка, принадлежащаго виновнику, и употребить въ пищу его мясо. Затѣмъ принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы склонить родителей дѣвушки къ выдаче ея замужъ за оскорбителя. Въ случаѣ согласія, вражда оканчивается съ момента замужества. Въ противномъ же случаѣ, дѣвушка, слѣвавшаяся жертвою оскорбленія, теряетъ въ обществѣ репутацію честной дѣвушки и никто не рѣшается взять ее въ жены». «Какъ же жениться на дѣвушкѣ, опозоренной односельчаниномъ? Въдь ея прежній женихъ станетъ смѣяться и напоминать при случаѣ о ея позорѣ», говоритъ обыкновенно горская молодежь ¹⁾.

На ряду съ этими личными послѣдствіями, отказъ въ рукѣ засватанной уже дѣвушки влечетъ для ея родителей и имущественную отвѣтственность. Они обязаны бываютъ возратить

¹⁾ Абдулла Омаровъ: «Какъ живутъ Лики» (4 вып. Сб. Св., стр. 2).

всѣ полученные ими отъ жениха подарки. Въ нѣкоторыхъ аулахъ неисполненіе брачнаго обѣщанія по своимъ послѣдствіямъ приравняется даже къ «воровству» въ томъ широкомъ значеніи, какое придаетъ ему римское право, и согласно этому родители невѣсты присуждаются къ возвращенію вдвое всего полученнаго ими отъ жениха. Если причиной несостоявшагося замужества является засватавшій дѣвушку, обязательство возврата подарковъ падаетъ на него и на его родню. Во всѣхъ случаяхъ одинаково сельское общество на правахъ штрафа требуетъ съ виновнаго, чтобы онъ поставилъ ему на угощеніе мясо одного быка ¹⁾).

Мы перейдемъ теперь къ описанію свадебнаго ритуала, нѣкоторыя черты котораго сохранили «переживанія» пройденныхъ бракомъ стадій развитія.

Въ основаніе нашего описанія мы положимъ тѣ свѣдѣнія, какія на этотъ счетъ даютъ намъ г. Далгатъ и г. Львовъ,—первый изъ даргинскаго, второй—изъ аварскаго округа. Совпаденіе сообщаемыхъ ими подробностей указываетъ на общность свадебнаго ритуала на протяженіи всего Дагестана.

«По заключеніи брачной сдѣлки передъ кадіемъ уполномоченными сторонами лицами,—сдѣлки, въ которой рукобитье является рѣшающимъ моментомъ, женихъ отправляетъ четырехъ человекъ за невѣстой,—двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ,—обыкновенно родственниковъ. Невѣстина родня также выбираетъ изъ своей среды четырехъ человекъ. Ими являются два дяди и двѣ тетки—одна по отцу, другая—по матери; первые два получаютъ названіе «спутниковъ» (вархкани), вторыя двѣ именуется «навурцанти», т. е. «лицами, берущими невѣсту за руки». Въ даргинскомъ округѣ невѣста ожидаетъ прихода жениховыхъ пословъ въ жилищѣ своихъ родителей, въ аварскомъ—въ домѣ кого либо изъ родственниковъ. Вошедши въ домъ, уполномо-

---

¹⁾ См. Адаты акушинскаго общества, § 120, Адаты мекечинскаго общества, § 129.—Адаты урахинскаго общества, § 152 (всѣ перечисленные аулы — даргинскаго округа). См. также Адаты южно-дагестонскихъ обществъ (вып. 8 Сб. Св.), кюрляскаго округа (стр. 13), Сѣверной Табасарави (стр. 32). Въ Карамайтагъ нарушившая обѣщаніе невѣста платитъ вдвое противъ полученныхъ ею подарковъ (стр. 46).

ченныя жениха тоекратно приглашаютъ невѣсту сопровождать ихъ въ домъ ея будущаго мужа. Поѣздъ невѣсты трогается съ мѣста обыкновенно вечеромъ. Въ закатальскомъ округѣ, по свѣдѣніямъ лично мною собраннымъ, лошадь, на которой сидитъ невѣста, обязательно ведетъ подъ уздцы ея дядя по матери. Во все время шествія невѣсту держутъ за руки сопровождающіе ее двѣ тетки. Почти на каждомъ поворотѣ толпа аульныхъ юношей загораживаетъ путь свадебной процессіи и не даетъ ей пропуска раньше, какъ по полученіи угощенія. Изъ оконъ домовъ сыплютъ на невѣсту муку пшеничную, что означаетъ, говорить г. Далгатъ, пожеланіе брачующимся «счастья, столь же чистаго, какъ бросаема въ нихъ мука». «Встрѣченная во дворѣ жениха родственниками и родственницами его, новобрачная останавливается, ожидая приглашенія войти въ домъ. Въ это время къ ней подходитъ мать новобрачнаго, держа въ рукахъ тарелку съ медомъ; обмокнувъ въ нее палець, она мажетъ губы новобрачной и проситъ ее войти въ домъ».

Новобрачная, не обращая вниманія на приглашеніе, остается на прежнемъ мѣстѣ, облизувая губы, намазанныя медомъ; это означаетъ, что она желаетъ получить какой нибудь подарокъ, прежде чѣмъ переступить за порогъ дома своего мужа. Тогда къ ней подводятъ какую нибудь крупную скотину и надрѣзываютъ послѣдней ухо, въ знакъ того, что скотина поступаетъ въ собственность новобрачной. Если невѣста не одобритъ дѣлаемый ей подарокъ, она продолжаетъ стоять во дворѣ, не трогаясь съ мѣста. Тогда выводятъ ей новую скотину и повторяютъ при этомъ прежній обрядъ надрѣзыванія уха. Послѣ новаго приглашенія, невѣста, привѣтствуемая поздравленіями, пѣснями и выстрѣлами, входитъ въ саклю. Нерѣдко бываетъ, что спрятанный за дверью женихъ наноситъ входящей въ его домъ женѣ три легкихъ удара по спинѣ — символъ приобретаемой имъ власти. У самого порога постилаютъ коверъ, на который при входѣ и должна вступить молодая. Этотъ коверъ вслѣдъ затѣмъ выносятъ на дворъ; за одинъ конецъ его хватаются домочадцы, за другой — аульная молодежь; каждая сторона тянетъ его къ себѣ, стоя у воротъ двора. Если перетянетъ толпа юношей, стоящихъ за воротами, то коверъ уносятъ,

разстилаютъ его на крышѣ сосѣдней савли и располагаются на немъ кругомъ, въ ожиданіи угощенія, которое приноситъ имъ родня молодого. На невѣсту при входѣ ея въ домъ сыпать нуку—новое пожеланіе ей счастья и довольства, угощаютъ медомъ, какъ бы пророча ей сладость ея сожитія съ мужемъ и, посадивъ на заготовленное напередъ мѣсто, ставятъ у ногъ ея котель, въ награду за то, что она согласилась вступить въ права домохозяйки. Объ обхожденіи невѣстой очага ея новаго жилища мнѣ довелось слышать только въ одномъ изъ горныхъ ауловъ, сосѣднихъ къ Грузіи. Во все время брачной процессіи и слѣдующаго за ними пиршества лицо невѣсты остается покрытымъ. Только около полуночи братъ новобрачной приходитъ снять повязку съ ея лица, при чемъ получаетъ подарокъ, который въ кази-кумухскомъ округѣ извѣстенъ подъ названіемъ «ляжинкуку» и считается выкупомъ за право открытія лица ¹⁾. Покровъ снимается не ранѣе, какъ послѣ того, какъ молодая отправится въ отведенную для супруговъ комнату, куда вслѣдъ затѣмъ вбѣгаетъ пировавшая на свадьбѣ молодежь. Она кидается на постель, приготовленную для новобрачныхъ, и старается смять ее. Этотъ обрядъ извѣстенъ подъ названіемъ «вуруи вагисъ», что значитъ топтать постель. Кто первымъ кинется на постель, тому даютъ арушу или мучной халвы. При входѣ жениха всѣ удаляются и молодыхъ оставляютъ съ глазу на глазъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана и въ частности—въ самурскомъ округѣ уцѣлѣлъ еще слѣдующій обычай. «У дверей комнаты, занятой молодыми, становятся два родственника жениха, которые на слѣдующее утро должны отнести родственникамъ невѣсты простыню съ брачнаго ложа,—какъ вещественный признакъ сохраненной ею до брака дѣвственности» ²⁾.

Въ самый день свадьбы или на слѣдующій вечеръ устраивается пирушка для мужской родни невѣсты. На ней отецъ жениха заявляетъ, какую долю своего имѣнія онъ выдѣляетъ вступившему въ бракъ сыну. Въ этомъ выдѣлѣ нѣтъ ничего обязатель-

¹⁾ Свидѣнія собранныя на мѣствѣ. О роли, какую въ свадьбѣ играетъ братъ невѣсты. г. Далгатъ говоритъ слѣдующее: Братъ невѣсты снимаетъ повязку съ ея лица, за что ему дается шелковый поясъ.

²⁾ Адагы южно-дагестанскихъ обществъ (вып. VIII Сб. Св., стр. 72).

наго; тѣмъ не менѣ онъ встрѣчается часто. Отдѣльно отъ мужчинъ пируютъ и женщины, при чемъ издержки падаютъ каждый разъ на родню жениха. На разстояніи нѣкотораго времени, не позже одного мѣсяца со времени празднованія свадьбы, невестина родня устраиваетъ пиръ для жениховой родни. Когда гости начнутъ расходиться, кто нибудь изъ приглашенныхъ громкогласно ставитъ отцу вопросъ: что вы даете за невестой? Отецъ опредѣляетъ размѣръ приданого, говоритъ, какой участокъ земли онъ отводитъ своей дочери, при чемъ послѣдній исчисляется вархами, — каждая въ двѣнадцатую часть десятины; минимальнымъ размѣромъ приданого, по крайней мѣрѣ въ даргинскомъ округѣ, считается двѣ вархи или $\frac{1}{6}$ десятины. Вмѣстѣ съ землею, отецъ общаетъ дочери корову, буйволицу и прочій скотъ. Надѣленіе невесты приданнымъ въ Дагестанѣ не обязательно. О невестѣ, не получившей ничего кромѣ движимости, говорятъ въ Гидарелѣ, что въ приданое ей пошла подушка. Изъ присутствующихъ на свадьбѣ и сопровождающихъ ея пиршествахъ ближайшая родня жениха получаетъ отъ невесты въ подарокъ, мужчины — пояса, женщины — платки. И тѣ, и другіе хранятся на память.

Въ только что воспроизведенномъ описаніи дагестанской свадьбы не мало чертъ глубокаго архаизма. Отмѣтимъ прежде всего роль, какую играетъ въ ней аульная молодежь. Останавливая поѣздъ невесты и требуя выкупа, присваивая себѣ коверъ, на который она вступила при переходѣ черезъ порогъ ея будущаго жилища, наконецъ, вторгаясь въ брачную комнату и овладѣвая на время приготовленною въ ней постелью, односельчане какъ бы заявляютъ о какихъ-то правахъ на выдаваемую замужъ невесту. Какія же могутъ быть эти права? Чтобы открыть ихъ источникъ, надо привлечь на помощь обычное право тѣхъ народностей, которыя, подобно австралійскимъ камилароямъ или американскимъ прокезцамъ, признаютъ существованіе, если не коммунальнаго брака, то брака по группамъ. т. е. предоставляютъ права супруговъ по отношенію къ той или иной дѣвушки цѣлой категоріи лицъ, связанныхъ между собою единствомъ прозвища или тонежа. Когда индивидуальныи бракъ беретъ верхъ надъ этимъ сожитіемъ по группамъ, —

старинныя права членовъ послѣднихъ сказываются въ предоставляемой имъ возможности добрачнаго сожитія съ выходящей замужъ невѣстой или полученія выкупа за предполагаемый отказъ отъ пользованія подобнымъ правомъ. Примѣры того и другаго представляетъ намъ брачное право нѣкоторыхъ народностей Азіи и Австраліи, между прочимъ—такъ тщательно изученнаго Годитомъ племени Курней ¹⁾. Въ самомъ Дагестанѣ предшествующее браку сожитіе дѣвушекъ съ молодыми людьми ихъ аула болѣе не встрѣчается. Какъ на исключеніе, надо смотрѣть на тѣ порядки, какіе г. Пржевальскому удалось наблюдать въ мѣстности, называемой Цунта-Ахвахъ и расположенной въ предѣлахъ гимбрійскаго округа. Обычай, въ силу котораго незамужнія дѣвушки и парубки, собравшіеся на вечеринку, ложатся спать попарно,—обычай о которомъ упоминаетъ въ своемъ описаніи г. Пржевальскій ²⁾, тѣмъ болѣе любопытенъ, что, насколько мнѣ извѣстно, онъ является единственнымъ переживаніемъ въ Дагестанѣ предшествующаго супружеству гетеризма.

На ряду съ отдаленными слѣдами регулируемаго обычаямъ внѣбрачнаго сожитія, дагестанскій свадебный ритуаль представляетъ намъ и другую особенность той отдаленной эпохи, которая извѣстна подъ наименованіемъ эпохи патріархата. Я разумью ту роль, какую въ «дедукціи» или приводѣ невѣсты въ домъ ея будущаго супруга и въ снятіи съ нея покрывала передъ брачной постелью играетъ родня со стороны ея матери и въ частности—ея дядя,—тотъ самый дядя, который, по словамъ Тацита, окруженъ былъ у древнихъ германцевъ не меньшимъ почетомъ, нежели отецъ.

Въ связи съ выдающейся въ Дагестанѣ ролью материнской родни невѣсты заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что отецъ жениха почти не принимаетъ участія ни въ сватовствѣ, ни въ обрученіи; наоборотъ, мать жениха постоянно выдвигается впе-

---

¹⁾ Сравни «Первобытное право», вып. II, а также лекціи, читанныя мною въ Стокгольмѣ по приглашенію Лоренскаго фонда. Лекціи эти изданы подъ заглавіемъ: *Evolution de la famille et de la propriété*. Stockholm, 1890 г.

²⁾ Статья г. Пржевальскаго отпечатана въ Вѣстникѣ Европы конца 80 годовъ.

редь: сватовство заключается собственно ею, такъ какъ изъ ея рукъ получаютъ подарки, имѣющія, какъ мы видѣли, значеніе свадебнаго задатка. Та же мать идетъ на встрѣчу невѣстѣ при вступленіи ея во дворъ жениха. Не отецъ, а мать подноситъ невѣстѣ сосудъ съ медомъ и держитъ ее за руки въ то время, когда она переступаетъ впервые порогъ своего новаго жилища. Все это, вмѣстѣ взятое, весьма характерно и переноситъ насъ въ эпоху, когда когнатическое родство считалось главнѣйшимъ, когда мать и ея братъ, вмѣстѣ взятые, замѣняли для сына его отца и агнатическихъ родственниковъ. Что эта эпоха должна быть отнесена въ Дагестанъ къ далекому прошлому, въ этомъ убѣждаетъ насъ то высокое значеніе, какое въ наши дни играетъ въ немъ власть отца,—этого неограниченнаго повелителя надъ судьбою дочери,—и то обстоятельство, что вся родовая организація Дагестана построена на родствѣ въ мужской линіи, а не въ женской.

Въ числу архаическихъ чертъ дагестанской свадьбы необходимо отнести также, какъ я полагаю, тотъ фактъ, что невѣста не раньше соглашается переступить порогъ супружескаго жилища, какъ получивъ подарокъ, которымъ, какъ мы видѣли, обыкновенно является скоть. Переходъ подъ кровъ мужа означаетъ готовность отдаться ему. Эта готовность покупается супругомъ путемъ дѣлаемаго имъ подарка. Что этотъ подарокъ имѣетъ именно то значеніе, какое я придаю ему, слѣдуетъ изъ его сопоставленія съ другими подарками, поводъ къ которымъ даетъ свадьба. Мы видѣли выше, что «поль-пули» представляетъ собою, подобно «калыму», выкупъ у отца его власти надъ невѣстой, что «кебинъ» имѣетъ свое опредѣленное значеніе—имущественнаго обезпеченія на случай развода. Наконецъ, подарки, дѣлаемые женихомъ невѣстѣ во все время сватовства, отвѣчаютъ частью понятію того предбрачнаго дара, какой дѣлаемъ былъ брачущимся, напримѣръ, въ древней Германіи, какъ это слѣдуетъ изъ словъ Тацита, частью понятію свадебнаго задатка (*argha*), на подобіе того, о какомъ говорятъ варварскіе законы. Платежъ скотомъ, дѣлаемый невѣстѣ въ моментъ вступленія ея въ жилище мужа, не можетъ быть подведенъ ни подъ одну изъ перечисленныхъ нами категорій подарковъ; онъ

отвѣчаетъ отличной отъ другихъ потребности. Необходимое условіе для его полученія—дѣвственность невѣсты. Нѣтъ этой дѣвственности—и самый подарокъ не имѣетъ мѣста. Вотъ почему его не дѣлають въ случаѣ женитьбы на вдовѣ. Вотъ почему, при доказанномъ нецѣломудріи новобрачной, прогоняемая мужемъ жена обязана къ возмѣщенію этого подарка наравнѣ съ остальными. Все это вмѣстѣ взятое даетъ поводъ думать, что въ подарокѣ, дѣлаемомъ невѣстѣ передъ порогомъ ея новаго жилища, слѣдуетъ видѣть ничто иное, какъ оплату ея дѣвственности; но если такъ, то придется сказать, что жителямъ Дагестана извѣстно то, что германцы называютъ «утреннимъ даромъ» или «morgengabe». Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ такой платежъ, какъ я старался показать это въ моемъ «Первобытномъ правѣ», отнюдь не составляетъ особенности одного германскаго законодательства ¹⁾ и въ частности пользуется большимъ распространеніемъ въ средѣ магометанскихъ народностей.

Враждебность мусульманства ко всему, что хотя издали напоминаетъ собою культъ предковъ ²⁾, объясняетъ намъ причину, по которой обхождение очага новобрачной далеко не во всѣхъ дагестанскихъ аулахъ является необходимымъ актомъ свадьбы.

Отношенія супруговъ. Мусульманскіе законовѣды единогласно признають за мужемъ права властелина по отношенію къ женѣ, такъ какъ всѣ одинаково отправляются въ своихъ толкованіяхъ отъ слѣдующаго положенія Корана: «Жены должны какъ слѣдуетъ исполнять свои обязанности, а мужа поступать съ ними справедливо; власть надъ женами принадлежитъ мужьямъ» ³⁾. Послѣдователи шафаинскаго толка вводятъ въ понятіе этой власти право мужа не только наставлять свою жену, но и исправлять ее временнымъ заключеніемъ въ комнату и нанесеніемъ ей ударовъ. Достаточнымъ основаніемъ къ этому при-

¹⁾ См. «Первобытное право», выпускъ II, послѣдняя глава.—Tornau. Le droit musulman, стр. 98 и 99.

²⁾ См. статью, озаглавленную Du culte des ancêtres chez les Ancien Arabes и помѣщенную въ Revue de l'histoire des religion.

³⁾ Коранъ, гл. II, стихъ 230 французскаго перевода.

знается неповиновение, другими словами—неисполнение воли мужа ¹⁾. Но если за мужем признается власть надъ женою, то на него же возлагаются и извѣстныя обязанности по отношенію къ ней, ихъ—важнѣйшая обязанность содержать жену, т. е. доставлять ей жилище, пищу и одежду.

Обоюдность обязанностей при ежечасной возможности нарушения ихъ одной изъ сторонъ предполагаетъ случайное вмѣшательство судебной власти и въ частности—посредническаго суда въ интересахъ поддержанія или возстановленія временно нарушеннаго мира и согласія между супругами. «Мингадэнъ» прямо упоминаетъ о немъ, говоря: «если мужъ и жена стануть возводить одинъ на другаго взаимныя обвиненія, судья, не довольствуясь увѣщаніемъ, назначаетъ заслуживающее довѣрія лицо для разслѣдованія причинъ несогласій, разспроса сторонъ и принятія на будущее время мѣръ къ устраненію раздоровъ». Разъ эти раздоры примуть угрожающій характеръ, слѣдуетъ назначить двухъ посредниковъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть родственникомъ мужа, а другой—родственникомъ жены. Эти посредники соглашаются насчетъ условій временнаго отпущенія мужемъ жены или окончательнаго развода супруговъ ²⁾.

Въ тѣхъ мусульманскихъ обществахъ, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ магометанскихъ аулахъ Осетія, продолжаетъ держаться жизнь сообща большими семьями или дворами,—власть мужа находитъ ограниченіе во власти старшаго въ домѣ владыки. Но въ Дагестанѣ, гдѣ такія большія семьи рѣдки и гдѣ каждый старается устроиться своимъ дворомъ, власть мужа на практикѣ почти безгранична. Говоря объ аварцахъ, г-нъ Львовъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ положеніе жены въ ихъ средѣ. «Мужчина смотритъ на женщину, какъ на рабочей скотъ. Выбирая себѣ жену, онъ имѣетъ въ виду, чтобы дѣвушка или женщина была крѣпкой, дородной, а главное—нелѣнливой, не съ тѣмъ однако разчетомъ, чтобы имѣть отъ нея здоровыхъ дѣтей, а для того, чтобы будущая его жена могла исполнять всѣ работы по хозяйству дома, въ полѣ, въ саду и прочее. Горечь

1) Minhadj, livre XXXV, section II (VII, стр. 407).

2) Minhadj, глава 35, раздѣлъ II.

никогда не рѣшится ослабить свою деспотическую власть надъ женою. Если мужъ и любитъ жену, — она всетаки играетъ у него роль слуги, заслужившаго расположеніе господина, пользующагося его лаской и всегда готовою восхищаться шутиливо-строгимъ обхожденіемъ съ ней властелина. Если же женѣ не удалось заслужить благосклонности своего сожителя, послѣдній обходится съ нею хуже, чѣмъ съ рабой ¹⁾). Холопка стояла отъ 250 до 300 рублей: если съ ней обходились дурно, рисковали потерять ее навсегда; она могла убѣжать, съ женою же можно развестись и замѣнить ее другою, почти ничего не теряя. Положеніе жены, не любимой мужемъ, возмутительно. Вѣчное рубище покрываетъ ее тѣло; пренебреженіе мужа, безпрестанная брань и частые побои, недостатокъ и безъ того скудной пищи, ежедневный тяжкій трудъ, недостатокъ отдыха—все это изнуряетъ и состариваетъ ее преждевременно. Хорошо, если несчастная имѣетъ родственниковъ, которые могутъ уговорить ея тирана развестись съ ней, взявъ въ свою пользу ея кебинь. Если же у нея нѣтъ такихъ защитниковъ, тогда она, скрѣпя сердце, покоряется своей участи, а мужъ, женившись на другой и получивъ отъ нея сына, обращаетъ первую жену въ служанку ея молодой соперницы. Повиновеніе безпрекословное велиніямъ мужа—высшая добродѣтель горянки. Въ своихъ проповѣдяхъ, говорить г-нъ Львовъ, дибиря стараются внушить горянкамъ, что главная ихъ обязанность — всячески угождать мужьямъ или, какъ горцы выражаются, «служить имъ». Г-нъ Львовъ, проведшій нѣкоторое время въ плѣну у аварцевъ, рассказываетъ, что по четвергамъ имѣли аварцы обыкновеніе собирать женщинъ въ главной мечети для слушанія проповѣдей, сочиненныхъ на текстъ: «женщины сотворены для мужчинъ» (Коранъ, глава XXX, стихъ 20).

Не отъ одного мужа приходится терпѣть дагестанской женѣ. Молодая супруга вступаетъ въ домъ родителей мужа въ качествѣ помощницы свекрови; послѣдняя сваливаетъ на нее всѣ работы въ домѣ, помыкаетъ ею, какъ рабою, и заставляетъ ее

¹⁾ Свидѣнія, сообщаемыя г-номъ Львовымъ, относятся къ тому времени, когда въ Дагестанѣ еще допускалось рабство.

испытывать тѣ же притѣсненія, какимъ сама подвергалась въ дни молодости. Добрая мать подстрекаетъ сына, чтобы онъ обходился съ женою такъ же сурово, какъ бывало отецъ его нѣкогда обходился съ нею. Эти совѣты не пропадаютъ даромъ и всего чаще исполняются буквально ¹⁾).

Народныя поговорки какъ нельзя лучше выражаютъ приниженное положеніе дагестанской женщины, говоря: «Существуетъ одинъ Богъ въ мірѣ, а второй Богъ — мужъ для жены». Въ народѣ, говоритъ г-нъ Далгатъ о жителяхъ даргинскаго округа, существуетъ убѣжденіе, что мужъ полновластный господинъ по отношенію къ женѣ. Приходится нерѣдко слышать, что «если женѣ не дать узнать свойствъ плети, она загордится и сядетъ на шею мужу».

Мужъ всегда вправѣ наказать проступокъ жены плетью, но наказывать ее онъ долженъ втихомолку, а не на улицѣ; последнее считалось бы позоромъ для него самого. Насколько распространенъ въ Дагестанѣ обычай учить жену ударами по спинѣ можно судить по слѣдующей ходячей здѣсь остротѣ: «въ саклю приходитъ сосѣдъ и, видя на стѣнѣ двѣ плети, спрашиваетъ, на что тебѣ столько плетей, вѣдь у тебя всего на всего одна лошадь?—Одна плеть отвѣчаетъ хозяинъ служить мнѣ для усмиренія лошади, а другая для усмиренія жены».— Когда совместная жизнь сдѣлается невыносимой, жена подчасъ убѣгаетъ отъ мужа и ищетъ пріюта въ домѣ своихъ родныхъ. Но если мужъ не согласится дать ей ни временнаго отпуска, ни постояннаго развода, жена должна вернуться къ мужу и родители не должны ее укрывать. Въ противномъ случаѣ, мужъ считалъ бы себя вправѣ прибѣгнуть къ силѣ и пустить въ ходъ противъ родителей жены то самое средство, къ какому обычай кавказскихъ горцевъ позволяютъ обращаться при неисполненіи стороною принятаго ею обязательства. Я разучуъ обычай грабежа, извѣстный у осетинъ и сосѣднихъ съ ними народностей подъ названіемъ барантованія, а въ Дагестанѣ подъ именемъ «генекиля» и представляющій, какъ я показалъ выше,

¹⁾ Львовъ. Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ аварскаго племени.

рѣшительную аналогію съ легализованнымъ самоуправствомъ древнекельтискаго и славянскаго, въ томъ числѣ польскаго права. До послѣдняго времени, говоритъ г-нъ Далгатъ, родственники лица, которому не желали вернуть жены, слѣдую обычаю, ловили изъ стада той части аула, въ которой скрылась убѣжавшая супруга, трехъ быковъ и немедленно рѣзали ихъ въ пищу. Чтобы избѣгнуть подобнаго самоуправства на будущее время родители спѣшили вернуть бѣглянку ея законному господину.

При всемъ произволѣ, какой характеризуетъ собою личныя отношенія мужа къ женѣ, отношенія эти не вполне избѣгаютъ контроля частью семейныхъ властей, частью властей общественныхъ. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда женатые сыновья живутъ совмѣстно съ отцомъ и дѣдомъ, и тотъ, и другой вправѣ останавливать черезъ чуръ грубую расправу мужей съ женами.

Когда побои мужа ничѣмъ не вызваны или сопровождаются членовредительствомъ, родители обиженной супруги обращаются къ кадю и требуютъ его вмѣшательства. Сама жена рѣдко когда лично приноситъ жалобу на мужа, такъ какъ общественное мнѣніе дурно относится къ той, которая призываетъ чужихъ людей къ вмѣшательству въ домашнія отношенія. Кадій или лично разбираетъ жалобу, поданную на мужа, или предоставляетъ дѣлать это назначаемымъ имъ посредникамъ (маслагатное рѣшеніе). Кадій вправѣ сдѣлать мужу выговоръ и даже подвергнуть его временному задержанію.

Кромѣ побоевъ, поводомъ къ жалобѣ можетъ служить неисполненіе мужемъ обязанности супружескаго сожитія или оставленіе жены на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Если мужъ, при обычномъ теченіи жизни, обязанъ воздерживаться отъ побоевъ, которые имѣли бы своимъ послѣдствіемъ увѣче или смерть жены, то въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, при доказанной невѣрности, онъ вправѣ убить жену. Прежде такія убійства считались дозволенными и тогда, когда мужъ узнавалъ объ оказанной ему невѣрности по слухамъ; въ настоящее же время русскія власти признаютъ убійство жены мужемъ безнаказаннымъ только тогда, когда мужъ

самъ лично сдѣлался свидѣтелемъ измѣны. Вообще, по словамъ г. Далгата, положеніе дагестанской женщины сдѣлалось болѣе защищеннымъ съ момента подчиненія страны русскимъ властямъ. Окружные начальники (наибы) на практикѣ допустили возможность жалобъ на мужа, какъ со стороны родни невесты, такъ и отъ нея самой. Они не разъ подвергали мужей тюремному заключенію за незаслуженно-жестокое обращеніе съ женами или побуждали ихъ дать имъ разводъ ¹⁾.

Имущественныя отношенія мужа и жены въ Дагестанѣ построены, согласно правиламъ шаріата, на началѣ раздѣльности. Пока продолжается совмѣстная жизнь супруговъ, это начало не выступаетъ съ большой рѣзкостью, такъ какъ благодаря личной власти мужа надъ женою и его опека надъ нею, распоряженіе ея имуществомъ возможно для жены лишь съ согласія мужа, а хозяйственное завѣдываніе обыкновенно всецѣло сосредоточивается въ рукахъ одного мужа, какъ домовладыки. Но при расторженіи брака разводомъ, принципъ раздѣльности выступаетъ во очію въ правѣ разведенной требовать отъ мужа возвращенія сполна принесеннаго ею имущества. Тотъ же принципъ выступаетъ и въ случаѣ прекращенія брака смертью жены, особенно бездѣтной, такъ какъ по исключеніи въ пользу мужа положенной закономъ доли, имущество покойницы всецѣло поступаетъ въ руки ея родныхъ. Таковы принципы общія всѣмъ школамъ мусульманскихъ юристовъ, но одни проводятъ ихъ съ большею, другіе съ меньшею рѣзкостью и послѣдовательностью. Такъ, напримѣръ, законовѣды школы Абу Ганифы и Малика признаютъ за женою нѣсколько большую самостоятельность въ распоряженіи ея имуществомъ. Она можетъ и безъ согласія мужа позволить себѣ отчужденіе одной трети его. Шафайтское право не знаетъ такой свободы и безусловно подчиняетъ контролю мужа всякое распоряженіе, дѣлаемое женою по отношенію къ ея имуществу. Отправляясь отъ той мысли, что при управленіи мужемъ имуществомъ жены легко можетъ послѣдовать смѣшеніе въ одну массу привнесенной каждымъ

---

¹⁾ Ответы на первые 11 отдѣловъ программы для собиранія юридическихъ обычаевъ. Башира Далгата 1887 г., стр. 99—115.

изъ супруговъ собственности, оно высказывается за раздѣлъ пополамъ въ случаѣ прекращенія брака того прироста, какой накопленъ будетъ супругами во время ихъ сожитія. Но такой дѣлежъ пополамъ долженъ воспослѣдовать лишь въ томъ случаѣ, когда нельзя опредѣлить, къ какому изъ двухъ имуществъ, мужнину или жениному, приростъ этотъ долженъ быть отнесенъ. Такимъ образомъ въ раздѣлѣ пополамъ накопленнаго совместно достатка нельзя видѣть частичное проявленіе принципа общности имуществъ супруговъ, а только уступку необходимости, признаніе невозможности инымъ, болѣе точнымъ образомъ опредѣлить дѣйствительный приростъ женинаго имущества. Познакомившись съ общимъ характеромъ тѣхъ принциповъ, которые управляютъ отношеніями супруговъ по имуществу, посмотримъ какое примѣненіе они находятъ въ дагестанской практикѣ.

Въ составъ женинаго имущества входятъ въ Дагестанѣ: 1) дѣлаемые женихомъ подарки, какъ во время сватовства, такъ и предъ вступленіемъ невѣсты въ его жилище (утренній даръ), 2) приданое, даваемое ей родителями, которое въ свою очередь распадается на «кладку» и собственно приданое. Первое накопляется матерью чуть не съ рожденія дочери; въ составъ его входятъ: одежда, украшенія, постель и часть домашней утвари. Это приданое доставляется въ домъ жениха за нѣсколько часовъ до привода невѣсты. Собственно приданое состоитъ обыкновенно изъ участка земли, выдѣляемаго невѣстѣ отцомъ въ размѣрѣ отъ 1 до 6 вархъ земли, т. е. отъ $\frac{1}{12}$ до $\frac{1}{2}$ десятины, и изъ скота, чаще всего—молочнаго. Тогда какъ о кладкѣ не дѣлается никакой письменной записи, размѣръ приданаго отмѣчается кадіемъ въ особомъ составляемомъ имъ актѣ. Когда приданое отвѣчаетъ по своимъ размѣрамъ величинѣ той доли наслѣдства, на которую дочь вправѣ рассчитывать, отецъ требуетъ отъ выдаваемой имъ въ замужество дочери заявленія насчетъ отказа ея отъ всякаго дальнѣйшаго выдѣла. Это заявленіе отмѣчается кадіемъ въ томъ самомъ актѣ, въ которомъ указанъ составъ полученнаго приданаго; 3) отдѣльное имущество жены обнимаетъ собою также то, что извѣстно подъ наименованіемъ магара, т. е. платежа, не столько производи-

маго на самомъ дѣлѣ женихомъ въ пользу невѣсты, сколько выговариваемаго ей въ брачномъ контрактѣ и поступающаго въ ея пользу въ случаѣ прекращенія супружества по волѣ мужа. Платежъ этотъ, размѣръ котораго регулируется каждый разъ мѣстнымъ обычаемъ и состоятельностью жениха, извѣстенъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана подъ общераспространеннымъ въ средѣ мусульманъ названіемъ кебина; такъ, напримѣръ, въ самурскомъ округѣ; 4) въ составъ женинаго имущества входятъ также дѣлаемые невѣстѣ подарки по случаю вступленія ея въ бракъ; наконецъ 5) всякое имущество, которое можетъ достаться ей по наследству, и 6) все, что будетъ приобрѣтено ею трудомъ ея рукъ, безъ помощи принадлежащаго мужу капитала, какъ, напримѣръ, доходъ отъ пряжи и т. п.

Женинымъ имуществомъ завѣдуетъ мужъ. Отчуждать его онъ не можетъ иначе, какъ съ ея согласія. За всѣ растраты, сдѣланныя имъ безъ вѣдома жены, онъ отвѣчаетъ собственнымъ имуществомъ. Разъ объ этихъ затратахъ дойдетъ до свѣдѣнія жены, она вправѣ сдѣлать кадію заявленіе о томъ, что они произведены безъ ея согласія и въ такомъ случаѣ мужъ обязанъ возмѣстить ихъ. По обязательствамъ, заключеннымъ мужемъ безъ ея вѣдома и одобренія, жена не отвѣчаетъ. Право завѣщательнаго распоряженія и право представительства собственныхъ имущественныхъ интересовъ на судѣ вполне признано за женою. Въ случаѣ развода по обоюдному согласію или по винѣ мужа, онъ возвращаетъ женѣ ея имущество ¹⁾. То, что накоплено мужемъ съ помощью всего состоящаго въ его завѣдываніи капитала, т. е. какъ его собственнаго, такъ и женинаго, поступаетъ въ случаѣ прекращенія брака разводомъ или смертью жены въ раздѣлъ на двѣ равныя части; изъ этихъ частей одна присоединяется къ жениному имуществу, другая считается принадлежащей одному мужу. Изъ правила о раздѣлѣ попадамъ сдѣланныхъ совмѣстно накопленій дѣлается исключе-

¹⁾ Если мужъ предложитъ женѣ разводъ, читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ верхняго Кайтага, онъ обязанъ заплатить записанный ей гебинъ, отдать все то, что было имъ при сватовствѣ отослано невѣстѣ и все то, что она принесла въ домъ мужа при замужествѣ.

ніе для прироста, доставляемого скотомъ. Если скотъ принадлежитъ женѣ, его приростъ всецѣло поступаетъ въ ея пользу ¹⁾).

Перейдемъ теперь къ порядку прекращенія брачнаго сожитія. Шафайтское право, какъ и вообще мусульманское, знаетъ, помимо смерти одного изъ супруговъ, два такихъ порядка: временное отпущеніе жены мужемъ и разводъ. Повторенное три раза временное отпущеніе по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ уподобляется разводу въ томъ смыслѣ, что, какъ и при разводѣ, новое сожитіе супруговъ становится невозможностью; для того, чтобы мужъ могъ взять обратно ту женщину, которая до развода была его женою, необходимо, чтобы она предварительно сдѣлалась женою другого лица и, получивъ отъ него разводъ или овдовѣвъ за его смертью, высказала согласіе на новый бракъ съ первымъ своимъ супругомъ ²⁾). Мужъ во всякое время можетъ развестись съ своей женою, но въ этомъ случаѣ обязанъ вернуть ей сполна принадлежащее ей имущество. Жена только въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ вправе требовать у кадія развода: 1) когда мужъ не можетъ отправлять своихъ супружескихъ обязанностей, 2) когда онъ зараженъ прилипчивою болѣзнью, 3) когда онъ по бѣдности не можетъ содержать жены ³⁾). Не во всѣхъ, впрочемъ, аулахъ при-

---

¹⁾ Сравни правило, выраженное въ Мингаджъ: когда дѣло идетъ о приращеніяхъ, извощахъ самостоятельное существованіе (*s'il s'agit d'accroissemens ayant une existence séparée de l'objet principal*), они по праву достаются женѣ (*c'est la femme qui en profite*. Minhadj, т. II, стр. 391.

²⁾ *L'époux qui a répudié sa femme d'une manière revocable, a le droit de la reprendre. Le droit de retour à l'union conjugale existe seulement si la répudiation n'est pas la troisième* (Minhadj, livre XXXVIII, VII, р. 470 и 471).

³⁾ Адагы южно-дагестанскихъ обществъ: самурскій округъ (стр. 72), Верхній Кайтагъ, селеніе Башлы (стр. 63), Сѣверная Табасаранъ (стр. 32), Далгатъ о разводѣ въ даргинскомъ округѣ. Въ послѣднемъ, если основаніемъ къ недовольству жены мужемъ является его неспособность къ брачному сожитію, кадіи уполномочиваетъ двухъ стариковъ во очію убѣдиться въ этой неспособности. Неспособность къ супружескому сожитію обыкновенно приписывается жителями Дагестана вліянію наговора, сдѣланнаго кѣмъ либо изъ враговъ мужа въ моментъ заключенія брака. Возрѣніемъ на импотенцію, какъ на послѣдствіе чаръ, объясняется, что

знается за женою такое право. Во многихъ разводъ считается одностороннимъ преимуществомъ мужа. «Жена, значится въ Сборникѣ адатовъ магаловъ «Ганкъ, Гаптъ и Мзора» въ Верхнемъ Кайтагѣ, ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права требовать отъ мужа развода»¹⁾. Въ такихъ аулахъ женѣ не иначе удастся достигнуть прекращенія супружеской связи, какъ уступивши мужу вполне или отчасти принадлежащій ей по праву кебинъ или магарь, а также приданое. Въ Терекеме — покинувшая мужа жена, сверхъ потери кебина и всего принесеннаго ею имущества, обязана еще при разводѣ уплатить своему супругу двадцать пять рублей такъ называемаго «пешманъ-пули»²⁾. Въ одномъ случаѣ возвращеніе женинаго имущества не обязательно для мужа, — когда поводомъ къ разводу является невѣрность жены. Въ старые годы прелюбодѣйная жена не нуждалась въ разводѣ, такъ какъ ее убивалъ или мужъ, или собственные ея родственники³⁾. Въ настоящее время, когда убій-

---

при составленіи брачной сдѣлки жители Дагестана озабочены тѣмъ, чтобы, кромѣ поставленныхъ сторонами свидѣтелей, не присутствовало лишь постороннихъ. Такъ какъ чары могутъ потерять свою силу при обращеніи къ извѣстнымъ приемамъ, то неспособность къ супружескому сожитію, по обычаямъ дагестанцевъ, не ведетъ непосредственно къ разводу, а только къ временному отлученію жены; только въ томъ случаѣ, если послѣ новаго испытанія, сдѣланнаго на разстояніи извѣстнаго срока, мужъ окажется не въ силахъ исполнить *debitum conjugale*, каждій провозноситъ разводъ. Горцы вѣрятъ, говорить г. Львовъ, что между ними есть злые люди, которые желая испортить новобрачнаго при чтеніи супружескаго обѣта лишаютъ его всякаго значенія, провознося шепотомъ «это ложь, это неправда», при этомъ злоумышленникъ завязываетъ на витѣ столько узловъ, сколько заключается словъ въ провозносимой дибромъ формулѣ, или вытягиваетъ пальца на три кинжалъ изъ ноженъ и выладываетъ его снова въ ножны, повторяя такой актъ послѣ каждаго слова, провозносимаго дибромъ. Такое заклятіе извѣстно у горцевъ подъ наименованіемъ «буххи» (завязываніе). Неспособность къ сожитію происходитъ отъ него. Но отъ него можно избавиться съѣвши совместно съ женою три круто сваренныхъ яйца съ написанной на нихъ молитвой. Ляченіемъ подобнаго рода занимаются учащіяся при мечетахъ (стр. 25).

1) Адаты южно-дагест. общ.; стр. 41.

2) См. Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, стр. 51.

3) См. адаты даргинскаго округа; кази-кумухскіе, гунибскіе и авар-

ства женъ мужьями сдѣлались рѣже, благодаря вмѣшательству властей, удержаніе женинаго имущества является нерѣдко вознагражденіемъ мужу за нанесенную ему обиду. Въ одномъ положеніи съ прелюбодѣйной женой стоитъ и женщина, потерявшая свою дѣвственность до брака. Мужъ прогонялъ ее съ позоромъ, удерживая за собою принесенное ею имущество; опозоренная же ея поведеніемъ родители обыкновенно умерщвляли виновную. Разводъ каждый разъ совершается у кадія и носить характеръ формальнаго акта, въ которомъ произнесеніе извѣстныхъ словъ считается обязательнымъ ¹⁾. Нѣкогда распространенный въ средѣ жителей Дагестана культъ домашняго очага оставилъ свой слѣдъ въ требованіи, доселѣ соблюдаемомъ въ нѣкоторыхъ южныхъ аулахъ, чтобы жена, покидающая въ силу развода общій съ мужемъ кровъ, развѣяла на вѣтеръ имѣющийся въ домѣ пепель ²⁾.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ тѣхъ отношеній, какія существуютъ въ Дагестанѣ между родителями и дѣтьми. Эти отношенія въ такой же, если не въ большей степени регулируются началами шаріата, какъ и отношенія супружескія. Слѣдуя требованіямъ шаріата, дагестанцы считаютъ своими дѣтьми только законное потомство ³⁾. Незаконнымъ дѣтямъ рѣдко оставляютъ жизнь; ихъ убиваетъ при рожденіи сама мать или ея родня. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда заберемявившая дѣвушка скроется въ домѣ своего соблазнителя и родитъ въ немъ ребенка, признаніе отца, сопровождаемое женитьбой, узаконяетъ незаконнорожденнаго. Въ случаѣ наговора, дозволяется лицу, несправедливо обвиняемому въ сожителствѣ, очистить себя отъ подозрѣнія, подкрѣпляя собственныя показанія соприсягою сорока родственниковъ. Это послѣднее правило имѣетъ своимъ источникомъ не писанное право, а обычай. Законъ ма-

---

скіе адаты, записанные мною въ бытность мою въ Дагестанѣ содержатъ въ себѣ однохарактерныя постановленія.

1) См. Minhadj; глава XXXVI.

2) Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, стр. 41. Магалы Гивкъ-Гаптъ и Мзора.

3) Незаконные дѣти не допускаются къ наследованію по ученію Ша-ван, говоритъ г-нъ Торнау, стр. 111 его Droit Mus.

гометанъ ограничивается заявленіемъ, что признаніе со стороны родителей есть достаточное доказательство законности ¹⁾.

Наряду съ естественнымъ потомствомъ, дагестанцы допускаютъ также искусственное, источникомъ котораго является усыновленіе. Но институтъ этотъ мало развитъ въ ихъ средѣ. Особенныхъ обрядовъ, напоминающихъ тѣ, какіе мы встрѣчаемъ у другихъ горцевъ Кавказа, напримѣръ, осетинъ, какъ то: прикосновенія къ груди жены усыновителя или къ собственной его груди, дагестанцы не знаютъ.

Въ виду привилегированнаго положенія, какое мужчины занимаютъ въ дагестанскомъ обществѣ, не мудрено, если въ этой странѣ особенно дорожатъ рожденіемъ мальчиковъ. Одно изъ обычныхъ пожеланій, дѣлаемыхъ женою мужу, по словамъ Львова, «да родится у тебя сынъ» ²⁾. Рожденіе сына подымаетъ значеніе жены въ глазахъ мужа и вызываетъ зависть въ ея подругахъ. У даргинцевъ—кто первый извѣститъ отца о рожденіи у него сына получаетъ подарокъ; а дочери—простую благодарность ³⁾. При родахъ отецъ не долженъ присутствовать. Онъ видитъ впервые новорожденнаго нѣсколько недѣль спустя, когда родильница вполне успѣетъ оправиться и перестанетъ быть «нечистой»—представленіе источникъ котораго быть можетъ кроется еще въ тѣхъ воззрѣніяхъ на физическую нечистоту недавно разрѣшившихся отъ бремени женщинъ, выразителемъ котораго является Авеста ⁴⁾. Дѣтоубійства, подобнаго тому, съ какимъ встрѣчаемся въ южной Осетіи и въ Сванетіи въ примѣненіи къ новорожденнымъ дѣвушкамъ, мы въ Дагестанѣ не встрѣчаемъ. Шаріатъ считаетъ дѣтоубійство квалифицированнымъ видомъ убійства, и общественное мнѣніе горцевъ относится къ нему съ большою строгостью.

Но это не значить, чтобы отецъ и вообще семья не имѣли права на жизнь позорящаго ихъ ближайшаго родственника. Мы видѣли уже, что женщину, потерявшую невинность до брака,

1) Tornau. *Le droit musulman*. Paris, 1860, стр. 110.

2) Домашняя жизнь дагестанскихъ горцевъ, стр. 31, примѣчаніе.

3) Далгатъ, стр. 128.

4) См. мою статью *Iranian culture in the Caucasus* въ *English Archaeological Review* за 1888 годъ, июль мѣсяць.

обыкновенно убивала ее родня, что та же судьба постигала нерѣдко прелюбодѣйную жену, прогнанную, но пощаженную ее мужемъ. Въ случаѣ убійствъ, совершенныхъ въ родственной средѣ, убійца нерѣдко умерщвляетъ былъ близкими ему по крови лицами.

Не обращаясь къ убійству, отецъ, впрочемъ, всего чаще прибѣгалъ къ публичному отреченію отъ недостойнаго въ его глазахъ сына. Обрядъ этого отреченія состоялъ въ слѣдующемъ. Въ присутствіи народа, собравшагося въ мечети, отецъ забивалъ гвоздь въ одинъ изъ ея столбовъ и произносилъ при этомъ освященные обычаемъ слова, которыми высказывалось его намѣреніе не считать болѣе такое-то лицо своимъ сыномъ. (Отреченіе имѣетъ то юридическое послѣдствіе, что освобождаетъ отца отъ отвѣтственности за дѣянія сына и, въ частности, за дѣлаемые имъ долги.

Нечего и говорить, что право исправлять своихъ дѣтей не только убѣжденіями, но и ударами, вполне признано за отцомъ. Никто не можетъ контролировать того употребленія, какое отецъ дѣлаетъ изъ принадлежащей ему власти надъ дѣтьми: ни кадій, ни общественная власть аула. Въ немногихъ уцѣлевшихъ еще большихъ семьяхъ дѣдъ можетъ остановить отца, злоупотребляющаго своей карательной властью. Это право непосредственно вытекаетъ изъ того главенства, какое признается за нимъ въ подобной семьѣ.

Кормить, одѣвать, защищать въ опасности, учить правиламъ вѣры, заставляя молиться и совершать омовенія—таковы болѣе нравственныя, чѣмъ юридическія обязанности родителей къ дѣтямъ.

Рядомъ съ ними шаріатъ признаетъ за дѣтьми обязанность содержанія престарѣлыхъ родителей и погребенія усопшихъ. Это обязательство имѣетъ уже чисто юридическое значеніе. Родители, не получающіе отъ дѣтей пропитанія, въ правѣ обратиться въ судъ кадія, который можетъ принудить дѣтей къ исполненію ихъ обязанности. Содержаніе, опредѣляемое родителями по суду въ аулахъ даргинскаго округа, состоитъ по меньшей мѣрѣ въ слѣдующемъ: при квартирѣ и отопленіи—двѣнадцать вархъ хлѣбнаго зерна въ годъ, т. е. столько, сколько

нужно для того, чтобы засѣять одну десятину. Если у отца окажется нѣсколько сыновей, — обязанность содержанія должна падать на всѣхъ поочередно. Если кромѣ сыновей, имѣются и дочери, — участіе ихъ въ поддержаніи жизни отца и матери вполнину меньше того, какое признается за сыновьями. Отсюда то послѣдствіе, что, если родители попеременно живутъ у своихъ дѣтей, сынъ обязанъ кормить ихъ вдвое больше, чѣмъ дочь. Это правило стоитъ въ связи съ постановленіемъ шаріата, по которому доля дочери въ наслѣдствѣ вполнину меньше той, которая причитается сыну.

Отецъ не долженъ принуждать сына къ женитьбѣ, но онъ вправѣ, какъ мы видѣли, выдать насильно дочь замужъ, соблюдая, впрочемъ, при этомъ тѣ требованія, какія шаріатъ выставляетъ по отношенію къ законности брака, — я разумѣю принадлежность жениха къ числу мусульманъ суннитовъ, способность его къ брачному сожитію, отсутствіе у него большаго числа женъ, противъ того, какое полагается по закону, а также отсутствіе препятствующихъ заключенію брака заразительныхъ болѣзней.

По выдачѣ замужъ, дочь освобождается отъ родительской власти и переходитъ во власть мужа. Точно также и сынъ, по основаніи собственной семьи, выходитъ изъ подъ власти отца. Пятнадцати или шестнадцатилѣтній возрастъ обыкновенно требуется отъ брачущагося, почему этотъ же возрастъ весьма часто является для сына возрастомъ совершеннолѣтія и связаннаго съ нимъ полноправія. Отецъ не обязанъ дѣлать сыну выдѣла при жизни, но въ Дагестанѣ весьма распространенъ обычай передавать въ случаѣ дряхлости веденіе хозяйства женатому сыну. Если сыновей нѣсколько, отецъ дѣлаетъ между ними раздѣлъ имущества при жизни. При этомъ раздѣлѣ принимается въ расчетъ, какіе сыновья уже женаты, а какіе еще холосты, какія дочери замужемъ, а какія еще въ дѣвѣцахъ, у кого изъ сыновей родители выбираютъ свое будущее мѣстожительство и кто долженъ похоронить въ случаѣ смерти. Холостымъ сыновьямъ дѣлается надбавокъ, облегчающій имъ вступленіе въ бракъ; незамужнимъ дѣвушкамъ полагается приданое, не свыше размѣра причитающейся имъ доли съ наслѣдства. Выданныя замужъ и надѣленные приданымъ дочери ничего не

получаютъ. Тотъ же сынъ, который возьметъ на себя издержки по содержанию и погребенію родителей, надѣляется большей частью имущества противъ другихъ. О тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ на практикѣ ведетъ дагестанскій обычай передачи имущества дѣтямъ при жизни подъ условіемъ содержанія, г. Львовъ сообщаетъ намъ слѣдующія подробности: «сдѣлавшись хозяевами, дѣти начинаютъ оказывать родителямъ полное пренебреженіе. Непечатная брань, побои и различныя оскорбленія переносятся стариками съ безсильнымъ ропотомъ. Стариковъ не сажаютъ съ собою за столъ, особенно когда въ домѣ имѣется гость, не обмываютъ и не обшиваютъ. Чего-чего только не натерпятъ родители на старости лѣтъ»¹⁾).

Произволь, съ какимъ отецъ распоряжается судьбою сына или дочери до ихъ совершеннолѣтія и брака, встрѣчаетъ ограниченіе, разъ дѣло касается распоряженія принадлежащимъ дѣтямъ имуществомъ. Источникомъ такого имущества не можетъ быть личный заработокъ дѣтей, такъ какъ все пріобрѣтенное неотдѣленнымъ членомъ семьи считается собственностью ея владыки—отца. Имъ можетъ быть даръ, сдѣланный родственникомъ, напримѣръ дѣдомъ. По отношенію къ такому имуществу отецъ имѣетъ только права опекуна; онъ отвѣчаетъ за его растрату и не можетъ произвести его отчужденія. Если вслѣдъ за совершеннолѣтіемъ и вступленіемъ въ бракъ сынъ отдѣляется отъ отца, все пріобрѣтенное сыномъ составляетъ уже его исключительную собственность. Буде сынъ выкупить отчужденное отцомъ имущество, имущество это становится собственностью выкупившаго. Такъ какъ семейные раздѣлы вошли въ обычай сравнительно недавно, то не удивительно, если по вопросу объ отвѣтственности родителей за долги дѣтей обычай не вполне еще сложился. При совмѣстной жизни большими семьями, долги дѣтей считаются долгами родителей. Переживаніемъ семейной общины является поэтому до селѣ невышедшая изъ употребленія практика—привлекать отцовъ къ отвѣтственности за долги сыновей. Чтобы избавиться отъ такой отвѣтственности, у отца нѣтъ другаго средства, какъ произнести

¹⁾ Домашняя жизнь дагестанскихъ горцевъ, стр. 17.

публичное отречение въ описанных мною выше условіяхъ. Въ старые годы мѣсто отреченія занимало изгнаніе и даже умершленіе по рѣшенію семейнаго совѣта ¹⁾).

Права родительской власти съ существенными, впрочемъ, ограниченіями и при болѣе бдительномъ контролѣ со стороны судовъ осуществляются по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ и ихъ родственниками—опекунами. Насколько права этихъ опекуновъ (бекилей) меньше правъ отцовъ, можно судить по тому, напримѣръ, что опекунъ не можетъ какъ мы видѣли выдать замужъ опекаемой нитъ дѣвушки, иначе какъ съ ея согласія. Онъ не въ правѣ также взять на себя выборъ невѣсты для малолѣтняго. Имущество лица, состоящаго подъ опекой, не можетъ подвергнуться отчужденію иначе, какъ съ разрѣшенія кадія и въ случаѣ, когда такого отчужденія потребуютъ интересы опекаемаго. Опека въ Дагестанѣ обыкновенно осуществляется ближайшимъ родственникомъ по отцу или тѣмъ на кого онъ укажетъ въ своемъ завѣщаніи, рѣдко когда она предоставляется матери—вдовѣ. При ея вторичномъ замужествѣ вдова лишается опеки ²⁾).

Порядокъ наследованія всецѣло опредѣляется правилами шариата. «Путеводитель ревнителей вѣры» или Мингаджъ устанавливаетъ по отношенію къ нему слѣдующіе руководящіе принципы, которые находятъ себѣ буквальное примѣненіе въ дагестанской юридической практикѣ. I. Къ наследованію призываются одновременно отецъ и мать, сынъ и дочь и оставшіяся въ живыхъ супругъ. Наличие этихъ наследниковъ устраниваетъ всѣхъ остальныхъ ³⁾), каждый изъ нихъ наследуетъ только

¹⁾ Далгатъ, стр. 127 и 141, а также свѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ, преимущественно въ Казн-Кумухъ и Гуннбъ. См. также постановленія Кайтакскаго Уцмія Рустема (I т. сб. св. о кавк. горцахъ).

²⁾ Далгатъ. Ответы на § 16-й программы.

³⁾ Le père, le fils et l'époux ne sont jamais exclus de la succession. Le fils du fils du un autre descendant agnat est exclu par le fils du un descendant agnat à un plus proche deग्रéserait ce dans une autre ligne, mais l'exclusion d'un ascendant agnat peut seulement avoir lieu par un autre ascendant agnat à un plus proche deग्रé dans la même ligne. La fille, la mère et l'épouse ne sont exclues par personne. Minhadj, livre 28, section III.

въ известной доль имущества. При наличности всѣхъ перечисленныхъ наследниковъ: $\frac{1}{4}$ имущества идетъ женѣ, $\frac{1}{4}$ мужу, $\frac{1}{4}$ отцу и та же часть матери, за неизмѣннѣ ихъ дѣду и бабу; остатокъ дѣлится между сыномъ и дочерью такимъ образомъ, что часть сына въ два раза больше части дочери. II. Если у покойника нѣтъ ни восходящихъ родственниковъ, ни супруги, сынъ наследуетъ все имущество. Но если у него наследницей только дочь, доля ея все же не больше половины оставленнаго имъ состоянія; а если двѣ или болѣе дочерей, то совмѣстно они наследуютъ только двѣ трети имущества, остальное же дѣлится между братьями и сестрами покойнаго; тѣ же доли достаются внукамъ и сестрамъ, когда онѣ заступаютъ мѣсто отсутствующихъ дочерей. III. При неизмѣннѣ нисходящихъ и восходящихъ, оставшійся въ живыхъ супругъ наследуетъ половину имущества, а супруга четвертую часть, При отсутствіи нисходящихъ супруга и мать получаютъ одну треть, а отецъ остальные двѣ трети. IV. Въ равной степени родства, мужчина всегда получаетъ въ два раза больше противъ женщины. V. Въ одной и той же линіи ближайшая степень устраняетъ дальнѣйшую. VI. Право представленія не известно, племянники не наследуютъ при дядѣ, внукѣ и при сынѣ. VII. Дѣти дочери не наследуютъ, если на лицо имѣются дѣти сына¹⁾. VIII. Согласно древнѣйшему толку школа Шафай ограничивала право наследованія слѣдующими категоріями родственниковъ: а) сыномъ, б) внукомъ, в) отцомъ, д) дѣдомъ, е) братомъ, f) племянникомъ, g) дядей, i) двоюроднымъ братомъ, k) супругомъ и соотвѣтственно тѣми же степенями родственниковъ въ женской линіи. Не было ихъ на лицо, имущество становилось выморочнымъ и какъ таковое переходило въ казну. То же имѣло мѣсто и въ томъ случаѣ, когда наличные наследники не могли забрать всего имущества, такъ какъ право наследованія ихъ было ограничено только частью его²⁾. Это

¹⁾ Minhadj, livre XXVIII. Tornaou, Droit musulman, стр. 259. Далгать, семейные дзлежи по смерти отца.

²⁾ La doctrine primitive de notre rite n'appelait point à la succession les cognats et même, selon cette doctrine les hérétiques indiqués dans le Coran ne pouvaient jamais obtenir plus que leurs patrons de terminées.

правило не находить болѣе примѣненія въ большинствѣ странъ, занятыхъ послѣдователями шафайтскаго ученія, но оно доселѣ въ точности соблюдается въ Дагестанѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ разбора доставленныхъ намъ свѣдѣній о порядкѣ наследованія, какого придерживаются жители аула Урахи, расположеннаго въ даргинскомъ округѣ.

«Если, говорить г. Далгатъ въ своихъ отвѣтахъ на посланные ему запросы, у умершаго нѣтъ ни жены, ни дѣтей, то наследниками являются—его братья и сестры, а за отсутствіемъ ихъ—сыновья и дочери братьевъ или внуки и внучки. Нѣтъ и ихъ на лицо,—имущество переходитъ къ обществу»¹⁾).

Ни майората, ни минората въ Дагестанѣ не знаютъ, какъ неизвѣстенъ также раздѣлъ наследства между сыновьями, со-

Il en résultait qu'à défaut d'autres ayants droit, l'excédant de la succession devoit toujours échoir à l'Etat. On appelle cognats tous les parents et parentes, exception faite des heretiers légitimaires (Minhadj, т. II, стр. 225).

¹⁾ Для сравненія съ только что приведенными положеніями шариата, я приведу слѣдующія извлеченія изъ записки г. Далгата: «Если по смерти отца осталось четыре сына и три дочери, то сыновья получаютъ по двѣ части, а дочери по одной». Если сверхъ сыновей и дочерей, у покойника осталась жена, отецъ и мать, наследство дѣлится такъ: $\frac{1}{6}$ получаетъ дѣдъ, $\frac{1}{6}$ бабка, $\frac{1}{8}$ женѣ, все же остальное дѣлится между дѣтьми. при чемъ сыновья получаютъ вдвое болѣе чѣмъ дочери. Если по смерти отца сыновей вовсе не осталось, то все имущество дѣлится между дочерьми его, ихъ бабушкой и дѣдушкой по отцу, матерью ихъ, сестрами и братьями умершаго; а если у умершаго братьевъ и сестеръ вовсе нѣтъ, то—племянники и племянницы. Если у умершаго осталась только одна дочь, то она получаетъ половину всего наследства, а остальное дѣлится между прочими дальнѣйшими родственниками. Осталось же у него нѣсколько дочерей, то имъ всѣмъ вѣсть отдается $\frac{2}{3}$ всего имущества *), а остальное идетъ на прочихъ наследниковъ. Мужъ послѣ бездѣтной жены получаетъ $\frac{1}{2}$, а при дѣтяхъ $\frac{1}{4}$. Бездѣтная вдова изъ имущества мужа получаетъ $\frac{1}{4}$, а няющая дѣтей $\frac{1}{8}$. Если у умершаго нѣтъ ни жены, ни дѣтей, то ему наследуютъ его родители, братья и сестры. Внуку не наследуетъ, если у умершаго остались сыновья или дочери (т. е. право представительства въ этомъ случаѣ неизвѣстно). Не наследуетъ также и племянникъ, если у покойнаго есть братья.

*) Торнау ошибается, когда говорить, что шафайты допускаютъ раздѣлъ всего наследства между дочерьми, когда послѣдніе единственными

образна тому, въ какой мѣрѣ каждый участвовалъ въ накопленіи общаго имущества ¹⁾).

Шаріатъ высказывается въ пользу равнаго раздѣла наслѣдства между лицами въ равной степени родства, и это правило терпитъ въ Дагестанѣ лишь тѣ ограниченія, какія вызываются желаніемъ дать излишекъ неженатому сыну на предстоящую свадьбу или незамужней дочери на приданое.

Впрочемъ, и этотъ излишекъ назначается лишь тогда, когда раздѣлъ имѣетъ мѣсто при жизни или происходитъ на основаніи духовнаго завѣщанія.

Завѣщательное право.

Законовѣды школы Шафая устанавливаютъ различіе между дареніемъ при жизни (нугру) и на случай смерти (васіетъ). Первое не ограничено, второе не должно превышать трети имущества. Въ отличіе отъ другихъ толковъ, школа Шафая признаетъ за родителемъ и вообще за восходящими родственниками право взять назадъ сдѣланный ими даръ, разумѣется, только въ томъ случаѣ, если послѣдній не перешолъ еще въ собственность третьяго лица ²⁾). Лицо, находящееся при смерти, не вправе распорядиться болѣе, какъ третью своей собственности. Буде же оно выздоровѣетъ, распоряженіе его считается не дѣйствительнымъ. Но опасно больной можетъ сдѣлать дареніе всего, чѣмъ владѣетъ; дареніе остается въ силѣ даже въ томъ случаѣ, если бы онъ вскорѣ затѣмъ умеръ, но не отъ той болѣзни, которою страдалъ въ то время, когда дареніе было сдѣлано ³⁾).

Приведенные принципы надо имѣть въ виду при объясненіи

наслѣдницы. Minhadj постановляетъ какъ разъ обратное: дочерямъ достаются $\frac{2}{3}$, а остальная треть идетъ государству.

1) Такъ называемое трудовое начало въ раздѣлѣ наслѣдства, существованіе котораго и въ нашей крестьянской средѣ мнѣ кажется весьма сомнительнымъ (сравни Первобытное право, вып II), не извѣстно ни шаріату, ни дѣйствующему праву Дагестана. Я не прочь думать, что оно вообще извѣстно только некоторымъ изъ нашихъ народолюбцевъ.

2) Minhadj, livre XXIV. Tornaou. Droit musulman стр. 182, 183, 187.

3) Minhadj, кн. 29, section III.

того порядка, какого жители Дагестана обыкновенно придерживаются въ своихъ распоряженіяхъ на случай смерти. Эти распоряженія не столько являются завѣщаніями, сколько дареніями. Они касаются поэтому нерѣдко болѣе чѣмъ трети принадлежащей лицу собственности, подчасъ всего его имущества. Если отецъ распорядится своимъ состояніемъ и умереть раньше третьяго дня со времени составленія о томъ письменной записи, распоряженіе его не признается имѣющимъ законную силу¹⁾. Обыкновенно желающіе завѣщать свое имущество заявляютъ въ составленномъ ими письменномъ актѣ, что распорядились имъ за три дня до кончины. Они не рѣшаются назначить болѣе продолжительнаго, напримѣръ, годоваго срока между составленіемъ завѣщанія и смертью, такъ какъ въ противномъ случаѣ лицо, въ пользу котораго сдѣлано распоряженіе, могло бы принудить дарителя къ уступкѣ ему еще при жизни выговореннаго въ его пользу имущества.

Очевидно, что въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ дѣла съ завѣщаніемъ, а съ дареніемъ при жизни, что и дѣлаетъ возможнымъ распоряженіе этимъ путемъ одинаково всякой движимостью и недвижимостью въ произвольномъ притомъ размѣрѣ. Названіе, подъ которымъ извѣстны подобныя мнимыя завѣщанія — «Нузру». Форма, какой обязательно слѣдуетъ придерживаться при ихъ составленіи, сама указываетъ на то, что въ нихъ надо видѣть не завѣщаніе, а дареніе. Нельзя, говорить г-нъ Далгатъ, написать: «по моей смерти все мое имущество должно перейти къ сыну»;—выраженный въ такой формѣ актъ не имѣлъ бы силы; а слѣдуетъ писать: «я теперь же передаю сыну все мое имущество». — По ученію мусульманскихъ юристовъ не одной лишь школы Шафаи, завѣщанія имѣютъ силу не потому, что они изложены на письмѣ, а потому, что воля завѣщателя можетъ быть засвидѣтельствована двумя по меньшей мѣрѣ лицами мужскаго пола, которымъ онъ передъ смертью открылъ свои намѣренія²⁾. Неудивительно поэтому, если въ Дагестанѣ, въ которомъ арабская письменность хотя и болѣе

¹⁾ Далгатъ. — Отвѣтъ на 14 § программы для собиранія свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ.

²⁾ Tornau. Le droit musulman, стр. 188.

распространена, чѣмъ въ другихъ частяхъ Кавказа, тѣмъ не менѣе все же не составляетъ общаго достоянія,—замѣнявшія завѣщаніе «Нузру», или распоряженіе имуществомъ при жизни, были не письменными, а устными ¹⁾). Только со времени водворенія русскихъ въ Дагестанѣ, по прямому настоянію начальства, устные завѣщанія стали уступать мѣсто письменнымъ. Въ наше время составленіемъ ихъ завѣдуетъ націй и состоящіе при немъ судьи-помощники. Но правило о дѣйствительности завѣщаній только подъ условіемъ передачи воли покойнаго двумъ лицамъ мужскаго пола продолжаетъ держаться по прежнему въ требованіи, чтобъ письменный актъ, излагающій волю дарителя, былъ скрѣпленъ подписью двухъ свидѣтелей. Никакихъ особыхъ душеприкащиковъ завѣщатель не назначаетъ. Ихъ обязанности исполняютъ свидѣтели совмѣстно съ обоюднаго согласія.

Завѣщателями могутъ быть одинаково мужчина и женщина. Въ отличіе отъ другихъ толковъ, послѣдователи Шафан не требуютъ, чтобы завѣщатель былъ совершеннолѣтнимъ ²⁾); необходимо только одно, чтобы онъ имѣлъ самостоятельное, отдѣльное отъ отца имущество; а такъ какъ невыдѣленный сынъ такого имущества не имѣетъ, то въ Дагестанѣ онъ лишенъ возможности дѣлать завѣщаніе.

Такъ какъ въ Дагестанѣ мѣсто завѣщанія занимаетъ дареніе и такъ какъ дарить можно только въ собственность, то понятнымъ становится происхожденіе слѣдующаго правила: лицо, передающее кому либо свое имущество, не можетъ стѣснить его воли въ распоряженіи этимъ имуществомъ, выставляя, напримѣръ, требованіе, чтобы часть имущества пошла на покрытіе издержекъ по похоронамъ, на свадьбу или въ приданное дочери, или иной родственницы завѣщателя.

Путемъ такихъ дареній при жизни, «нузру» исполняютъ

---

¹⁾ Обрядъ совершенія нузру не требуетъ никакихъ формальностей, кромѣ простаго произнесенія передъ двумя свидѣтелями или передъ клядѣмъ нѣсколькихъ словъ о томъ, что такимъ-то передано по нузру такое-то имѣніе такому-то (Сбор. свѣд. о Кавк. горц., вып. V. — Горская автопись, стр. 5.),

²⁾ Tornau, стр. 187

то же назначеніе, какое въ другихъ странахъ принадлежитъ завѣщанію; дагестанскій отецъ въ состояніи измѣнить тотъ порядокъ раздѣла имущества, какой установленъ законодательствомъ о наслѣдованіи. Онъ можетъ дать дочерямъ равныя съ сыновьями доли или совершенно обойти ихъ и передать все имущество своимъ внукамъ, сыновьямъ дочери. Онъ можетъ также обдѣлить сестру въ пользу ея сына-племянника и на самомъ дѣлѣ весьма часто дѣлаетъ это. Онъ можетъ дать долю въ наслѣдствѣ при живыхъ сыновьяхъ внуку, отецъ котораго умеръ до открытія наслѣдства, т. е. установить въ ихъ пользу право представленія, но онъ можетъ также искусственно создать майоратъ или единонаслѣдіе, — одарить одного изъ своихъ сыновей, все равно — старшаго ли, средняго, или младшаго или обойти всѣхъ ихъ и оставить все дочерямъ.

Важнѣйшіе авторитеты шафайтскаго толка единогласно высказываются въ пользу дѣйствительности всѣхъ подобнаго рода распоряженій по нузру. Одинъ изъ нихъ Нашири задается вопросомъ, законенъ ли нузру въ пользу одного изъ дѣтей и въ ущербъ остальнымъ и отвѣчаетъ, что законенъ. Въ томъ же смыслѣ высказывается и Ибнъ-Ходжа. Другой шафайтскій законвѣдъ Рамали говоритъ: «мы видимъ на опытѣ, что нѣкоторыя лица дѣлаютъ пожертванія въ пользу дѣтей мужскаго пола или внуковъ съ цѣлю лишить дочерей наслѣдства — и, по моему мнѣнію, это можно считать позволительнымъ». Уже упомянутый нами Нашири высказывается также въ пользу признанія дѣйствительнымъ нузру, которымъ дочь передала бы сполна всю свою собственность дѣтямъ, не взирая на право наслѣдованія въ немъ отца ¹⁾.

Легко понять въ какую коллизію должно было вступить право распоряженія собственностью по нузру съ правами законныхъ наслѣдниковъ. Секретарь Шамиля, Ампръ-Ханъ, въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ намъ послѣдствія, къ какимъ вела неограниченная свобода дѣлать подобнаго рода «нузры». Зажиточный человекъ, не имѣвшій дѣтей, говоритъ онъ, охотно

¹⁾ См. Полемику дагестанскихъ ученыхъ по вопросу объ отчужденіи собственности по нузру. — Сборникъ свѣдѣній о Кавказ. горц., вып. V, стр. 15, 25 и 27.

отдавалъ по «нузру» все свое имѣніе матери, дочери или женѣ, не оставляя ничего родственникамъ мужскаго пола—братьямъ, дядимъ и т. д. — Жители Дагестана охотно обращались къ «нузрамъ» еще и съ другою цѣлю — избѣжать платежа причитающагося съ нихъ долга. «Когда, говоритъ Амиръ-Ханъ, кто-нибудь присуждаемъ былъ къ удовлетворенію другаго изъ своего имущества, онъ спѣшилъ сдѣлать (заднимъ числомъ конечно) нузръ въ пользу одного изъ своихъ родственниковъ или жены», другими словами переводилъ имѣніе на чужое имя³⁾.

Чтобы защитить права законныхъ наслѣдниковъ и сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее злоупотребленіе нузрами со стороны недобросовѣстныхъ должниковъ, Шамиль, на правахъ имама, собралъ въ Аваріи съѣздъ дагестанскихъ ученыхъ и предложилъ имъ принять мѣры къ ограниченію права дѣлать «нузры». Два основанія могли быть выдвинуты противъ безусловной свободы подобныхъ распоряженій. Во 1-хъ, то, что въ одномъ изъ «гедисовъ», или изреченій Магомета, записанныхъ его современниками, пророкъ высказывается открыто противъ обездоливанія однихъ законныхъ наслѣдниковъ въ пользу другихъ. Услышавъ однажды отъ одного изъ окружавшихъ его желаніе дать одному сыну больше другаго, Магометъ замѣтилъ, «что не желалъ бы быть свидѣтелемъ такого акта»⁴⁾. Отсюда возможность такого заключенія: нузръ не долженъ служить средствомъ къ обходу порядка законнаго наслѣдованія.

2) Но противъ неограниченной свободы нузровъ можно было выставить и ту цѣль, которая на первыхъ порахъ вызвала ихъ къ жизни — а эта цѣль была не иная, какъ дать богоугодное употребленіе своему имуществу, почему старинные законовѣды шафаятскаго толка и вводятъ въ понятіе нузра, «желаніе угодить Богу». Выраженіе «для Бога», т. е. чтобы сдѣлать угодное Богу, обыкновенно, хотя и не всегда, сопровождается поэтому способъ распоряженія имуществомъ по нузру⁵⁾.

1) Ibid. Письмо Амиръ-Хана къ князю Джорджадзе, начальнику съвернаго Дагестана отъ 20 мая 1870 г.

2) Tognau. Le droit musulman, стр. 183.

3) Шафаятскіе авторитеты признають дѣйствительность нузра и тогда,

Но обращеніе къ нузру съ цѣлью избѣжать платежа долга или лишить наслѣдника его законной доли, очевидно не могутъ быть подведены подъ категорію дѣйствій, дѣлаемыхъ изъ желанія угодить Богу. Оба основанія къ ограниченію свободы распоряженій по нузру выдвинуты были Шамилемъ въ его обращеніи къ дагестанскимъ законовѣдамъ: «Если человѣкъ, сказалъ онъ, въ продолженіе семидесяти лѣтъ идетъ по стопамъ вошедшихъ въ рай и поступитъ затѣмъ противно закону въ своемъ завѣщаніи, то онъ будетъ осужденъ въ будущей жизни и войдетъ въ адъ. Кто лишить кого-либо доли наслѣдства, установленной Богомъ, того Богъ лишить наслѣдства въ раю. Нѣтъ нузра тамъ, гдѣ есть преступленіе заповѣди Божіей— только то можетъ считаться нузромъ (нузръ буквально значитъ обѣтъ), посредствомъ чего человѣкъ надѣется увидать Лицо Божіе» ¹⁾. Дагестанскіе ученые высказались въ пользу отѣны нузровъ и допущенія ихъ только въ слѣдующемъ случаѣ, когда нузръ, по выраженію Амиръ-Хана, совершается съ цѣлью угодить Богу, какъ, напримѣръ, нузръ, дѣлаемый въ пользу внука, отецъ котораго умеръ не получивъ наслѣдства, съ тою цѣлью, чтобы дяди его не воспользовались всѣмъ наслѣдствомъ.

Отѣна неограниченной свободы дѣлать нузры признана была уже многими изъ современниковъ Шамиля «лучшимъ его дѣломъ»; но она далеко не примирила съ собою и въ наши дни всѣхъ дагестанскихъ законовѣдовъ. Одни послѣдователи «тарриката» открыто заявляютъ себя приверженцами того воззрѣнія, что, «если побудительныя причины нузра не будутъ заключаться въ желаніи совершить дѣло, угодное Богу, а, напротивъ, въ желаніи пресѣчь наслѣдство или лишить заимодавца возможности получить долгъ, нузръ долженъ считаться недѣйствительнымъ» ²⁾.

Особый видъ распоряженій на случай смерти составляютъ въ

когда въ немъ отсутствуютъ выраженія «для Бога или по закону его». (Ibid., стр. 11).

¹⁾ Ibid, стр. 39. См. также о Низамѣ Шамиля (Сб. св. о кавк. горц., вып. II, стр. 5 и 18).

²⁾ Мавніе Мухаммедъ Тагира Карахскаго—кадія дагестанскаго народнаго суда. (Ibid, стр. 24). Противоположный взглядъ представляетъ въ наши дни акашискиимъ ученымъ Адживъ-Али.

Дагестанѣ, какъ и во всемъ мусульманскомъ мѣрѣ, такъ называемые «вакуфы» или «вакфы», т. е. «пожертваніе» собственнаго имущества въ пользу родственника или чужеродца, но такъ, чтобы надѣляемый имѣлъ лишь право пользованія, а не собственности. Путемъ вакуфовъ производится передача имущества въ наследственное владѣніе—отъ сына къ внуку и далѣе въ прямой нисходящей линіи. Данное въ вакуфъ имущество не можетъ подвергнуться отчужденію. По своему юридическому характеру, вакуфы приближаются къ англійскимъ «*entails*», а также къ «нашимъ заповѣднымъ имѣніямъ». Законовѣды школы Шафаи въ отличіе отъ другихъ считаютъ возможнымъ установленіе такихъ вакуфовъ какъ на недвижимую, такъ и на движимую собственность. Рядомъ съ свѣтскими вакуфами существуютъ и духовныя. Обыкновенный порядокъ надѣленія мечетей землями есть установленіе въ ихъ пользу такихъ вакуфовъ. Съ помощью ихъ имущество можетъ быть также навсегда предназначено для служенія бѣднымъ, иначе говоря, для цѣлей благотворительности. Вакуфы могутъ быть также устанавливаемы въ пользу «сосѣдей». Подъ сосѣдями, говоритъ Мингаджъ, слѣдуетъ разумѣть жителей сорока дворовъ, расположенныхъ во всѣхъ направленіяхъ—постановленіе, которое, очевидно, не слѣдуетъ принимать буквально, а какъ выраженіе той мысли, что всѣ жители одного съ дарителемъ общества считаются его сосѣдями. Дагестанцы даютъ такое именно толкованіе только что приведенному тексту и, прилагая его на практикѣ, нерѣдко съ помощью установленія вакуфа оставляютъ въ пользу аула, гдѣ они жили, тотъ или другой участокъ пахотной земли или луга, который съ этого момента становится общей собственностью всего села.

ГЛАВА IV.

Уголовное право Дагестана.

Кровная месть.

Ни одна сфера правовой жизни Дагестана не представляет доселѣ такого широкаго господства обычая, какъ уголовная, а между тѣмъ ни въ одной вліяніе шаріата не могло бы быть и на самомъ дѣлѣ не является болѣе благотворнымъ. Воздѣйствіе его на адаты не только въ состояніи оказать, но и оказало уже при имамахъ свое смягчающее вліяніе, если не совершеннымъ устраненіемъ, то по крайней мѣрѣ существеннымъ ограниченіемъ начала родоваго самосуда и кровнаго возмездія, а также проведеніемъ въ народное право чуждаго ему воззрѣнія. что преступность лежитъ не столько въ матеріальномъ вредѣ, причиняемомъ частному лицу, семьѣ или роду тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ, сколько въ злой волѣ виновника. Шаріату обязаны жители Дагестана, какъ мы сейчасъ увидимъ, первоначальнымъ установленіемъ въ ихъ средѣ ученія объ умыслѣ, о пособничествѣ и покушеніи, объ увеличивающихъ и уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, о простыхъ и квалифицированныхъ видахъ преступленій, о случаяхъ и неосторожности. Самое понятіе наказанія, какъ чего-то отличнаго отъ частнаго возмездія и частнаго вознагражденія, не имѣетъ въ этой странѣ иного источника. Восполняя постановленія адата, шаріатъ впервые призналъ характеръ преступности за дѣйствіями, совершен-

ніе которыхъ не связано съ матеріальнымъ вредомъ, но зло-
вредность которыхъ сказывается въ оскорбленіи ими религіоз-
наго и нравственнаго чувства. Преступленія противъ вѣры, а
также нѣкоторые изъ видовъ преступленій противъ нравствен-
ности всецѣло созданы имъ однимъ.

Объясненіе тому, что, при всей своей противоположности съ
адатомъ, шаріатъ все же въ состояніи былъ привить отдѣль-
нымъ народностямъ Дагестана многія изъ основныхъ чертъ сво-
его ученія, надо искать, по нашему мнѣнію, въ томъ обсто-
ятельствѣ, что это ученіе не идетъ непосредственно въ раз-
рѣзъ съ обычаями, а представляетъ только позднѣйшую сту-
пень въ его развитіи. Вѣрность этого положенія въ примѣненіи
къ гражданскому праву вѣроятно будетъ признана тѣми,
кто прочелъ предшествующія главы настоящаго труда. Напом-
нимъ здѣсь только для примѣра совпаденіе мусульманскаго за-
кона и дагестанскаго обычая по такимъ вопросамъ, какъ су-
щество брачнаго договора, власть мужа и отца, самостоятель-
ность женнаго имущества, одностороннее право мужа на от-
пущеніе жены и на разводъ съ нею, допущеніе одного порядка
законнаго наследованія и подведеніе завѣщанія подъ категорію
простыхъ дареній. Существованіе такого же совпаденія основ-
ныхъ началъ шаріата и адата въ области уголовного права
должно еще быть доказано и къ этому именно доказательству
мы и приступимъ въ настоящее время.— Народный обычай Да-
гестана стоитъ доселѣ на ступени частнаго возмездія за пре-
ступленія. Но того же начала придерживается и шаріатъ и въ
частности распространенное въ Дагестанѣ ученіе Шафая. От-
правляясь отъ толкованія одного изъ приписываемыхъ пророку
изрѣченій:— кто испыталъ огорченіе,—расправляется самъ и воз-
дастъ за зло равнымъ зломъ,—магометанскіе законовѣды еди-
ногласно признають, что жизнь лица пролившаго кровь принад-
лежитъ родственникамъ его жертвы въ силу такъ называемой
кровной мести (*kesos*) ¹⁾. «Путеводитель ревнителей» (Мин-
гаджъ) допускаетъ личное возмездіе во всѣхъ случаяхъ умыш-
ленныхъ преступленій. Но онъ требуетъ, чтобы размѣръ при-

¹⁾ Tornau: Le droit musulman, стр. 300.

чиняемаго преступнику вреда былъ бы равенъ полученному отъ него: за смерть отомщается смертью же, за пораненіе—раною одинаковой длины, ширины и глубины съ тою, какая была нанесена. Народный обычай допускаетъ замѣну «крови» плателемъ, но тоже дѣлаетъ и шариать. По неумышленнымъ преступленіямъ, согласно своду Навави, отвѣтственность сводится къ платежу одного лишь «дѣта» или выкупа ¹⁾.

Итакъ, кровная месть и платежъ выкупа—начала равно приущія какъ народному обычаю, такъ и писаному закону мусульманъ. Все уголовное право ихъ представляетъ не болѣе, какъ послѣдовательное примѣненіе начала равнаго возмездія, иначе говоря—того *jus talionis*, источникъ котораго Магометъ нашелъ въ законодательствѣ Моисея.

Неудивительно послѣ этого, если, отправляясь отъ одной и той же основной точки зрѣнія, шариать и адаты обнаруживаютъ ту способность взаимнаго проникновенія, которой совершенно лишено чуждое бытовымъ условіямъ Кавказа русское законодательство. Современный обычай дагестанскихъ горцевъ уже настолько проникся началами шариата, что изслѣдователю на каждомъ шагу приходится ставить себѣ вопросъ, въ какой мѣрѣ тотъ или другой адаты есть продуктъ самостоятельнаго юридическаго творчества народа или простое отраженіе постановленій писанаго права. Для сужденія объ этомъ недостаточно одного присутствія проводимыхъ имъ правилъ въ трактатахъ мусульманскихъ законовѣдовъ. Писаное право, какъ мы видѣли, отправляется отъ тѣхъ же началъ, что и обычное, и потому совпаденіе частныхъ нормъ того и другаго не является невозможнымъ. Единственный надежный критерій въ данномъ случаѣ есть тотъ, какой даетъ намъ сравнительно-историческое изученіе исходныхъ моментовъ въ развитіи уголовного права вообще. Обращеніе къ нему потребуетъ паралельнаго изученія древнихъ законодательствъ и современныхъ обычаевъ, насколько тѣ и другія заключаютъ въ себѣ переживанія того отдаленнаго періода гражданственности, при которомъ совершалось зарож-

¹⁾ См. «Отвѣтственность за убійство и пораненіе по шариату» въ сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. VIII.

деніе основныхъ юридическихъ понятій—и въ томъ числѣ понятія преступленія и наказанія. Этой эпохой, какъ извѣстно, была эпоха родового быта. Слѣдовательно, въ законахъ и обычаяхъ обществъ, живущихъ родовыми союзами, надлежитъ намъ искать указаній на счетъ характерныхъ чертъ древнѣйшаго уголовного права, а эти черты въ своей совокупности и послужать намъ критеріемъ при опредѣленіи народныхъ началъ и позднѣйшихъ заимствованій изъ писанаго права, какія представляютъ современные уголовные адаты Дагестана.

Исторія уголовного права, какъ мы сейчасъ сказали, открывается эпохою господства родовыхъ сообществъ. Будутъ ли эти сообщества устроены на началѣ материнскаго родства, или на началѣ агнатическомъ, они равно являются какъ личными, такъ и имущественными союзами. Владѣніе сообща соединяется въ нихъ нерѣдко съ общинной эксплуатаціей имущества и съ совмѣстной жизнью ближайшихъ родственниковъ, образующихъ изъ себя большую нераздѣльную семью.

Совмѣстная жизнь съ родственниками, при общности производства и потребленія, причина тому, что въ эпоху господства кровныхъ отношеній индивидуализмъ—явленіе неизвѣстное. Ни одно дѣйствіе, могущее имѣть юридическія послѣдствія, не совершается отдѣльнымъ лицомъ безъ вѣдома его близкихъ: дѣлаетъ ли частный человекъ какое либо заявленіе на судѣ, онъ подтверждаетъ свою клятву клятвою своихъ родственниковъ; вступаетъ ли онъ въ бракъ, онъ отъ тѣхъ же родственниковъ ждетъ уплаты слѣдующаго за невѣсту калыма или помощи при ея увозѣ; его охота на животныхъ и людей—единственно извѣстная ему занятія—также производится не особнякомъ, а при участіи и поддержкѣ со стороны его единокровныхъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, являются ежечасными свидѣтелями его дѣяній, и по отношенію къ нимъ выступаютъ если не въ роли прямыхъ подстрекателей и пособниковъ, то по крайней мѣрѣ въ роли попустителей и укрывателей. Это обстоятельство побуждаетъ одного изъ древнѣйшихъ кодификаторовъ юридическихъ обычаевъ Дагестана (я разумѣю кайтагскаго уцмія Рустема-Хана), включить въ свой сборникъ, между прочимъ, слѣдующее характерное постановленіе: «если родственники замѣтятъ кого либо

въ дурныхъ поступкахъ. — они должны его убить; въ противномъ случаѣ отвѣчаютъ за все противузаконно имъ содѣянное»¹⁾. При томъ тѣсномъ общеніи, какое связываетъ между собою членовъ одного кровнаго союза, неудивительно, если ихъ общество, въ частности, является союзомъ круговой поруки, при которой всѣ отвѣчаютъ за одного и всѣ одинаково извлекаютъ свои выгоды изъ того, что сдѣлано каждымъ членомъ въ отдельности. Отсюда тотъ необходимый выводъ, что преступное дѣйствіе, совершенное однимъ изъ родни, даетъ право мстить всѣмъ и каждому изъ его членовъ, и что, съ другой стороны, матеріальный вредъ, причиненный одному, считается вредомъ причиненнымъ всѣмъ, и всѣмъ одинаково даетъ право на мечь. Въ древнихъ сводахъ, одной изъ задачъ которыхъ является замѣна мести выкупами, нельзя уже встрѣтить указаній на право рода убитаго обратитъ свою мечь на любого изъ членовъ одного съ обидчикомъ кровнаго союза. Но память о немъ продолжаетъ держаться въ требованіи, чтобы, въ случаѣ бѣгства виновника убійства, причитающаяся съ него вира была выплачена потерпѣвшему роду оставшимися на лицо родственниками бѣглеца.

Въ кельтическихъ и скандинавскихъ источникахъ можно найти не одинъ фактъ для иллюстраціи этой мысли. Въ одномъ изъ сборниковъ судебныхъ рѣшеній ирландскихъ посредниковъ или брегоновъ мы читаемъ: «вся семья преступника подлежитъ преслѣдованію; вся семья обязана совершить платежъ, причитающійся за преступленіе въ случаѣ бѣгства преступника», а подъ семьею разумѣется, какъ видно далѣе изъ того же текста, не малая, а большая семья, въ составъ которой входятъ братья и отецъ. Нѣтъ ея на лицо, продолжаетъ цитируемый нами источникъ, отвѣтственность падаетъ на дальнѣйшихъ родственниковъ, проходя черезъ всѣ тѣ группы родства, какія признаетъ ирландское право²⁾.

1) Текстъ этого сборника помѣщенъ ген. Комаровымъ въ приложеніи къ его статьѣ: адаты и судопроизводство по нимъ (стр. 87), вып. I, сб. св. о кавк. горц.

2) «Every family is suable. Every family is liable to pay after the evasion of a criminal; when he has no «deirbhíne» division, the «ta-

Въ древнѣйшемъ шведскомъ правѣ и въ частности въ правѣ вестроготовъ отвѣтственность за убійство со стороны всего рода и не только отеческаго, но и материнскаго, сказывается въ томъ, что на ряду съ *argvæbot*, пенею платимою самимъ преступникомъ, оно признаетъ еще такъ называемый *ættarbot*, въ платежъ которой наравнѣ съ наслѣдникомъ убійцы участвуютъ три родственника со стороны отца и такое же число родственниковъ со стороны матери ¹⁾. Участіе отцовской и материнской родни въ платежъ выкупа извѣстно также древнему датскому праву ²⁾, а что оно было общимъ правиломъ у всѣхъ вообще древнихъ германцевъ, это слѣдуетъ изъ хорошо извѣстнаго текста Тацита: получаетъ вознагражденіе за убійство, а, слѣдовательно, соотвѣтственно и платитъ его весь дворъ (*universa domus*) ³⁾, а также изъ того, что у Саксовъ въ отищеніи участвовали родственники до седьмой степени включительно ⁴⁾.

Въ обычномъ правѣ горскихъ народностей Кавказа отвѣтственность всѣхъ родственниковъ за преступленіе, совершенное однимъ изъ ихъ среды, продолжала держаться до послѣдняго времени во всей своей архаичности. Говоря это, я разумѣю, что мечь могла быть направлена противъ любого изъ членовъ одного съ обидчикомъ рода. Съ особенной наглядностью этотъ фактъ выступаетъ въ бытѣ черкесовъ кубанской области, у которыхъ, не далѣе, какъ въ 1849 году, по словамъ барона Стала, въ случаѣ убійства, «родъ мститъ роду, аулъ—аулу» ⁵⁾. Въ на-

dibhfine division bears it (theliability), or an iarfine division (Of the judgment of every crime) Ancient laws of Ireland, VI, 243. Объясненіе терминовъ, выражающихъ различныя группы родственниковъ см. у Skene. History of the Kingdom of Alban, т. III и у Dareste. Etudes d'histoire du droit, стр. 373.

1) Lois de Vestrogotie, trad. Beauchet, livre II (Revue hist. de droit français et étranger, Mars-Avil, 1887, n. 2, p. 216).

2) L'amende du meurtre, говорятъ Dareste, se paye en trois fois, mais le coupable ne supporte qu'un tiers de chaque paiement. Les deux autres, tiers sont fournis, l'un par les parents paternels, l'autre par les parents maternels. Reciproquement l'amende payee ne profite que pour un tiers au plus proche heretier du defunt (Dareste, p. 315).

3) Tacitus. Germania, cap. 21.

4) Lex Saxonum, II, 6.

5) Леонтовичъ. Адамы кавказскихъ горцевъ, т. I, стр. 165.

стоящее время «кровью за кровь отвѣчаетъ только семейство убійцы». Въ концѣ прошлаго столѣтія кровомщеніе носило точно такой же родовой характеръ и у осетинъ, какъ видно изъ слѣдующаго показанія Рейнегса, не разъ посѣтившаго занимаемая этой народностью ущелья: «Слѣдуя старинному обыкновению, семья потерпѣвшаго ищетъ возмездія и осуществляетъ его не рѣдко на отдаленнѣйшемъ родственникѣ убійцы (*bis ins tausendste glied*, читаемъ мы въ текстѣ) ¹⁾. По адатамъ чеченцевъ, родственникамъ убитаго равно предоставляется убить въ отмщеніе самого убійцу или какого-либо изъ его родственниковъ ²⁾. Ингуши допускаютъ примѣненіе кровной мести къ роднымъ братьямъ, дядямъ и племянникамъ убійцы, но исключительно по мужской линіи ³⁾.

Въ связи съ только что приведенными фактами становится понятнымъ, что чѣмъ больше число лицъ, которыхъ адаты признаетъ подлежащими кровомщенію или такъ называемыми канліями, чѣмъ ближе онъ стоитъ къ признанію родоваго характера возмездія, тѣмъ большее право имѣемъ мы утверждать, что въ его постановленіяхъ слѣдуетъ видѣть буквальное отраженіе народныхъ началъ, свойственныхъ всякому обществу переживающему родовой періодъ своего развитія. Но въ этомъ отношеніи обычаи отдѣльныхъ дагестанскихъ обществъ значительно рознятся между собою. Тогда какъ въ магалахъ Гангъ, Гапшъ и Мюра, расположенныхъ въ Верхнемъ Кайтагѣ, число родственниковъ, подлежащихъ наравнѣ съ убійцею кровомщенію обиженнаго рода, достигаетъ цифры семи человекъ ⁴⁾, въ Каракайтагѣ число ихъ не превышаетъ четырехъ ⁵⁾, въ Сѣверной Табасарани—трехъ ⁶⁾, въ Магалѣ Гамринскомъ и селеніи Башлы—одного ⁷⁾, а въ самурскомъ округѣ родовому возмездію подвергается исключительно одинъ виновникъ преступленія ⁸⁾.

1) Reineggs, I-er B, S. 221.

2) Леонтовичъ. Адаты, т. II, стр. 93.

3) Ibid., стр. 148.

4) Адаты южно-даг. обществъ (сб. св. о Кавк. горц., в. VIII, стр. 23).

5) Ibid., стр. 42.

6) Ibid., стр. 30.

7) Ibid., стр. 51.

8) Ibid., стр. 63.

Перечисленные нами аулы принадлежать безразлично къ числу южно-дагестанскихъ обществъ. Въ даргинскомъ округѣ можно отмѣтить не меньшее разнообразіе въ рѣшеніи вопроса, кто на ряду съ виновнымъ можетъ быть объявленъ канліемъ или подлежащимъ кровомщенію. Всего чаще шесть ближайшихъ родственниковъ лица, виновнаго въ убійствѣ или увозѣ женщины, объявляются «канлы» и въ отличіе отъ преступника, признаваемаго главнымъ канліемъ (башъ-канлы), именуется малъ или иль-канлы. Право же кровомщенія признается въ этомъ случаѣ за всѣми родственниками убитаго ¹⁾. Но въ акутинскомъ, михахинскомъ и мучинскомъ обществахъ виновный въ убійствѣ одинъ дѣлается канлы и никакого малъ-канлы не назначается ²⁾. Въ уралинскомъ обществѣ число малъ-канлы равняется тремъ, при чемъ ими могутъ быть и женщины, если онѣ принадлежатъ къ ближайшимъ родственницамъ преступника; если послѣдній женатъ, первой въ число малъ-канлы назначается жена ³⁾. Въ цахурскомъ же обществѣ «вмѣстѣ съ преступникомъ считается канлы и все семейство его, живущее въ одномъ съ нимъ домѣ; оно подвергается кровомщенію родственниковъ убитаго наравнѣ съ самимъ убійцею» ⁴⁾.

Переходя къ горскимъ ауламъ Дагестана, мы въ аулахъ андійскаго округа и нѣкоторыхъ селеніяхъ унцукульскаго общества (гунибскаго округа) встрѣчаемся съ правиломъ, по которому все семейство убійцы, наравнѣ съ нимъ, попадаетъ въ канлы ⁵⁾. Въ казикумухскомъ округѣ вмѣстѣ съ убійцею въ канлы входитъ одинъ ближайшій родственникъ ⁶⁾. Въ аварскихъ же, дидайскихъ и капучинскихъ обществахъ, а также на протяжении всего закатальскаго округа, отвѣтственность убійцы

1) Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ, выпускъ 7, стран. 15 и 16.

2) Ibid., стр. 34, 47, 61.

3) Ibid., стр. 85.

4) Ibid., стр. 113.

5) Сборникъ адатовъ гунибскаго округа въ рукописи, сохраняемой при окружномъ управленіи. Сборникъ адатовъ, существующихъ между жителями андійскаго округа (1865 г.) въ рукописи.

6) Сборникъ адатовъ казикумухскаго округа (1865 г.), въ рукописи.

уже является чисто личной и въ канлы выходить поэтому онъ одинъ ¹⁾.

Отмѣтимъ тотъ любопытный фактъ, что въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ мщенію наравнѣ съ виновнымъ подлежитъ и опредѣленное адатомъ число его родственниковъ, остальное родство не вполне освобождается отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ кровникамъ. «Въ селеніи Башлы, принадлежащемъ къ кайтагскому округу, до тѣхъ поръ пока убійца не уплатитъ, на правахъ задатка, такъ называемаго «шаріать-ахча», въ размѣрѣ трехъ рублей тридцати копѣекъ», т. е. не приступить къ частичному выполненію *obligatio et delicto*, «родственники убитого вправѣ убить перваго встрѣчнаго родственника убійцы» ²⁾. Въ Сѣверной Табасараніи, пока не будетъ указано какія лица должны идти въ канлы вмѣстѣ съ преступникомъ; «всѣ члены одного съ нимъ тохума или рода, безъ различія степеней, не должны показываться на глаза родственникамъ того, кто сдѣлался жертвою преступленія, подъ опасеніемъ быть убитыми» ³⁾. Когда же состоится выборъ лицъ, идущихъ въ канлы, всѣ остальные родственники убійцы обязаны прочесть «фатиха» (первую главу корана).

Въ этихъ фактахъ трудно не видѣть указанія на то, что первоначально кровомщенію, наравнѣ съ прямымъ виновникомъ преступленія, подлежали въ Дагестанѣ и всѣ члены одного съ нимъ рода.—Какія же, спрашивается, причины вызвали постепенное ограниченіе этого родового возмездія ближайшими родственниками, а затѣмъ совершенную замѣну его личной отвѣтственностью виновнаго. Если источникъ перваго лежитъ въ постепенномъ распаденіи родовъ на болѣе или менѣе численныя группы родственниковъ, сводныя семьи или семейныя общины,

---

1) См. сборникъ адатовъ аварскаго народа, составленный Калантаровымъ въ 1865-мъ году, рукопись;—см. также адаты, собранные въ іюль мѣсяцъ 1884 г. помощникомъ начальника гунибскаго округа кн. Андрониковымъ,—рукопись, хранящаяся въ Бейтѣ.—По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ полковникомъ Узбашевымъ, въ закятальскомъ округѣ мстять можно только виновнику преступленія, а не его родственникамъ.

2) Адаты южно-дагест. общ., стр. 57.

3) Ibid., стр. 20.

то второе, несомнѣнно, объясняется прямымъ воздѣйствіемъ шаріата. Въ мингаджѣ, въ томъ толкованіи его, которое пользуется въ Дагестанѣ всеобщимъ признаніемъ, прямо значится: «Убийца (а никому другому) мститъ смертью наслѣдующій убитому», (а не всѣ родственники послѣдняго), и далѣе: «Зараны, нанесенныя не случайно, виновые (а никто другой) подвергаются «киссасу», т. е. имъ въ отмщеніе наносятъ подобную же рану»¹⁾.

Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что установленіе начала личной отвѣтственности есть дѣло шаріата, а не адата. Тотъ фактъ, что оно выступаетъ въ полной силѣ въ тѣхъ частяхъ Дагестана, которыя наиболѣе проникнуты духомъ мусульманскаго ученія или издавна, подобно аварскимъ обществамъ, состояли въ подчиненіи у преданныхъ началамъ магометанства мѣстныхъ правителей или хановъ, какъ нельзя лучше согласуется съ фактомъ замѣны родовой отвѣтственности личной подъ вліяніемъ писанаго закона или шаріата.

На основаніи всего предыдущаго мы въ правѣ прийти къ слѣдующимъ выводамъ. При отсутствіи государственной власти, которое характеризуетъ собою древнѣйшее устройство Дагестана, населявшіе его родовые союзы (тохумы) придерживались началъ родового самосуда и неограниченнаго кровнаго возмездія. Развившаяся со временемъ политическая власть хановъ Уцмій султана подъ вліяніемъ шаріата постепенно сократила районъ дѣйствія кровной мести, ограничивъ его ближайшими родственниками преступника и его жертвы. Спрашивается теперь, гдѣ видѣть источникъ самой мести? Откуда могло возникнуть стремленіе искать не вознагражденія произведеннаго преступленіемъ вреда, а причиненія обидчику физическаго страданія? И какой характеръ носить самая эта мечь: является ли она чѣмъ-то вынуждаемымъ религіей, или нѣтъ, — чѣмъ-то обязательнымъ или добровольнымъ?

Вопросъ о происхожденіи мести—вопросъ метафизики, такъ

---

1) См. сравненіе нѣкоторыхъ статей уложенія о наказаніяхъ съ соответствующими постановленіями книгъ «Магали» (VIII. сб. св. о Кавк. горц.).

какъ онъ связанъ съ самымъ фактомъ возникновенія чувствъ мести. Исторіи права очевидно нечего задаваться имъ; ей остается признать это чувство, какъ фактъ, проявляющійся у людей, съ ихъ младенческаго возраста, побуждающій, напр., дѣтей наносить удары всему, что причиняетъ имъ физическую боль. Но отъ естественнаго чувства мести, свойственнаго въ такой же мѣрѣ животнымъ какъ и человѣку, до обязательности этой мести еще далеко, и возникаетъ поэтому вопросъ, существовала ли такая обязательность и, если существовала, то чѣмъ вызывалась? Вопросъ этотъ лежитъ, очевидно, уже внѣ сферы метафизики и можетъ быть рѣшенъ съ помощью имѣющагося въ нашемъ распоряженіи историческаго и этнографическаго матеріала.

Обращаясь къ послѣднему, мы находимъ, что у народовъ, живущихъ родовыми сообществами и практикующихъ культъ предковъ, считается позоромъ оставлять не отмщенными извѣстные виды дѣяній: убійство родственника, оскорбленіе семейной чести путемъ ли предлюбодѣнія или неуважительнаго отношенія къ предметамъ семейнаго культа, какъ-то: разрытіе могилъ предковъ или открытое оскорбленіе послѣднихъ обидными для нихъ символическими дѣйствіями въ родѣ посвященія имъ зарѣзываемыхъ собакъ и кошекъ—обряда, доселѣ соблюдаемаго многими горами Кавказа, и т. п.

Переходя къ историческимъ свидѣтельствамъ, мы и въ нихъ находимъ указаніе на обязательный характеръ мести; воздержаніе отъ нея считается дѣйствіемъ позорнымъ. Исландскія саги рассказываютъ, напр., о томъ, какъ одна мать дала пощечину сыну, медлившему въ осуществленіи мести за убійство отца. и какъ до самаго момента отмщенія сынъ получалъ отъ нея вмѣсто пищи камень.

Не фактическимъ отношеніемъ, а регулируемымъ путемъ обычая правомъ является мечь въ памятникахъ средневѣковаго законодательства. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи тѣ факты, какіе раскрываютъ предъ нами бытовые памятники фризовъ и аллеманскаго населенія Швейцаріи. Приведу для примѣра одинъ отрывокъ изъ сочиненія брабантскаго священника Томаса Бантипраитануса, середины XIII в. Съ древнѣйшихъ временъ го-

ворить этотъ писатель, фризы «in consuetudinem immanissimum habebant» другими словами считали обязательнымъ для себя обычаемъ, чтобы при убійствѣ человѣка трупъ его не подвергается былъ погребенію до тѣхъ поръ, пока въ отмщеніе за его смерть не будетъ убито нѣсколько или по крайней мѣрѣ одинъ человѣкъ изъ рода убійцы. Однохарактерныя свидѣтельства изъ позднѣйшей даже эпохи (XIV и XV столѣтій) дошли до насъ изъ Швейцаріи. Что касается до Англіи, то и въ ней, судя по хроникамъ Беды, месть въ саксонскій періодъ выступаетъ еще съ характеромъ какого-то регулируемаго обычая права. «Я могъ бы убить тебя, говоритъ въ передачѣ Беды одинъ англо-саксонскій старѣйшина, такъ какъ ты убилъ моего родственника». Не терпимымъ, а вполне законнымъ явленіемъ признаютъ месть и скандинавскіе источники. Исландскій грагасъ, древнѣйшее законодательство шведовъ и норвежцевъ, прилагаетъ къ ней тѣ самыя выраженія, какія употребительны для обозначенія правомѣрнаго дѣянія. Наконецъ, обращаясь къ нашему древнѣйшему своду и прочитывая первую его статью, мы находимъ въ словахъ: убьетъ мужъ мужа, то мститъ брату братъ, и т. д., — рѣшительное доказательство тому, что месть не только была терпима, но и допускалась по праву.

Остается еще вопросъ, была ли она обязательной по религиознымъ причинамъ, или нѣтъ? Изъ нѣмецкихъ писателей, Филиппсъ высказалъ тотъ взглядъ, что месть считалась обязательной по религиознымъ мотивамъ. Доказательство этому онъ видѣлъ въ томъ, что осуществляющій месть родственникъ въ самый моментъ ея совершенія призывалъ въ свидѣтели боговъ. Взглядъ Филиппса встрѣтилъ рѣшительный отпоръ въ Вилдѣ, и надо согласиться съ послѣднимъ, что въ германскихъ источникахъ не сохранилось данныхъ въ подтвержденіе взгляда о религиозномъ характерѣ мести. Объясняется это, разумѣется, тѣмъ, что самыя памятники, изъ которыхъ мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о кровной мести у германцевъ, относятся къ христіанской эпохѣ, когда духовенству удалось уже освободить обычай отъ тѣхъ вліяній, какія оказывали на него языческія вѣрованія. Взглядъ Филиппса, между тѣмъ, по существу своему вѣренъ, его можно подкрѣпить нѣкоторыми данными изъ быта

народностей, доселѣ живущихъ родовыми союзами и продолжающихъ придерживаться культа предковъ.

Въ сказаніяхъ кавказскихъ горцевъ какъ сѣвернаго, такъ и южнаго склона главнаго хребта часто упоминается о томъ, какъ отомстившій за смерть отца сынъ идетъ на его могилу. вырываетъ въ ней яму и, приложивъ лицо къ ней, говоритъ покойнику: «теперь ты можешь быть мною доволенъ, я отомстилъ за твою смерть». Нерѣдко также приходится слышать въ нихъ рассказъ о томъ, какъ тотъ или другой покойникъ въ сновидѣніяхъ являлся своему потомку, то требуя отъ него мщенія, то разрѣшая ему замѣнить мечь поминками. Всюду, гдѣ удержалось право мщенія, головы убитыхъ, а иногда ихъ руки считаются семейными трофеями и располагаются у главнаго входа въ саклю или же прибываютъ къ могиламъ убитыхъ. Мнѣ не разъ приходилось видѣть подобныя трофеи въ горныхъ обществахъ Дагестана у капучинцевъ и дидойцевъ, а также у ведшихъ съ ними почти непрекращающуюся войну хевсуръ, кистовъ и тушинъ. Во многихъ мѣстахъ обычай разрѣшаетъ замѣнить убійство отрѣзываніемъ праваго уха, которое затѣмъ и украшаетъ собою входъ въ главное помѣщеніе семьи. То обстоятельство, что, согласно показаніямъ генерала Комарова, въ старые годы отмщеніе производимо было обыкновенно или на мѣстѣ, гдѣ палъ убитый, или на его могилѣ, говоритъ намъ о томъ, что мстители ставили совершаемое ими возмездіе въ непосредственную связь съ судьбою покойника. Всего нагляднѣе, однако, религіозный характеръ мести,—возрѣніе на нее, какъ на обязательство живущихъ поколѣній по отношенію къ умершимъ,—выступаетъ изъ характера тѣхъ дѣйствій, какія предпринимаются убійцами съ цѣлью избѣжать кровомщенія. Въ траурной одеждѣ, съ опущенными волосами приходитъ на могилу убитаго имъ осетинскій убійца, производя при этомъ особый обрядъ самопосвященія, кифазаль-дисинъ, состоящій въ томъ, что онъ добровольно отдаетъ себя въ руки покойника, а послѣдній черезъ посредство потомка прощаетъ ему его обиду.

Обязательство мщенія, какъ чего-то вынуждаемаго религіей. въ частности—культуромъ предковъ, выступаетъ и въ требованіи, чтобы родственникъ не сразу соглашался на выкупъ, а послѣ

добровольнаго уничиженія себя обидчикомъ. Убийца обязательно долженъ покинуть свое прежнее мѣстопробываніе и, когда родственники его уговорятся насчетъ выкупа, въ скромномъ одѣяніи, съ поникшей головой, по цѣлымъ часамъ упрасивать «ищущаго крови», чтобы онъ принялъ предлагаемый имъ выкупъ, хотя бы на этотъ счетъ и состоялось уже предварительное соглашеніе. Отмѣчаю тѣмъ охотнѣе эту бытовую черту, что она встрѣчается и въ древнемъ правѣ нѣкоторыхъ германскихъ народностей. Скандинавскимъ Дривдамъ, напр., известно требованіе съ обидчика дополнительной пени за то, что онъ громко, во всеуслышаніе предлагалъ выкупъ родственнику обиженнаго имъ лица, вслѣдъ за нанесеніемъ имъ самой обиды.

Въ дагестанскихъ обществахъ мѣсть сохраняетъ доселѣ характеръ чего то обязательнаго, но подавленіе магометанизмомъ малѣйшихъ проявленій домашняго культа — культа предковъ причина тому, что ея религіозный источникъ не можетъ быть болѣе обнаруженъ. Какъ въ андійскомъ округѣ, такъ и въ аварскомъ, казикумухскомъ и самурскомъ — убійца обязательно долженъ покинуть свое мѣстожителства ¹⁾. Все имущество его разграбляется родственниками убитаго. Они разносятъ его жилище, вырубаютъ его садъ, уничтожаютъ всю его движимость, топчуть ногами своихъ лошадей его сѣнокосы и нивы. Преступникъ обязанъ жить въ изгнаніи, сдѣлаться абрекомъ до тѣхъ поръ, пока родственники убитаго не согласятся простить его, получивъ отъ него выкупъ. Домъ, въ которомъ жилъ убійца, не можетъ быть воздвигнутъ вновь до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ прощеніе ²⁾. Возможно, что родственники убитаго совершенно откажутъ въ немъ убійцѣ и въ такомъ случаѣ онъ умираетъ въ изгнаніи и самое тѣло его не можетъ быть погребено въ родной землѣ иначе, какъ съ разрѣшенія враждебнаго ему рода и каждый разъ подъ условіемъ производства особаго платежа ³⁾. Если вопреки запрещенію, канлы

---

¹⁾ Въ андійскихъ и нѣкоторыхъ анзускихъ обществахъ убійца не изгоняется изъ селенія, а до примиренія содержится безвыходно дома подъ наблюденіемъ сельскаго начальства. (Комаровъ, стр. 28).

²⁾ Рук. сб. адатовъ андшскаго округа.

³⁾ См. южн.-дагест. адаты, стр. 57.

снова появится на родинѣ, каждый изъ рода убитого вправѣ причинить ему смерть, не подвергаясь за это никакимъ невыгоднымъ для себя послѣдствіямъ. Общественныя власти налагаютъ особый штрафъ на того, кто до помилованія его родомъ убитого позволить себѣ снова показаться на глаза родственникамъ своей жертвы ¹⁾. Сами же родственники считаютъ себя обязанными убить его при встрѣчѣ. Чтобы избѣжать этой встрѣчи, они, по крайней мѣрѣ, въ даргинскомъ округѣ, обязаны, отправляясь въ ту деревню въ которой живетъ преступникъ, предупредить его о своемъ приходѣ и тѣмъ каждый разъ доставлять ему возможность скрыться. Если родственникъ убійцы зайдетъ въ такую деревню, не предупредивъ о своемъ приходѣ, сельское общество (джамаатъ) вправѣ заставить его заключить мировую съ канлы.

Не во всѣхъ, впрочемъ, аулахъ помилованіе канлы всецѣло поставлено въ зависимость отъ воли потерпѣвшаго рода. Во многихъ мѣстностяхъ обычай установилъ сроки, долѣ которыхъ не должно продолжаться изгнаніе. Такимъ срокомъ для виновника убійства является обыкновенно наступленіе четвертаго года со времени совершенія преступленія ²⁾; для тѣхъ же, кто сопровождаетъ его въ изгнаніе, будутъ ли это семья, одинъ или нѣсколько родственникововъ, обычнымъ срокомъ считается гдѣ полгода, а гдѣ и три мѣсяца, въ нѣкоторыхъ аулахъ достаточно и сорока дней со времени бѣгства ³⁾.

Въ случаѣ помилованія виновнаго родственниками убитого, канлы, одѣвшись въ саванъ съ привѣшенной къ боку шашкой, являлся одинъ или въ сопровожденіи стариковъ, обыкновенно

---

1) Если убійца, читаемъ мы въ сборникѣ адаатовъ Верхняго Кабача, до примиренія прійдетъ домой и о томъ узнаютъ его враги, то тотчасъ просятъ объ удаленіи его, а съ него или его родственникововъ выскиваютъ, за каждый проведенный имъ вечеръ, по одному быку. (Ibid., стр. 33). Удаленный за изнасилованіе замужней женщины, до примиренія съ мужемъ, не долженъ приходить въ свою деревню; въ противномъ случаѣ съ него выскивается две быка въ пользу джамата. (Адат. микатанскаго общ., даргинскаго округа. Вып. VII. стр. 51).

2) Сб. адаатовъ Даргинскаго округа, стр. 11.

3) Въ самурскомъ округѣ изгнаніе башъ-канлы длится всего полгода (Южно-Дагест. адаты стр. 63).

ночью, во дворъ ищущаго крови, другими словами—ближайшаго родственника убитаго, бросался предъ нимъ на колѣни и отдавалъ себя въ его руки.

У кумыковъ темиръ-ханъ-шуринскаго округа, по описанію г-на Комарова ¹⁾, обрядъ примиренія совершается слѣдующимъ образомъ: старикъ и кадій приводятъ убійцу и ставятъ его вдали отъ родственниковъ убитаго, такъ чтобы только можно было разсмотрѣть его лицо; кадій становится посрединѣ и молится о примиреніи враждующихъ; молитву свою онъ заканчиваетъ чтеніемъ «фатихе» (первая глава Корана). Фатихе повторяютъ за нимъ и примиряющіяся стороны. По окончаніи молитвы кадій вытираетъ лицо руками въ знакъ благодарности Богу за ниспосланный миръ. Прощенный убійца приглашаетъ всѣхъ родственниковъ убитаго на пиршество. Какъ только гости подойдутъ къ дверямъ дома, въ которомъ ждетъ ихъ угощеніе, убійца съ обнаженной головой падаетъ на землю и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока ближайшій родственникъ убитаго не скажетъ ему: «встань, мы простили тебя». Во время угощенія, прощенный канлы стоитъ безъ папахи и пьетъ изъ одной чаши съ родственниками убитаго ²⁾.

Описанный нами порядокъ кровнаго возмездія и оканчивающаго его примиренія составляетъ, можно сказать, общее правило. Отступленіемъ является, напримѣръ, допущеніе извѣстнаго перерыва въ осуществленіи кровной мести. Пока продолжается этотъ перерывъ, убійство виновнаго или любого изъ его род-

1) Комаровъ, стр. 35.

2) Въ адатахъ кирянскаго округа мы читаемъ: При примиреніи соблюдается слѣдующій обрядъ: на канлы надѣваютъ бѣлый саванъ и опоясываютъ его шашкою; въ этомъ нарядѣ ведутъ его въ домъ ближайшаго родственника убитаго, какъ бы въ знакъ того, что онъ является съ повинною головою, принося съ собою оружіе для казни и платье для погребенія. Подошедши къ воротамъ, они останавливаются; въ это время изъ дома противника выходитъ уполномоченный, который, снявъ съ канлы саблю и саванъ, глядятъ его голову. «Мулла провозноситъ затѣмъ молитву «фатихе» и преступленіе предается забвенію» (Южно-Дагест. адаты, стр. 6).—Тѣ же обряды соблюдаются и въ самурскомъ округѣ (ibid, стр. 63) и въ даргинскомъ (см. о послѣдствіяхъ убійствъ и пораненій между горцами, вып. VIII. Сб. св. о Кавк. горц., стр. 4).

ственниковъ родомъ обиженного не считается дозволеннымъ, хотя бы убійца, временно вернувшись на родину, попался снова на глаза кого либо изъ родственниковъ своей жертвы. Такой практики придерживается, между прочимъ, население нѣкоторыхъ селъ гунибскаго округа.

Въ адатахъ тлейсерухскаго общества мы читаемъ: хотя убійца и идетъ въ канлы на три года, но въ правѣ ежегодно проводить десять дней въ родномъ аулѣ. Если за это время онъ будетъ убитъ кѣмъ либо изъ родственниковъ убитаго, его убійца признается виновнымъ въ нарушеніи адата, подвергается кровмщенію и выходитъ въ канлы срокомъ на три года ¹⁾).

Обратимъ вниманіе еще на слѣдующія частности изучаемой нами системы. Онѣ, какъ нельзя лучше, иллюстрируютъ нашу мысль объ обязательности мщенія. Если убійца неизвѣстенъ, роду потерпѣвшаго предоставляется самому указать того, кого онъ подозрѣваетъ въ убійствѣ. Лицо это должно явиться по зову въ домъ старшаго родственника убитаго. Кто не исполнитъ этого требованія, признаетъ себя тѣмъ самымъ виновнымъ въ убійствѣ и становится канлы. Пришедшій по зову рискуетъ быть убитымъ. Но разъ онъ отпущенъ невредимымъ, месть тѣмъ самымъ прекращается ²⁾). Если убійца умереть въ изгнаніи до момента примиренія, кровная месть не оставляетъ его рода: на мѣсто умершаго канлы становится одинъ изъ его родственниковъ. Если и этотъ умереть, мѣсто его занимаетъ третій—до седьмаго включительно. Со смертью этого седьмаго наступаетъ конецъ всякой мести.

Что доказываютъ всѣ эти факты, какъ не то, что кровомщеніе считается не только неизбежнымъ, но и необходимымъ. Обычай не останавливается ни передъ невозможностью открыть дѣйствительнаго виновника, ни передъ смертью преступника. Пока кровь не смыта кровью, честь рода считается запятанной. Отсюда требованіе, чтобы канлы постоянно былъ на лицо

1) Рукописи окружнаго управленія.

2) См. въ частности адаты селеній Гири, Ахисентъ и Ашильта Индукульскаго общества—въ сборникѣ адатовъ Гунибскаго округа (рукописи окружнаго управленія).

и чтобы мщеніе прекращено было не иначе, какъ въ силу помилованія со стороны потерпѣвшаго рода.

Та же обязательность мщенія выступаетъ и изъ того факта, что считается «непорядочнымъ» скоро и легко соглашаться на примиреніе ¹⁾, что братъ выкупъ съ извѣстныхъ категорій преступниковъ и въ частности—съ прелюбодѣевъ «позорно», и что въ нѣкоторыхъ аулахъ замѣна кровомщенія платежомъ вовсе не допускается, такъ что единственнымъ средствомъ къ прекращенію мести является помилованіе, сопровождаемое пиршествомъ, издержки котораго платитъ канлы.

Есть при этомъ нѣкоторыя указанія на то, что помилованный принимается былъ въ родъ помиловавшаго, такъ что оба становились съ этого момента кровными братьями ²⁾, (Бань-Кардашь) — порядокъ, примѣры котораго представляютъ намъ въ числѣ другихъ родовыхъ уособицы американскихъ краснокожихъ ³⁾. Помилованный, говоритъ г-нъ Комаровъ, замѣняетъ собою убитаго имъ. Ему вмѣняется поэтому въ долгъ исполнять тѣ обязанности, какія возлагаются родствомъ: ухаживать за состоящими въ живыхъ родственниками своей жертвы и участвовать въ поминкахъ, совершаемыхъ по умершимъ; въ частности—онъ долженъ возможно часто посѣщать могилу убитаго имъ ⁴⁾.

На сколько старинны описанныя нами порядки мести и прищренія можно судить по тому, что о нихъ упоминается уже въ дошедшихъ до насъ рукописныхъ сборникахъ адатовъ кайтагскаго уцмійства. Этихъ сборниковъ мнѣ извѣстно два: одинъ изданъ г-номъ Комаровымъ, другой списанъ мною съ рукописи, принадлежащей окружному управленію кайтаго-табасаранскаго округа.

Сборники эти мало чѣмъ разнятся другъ отъ друга. Происхождение того и другаго одинаково приписывается Рустемъ-Хану, о которомъ въ концѣ хранящейся въ Дербентѣ рукописи

1) О послѣдствіяхъ убійствъ и пораненій (вып. VIII, Сб. свѣд. о Кавк. горц., стр. 4-ая.

2) Магалъ Терекеме (Ю.-Дав. ад., стр. 48).

3) См. Evolution de la famille; époque patriarcale.

4) Адаты и судопроизводство по нимъ, А. В. Комарова, стр. 35.

значится, что «послѣ смерти отца своего Хань-Магомеда-Уцмїа онъ вступилъ во владѣніе Кайтагомъ, что случилось въ 1601 году, умеръ же онъ въ началѣ 1631 года. Рустемъ-Ханъ получилъ двѣ грамоты отъ Шахъ-Аббаса персидскаго въ 1609 и 1610 годахъ, а третью—отъ Шахъ-Сафія въ 1629 году».

Изъ этой переписки видно, что нѣтъ основанія относить адаты уцмїйскаго владѣнія къ XII-му вѣку, какъ это дѣлаютъ г-нъ Комаровъ, а затѣмъ профессоръ Леонтовичъ, но что при всемъ томъ они отличаются значительной древностью. Предшествуя по времени своей редакціи не только русскому завоеванію, но и появленію юридиказма, а также возросшему благодаря ему вліянію шаріата, адаты эти знакомятъ насъ съ обычнымъ правомъ Дагестана въ его чистомъ видѣ. Что же представляютъ эти адаты по интересующему насъ вопросу? какия послѣдствія приписываютъ они убійству? Въ полномъ соотвѣтствіи съ господствующимъ доселѣ обычаемъ, они требуютъ назначенія канлы или обязаннаго идти въ изгнаніе «кровника» во всѣхъ случаяхъ насильственной смерти. Въ случаѣ убійства кого-либо въ свадкѣ, происшедшей между многими лицами, когда лицо убійцы остается неизвѣстнымъ, родственникамъ убитаго предоставляется назначить въ канлы или признать кровнымъ врагомъ кого пожелаютъ изъ числа тѣхъ, кто участвовалъ въ свадкѣ. Пролитшій кровь долженъ всячески избѣгать присутствія оскорбленнаго имъ рода: «съ канлы, который не выѣдетъ изъ селенія въ которомъ пребываетъ ищущій его крови, значится въ сообщаемомъ г. Комаровымъ текстѣ, надлежитъ выскивать въ пользу общества сто кари хабцалдику. Кари—мѣра длины, равняющаяся приблизительно одиннадцати съ половиною русскимъ вершкамъ, а хабцалдикъ—грубая пеньковая матерія, приготовляемая въ Кайтагѣ и Табасарани.

На практикѣ запрещеніе пребывать въ одной мѣстности съ обиженнымъ имъ родомъ весьма часто совпадаетъ съ требованіемъ покинуть прежнее мѣстожителство и искать убѣжища въ изгнаніи. Адаты уцмїа Рустема предписываютъ жителямъ оказывать канлы полное гостепріимство. Если прибудетъ откуда нибудь канлы, то принимать его, а не высылать, значится въ одной изъ статей его кодекса.

Но приёмъ, дѣлаемый канлы, не долженъ выходить за предѣлы простой терпимости. Оказывать ему дѣятельную помощь и поддержку никто не вправе. Въ частности никто не долженъ сопровождать его въ его поѣздахъ. Если канлы пожелаетъ поѣхать куда-нибудь, то съ нимъ никому не ѣздить, постановляетъ кодексъ Рустема, прибавляя, въ качествѣ угрозы: «Если будетъ убитъ ѣдущій вмѣстѣ съ канлы, кровь его считать безвозмездной».

Положеніе канлы во все время его изгнанія — положеніе человѣка болѣе или менѣе безправнаго, поэтому кодексъ Рустема предписываетъ взыскивать сто кари хабцалдику съ того, кто поведетъ канлы на разбирательство по какому-нибудь дѣлу къ кадю или въ общество.

Какъ и въ наши дни, пролитіе крови не ведетъ къ изгнанію одного только убійцы, — виновнымъ признается весь родъ его. Эта отвѣтственность рода формулирована въ кодексъ Рустема въ слѣдующихъ словахъ: «если родственники замѣтятъ кого-либо въ дурныхъ поступкахъ, они вправе убить его; въ противномъ же случаѣ обязаны отвѣчать за всѣ его противузаконныя дѣянія. Изъ этой отвѣтственности всего рода или тохума вытекаетъ то послѣдствіе, что месть можетъ быть направлена и помимо убійцы противъ любого изъ членовъ его тохума, и что въ изгнаніе, вмѣстѣ съ убійцею, идетъ также большее или меньшее число его родственниковъ. Первое открыто выражено въ слѣдующей статьѣ Рустемовскаго кодекса: «Если убьютъ кого два человѣка, то родственникамъ убитаго предоставляется право убить одного изъ родственниковъ убійцы — кого они пожелаютъ, а самаго убійцу простить, съ взысканіемъ 60 рублей и шаріатскихъ денегъ въ двойномъ размѣрѣ». Это правило терпѣть, впрочемъ, въ разбираемомъ нами памятникѣ уже слѣдующее существенное ограниченіе: «Кто, оставивъ сознавшагося въ убійствѣ, будетъ положенное за убійство искать на другомъ, съ того брать штрафъ — тысячу кари хабцалдику». Изъ понятія объ убійствѣ какъ дѣяствіи отвѣтственность за которое падаетъ на цѣлый родъ вытекаетъ то послѣдствіе, что, на ряду съ убійцею, кодексъ Рустема признаетъ кровными врагами и извѣстное число его род-

ственниковъ. Это тѣ же малъ или иль-канлы, которые извѣстны современному обычаю:

«Съ того, кто убьетъ убившаго вора или грабителя — значится въ адатахъ уцмійства—2 канлы». То же, если кто убьетъ ѣдущаго на судъ или собирающагося дать присягу. Число канлы возрастаетъ до семи въ слѣдующихъ случаяхъ, переименованныхъ тѣми же адатами: «Кто въ домѣ своемъ или на пашнѣ убьетъ кого-либо безъ всякой причины—съ того 7 канлы. То же число канлы требуется въ случаѣ, если убійство сопровождается грабежемъ, если убійца сниметъ съ убитаго какую-нибудь вещь или если только онъ скроетъ его трупъ. При убійствѣ съ грабежемъ, жертвой котораго становится женщина, число требуемыхъ по закону канлы достигаетъ максимальной цифры—четырнадцать человѣкъ»¹⁾).

Изгнаніе или пребываніе въ положеніи канлы не должно продолжаться безконечно. «Съ врагомъ слѣдуетъ мириться, значится въ томъ отпечатанной г. Комаровымъ рукописи, или получивъ отъ него что нибудь, или когда врагъ позоветъ къ себѣ и угостить, или по просьбѣ постороннихъ лицъ». Это значить, что адаты уцмійства допускаютъ тройкій исходъ кровной вражды: первымъ является платежъ діата или выкупа за кровь, вторымъ—простое угощеніе родомъ убійцы рода убитаго, третьимъ—прощеніе родомъ убитаго нанесенной ему обиды, не сопровождаемое никакими требованіями платежа или угощенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаково происходитъ обрядъ «лицезрѣнія», извѣстный въ наше время даргинскимъ обществамъ подъ наименованіемъ «Беть-Гермекъ». Этотъ обрядъ прямо упоминается тою рукописью адатовъ уцмійства, которая принадлежитъ окружному управленію кайтаго-табасаранскаго округа²⁾).

Итакъ, древнѣйшая запись народныхъ обычаевъ, сдѣланная почти за три столѣтія до нашего времени, заключаетъ въ себѣ буквально тѣ же воззрѣнія на необходимыя послѣдствія убій-

1) Постановленія кайтагскаго уцмія Рустемъ-Хана отпечатаны въ 1-омъ томѣ Сборника свѣдній о кавказскихъ горцахъ, стр. 80.

2) «По окончаніи срока изгнанія, канлы обязанъ примириться съ родственниками убитаго, заплатить имъ за кровь вещами по адату, совершить лицезрѣніе, если пожелають родственники убитаго, и угостить ихъ».

ства. какія проводятся современными намъ обычаями Дагестана. Это обстоятельство укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ народности этихъ обычаевъ и ихъ тѣсной связи съ тѣми условіями родового быта, на которыхъ построено было издревле и доселѣ опирается общественное устройство туземнаго населенія. Родовой характеръ мести, ея обязательность, возможность направить ее помимо ближайшаго виновника на большее или меньшее число его родственниковъ, изгоняемыхъ на равнѣ съ нимъ, — все это черты непосредственно вытекающія изъ общаго взгляда на обязанности родового общегитія, обязанности, обнижающія не одни взаимныя отношенія живущихъ, но и этихъ послѣднихъ къ отошедшимъ уже поколѣніямъ.

Сопоставимъ съ этими постановленіями народнаго обычая ученіе распространеннаго въ Дагестанѣ свода Новеви и мы убѣдимся, что при общности въ исходныхъ моментахъ шариать опередилъ адать, уклонившись въ гораздо большей степени нежели послѣдній отъ первоначальной суровости родового возмездія.

Начать съ того, что это возмездіе признается имъ въ большинствѣ случаевъ только въ формѣ замѣняющаго мечь выкупа. Кровомщеніе дозволено только въ случаяхъ преднамереннаго убійства или раненія и всецѣло возложено на ближайшихъ родственниковъ и наследниковъ. «Убійцѣ мститъ смертью наследующій убитому (варись), читаемъ мы въ книгахъ Магали¹⁾, въ томъ числѣ родной братъ. За мужа или жену мстятъ наследники ихъ». «За раны, нанесенныя не случайно, виновные подвергаются кассасу, т. е. имъ въ отмщеніе наносятъ подобную же рану». — Вообще, когда преступленіе убійства и пораненія было предумышленнымъ, виновный подвергается смерти за смерть или раны за рану. Но на ряду съ умышленными преступленіями сводъ знаетъ еще полу-умышленные и случайные (шибгуль - амбъ и хата). Преступленіе относится къ разряду шибгуль - амбъ, т. е. полу-умышленныхъ, когда виновный причинилъ жертвѣ болѣе тяжкій вредъ, чѣмъ тотъ.

¹⁾ См. сравненіе нѣкоторыхъ статей уложенія о наказаніяхъ съ соответствующими постановленіями книгъ Магали въ VIII вып. Сб. св. о кавк. горц.—См. также Minhadj. III, стр. 106.

какой онъ намѣревался ей сдѣлать; оно считается «хата» — случайнымъ, когда вредъ нанесенъ былъ безъ всякаго умысла. Въ этихъ обоихъ случаяхъ выступаетъ исконное начало родовой отвѣтственности, въ томъ смыслѣ, что вся агнатическая родня физическаго виновника, всѣ тѣ, кого арабскій языкъ разумѣть подъ терминомъ «akila», отвѣчающихъ римскому «gens» ¹⁾ при зываются къ совмѣстной уплатѣ установленнаго закономъ и видоизмѣняемаго соглашеніемъ выкупа. Понятіе полу-умышленнаго преступленія или шибгуль-амбдъ — понятіе растяжимое. Такъ, напр., если снадобье дано несовершеннолѣтнему или безумному, то сводъ Новови считаетъ его умышленнымъ и соответственно требуетъ отмщенія; если же отравленъ совершеннолѣтній и въ здоровомъ разсудкѣ, преступленіе считается шибгуль-амбдъ и родственники виновнаго призываются къ производству платежа. Участіе агнатическаго рода или «акила» въ вознагражденіи потерпѣвшаго отъ преступленія рода жертвы наступаетъ и при умышленныхъ убійствахъ и раненіяхъ каждый разъ, когда обиженная сторона согласится взять выкупъ: «наслѣдующіе, если пожелаютъ, взамѣнъ крови могутъ взять цѣну ея», читаемъ мы въ сводѣ Новови. Такая замѣна «крови» платежемъ признается нормальнымъ явленіемъ во всѣхъ случаяхъ раненія. «Если раненый пожелаетъ, то взамѣнъ отмщенія можетъ получить дѣтъ, т. е. пею; именно:—за ногу или руку—10 верблюдовъ, за глазъ—пять, за языкъ и ухо—50». Въ этихъ случаяхъ, при несостоятельности виновнаго, ему помогаютъ его агнаты.

Отвѣтственность агнатовъ наступаетъ во всевозможнѣйшихъ случаяхъ причиненія кому либо матеріальнаго вреда; въ формѣ лишенія жизни и членовъ или простаго пораненія; сводъ Новови требуетъ ее и въ томъ случаѣ, когда ребенокъ, завидѣвъ обнаженный мечъ, отъ страха бросится въ воду и утонетъ ²⁾, и въ томъ случаѣ, когда судья постановляетъ неправый приговоръ ³⁾, и въ томъ, когда незнающій своей профессіи лѣкарь берется лѣчить пациента и тѣмъ косвенно причиняетъ ему

1) См. Kohler. Zur Lehre von der Blutrache, § 3, прим. 2.

2) Minhadj. III, стр. 169.

3) Ibid., III, стр. 250.

смерть ¹⁾, и въ томъ, наконецъ, когда хозяинъ животнаго, причинившаго смерть, не принялъ нужныхъ предосторожностей (не держалъ его, напримѣръ, на привязи и т. п.) ²⁾.

Ни кровомщенія, ни выкупа, платимаго роднею, сводъ Новови не допускаетъ въ случаяхъ убійствъ, произведенныхъ въ необходимой оборонѣ—и этотъ фактъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, такъ какъ въ немъ, по всей вѣроятности, лежитъ источникъ того отношенія въ какое къ необходимой оборонѣ становится древнѣйшій законодательный сборникъ Дагестана (постановленія кайтагскаго уцмїя Рустема) и современные обычаи большинства заселяющихъ его племенъ. Состояніе необходимой обороны, по ученію Новови, наступаетъ не только въ случаѣ, когда опасность грозитъ жизни, но и тогда когда она направлена противъ отдѣльныхъ частей тѣла, наконецъ, даже тогда, когда она грозитъ одному имуществу ³⁾.

Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ ученіе Шафан допускаетъ возможность кровнаго возмездія, требуется, во 1-хъ, чтобы размѣръ наносимаго вреда соответствовалъ размѣрамъ потерпѣнной обиды, а во 2-хъ, чтобы осуществленіе кровомщенія воспослѣдовало не иначе, какъ въ силу судебного приговора и при участіи назначеннаго властью исполнителя или палача ⁴⁾. Правило Моисеева законодательства: «око за око, зубъ за зубъ», принимается мусульманскими законовѣдами въ его буквальномъ смыслѣ. Въ числѣ другихъ Новови требуетъ, чтобы казнь убійцы послѣдовала тѣмъ самымъ способомъ, какой избранъ былъ имъ при убіеніи его жертвы. Начало равнаго возмездія примѣняется и къ случаямъ увѣчій и раненій. За лишеніе зрѣнія мстятъ тѣмъ же, поднося къ зрачкамъ раскаленное желѣзо; за отнятіе языка вырываютъ языкъ, за лишеніе слуха отсѣкаютъ уши. Кто лишилъ ближняго употребленія ногъ или рукъ платится за это потерю соответственныхъ членовъ и т. п. Если буквальное выполненіе требованія о равномъ возмездіи грозитъ смертью тому, къ кому его надлежитъ примѣ-

¹⁾ Ibid., т. III, стр. 249.

²⁾ Minhadj, III, стр. 252.

³⁾ Minhadj, т. III, стр. 246.

⁴⁾ Minhadj, III; стр. 126, 128, 131.

нить, — избираютъ средній путь: наносятъ ему меньшій ущербъ, а за разницу взимаютъ выкупъ ¹⁾). Кровное возмездіе не только можетъ быть замѣнено выкупомъ, но законодатель еще озабоченъ тѣмъ, чтобы такой исходъ имѣлъ мѣсто возможно часто. Съ этою цѣлью онъ обязываетъ виновнаго и его родственниковъ къ уплатѣ дѣта всякій разъ, когда ищущій крови согласится на замѣну имъ личнаго возмездія ²⁾).

Его отношеніе къ кровной мести—отношеніе человѣка, который скорѣе мирится съ неизбѣжнымъ зломъ, нежели спѣшитъ утвердить его своимъ признаніемъ. Новови всячески поощряетъ попытки примиренія враждующихъ и сурово относится къ тѣмъ, кто своимъ вмѣшательствомъ подливаетъ масло въ огонь. Онъ открыто высказывается въ пользу прекращенія мести не однимъ только выкупомъ, но и простымъ помилованіемъ и ставитъ въ заслугу простившему обиду роду безвозмездность его поступка ³⁾).

Итакъ, въ постановленіяхъ о кровной мести шаріатъ не ограничивается простымъ признаніемъ дѣйствовавшаго до него обычая, а вводитъ его въ опредѣленные рамки: ограничиваетъ сферу его дѣйствія, регулируетъ порядокъ его проявленія и заботится о замѣнѣ его менѣе нарушающимъ внутренній міръ и спокойствіе порядкомъ.

На мѣсто прежней неограниченности мести шаріатъ выставляетъ ученіе о равенствѣ возмездія. Взамѣнъ прежней всеобщности кровомщенія онъ требуетъ приуроченія мести исключительно къ случаямъ умысленныхъ убійствъ, увѣчій и раненій. Народное воззрѣніе на безчестіе, постигающее того кто не смылъ обиды кровью, онъ замѣняетъ болѣе человѣчнымъ ученіемъ о чести, ожидающей того кто безвозмездно проститъ нанесенную его роду обиду. При всемъ томъ шаріатъ остается вѣренъ исконному народному воззрѣнію, когда распространяетъ на весь родъ отвѣтственность за преступленія его членовъ. Все нововведеніе состоитъ въ томъ, что изъ личнаго, какимъ

1) Minhadj, т. III, стр. 131.

2) Minhadj, III, стр. 144.

3) Minhadj, т. III, стр. 145, 146.

оно является по народному обычаю, участие родственниковъ или, точнѣе, «гентилей» становится имущественнымъ. Личнымъ оно остается только для ближайшаго наслѣдника.

Сопоставленіе началъ шаріата съ тѣми, какихъ, въ соотвѣтствіи съ общими началами древняго права, придерживается народный обычай или адаты, даетъ намъ ключъ къ пониманію источника, изъ котораго постепенно внесено было въ адатное право понятіе умысла, неосторожности и случая, различіе умышленныхъ, неосторожныхъ и случайныхъ преступленій, оконченнаго и неоконченнаго злодѣянія или такъ называемаго покушенія, а также и того возрѣнія, что месть должна быть равномѣрна обидѣ, и что похвально простить кровника подъ условіемъ выкупа и еще болѣе помимо его. Частныя проявленія этихъ несвойственныхъ древнему обычаю нравственно-юридическихъ возрѣній можно отмѣтить при изученіи адатовъ отдѣльныхъ племенъ Дагестана.

Начнемъ нашъ обзоръ съ аварцовъ, обычаи которыхъ по преданію были собраны и кодифицированы уже въ XI вѣкѣ¹⁾, т. е. принадлежать къ числу наиболѣе древнихъ.

Допуская еще согласный съ древнимъ правомъ, но не отвѣчающій духу мусульманскаго законодательства «потокъ и разграбленіе» всего принадлежащаго убійцѣ имущества, дѣйствующій въ Инкердахъ обычай ограничиваетъ начало кровнаго возмездія одними случаями преднамѣреннаго убійства:

«Когда убійство совершено по неосторожности, за неосторожность виновный производитъ платежъ въ тридцать коровъ».

Случайное убійство относится къ числу безразличныхъ дѣйствій: за нечаянное убійство, читаемъ мы въ адатахъ Бонадо и Химиссу, виновный платитъ только быка и савань.

«Если убійство произойдетъ отъ паденія камня или бревна, то въ Инкердахъ оставляется безъ послѣдствій».

«Когда убійство совершено несовершеннолѣтнимъ, то въ тѣхъ же Инкердахъ оно признается нечаяннымъ, хотя бы и было совершено съ умысломъ».

---

1) См. Комаровъ. Адаты и судопроизводство по нимъ, I вып. Сб. св., о кавк. горцахъ.

Аварскій адатъ не знаетъ неограниченности кровомщенія. Слѣдую проводимому кораномъ началу равнаго возмездія, онъ постановляетъ, что «убійство кровнаго врага должно быть оставлено безъ послѣдствій».

При родовыхъ порядкахъ отмщеніе обиды есть, какъ мы видѣли, священный долгъ, уклоненіе отъ котораго грозитъ безчестіемъ. Сложившійся въ родовой обстановкѣ обычай смотритъ поэтому на мщеніе, какъ на своего рода обязанность. — Въ полномъ противорѣчій съ такимъ исконнымъ воззрѣніемъ стоять согласное съ шаріатомъ правило инкердскаго адата: если мужчина или женщина будетъ упрекать родственниковъ убитаго въ томъ, что они оставили его безъ отмщенія, то за упрекъ берется съ нихъ три овцы въ пользу родственниковъ и сверхъ того сто овецъ въ пользу хана».

Къ числу вызванныхъ вліяніемъ шаріата нормъ слѣдуетъ отнести и тѣ правила аварскихъ адатовъ, по которымъ убійство вора въ самый моментъ воровства не имѣетъ другаго послѣдствія, кромѣ уплаты виновнымъ одной коровы въ пользу того общества, въ которомъ произошло подобное нарушеніе мира ¹⁾. Убійство вора по шаріату принадлежитъ къ числу убійствъ совершенныхъ въ необходимой оборонѣ и потому не вызывающихъ кровомщенія. При различіи въ частностяхъ адаты аварскихъ обществъ единогласно высказываются за одно съ шаріатомъ въ пользу замѣны кровомщенія платежемъ выкупа во всѣхъ случаяхъ увѣчій и раненій. Правило кровь за кровь соблюдается лишь при убійствахъ, исключительно умысленныхъ, и то лишь въ случаѣ, когда родственники жертвы не согласятся на полученіе обязательнаго для рода убійцы выкупа ²⁾.

Въ адатахъ ближайшихъ къ аварцамъ капучинскихъ обществахъ вліяніе шаріата сказывается въ замѣнѣ кровомщенія даже въ случаяхъ преднамѣренныхъ убійствъ платежемъ выкупа или діета. Размѣръ его разъ на всегда опредѣленъ. Платежъ его признанъ обязательнымъ какъ для убійцы, такъ и для

¹⁾ Адаты ауловъ Амуши и Мушули.

²⁾ Я пользовался Сборникомъ адатовъ аварскаго народа, составленнымъ въ 1865 году г. Калантаровымъ. Копія этого Сборника хранится въ архивѣ народнаго суда въ Гурнбъ.

его рода, при чемъ въ однихъ обществахъ родственники каждый разъ должны уплачивать половину всей суммы положеннаго обычая выкупа ¹⁾, въ другихъ же участіе родственниковъ въ платежъ наступаетъ только при несостоятельности виновнаго ²⁾. Неосторожное убійство обсуждается по правиламъ шаріата и имѣетъ поэтому своимъ послѣдствіемъ платежъ не со стороны убійцы, а со стороны рода его, а такъ какъ родъ платитъ обыкновенно только половину положеннаго за убійства выкупа, то въ большинствѣ каучинскихъ обществъ за убійство неосторожное полагается всего на всего полъ-діята.

Членовредительства и раненія также ведутъ за собою обложение выкупомъ, который, смотря по важности обиды и причиненнаго ею матеріальнаго вреда, колеблется между полнымъ размѣровъ діята, его половиной, четвертью и т. д. Обязательность платежа, положеннаго обычаемъ, выкупа наглядно сказывается въ слѣдующей нормѣ Бежитскаго адата: селеніе, въ которомъ имѣетъ свое мѣстожительство неплатящій выкупа преступникъ, сносится со старшинами сосѣднихъ селеній. Изъ всѣхъ ихъ набирается отрядъ чловѣкъ въ двадцать пять, которые селятся во дворъ убійцы, объѣдаютъ и обираютъ его, побуждая тѣмъ самымъ къ выполненію падающаго на него обязательства ³⁾. Jus talionis, такъ послѣдовательно проводимое шаріатомъ, сказывается въ пограничныхъ съ Грузіей аулахъ нагорнаго Дагестана въ правилахъ въ родѣ слѣдующаго: «Если умершій отъ ранъ нанесъ рану своему врагу прежде, чѣмъ самъ былъ пораненъ, то изъ діята убійцы исключается часть, слѣдуемая за пораненіе, но если рана нанесена была противнику послѣ полученія смертельной по исходу раны, то за нее наслѣдники умершаго не отвѣчаютъ ⁴⁾».

1) Андужскіе адаты. — Адаты Уихадинскаго общества. — Адаты Ташкинскихъ обществъ.

2) Адаты андровскаго общества.

3) Адаты Бежитскаго общества.

4) Адаты Ташкинскихъ обществъ. При изученіи Каучинскихъ адатовъ я пользовался рукописнымъ сборникомъ ихъ, составленнымъ помощникомъ начальника Гунибскаго округа, княземъ Андрониковымъ, и сообщеннымъ мнѣ въ бытность мою въ Бежитъ.

Всего менѣ замѣтно воинствующее съ началомъ родового возмездія вліяніе шаріата въ сосѣднихъ съ Чечнею Андійскихъ обществахъ. Въ Хваршѣ убійство умышленное поставлено на одну доску съ неумышленнымъ и подобно ему вызываетъ кровомщеніе, раззореніе всего имущества виновнаго и изгнаніе срокомъ на три мѣсяца всего его семейства. Въ селеніяхъ Годоברי и Зибирхали, если собака укуситъ кого-либо и отъ ея укушенія образуется рана, хозяинъ ея подлежитъ мести, какъ будто бы раненіе произведено имъ самимъ.

Въ Бошлихѣ мечь настолько еще признается необходимымъ послѣдствіемъ всякаго пролитія крови, что въ случаѣ, если виновникъ его неизвѣстенъ, родственники убитаго сами назначаютъ себѣ въ кровники кого-либо изъ односельцевъ или даже посторонняго человѣка и мстятъ ему, все равно, какъ если бы онъ былъ дѣйствительнымъ убійцею. Въ селеніяхъ Мури и Ортоколо не только разрушаютъ домъ убійцы и истребляютъ его покосы и нивы, но и лишаютъ его семейство права возобновить на нихъ посадку хлѣба и плодовыхъ деревьевъ, не получивъ предварительнаго согласія родственниковъ убитаго. Въ Гумбетахъ не только при убійствахъ, но при раненіяхъ, кровная мечь считается неизбѣжной. Это видно изъ того, что адатъ предписываетъ ранившему не выходить до примиренія его съ раненымъ пзъ занимаемаго имъ жилища, такъ какъ въ противномъ случаѣ родственники раненаго, завидѣвъ его издали, обязаны будутъ броситься на него и нанести ему рану. За произвольный выходъ изъ избраннаго имъ убѣжища поранитель подлежитъ штрафу въ пользу общества. Исконное начало родового возмездія, требующее, чтобы наравнѣ съ убійцею, изгнанію подлежало и все его семейство, до послѣдняго времени продолжало держаться въ селеніи Нижній-Инхо, въ которомъ втеченіи года, слѣдовавшаго за убійствомъ, всѣ сожительствующие съ преступникомъ родственники одинаково считались канья и какъ таковыя подлежали убіенію при встрѣчѣ съ роднею убитаго.

Несмотря на живучесть, какую въ Андійскихъ обществахъ обнаруживаетъ народное воззрѣніе на неизбѣжность и обязательность мести, вліяніе шаріата все же сказывается въ адатахъ нѣкоторыхъ селеній, которые, какъ напр., Чамагальское,

признають, что въ случаѣ убійства кровника, разрушившіе его домъ родственники убитаго обязаны возмѣстить причиненный ими вредъ, очевидно потому, что согласно шаріату, возмездіе всегда должно быть равнымъ обидѣ. Оно еще нагляднѣе выступаетъ въ требованіи Ункратльскаго адата, чтобы при нечаянномъ убійствѣ имущество виновнаго не подлежало раззоренію и кровомщеніе замѣнено было уплатою родственникамъ савана и быка. Въ этомъ обществѣ какъ и въ Тиндальскомъ кровная месть уже замѣнена выкупомъ, половину котораго, согласно съ шаріатомъ уплачиваетъ агнатическая родня убійцы ¹⁾). При сопоставленіи ихъ съ обычаями Андійскихъ обществъ Кажкумухскіе и Гунибскіе адаты поражаютъ насъ своимъ сходствомъ съ основными началами шаріатскаго ученія.

Кажкумухскій адатъ не устанавливаетъ, правда, еще никакого различія между неумышленнымъ, т. е. неосторожнымъ и нечаяннымъ, и преднамѣреннымъ убійствомъ; но въ то же время онъ строго придерживается правила о равенствѣ возмездія съ виною и настаиваетъ на замѣнѣ «крови» обязательнымъ для виновнаго выкупомъ, принятіе или непринятіе котораго всецѣло зависитъ въ то же время отъ выбора потерпѣвшей стороны. Буде родственники убитаго, читаемъ мы въ сборникѣ Кажкумухскихъ адатовъ 1865 г., посягнуть на жизнь убійцы или кого либо изъ родственниковъ, послѣ принятія ими выкупа, они въ случаѣ примиренія платятъ за кровь вдвое болѣе противъ обыкновеннаго». Въ томъ случаѣ, постановляютъ тѣ же адаты, когда во время драки, у каждой изъ ссорящихся сторонъ оказывается по одному убитому, дѣло оканчивается зачетомъ крови одного убитаго за кровь другаго. Но ежели бы съ одной стороны было убито двое, а съ другой одинъ человекъ, то за кровь втораго убитаго полагается добавочный выкупъ... За кровь каждаяго убитаго платятъ особо, точно также какъ и за раны, нанесенныя всякому, помимо убитаго ²⁾).

1) При изложеніи обычаевъ Андійскихъ обществъ я пользовался составленнымъ 1865 году рукописнымъ сборникомъ ихъ адатовъ.

2) За всякій же грабежъ, совершенный послѣ предавія его землѣ, виновные обязаны уплатить стоимости уничтоженнаго (Рукописный сборникъ адатовъ Гунибскаго округа въ архивѣ Народнаго Суда).

Въ Гунибскомъ округѣ кровомщеніе еще выступаетъ въ обычной ему обстановкѣ необузданнаго произвола, направленнаго одинаково противъ личности и собственности какъ ближайшаго виновника злодѣянія, такъ и всей его семьи и до нѣкоторой степени всего его рода. Въ деревняхъ Шлейсерухскаго общества, наприм., родственники убитаго, пока онъ не преданъ землѣ, въ правѣ уничтожить все движимое и недвижимое его имущество ¹⁾).

При всемъ томъ правило Корана о равномѣрности возмездія и прекращеніи кровомщенія со смертью убійцы соблюдается съ большей строгостью. «Если родственники убитаго отправятся въ походъ съ цѣлью убить своего кровнаго врага (канлы) и во время этого похода одинъ изъ нихъ окажется убитымъ, читаемъ мы въ адатахъ того же общества, то съ канлы, какъ двойнаго убійцы, взыскивается два діэта и онъ выходитъ въ канлы на два срока. Если же во время похода будетъ убитъ какъ самъ канлы, такъ и одинъ изъ родственниковъ убитаго, кровомщеніе прекращается». Обычай родовыхъ обществъ, какъ мы видѣли, требовалъ бы въ данномъ случаѣ новаго возмездія за кровь убитаго родственника и усобица сдѣлалась бы безконечной. Но не такъ обсуждается онъ шаріатомъ, учение котораго въ данномъ случаѣ успѣло проникнуть въ народное сознание и существенно измѣнить характеръ адата. Господствующій въ большинствѣ селеній обычай, не прибѣгая къ кровомщенію, ограничиваться взысканіемъ съ убійцы выкуповъ и штрафовъ въ напередъ установленномъ размѣрѣ также говоритъ намъ о видоизмѣняющемъ влияніи, какое шаріатъ имѣлъ по отношенію къ адату. Діэтъ или выкупъ идетъ родственникамъ убитаго, которые сверхъ того получаютъ еще саванъ или матерію на саванъ и то, что горцы называютъ «мирнымъ угощеніемъ». Штрафъ обыкновенно въ размѣрѣ одного быка поступаетъ въ пользу сельской власти ²⁾).

1) Сборникъ адатовъ, существующихъ въ Кажкумухскомъ округѣ 1865 года. Списанъ мною на мѣстѣ.

2) Такъ, наприм., въ селеніяхъ Кулга и Боцада съ убійцы въ пользу родственниковъ убитаго взыскивается 100 р. и быкъ. Убійца обязанъ сверхъ того дать имъ матерію на саванъ. Въ пользу же общества онъ

Въ Кюринскомъ округѣ согласно шаріату кровная месть наступаетъ только при умышленномъ убійствѣ и ей подлежитъ одинъ убійца, такъ что въ томъ случаѣ, когда родственники убитаго убьютъ не самого канлы, а кого нибудь изъ его родственниковъ, можетъ возникнуть новое междуусобіе. Право на отомщеніе принадлежитъ опять согласно шавіату только тѣмъ изъ родственниковъ, которые призваны къ полученію оставленнаго покойникомъ наслѣдства. — Нечаянное убійство, какъ и убійство, сдѣланное въ припадкѣ помѣшательства, не даетъ повода къ мести, но не избавляетъ отъ необходимости вознаградить родственниковъ убитаго уплатой имъ выкупа или діэта ¹⁾).

Въ Кайтагѣ, какъ видно изъ постановленій Уцмія Рустема вліяніе шаріата сказалось въ установленія цѣлой категоріи случаевъ, въ которыхъ кровомщеніе не считается дозволеннымъ даже по отношенію къ убійцѣ. Во главѣ ихъ стоитъ убійство кровнаго врага (канлы) и этотъ фактъ самъ по себѣ доказываетъ, что слѣдуя шаріату адаты проводятъ начало ограниченія мести однимъ виновникомъ злодѣянія, кровь его зачитается за кровь убитаго и тѣмъ самымъ устраняется поводъ къ дальнѣйшему возмездію.

Къ числу случаевъ, въ которыхъ, по выраженію законодателя, «кровь убитаго пропадаетъ какъ сорвавшаяся съ дерева груша» ²⁾), постановленія Уцмія Рустема относятъ еще тѣ, въ которыхъ по ученію Новави слѣдуетъ видѣть убійство, совершенное въ необходимой оборонѣ. Я сказалъ уже, что послѣдователи Шафанъ подводятъ подъ понятіе необходимой обороны случаи опасности для жизни, чести и собственности. Соответ-

---

платить 12 руб. штрафу. Въ селеніяхъ Куида и Гогошль Куядинскаго наивства съ убійцы взыскивается въ пользу наслѣдниковъ 100 руб., въ пользу сельскихъ властей (картовъ) 10 р. и въ пользу сельскаго общества 10 руб. Въ деревняхъ Унцукульскаго наивства: если кто убьетъ человека не изъ одного съ нимъ селенія, то съ извѣстіемъ объ этомъ обязанъ послать обществу, къ которому принадлежалъ убитый, зарѣзаннаго быка и привязать къ нему саванъ. Самъ же убійца выходитъ въ канлы. (Рукоп. сборн. адатовъ Гунибскаго округа).

¹⁾ См. Южно-Дагестанскіе адаты въ VIII выпускѣ Сб. св. о кавк. горахъ.

²⁾ Рукопись, хранящаяся въ архивѣ Окружнаго управленія въ Дербентѣ.

ственно этому регулируемый Кайтагскими удмиями обычай оставляет безъ послѣдствій убійство лица, нападающаго на домъ, грабителя, а также вора, застигнутаго въ домъ или въ стадъ, наконецъ убійство мужемъ прелюбодѣя, а отцемъ или братомъ лица, позволившаго себя насильственный увозъ или задержание дочери или сестры ¹⁾).

Въ Самурскомъ округѣ прямымъ воздѣйствіемъ шаріата объясняется тотъ фактъ, что, въ противность обычаямъ другихъ южно-дагестанскихъ ауловъ, неумышленное убійство, какъ и въ сводѣ Навави, ведетъ къ уплатѣ всего на всего половины положеннаго обычаемъ выкупа или дѣта, а также въ томъ, что въ случаяхъ прелюбодѣянія кровная месть замѣняется положенной обычаемъ платой.

Слѣдующая статья Самурскихъ адатовъ по своему содержанию вполне отвѣчаетъ постановленіямъ Мингаджа объ отвѣтственности хозяевъ за смерть, причиненную ихъ животными. Если чья нибудь собака поранитъ человѣка и объ этомъ будетъ предупрежденъ ея хозяинъ, а за тѣмъ случится второе пораненіе кого-нибудь тою же собакою, то за второе, третье и т. д. пораненіе хозяинъ собаки обязанъ вознаградить потерпѣвшихъ. Въ случаѣ же отъ укушенія послѣдуетъ смерть, хозяинъ собаки платитъ родственникамъ умершаго за кровь.

Ко всему сказанному прибавимъ еще то общее замѣчаніе, что во всѣхъ южно-дагестанскихъ обществахъ, наравнѣ съ выкупомъ, взимается и штрафъ, самое названіе котораго шаріатъ—ахга или шаріатскія деньги—указываетъ на писанное право мамагометанъ, какъ на непосредственный источникъ. Общіе адаты Даргинцевъ ²⁾ подобно Самурскимъ заимствуютъ изъ шаріата какъ постановленія о полномъ прекращеніи мести фактомъ убійства виновнаго, такъ и ученіе о безотвѣтственности убійствъ, совершенныхъ въ необходимой оборонѣ. Такими считаются слѣдующіе случаи убійствъ: если кто убьетъ человѣка защищаясь отъ нападенія, сдѣланнаго изъ осады; если убійство послѣдуетъ

¹⁾ См. приложение къ статьѣ Адаты и судопроизводство по нимъ. 1-й вып. Сб. св. о кавк. горцахъ.

²⁾ См. Адаты Самурскаго общества, а также Сѣверной и Южной Табарони, наконецъ, постановленія Кайтагскаго удмія Рустемъ.

при защитѣ отъ ограбленія; наконецъ, если кто, отправившись на воровство или съ другимъ инымъ умысломъ, будетъ застигнутъ на мѣстѣ и убитъ хозяиномъ ¹⁾).

Въ адатахъ отдѣльныхъ общинъ Даргинскаго округа видоизмѣненіе воздѣйствіемъ шаріата народнаго обычая еще рѣзче бросается въ глаза. Такъ, напр., тогда какъ общій адатъ всего округа признаетъ кровомщеніе общими правомъ всѣхъ родственниковъ убитаго ²⁾, въ Цудахарскомъ обществѣ это «право принадлежитъ родственникамъ убитаго не далѣе четвертой степени родства» ³⁾, но далѣе этого не идетъ и право наследованія, изъ чего видно, что адатъ стремится обратить въ мстителей однихъ наследниковъ убитаго, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что на этотъ счетъ постановляетъ Мингаджъ. Тогда какъ въ большинствѣ ауловъ судьбу выходящаго въ канлы убійцы раздѣляютъ и большее или меньшее число его родственниковъ, въ Акушахъ, въ Михакинскомъ и Усишинскомъ обществахъ кровнымъ врагомъ или канлы признается одинъ убійца, и мечь, такимъ образомъ, изъ родовой становится личной ⁴⁾, т. е. преобрѣтаетъ тотъ характеръ, какой стремится придать ей шаріатъ.

Мнѣ кажется, что собранныхъ здѣсь данныхъ болѣе чѣмъ достаточно для обоснованія того вывода, что дѣйствующій въ Дагестанѣ адатъ по вопросу о кровомщеніи не является исключительнымъ выразителемъ народныхъ юридическихъ воззрѣній. Нельзя говорить о немъ, какъ о чистѣйшемъ воплощеніи тѣхъ взглядовъ, какихъ придерживаются основанные на кровномъ началѣ и объединенные культомъ предковъ родовыя сообщества. Самосудъ родовъ, съ его неизбѣжнымъ исходомъ — незнающей конца уобицей, мало по малу введенъ былъ въ опредѣленные границы не столько подъ вліяніемъ довольно слабой въ Дагестанѣ государственной власти, сколько благодаря воздѣйствію писаннаго закона магометанъ. Начало равнаго возмездія, заимствованное Магометомъ изъ ветхаго завѣта, и съ такою послѣдовательностью проведенное законовѣдами школы Шафая, замѣна

1) Адаты Даргинскихъ общ., стр. 16, VII в. Сб. св. о Кавк. горц.

2) Ibid. стр. 16.

3) Ibid. стр. 114.

4) Ibid. стр. 34, 61 и 101.

родоваго характера мести личнымъ и ограниченіе сферы ея проявленія одними случаями умысленныхъ злодѣяній — все это принципы, по существу своему чуждые народному обычаю родовыхъ сообществъ и потому неизвѣстные древнѣйшему адату. Ихъ прямой источникъ—шариатъ, и только его воздѣйствіемъ можно объяснить присутствіе ихъ въ современномъ адатѣ Дагестана. Видоизмѣненіе народныхъ юридическихъ воззрѣній касательно кровной мести подъ вліяніемъ шариатскаго ученія началось уже давно и ручательствомъ этому служатъ намъ не разъ упомянутыя постановленія Кайтагскаго уцмیا, въ которыхъ какъ мы видѣли выше, кровная месть является болѣе или менѣе регулируемой сообразно требованіямъ писаннаго закона. Но всего сильнѣе стало сказываться вліяніе шариата на обычное право дагестанскихъ племенъ съ того момента, когда Шамиль запретилъ примѣненіе въ судахъ иного права, кромѣ того, выразителемъ котораго являются сочиненія Шафайтскихъ законовѣдовъ и въ частности Навави Ибнѣ Ходжа. Въ этотъ періодъ ихъ существованія, который сами туземцы называютъ «періодомъ шариата», адатъ настолько проникся воззрѣніями религиозныхъ законодателей мусульманства, что и послѣдовавшее со стороны русскаго правительства запрещеніе примѣнять къ уголовнымъ преступленіямъ правила шариата было безсильно воскресить народный обычай въ первоначальной его чистотѣ, по крайней мѣрѣ—по занимающему насъ вопросу. Да въ этомъ и нѣтъ необходимости. Въ обсужденіи условій и порядка совершенія кровной мести писанное право магометанъ далеко опередило собою народный обычай. Оно несравнено болѣе его отвѣчаетъ требованіямъ общественнаго спокойствія и порядка. Всякая власть, а въ томъ числѣ и та, которая установлена нами въ Дагестанѣ, гораздо легче можетъ помириться съ необходимостью примѣнять къ убійствамъ и другимъ видамъ кровопролитія шариатское ученіе о личномъ равномъ возмездіи, нежели допускать въ угоду народнымъ воззрѣніямъ неограниченность кровомщенія, распространеніе его на цѣлые роды и подведеніе подъ него случаевъ причиненія кому либо матеріальнаго вреда; торжество народныхъ воззрѣній въ данномъ случаѣ означало бы не болѣе, какъ поворотъ къ варварству.

§ 2. Вліяніє шаріата на адаты въ сферѣ родового возмездія.

Превосходство шаріата надъ адатомъ рѣзко выступаетъ въ случаяхъ, когда виновникомъ убійства или раненія является не сознающій свои поступки субъектъ, а животное или неодушевленный предметъ. Общей чертою древнѣйшаго права слѣдуетъ признать тотъ фактъ, что въ соотвѣтствіи съ господствующимъ въ эпоху его появленія анимизмомъ, оно дѣлаетъ отвѣтственнымъ за нанесенный кому-либо вредъ ближайшаго виновника этого вреда, равно будетъ ли имъ человекъ, животное, растеніе или неодушевленный предметъ, напр., мечъ или кинжалъ¹⁾. Черта эта стоитъ въ тѣсной связи и даже непосредственно вызывается первоначальнымъ воззрѣніемъ на преступленіе какъ на дѣйствіе, наказуемость котораго обусловливается не злою волею преступника, а тѣмъ матеріальнымъ вредомъ, какой причинено имъ частному лицу, семьи или роду. При безразличномъ отношеніи къ умыслу и исключительномъ преслѣдованіи того, что современные криминалисты называютъ терминомъ *corpus delicti* неудивительно, если въ родовую эпоху ихъ существованія какъ арійскія, такъ и не арійскія народности считали возможнымъ распространять кровомщеніе и на быка, забодавшаго кого-либо своими рогами, и на собаку, укушенія которой сдѣлались источникомъ раненій и смерти, и на дерево, задавившее своимъ паденіемъ работавшаго подъ нимъ человекъ²⁾. Въ средѣ семитовъ отвѣтственность животныхъ одинаково засвидѣтельствована какъ книгами Ветхаго Завѣта (Исходъ, XXI гл., ст. 14) такъ и арабскими хрониками. Извѣстный арабистъ Гольдцигеръ приводитъ изъ послѣднихъ слѣдующій любопытный отрывокъ, какъ нельзя лучше доказывающій нашу мысль объ исконности того воззрѣнія, что животное, причинившее кому-либо смерть, должно быть выдано головою родственникамъ убитаго. Въ хроникѣ города Мекки, написанной Могамедомъ аль Факиги во второй половинѣ 3-го столѣтія Геджры, мы встрѣчаемъ слѣ-

1) См. Современный Обычай и Древній Законъ.

2) Современный Обычай и Древній Законъ, стр 101.

дующій рассказъ. «Зіядь бенъ Убейдалла, бывший управителемъ Мекки въ первые годы, слѣдовавшіе за воцареніемъ Абассидовъ (133 — 141 г. Геджры), однажды заявилъ въ мечети, чтобы всякій, кто имѣетъ какую либо тяжбу, представилъ ее на его разбирательство. Первымъ предсталъ на судбище аравитянинъ изъ пустыни и заявилъ, что корова его сосѣда своими рогами стянула въ бездну его ребенка и такимъ образомъ сдѣлалась виновницей его смерти. Зіядь приказалъ писцу занести въ книгу слѣдующее рѣшеніе: корова должна быть выдана аравитянину въ возмещеніе за понесенную имъ утрату (вѣрнѣе въ возмездіе). Едва писецъ собрался записать это рѣшеніе, какъ проходившій мимо знаменитый кади Ибнъ-Гуреджъ, спрошенный о достоинствѣ состоявшагося приговора, высказался въ томъ смыслѣ, что согласно изрѣченію пророка собственникъ коровы не обязанъ къ выкупу причиненнаго ею вреда, такъ какъ матеріальный вредъ, сдѣланный неразумными тварями, по ученію магомета, не подлежитъ возмездію» ¹⁾. Приведенный случай, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ и стародавній обычай аравитянъ, во всемъ согласный съ тѣмъ, какой до нашихъ дней удержался въ средѣ осетинъ, а нѣсколькими тысячами лѣтъ ранѣе—извѣстенъ былъ древнимъ евреямъ, римлянамъ и германцамъ, такъ и тотъ преворотъ какой писанное право магометанъ—шариатъ призвано было произвести въ этомъ отношеніи. Сфера кровной мести, дотолѣ обнимавшая всѣ преступленія подобнаго рода, отнынѣ ограничивается тѣмъ, виновникомъ которыхъ является самосознающій себя субъектъ, а такимъ можетъ быть только человѣкъ. Всѣ остальные случаи причиненія матеріальнаго вреда переходятъ въ категорію безразличныхъ дѣйствій, которыя впрочемъ, могутъ сдѣлаться источникомъ отвѣтственности для хозяевъ въ томъ случаѣ, если послѣдніе окажутся виновными въ неосторожности, выражающейся въ отсутствіи съ ихъ стороны мѣръ предупрежденія.

Народности Дагестана различно относятся къ случаямъ убійствъ,

---

¹⁾ Muhammedanisches Recht in Theorie und Wirklichkeit von Ign. Goldziher (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, Achter Band. III Heft, стр. 415).

виновниками которыхъ являются животныя. Въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ, какъ, напр., въ Аварскомъ, Казикумухскомъ или Даргинскомъ, шариату удалось существенно повліять на измѣненіе народнаго обычая, причинившее смерть животное не выдается потерпѣвшему роду, и хозяинъ его освобождается отъ отвѣтственности. «Если убійство произойдетъ отъ паденія камня или бревна, задѣтаго ногою лошади или быка, читаемъ мы въ рукописномъ сборникѣ адатовъ аварскаго народа, то оставляется безъ всякихъ послѣдствій». То же имѣетъ мѣсто и въ тѣхъ случаяхъ, когда убійство совершено съ помощью чужаго оружія, однако безъ вѣдома хозяина. «Въ этомъ случаѣ собственникъ оружія, согласно адату Акушинцевъ, отвѣтственности не подлежитъ. Другое дѣло, если онъ зналъ объ употребленіи, какое будетъ дано его оружію: штрафъ, равный стоимости одного быка¹⁾, искупаетъ его вину. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южнаго Дагестана отношеніе обычая къ занимающему насъ вопросу какъ разъ обратное. Въ Терекемѣ, лошадь или скотина, причинившая смерть, «какъ виновная отдается хозяиномъ ея родственникамъ убитаго»²⁾.

Приведенный обычай буквально воспроизводитъ собою тѣ порядки, какіе были извѣстны англосаксамъ, во времена Альфреда, и Норвежцамъ—въ эпоху редактированія ихъ народныхъ правдъ³⁾. Въ выдачѣ головою повиннаго въ смерти животнаго еще выступаетъ во всей его чистотѣ свойственный древнѣйшему міросозерцанію анимизмъ или одухотвореніе и отождествленіе съ человѣкомъ всѣхъ предметовъ природы. Дальнѣйшую ступень въ развитіи народныхъ юридическихъ воззрѣній составляетъ перенесеніе отвѣтственности съ виновнаго въ убійствѣ животнаго на его хозяина. На этой ступени стоитъ уже саллическая правда, требующая, чтобы сверхъ выдачи причинившей вредъ скотины, хозяинъ ея принуждаемъ былъ къ уплатѣ половинной виры за убійство. Составители правды, очевидно, уже далеки отъ мысли о необходимости личнаго возмездія ближай-

1) Адаты Даргинскаго округа, стр. 35.

2) Адаты Южно-Дагестанскихъ обществъ, стр. 49.

3) См. Современный Обычай и Древній Законъ, т. II, стр. 102.

шему виновнику убійства и смотреть на его выдачу, какъ на одну изъ формъ вознагражденія нанесеннаго убійствомъ вреда. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и народный обычай жителей Гамринскаго округа; онъ приравниваетъ убійство, совершенное животнымъ въ южномъ Дагестанѣ, къ прочимъ случаямъ неумышленныхъ убійствъ и соответственно присуждаетъ хозяина къ платежу половинной платы за кровь ¹⁾. Въ Магалахъ, Ганкѣ, Ганшъ и Мюра, расположенныхъ въ верхнемъ Байтагѣ, принято было вознаграждать родственниковъ лица убитаго лошадыю, платежемъ шестидесяти рублей, что составляло шестую часть положенной обычаемъ полной платы за кровь (300 р.) ²⁾.

Въ записи народныхъ обычаевъ Андійскаго округа также значится, что въ селеніяхъ Годобери и Зиберхали, при укушеніи кого-либо до крови собакою, хозяинъ подвергается тѣмъ же взысканіямъ, что и при пораненіи человѣка человѣкомъ ³⁾. Обычай возмѣщать на хозяинѣ вредъ, причиненный его животнымъ, очевидно могъ возникнуть лишь тогда, когда исчезла въ народѣ память о дѣйствительномъ источникѣ, изъ котораго развилось воззрѣніе на уголовную отвѣтственность животныхъ. Я разумѣю личное возмездіе, замѣняемое по выбору потерпѣвшаго соответственнымъ денежнымъ платежемъ. Съ того момента, когда отвѣтственность переходитъ на хозяина, поводомъ къ ней признается обнаруженная имъ преступная неосторожность. Неосторожность эта въ глазахъ обычая сказывается въ неприятіи мѣръ къ устранинію завѣдомо опаснаго предмета. Этотъ новый взглядъ на причину отвѣтственности хозяина наглядно выраженъ въ нѣкоторыхъ изъ южно-дагестанскихъ адатовъ. Такъ, напр., въ сборникѣ народныхъ обычаевъ, которыхъ придерживаются туземцы Табасеранскаго округа, мы читаемъ: если чья нибудь собака укуситъ кого-либо, послѣ того, какъ до свѣдѣнія хозяина было уже доведено о ея склонности бросаться на

¹⁾ Ibid. стр. 53.

²⁾ Ibid. стр. 35.—Если чья нибудь собака укуситъ человѣка, читаемъ мы въ томъ же адатѣ, хозяинъ обязанъ лѣчить рану на основаніи общаго адата по пораненію. Если чья нибудь лошадь или скотина ударитъ или нанесетъ кому либо ушибъ, хозяинъ отвѣчаетъ за рану (стр. 36).

³⁾ Рук. Сб. Адатовъ Андійскаго округа.

людей, обязанность вознаграждения падаетъ на хозяина. Точно также, «если чья нибудь лошадь или скотина, замѣченная уже въ причиненіи людямъ вреда, вновь нанесетъ кому-либо ушибы или смерть, отвѣтственность за нихъ лежитъ на хозяинѣ» ¹⁾. Тоже постановляютъ адаты Самурскаго округа, говоря: Если чья нибудь собака поранитъ человѣка и будетъ предупрежденъ ея хозяинъ, а за снмъ случится второе пораненіе кого-либо этою же собакою, то за второе, третье и т. д. пораненіе хозяинъ собаки платитъ за раны пораненнымъ ею людямъ; въ случаѣ же отъ укушенія умереть кто нибудь, то хозяинъ собаки платитъ родственникамъ умершаго за кровь ²⁾. Въ Андійскомъ округѣ, въ селеніи Ункфаталъ придерживаются того же взгляда. Если, стоитъ въ его адатѣ, собака, о которой было объявлено хозяину, что она бросается на людей и слѣдовательно, нуждается въ присмотрѣ, укуситъ кого нибудь, то съ хозяина ея дѣлается взысканіе за пораненіе ³⁾.

Адаты нѣкоторыхъ южно-дагестанскихъ обществъ еще болѣе выдвигаютъ впередъ неосторожность хозяина, какъ ближайшую причину его отвѣтственности. Они подводятъ подъ нее только тѣ случаи, въ которыхъ обнаруживается, что инкриминированное животное представляетъ постоянную опасность для людей, опасность, которая могла, но не была устранена ея хозяиномъ. Такъ, напр., въ Каракайтагѣ, отвѣтственность хозяина наступаетъ только по третьему разу ⁴⁾, точно также, какъ и въ селеніи Башлы, адаты котораго постановляетъ на этотъ счетъ слѣдующее: если лошадь, на которой ѣздитъ хозяинъ, убьетъ кого нибудь, то хозяинъ ея обязанъ удовлетворить за кровь только въ томъ случаѣ, когда причиненное лошадью убійство оказывается третьимъ по счету ⁵⁾. Эта отвѣтственность хозяина вещи, отъ которой послѣдовала смерть, за обнаруженную имъ неосторожность выступаетъ и въ томъ случаѣ, когда все его участіе въ воспослѣдовавшемъ раненіи или убійствѣ сводится

1) Ibid. стр. 24.

2) Ibid. стр. 67.

3) Рукописный Сб. адатовъ Андійскаго округа.

4) Ibid. стр. 44.

5) Ibid. стр. 59 и 60.

къ всудѣ преступнику оружія. Если, читаемъ мы въ адатахъ Акушинскаго общества, убійство совершено чужимъ оружіемъ и окажется, что оно было дано для совершения убійства, то съ хозяина взыскивается штрафа—одинъ быкъ ¹⁾.

Итакъ, по мѣрѣ проникновенія народнаго адата юридическими ученіями мусульманскихъ, законовѣдовъ исчезаетъ исконное воззрѣніе на мечь, какъ на начало, равно примѣнимое ко всѣмъ случаямъ нанесенія матеріальнаго вреда, независимо отъ того, кѣмъ причиненъ этотъ вредъ, сознающимъ ли свои поступки субъектомъ, или лишеннымъ такого сознанія предметомъ.

Не только прекращается выдача головою нанесшаго раны или повиннаго въ убійствѣ животнаго, но и съ хозяина снимается всякая отвѣтственность, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, въ которыхъ онъ окажется виновнымъ въ преступной неосторожности. Большинство народностей Дагестана уже стоять на этой послѣдней ступени развитія, и немногія, у которыхъ удержалось архаическое начало выдачи головою причинившаго смерть или ушибы животнаго, принадлежать именно къ тѣмъ, на которыхъ вліяніе шаріата сказалось всего слабѣе. Существованіе особаго суда надъ животными, какъ нельзя лучше, доказываетъ вѣрность того взгляда, по которому древнѣйшему праву неизвѣстно ни различіе умысла, неосторожности и случая, ни наказуемость неоконченнаго преступленія, иначе говоря покушенія, ни распространеніе виновности на подстрекателя, ни наконецъ, градация вины, а соответственно и наказанія, по мѣрѣ неосторожности злой воли преступника ²⁾. Всѣ эти различія не мыслимы въ обществѣ, въ которомъ въ преступленіи преслѣдуется одинъ матеріальный вредъ и элементъ воли такъ мало принимается въ расчетъ, что отвѣтственности не избѣгаютъ и лишенные сознанія предметы видимой природы. Архаическая точка зрѣнія, при которой умышленныя злодѣянія ставятся на одну доску съ неумышленными, еще наглядно сказывается въ обычаяхъ нѣкоторыхъ южно-дагестанскихъ и дар-

¹⁾ Адаты Даргинск. общ., стр. 35. Тоже въ Урахлинскомъ обществѣ, *ibid.*, стр. 85.

²⁾ См. объ этомъ Современный Обычай и Древній Законъ, стр. 81 и слѣд., т. II.

гинскихъ обществъ, а также въ Андійскомъ округѣ, въ которомъ, какъ и въ прилегающей къ нему Чечнѣ, вліяніе шаріата было сравнительно слабо. Такъ, напр., въ сѣверной Табасараніи убившій безъ умысла, по желанію родственниковъ убитаго, обязанъ удовлетворить за кровь, все равно какъ если бы совершенное имъ убійство было умышленнымъ. Точно также за неумышленное пораненіе виновный отвѣчаетъ какъ за умышленное, разумѣется опять таки подъ условіемъ, чтобы родственники лица, которому нанесена была рана, стали настаивать на его отвѣтственности. Нравственная сторона преступленія, такъ слабо принимается въ расчетъ, что сумасшедшій и несовершеннолѣтній не освобождаются отъ платежа за кровь въ случаѣ совершенія ими убійства. Для народа безразлично, давалъ ли себѣ преступникъ отчетъ въ совершаемомъ имъ злодѣяннѣ; для него имѣеть значеніе лишь вредъ, причиненный его поступкомъ роду или тохуму ¹⁾. Въ Верхнемъ Кайтагѣ въ магалахъ Ганкъ, Гоншъ и Мюра до послѣдняго времени продолжалъ дѣйствовать тотъ же адатъ; неумышленное дѣйствіе преслѣдовалось какъ умышленное и отвѣтственности не избѣгали ни малолѣтніе, ни сумасшедшіе. Тоже имѣло мѣсто и въ Каракайтагѣ въ Гамринскомъ магалѣ и въ селеніи Бошлы ²⁾. Въ Самурскомъ округѣ, до его покоренія русскими, сумасшедшіе отвѣчали за убійство наравнѣ съ прочими убійцами, а дѣти, какого бы пола и возраста они ни были, наравнѣ со взрослыми. За неумышленные раненія производились тѣ же взысканія, что и за умышленные, но вліяніе шаріата уже сказывалось въ томъ, что неумышленный убійца не только освобождался отъ штрафа въ пользу общества (шаріать — атга), но и призывался къ уплатѣ лишь половинной платы за кровь ³⁾. Равная отвѣтственность въ случаяхъ умышленного и неумышленного убійства или пораненія составляетъ также общій адатъ для всѣхъ жителей Даргинскаго округа ⁴⁾. Въ Урахлинскомъ обществѣ неумышленный поранитель

1) Адаты Южно-Дагестанскихъ общ., стр. 23 и 24.

2) Ibid. стр. 43, 53, 59, 60.

3) Ibid. стр. 66.

4) См. Адаты Даргинскихъ обществъ, стр. 15 и 19.

освобождается только отъ положеннаго по шаріату штрафа ¹⁾, а въ Мугинскомъ этотъ штрафъ взыскивается, но лишь въ половинномъ размѣрѣ, и число родственниковъ потерпѣвшаго, которыхъ поранитель обязанъ угостить при примиреніи, на половину меньше того, какое полагается при умышленныхъ раненіяхъ ²⁾. Въ Казикумухскомъ обществѣ еще удержалось старинное народное воззрѣніе, по которому кровное возмездіе и замѣняющій его выкупъ возможны и при отсутствіи въ преступникѣ сознательнаго желанія совершить злодѣяніе. Если убійство было нечаяннымъ или неумышленнымъ, читаемъ мы въ рукописномъ сборникѣ адатовъ этого округа, виновный подвергается тому же отпущенію и тому же платежу за кровь умершаго, какое опредѣлено за умышленное убійство, но штрафъ въ пользу общества, налагаемый согласно шаріату (шаріать—атра) не взыскивается въ этихъ случаяхъ ³⁾. Въ Хваршинскомъ обществѣ Андійскаго округа не дѣлается никакого различія между убійствомъ умышленнымъ и нечаяннымъ, такъ что въ обоихъ случаяхъ одинаково слѣдуетъ разрушеніе жилища убійцы, удаленіе его изъ селенія вмѣстѣ со всею его семьею, и кровная месть, выкупаемая впрочемъ платежемъ 150 годовыхъ барашковъ, или ихъ стоимостью ⁴⁾. Сдѣланныхъ выписокъ достаточно для того, чтобы вынести убѣжденіе, что безразличное отношеніе обычая къ случаю, неосторожности и умыслу есть черта общая разнообразнѣйшимъ племенемъ Дагестана, черта настолько присущая юридическому сознанію народа, что несмотря на рѣшительный перевѣсъ, какой при Шамилѣ шаріать получилъ надъ адатомъ, его вліяніе все таки оказалось безсильнымъ сломить это вѣками установившееся начало. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ только адаты Аварскаго и отчасти Гунибскаго округа. Въ Инкердахъ, напр., когда убійство совершенно не преднамѣренно, съ виновника его, въ случаѣ неосторожности, взыскивается только тридцать коровъ. Всякое убійство, виновникомъ котораго является несовершеннолѣтній, при-

1) Ibid. стр. 89.

2) Ibid. стр. 63.

3) Рук. Сб. Адатовъ Кази-Кумухскаго окр. 1865 г.

4) Рук. Сб. Адатовъ Андійскаго округа.

равнивается къ нечаяннымъ, даже и въ томъ случаѣ, когда оно совершено было съ намѣреніемъ ¹⁾). Въ Конодѣ и Химиссу, двухъ селеніяхъ того же Аварскаго округа, нечаянный убійца обязанъ поставить только быка и саванъ ²⁾). Въ Богнодольскомъ обществѣ, входящемъ въ составъ Гунибскаго округа, въ случаѣ неосторожнаго убійства плата не превышаетъ собою полдіата, и этотъ платежъ взыскивается не съ убійцы, а съ его родственниковъ ³⁾). Такъ какъ это взысканіе вполне совпадаетъ съ тѣмъ, которое предписывается шаріатомъ, то мы вправѣ будемъ сказать, что безответственность нечаянныхъ убійць и ограниченная отвѣтственность убійць неосторожныхъ проникли въ народные обычаи аварскихъ и сосѣднихъ къ нимъ обществъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ шафайтскихъ законовѣдовъ. То обстоятельство, что въ Аваріи издревле встрѣчаются ханы, озабоченные кодификаціей дѣйствующаго въ ней права, указываетъ намъ путь, какимъ совершалось постепенное проникновеніе народнаго обычая началами шаріата. Путь этотъ былъ тотъ самый, какому слѣдовало римское право при видоизмѣненія народныхъ обычаевъ германцевъ. Чѣмъ на западѣ была регламентирующая власть королей, такъ наз. «Ванн», тѣмъ въ Аваріи являлась регламентирующая власть хановъ. Какъ на западѣ кунинги въ своей кодификаціи народныхъ обычаевъ придерживались совѣтовъ духовенства и подъ его вліяніемъ вносили въ народныя правды чуждыя обычая нормы римскаго права, такъ точно на Востокѣ аварскіе ханы слѣдовали мнѣнію муллъ и кадівъ и обогащали составляемые ими сборники мѣстныхъ адатовъ принципами, цѣликомъ заимствованными у арабскихъ законовѣдовъ; немудрено по этому, если обычай аварцевъ въ большей степени, нежели обычай другихъ племенъ Дагестана, носятъ на себѣ отпечатокъ ранняго и глубокаго воздѣйствія шаріата. Эта общая черта сказалась въ частности и въ занимающемъ насъ вопросѣ. Писанному праву магометанъ удалось

1) Рук. Сб. Адат. Аварскаго народа, составленный въ 1865 г. Калантаровымъ.

2) Ibid.

3) См. Адаты, собранные въ 1884 году помощникомъ начальника Гунибскаго окр., кн. Андрониковымъ.

поколебать основное воззрѣніе родовыхъ обществъ на условія виновности и наказуемости и ввести въ обычай чуждое ему на первыхъ порахъ различіе случая, неосторожности и умысла.

Прямымъ послѣдствіемъ того воззрѣнія, что въ преступленіи возмездіе вызываетъ не злая воля преступника, а причиненный имъ матеріальный вредъ, является ненаказуемость покушенія: этотъ фактъ, подтвержденіе которому можно найти въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ ¹⁾, съ наглядностью выступаетъ еще въ юридическихъ обычаяхъ небольшого числа народностей Дагестана, такъ, напр., въ общихъ адатахъ Даргинскаго округа мы читаемъ: за нападеніе съ цѣлью ограбить, если самого грабежа не воспослѣдуетъ, взысканія не полагается, точно также, какъ не полагается его и въ случаѣ неудачной попытки присвоить себѣ чужое путемъ воровства. Нѣтъ возмездія тому, кто обнажить оружіе съ цѣлью нанесенія раны, каждый разъ, когда его намѣреніе останется безъ исполненія ²⁾. Адаты Даргинскихъ общинъ только тогда подвергають отвѣтственности за покушеніе, когда оно направлено противъ женской чести.

За попытку къ изнасилованію, даже за прикосновеніе къ женщинѣ, если она огласить его крикомъ, полагается ими взысканіе, что и за изнасилованіе ³⁾. Источники этого предписанія лежать въ шаріатѣ, который относитъ къ числу вѣняемыхъ дѣйствій даже простое прикосновеніе къ женскимъ губамъ ⁴⁾.

Вліяніе шаріата на адаты въ этомъ отношеніи началось уже давно и въ постановленіяхъ уцмیا Рустема, принадлежащихъ къ началу XVII-го столѣтія, мы уже находимъ слѣдующую статью: Съ того, кто прикоснется къ женщинѣ съ прелюбодѣйной цѣлью, взыскивать по тысячѣ кари (мѣра) хабцалдоку (грубой

1) См. Современный Обычай и Древній Законъ, т. II, стр. 93.

2) Адаты Даргинскаго окр., стр. 20, 26 и 27.

3) Адаты Даргинскихъ обществъ, стр. 21.

4) La peine djeld consistant en cent coups de bâton, говоритъ баронъ Tornaui, a lieu contre celui qui a eu l'intention de commettre un adultère, lors même qu'il ne l'aurait pas consommé, par exemple pour un baiser, un embrassement, le fait de coucher ensemble (Le droit musulman, 1860, стр. 295).

бумажной ткани) ¹⁾. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы нѣкоторые изъ Дагестанскихъ обществъ и въ томъ числѣ Микатинское не освобождали и доселѣ отъ всякой отвѣтственности всѣ тѣ случаи, въ которыхъ мужинѣ не удастся осуществить задуманнаго имъ надъ женщиной насилія ²⁾; поступаая такимъ образомъ, они являются выразителями старинныхъ народныхъ воззрѣній о безнаказанности покушенія, воззрѣній, рѣзко противоположныхъ тѣмъ, источникомъ которыхъ являются ученія мусульманскихъ законовѣдовъ.

Гдѣ нѣтъ представленія объ умыслѣ, какъ о необходимомъ условіи виѣняемости, тамъ не можетъ быть рѣчи объ отвѣтственности нравственнаго виновника преступленія, иначе говоря подстрекателя. Неудивительно поэтому, если на ступени родового возмездія кровомученіе постигаетъ исключительно того, кому нанесена была смерть или рана, а не того, чья воля опредѣлила собою волю преступника.

Слѣды этого стариннаго народнаго воззрѣнія выступаютъ еще въ адатахъ нѣкоторыхъ дагестанскихъ обществъ. «За убійство по подкупу, значится въ общихъ адатахъ Дагестанскаго округа, подкупавшій никакому взысканію не подлежитъ» ³⁾. Измѣненіе въ этомъ отношеніи народнаго обычая началось уже давно, доказательство этому мы находимъ въ древнѣйшемъ памятникѣ народнаго права Дагестана, въ постановленіяхъ Кайтагскаго уцмія Рустема. «За убійство подстрекателя, значится въ Дербентской рукописи этого сборника, виновный не подлежитъ взысканію, и кровь его должна пропасть, какъ свалившаяся съ дерева груша». Тоже въ другихъ словахъ выражаетъ этотъ памятникъ и въ той редакціи, въ какой онъ напечатанъ г. Комаровымъ: если кто либо понесетъ вредъ или будетъ убитъ по подстрекательству другаго, отвѣтственность несетъ подстрекатель. Въ случаѣ убійства подстрекатель признается кровнымъ врагомъ ⁴⁾.

Гдѣ нѣтъ представленія объ умыслѣ, какъ о необходимомъ условіи виѣненія, тамъ важность преступленія обуславливается

¹⁾ I вып. Сб. св. о Кавк. горц., стр. 82.

²⁾ Адаты Дарг. общ., стр. 52.

³⁾ Адаты Даргянскихъ общ., стр. 15.

⁴⁾ I вып. Сб. св. о Кавк. горцахъ.

не степенью напряженности злой воли, а величиною причиненнаго вреда. Но величина вреда зависитъ отъ того значенія, какое родовые союзы связываютъ съ тою личностью или тѣмъ имуществомъ, противъ которыхъ направляется дѣятельность преступника. Такъ какъ существованіе родовыхъ союзовъ обыкновенно совпадаетъ съ эпохой почти непрекращающихся усобицъ, то жизнь война—мужчины имѣетъ въ ихъ глазахъ большее значеніе, нежели жизнь женщины,—хозяйки. Неудивительно поэтому, если, согласно осетинскимъ обычаямъ, выкупъ крови убитой женщины въ половину меньше выкупа, полагаемаго за убійство мужчины¹⁾,—если въ нѣкоторыхъ дагестанскихъ округахъ и въ частности Кюринскомъ и Самурскомъ за убійство мужчины въ старые годы платили 24 тумана (туманъ стоимость трехъ быковъ), а за убійство женщины—всего 12²⁾. Такой порядокъ далеко, впрочемъ, не былъ всеобщимъ: въ магалѣ Урджамулъ адатъ за одно съ шаріатомъ не дѣлаетъ различія между убійствомъ мужчины и женщины³⁾, а въ Кайтагѣ, со временъ уція Рустема, убійство женщины признавалось даже болѣе тяжкимъ нежели убійство мужчины⁴⁾. Каждый разъ, когда преступленіе является съ характеромъ дѣйствія, задѣвающаго одновременно нѣсколько интересовъ, отвѣтственность преступника считается болѣе значительной, и на оборотъ. Отсюда слѣдующая лѣтвица преступленій. Убійство или воровство, связанное съ насильственнымъ вторженіемъ въ чужое жилище,—преступленіе болѣе важности, чѣмъ простое убійство или воровство. Убійство, связанное съ грабежомъ, по той же причинѣ,—квалифицированный видъ убійства. Убійство беременной женщины, какъ соединяющее въ себѣ два убійства, убійство матери и ребенка, также превосходитъ обыкновенные случаи лишенія жизни. Всею этому мы находимъ формальное признаніе въ дагестанскихъ адатахъ. «Кто убьетъ беременную женщину въ магалѣ Урджамулъ, тотъ обязанъ платить за двѣ крови⁵⁾». Въ магалѣ Гомрин-

1) Совр. об. и др. законъ, т. II, стр. 181.

2) Адаты Ю.-Даг. общ., стр. 6 и 6².

3) Ibid. стр. 47.

4) I вып. Сб. св. Кавк. горц.

5) Адаты Южно-Даг. общ., стр. 47.

скомъ, когда убьютъ человѣка на принадлежащемъ ему въ собственную участкѣ, убійство считается квалифицированнымъ—караканъ, что въ переводѣ значить—черная кровь ¹⁾. Въ Каракайтагѣ, со временъ уцмїа Рустема самыми тяжкими видами убійствъ уже признаются случаи, когда убійца возьметъ съ убитаго какую нибудь вещь, а тѣмъ болѣе—всякое убійство, связанное съ грабежемъ ²⁾.

Въ противность адату, шаріатъ даетъ преступленіямъ нравственную оцѣнку. Чѣмъ явственнѣе сказалась въ преступленіи злая воля преступника, чѣмъ онъ дѣйствовалъ сознательнѣе и свободнѣе отъ афекта, тѣмъ поступокъ его тяжеле. Только тѣ преступленія относятся сборникомъ Навави къ высшей категоріи «амбдъ», въ которыхъ результатъ вполне отвѣчаетъ намѣреніямъ преступника; если же, на оборотъ, вредъ, причиненный преступленіемъ, превышаетъ тотъ, который имѣлъ въ виду преступникъ, поступокъ его причисляется къ полуюмышленнымъ или шибчуль-амбдъ ³⁾. Вліяніемъ шаріата объясняется, если и въ адатахъ нѣкоторыхъ обществъ Дагестана къ числу квалифицированныхъ убійствъ или караканъ отнесены и тѣ, въ которыхъ кто либо убить изъ засады, и тѣ, въ которыхъ преступникъ всячески старается сохранить свой поступокъ въ тайнѣ ⁴⁾; къ числу такихъ квалифицированныхъ убійствъ постановленія уцмїа Рустема относятъ: убійство кого либо въ собственномъ домѣ или на собственной пашнѣ и при томъ безъ всякаго повода со стороны убитаго, а также убійство, сопровождаемое скрытіемъ трупа убитаго ⁵⁾.

Насколько такое различіе важности преступленія, совершенно напряженности злой воли содѣявшаго, противорѣчатъ основному взгляду родовыхъ сообществъ, можно судить по тому, что въ нѣкоторыхъ дагестанскихъ адатахъ, и въ томъ числѣ въ мугинскомъ прямо значится: «и убійство ни въ какомъ слу-

1) Ibid. стр. 52.

2) I вып. Сб. св. о Кавк. горц.

3) О послѣдствїяхъ убійствъ и пораненїй между горцами восточнаго Кавказа, стр. 7.

4) Магалъ Урджамуль, стр. 47; Магалъ Годеривскїй, стр. 51.

5) Дербентская рукоп.

чаѣ не считается кара ¹⁾, т. е. нѣтъ различія простыхъ и квалифицированныхъ убійствъ.

Отсутствіе кровомщенія въ родственной средѣ составляетъ ²⁾ характерную особенность той стадіи общественнаго развитія, которую привыкли обозначать терминомъ родовой. Находя подтвержденіе себѣ въ рядѣ данныхъ, источникомъ которыхъ служатъ какъ этнографія, такъ и древнѣйшая исторія права, — это положеніе съ удобствомъ можетъ быть выведено и дедуктивнымъ путемъ изъ общихъ началъ родоваго устройства и древнѣйшаго представленія о преступленіи и возмездіи. На родовой стадіи общежитія нѣтъ мѣста для индивидуализма, а потому самому — и для личной отвѣтственности; мѣсто ея занимаетъ отвѣтственность кровныхъ союзовъ — рода и семьи. Преступное дѣйствіе, каково бы ни было его содержаніе, является нарушеніемъ не индивидуальнаго, а коллективнаго интереса. Его ждетъ по этому не личное, а родовое возмездіе. Но родовое возмездіе мыслимо лишь подъ условіемъ примыканія его къ членамъ чужаго рода. Родъ самому себѣ не можетъ быть мстителемъ. Иначе въ результатъ получилась бы двойная потеря для рода: потеря члена, унесеннаго преступленіемъ, и потеря искупающей эту потерю жертвы. Неудивительно по этому, если на родовой стадіи общежитія убійство отца, сына или брата не вызываетъ того мщенія, какъ убійство любаго изъ членовъ чужаго рода. Женоубійство, въ виду принадлежности жены одновременно къ двумъ родамъ, роду ея родителей и роду мужа, то даетъ поводъ къ родовому возмездію, то оставляется не отмщеннымъ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ рѣшающимъ моментомъ является присутствіе или отсутствіе дѣтей у умерщвленной супруги. Убитая мужемъ бездѣтная жена считается принадлежностью выдавашаго ее въ замужество рода, который по этой причинѣ мститъ за ея смерть и получаетъ плату за убійство. Сдѣлавшись матерью, жена, чрезъ посредство дѣтей, становится членомъ одного съ мужемъ рода, а потому убійство ея супругомъ попадаетъ въ категорію преступленій, совершенныхъ въ

¹⁾ Алаты Дарг. общ., стр. 61.

²⁾ См. Современный Обычай и Древній Законъ, т. II, глава I.

родственной средѣ и не вызывающихъ возмездія. Всѣ эти положенія, развитіе которыхъ составило одну изъ задачъ моего труда о «Современномъ обычѣ и древнемъ законѣ», находятъ новое подтвержденіе въ народныхъ обычаяхъ Дагестана.

«Если убитый былъ родственникомъ ранившаго его, читаемъ мы въ общихъ адатахъ Даргинскихъ обществъ,—за рану удовлетворенія не дѣлается» ¹⁾.

Въ Микахинскомъ обществѣ этотъ общій адатъ находитъ примѣненіе только тогда, если того пожелаютъ родственники ²⁾.

Въ Саргинскомъ обществѣ, отецъ за убійство сына или дочери не подлежитъ кровомщенію, а платитъ только штрафъ, положенный шаріатомъ ³⁾.

Въ Кюринскомъ Округѣ, «какъ и въ Табасаранскомъ, если отецъ убьетъ сына или дочь, то онъ не несетъ платы за кровь, такъ какъ при убійствѣ дѣтей платежъ по праву поступаетъ въ руки отца» ⁴⁾. Въ верхнемъ Кайтагѣ и въ частности въ магалахъ Ганхъ, Ганшь и Мюра, отсутствіе кровной мести въ родственной средѣ примѣнялось до послѣдняго времени не только къ случаямъ убійства дѣтей отцомъ, но и къ тѣмъ, когда лицомъ, причинившимъ смерть, являлись мать, сынъ и дочь, мужъ и жена, братъ и сестра. Правда, свобода отъ возмездія была скорѣе факультативной, нежели обязательной, такъ какъ отъ родственниковъ зависѣло мстить или не мстить связанному съ ними единствомъ крови преступнику, но и одного этого достаточно для признанія, что въ допускаемой родственниками безответственности убійцы мы имѣли дѣло съ стародавнимъ обычаемъ, пустившимъ глубокіе корни въ народную жизнь: «Кто убьетъ отца, тотъ обязанъ удалиться изъ аула, если того пожелаютъ остальные члены его семьи; въ противномъ случаѣ, онъ остается дома и платитъ штрафъ въ пользу общества, обыкновенно трехлѣтняго быка, или 8 рублей деньгами. Если кто убьетъ брата и сестру, то отъ осталь-

¹⁾ Адаты Даргинскихъ обществъ, стр. 12.

²⁾ При убійствѣ родственникомъ родственника, убійца или дѣлается кызыл, или остается безъ преслѣдованія, по усмотрѣнію прочихъ родственниковъ. Ibid. стр. 47.

³⁾ Ibid. стр. 73.

⁴⁾ Азаты Южно Дагестанскихъ обществъ, стр. 7, 22.

ныхъ братьевъ и сестеръ зависить преслѣдовать его или простить; во всякомъ случаѣ съ убійцы взыскивается штрафъ въ пользу общества ¹⁾).

Въ магалѣ Терекеме архаическое начало, по которому убійство, совершенное въ родственной средѣ, оставалось не отмщеннымъ, выступаетъ съ особенной рѣзкостью.: «Если отецъ убьетъ сына или дочь, его поступокъ остается безнаказаннымъ. Если сынъ убьетъ отца или мать или братъ брата, то за убійство не преслѣдуется» ²⁾).

Тогда какъ адатъ, отпавляясь отъ той точки зрѣнія, что послѣдствіемъ преступленія должна быть месть обиженнаго рода роду обидчика, по этому самому не знаетъ возмездія за преступленія, совершенныя въ родственной средѣ, шаріатъ, для котораго Моисеевъ принципъ: «око за око, зубъ за зубъ» является высшимъ выраженіемъ справедливости, распространяетъ принципъ равнаго возмездія и на преступленія, совершенныя въ родственной средѣ: «За мужа или жену мстятъ наслѣдники ихъ, читаемъ мы въ сводѣ Навави. За дѣтей и нисходящихъ виновные платятъ цѣну крови наслѣдующимъ, лишаясь сами правъ наслѣдованія. Тоже надо сказать и о случаяхъ убійства восходящихъ» ³⁾).

Эти ученія законовѣдовъ школы Шафая находятъ себѣ буквальное примѣненіе въ адатахъ Казикумухскаго и Гунибскаго округа: «Братъ, убившій брата или сестру, обязанъ оставить мѣсто своего жительства, если того пожелаютъ остальные братья, или, за неимѣніемъ ихъ, другіе родственники», стоитъ въ рукописномъ сборникѣ адатовъ Казикумухскаго округа. Убійца подвергается тѣмъ же взысканіямъ и той же отвѣтственности, что и всякій вообще убійца, но съ тою разницею, что онъ выходитъ въ канлы одинъ и малъ — канлы не назначается. — «Если сынъ убьетъ отца, остальные сыновья убитаго или родственники его вправѣ убить на мѣстѣ, но если они не сдѣлаютъ этого и убійца спасется бѣгствомъ», въ такомъ случаѣ оживаетъ

¹⁾ Ibid. стр. 35.

²⁾ Ibid. стр. 49.

³⁾ См. Отвѣтственность за убійство и пораненіе по шаріату. Сб. св. о Кавк. горц.

старинное начало «безвозмездности убійствъ, совершенныхъ въ родственной средѣ и отъ убійцы никакого платежа не требуется.

Народное правовое воззрѣніе одерживаетъ также верхъ надъ требованіями шаріата въ случаѣ отцеубійства. «Отецъ убившій сына или дочь, ни въ какомъ случаѣ не подвергается мщению со стороны остальныхъ сыновей или родственниковъ; согласно Казикумухскому адату онъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности»¹⁾.

Гораздо строже придерживаются началъ шаріата при обсужденіи случаевъ отцеубійства адаты нѣкоторыхъ общинъ Гунибскаго округа и въ частности—селеній Хоточъ и Хиндагъ: если отецъ убьетъ безвинныхъ сына или дочь, то становится канлы по отношенію къ оставшемуся въ живыхъ сыну. Если, кромѣ убитаго, у него не будетъ другаго сына, то право кровомщенія переходитъ къ тому лицу, которое избѣрутъ изъ своей среды родственники убитаго.

Того же правила придерживаются жители названныхъ обществъ и въ случаяхъ братоубійства. Въ селеніяхъ Карахскаго общества какъ отецъ, убившій сына, такъ и сынъ, убившій отца, равно становятся канлы по отношенію къ братьямъ убитаго²⁾. Въ Бѣжитѣ, по свѣдѣніямъ сообщеннымъ мнѣ стариками, въ случаѣ отце- или брато-убійства, плата за кровь (дѣтъ) уплачивается была собственнымъ братьямъ, при неимѣніи же ихъ въ живыхъ—племянникамъ и дядямъ по отцу. Такъ какъ по общему правилу дѣтъ поступаетъ къ тѣмъ же лицамъ, что и наследство, то при полномъ отсутствіи родственниковъ со стороны отца, къ полученію дѣта съ отце— и брато-убійць допускаемы были даже родственники со стороны матери.

Въ Акушинскомъ обществѣ Даргинскаго округа, которое во времена Шамшля было однимъ изъ главныхъ очаговъ шюрризма, отецъ, убившій сына или дочь, дѣлается канлы родственниковъ

¹⁾ Сб. Адаговъ, сущ. въ Казикумухскомъ округѣ (1865 г.).

²⁾ Рукописный Сб. Адаговъ Гунибскаго округа. Тѣхъ же приблизительно началъ при обсужденіи случаевъ отце-сыно и брато-убійства придерживаются адаты слѣдующихъ обществъ: Даргинскаго округа, Минахинскаго (стр. 47), Сиргинскаго (стр. 73), Урахлинскаго (с.р. об), Усшилинскаго (стр. 101 и 102) и Цудахурскаго (стр. 114)

своей жены, и на оборотъ мать, за убійство сына или дочери, дѣлается канлы родственниковъ со стороны мужа, но это лишь въ томъ случаѣ, если убійца не оставилъ собственной семьи, такъ какъ семья эта имѣетъ преимущественное право на месть. Въ преслѣдованіи отцеубійства родственниками матери, а матереубійства—родственниками отца мы видимъ своеобразное сочетаніе требованій, вызываемыхъ шаріатомъ на счетъ наказуемости преступленій, жертвою которыхъ являются родители, и стариннаго народнаго воззрѣнія, по которому месть можетъ быть осуществлена только на членахъ чужаго рода¹⁾. Это же требованіе народнаго правосознанія принимается въ расчетъ и при опредѣленіи послѣдствій, вытекающихъ изъ убійства жены мужемъ и мужемъ жены.

Въ Самурскомъ округѣ²⁾, въ сѣверной Табасарани и въ магалѣ Терекеме мужъ, убившій жену, платитъ дѣть родственникамъ жены, и на оборотъ, жена, убившая мужа,—родственникамъ мужа³⁾. Въ большинствѣ же обществъ Дагестана принято за правило, что права женинаго или соотвѣтственно мужнинаго рода наступаютъ только тогда, когда у убитой или убитаго не окажется дѣтей. Но дѣти, какъ мы видѣли, по народному воззрѣнію лишены права мести по отношенію къ родителямъ, а потому, при наличности дѣтей, жено- и муже-убійство обыкновенно не даютъ повода къ возмездію. Самое большее, чего можетъ потребовать въ такихъ случаяхъ обычай, это угощенія виновнымъ или виновною членовъ обиженнаго ими рода,—т. е. мужемъ-убійцей рода жены, женой-убійцею—рода мужа⁴⁾.

Если родовые союзы исключаютъ возможность мести въ случаяхъ преступленій, совершенныхъ въ родственной средѣ, то, съ другой стороны, они смотрятъ на кровомщеніе какъ на общій способъ возмездія, равно приложимый родомъ ко всѣмъ злодѣяніямъ, послѣдствіемъ которыхъ является причиненіе ему или его членамъ матеріальнаго вреда.

Кровная месть прилагается поэтому же не къ однимъ только

1) Сб. Адатовъ Даргинскаго округа, стр.

2) Адаты Ю.-Даг. общ., стр. 65.

3) Адаты Южно-Даг. общ., стр. 29 и 49.

4) Ibid. стр. 53.

убійцамъ, но и къ лицамъ, оскорбившимъ честь рода путемъ прелюбодѣнія, изнасилованія, похищенія и даже простаго сожитія съ входящей въ его составъ женщиной или дѣвушкой. Въ случаѣ прелюбодѣнія, дагестанскій супругъ вправѣ убить обоихъ виновныхъ

«Кто, заставши жену свою съ любовникомъ, убьетъ ихъ обоихъ на мѣстѣ, читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ сѣверной Табасарани, тотъ не отвѣчаетъ за убійство. Если онъ убьетъ одного любовника, а жену оставить у себя, то обязанъ удовлетворить родственниковъ убитаго за кровь и заплатить обществу штрафъ. Если онъ убьетъ жену, а любовникъ успѣетъ скрыться, то за убійство жены не отвѣчаетъ, но преслѣдуетъ ея любовника. Если онъ убьетъ любовника, а жена успѣетъ скрыться, и онъ оставить ее безъ преслѣдованія, то обязанъ удовлетворить за его кровь, а если хотя и черезъ нѣсколько времени убьетъ жену свою, то за кровь любовника ея не отвѣчаетъ» ¹⁾).

Въ Казикумухскомъ округѣ, если мужъ застанетъ прелюбодѣйную жену на мѣстѣ преступленія, то въ правѣ убить обоихъ виновниковъ: кровь жены въ этомъ случаѣ зачисляется за кровь любовника. Но если убита одна жена, а любовникъ успѣлъ бѣжать, онъ подвергается мщенію родственниковъ убитой. Если же, на оборотъ, въ живыхъ останется жена, а любовникъ будетъ убитъ, мужъ—убійца становится канлы для родственниковъ убитаго. Въ большинствѣ аварскихъ обществъ дѣйствуетъ то же правило. Виновники прелюбодѣнія становятся канлы по отношенію къ мужу до примиренія или на срокъ, обыкновенно трехгодичный. Убійство ихъ не подлежитъ отпущенію ²⁾). Народное воззрѣніе на мечь, какъ на неизбѣжное послѣдствіе прелюбодѣнія, стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ писаннымъ правомъ магометанъ. Согласно ученію Навави, послѣдствіемъ прелюбодѣнія, для не женатаго человѣка является нанесеніе ему только ста ударовъ плетью, для женатаго же побіеніе камнями ³⁾).

¹⁾ Адаты Ю.-Даг. общ., стр. 22 и 23. См. также адаты Даргинскаго окр., стр. 38 (Акуша).

²⁾ Сборникъ Адатовъ Аварскаго округа.

³⁾ Minhadj, т. III, стр. 13.

Обычаи Дагестана не знаютъ примѣненія публичныхъ каръ къ виновникамъ прелюбодѣянiя; они упорно стоятъ за осуществленiе мужемъ личной мести и далеко не повсюду допускаютъ замѣну ея выкупомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана, какъ, напр., въ Закатальскомъ округѣ, считается постыднымъ для мужа взять съ прелюбодѣя выкупъ; въ другихъ, какъ, напр., въ селенiи Башлы вовсе не существуетъ адата, который бы регулировалъ порядокъ примиренiя съ ними, такъ что обольстившiй замужнюю женщину остается канлы «втеченiи всей своей жизни и его вправѣ убить какъ мужъ, такъ и родные мужа» ¹⁾. Въ Кюринскомъ округѣ, обычай разрѣшаетъ мужу признать невинной завѣдомо прелюбодѣйную жену и подъ этимъ условiемъ продолжать съ нею сожителство, но въ этомъ случаѣ онъ обязанъ отказаться какъ отъ личнаго возмездiя обольстителю, такъ и отъ полученiя съ него выкупа ²⁾. Въ Закаталахъ, какъ и въ Самурскомъ округѣ, а также въ большинствѣ Даргинскихъ обществъ, дозволено получать съ обольстителя выкупъ, который въ однихъ мѣстностяхъ одинаковъ съ тѣмъ, какой взыскивается въ случаяхъ убiйства, а въ другихъ—представляетъ половину этой суммы ³⁾.

Адаты большинства Дагестанскихъ общинъ ставятъ на одну доску съ прелюбодѣянiемъ какъ побѣгъ дѣвушки въ сообществѣ съ обольстителемъ, такъ и мужеложство, въ томъ смыслѣ, что разрѣшаютъ отцу и вообще ближайшему родственнику убить одновременно обоихъ виновныхъ. Смерть одного изъ двухъ не освобождаетъ отъ отвѣтственности за смерть другаго. Такъ напримѣръ, по адату, существующему въ селенiи Кечеръ (Гунибскаго округа), за добровольный побѣгъ дѣвушки съ мужчиной, оба виновные выводятся въ канлы на неопредѣленный срокъ, впредь до того времени, когда отцу бѣжавшей угодно будетъ или выдать ее замужъ за обольстителя или получить

¹⁾ Адаты Южно-Дагест. общ., стр. 61.

²⁾ Адаты Южно-Даг. общ.—Если мужъ изобличенной въ прелюбодѣянiи жены объявитъ, что она для него чиста, то вѣсть съ этой лашается права и на удовлетворенiе со стороны обольстителя (стр. 18).

³⁾ Такъ, напр., въ Закатальскомъ округѣ.

съ него выкупъ ¹⁾. Въ адатахъ Тиндальскаго общества Андійскаго округа значится: Если застануть мужчину въ преступной связи съ посторонней ему женщиной, замужней или не замужней,—оба виновные могутъ быть убиты на мѣстѣ. Не случится этого,—любовникъ становится кровнымъ врагомъ. Въ Кюринскомъ округѣ «за увозъ женщины отвѣчаютъ какъ за убійство мужчины: увезшій выводится въ канлы и родственники увезенной вправѣ убить его безъ всякой за то отвѣтственности» ²⁾.

Въ Табасарани «если при похищеніи дѣвицы, родственники бросятся въ догонъ и убьютъ бѣжавшихъ, они не подлежатъ преслѣдованію за убійство» ³⁾.

Во многихъ обществахъ Дагестана тотъ же обычай примѣняется и къ случаямъ мужеложства, сопровождаемаго насиліемъ. Такъ, напр., въ общихъ адатахъ Даргинскаго округа ⁴⁾ мы читаемъ: «За мужеложство, соединенное съ насиліемъ, если подвергшійся насилію огласилъ его крикомъ, виновный подвергается взысканію какъ за убійство. Въ Усилинскомъ обществѣ, кто застанеть родственника своего въ мужеложствѣ съ другимъ мужчиной и убьетъ обоихъ, не подвергается никакой отвѣтственности» ⁵⁾.

Всякая попытка овладѣть дѣвушкой противъ ея воли, хотя бы она и не сопровождалась опредѣленнымъ результатомъ, даетъ отцу и вообще ближайшему родственнику право убить виновнаго или получить съ него тотъ же выкупъ, что и за убійство ⁶⁾. Дагестанскіе адаты выставляютъ при этомъ требованіе, чтобы потерпѣвшая огласила крикомъ о причиненномъ ей насиліи.

1) Бѣловая книга для записи апелляционныхъ жалобъ на рѣшенія сельскихъ судовъ Гунибскаго округа, 1881 года.

2) Адаты Южно-Даг. общ., стр. 17.

3) Ibid. стр. 24.

4) Адаты Даргинск. окр., стр. 21.

5) Адаты Даргинскихъ общ., стр. 102.

6) За прикосновеніе къ женщинѣ или снятіе съ нея платна или одежды, читаемъ мы въ адатахъ Андійскаго округа (селенія Годобери и Зяберхали), виновный подвергается всемъ тѣмъ взысканіямъ, каковыя подлежатъ убійца.—Въ селеніяхъ Хоточъ и Хиндачь Гунибскаго округа лицо, позволившее себѣ насиліе надъ женщиной, выходитъ въ канлы. Въ Ая-

Такъ, напр., въ селеніи Согратль Гунибскаго округа если со-
вершеннолѣтняя дѣвушка объявить, что она подверглась наси-
лію со стороны такого то лица и въ такомъ то мѣстѣ, и въ
то же время окажется, что она крикомъ не огласила о случив-
шемся и не просила чужой помощи, то показаніе ея не прини-
мается въ расчетъ; другое дѣло, если подвергшаяся насилію—
несовершеннолѣтняя.

Общіе адаты Даргинскихъ обществъ выставляють то же тре-
бованіе: изнасилованная, значится въ нихъ, должна огласить кри-
комъ сдѣланное надъ нею насиліе. Въ противномъ случаѣ ея
жалобѣ не дають дальнѣйшаго хода. Если насиліе сдѣлано въ
безлюдномъ мѣстѣ, потерпѣвшая должна объявить о случив-
шемся при входѣ въ деревню. Отъ женщины, извѣстной сво-
имъ развратнымъ поведеніемъ, жалоба не принимается ¹⁾.

Лицо, позволившее себѣ насиліе надъ женщиной, только тогда
не становится кровнымъ врагомъ или каналы ²⁾ по отношенію
къ ея отцу, если согласится взять ее въ жены ³⁾. Этотъ исходъ
почти неизбеженъ въ томъ случаѣ, если дѣвушка окажется бе-
ременной. Воспитаніе ребенка въ всякомъ случаѣ падаетъ на
отца ⁴⁾.

Критеріемъ древности только что изложенныхъ нами обыча-
евъ можетъ служить то обстоятельство, что мы находимъ ихъ
въ той кодификаціи мѣстныхъ адатовъ, которая была предпринята
въ началѣ XVII-го вѣка Кайтагскимъ уцмиемъ Рустемомъ.

«Съ того, кто прикаснется къ женщинѣ съ прелюбодѣянной

дѣйскомъ округѣ, въ обществѣ Ункранель—самой обиженной женщинѣ
предоставляется право убить насилвателя.

¹⁾ Адаты Дарг. общ., стр. 21.

²⁾ Въ сборникѣ адатовъ Казикумухскаго округа мы читаемъ: уличен-
ный въ изнасилованіи обязанъ жениться на обиженной имъ дѣвушкѣ,
если родители ея и сама дѣвушка изъявятъ на то свое согласіе.

³⁾ Въ Сб. Казикумухскихъ адатовъ значится: Если кто либо изъ
вражды или вслѣдствіе страстныхъ побужденій снимаетъ съ дѣвочки или
вдовы платокъ или затащить ее въ свое или чужое жилище, тотъ обя-
занъ на ней жениться, заплативъ 40 р. или уступивъ пахатное поле той
же стоимости роднымъ обиженной женщины.

⁴⁾ Если женщина забеременеть отъ сваянъ съ мужчиной, послѣдній дол-
женъ на ней жениться, читаемъ мы въ адатахъ Казикумухскаго округа.

цѣлью, значитса въ ней, взыскивать по тысячѣ кари хобцалдоку». Но тотъ же платежъ слѣдуетъ и за убійство женщины.

«Если женщина съ крикомъ прибѣжала домой и покажетъ, что кто-либо коснулся ея съ прелюбодѣянной цѣлью и обвиняемый будетъ найденъ на мѣстѣ, указанномъ женщиной, показаніе ея должно быть принято судомъ, читаемъ мы въ томъ же сборникѣ. Но если женщина не закричитъ, при прикосновеніи къ ней мужчины, и объявить о случившемся по возвращеніи домой, жалобы ея не давать ходу». «Если увезшій женщину будетъ насильно удерживать ее у себя, то убійство его считать безвозмезднымъ. Если увезенная согласится быть женою увезшаго, то сочетать обоихъ бракомъ. Когда же увезенная не желаетъ вступить въ бракъ съ увезшимъ ее, то возвратитъ родственникамъ»¹⁾).

На ряду съ убійствами и преступленіями, связанными съ оскорбленіемъ общественной нравственности и семейной чести, всякаго рода раненія, отнюдь однако не побои, считались въ Дагестанѣ поводомъ къ кровомщенію. Доказательство этому мы видимъ въ томъ обстоятельстве, что подобно убійцѣ, поранитель долженъ былъ избѣгать присутствія родственниковъ своей жертвы, которые при встрѣчѣ могли нанести ему рану, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности. Платежъ за рану не считался обязательнымъ, но за то характеръ обязанности носило устраиваемое поранителемъ «мирное угощеніе», на которое родственники потерпѣвшаго являлись въ числѣ, напередъ опредѣленномъ обычаемъ.

Адаты Андійскаго и южно-Дагестанскихъ округовъ всего болѣе сохранили чертъ стариннаго воззрѣнія, по которому всякое кровопролитіе давало поводъ къ родовому возмездію. Въ Гумбетовскомъ наибствѣ, если ранившій до примиренія его съ раненымъ выйдетъ изъ дому или со двора, хотя бы только къ сосѣду, и будетъ замѣченъ родственниками раненаго, — онъ подвергается нападенію съ ихъ стороны. Родственники имѣютъ право поранить его, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности; за убійство же его они подлежатъ кровомщенію. Если ранившій

¹⁾ I вып. Сб. св. о Кавк. горц., стр. 82, 85 и 83.

при выходѣ изъ дому будетъ замѣченъ не родственниками жертвъ, а общественными властями деревни (турчаками), съ него взыскивается штрафъ въ пользу деревни ¹⁾. Укрывательство поранителя, согласно общимъ адатамъ Андійскаго округа, должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока лицо, получившее рану, не почувствуетъ облегченія. По выздоровленіи раненаго, родственники поранителя, при посредствѣ лицъ, пользующихся въ селеніи наибольшимъ почетомъ, стараются склонить родственниковъ жертвы къ примиренію, дѣлаютъ имъ съ этою цѣлью подарки и приглашаютъ ихъ, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, къ себѣ въ гости, при чемъ устраиваютъ въ ихъ честь пирушку ²⁾.

Въ южномъ Дагестанѣ, какъ видно изъ адатовъ Гамринскаго магала, такъ называемое «мирное угощеніе» — также необходимое послѣдствіе раненій; оно устраивается каждый разъ виновнымъ на собственный счетъ и средства своихъ родныхъ, въ пользу не одного потерпѣвшаго, но и его родственниковъ. Во время пиршества стороны формально мирятся между собою ³⁾.

Въ Микахинскомъ обществѣ (Даргинскаго округа), до излѣченія раны, ранившій не долженъ встрѣчаться съ раненымъ и родственниками его. За неисполненіе этого требованія съ него взыскивается штрафъ въ пользу сельскаго общества (джамаата). Если отъ встрѣчи его съ раненымъ или его родственниками послѣдуетъ драка и поранитель будетъ раненъ, онъ за рану не получаетъ никакого удовлетворенія ⁴⁾.

Въ Мучинскомъ обществѣ «по излѣченіи раны, ранившій дѣлаетъ угощеніе раненому и родственникамъ его, число которыхъ, по важности раны, опредѣляетъ лѣжившій ее ⁵⁾».

Во многихъ аулахъ Дагестана, за рану, не принимающую характера увѣчья, не полагается никакого взысканія въ пользу потерпѣвшаго, но во всѣхъ одинаково поранитель призывается къ возмѣщенію убытковъ, причиненныхъ его раной, а потому

¹⁾ Рук. Сборникъ адатовъ, сущ. между жителями Андійскаго округа (1865 г.).

²⁾ Ibid.

³⁾ Адаты Южно-Дагест. общ., стр. 53.

⁴⁾ Адаты Даргинскаго округа, стр. 49.

⁵⁾ Ibid. стр. 63.

оплачиваетъ лѣкаря ¹⁾ и принимаетъ на себя всѣ или половину издержекъ по содержанию раненаго до момента его излѣченія. Штрафъ въ пользу общества, въ которомъ произведено было пораненіе, обыкновенно, хотя и не всегда, взыскивается съ поранителя. Такъ, въ Акушахъ ²⁾, хотя раненый не получаетъ никакого удовлетворенія, но за всякую рану, даже не требующую лѣченія, слѣдуетъ платежъ штрафа. Штрафъ взыскивается, впрочемъ, лишь въ случаѣ умышленнаго пораненія. Наоборотъ, тамъ гдѣ полагается платежъ въ пользу раненаго, не дѣлается различія между умышленнымъ и неумышленнымъ пораненіемъ, точно также, какъ не дѣлается его между умышленнымъ и неумышленнымъ убійствомъ. Народъ не преслѣдуетъ въ пораненіи ничего, кромѣ причиненнаго имъ вреда, и этотъ вредъ не зависитъ отъ того, было ли пораненіе умышленнымъ, неосторожнымъ или случайнымъ. Вотъ почему въ Михаиномъ обществѣ какъ и въ Урахлинскомъ — за неумышленное пораненіе, удовлетвореніе дѣлается то же, что и за умышленное, но штрафъ не взыскивается ³⁾. То же — на протяженіи всего Самурскаго округа ⁴⁾. Въ селеніи Башлы равнодушіе обычая къ умыслу идетъ такъ далеко, что онъ подвергаетъ одинаковой отвѣтственности за раны какъ совершеннолѣтняго, такъ и несовершеннолѣтняго ⁵⁾.

Подобно убійствамъ, пораненія сопровождаются возмездіемъ только въ томъ случаѣ, если пораненый принадлежитъ къ другому роду, нежели поранитель. Въ магалѣ Гамринскомъ, ранившій сына или дочь не подвергается преслѣдованію, точно также какъ братъ, ранившій брата. Если мать ранитъ сына или дочь, то она, какъ принадлежащая къ другому роду, нежели ея мужъ, подлежитъ преслѣдованію. То же правило соблюдается при пораненіи мужа женою или жены мужемъ ⁶⁾.

Необходимымъ актомъ всякаго производимаго между родами примиренія является такъ называемое мирное угощеніе; мы встрѣчаемъ его при всякомъ пораненіи какъ умышленномъ, такъ и

¹⁾ Ibid. стр. 76, 103.

²⁾ Ibid. стр. 36.

³⁾ Ibid. стр. 49, 89 и 116.

⁴⁾ Адагы Ю.-Дар. общ., стр. 67.

⁵⁾ Ibid. стр. 60.

⁶⁾ Ibid. стр. 53.

случайномъ.¹⁾—вѣрный признакъ тому, что пораненіе наравнѣ съ убійствомъ входило въ категорію дѣйствій, которыя согласно адату подлежатъ отмщенію.

Но отмщенія требуетъ въ случаяхъ раненій и шаріатъ, все отличіе котораго отъ адата сводится въ данномъ случаѣ къ проводимому имъ принципу равнаго возмездія (киссасъ); этотъ принципъ требуетъ, чтобы поранителю нанесена была такая же точно рана, какъ та, отъ которой страдаетъ его жертва. Шаріатъ допускаетъ, впрочемъ, замѣну личнаго возмездія выкупомъ. Сводъ Навави, подобно дѣйствующему въ Дагестанѣ адату, требуетъ, чтобы издержки по лѣченію раны пали на поранителя. Вліяніе, оказанное имъ на образованіе адата, выступаетъ между прочимъ въ томъ, что за раненіе женщины взыскивается въ Дагестанѣ какъ и за убійство—половинная плата противъ той, какая бы слѣдовала потерпѣвшей сторонѣ въ томъ случаѣ, если раненіе или убійство направлено было противъ мужчины. За пораненіе женщины, значится въ адатахъ Мучинскаго округа, дѣлается половинное взысканіе²⁾. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ адаты Аварцевъ, въ которыхъ на оборотъ за раненіе женщины взыскивается больше, нежели за раненіе мужчины³⁾. При раненіи беременной женщины, сопровождаемомъ выкидышемъ, адаты требуютъ добавочнаго платежа.

Большинству древнихъ сводовъ и въ числѣ ихъ какъ варварскимъ законамъ германцевъ, такъ и нашей древней правдѣ извѣстно выдѣленіе въ особую группу тѣхъ видовъ раненій, которыя сопровождаются потерей того органа, противъ котораго они направлены,—я разумѣю такъ называемыя увѣчья. Нѣкоторыя древнія законодательства, какъ, напр., Датское, приравниваетъ ихъ къ убійствамъ и требуютъ полной платы за кровь отъ виновниковъ. Другія, наоборотъ, образуютъ изъ нихъ самостоятельную, посредствующую группу между убійствомъ и раненіемъ въ тѣсномъ смыслѣ. У чловѣка три важнѣйшихъ органа, говорятъ Датскіе законы, это:—носъ, языкъ и дѣто-

¹⁾ Ibid. стр. 63.

²⁾ Адаты Дарг. общ., стр. 63.

³⁾ Ср. Адаты и судопроизводство по нимъ Комарова, I вып. Сб. св. о Кавк. горц., стр. 37.

родный членъ; «увѣчье ихъ требуетъ полной платы за кровь». Большинство законодательствъ, въ томъ числѣ Салическая правда, древніе законы Уэльса, Русская Правда (ст. 21 Троицкаго списка), не причисляя увѣчья къ убійствамъ, ставятъ на одну доску отсѣченіе руки, ноги, носа, уха, а также выколъ глаза. При этомъ, какъ общее правило, мы встрѣчаемъ постановленіе о платежѣ виновнымъ половины той платы, которая слѣдовала бы съ него за убійство. Только по отношенію къ кастраціи большинство законодательствъ держится того взгляда, что увѣчье здѣсь, по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ, ничѣмъ не отличается отъ убійства: потому-ли, что смерть нѣрѣдко ожидаетъ кастрата, или-же потому, что послѣдній лишается возможности численнаго размноженія рода, и имѣется, слѣдовательно, основаніе къ увеличенію мѣры наказанія. Салическая Правда требуетъ 200 солидовъ съ того, кто произведетъ кастрацію; но это—та самая плата, какую та же Правда взыскиваетъ съ убійцы. Что касается до другихъ видовъ увѣчій, то лишеніе глаза, носа, руки или ноги, согласно Салической Правдѣ, ведетъ къ уплатѣ половины того, что слѣдуетъ за убійство—100 солидовъ, вмѣсто 200. Тотъ-же приблизительно размѣръ взысканій встрѣчаемъ мы и въ другихъ германскихъ законодательствахъ, а также въ Русской Правдѣ, 21 ст. которой, по Троицкому списку, заключаетъ въ себѣ на этотъ счетъ слѣдующія постановленія. За отсѣченіе руки, ноги или лишеніе глаза полагается полувирье, т. е. 20 гривенъ; сводъ Навави измѣряетъ платежъ за увѣчье такимъ образомъ, что кладетъ въ основаніе расчета плату за убійство въ 100 верблюдовъ. Вознагражденіе за увѣчье не можетъ превышать собою $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{4}$ этой суммы; поэтому за отнятіе одновременно органовъ вкуса и слуха полагается платежъ всего на все 50 верблюдовъ, за отнятіе руки или ноги—10 верблюдовъ, глаза—5 верблюдовъ и т. д. Что касается до адата, то въ примѣненіи къ увѣчьямъ его постановленія сложились по видимому независимо отъ шаріата. Въ Казикумухскомъ округѣ лишеніе ноги, руки и глаза приравнивается каждое къ повинному убійству. Въ Андійскомъ округѣ каждый разъ опредѣляется степень увѣчья, т. е. въ какой мѣрѣ потерпѣвший со-

хранилъ способность владѣть подвергшимся увѣчью членомъ, и сообразно этому производится платежъ. За нѣкоторыя увѣчья взыскивается обычаемъ плата за отнятіе руки или ноги—рабъ или цѣна его (40 р.). За отсѣченіе носа—лошадь съ сѣдломъ и сбруей. Въ Гумбетовскомъ наибствѣ всякое увѣчье приравнивается къ половинному убійству, за исключеніемъ выколотья глаза, за которое полагается всего на всего платежъ въ 40 р., тогда какъ за отсѣченіе руки или ноги взыскивается $\frac{1}{2}$ діэта или 120 р. Въ Кюринскомъ округѣ увѣчьемъ считается потеря разсудка, глаза, языка, носа, ноги, руки и полового органа. Плата за каждое увѣчье равняется половинѣ діэта (126 р.) За потерю двухъ или болѣе органовъ взыскивается $\frac{2}{3}$ платы, полагаемой за убійство. То же въ Табасаранскомъ и Самурскомъ округахъ.

Отличая увѣчья отъ ранъ, древнія законодательства проводятъ различія и между самыми раненіями. Древнѣйшимъ способомъ опредѣленія важности ранъ является измѣреніе ихъ величины. Примѣръ такого измѣренія представляетъ намъ законодательство Фризовъ, которое прилагаетъ къ измѣренію ранъ слѣдующіе приемы. Платежъ за обыкновенную рану—одинъ солидъ. Если-же длина раны равняется разстоянію между суставомъ втораго и третьаго пальца,—размѣръ взысканія возрастаетъ до 4 солидовъ. Когда-же рана была съ писть, считая ее отъ изгиба руки до оконечности средняго пальца, виновный присуждался къ уплатѣ 24 солидовъ—наибольшій платежъ, который вообще могъ быть произведенъ при раненіи. Въ позднѣйшемъ законодательствѣ Фризовъ сдѣлано лишь то измѣненіе, что единицею измѣренія признанъ суставъ: раны, достигшія размѣра одного сустава, считались тяжкими, остальные—легкими. Далеко небезинтересную черту осетинскаго обычнаго права составляетъ то обстоятельство, что и въ немъ основаніемъ къ различенію тяжкихъ и легкихъ ранъ еще недавно являлась ихъ величина; послѣдняя-же опредѣлялась съ помощью хлѣбныхъ зеренъ. О ранѣ говорили: она имѣетъ въ длину 10, 12 и болѣе зеренъ ячменя. За каждое зерно въ длину обидчикъ обязанъ былъ отдать корову, но далѣе 12-ти коровъ взысканіе не шло. Нѣчто подобное такому способу опредѣленія важности

раны мы находимъ и въ нѣкоторыхъ обществахъ Дагестана: въ Капучѣ, въ Анцухѣ, въ Тлейсерухѣ, въ Аняльранелѣ раны, нанесенныя холоднымъ оружіемъ, измѣняются пальцемъ; за каждый палецъ, входящій въ рану, поранившій платитъ равенному по одной овцѣ ¹⁾. Трудно допустить, однако, чтобы человѣчество долгое время могло оставаться при той наивной увѣренности, что важность раны исключительно зависитъ отъ ея величины. Опытъ весьма рано долженъ былъ привести къ убѣжденію, что случаи раненія, связанные съ обнаженіемъ кости, опаснѣе тѣхъ, которые не имѣютъ этого послѣдствія, что раненія извѣстныхъ частей тѣла, и въ особенности головы, всего опаснѣе, такъ какъ отъ нихъ, при обнаженіи мозга, легко можетъ послѣдовать смерть. Въ полномъ соответствіи съ сказаннымъ, древнѣйшія правды германцевъ, кельтовъ и славянъ устанавливаютъ уже различіе между ранами безъ поврежденія и съ поврежденіемъ костей, между раненіями головы и раненіями прочихъ частей тѣла. Салическая Правда знаетъ различіе между ранами, нанесенными черепу и сопровождающимися обнаженіемъ мозга, и тѣми, которыя сдѣланы въ другія части тѣла. Если у пораненнаго отлетитъ три осколка отъ черепныхъ костей,—обидчикъ платитъ 30 солидовъ; если рана направлена будетъ въ голову и раскроитъ черепъ, но никакихъ осколковъ отъ него не полетитъ,—виновный платитъ всего 15 солидовъ, какъ и за всякую рану, сопровождающуюся обильнымъ истеченіемъ крови. Рана, нанесенная по направленію къ сердцу, приравнивается къ раненію черепа и оплачивается 30 солидами. Позднѣйшія правды германцевъ представляютъ несравненно большее разнообразіе въ способахъ различенія ранъ. Рана, разсѣкающая кость; рана, проникающая во внутренности; рана, задѣвшая головной мозгъ; рана, при которой оружіе вышло наружу; рана сопровождающаяся поврежденіемъ членовъ, если не полной парализаціей ихъ; рана, отъ которой можно и отъ которой нельзя вполнѣ вылѣчиться—вотъ тѣ многоразличные виды квалифицированныхъ раненій, какія извѣстны правдамъ какъ скандинавскихъ, такъ и континентальныхъ нѣмцевъ. Не забудемъ также того различія, какое, не-

¹⁾ Комаровъ. Алаты и судопроизводство по нимъ, стр. 36.

зависимо отъ опасности раненія, проводитъ законодатель между тѣми видами его, которые оставляютъ наружный слѣдъ, и тѣми, которые такого слѣда не оставляютъ. Съ понятіемъ первыхъ сливается понятіе о ранахъ, сдѣланныхъ въ лицо. Любопытно, что это различіе между лицевыми ранами и раненіями прочихъ частей тѣла одинаково встрѣчается и между германцами и между осетинами, а также индусами и греками—обстоятельство, которое заставляетъ насъ отнести эту классификацію раненій къ числу тѣхъ, которыя извѣстны были арійцамъ въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи. Далеко не во всѣхъ дагестанскихъ адатахъ попадаются всѣ только что перечисленные нами категоріи раненій; большинство довольствуется тѣмъ, что выдѣляетъ изъ прочихъ видовъ раненій тѣ, которыя сопровождаются неспособностью владѣть подвергшимся раненію членомъ. Въ Казикумухскомъ адатѣ встрѣчается слѣдующая классификація раненій: рана до кости, рана, связанная съ перерубленіемъ кости; второй видъ ранъ ведетъ къ платежу въ два раза большому, противъ того, какой требуется, если кость осталась не поврежденной; пораненія, сдѣланныя холоднымъ оружіемъ, считаются легче тѣхъ, которые сдѣланы ружьемъ. Рана въ лицо тяжеле раны, нанесенной въ другую часть тѣла. Въ Ункральскомъ обществѣ Андійскаго округа къ этимъ различіямъ присоединяются еще слѣдующія: рана, задѣвающая кость черепа, рана задѣвающая мозгъ, рана въ животъ, лицевая рана, сопровождающаяся уродствомъ, напр., покривленіемъ глаза. Особую категорію раненій составляютъ отсѣченія пальцевъ руки. За большой палецъ платежъ въ пользу раненаго 20 р., за указательный—16 р., за средній—12, за безымянный—8, за мизинецъ—4. Въ Хваршинскомъ обществѣ рана въ голову съ разрубомъ кости черепа, какъ и рана въ животъ, а также всякая рана въ руку или ногу, соединяющаяся съ разрушеніемъ кости, по своимъ послѣдствіямъ приравняется къ увѣчьямъ и возмѣщается платежемъ половинной платы за кровь или что то же—половинной діаты.

На ряду съ раненіями нѣкоторые древніе своды относятъ къ числу вызывающихъ возмездіе дѣйствій и простые удары, при чемъ чертою различія принимается присутствіе или отсутствіе факта пролитія крови: Садическая Правда подвергаетъ лицъ,

виновныхъ въ причиненіи побоевъ, болѣ легкимъ платежамъ, чѣмъ тѣ, какіе слѣдуютъ за раны: 3-хъ солидовъ, а не 9. Если Русская Правда или законы лонгобардовъ считаютъ побои даже болѣ тяжелымъ оскорбленіемъ, нежели простыя раненія, то потому лишь, что преслѣдуютъ въ нихъ отсутствующій въ раненіяхъ элементъ безчестія. Чѣмъ рѣзче выступаетъ въ ударѣ эта сторона, тѣмъ она признается тяжеле; по этой причинѣ пощечина у лонгобардовъ оплачивалась въ два раза дороже раны. Повтореніе ударовъ или что то же съченіе сопровождалось по законамъ англо-саксонскаго короля Альфреда большимъ платежѣмъ, нежели одиночные удары. Ударъ батагомъ или тупою стороною меча оцѣнивается Русскою Правдою дороже раненія. Дагестанскіе адаты также принимаютъ въ расчетъ тотъ характеръ безчестія, какой въ народныхъ представленіяхъ связанъ съ полученіемъ удара, но обыкновенно—лишь въ томъ случаѣ, когда потерпѣвшей стороною является женщина. «За нанесеніе мужчинѣ побоевъ, хотя бы отъ нихъ и остались знаки, постановляетъ общій адатъ Даргинскихъ обществъ, виновный никакому взысканію не подвергается»¹⁾).

Другое дѣло, если обиженной будетъ женщина. Даже въ томъ случаѣ, если она первая начала драку,—все же слѣдуетъ въ ея пользу платежъ одного быка. Въ Микачинскомъ обществѣ, если драка возникла не по винѣ женщины, сверхъ платежа шести сабъ пшеницы въ ея пользу адатъ требуетъ еще угощенія обиженной и 15 родственниковъ на средства обидчика²⁾). Если побои нанесены будутъ беременной женщинѣ и послѣдствіемъ ихъ будетъ выкидышъ, адатъ требуетъ съ виновнаго производства добавочнаго платежа; такъ, напримѣръ, въ Сиргинскомъ обществѣ, гдѣ этотъ добавочный платежъ достигаетъ размѣра 30 рублей³⁾).

Происхожденіе этого обычая объясняетъ намъ сборникъ адатовъ сѣверной Табасарани, постановляя: кто поранитъ беременную женщину, и тѣмъ произведетъ выкидышъ, обязанъ

1) Адаты Дарг. общ., стр. 20.

2) Ibid. стр. 50.

3) Адаты Даргин. общ., стр. 76.

удовлетворить ее какъ за увѣчые, такъ и за плодъ ея, смотря по тому, какого пола этотъ плодъ ¹⁾).

Въ селеніи Башлы лицо, которое своими раненіями или побоями вызоветъ выкидышъ въ беременной женщинѣ, приравнивается къ убійцамъ и сообразно этому становится кровнымъ врагомъ, канлы, мужа потерпѣвшей ²⁾).

Въ Самурскомъ же округѣ въ этомъ случаѣ взыскивается отдѣльно какъ за увѣчые, такъ и за убійство плода ³⁾).

---

1) Адагы Ю.-Даг. общ., стр. 24.

2) Ibid. стр. 60.

3) Ibid. стр. 67. Изъ того общаго правила, что побои, причиненные мужчинамъ, не подлежатъ взысканіямъ и штрафамъ, адаты допускаютъ одно исключеніе. Побои, направленные противъ должностныхъ лицъ селенія, не признаются дѣйствіями безразличными и за нихъ опредѣляется платежъ въ пользу потерпѣвшаго. Платежъ этотъ частью опредѣляется обычаемъ, частью предоставляется усмотрѣнію народныхъ кадіевъ (Ibid. стр. 104).

ГЛАВА V.

Отношеніе дагестанскаго адата къ имущественнымъ преступленіямъ и гражданской несправности.

Къ числу наименѣе рѣшенныхъ вопросовъ исторіи права слѣдуетъ отнести вопросъ о томъ, каково было отношеніе древняго права къ воровству. Ранніе памятники законодательства и юридической практики не только не даютъ намъ матеріала для его рѣшенія, но повидимому устраняютъ возможность самой его постановки, такъ какъ указываютъ на то, что съ древнѣйшихъ временъ законодатели разныхъ странъ прибѣгали къ разнымъ мѣрамъ преслѣдованія воровъ, грозя имъ гдѣ—убійствомъ съ конфискаціей и безъ конфискаціи собственности, гдѣ—членовредительствомъ (отсѣченіемъ руки, выколотіемъ глаза), а гдѣ и денежными пенями или тѣлесными наказаніями. Это разнообразіе юридическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ воровства, представится еще болѣе разительнымъ, если на ряду съ законодательствами, призывающими вора къ уголовной отвѣтственности, мы укажемъ на такія, которыя ограничиваются требованіемъ съ него похищеннаго или его стоимости, причемъ одни довольствуются простымъ имущественнымъ эквивалентомъ, а другіе стоятъ за возвращеніе хозяину вору двойной, тройной, четверной и т. д. цѣны украденнаго. Замѣчательно при этомъ то, что обѣ системы членовредительныхъ и тѣлесныхъ наказаній—съ одной стороны и денежныхъ пеней съ другой иногда являются со существующими, иногда слѣдуютъ одна за другой

въ хронологической послѣдовательности или въ такомъ видѣ, что древнѣйшій по времени происхожденія источникъ стоитъ за казнь и увѣчые, а позднѣйшій—за штрафъ и вознагражденіе вреда, или же, наоборотъ, воровство, ведущее на первыхъ порахъ къ уплатѣ одного имущественнаго эквивалента, возводится законодателемъ на одну степень съ убійствомъ и раненіемъ. Чтобы убѣдиться въ точности утверждаемаго, сдѣлаемъ краткій обзоръ тѣхъ постановленій, какія по вопросу о воровствѣ содержатъ въ себѣ древнѣйшіе памятники наиболѣе крупныхъ представителей культурныхъ расъ—семитической, туранской и арійской.

Еврейское законодательство, связанное съ именемъ Моисея, требуетъ возвращенія воромъ двойной, четверной и пятерной стоимости украденаго, смотря по тому, каковъ предметъ кражи и каково отношеніе къ нему самого вора. Если воръ изъ желанія скрыть концы перепродалъ вещь въ чужія руки, его поступокъ признается болѣе тяжкимъ, нежели въ томъ случаѣ, когда онъ удержалъ вещь за собою, быть можетъ собираясь вернуть ее хозяину. Съ другой стороны, кража скота ставилась въ большую вину, нежели кража другихъ предметовъ, а изъ различныхъ породъ скота всего болѣе цѣнился быкъ, какъ еже-часный помощникъ человѣка въ сельскомъ хозяйствѣ. Отсюда то послѣдствіе, что воровство, сопровождающееся продажей краденаго, ведетъ у евреевъ къ возмѣщенію не четверной, какъ обыкновенно, а пятерной стоимости, если предметомъ воровства былъ быкъ; тогда какъ всякая кража, при которой уворованное сохранено воромъ за собою, наказывается возвращеніемъ лишь двойной цѣны похищеннаго. Гражданская отвѣтственность смѣнялась уголовной, если жертвою воровства сдѣлалась личность еврея и виновный спѣшилъ продать похищеннаго имъ въ неволю, а также въ томъ случаѣ, когда слѣдовала кража предметовъ, посвященныхъ Богу, иначе говоря—въ случаѣ святотатства. Смертная казнь, сопровождаемая въ послѣднемъ разѣ истребленіемъ всего имущества—такова была кара, придуманная для такихъ преступниковъ религіознымъ законодателемъ евреевъ ¹⁾.

¹⁾ См. Desjardins, *Traité du vol dans les principales législations de l'antiquité*. Paris 1881, стр. 27—32. Samuel Mayer. *Geschichte der Strafrechte*. Trier 1876, стр. 575.

Въ противоположность Моисею, Магометъ однообразно преслѣдуетъ членовредительными наказаніями всякое воровство, каковы бы не были цѣнность украденнаго и условія производства самой кражи. Отсѣченіе правой руки грозитъ обыкновенному вору. Въ случаѣ же рецидива, виновный терять въ первый разъ лѣвую ногу, во второй—лѣвую руку, напоследокъ—и правую ногу. Хозяинъ вещи довольствуется полученіемъ обратно ея самой или ея цѣны ¹⁾).

Членовредительствомъ грозитъ также вору древнѣйшее китайское право. Воръ по китайски передается словомъ «*tao*», говоритъ Альфонзо Андреотти въ своемъ трактатѣ объ уголовномъ правѣ древнихъ китайцевъ, но «*tao*» значить также бѣжать. Выводъ, сдѣланный отсюда былъ тотъ, что у воровъ слѣдуетъ отсѣкать ноги ²⁾), одну или обѣ, смотря по той обстановкѣ, въ которой совершено воровство и соотвѣтственно этому—большей или меньшей важности. Только со временъ Императора Гао-вен-ти-те, со II-го вѣка до Р. Х., членовредительство замѣнено было по отношенію къ ворами тѣлесными наказаніями.

Смертная казнь, а со временъ Актизано отрѣзываніе носа, таковы кары, налагаемыя на воровъ египетскимъ законодателемъ, если не съ древнѣйшихъ временъ, о которыхъ не дошло до насъ извѣстій по этому вопросу, то по крайней мѣрѣ—съ тѣхъ, когда искорененіе воровства поставлено было законодателемъ въ число ближайшихъ его задачъ, т. е. если вѣрить Геродоту—со временъ фараона Амазиса ³⁾).

Переходя къ аріискимъ законодательствамъ, мы въ древнѣйшемъ изъ нихъ,—въ индусскомъ встрѣчаемъ ту же систему уголовного преслѣдованія воровъ, какая составляетъ общую черту всѣхъ доселѣ разсмотрѣнныхъ нами правовыхъ системъ, за исключеніемъ еврейской.

«Съ распущенными волосами, съ дубиной на плечѣ, да предстанетъ передъ раджою виновный въ кражѣ, и да покается въ еодѣянномъ, учить Анастамба. Раджа или убиваетъ вора соб-

¹⁾ Tornauw. Moslemisches Recht. стр. 236.

²⁾ Le leggi penali degli antichi chinesi dall avvocato Alfonso Androzzzi. Firenze 1878, стр. 11.

³⁾ Thomssen.

ственноручно принесенной ему дубиной, или прощает ему его вину, принимая ее тѣмъ самымъ на себя ¹⁾). Это предписаніе, выраженное въ Апастамбѣ въ формѣ общаго правила, въ другихъ сводахъ, и въ томъ числѣ въ Ману, Гаутама, Бодаяни и Васиштѣ примѣняется только къ случаю похищенія кѣмъ либо золота у брамина ²⁾, при этомъ разрѣшается радше возложить исполненіе смертной казни на самого виновника, который или умерщвляетъ себя даннымъ ему въ руки оружіемъ, или сожигаетъ себя медленнымъ огнемъ, питаемымъ мокрымъ пометомъ коровы ³⁾. Смертная казнь, согласно Ману, грозитъ также лицамъ, уведшимъ кого либо и въ частности—женщинъ въ неволю, похитителямъ царскихъ слоновъ, лошадей и колесницъ, всѣмъ виновнымъ въ кражѣ предметовъ большой цѣнности, какъ напримѣръ—бриллантовъ; ночному вору, если воровство сопровождается производствомъ бреши въ стѣнѣ и, наконецъ, каждому, кто найденъ съ поличнымъ, т. е., поясняетъ Ману, съ краденнымъ предметомъ въ рукахъ или орудіями воровства ⁴⁾. На ряду съ смертной казнью, сводъ Ману знаетъ еще отсѣченіе цѣлой руки или ноги, или только нѣсколькихъ пальцевъ и вообще того органа, «которымъ принесенъ вредъ», каждый разъ, когда воровство, не входя въ категорію вышеперечисленныхъ случаевъ, въ тоже время носить серьезный характеръ по цѣнности украденнаго, по характеру лицъ, у которыхъ сдѣлана кража ⁵⁾ (браминовъ), и предметовъ, на которые она направлена (рабочій скоть, карманная деньги). Тѣлесныя наказанія, разъ навсегда опредѣленные и неизмѣненныя въ размѣрѣ денежные пени, также фигурируютъ въ числѣ тѣхъ каръ, съ помощью которыхъ индусскій законодатель ведетъ борьбу съ воровствомъ; первыя полагаются въ случаѣ похищенія извѣстнаго количества хлѣбнаго зерна сверхъ положеннаго закономъ минимума, золота,

¹⁾ Apastamba I, 9,25 § 4. (Sacred books of the East, т. II).

²⁾ Ману, кн. IX, ст. 236—239, Baudhayana, II, I, I, § 17. Gautama, XII, 43.

³⁾ Vasishtha, XX, 41 и 42. Sacred books of the East, v. XIV.

⁴⁾ Ману, кн. IX, ст. 270, 275, 276.

⁵⁾ Ibid. кн. VIII, ст. 322, 325 и 334; кн. IX, ст. 277.

серебра и драгоценныхъ одеждъ ¹⁾, вторыя—при кражѣ цѣвъ, кустарниковъ, незрѣлаго зерна и т. п. ²⁾). Эти неизмѣнныя по своей величинѣ пени составляютъ переходъ къ чисто гражданскимъ взысканіямъ, состоящимъ въ требованіи съ вора нѣсколько разъ повторенной цѣны украденнаго, отъ 2-хъ до 11 разъ смотря по характеру похищеннаго ³⁾). Наконецъ, по отношенію къ мелкимъ кражамъ, предметъ которыхъ специально не обозначенъ въ сводахъ, законодатель не опредѣляетъ никакого взысканія, довольствуясь возвращеніемъ собственникамъ незаконно присвоеннаго у нихъ имущества или цѣны его. «Кто крадетъ вещь, не стоящую въ числѣ вышепоименованныхъ, такъ заканчиваетъ Вишну списокъ предметовъ, подлежащихъ кражѣ, тотъ возвращаетъ стоимость ея собственнику» ⁴⁾).

Несравненно менѣе разнообразія представляютъ тѣ карательныя мѣры, какія направляетъ противъ воровъ древнѣйшій памятникъ персидскаго права—Вендидадъ. Палочные удары, играющіе такую выдающуюся роль въ его борьбѣ съ преступностью вообще, также являются единственнымъ наказаніемъ для лицъ, дозволившихъ себѣ присвоеніе чужаго имущества, будетъ ли то въ формѣ нарушенія разъ состоявшагося соглашенія, или въ формѣ кражи. Законодатель искусственно сближаетъ эти два отличныя одинъ отъ другою вида ответственности, прямо обзывая терминомъ кражи невыполненіе сторонами принятаго обязательства

Это обстоятельство даетъ намъ право распространить на воровство тѣ постановленія, какія Вендидадъ содержитъ въ себѣ по вопросу о невыполненіи договора и сказать, что отъ большей или меньшей важности произведеннаго присвоенія зависѣло число палочныхъ ударовъ, постигавшихъ виновнаго, максимумъ составляли 1200 ударовъ, минимумъ—300 ⁵⁾).

1) Ibid. статья 320 и 332, кн. VIII.

2) Ibid. статья 333. Яджнавалькія кн. II, ст. 256.

3) Vishnu, V, 79, 82. (Sacred books, v. VII. Colebrooke Digest of Hindu law. Calcutta. в 1798, liv. II, ch. II, XLVII.

4) Vishnu V, ст. 88.

5) Кто не возвращаетъ взятой имъ вещи, по требованію ея собственника, тотъ тѣмъ самымъ крадетъ ее. Vendidad. Targad IV, l. Sacred books of the East, v. IV.

6) Vendidad, Targad IV, II d.

Переходя къ Греціи и въ частности къ Аѳинамъ, мы встрѣчаемся прежде всего съ свирѣпымъ предписаніемъ Дракона, устанавливающимъ смертную казнь, какъ общую мѣру наказанія, по отношенію ко всѣмъ лицамъ, виновнымъ въ похищеніи чужаго имущества. За нимъ во времени слѣдуютъ правила Солонова закона, который сохраняя смертную казнь для случаевъ святотатства и похищеній произведенныхъ изъ мѣстъ публичныхъ собраній, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ признаетъ возможнымъ ограничиться взысканіемъ съ преступника двойной или десятерной цѣны украденнаго; первое имѣетъ мѣсто въ случаѣ сохраненія воровъ похищеннаго, второе—въ случаѣ совершившейся уже перепродажи 1).

Въ законахъ XII таблицъ смертная казнь грозитъ одному ночному вору; воръ, застигнутый днемъ, но съ поличнымъ—*fur manifestus*—подлежитъ тѣлесному наказанію и выдачу головой собственнику вещи. Для всѣхъ остальныхъ воровъ законодатель знаетъ только одинъ способъ взысканія—платежъ въ пользу потерпѣвшаго двойной цѣны похищеннаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже тройной и четверной. Преторское право сдѣлало изъ этой послѣдней системы общее правило, распространивъ его и на случаи задержанія вора съ поличнымъ не только днемъ но и ночью 2).

Въ германскихъ народныхъ правдахъ обѣ системы уголовныхъ каръ и денежныхъ пеней—въ полномъ дѣйстви; при этомъ въ однихъ господствуетъ одна, въ другихъ—другая. Законы континентальныхъ и островныхъ саксовъ несомнѣнно принадлежащія къ древнѣйшимъ и уступающія въ архаичности одному развѣ Салическому, стоятъ за примѣненіе смертной казни какъ общей мѣры наказанія по отношенію къ воровству, но и между ними можно встрѣтить такіе, которые довольствуются денежнымъ платежемъ, представляющимъ собою не простую, а нѣсколько разъ повторенную цѣнность украденнаго: у континентальныхъ саксовъ однообразн о 9 разъ, у островныхъ—обыкновенно отъ 3-хъ

1) *Traité du vol dans les principales législations de l'antiquité* par Albert Desjardins, 1881 г., стр. 42 и слѣд. Samuel Mayer, стр. 578.

2) Desjardins, стр. 113 и слѣд. Mayer, стр. 583—586.

до 12 ¹⁾. Въ законахъ фризовъ и бургундовъ, смертная казнь встрѣчается въ примѣненіи къ лишь наиболѣе тяжкому въ ихъ глазахъ виду воровства—кражѣ лошади, быка или коровы ²⁾, для остальныхъ общимъ правиломъ является платежъ двойной или тройной цѣны украденнаго. Въ законахъ вестготовъ—возвращеніе простой, двойной, четверной, шестерной и даже девятерной цѣнности не устраняетъ вполне примѣненія къ преступнику если не смертной казни, то тѣлесныхъ наказаній. «Воровство, совершенное свободнымъ, читаемъ мы въ законахъ Хиндасвинда и Рецесвинда, требуетъ уплаты воровъ собственнику суммы въ девять разъ большей противъ цѣны украденнаго. Сверхъ того воръ получаетъ 100 ударовъ» ³⁾.

Законы лонгобардовъ, также стоящіе за систему гражданской ответственности вора и требующіе отъ него платежа, въ 8 и 9 разъ превышающаго цѣну краденнаго, въ то же время въ качествѣ дополнительнаго наказанія предписываютъ и смертную казнь, отъ которой впрочемъ, преступнику дозволено откупиться. Впрочемъ эта кара примѣняется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣнность похищеннаго выше установленнаго закономъ размѣра ⁴⁾.

Тоже должно быть сказано и о законахъ баварцевъ, которые подвергали смерти всякаго вора, виновнаго въ похищеніи вещи цѣною въ 10 солидовъ и выше; съ остальныхъ же взыскивали, смотря по характеру украденнаго и мѣста производства кражи, или простую цѣну предмета, или сумму, превышающую ее въ 2, 9 и даже 27 разъ ⁵⁾.

Исчисленными источниками заканчивается кругъ тѣхъ, для которыхъ воровство является настолько тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ, что для борьбы съ нимъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторыми видами его они не отступаютъ даже предъ мыслью о высшей мѣрѣ наказанія—смертной казни. Правды Салическая

¹⁾ См. Davoud—Oghlon. Histoire de la législation des anciens germains Berlin 1845, т. II, стр. 258, 373 и 398.

²⁾ Ibid. т. III, стр. 233 и 414.

³⁾ Davoud—Oghlon. Histoire de la législation des anciens germains; т. I, стр. 59.

⁴⁾ Ibid. т. II, стр. 75 и слѣд.

⁵⁾ Ibid. т. I, стр. 243—256.

и Ринуарская, какъ и законодательство древнихъ туринговъ ограничиваются наложеніемъ на вора или опредѣленныхъ денежныхъ пеней, размѣръ которыхъ зависитъ отъ характера уворованнаго и той ошатовки, въ которой совершена кража, или простой цѣнности украденнаго, обыкновенно—нѣсколько разъ повторенной. Весьма часто также оба вида взысканій налагаются на вора одновременно, такъ что платежъ производится имъ съ одной стороны въ пользу казны, а съ другой въ пользу потерпѣвшаго. При этомъ послѣдній получаетъ еще добавочный платежъ на покрытіе издержекъ по розысканію вора; платежъ этотъ въ источникахъ обозначается терминомъ «delatura». Въ законодательствѣ туринговъ вознагражденіе, получаемое потерпѣвшими, равняется обыкновенно тройной цѣнѣ похищеннаго; саллическіе же и рипуарскіе франки, какъ общее правило, довольствовались обложеніемъ вора въ пользу потерпѣвшаго простымъ денежнымъ эквивалентомъ, взыскивая съ него въ то же время опредѣленный штрафъ въ казну и отдѣльный платежъ въ пользу развѣдчика ¹⁾).

Въ скандинавскихъ законодательствахъ насъ поражаетъ то же разнообразіе въ рѣшеніи вопроса о воровствѣ, какое было констатировано при обзорѣ германскихъ правдъ. Тогда какъ въ древнѣйшемъ текстѣ Вестготалагъ, самаго ранняго изъ памятниковъ шведскаго права, общею мѣрою наказанія за присвоеніе чужаго имущества признается платежъ потерпѣвшему, сверхъ цѣнности похищеннаго, еще 9 марокъ серебромъ и столько же развѣдчику и королю, въ датскомъ правѣ воръ подлежитъ смертной казни, если застигнутъ съ поличнымъ и цѣнность украденнаго превышаетъ полъ марки; имущество его отбирается въ казну, но не раньше какъ послѣ возвращенія потерпѣвшему когда простой, а когда и двойной цѣны похищеннаго! Только въ случаяхъ мелкихъ кражъ законодатель довольствуется чле-

1) Davoud—Oghlon, т. I, стр. 503 и слѣд., 614 и слѣд., т. II, стр. 199. Только въ одной статьѣ саллической правды говорится о взысканіи въ пользу потерпѣвшаго суммы въ шесть разъ превышающей стоимость похищеннаго; и разумно тотъ, когда кража совершена совмѣстно свободнымъ и рабомъ; первый вноситъ четверную, второй—двойную цѣну украденнаго (текстъ Вольфенбютельской рукописи, 39,3).

новредительными наказаніями и наложеніемъ влеймъ, каждый разъ сопровождаемыхъ денежнымъ штрафомъ и платежемъ собственнику цѣны украденнаго ¹⁾).

Не болѣе единства и однообразія представляютъ въ своихъ постановленіяхъ о воровствѣ и памятники древнекельтическаго права. Возьмемъ, съ одной стороны, законодательство брегановъ, этихъ вѣщателей обычнаго права ирландцевъ, а съ другой валлійскіе законы о воровствѣ. Какая бездна отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга! Первое ни словомъ не упоминаетъ ни о смертной казни, ни о членовредительныхъ или тѣлесныхъ наказаніяхъ въ примѣненіи къ лицу, виновному въ кражѣ. «Все, присвоенное кѣмъ либо или тайно путемъ воровства, или открыто явнымъ актомъ насильственнаго захвата, постановляетъ ирландскій Сенхусъ Моръ, должно быть возвращено собственнику съ прибавкой и вдвойнѣ ²⁾». Будетъ ли предметомъ присвоенія мертвый капиталъ или живой скотъ,—краденное слѣдуетъ вернуть съ приростомъ, процентомъ и прибавкою».

Наоборотъ, валлійскіе законы прямо возводятъ казнь вора на степень общаго правила, отъ котораго дозволяется отступитъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сумма украденнаго меньше четырехъ динаріевъ или пенсовъ и въ рукахъ вора не найдено ни уведеннаго имъ скота, ни стянутой съ послѣдняго кожи ³⁾).

Заканчивая этотъ длинный перечень постановленій древнѣйшихъ законодательствъ о воровствѣ данными славянскаго права, мы ограничимся сопоставленіемъ статей сербскаго законника съ нормами Русской Правды. «Въ которомъ селѣ найдется воръ или

---

¹⁾ *Loi de Vestrogothie, Codex Antiquior, traduction faite par Beauchet. Nouv. Rev. Hist. de droit français 1887, № 3, стр. 373. Andreae Sunonis Lex Scaniae provincialis (1206—1215 г.): pro minore autem quam pro dimidia marca nummorum furto ad amissionem vite non debet aliquis condemnari sed aut detractionem membrorum, aut impressi faciei stigmatis ad notationem in signum et memoriam deprehensionis aut servitatem in regis curia tollerandam, aut per verbera castigationem condemnationis sententia comprehendet (см. Nordiske Oldskrifter v. XVIII. Skanske Lov, ed. P. G. Thorsén, стр. 167. Сравни также R. Dareste Les anciennes lois du Danemark въ Journal des Savants, Février 1861.*

²⁾ *Ancient law of Ireland, т. II. Senchus Mor, стр. 377.*

³⁾ *The Dimetian Code, глава VIII, ст. 93.*

разбойникъ, читаемъ мы въ первомъ, то село да будетъ разграблено, а разбойникъ да будетъ повѣшенъ головою внизъ, а воръ да будетъ ослѣпленъ¹⁾).

Въ нашемъ же древнѣйшемъ сводѣ объ убійствѣ и даже членовредительствѣ въ примѣненіи къ вору нѣтъ и помину. Все чего онъ требуетъ, это уплаты потерпѣвшему гражданскаго вознагражденія, такъ называемой «татьбы», а князю—денежной пени—«продажи», которая только въ случаяхъ конокрадства замѣняется выдачей виновнаго головою или такъ называемымъ «потокомъ»²⁾). Только въ позднѣйшихъ по времени памятникахъ и прежде всего—въ договорѣ Новгорода съ готландцами и нѣмцами 1270 г. и Псковской судной грамотѣ упоминается о розгахъ, клейменіи и даже казни вора. Послѣднее извѣстно было, впрочемъ, лишь въ Псковѣ и при томъ только тогда, если воръ попадался въ третій разъ³⁾).

Сравнительное изученіе древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, такимъ образомъ, не даетъ намъ рѣшающаго отвѣта на вопросъ, каково отношеніе родовыхъ союзовъ къ преступленію воровства. Этотъ вопросъ не можетъ быть выясненъ иначе, какъ подъ условіемъ непосредственнаго наблюденія тѣхъ порядковъ, какихъ придерживаются въ дѣлѣ преслѣдованія кражъ уцѣлѣвшія до нашихъ дней родовыя сообщества. Законодательные памятники, какъ возникшіе въ большинствѣ случаевъ въ эпоху установленія государственной власти, не раскрываютъ предъ нами полной картины родоваго обществѣ.

Отдѣльныя черты его, правда, воспроизводятся ими, но это не болѣе, какъ пережитки отошедшихъ въ область прошедшаго порядковъ. Пережитки эти не рѣдко стоятъ въ прямомъ противорѣчьи съ общимъ строемъ юридической жизни. Они драгоценны какъ обломки развалившагося уже зданія. По нимъ можно, по жалуй, возстановить нѣкоторыя частности его. Но общую картину трудно получить безъ параллельнаго изученія болѣе со-

1) Законникъ Стефана Душана, пер. Зигеля, ст. 146. См. также ст. 115

2) См. Троицкій списокъ, ст. 30, 32, 33, 37, 38, 39, 73, 75, 76, 77, 78 Сравни Богдановскаго. Развѣтїе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра, стр. 36 и слѣд.

3) Ibid. стр. 47 и 51.

хранившихся однохарактерных конструкций. Такъ и въ данномъ вопросѣ: не безынтересно, конечно, то обстоятельство, что и въ періодъ возникновенія государственной власти, при обособленіи церкви отъ гражданскаго сообщества и образованіи привилегированныхъ сословій, римское, ирландское и древне-русское право знаютъ еще тѣ порядки, при которыхъ послѣдствіемъ воровства является простое возмѣщеніе хозяину украденнаго или его цѣнности. Но все значеніе этого факта для древнѣйшей исторіи воровства становится понятнымъ лишь съ того момента, когда наблюденія, производимыя надъ обществами, стоящими на родовой степени общезитія, поставятъ насъ лицомъ къ лицу съ однохарактернымъ во всемъ отношеніемъ къ воровству.

Въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ» я имѣлъ случай представить въ лицѣ осетинъ примѣръ общества, въ которомъ воръ не подлежитъ другой отвѣтственности, кромѣ гражданской. Изученіе обычнаго права туземныхъ племенъ Индіи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что и у нихъ воръ присуждается былъ исключительно къ возвращенію присвоеннаго имъ имущества ¹⁾. Какъ мы сейчасъ увидимъ, этотъ порядокъ до послѣдняго времени являлся господствующимъ и на протяженіи всего Дагестана. Въ рукописныхъ сборникахъ народныхъ адатовъ Андійскаго, Аварскаго, Казн-Кумухскаго и Гунибскаго округовъ всѣ права хозяина похищенной вещи сводятся къ полученію ея обратно и если не ея самой, то однородной. Въ важнѣйшихъ случаяхъ, взысканіе возрастаетъ въ нѣсколько разъ, но такимъ образомъ что въ основаніи его все же лежитъ цѣнность украденнаго. Приведемъ примѣры. Въ верхнемъ Батгухѣ, Аварскаго округа, виновный въ воровствѣ платитъ только цѣнность украденной вещи, то же и въ Хунзагѣ. Въ Магокѣ съ виновнаго взымается двойная цѣнность украденнаго, то же и въ Голотлѣ. Самые тяжкіе случаи воровства отличаются своимъ послѣдствіемъ только тѣмъ отъ обыкновеннаго, что при нихъ цѣнность украденнаго взыскивается лишнее число разъ, такъ въ Хун-

1) См. Tupper, Punjab Customary Law и сдѣланный Колеромъ отчетъ объ этомъ сочиненіи въ Zeitschr. für Vergl. Rechtswissenschaft за 1877 и 1878 г.

загѣ, если воровство будетъ сдѣлано у хана или у его родственника, стоимость украденнаго взыскивается съ вора девять разъ.

Такой же точно платежъ и въ случаѣ обыкновеннаго воровства, если оно сдѣлано изъ закрытаго помѣщенія, напр., изъ сундука. Въ Тлондодѣ обыкновенный платежъ двойная цѣнность украденнаго; высшій шестерная ¹⁾).

Въ Кази-Кумухскомъ округѣ ²⁾ послѣдствіемъ воровства является возвращеніе похищеннаго или его стоимости. Возмѣщеніе двойной цѣнности требуется только въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ Андійскомъ воръ, какъ общее правило, платитъ два раза цѣну украденнаго. Платежъ этотъ возрастаетъ вдвое и даже втрое, въ случаѣ кражъ, произведенныхъ изъ мечети. Въ селеніи Ботлихъ того же округа «при кражѣ изъ дому взыскивается двойная стоимость украденнаго, при кражѣ съ поля простая» ³⁾).

Въ Гунибскомъ округѣ въ селеніяхъ, занятыхъ капуцинцами, довольствуются возвращеніемъ воровъ похищеннаго. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, какъ, напр., въ Джурмутскомъ или Тленадинскомъ требуютъ двойной цѣнности украденнаго.

Въ Ташскихъ обществахъ за воровство взыскивается обыкновенно впятеро противъ цѣны похищеннаго, а при воровствѣ изъ мечети платежъ превышаетъ въ двадцать пять разъ стоимость украденнаго.

Замѣчательно, что въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ, какъ, напр., въ Тишскихъ, при воровствѣ взыскивается нѣсколько разъ повторенная стоимость украденнаго, сохранилось въ памяти, что въ старые годы платежъ не превышалъ собою простой стоимости похищеннаго ⁴⁾).

Въ Гунибскомъ округѣ возвращеніе воровъ вещи или того, что она стоитъ, доселѣ можетъ быть признано общимъ прави-

¹⁾ Рук. Сб. ад. Аварскаго народа.

²⁾ Рук. Сб. адат. Кази-Кумухск. окр., 1865 г.

³⁾ Рук. Сб. ад. Анд. окр. 1865 г.

⁴⁾ Рук. Сб. адатовъ Гунибск. окр., сдѣланный кн. Андрониковымъ въ 1884 г.

домъ по отношенію ко всѣмъ случаямъ, въ которыхъ воровство сопровождается собственнымъ сознаниемъ обвиняемаго; двойная и тройная стоимость взыскиваются лишь тогда, когда воръ уличенъ будетъ находженіемъ у него украденной вещи. При воровствѣ изъ дому обыкновенно не довольствуются взысканіемъ простой стоимости, но это лишь потому, что въ такомъ воровствѣ народъ видитъ одновременно совершеніе двухъ преступленій: воровства и недозволеннаго входа въ чужое жилище и вообще въ предѣлы чужаго владѣнія. Этотъ входъ служить основаніемъ къ требованію добавочнаго платежа, величина котораго ставится въ зависимость отъ цѣнности украденнаго, нерѣдко даже прямо измѣряется этой цѣнностью.

Въ южно-Дагестанскихъ обществахъ адаты по воровствамъ ничѣмъ существенно не отличаются отъ тѣхъ, которые мы встрѣчаемъ въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Въ Кюринскомъ округѣ, какъ общее правило, при всякомъ воровствѣ взыскиваютъ въ два раза болѣе противъ украденнаго. Платежъ, въ семь или двѣнадцать разъ превышающій цѣнность украденнаго, присуждается только въ случаяхъ воровства изъ стада или мельницы. Платежъ, равный стоимости украденнаго и издержкамъ на раскрытіе вора, является общимъ правиломъ во всѣхъ случаяхъ присвоенія себѣ чужаго на протяженіи всей Сѣверной Табасарани. Мы находимъ его также въ вернемъ Кайтагъ и въ Каракайтагъ.

Въ селеніи Башлы проводится строгое различіе между воровствомъ, сдѣланнымъ у жителей другаго селенія, и случаями присвоенія себѣ чужой собственности у односельчанина. «Кто уличенъ въ воровствѣ у односельцевъ, тотъ удовлетворяетъ обиженнаго втрое противъ его потери и, кромѣ того, платитъ еще штрафъ (два быка) въ пользу общества. Домъ вора предается огню — каждый разъ. Если же кто уличенъ въ воровствѣ у жителей чужаго селенія, то съ него взыскивается только стоимость пропавшаго и издержки на раскрытіе вора».

Въ Даргинскомъ округѣ общій адатъ постановляетъ возвращеніе воровъ украденнаго или его стоимости. Платежъ, превышающій въ два раза стоимость украденнаго, требуется лишь въ случаяхъ воровства изъ мечети, мельницы, съ пашни и гумна.

Адать имѣть въ частности въ виду кражу хлѣба въ колосьяхъ, и по отношенію къ нему выставляетъ требованіе двойнаго платежа.

Въ Акушинскомъ обществѣ правило о простомъ возвращеніи воровъ цѣнности украденнаго терпѣть лишь то ограниченіе, что во всѣхъ случаяхъ, когда воровство сдѣлано со двора, съ вора въ пользу хозяина вещи взыскивается добавочный платежъ трехъ барановъ, «за приходъ его во дворъ потерпѣвшаго».

Въ Микагинскомъ обществѣ, по исключенію, съ вора взыскивается двойная стоимость украденнаго.

Въ Мугинскомъ заслуживаетъ вниманія слѣдующій обычай: если уварованное найдено, то возвращается; если не найдено, то въ пользу истца взыскивается вещь, подобная украденной, причемъ выборъ предоставляется самому истцу.

Сверхъ того, въ обоихъ случаяхъ истецъ получаетъ отъ обвиняемаго, если воровство сдѣлано на сумму въ тридцать рублей или болѣе, еще одну вещь, однохарактерную съ той, какая украдена; если же воровство сдѣлано на сумму менѣе тридцати рублей, то съ него взыскивается въ девять разъ противъ украденнаго.

Въ Сиргинскомъ обществѣ обыкновеннымъ правиломъ является возвращеніе хозяину украденнаго; такъ, напримѣръ, деньги взыскиваются всегда въ томъ же количествѣ, въ какомъ были похищены; но при кражѣ скота платится вдесятеро противъ цѣны похищеннаго.

Тотъ же адать мы встрѣчаемъ и въ Ураглинскомъ обществѣ. Въ Умшинскомъ и Цудахарскомъ — всякій разъ, когда виновный уличается находженіемъ у него уварованнаго, дѣлаемый имъ имъ платежъ въ десять разъ превышаетъ стоимость украденнаго. Этотъ десятерной платежъ, встрѣчаемый нами и въ нѣкоторыхъ южно-Дагестанскихъ обществахъ, заслуживаетъ особаго вниманія потому, что упоминается и въ постановленіяхъ Кайтагскаго уцмія Рустема, составленныхъ приблизительно за триста лѣтъ да нашего времени. Очевидно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ стародавнимъ и широко распространеннымъ обычаемъ, слѣды котораго удержались доселѣ въ далеко стоящихъ другъ отъ друга общинахъ.

Если мы попытаемся теперь дать себѣ общій отчетъ въ характерѣ тѣхъ правилъ, какимы слѣдуютъ обычай родовыхъ сообществъ Дагестана при оцѣнкѣ отдѣльныхъ случаевъ присвоенія чужаго имущества, на основаніи вышесказаннаго мы прійдемъ къ слѣдующему заключенію.

Обычнымъ послѣдствіемъ воровства является возвращеніе похищенной вещи, а при потерѣ ея — платежъ, равный цѣнности украденнаго.

Этотъ исходъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ случаяхъ, когда розысканіе вещи не требуетъ отъ ея хозяина никакихъ затратъ, а это бываетъ каждый разъ, когда послѣдуетъ личное сознаніе со стороны вора.

Нѣтъ этого сознанія, и потерпѣвшій непременно входитъ въ издержки по опознанію украденнаго.

Для покрытія этихъ издержекъ обычай допускаетъ его къ производству добавочнаго взысканія, размѣръ котораго обыкновенно приравнивается къ стоимости похищеннаго. Такимъ образомъ возникаетъ правило, что во всѣхъ случаяхъ, когда отсутствуетъ личное сознаніе вора, онъ обязывается къ возмѣщенію не простой, а двойной стоимости украденнаго. Случаи, въ которыхъ стоимость украденнаго взымается болѣе чѣмъ два раза, объясняются, во первыхъ сопутствіемъ воровства добавочнымъ проступкомъ: насильственнымъ вторженіемъ въ то, что составляетъ предметъ чужой собственности: жилище, мельницу, пашни; во вторыхъ, оскорбленіемъ религіознаго чувства всѣми тѣми видами кражи, которыя принимаютъ характеръ святотатства и въ частности похищеніями изъ мечети. Наконецъ, въ третьихъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что всякое воровство, сдѣланное въ родственной средѣ, грозитъ ниспроверженіемъ того мира, подъ охраной котораго живетъ это объединенное узами крови сообщество. Чтобы избѣжать такого исхода, родственникамъ не остается иного пути, кромѣ насильственнаго удаленія изъ собственной среды нарушившаго миръ собрата. Ближайшимъ средствомъ къ этому является разрушеніе его жилища и конфискація принадлежащей ему собственности. Вотъ почему жители селенія Башлы сожигаютъ домъ вора-односельца. Вотъ почему также взысканія, дѣлаемая въ случаѣ подобныхъ кражъ, не зависятъ исклю-

чительно отъ цѣнности уворованнаго. Чѣмъ ниже эта цѣнность, тѣмъ значительнѣе то число, на которое она помножается при взысканіи.

Такой порядокъ былъ бы невысказимъ, если бы обычай не имѣлъ въ виду поглощенія путемъ взысканія, по возможности, всей собственности вора, т. е. не простой штрафъ, а полную конфискацію его имущества. При значительной цѣнности украденнаго, эта конфискація можетъ быть достигнута взысканіемъ съ вора двойной или тройной стоимости. Но при незначительности кражи, тотъ же результатъ достигается только при требованіи съ вора суммы въ девять, десять и даже двадцать пять разъ превышающей стоимость похищеннаго. По этому не удивительно, если въ упомянутыхъ адатахъ нѣкоторыхъ Даргинскихъ обществъ при кражѣ предметовъ, цѣнность которыхъ не превышаетъ собой тридцати рублей, дѣлаемыя взысканія не пропорціонально высоки сравнительно съ стоимостью украденнаго. Прибавимъ еще, что на святотатство, т. е. на похищеніе вещей, освященныхъ религіей и культомъ, народный обычай смотритъ съ той же точки зрѣнія, что и на кражи, совершенныя въ родственной средѣ, т. е. онъ видитъ въ нихъ не одно присвоеніе чужой вещи, но и нарушеніе мира сообщества. Отсюда то послѣдствіе, что, согласно постановленію Кайтагскаго ушміа Рустема, за кражу, произведенную изъ мечети, полагается не только взысканіе съ виновнаго десяти стоимостей, но и разрушеніе его жилища.—Послѣднее является для рода ближайшимъ средствомъ къ устраненію себя отъ дальнѣйшаго общенія съ виновнымъ.

По понятіямъ дагестанскихъ родовъ воровствомъ считается всякое дѣйствіе, послѣдствіемъ котораго является нанесеніе имущественнаго вреда. Древне-римскій *furtum* всего вѣрнѣе передаетъ намъ то представленіе, какое житель Дагестана связываетъ съ фактомъ похищенія чужой собственности. Основная точка зрѣнія на преступленіе, какъ на дѣйствіе, причиняющее матеріальный ущербъ, причина тому, что дагестанскіе роды не устанавливаютъ различія между кражею и мошенничествомъ.

Въ этомъ отношеніи ихъ обычай сходенъ съ обычаями Осетинъ и всѣхъ вообще горцевъ Кавказа. Напряженность злой воли

преступника, въ разной степени проявляющаяся въ только что перечисленныхъ видахъ преступленій, для нихъ безразлична. Возмездію подлежитъ матеріальный вредъ, а этотъ вредъ одинаковъ при кражѣ, грабежѣ и мошенничествѣ. Правда, послѣдствіемъ грабежа можетъ быть раненіе и убійство, которыхъ обыкновенно не бываетъ при простой кражѣ. Но эти раненія и убійства каждый разъ рассматриваются какъ самостоятельныя преступления и каждое въ отдѣльности даютъ поводъ къ возмездію. Характеръ насилія, отличающій грабежъ отъ кражи такъ же мало принимается въ расчетъ обычаемъ, какъ и характеръ лукавства, неизмѣнно присущій мошенничеству. Обѣ эти черты, наоборотъ, весьма важны для современнаго законодателя и судьи, такъ какъ они измѣряютъ преступность не значительностью причиненнаго вреда, а большимъ или меньшимъ участіемъ умысла въ его совершеціи. Неудивительно поэтому, если общіе адаты даргинскихъ обществъ довольствуются требованіемъ отъ обвиненнаго въ грабежѣ—ограбленныхъ имъ предметовъ; нѣтъ ихъ на лицо—въ замѣнъ ихъ взыскивается ихъ стоимость. Штрафъ въ пользу общества тотъ же, что и при воровствѣ. О мошенничествѣ, какъ объ особомъ видѣ присвоенія себѣ чужой собственности, въ названныхъ адатахъ не упоминается ни словомъ. То же можетъ быть сказано и объ адатахъ южно-дагестанскихъ обществъ, и объ адатахъ сѣвернаго Дагестана: аварскихъ, андійскихъ, кази-кумухскихъ и гунибскихъ. Тождество грабежа и кражи въ глазахъ туземнаго населенія доказывается между прочимъ и тѣмъ фактомъ, что и грабежъ, подобно воровству, даетъ поводъ къ требованію двойной стоимости похищеннаго; это бываетъ тогда, когда мѣстомъ совершенія его является мечеть, частное жилище, гумно и т. д., т. е. каждый разъ, когда грабежъ оскорбляетъ собою религиозное чувство или соединенъ съ фактомъ вторженія въ предѣлы чужаго владѣнія, т. е. въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ, въ какихъ и воровство даетъ поводъ къ уплатѣ *duplum*. Не безынтересную черту дагестанскихъ адатовъ составляетъ и то обстоятельство, что по отношенію къ ожидающей преступника отвѣтственности они не дѣлаютъ никакихъ различій между поджогомъ и воровствомъ. Поджигатель обязывается только къ одному: къ уплатѣ стоимости истреб-

ленного огнемъ имущества, стоимости простой, двойной, десяти-теренной и т. д., смотря по тому, въ какомъ размѣрѣ требуется въ данной мѣстности съ вора стоимость украденнаго. Такъ въ сборникѣ адатовъ аварскихъ обществъ мы читаемъ: кто по злобѣ подожжетъ чужое имѣніе, платить хозяину стоимость сожженнаго и сверхъ того десять рублей штрафа ¹⁾. Но тѣ же буквально требованія обычай предъявляетъ и по отношенію къ ворами. Въ Казии-кумухскомъ округѣ не существуетъ для поджигателя другаго обязательства, кромѣ уплаты стоимости истребленной огнемъ собственности. То же можетъ быть сказано и въ примѣненіи къ нѣкоторымъ андійскимъ обществамъ въ частности къ Чамалальскому. Насколько старинна подобная точка зрѣнія можно судить по тому, что мы находимъ ее выраженной въ постановленіяхъ кайтагскаго уцмія Рустема. Обязывая воровъ къ уплатѣ десятичной стоимости украденнаго, этотъ кодификаторъ народныхъ обычаевъ за триста лѣтъ до нашего времени распространилъ на поджигателей дѣйствіе того же адата, и они, подобно ворами, обязаны были платить десять разъ болѣе противъ того, что истреблено было ими съ помощію огня.

Общіе адаты даргинцевъ повторяютъ по отношенію къ поджогу то же, что ранѣе постановлено ими въ примѣненіи къ воровству. При поджогѣ съ поджигателя требуется двойная стоимость сожженнаго, точь въ точь какъ съ вора двойная стоимость украденнаго. Если не было умысла, обычай довольствуется простымъ возмѣщеніемъ убытка. Штрафъ въ пользу селенія при поджогахъ тотъ же, что и при воровствѣ. При поджогѣ хлѣба на корню или въ стогахъ адаты Урахлинскаго общества помножаютъ цѣнность украденнаго на десять, и въ этомъ размѣрѣ удовлетворяютъ потерпѣвшаго. Изъ южно-дагестанскихъ адатовъ самурскіе одни подводятъ поджогъ мечети, дома, гумна и т. д. подъ одинъ масштабъ съ воровствомъ, сдѣланнымъ въ родственной средѣ. Не довольствуясь простымъ возмѣщеніемъ убытковъ и штрафовъ въ пользу общества, они грозятъ еще поджигателю разореніемъ его жилища. Знакомство съ адатами дагестанскихъ обществъ по вопросу о поджогѣ не только подтверждаетъ въ

---

1) Адаты Каратинскаго общ.

насъ увѣренность, что на родовой стадіи общежитія нѣтъ мѣста для обособленія поджога въ самостоятельную категорію караемыхъ дѣйствій, но и даетъ намъ критерій для сужденія о томъ, каково было отношеніе древнѣйшаго законодателя ко всѣмъ случаямъ истребленія чужой собственности съ помощью огня. Читая въ варварскихъ правдахъ германцевъ о возмѣщеніи собственнику убытковъ, причиненныхъ поджогомъ и о платежѣ сверхъ того пени въ пользу князя («fredus»), намъ не трудно придти къ заключенію, что въ періодъ политической самостоятельности германскихъ родовъ возвращеніемъ хозяину цѣнности истребленнаго у него огнемъ имущества ограничивались всѣ требованія, предъявляемыя обычаямъ къ поджигателю. Платежъ въ пользу князя, очевидно, не могъ появиться ранѣе первыхъ зачатковъ государственности. Намъ не трудно будетъ также придти къ заключенію, что устанавливая чисто гражданскую отвѣтственность для поджигателя, *lex Aquilia* только возстановила въ Римѣ древній обычай, временно отмѣненный законодательствомъ децемвировъ, и что смертная казнь, которой это законодательство грозитъ поджигателю, отнюдь не выражаетъ собою древнѣйшаго и чисто народнаго юридическаго возрѣнія. Гораздо ближе къ нему стоитъ постановленіе 97 ст. карамзинскаго списка Русской Правды. Согласно этой статьѣ, поджигатель дома или гумна не только присуждается къ уплатѣ потерпѣвшему «нагоубы», т. е. убытковъ, но и подвергается потоку и разграбленію, послѣдствіемъ чего является насильственное удаленіе его изъ той среды, въ которой дотолѣ протекала его жизнь. Издавая подобное предписаніе, древній русскій законодатель только давалъ свое признаніе тому народному возрѣнію, по которому поджогъ считается не однимъ истребленіемъ чужой собственности, но и нарушеніемъ внутренняго мира сельско-родовыхъ сообществъ. Примѣръ такого возрѣнія представили намъ упомянутые выше адаты Самурскаго округа: для нихъ какъ и для Русской Правды, поджигатель не простой воръ, а дѣйствующій въ родственной средѣ и подлежащій не только уплатѣ цѣнности похищеннаго, но и насильственному удаленію изъ сообщества.

Приводимый здѣсь взглядъ на воровство, какъ на преступ-

леніе, обнимающее собой въ эпоху родовыхъ союзовъ всѣ дѣйствія, связанныя съ причиненіемъ имущественнаго вреда, находятъ себѣ новое подтвержденіе въ томъ фактѣ, что, согласно дагестанскимъ адатамъ, порча чужаго имущества имѣетъ тѣ же послѣдствія, что и воровство, т. е. ведетъ къ платежу дѣйности испорченнаго и къ штрафу въ пользу общества. Въ этомъ именно смыслѣ высказываются адаты Даргинскаго округа, которые увеличиваютъ штрафъ вдвое во всѣхъ случаяхъ, когда порча сдѣлана въ мечети, на мельницѣ, гумнѣ или пашнѣ. Обвиненный въ порчѣ чужой собственности вознаграждаетъ хозяина по оцѣнкѣ и сверхъ того платитъ въ пользу сельскаго общества или джамата въ штрафъ одного быка. За потраву сверхъ удовлетворенія хозяина также опредѣляется штрафъ въ пользу сельскаго общества; за неумышленную потраву штрафа не берется¹⁾.

Если принять во вниманіе, что обычнымъ послѣдствіемъ воровства является въ Дагестанѣ возвращеніе похищеннаго или его стоимости, то необходимо придетъ къ заключенію, что отношеніе дагестанскаго обычая къ вору ничѣмъ не отличается отъ того, въ какомъ тотъ же обычай стоитъ къ неисправному Должнику. Адаты даргинскихъ обществъ заодно съ адатами сѣверныхъ и южныхъ округовъ Дагестана, не требуютъ отъ неисправнаго должника ничего, кромѣ уплаты занятой имъ суммы—другими словами возмѣщенія кредитору понесенной имъ утраты. Но такое же точно требованіе названные адаты предъявляютъ и по отношенію къ вору или поджигателю, а если такъ, то очевидно, что гражданская неисправность въ Дагестанѣ и разнообразнѣйшіе виды присвоенія себѣ чужой собственности ничѣмъ существенно не отличаются другъ отъ друга. Большинство дагестанскихъ адатовъ говоритъ намъ объ одной лишь личной отвѣтственности одинаково въ случаяхъ воровства и гражданской неисправности. Въ весьма немногихъ обществахъ уцѣлѣли слѣды болѣе стариннаго воззрѣнія, по которому потерпѣвшій въ правѣ былъ ждаты возмѣщенія своихъ убытковъ отъ родственниковъ лица, причинившаго ихъ. Эта круговая отвѣтственность родст-

¹⁾ Въ одномъ только Каракайтэгъ зашедшая въ садъ скотина рѣжется и поступаетъ въ пищу всего общества.

венниковъ, необходимое послѣдствіе родовой или тохумной организаціи Дагестана, доселѣ продолжаетъ держаться въ нѣкоторыхъ южныхъ обществахъ. Я разумѣю Магалы Ганкъ Ганшъ и Мюра, въ которыхъ въ случаѣ неплатежа долга кредиторъ въ правѣ обратитъ свою претензію на родственниковъ должника. Въ Каракайтагѣ круговая отвѣтственность родственниковъ какъ въ случаяхъ гражданской несправности, такъ и преступленій противъ имущества, занесена уже въ сборникъ удмія Рустема въ слѣдующей оригинальной формѣ: «если родственники замѣтятъ кого либо въ дурныхъ поступкахъ, то они въ правѣ убить его; если онъ остается въ живыхъ, они несутъ отвѣтственность за его поступки». Круговая порука родственниковъ во всѣхъ случаяхъ нарушенія чужаго имущественнаго интереса извѣстна обычному праву и другихъ кавказскихъ народностей. Ею объясняется, какъ мы видѣли, возникновеніе въ средѣ хевсуръ такъ называемаго «мзевальства»

Изъ того же самаго источника, я разумѣю круговую отвѣтственность членовъ одного рода, или тохума, возникъ долгое время державшійся въ Дагестанѣ обычай, по которому кредиторъ имѣлъ право обратиться для покрытія своей претензіи къ насильственному захвату имущества не одного только должника, но и любого изъ членовъ одного съ нимъ тохума, или рода. Этотъ насильственный захватъ, извѣстный въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, между прочимъ въ Осетіи, подъ наименованіемъ «барантованія», въ Дагестанѣ обозначается, какъ мы видѣли, терминомъ «ишкиль». Ишкилю можетъ подвергнуться имущество каждаго родственника, который путемъ формальнаго акта не отдѣлился отъ тохума должника. Если кто будетъ противиться силою производству съ имущества подобнаго побора, то послѣдствіемъ его сопротивленія будетъ наложеніе на него штрафа въ пользу общества. Въ этомъ легализированномъ обычаежѣ самоуправствѣ, примѣняемомъ не къ одному главному виновнику, но и къ его родственникамъ, нельзя не признать рѣшительнаго сходства съ началомъ кровной мести, которой, какъ мы видѣли, подлежить не одинъ преступникъ, но и его родня.

Различіе обоихъ состоитъ только въ томъ, что въ формѣ ишкиля или легализированнаго захвата, месть примѣняется исклю-

чительно къ имущественному составу рода, тогда какъ въ формѣ кровнаго возмездія она примѣнима къ его личному составу. Самыя тяжкія преступленія, и во главѣ всѣхъ убійство, вызываютъ одновременно мечь въ обожь видахъ. Убійца подвергается смерти, а домъ и имущество его разоряются до тла. Къ менѣе тяжкимъ обидамъ приложимъ только одинъ изъ двухъ способовъ отищенія: къ личнымъ—кровное, къ имущественнымъ—имущественное.

Нельзя сказать однако, чтобы граница, отдѣляющая оба вида обряда, соблюдаема была обычаемъ съ неизмѣнной строгостью. Тотъ фактъ, что прелюбодѣянiе изъ дѣйствія, вызывающаго отищеніе, постоянно переходитъ въ категорію тѣхъ, въ которыхъ отвѣтственность выражается въ платежѣ опредѣленнаго имущественнаго эквивалента, указываетъ на то, что и въ Дагестанѣ гражданская отвѣтственность со временемъ распространена была на дѣйствія, первоначально вызывавшія одну отвѣтственность уголовную. Уже въ постановленіяхъ кайтагскаго уцмiя Рустема мы находимъ статью, гласящую: «кто будетъ признанъ виновнымъ въ прелюбодѣйной связи, долженъ, подобно вору, уплатить потерпѣвшему тысячу денегъ». Если и въ наши дни согласно общему адату даргинскихъ обществъ, оскорбленный супругъ довольствуется платежемъ со стороны обидчика тридцати рублей, то причину тому слѣдуетъ видѣть въ фактѣ включенія прелюбодѣянiя въ категорію дѣянiй, подлежащихъ не уголовной, а гражданской отвѣтственности.

Начало равнаго возмездія на первыхъ порахъ также мало свойственно имущественному захвату, какъ и кровной мести. Дальнѣйшее развитіе права будетъ состоять въ томъ, чтобы поставить производство этого захвата въ извѣстныя рамки, сдѣлать его пропорціональнымъ размѣру причиненнаго захватчику вреда. Начало равнаго возмездія обратитъ актъ произвола и насилия въ регулируемую обычаемъ процессуальную форму. Съ упадкомъ родовыхъ порядковъ и ослабленіемъ начала круговой отвѣтственности ишиль изъ акта, угрожающаго имущественному составу цѣлаго рода, дѣлается видомъ индивидуальной репрессіи, границы которой не выходятъ за предѣлы личнаго имущества отвѣтчика. Въ этой формѣ онъ удержался и по настоящій день.

Замѣченныя опечатки во II томѣ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читать.</i>
5	29	общины	общимъ
9	23	братствъ	братьевъ
9	40	начуламъ	начулашъ
13	3 снизу	эрмозовъ	эристовъ
14	22	Фрустумхана	Рустумхана
18	6	Исламберомъ	Исламбекомъ
21	5	Морвахъ	Морваръ
21	посл. снизу	достигнуто	достигнутъ
27	17	и Народы	Народы
27	28	правъ	правдъ
28	14	а попь	папи
31	15	оно	она
31	16	возможно	возможна
31	26	а также	такъ и
32	27	взвѣтается	взимается
37 и 38		авышей	вдышей
38	19	цѣпи	цѣпи и
47	5 снизу	правъ	правдъ
47	11 снизу	балканцевъ	балгарцевъ
50	11 снизу	оказывается	сказывается
56	15	чѣмъ то къ которому	чѣмъ то къ которой
59	8	гесса	госса
61	7	судъ	судѣ
62	12	1 го вѣка	1-го вѣка до Р. Х.
62	2 снизу	неупотребительнымъ	неупотребительными
63	12	отличіи	отличіе
67	5	Ни какихъ	Ни о какихъ
68	10 снизу	Циреры	Цереры
69	17	Наквалесави	Наквалесехви

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читать.</i>
72	4	затѣвило	затемнило
73	18	славившихся	славившихся
86	15 снизу	родственникомъ	родственниками
87	6 снизу	домакацій	мамакаци
101	8 снизу	виновниковъ	виновникомъ
107	1 снизу	А-датскія	Ардотскія
108	3 снизу	руцесамъ	худесамъ
114	5	возможность	возможить
114	8	но	но не
115	4	. Дочери	, дочери
116	8	послѣ	позже
117	11	гробованіе	грабованіе
118	18	наказуемость	ненаказуемость
122		мзевамъ	мзевали
124	2 снизу	представлялся	предоставлялся
124	4 снизу	тажбы	стороны
124	7 снизу	продолжались	продолжали
129	23	а о	а въ
129	23	или началъ	ним началъ
132 и 133		ишиколь	шиколь
135	15	съ	а
143	13	персами	Парсами
159	15 снизу	населенія	поселенія
159	10 снизу	Кухумъ	Кумухъ
161	8 ,	тургановъ	тургаковъ
168	5 снизу	dépen:e	dépen:e
168	4 снизу	d'étend	в'этend
175 и 176	7 снизу	веколн	векили
179	14	Мачаръ	Магаръ
179	15	doir	douaire
181	15	кебана	кебина
188	17	сопровождающихъ	и на сопровождающихъ
188	2 снизу	товежа	тотема
189	7	Годитомъ	Гоуитомъ
189	7	Курней	Курнаи
189	21	патріархата	матріархата
192	4	ихъ	изъ нихъ
192	10	Мингадемъ	Мингаджъ
194	3 снизу	генекили	яшякили
200	3	Гантъ и Мзора	Гапшъ и Мюра
204	5 снизу	похоронить	похоронить ихъ
207	21	внукъ и	внуки

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читать.</i>
207	1 снизу	portions déterminées	portions déterminées
208	16	légitimaires	légitimes
215	9	entails	entails
223	11	Мучинскомъ	Мугинскомъ
223	12 снизу	входятъ	выходить
227	1	immanissimam	immanissimam
232	10 снизу	неизбъжнымъ, но и необ- ходимымъ	необходимымъ, но и неизбъжнымъ
234	6	переписки	приписки
236	17	томъ	тесть
237	14	Новевн	Навави
238 и 239		Новевн	Навави
239	19	потерянной	понесенной
242	1 снизу	Гурабъ	Гунябъ
245		Кажмвухскій	Кажамухскій
246	5	Шлейсурахскаго	Тлейсурахскаго
248	5 снизу	осады	засады
250	17	Навави	Невави и
256	12 снизу	неосторожности .	напряженности
257	9 снизу	atga	агга
260	21	ями	ими тоже
261	19	Дагестанскаго	Даргинскаго
263	2 снизу	Годеринскій	Гамбринскій
264	17	примыканія	привъненія
285	16	важности	важности его
291	6	бреганами	брегонами
293	11	степени	ступени
296	11 снизу	Умшинскомъ	Усишинскомъ
300	2 снизу	подтверждаетъ	возмездія.
301	9	обряда	утверждаетъ

